

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

ТОМЪ Ш.

ЭТНОГРАФІЯ МАЛУРУССКАЯ

Александръ Николаевичъ Пыпинъ
А. Н. ПЫПИНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., № 28
1891.

GN
585
R9
P95
v. 3-4

(1838)

Въ изложеніи малорусской этнографіи также сдѣланы значительныя дополненія, такъ что оно является иногда болѣе подробнымъ, чѣмъ другія части моей работы. Это возможно было между прочимъ потому, что объемъ предмета былъ здѣсь гораздо тѣснѣе, а притомъ и мало извѣстнѣе внѣ круга малорусскихъ специалистовъ и любителей. Значительную долю дополненій заняли подробности біографическія. Мы указывали прежде (т. II, стр. 422), какой интересъ подобныя черты могли бы представить для объясненія развитія самой науки,—даже еслибы шла рѣчь не только о руководящихъ, но и второстепенныхъ дѣятеляхъ науки: не лишено исторической важности, именно въ изученіяхъ народныхъ, и особливо мѣстныхъ, опредѣлить, въ какихъ условіяхъ возникало влеченіе къ изслѣдованіямъ народности, какъ взаимно питались и вліяли чувство личное и общественное съ одной стороны, и съ другой—чисто научный интересъ; присоединялся наконецъ и общій вопросъ литературной біографіи. Къ сожалѣнію, мы не могли въ желательной степени указать эту сторону предмета; многое, отчасти и по независѣвшимъ отъ меня обстоятельствамъ, должно было остаться одинокой чертой и намекомъ,—по крайней мѣрѣ мы обращаемъ вниманіе на эту сторону въ развитіи народныхъ изученій. Приведенныя свѣдѣнія доставлены большею частію самими учеными писателями; но въ особенности мы обязаны въ собраніи этихъ свѣдѣній В. П. Горленку и А. А. Русову.

Въ первоначальномъ изложеніи, составлявшемся въ разное время, мнѣ приходилось иногда возвращаться съ новыми данными къ предмету, затронутому раньше по другимъ отношеніямъ; я

счесть возможнымъ оставить это изложеніе въ прежнемъ видѣ, такъ какъ читатель безъ труда можетъ прослѣдить предметъ по подробному оглавленію.

Къ судьбамъ маюрусской этнографіи имѣетъ весьма близкое отношеніе вопросъ о такъ-называемомъ украинофильствѣ. Я предпочелъ не вводить его въ эту книгу: нѣсколько обстоятельное изложеніе его должно было бы завлечь далеко отъ предмета настоящей работы, предназначенной больше для фактовъ собственной этнографіи и, можетъ быть, внѣшнимъ образомъ было бы трудно въ данное время. Мой взглядъ, давно сложившійся и доселѣ не измѣнившійся, былъ не однажды изложенъ, и я ограничусь ссылкой на „Исторію слав. литературъ“, т. I, на относящіяся сюда прежнія статьи въ „В. Евр.“, а для литературы предмета на посвященный ей отдѣлъ въ „Показчикѣ“ г. Комарова (1883).

Настоящая книга вызвала нѣсколько разборовъ, между прочимъ враждебныхъ; избѣгая вносить полемику въ книгу, я въ концѣ моей работы сдѣлаю въ послѣсловіи обзоръ тѣхъ замѣчаній, которыя заслуживаютъ вниманія.

А. Пыпинъ.

Іюнь, 1891.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.

Введеніе. — Значеніе малорусской этнографіи. — Соотношенія двухъ вѣтвей русской народности. — Возникновеніе этнографическихъ изученій параллельно съ новѣйшимъ развитіемъ малорусской литературы. Стр. 1—10.

Глава I.—Н. А. Цертелевъ. — М. А. Максимовичъ. Стр. 11—37.

Первый этнографическій интересъ къ малорусской народности съ конца прошлаго вѣка, 11.

Князь Н. А. Цертелевъ, 12.

М. А. Максимовичъ. Біографическія свѣдѣнія, 15.

Сборники пѣсенъ: 1827 года, 22;—1834 года, 27;—1849 г., 30.

Разнообразные труды по изученію Малороссіи, въ Кіевѣ, 30.

Складъ его мнѣній и условія работы, 33.

Глава II.—Зоріанъ Доленга-Ходаковскій. Стр. 38—87.

Историческое значеніе трудовъ Ходаковского, 38.

Его двойственная біографія и разрѣшеніе этой двойственности, 40.

Легендарные разсказы, 59.

Воспоминанія Ксенофонта Полевого, 63.

Учено-литературные труды Ходаковского, 69.

Вновь отысканный рукописный сборникъ пѣсенъ Ходаковского, 85.

Глава III.—И. И. Срезневскій.—О. М. Бодянский. Стр. 88—113.

Біографическія свѣдѣнія о Срезневскомъ, 89.

«Запорожская Старина», 98.

Сомнительность многихъ ея сообщеній, 100.

Біографическія свѣдѣнія о Бодянскомъ, 104.

Первые учено-литературные труды, 108. «Чтенія» московскаго Общества исторіи и древностей, 112.

Глава IV. — Польскіе и галицко-русскіе этнографическіе сборники тридцатыхъ годовъ. Стр. 114—138.

Періодъ взаимныхъ связей между литературой русской и польской, 114.
Вацлавъ изъ Олеска (Залѣскій), 120.

Жегота Паули, 132. Войццкій; Голембевскій, 133.

Галицко-русская этнографія тридцатыхъ годовъ: Шашкевичъ, Головацкій, Вагилевичъ, 134.

Глава V.—П. А. Лукашевичъ.—А. Л. Метлинскій. Стр. 139—150.

Біографическія свѣдѣнія о Лукашевичѣ, 139.

Его сборникъ малорусскихъ и червонорусскихъ пѣсенъ, 140.

А. Л. Метлинскій, какъ профессоръ и этнографъ-собираетель, 146.

Глава VI.—Н. И. Костомаровъ. Стр. 151—187.

Біографическія свѣдѣнія, 151.

Диссертация объ уніи, 152.

Кирилло-Меоодіевское общество, 153, 156.

Этнографическія работы, 164.

Диссертациіи объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи, 167.

«Славянская мнѳологія», 175.

«Объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи», 179.

Позднѣйшія работы, 182.

Глава VII.—Н. А. Кулишъ.—Журналъ «Основа» и начало украинофильства. Стр. 188—222.

Біографическія свѣдѣнія, 188.

Перевороты въ литературныхъ мнѣніяхъ г. Кулиша, 189.

«Записки о Южной Руси», 192.

Цивилизація и необходимость сближенія съ народами, 201.

Литературно-историческая критика; взглядъ на Гоголя, 202;—на Шевченка, 208, 210.

«Исторія воссоединенія»; «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», 210.

Журналъ «Основа», 214.

Глава VIII.—Галицко-русское возрожденіе и польско-украинская школа. Стр. 223—258.

Историческія отношенія русско- и малорусско-польскія, 223.

Разсказы Головацкаго о началѣ галицко-русскаго возрожденія, 225.

Воспоминанія Н. Устѣановича, 229.

Историческія причины особенной силы польскаго вліянія въ Галиціи, 231.

Литературно-историческія отношенія Галицкой Руси.—Воспоминанія Головацкаго, 236; жизнеописаніе Антонія Добрянскаго, 240.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ.—Источники этихъ интересовъ, 244.

Украинская школа, 247; «польскіе славянофилы», 250.

Тинко Падура, 252.

Глава IX.—Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія.
Стр. 259—300.

Политическое и нравственное состояніе польской эмиграціи, 259.

Польскій украинофилъ въ эмиграціи: Як. Яворскій, 262.

Движеніе шестидесятихъ годовъ: хлопанія, 273.

Польскій украинофилъ въ Галиціи: Павлинъ Свенцицкій (Павло Свій),
282.

Польскія работы по южно-русской этнографіи.—Оскаръ Кольбергъ, 289.

Антоній Новосельскій, 294.

Труды Краковской академіи (Zbiór wiadomości do antropologii krajowej), 297.

Глава X.—Споръ между южанами и сѣверянами. Стр. 301—338.

Мысли Венелина «О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ руссизма», 301.

Продолженіе спора на вопросъ о языкѣ, исторіи и литературѣ, 307.

«Грамматика малороссійскаго нарѣчія» Павловскаго, 310.

Взгляды на малорусскій языкъ Греча, Максимовича, Срезневскаго, Надеждина, 312.

«Мысли объ исторіи русскаго языка», 315. П. А. Лавровскій, 316.

«Записка о древнемъ языкѣ русскомъ», Погодина, 319.

Споръ съ Максимовичемъ, 320.

Исслѣдованія А. А. Потебни, 324.

Эм. Огоновскій, 326.

Сочиненія Колосова, Житецкаго, Соболевскаго, 335.

Глава XI.—Съ шестидесятихъ годовъ. Стр. 339—380.

Оживленіе этнографическихъ изслѣдованій съ 1860-хъ годовъ, 339.

Предшественники: Н. А. Маркевичъ, 339; Н. В. Закревскій, 343.

П. П. Чубинскій. Біографическія свѣдѣнія, 347.

Этнографическо-статистическая экспедиція въ западно-русскій край: юго-западный отдѣлъ, 349.

Кіевскій отдѣлъ Имп. Р. Географическаго Общества, 356.

В. В. Антоновичъ, 364.

М. П. Драгомановъ, 365.

М. Т. Номисъ (Симоновъ), 367.

И. Я. Рудченко, 369.

П. И. Житецкій, 375.

А. И. Лоначевскій; Гр. Купчанко, 376.

И. П. Новицкій, 378.

Глава XII.—Новѣйшіе труды по южно-русской старинѣ и народности. Стр. 381—419.

Связь историческихъ изысканій и народолюбивыхъ стремленій съ этнографіей, 381.

Временная Коммиссія для разбора древнихъ актовъ. Н. Д. Иваншевъ, 386.

Работы ученыхъ учреждений и обществъ. Описанія архивовъ, изданія актовъ, русскія и галицко-польскія, 388.

«Кіевская Старина», съ 1882 года. Ө. Г. Лебединцевъ, 389.

Труды по археологіи и старой исторіи Южной Руси, 392.

Исторія земель и княженій, городовъ, колонизація: труды гг. Антоновича, Дашкевича, Молчановскаго, Голубовскаго, Лопгинова, Багалѣя и др., 393.

Средній періодъ южно-русской исторіи: труды гг. Антоновича, Новицкаго, Левицкаго, Вуцинскаго и др., 395.

Исторія Запорожья и козачества: труды гг. Скальковскаго, Эваринскаго, Рыльскаго, Я. Шульгина, Ө. Кондратовича и Лупулеску; исторіи новѣйшаго козачества: Попко, Короленко и др., 396.

Исторія быта, нравовъ: сочиненія гг. Антоновича, Ө. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго (исторія малороссійскихъ фамилій), 398.

Изданія старыхъ и новѣйшихъ жемуровъ: Освѣнцинь, Балыка, Квашевскій, Селецкій, Чалый и др., 399.

Изслѣдованія экономическаго быта и общины, исторія крестьянства, обычное право: труды А. М. Лазаревскаго, Козловскаго, И. Новицкаго, Котелянскаго, Е. Филимонова, Ө. А. Щербины, А. А. Русова, П. П. Червинскаго, И. В. Лучицкаго, А. Ө. Кистяковского и друг. 400.

Изученія старой письменности; труды по новѣйшей малорусской литературѣ: П. Н. Петрова, Н. П. Дашкевича, 405.

Изслѣдованія собственно этнографическія: П. С. и А. Е. Ефименко, Н. Ө. Сумцовъ, В. П. Науменко, П. Кузьмичевскій, В. П. Горленко, Ц. Г. Нейманъ, Х. Ящуржинскій, Н. А. Янчукъ, М. Комаровъ, Өаддей Рыльскій и друг., 406. Изслѣдованія по языку, 411.

Русь Галицкая: Я. Головацкій, Евг. Желеховскій, Ем. Огоновскій и друг., 413.

Русь Угорская и Буковина, 417.

Дополненія (Н. С. Тихомировъ;—А. А. Потебня;—И. Я. Порфирьевъ;—А. Карпѣвъ;—Ө. Д. Батюшковъ;—Л. Шенелевичъ;—А. И. Пономаревъ;—Жегота Паули;—Н. В. Закревскій;—М. П. Драгомановъ), стр. 420—425.

ВВЕДЕНИЕ.

Въ историческомъ очеркѣ русской этнографіи мы только мимоходомъ коснулись развитія этнографіи малорусской. Естественно, что послѣдняя должна представить многія общія или параллельныя черты съ великорусской; но въ то же время въ ея развитіи были особенности, только ей принадлежавшія. Общность являлась въ самомъ единствѣ племенъ, языкъ, бытъ и поэтическія созданія которыхъ, несмотря на долгое историческое раздвоеніе, сберегли много общихъ основъ; древность обѣихъ племенныхъ отраслей была одна и та же—**киевская**. Новѣйшій интересъ къ народному одинаково и одновременно одушевлялъ ученыхъ и любителей, работавшихъ на сѣверѣ и на югѣ: они чувствовали свою солидарность, находили взаимно опору въ своихъ изслѣдованіяхъ; нерѣдко одинъ и тѣ же лица трудились въ обѣихъ областяхъ, какъ напр. Срезневскій, Бодянский, Максимовичъ, Костомаровъ... Но, съ другой стороны, были отличія, происходившія изъ самого положенія малорусской народности. Русская по своей глубочайшей основѣ, она цѣлые вѣка прожила раздѣльно отъ другой русской отрасли, которой суждено было основать самостоятельное государство и стать господствующей стихіей русскаго міра; и тѣ особенности этнографическія, которыя можно угадывать еще въ древнѣйшій характеръ южно-русскаго племени сравнительно съ сѣвернымъ, развились подъ вліяніемъ исторіи въ такія своеобразныя формы, которыя бросались въ глаза самому народу и рѣзко отличили „хохла“ отъ „москаля“. Всѣ различныя условія, дѣйствовавшія на образованіе народности—а именно: свойства и обстановка природы, искони вліявшія на физическій складъ племени и его бытъ (формы земледѣльческой и вообще хозяйственной культуры); племенное сосѣдство въ древніе и средніе вѣка, издавна дѣйствовавшее въ южномъ племени иначе, чѣмъ въ сѣверномъ, на этнологическій составъ народ-

ности; остатки первобытной старины, уцѣлѣвшіе на югѣ и забытые на сѣверѣ, или наоборотъ, позднѣйшія историческія отношенія, неизвѣстныя на сѣверѣ и сообщавшія новыя понятія и обычаи на югѣ (какъ напр. давнія восточныя, а затѣмъ польскія вліянія XV—XVII в.); національная историческая борьба XVI—XVII столѣтій и т. д., все это вмѣстѣ создавало типъ народности, столь отличный отъ сѣвернаго, что при „возсоединеніи“. въ половинѣ XVII-го столѣтія, онъ не могъ слиться съ господствующей народностью и прибавился къ ней особымъ отдѣломъ. Нѣкогда княжества удѣльной Руси, подпадавшія московскому объединенію, при всѣхъ (какія бывали иногда) отличіяхъ отъ московскаго люда, сливались съ нимъ въ одной великорусской основѣ; въ крайнихъ случаяхъ, какъ въ Новгородѣ, московская власть помогала объединенію простыми истребленіями неподдающихся населеній, выведеніемъ туземцевъ и переводомъ на ихъ мѣста московскихъ жителей, установленіемъ московскихъ порядковъ управленія и быта. Здѣсь подобныя мѣры были невозможны: слишкомъ велика была масса, которую нужно было бы приводить къ одному знаменателю; самое возсоединеніе сопровождалось политическими условіями, согласіемъ московскаго правительства на сохраненіе мѣстнаго права и обычая, когда притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кіевскій бытъ стоялъ выше московскаго, напр., въ школѣ и извѣстномъ развитіи образованія. Но присоединеніе къ сильному государству, притомъ одноплеменному, не могло не сглаживать племенныхъ различій. Въ XVIII-мъ и первой половинѣ XIX-го столѣтія объединеніе шло большими шагами: мѣстныя особенности не имѣли настолько внутренней силы, чтобы удержаться подъ властью могущественной имперіи, при подавляющемъ господствѣ администраціи, нравовъ, а затѣмъ новаго просвѣщенія и литературы, развивавшихся съ XVIII-го столѣтія. Малорусская старина [политическая, „малороссійскія права“, исчезали окончательно; малорусскіе люди шли въ русскую службу, военную и гражданскую, поставляли іерарховъ, чиновниковъ, государственныхъ дѣльцовъ и даже фаворитовъ; старая войсковая и земельная аристократія стала русскимъ дворянствомъ, какъ народъ, наравнѣ съ русскимъ, дѣлался крѣпостнымъ; умственные силы вступали въ потокъ русской науки и литературы;—но на мѣстѣ еще очень долго держалось преданіе бытовое, нравы и обычаи средняго и мелкаго дворянства, среднихъ и мелкихъ горожанъ и, всего болѣе, народной массы. Въ тѣ времена, до самыхъ 1860-хъ годовъ, не задавались тѣми задачами абсолютнаго обрусѣнія, какія ставились въ послѣднія десятилѣтія; правительство довольствовалось полнымъ объединеніемъ административнымъ и не думало, чтобы внѣ этого еще слѣдовало гнаться за истребленіемъ мѣстныхъ бытовыхъ

отличій, языка, нравовъ и книжности. Въ литературѣ, развивавшейся съ Петровской реформы подъ разными европейскими вліяніями, малорусскія силы участвовали вмѣстѣ съ великорусскими, работали надъ тѣми же общими образовательными вопросами и литературными направленіями, какъ ложный классицизмъ, сантиментальная школа, романтизмъ, и долго совсѣмъ не возникало вопроса о мѣстныхъ народныхъ элементахъ, которые однако продолжали жить,—точно также ихъ долго еще не касалась и наука.

Такимъ образомъ, вопросъ этнографическій остался незатронутымъ въ старой литературѣ, не былъ возбуждаемъ какими-нибудь внѣшними толчками; въ жизни шелъ постепенно процессъ племенного объединенія, и если съ первыхъ десятилѣтій нашего вѣка возникли и стали все больше расширяться этнографическія изученія и выростать стремленіе къ своенародному, то побужденіе къ нимъ лежало въ глубокихъ основаніяхъ самой внутренней жизни народности. Говоря объ исторіи русской этнографіи, мы указывали, изъ какихъ разнообразныхъ источниковъ складывалось то направленіе, которое съ тридцатыхъ годовъ получило названіе „народности“. Самымъ глубокимъ источникомъ былъ тотъ элементъ русскаго содержанія, который не былъ никогда заглушенъ въ самыхъ искусственныхъ и натанутыхъ произведеніяхъ прошлаго вѣка, и напротивъ былъ только усиливаетъ новыми нравственными и общественными понятіями, какія приходили изъ классическихъ произведеній европейской литературы. Соціальная мысль о народѣ, а съ нею и мысль о національномъ характерѣ просвѣщенія и литературы возникаетъ еще съ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ столѣтіи выростала въ цѣлое направленіе, подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ (двѣнадцатый годъ), романтической школы и политическаго либерализма; наконецъ, интересъ народности поднять былъ дошедшими къ намъ отголосками славянскаго возрожденія и вліяніями нѣмецкой историко-филологической науки. Всѣ эти элементы, нравственные, политическіе, литературные, научные, имѣли свое дѣйствіе и на развитіе этнографіи малорусской: когда разъ въ образованныхъ литературныхъ кругахъ выдѣлилась ясно мысль о народѣ, то особенность малорусской стихіи представлялась тотчасъ сама собой—оставалось въ нее вникнуть. При первыхъ этнографическихъ приступахъ къ малорусской народности, ярко выступалъ фактъ, что при всемъ единствѣ племенъ исторія провела между ними рѣзкую разницу во всемъ народно-бытовомъ характерѣ, въ языкѣ, преданіи, народной поэзіи и обычаяхъ. Все оригинальное, самобытное бросалось въ глаза, и когда этнографическій интересъ сталъ серьезнымъ литературнымъ вопросомъ, онъ естественно расширился съ одной стороны до научнаго изученія народной старины и

современности, съ другой—до общественной постановки вопроса. Первымъ серьезнымъ началомъ даны были всѣ послѣдующія развѣтвленія этого движенія. Этнографическій интересъ, какъ *всегда*, переходитъ въ стремленіе къ извѣстнаго рода реставраціи народности.

Этнографическая наука, вытекающая изъ желанія познать народъ, доставляетъ обыкновенно матеріалъ для народническихъ стремленій (въ прежнее время романтическихъ, въ новѣйшее—болѣе реальныхъ), оживляетъ и усиливаетъ ихъ; такъ малорусскія этнографическія изученія уже вскорѣ соединились съ стремленіями поднять общественное и нравственное состояніе самого народа, съ этой цѣлью создать для него литературу на народномъ языкѣ; рядомъ съ этимъ шла идеализація малорусской старины. Чѣмъ сильнѣе становилось это народническое стремленіе, тѣмъ больше въ глазахъ энтузіастовъ выростала особенность родного племени, даже противорѣчіе двухъ отраслей русской народности; въ тѣмъ болѣе увлекательныхъ очертаніяхъ вставала малорусская старина или патріархально-идиллическая современность, украшенная изящными произведеніями народной поэзіи... Возникновеніе интереса къ малорусской народности и начатки новой малорусской литературы казались возрожденіемъ старины, паденіе которой являлось какъ бы несправедливостью исторіи. Отсюда рождалось представленіе о томъ, что новое малорусское движеніе вообще равнозначительно съ славянскимъ возрожденіемъ (съ которымъ и дѣйствительно имѣло многія связи и параллельныя явленія). Въ послѣднее время этнографическая ревность нѣкоторыхъ южно-русскихъ (особливо галицкихъ) ученыхъ настаивала на полной раздѣльности великорусскаго и малорусскаго племени и языка, какъ особыхъ, независимыхъ отраслей славянскаго корня...

Такия ступени проходило, въ общихъ чертахъ, изученіе малорусской народности. Первоначальный интересъ къ народному, какъ и въ развитіи русской этнографіи, исходилъ изъ простого продолженія стараго, еще незабытаго обычая, изъ привычки къ той или другой старинѣ, изъ вкуса къ народной пѣснѣ; когда позднѣе этотъ интересъ получилъ мѣсто въ кругу литературныхъ понятій, т.-е. занялъ людей образованныхъ, перешелъ въ книгу, то народность сначала привлекала элементомъ патріархальности (которую давно превозносила псевдо-классическая идиллія и эклога, а потомъ теоріи Руссо), потомъ внушала сочувствія соціально-филантропическія (какъ это было и въ русской литературѣ), затѣмъ прошла стадіи сантиментальной и романтической школы и официальной народности. Въ послѣднія десятилѣтія, этнографическое движеніе, какъ русское, такъ и малорусское, опять было въ извѣстной связи съ новыми направленіями литературы, западничествомъ и славянофильствомъ, совпадая

то съ тѣмъ, то съ другимъ, и, между прочимъ, московская исключительность новѣйшаго славянофильства не мало способствовала развитію того малорусскаго историческаго патріотизма, который (подъ названіемъ украинофильства) въ послѣднее время вызывалъ крайнее раздраженіе не только газетныхъ публицистовъ, но даже и нѣкоторыхъ людей ученыхъ и, по нашему мнѣнію, вовсе не требовалъ бы этого раздраженія.

Племенную своеобразность двухъ народныхъ отраслей видѣлъ издавна, и съ обѣихъ сторонъ, самъ народъ: съ обѣихъ сторонъ былъ русскій народъ, издавна раздѣлившійся, по политическому положенію и политической жѣрѣ, на *великую* и *малую Русь*, но эта Русь на одной сторонѣ были „хохлы“, на другой „москали“ или „кацапы“—простонародныя клички, имѣвшія для обѣихъ сторонъ болѣе или менѣе опредѣленный смыслъ. Пунктомъ очевиднаго историческаго дѣленія двухъ племенъ былъ XII—XIII вѣкъ, начало политическаго объединенія на сѣверѣ, и особенно татарское нашествіе. Съ тѣхъ поръ исторія обѣихъ отраслей разошлась на многіе вѣка и политически, и культурно: онѣ стали принадлежать двумъ разнымъ государствамъ, и вступили въ совершенно различныя культурныя условія. Историческія обстоятельства были таковы, что это государственное дѣленіе не казалось удивительнымъ или неправильнымъ, потому что было неизбѣжно и вынуждено силою вещей. Обѣ стороны, великое княжество московское, великое княжество литовское, были русскія; русская стихія уже вскорѣ возобладала въ строѣ литовскаго княжества; князья-литвины стали русскими по вѣрѣ и языку—какъ будто произошла только смѣна династій; но затѣмъ положеніе осложнилось: сближеніе, потомъ окончательное сліяніе великаго княжества литовскаго съ Польшей ввели южно-русское племя въ связь и вмѣстѣ столкновеніе съ инороднымъ элементомъ племеннымъ и религіознымъ. Высшій классъ, сначала понемногу, потомъ почти поголовно отпалъ въ чужую народность и чужую вѣру, отпалъ отчасти по доброй волѣ, соблазненный матеріальными выгодами и блескомъ общественнаго положенія польскаго магнатства и шляхетства, отчасти вынужденный; но народная масса осталась вѣрна преданію, и въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій выносила страшный гнетъ религіозный и соціальный, не уступивъ ни своей вѣры, ни народности. Кончилось тѣмъ, что Малая Русь присоединилась къ Москвѣ, съ которой въ томъ и другомъ отношеніи сознавалась давняя связь. Москва приняла политическія условія „возсоединенія“, но крайне исключительная, вслѣдствіе вѣковыхъ условій *своей* исторіи, съ недовѣріемъ смотрѣла на новую для нея разновидность русскаго племени. Отчасти это недовѣріе было понятно: отпаденіе высшаго малорусскаго класса въ католичество, принятіе польскихъ обычаевъ и, наконецъ, языка,

заставили москвичей думать, что и вообще западное православіе слабо; но москвичи вообще не могли понять ни несходства иныхъ обычаевъ юго-западной Руси, даже православной, съ московскими, ни южно-русского образованія. Это недовѣріе, равнавшееся недружелюбному предубѣжденію, какъ будто обновилось опять въ литературныхъ и административныхъ врагахъ малорусского народническаго движенія, но съ русской точки зрѣнія должно было бы признать, что „возсоединеніе“ было великой побѣдой южно-русского племени надъ исключительно тяжелыми обстоятельствами и было заслугой въ самомъ русскомъ смыслѣ: приходилось бороться съ врагомъ очень сильнымъ и упорнымъ въ своихъ стремленіяхъ, притомъ вооруженнымъ гораздо болѣе высокою культурою, и побѣда принесла великую пользу *всему* русскому цѣлому, потому что та же борьба на западной границѣ предстояла бы самой московской Россіи. Правда, сожителство съ польскимъ обществомъ—кромѣ той потери, которая испытана была отпаденіемъ высшихъ классовъ—оставило и на православной массѣ извѣстный оттѣнокъ польскаго вліянія; но, во-первыхъ, бытовое отличіе южной Руси (приписывавшееся москвичами только этому вліянію) на дѣлѣ выходило вовсе не изъ одного польско-католическаго вліянія, а изъ всѣхъ историческихъ условій южно-русской жизни, а во-вторыхъ, рядомъ съ тѣмъ, что казалось не національно-русскимъ для москвичей, были пріобрѣтены изъ польскаго источника важныя культурныя выгоды, опять послужившія для цѣлой русской народности. Церковная борьба создала потребность въ образованіи; стали заводиться школы по латинско-польскому схоластическому образцу; южно-русскіе дѣятели XVI—XVII вѣка внесли въ латино-польскій обиходъ своей школы греко-русское православное содержаніе, и новое образованіе уже вскорѣ проникло въ самую Москву, гдѣ кіевскіе ученые стали его первыми представителями и начинателями. Языкъ, которымъ говорила южно-русская ученость и книга, былъ своеобразной амальгамою церковно-славянскаго съ формами рѣчи южно-русской, съ отдѣльными добавками изъ латинскаго и польскаго; въ церковныхъ предметахъ онъ, конечно, больше пользовался церковной стихіей, въ предметахъ историческихъ и житейскихъ ближе подходилъ къ народной рѣчи. На этомъ языкѣ составила съ XVI-го вѣка цѣлая литература, удовлетворявшая популярнымъ потребностямъ, такъ что новѣйшее возникновеніе малорусской литературы со временемъ Котляревскаго, собственно говоря, было только подновленіемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ стараго книжнаго преданія ¹⁾. Выученики Кіевской Академіи имѣли свою историческую

¹⁾ Въ газетѣ „Кіевлянинъ“, 1885, явился цѣлый рядъ статей по поводу моихъ замѣчаній о происхожденіи украинифильства, высказанныхъ въ статьѣ: „Волга и Кіевъ“

роль въ московской умственной жизни XVII-го вѣка, были дѣятелями въ Никоновскомъ исправленіи книгъ, въ установленіи Славяно-греко-латинской Академіи, были придворными учеными и пиитами, отъ времени Алексѣя Михайловича и до Петра; въ эпоху реформъ, это были ревностные сотрудники Петровскаго преобразованія; въ теченіе прошлаго вѣка, изъ ихъ среды вышелъ цѣлый рядъ значительныхъ іерарховъ; они были главными дѣятелями въ установленіи духовныхъ школъ. Наконецъ, въ Малороссіи все еще были свои гетманы; до половины царствованія Екатерины II цѣла была Запорожская Сѣчь.

Въ концѣ XVIII и даже началѣ XIX столѣтія старый, спеціально малорусскій бытъ былъ еще цѣлъ, и начинатели новой литературы были еще окружены живыми остатками оригинальной родной старины. Въ то время еще не ставили утонченныхъ національных

(„В. Е.“, 1886, іюль). Между прочимъ, мысль о малорусскомъ литературномъ преданіи съ XVI вѣка, котораго я тамъ коснулся, показалась газетѣ „просто глумленіемъ надъ здравымъ смысломъ“ и „дѣтски неловкой передержкой“. И для блистательнѣйшаго опроверженія, „Кіевлянинъ“ указывалъ на великую разницу между писателями кіевскаго періода, работавшими будто бы надъ обще-русскимъ языкомъ, и позднѣйшими украинофилами, стремящимися обособить малорусскій языкъ.

Остановимся на этомъ возраженіи, потому что оно является однимъ изъ множества другихъ подобныхъ, направляемыхъ противъ историческаго права малорусской литературы. Оно заключаетъ въ себѣ простую путаницу или извращеніе фактовъ. Чтобы кіевскіе ученые въ XVII стол. именно заботились объ обще-русскомъ языкѣ, это есть негласность: въ то время не было иден о русскомъ книжномъ языкѣ въ нашемъ смыслѣ; они просто писали на языкѣ, который образовался въ южной книжной практикѣ—на церковно-славянской основѣ. Но что впослѣдствіи, когда ихъ дѣятельность стала простираться и на сѣверъ, ихъ труды имѣли свою долю участія въ образованіи книжнаго языка обще-русскаго, это извѣстный фактъ, не однажды и мною указанный. А въ данномъ случаѣ, у меня шла рѣчь совсѣмъ о другомъ, именно о присутствіи въ южной письменности чисто *малорусской стилистики* не только языка, но и содержанія, и о продолженіи ея съ XVI до XIX вѣка. Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Напр., писатель, котораго газета не рѣшится, вѣроятно, обвинить въ попушеніи украинофильству, находитъ, что малорусское литературное движеніе въ концѣ прошлаго вѣка (съ Энеиды Котляревскаго), которое прошло путь новѣйшей украинской литературы, „не есть что-либо новое и является только непосредственнымъ отзвукомъ предыдущаго развитія кіевской искусственной литературы XVIII вѣка (Петровъ, Очерки изъ ист. укр. литерат. XVIII в., стр. 149),—такимъ же образомъ литература XVIII вѣка была продолженіемъ и отзвукомъ предыдущей, —что я и говорю.“

Какъ странно прямое, безъ всякихъ историческихъ церемоній, сопоставленіе XVII-го вѣка съ XIX-мъ, нечего и говорить.

Подробное и строго научное обоснованіе упомянутыхъ мною связей новой малорусской литературы съ старыми книжными преданіемъ сдѣлано было потомъ въ зачаточной книгѣ Н. П. Дашкевича, представляющей „Отзывъ о сочиненіи г. Петрова: Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, въ XXIX-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1888, стр. 37—301.

вопросовъ, не считали малоруссовъ какъ будто за чужое племя и не думали видѣть ущерба для достоинства русскаго народа въ признаніи извѣстной малорусской личности: это былъ фактъ, который странно было оспаривать или въ заявленіи его видѣть сепаратизмъ. Такимъ образомъ, съ самой эпохи воссоединенія до начала нашего столѣтія, когда явились первые опыты научной этнографіи и первыя сознательныя попытки литературы на народномъ языкѣ, племенное и бытовое малорусское преданіе хранилось еще и въ языкѣ, и въ особенностяхъ типа, и въ своеобразномъ обычаѣ, и въ прекрасныхъ произведеніяхъ народной поэзіи, и въ близкихъ еще воспоминаніяхъ историческихъ.

Но исторія дѣлала свое. Старина политическая была уничтожена окончательно съ прекращеніемъ гетманства и Запорожской Сѣчи,— послѣдняя теряла и смыслъ съ завоеваніемъ Крыма, съ раздѣлами Польши; никакихъ протестовъ это паденіе политической старины не вызвало; Малороссія вживалась спокойно въ общіе гражданскіе порядки. Объединеніе совершалось и въ области образованія и литературы съ неоспоримымъ первенствомъ господствующей народности. Сколько ни ушло малорусскихъ силъ на служеніе русской школѣ и литературѣ, въ дальнѣйшемъ развитіи это были школа и литература русскія. Сначала, съ половины XVII-го вѣка, когда началось сильное воздѣйствіе Кіевской Академіи, и почти до Ломоносова, сама русская литература переживала безформенное переходное состояніе, когда и въ содержаніи ея мѣшались отголоски старины съ начатками новыхъ знаній и общественныхъ интересовъ, и въ языкѣ еще стояло смѣшеніе церковнаго и русскаго языка, съ примѣсами словъ иностранныхъ или тяжело переведенныхъ съ иностраннаго; но уже съ Петровской реформы новая литература пріобрѣтаетъ черты, которыя должны были утвердить за ней полное господство. Это былъ притокъ новыхъ реальныхъ знаній всякаго рода, общественныхъ идей и поэтическихъ элементовъ, заимствованныхъ изъ западно-европейскихъ литературъ, и этотъ новый матеріалъ, развивавшійся на широкой государственной почвѣ, въ ученыхъ учрежденіяхъ, какъ напр., Академія наукъ, позднѣе Московскій Университетъ и спеціальныя школы, на господствующемъ языкѣ имперіи, въ трудахъ разнородныхъ представителей ея населенія, составилъ умственную силу, у которой должна была заимствоваться сама Малороссія ¹⁾. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, русская литература дѣлала все болѣе широкія пріобрѣтенія и въ запасъ научныхъ знаній, и въ развитіи

---

¹⁾ Ср. Петрова, Очерки изъ украинской литературы XVIII вѣка. Кіевъ, 1880, стр. 11—13.

художественныхъ элементовъ, и полагала все болѣе прочныя основы для своего будущаго національнаго значенія; то, что нѣкогда принесено было малорусскими силами, поглощалось въ цѣломъ русскомъ движеніи, а мѣстная малорусская книжность или была застарѣлой схоластикой, или становилась провинціализмомъ. Самъ малорусскій языкъ,—когда образованіе распространялось уже на русскій языкъ,—все болѣе дѣлался языкомъ низшаго класса, простонародья, и еще въ первой половинѣ XVIII вѣка, по наставленіямъ тогдашнихъ пинтигъ, этотъ „деревенскій, мужицкій слогъ“ могъ быть употребляемъ только въ низшихъ родахъ литературы, напр., въ комедіяхъ. Итакъ, еще съ прошлаго вѣка высшіе интересы науки, общественности, искусства выражались уже на болѣе широкомъ поприщѣ русской литературы: на это поприще сами собою переходили и писатели, которые были уроженцами юга; ихъ образованіе бывало уже русское, ихъ литературный языкъ—русскій.

Въ такомъ броженіи были двѣ народныя силы. Повидимому, южно-русскій племенной элементъ сдѣлалъ свое историческое дѣло, и ему оставалось окончательно слиться съ господствующей народностью и затеряться въ ней. Вмѣсто того, съ той самой поры, когда повидимому истощились ея послѣднія литературно-образовательныя стихіи, мы видимъ живое, оригинальное возрожденіе, которое выразилось—началомъ южно-русской этнографіи и попытками литературы на народномъ языкѣ. Гдѣ источникъ этого возрожденія?—Глубочайшій источникъ его заключается въ жизненной силѣ народнаго существа, въ томъ новомъ социальномъ и литературно-поэтическомъ интересѣ къ народному, который составляетъ знаменательное историческое явленіе не только русско-славянской, но всей европейской жизни новаго времени... Въ то время, когда, какъ мы сказали, стихіи народности казались истощенными, онѣ продолжали жить въ скрытомъ состояніи и обнаружались, какъ скоро явилась возможность ихъ дѣйствія... Этнографическое изученіе указало богатую оригинальность южно-русской народности, исторія раскрывала ея старыя преданія: передъ научнымъ изслѣдованіемъ возставалъ цѣлый особый элементъ русскаго народа, его характера и содержанія, и ихъ изученіе являлось дѣломъ не только мѣстнаго патріотизма, но глубокимъ вопросомъ науки и цѣлаго національнаго самосознанія. Южно-русскіе элементы вступали въ общую русскую жизнь не безъ своего особеннаго дѣйствія; они неуловимо присутствовали и въ трудѣ тѣхъ людей, которые, повидимому, работали только на обще-русской почвѣ, покидая свою мѣстную,—но именно силою своей мѣстной оригинальности они и могли иногда оказывать великія услуги этому обще-русскому дѣлу. Таковъ былъ Гоголь.

Итакъ самый ходъ исторіи пробуждалъ эти народныя силы и вниманіе къ нимъ общества, научное и практическое. Въ средѣ самихъ малоруссовъ создавался этимъ горячій интересъ къ своей старинѣ и народности, и естественное чувство любви къ мѣстной родинѣ стремилось собрать сокровища ея историческаго преданія и поэзіи. Высокое достоинство малорусской народной поэзіи оцѣнено было не одними малоруссами, и не было ничего мудренаго, что у мѣстныхъ патріотовъ съ поэтическимъ настроеніемъ рождалась мысль создать новую литературу для своего народа на языкѣ этой поэзіи, воспользоваться имъ для своихъ новыхъ произведеній, навѣянныхъ жизнью этого же народа—хотя бы не было опредѣленной мысли о томъ, чѣмъ должна стать дальше эта новая литература. Если бы въ ней явился сильный талантъ, способный увлечь земляковъ и быть вмѣстѣ проводникомъ общечеловѣческаго чувства и идеала, это было бы уже оправданіемъ существованія подобной новой литературы. Такимъ оправданіемъ малорусской литературы былъ Шевченко.

Мы не разъ объясняли, что подобное развитіе мѣстныхъ элементовъ не только не ослабляетъ цѣлую народность, но усиливаетъ ее, раскрывая богатства ея внутренняго содержанія, давая исходъ разнообразію ея оттѣнковъ, поощряя проявленія народной и личной даровитости, расширяя объемъ литературы, обогащая языкъ. Относиться враждебно къ этимъ мѣстнымъ элементамъ значитъ умалять внутреннее достоинство самой господствующей народности. Ея преобладаніе не уменьшится отъ ихъ развитія, а напротивъ ея собственное содержаніе обогатится свободной дѣятельностью ея отраслей.

ГЛАВА I.

Князь Н. А. Цертелевъ.—М. А. Максимовичъ.

Разнообразныя проявленія малорусской народности въ прошломъ вѣкѣ: еще хранившаяся до Екатерины II память политической старины, сберегавшіеся обычаи, малорусскій языкъ въ литературныхъ памятникахъ прежнихъ и попыткахъ новыхъ, естественно могли наводить и на мысль объ описаніи этого быта, объ этнографическомъ наблюденіи ¹⁾. Идущая издавна и продолжавшаяся въ XVIII вѣкѣ малорусская лѣтопись начинаетъ переходить въ опыты историко-географическихъ описаній, какъ у Рубана, Шафонскаго, Якова Марковича; являются и описанія этнографическія, какъ „Описаніе свадебныхъ украинскихъ престонародныхъ обрядовъ“ и проч., Григорія Балиновскаго (Спб. 1777), и др. Когда въ русскомъ литературномъ кругу проявился впервые вкусъ и любопытство къ произведеніямъ народной поэзіи, началось собираніе народныхъ пѣсенъ или печатаніе рукописныхъ сборниковъ, ходившихъ ранѣе по рукамъ (изданія Чулкова, Новикова), то въ эти сборники тогда уже вносились и пѣсни малорусскія. Повидимому, въ самомъ русскомъ обществѣ былъ уже тогда интересъ къ малорусскимъ пѣснямъ и оцѣнивалась ихъ оригинальность: вѣроятно, онѣ и пѣвались въ русскихъ кружкахъ, какъ это было и послѣ ²⁾.

---

¹⁾ О малорусской печатной и письменной литературѣ прошлаго вѣка см. названную книгу Н. Петрова (Кіевъ, 1880).

²⁾ Укажемъ, напр., находящіяся у насъ подъ руками: „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пѣсенъ лучшихъ въ семъ родѣ сочинителей, въ шести частяхъ съ присовокупленіемъ арій и хорозъ изъ оперъ и пр. П. III“. Спб. 1819, въ тип. А. Глазунова. Во 2-й части, отдѣленіе 2-е: „Пѣсни малороссійскія“, 147 — 175, № 148—186.

Первый этнографъ, обратившійся къ изученію народной малорусской поэзіи, былъ князь Н. А. Цертелевъ: онъ остановился именно на одной изъ ея любопытѣйшихъ сторонъ — эпической думѣ ¹⁾. Издавая произведенія малорусскаго эпоса, кн. Цертелевъ руководится двумя побужденіями — своимъ мѣстнымъ патріотизмомъ и первыми неясными догадками о научной важности изслѣдованія народно-поэтическихъ памятниковъ этого рода. Малорусскій патріотизмъ издателя выразился эпиграфомъ, который онъ поставилъ на первой страницѣ (изъ трагедіи „Пожарскій“):

И гробы праотцовъ, обычай ихъ простой,
И стѣны, камни, все, и даже самый дымъ
Жилищъ отеческихъ, а сердцу чту святымъ.

Книжка посвящена Дм. Прок. Трощинскому, который, живя на покой въ Малороссіи, былъ своего рода центромъ для любителей малорусской старины. Кн. Цертелевъ видимо питаетъ теплую привязанность къ малорусской народной поэзіи, — думы записывалъ онъ самъ отъ слѣплого бандуриста, — но не знаетъ, какъ помирить народную пѣсню съ псевдо-классической пѣтикой и вообще какое мѣсто опредѣлять ей въ словесности.

„Собирая старинныя малороссійскія пѣсни, — говоритъ онъ, — я увѣренъ былъ, что не отыщу другой Иліады; но не сомнѣвался также въ томъ, что пѣсни, сохраняемыя столь долгое время народнымъ преданіемъ, могутъ остановить на себѣ внимательный взоръ наблюдателя. Не одни греки и римляне умѣли видѣть и чувствовать... Памятники древности тѣмъ занимательнѣе, чѣмъ болѣе удовлетворяютъ любопытству нашему касательно протекшаго. Не смѣю въ отношеніи семъ цѣнить собранныхъ мною пѣсней; но есть ли стихотворенія сіи не могутъ служить объясненіемъ малороссійской исторіи, по крайней мѣрѣ въ нихъ виденъ пѣтическій геній народа, духъ его, обычай описываемаго времени, и наконецъ та чистая нравственность, которою всегда отличались малороссіане и которую тщательно сохраняютъ по сіе время, какъ единственное наслѣдіе предковъ своихъ, уцѣлѣвшее отъ жадности народовъ, ихъ окружавшихъ!“

Въ понятіяхъ кн. Цертелева борются естественныя красоты ма-

¹⁾ „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсней“. Спб. 1819. 8 нум. и 64 стр. 8°. Предисловіе „о старинныхъ малороссійскихъ пѣсняхъ“ и замѣчанія читателю, не знающему малороссійскаго нарѣчія, стр. 1 — 20; десять думъ и эпическихъ пѣсенъ, стр. 21—58; въ концѣ объясненіе малорусскихъ словъ. — Краткая біографія (онъ умеръ въ 1869) и свѣдѣнія о литературныхъ трудахъ его по народной поэзіи см. въ статьѣ г. Безсонова, „Вѣстн. Евр.“ 1870, іунь, стр. 867—871. Въ тридцатыхъ годахъ онъ былъ помощникомъ попечителя Харьковскаго университета и, въ какомъ-то соучастіи съ извѣстнымъ Иннокентіемъ, игралъ роль въ дѣлѣ запрещенія диссертациі Костомарова объ уніи. Кн. Цертелеву принадлежатъ между прочимъ весьма цѣнныя замѣчанія о метрикѣ русской народной поэзіи.

лорусской народной поэзіи съ школьнымъ представленіемъ о „слогѣ“; онъ старается смягчить ожидаемое осужденіе критиковъ, недоумѣваетъ, какъ будетъ принятъ самый языкъ, — но увлеченіе родною поэтическою стариною очевидно беретъ въ немъ верхъ надъ литературными привычками:

„Языкъ старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, конечно, далеко отошелъ отъ своего народа и еще болѣе отъ языка Россійскаго, но слово есть одежда мыслей; оно измѣняется и временемъ, и политическими переворотами, и самымъ образованіемъ народа. Намѣреніе мое обратить вниманіе читателей не на слогъ, но на силу чувствованій и красоту изображеній пѣвцовъ Малороссіи, наученныхъ природою. Нарѣчіе упомянутыхъ стихотвореній для большей части русскихъ покажется, можетъ быть, страннымъ и непріятнымъ (оно устарѣло для самихъ малороссіянъ); но изъ того несправедливо было бы заключить, что и самыя стихотворенія странны и никуда не годны. Романсы трубадуровъ и пѣсни древнихъ скальдовъ, при всей необработанности слога ихъ, заключаютъ въ себѣ много выраженій и мыслей, которыми плѣняются новѣйшіе писатели. Наконецъ, справедливость требуетъ замѣтить, что нарѣчіе малороссійское, бывшее нѣкогда такъ сказать языкомъ *отдельнымъ* и господствующимъ въ южныхъ странахъ отечества нашего, не менѣе другихъ языковъ способно къ поэзіи. Выпущеніе и прибавленіе въ реченіяхъ нѣкоторыхъ слоговъ, соразмѣрное смѣшеніе согласныхъ буквъ съ гласными, весьма облегчаютъ стихотвореніе малороссійское и способствуютъ гармоніи онаго.

„Касательно достоинства старинныхъ малороссійскихъ пѣсней, какъ пятическихъ произведеній, можно назвать оныя счастливымъ отпечаткомъ первыхъ временъ стихотворства—поэзіи безыскусственной, естественной. Вездѣ видна въ оныхъ природа, вездѣ слышны разговоры дѣйствующихъ лицъ и рѣдко, очень рѣдко сочинитель. Правда, что сіи памятники народнаго генія, сохраняясь столь долгое время въ изустныхъ преданіяхъ, много испорчены, впрочемъ, судя по нѣкоторымъ стихамъ, убѣдившись отъ искаженія, можно думать, что они заключали въ себѣ и силу выраженія, и прелесть гармоніи. Это безобразныя развалины, свидѣтельствующія о красотѣ разрушеннаго зданія! Умирающей отголосокъ гармоніи, слышанной нѣкогда на берегахъ Днѣпровскихъ!“

Онъ приводитъ примѣры дѣйствительно прекрасныхъ поэтическихъ картинъ изъ собранныхъ имъ пѣсней: „малороссійскій сочинитель, — прибавляетъ онъ еще разъ, — безъ сомнѣнія не читывалъ Иліады и не слыхалъ о Гомерѣ; но законы *природы* общи и неизмѣнны“.—Оканчивая предисловіе, онъ говоритъ: „...боюсь наскучить читателю предметомъ, который для меня столь занимателенъ; воспоминаніе о родинѣ наполняетъ душу какииъ-то неизъяснимымъ удовольствіемъ“.

Итакъ, на первый разъ вниманіе къ народной поэзіи было результатомъ простой любви къ своей мѣстной народности; научная важность ея изученія полагалась въ томъ, что она можетъ „удовлетворить любопытству нашему касательно протекшаго“; литературный ея

характеръ приходилось оправдывать въ виду сравненія съ Гомеромъ, извинять „необработанность слога“, „странности“ языка—ту самую „необработанность“ и „странности“, которыя уже вскорѣ, въ слѣдующемъ поколѣннн этнографовъ, казались верхомъ оригинальнаго поэтического изящества.

Книжка кн. Цертелева была первымъ приступомъ къ предмету, который до тѣхъ поръ былъ чуждъ литературѣ русской и малорусской, но самая мысль о народномъ поэтическомъ преданіи и въ то время была уже не нова. Въ это самое время наши любители старины были особенно заинтересованы Словомъ о полку Игоревѣ; Калайдовичъ переиздавалъ „Древнія Россійскія стихотворенія“ (1818), которыя еще раньше (1804), но не сполна напечаталъ Якубовичъ, посвятивъ „сей простой гласъ славенской музы“ тому же Трошинскому; въ это же время дошли до нашей литературы свѣдѣнія о сербскихъ пѣсняхъ Вука Караджича и о чешской Краледворской рукописи, которую сталъ переводить Шипковъ (1820). Къ интересу литературному прибавлялся уже и научный: памятники разныхъ народовъ сравнивались и подводились подъ одинъ разрядъ, и угадывалась древняя эпоха народнаго поэтического творчества.

Самъ Цертелевъ не ограничился изданіемъ пѣсенъ. Въ 1820 г. онъ напечаталъ (въ „Синѣ Отечества“): „Взглядъ на старинныя русскія сказки и пѣсни“, „О произведеніяхъ древней русской поэзіи“, „О стихосложеніи старинныхъ русскихъ пѣсенъ“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заинтересовался появлявшимися тогда памятниками народной поэзіи славянской, и въ 1824 помѣстилъ (въ „Сѣверномъ Архивѣ“) замѣтку о сборникѣ славянскихъ пѣсенъ, изданныхъ Челяковскимъ. Онъ перепечаталъ изъ Челяковского восемь пѣсенъ на разныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, прибавилъ русскій переводъ и по поводу малорусскихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, замѣчалъ: „Странно, что отдѣленіе сіе столь бѣдно тогда, когда оно могло быть однимъ изъ богатѣйшихъ, ибо ни одно можетъ быть изъ нарѣчій языка славянскаго не имѣеть столько разнообразныхъ прелестныхъ стихотвореній, какъ нарѣчіе малороссійское“,—и въ концѣ: „Весьма желательно, чтобы сей примѣръ нашелъ себѣ послѣдователей между нашими соотечественниками. Намъ Русскимъ, старшимъ потомкамъ Славянъ, стыдно уступить въ любви къ народной славіи Сербамъ и Богемцамъ, стыдно не заботиться о памятникахъ слова дѣдовъ нашихъ и имѣя еще возможность передать внукамъ и правнукамъ своимъ духъ народной поэзіи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе умирающій, совершенно не радѣть о томъ“.

Впослѣдствіи еще разъ кн. Цертелевъ изложилъ свои мысли о значеніи народной поэзіи, въ письмѣ къ Максимовичу (въ „Вѣстн.

Европы“, 1827). Взглядъ его становится уже болѣе опредѣленнымъ. Онъ опять указываетъ на то, что русскіе отстали отъ просвѣщенныхъ европейцевъ во вниманіи къ народной поэзіи; между тѣмъ она имѣетъ важное значеніе: „Знаете ли, что сію безыскусственную поэзію предпочитаю я большей части нашихъ романовъ, балладъ, и (слушайте! слушайте!) даже многимъ романтическимъ нашимъ поэмамъ... Скажу смѣло, что тотъ, кто хочетъ быть хорошимъ отечественнымъ писателемъ и въ особенности отечественнымъ поэтомъ; кто хочетъ дать, если можно такъ выразиться, народный колоритъ своимъ произведеніямъ, тотъ не долженъ считать бездѣлкою отечественныя преданія и пѣсни, но обязанъ вслушиваться въ нихъ сколько можно болѣе; ибо сіи бѣдные памятники... сохраняютъ еще многія черты той оригинальности, которая отличаетъ поэзію одного народа отъ поэзіи другого“. „Не только отечественные нравы и обычаи, — замѣчаетъ Цертелевъ, — не только характеры и происшествія, но самая мѣстность, даже языкъ и особенности его, сильно дѣйствуютъ на душу читателя“.

Указывая эту статью, г. Дашкевичъ замѣчаетъ, что изъ нея видно, что кн. Цертелевъ „проникался все болѣе и болѣе воздѣйствіемъ романтическаго движенія и примывалъ къ сознательно выработанной программѣ народности. Во имя народности Цертелевъ требовалъ вниманія литераторовъ къ народной поэзіи, изученія родной природы, нравовъ и характеровъ своего народа и его языка. Этому призыву и подобнымъ и послѣдовали украинскіе литераторы съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго вѣка. Съ того времени украинскіе литераторы стали этнографами подобно Котляревскому и примыкали къ романтическому увлеченію народностью. Въ такомъ направленіи трудились Квитка и выдающіеся дѣятели молодого поколѣнія: Бодянский, Срезневскій и выступившіе нѣсколько позже Могила (Метловскій) и Галка (Костомаровъ). Ближайшимъ преемникомъ Цертелева на поприщѣ украинской этнографіи явился Максимовичъ“¹⁾.

Не болѣе какъ черезъ восемь лѣтъ послѣ „Опыта“ Цертелева, вышла новая книжка, посвященная малорусской народной поэзіи, въ которой находимъ вторую ступень малорусской этнографіи, и именно гораздо болѣе опредѣленный взглядъ на сущность и исто-

---

¹⁾ Н. П. Дашкевичъ, въ XXIX-мъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, стр. 116—122. Эта рецензія сочиненія г. Петрова, составляющая цѣлую книгу, есть вообще лучший трудъ по объясненію источниковъ и развитія новѣйшей малорусской литературы, съ многостороннимъ изученіемъ предмета, причемъ разсѣяны въ ней нѣсколько важныхъ и новыхъ замѣчаній по исторіи малорусской этнографіи.

рическое значеніе народной поэзіи. Издателемъ этой книжки былъ извѣстный Михайль Александровичъ Максимовичъ (1804 — 1873).

Уроженецъ полтавской губерніи, Максимовичъ происходилъ изъ стараго рода козацкой старшины, превращенной потомъ въ русское дворянство. Многіе предки его бывали въ свое время извѣстными людьми: родоначальникъ фамиліи, Максимъ изъ Василькова, обновилъ Лаврскую трапезную церковь въ 1694 году; одинъ изъ сыновей Максима былъ извѣстный въ свое время плодовитый писатель, Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ тобольскій; другіе Максимовичи бывали войсковыми товарищами, сотниками и т. д. ¹⁾. Изъ новгородъ-сѣверской гимназіи, онъ поступилъ въ 1819 въ московскій университетъ, сначала на словесный факультетъ, потомъ на физико-математическій, куда влекла его рано развившаяся любовь къ ботаникѣ. Окончивъ курсъ въ 1823, онъ былъ оставленъ на службѣ при университетѣ; въ 1827, получилъ магистерскую степень и началъ чтеніе лекцій по ботаникѣ; въ 1829, получилъ званіе адъюнкта, а въ 1833—ординарнаго профессора по этой кафедрѣ. Такъ какъ труды

---

¹⁾ Подробная біографія Максимовича написана была С. Пономаревымъ по случаю 50-лѣтняго юбилея его литературной дѣятельности, въ 1871 г.: „М. А. Максимовичъ. Біографическій и историко-литературный очеркъ“, въ Журн. минист. просв. 1871, октябрь, стр. 175—249.

— Краткая, съ подробнымъ перечисленіемъ сочиненій, въ „Біографическомъ словарѣ профессоромъ университета св. Владимира“. Кіевъ, 1884, стр. 379—397.

— „Юбилей М. А. Максимовича. 1821—1871“. Спб. 1872 (второе изданіе).

— Некрологъ его, М. П. Драгоманова, Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 442—453.

— Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія, Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884, стр. 177—188, и дополненія и исправленія къ нимъ въ разборѣ Дашкевича.

— „Альбомъ М. А. Максимовича“, С. Пономарева (и здѣсь же указанія разныхъ статей о немъ и некрологовъ), въ Кіевской Старинѣ, 1882, т. I, стр. 152—173.

— „Изъ писемъ къ Максимовичу“ (С. Аксакова и др.), сообщ. С. Пономаревъ въ К. Старинѣ, 1883, т. V, стр. 829—852.

— „Три письма Кнѣзя къ Максимовичу“, тамъ же, 1883, VI, стр. 346—352.

— „Изъ писемъ Максимовича къ Шевченку“, тамъ же, 1884, VIII, стр. 644—648, и друг.

— Упомянутія (очень враждебныя) о началѣ литературной дѣятельности Максимовича, въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Спб. 1883 (см. въ указателѣ).

Въ 1875 г. Кіевскій (нынѣ не существующій) отдѣлъ Географ. Общества предпринялъ изданіе полного собранія сочиненій Максимовича (кромя устарѣвшихъ естественно-научныхъ): по закрытіи Отдѣла, 2-й томъ этого изданія вышелъ подъ вѣдѣніемъ Церковно-археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи; 3-й томъ изданъ на счетъ Кіевского университета: „Собраніе сочиненій М. А. Максимовича“. Томъ I, отдѣлъ историческій (подъ ред. В. Б. Антоновича). Кіевъ, 1876; Томъ II, отдѣлы: историко-топографическій, археологическій и этнографическій (подъ ред. того же лица), 1877; Томъ III: языковѣдѣ, исторія словесности (подъ ред. А. А. Котляревскаго), 1880.—Невошедшія сюда статьи перечислены въ „Біографическомъ Словарѣ“.

Максимовича по русской словесности дали ему уже тогда известность и въ этой области, то въ 1834, при основаніи Кіевскаго университета, министерство предложило ему занять здѣсь кафедру русской словесности; въ то же время онъ былъ сдѣланъ ректоромъ новаго университета. Но здѣсь онъ оставался недолго: въ слѣдующемъ году онъ уже отказался отъ ректорства, а въ 1841, оставилъ и профессуру, по разстроенному здоровью. Впослѣдствіи, въ 1843—45 годахъ, онъ снова занялъ ту же кафедру въ качествѣ сторонняго преподавателя—и затѣмъ окончательно простился съ университетскою дѣятельностью и поселился въ своемъ небольшомъ имѣньѣ, „Михайловой Горѣ“, золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи, на высокомъ берегу Днѣпра, откуда открывались широкія картины края. Онъ дѣлалъ потомъ отсюда нѣсколько поѣздокъ въ Кіевъ и Москву, гдѣ проживалъ нѣкоторое время, но большею частью пребывалъ въ своемъ уединеніи, поглощенный своими изученіями малорусской старины. Здѣсь онъ и умеръ въ ноябрѣ 1873 г.

Максимовичъ былъ живой, талантливый человѣкъ; пристрастившись въ молодости къ ботаникѣ, онъ не ограничивался этимъ однимъ предметомъ: очень рано развились у него также литературные интересы, и во вкусъ того времени, самая ботаника не была для него тѣсной спеціальностью, но расширялась до натуръ-философскихъ теорій о жизни природы. Его изложеніе подобныхъ предметовъ, ясное и образное, на первыхъ же порахъ обратило вниманіе въ литературномъ кругу, съ которымъ онъ скоро сошелся. Еще студентомъ, Максимовичъ былъ знакомъ съ Полевымъ, и потомъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ „Московскомъ Телеграфѣ“; позднѣе, онъ разошелся съ Полевымъ и примкнулъ къ возникшему тогда „Телескопу“, журналу его товарища по профессурѣ, Надеждина, съ которымъ былъ въ очень дружескихъ отношеніяхъ и который, — какъ человѣкъ, гораздо болѣе крупнаго дарованія и учености, — имѣлъ повидимому немалое вліяніе на дальнѣйшее направленіе трудовъ Максимовича. Связи съ этими журналами ввели Максимовича въ лучший литературный кругъ того времени, звѣздой котораго былъ Пушкинъ. Когда Максимовичъ, по тогдашней модѣ, задумалъ издавать альманахи („Денница“, 1830, 1831, 1834), въ числѣ его вкладчиковъ были самъ Пушкинъ, его ближайшій другъ—Жуковский, кн. Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, затѣмъ Хомяковъ, Иванъ Кирѣевскій, кн. Одоевскій, С. Т. Аксаковъ, Лажечниковъ, Вельтманъ и др. Впослѣдствіи, онъ вступилъ въ очень дружескія отношенія съ Гоголемъ, съ которымъ соединяла его общая любовь къ малороссійской родинѣ и ея народной поэзіи, далѣе съ Погодинымъ, а въ Кіевѣ съ известнымъ іерархомъ, Иннокентіемъ

Борисовымъ; связи съ славянофилами были такъ близки, что одно время его вызвали изъ Михайловой Горы, чтобы быть редакторомъ „Русской Бесѣды“.

Эти личныя отношенія близко характеризуютъ самый складъ литературныхъ понятій Максимовича. Это было то народно-романтическое направленіе, которое процвѣтало у насъ особливо въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, когда оно внушало Жуковскому и Пушкину ихъ экскурсіи въ народно-поэтическую старину, когда съ другой стороны Рылѣевъ въ этой старинѣ отыскивалъ и поэтизировалъ политическіе мотивы древней народной свободы и между прочимъ поэтизировалъ и старую Украину. „Народность“ была въ воздухѣ; мы указывали прежде, каковъ различный смыслъ получало тогда это направленіе въ разныхъ отгѣнкахъ нашего общественнаго мнѣнія и литературы,—до того, что наконецъ оно вошло и въ извѣстную officialную программу, опредѣлявшую обязательный характеръ нашего просвѣщенія, литературы и общественности: православіе, самодержавіе и народность. Мы рассказывали также, что въ первое время по заявленіи этой программы литература стремилась примыкать къ ней въ вѣрующемъ предположеніи, что наступила эпоха, когда „народность“ дѣйствительно получить свое право въ общественно-политической жизни и въ просвѣщеніи; литература привѣтствовала наступленіе національной самобытности, которой такъ давно не доставало русской жизни и образованности. Литературные толки о народности даже задолго предшествовали officialной программѣ. Такія идеи о необходимости самостоятельнаго развитія національных началъ, объ освобожденіи отъ европейскаго ига и т. п. проповѣдовалъ Надеждинъ въ своемъ „Телескопѣ“ и, говоря объ его дѣятельности, мы упоминали, что рядомъ съ нимъ тѣ же мысли излагалъ и Максимовичъ.

Эти призывы къ самобытности соединялись у Надеждина иной разъ съ слишкомъ самоувѣренными оцѣнками настоящаго, съ преувеличенными ожиданіями, но онъ справедливо угадывалъ (1832), что въ нашей литературѣ „близокъ долженъ быть поворотъ отъ искусственнаго рабства и принужденія, въ коемъ она доселѣ не могла дышать свободно, къ естественности, къ народности“. Его оправдало появленіе рассказовъ Гоголя, которымъ Надеждинъ восхищался и который дѣйствительно своей дѣятельностью ознаменовалъ поворотъ нашей литературы на новую, болѣе общающую, дорогу. Въ томъ же смыслѣ говорить университетская рѣчь Максимовича „О русскомъ просвѣщеніи“, читанная на актѣ 12 января 1832 г. ¹⁾. Основная

¹⁾ Телескопъ, 1832, кн. I, стр. 167—190.

мысль рѣчи заключается въ томъ, что европейское просвѣщеніе, котораго мы искали, стало нашей потребностью; но это самое стремленіе, дошедши до своего предѣла, должно было привести къ „отчетному сознанію, которое столь прилично европейской просвѣщенности“, и именно проявиться въ обращеніи къ своему народному. „Самобытность непременно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ. Тамъ нѣтъ жизни, гдѣ нѣтъ самобытнаго развитія“. Со времени Петра Великаго, „русскій духъ“ заимствовался отъ европейскаго просвѣщенія, но не увлекался окончательно ни однимъ одно-стороннимъ направленіемъ и только на-время принималъ чуждую фizioномію; въ этомъ Максимовичъ видѣлъ ручательство его жизненной крѣпости и способности къ самобытному развитію, при величайшей понятливости и переимчивости. По его мнѣнію, въ русской натурѣ заключается не только способность къ опытному мышленію европейскому, но и та „восточно-пламенная способность, съ которою онъ быстро и живо объемлетъ предметы и прямо ощущаетъ истину“. Уважая чужое, мы не должны забывать своенароднаго; должны не принимать, но понимать европейское, для возвышенія русскаго. Служить человѣчеству можно, только служа Россіи. Авторъ желалъ, чтобы Россія явила въ себѣ самое высокое, полное и прочное, самое жизненное образованіе человѣческаго духа. Средствомъ къ этому должно было служить просвѣщеніе, „органически цѣльное“ и многостороннее, основанное на религіозно-нравственномъ образованіи сердца и воли...

Взглядъ, выраженный въ рѣчи Максимовича, заключалъ въ себѣ справедливую мысль, что вліяніе европейской образованности въ концѣ концовъ должно было возбудить самостоятельную дѣятельность русскаго образованія въ національномъ смыслѣ. Но какъ у Надеждина, такъ и здѣсь оставались открытыми вопросы: какъ достигнуть этой самобытности, въ чемъ спеціальныя особенности „русскаго духа“, въ чемъ состоитъ и какъ достигается „органическая цѣльность“ и т. д. Максимовичъ ближе не опредѣлялъ этихъ вопросовъ, и это общее, довольно туманное заявленіе идеальныхъ цѣлей русскаго просвѣщенія въ сущности вѣрно отражало дѣйствительную туманность этого перваго нашего народничества—въ тѣ времена, да и много послѣ: подъ это обозначеніе новыхъ стремленій подходила и народность официальная (Максимовичъ, вѣроятно, искренно въ нее вѣрилъ, предполагая въ ней тѣже мысли, какія имѣлъ самъ),—которая на дѣлѣ была однако очень казенная и чиновническая,—и настоящее исканіе „многосторонняго просвѣщенія“ въ прогрессивныхъ направленіяхъ литературы, и наконецъ зародыши будущаго славянофильства. Эти

разные элементы, сходявшіеся около 1830 годовъ на темѣ „народности“, впоследствии, и даже весьма скоро, обособились въ совершенно разныя направленія, которыя не замедлили обнаружить взаимную несовмѣстимость. Но въ Максимовичѣ они, повидимому, остались навсегда нераздѣленными. Въ самомъ дѣлѣ, мы встрѣтимъ въ его тогдашней и послѣдующей дѣятельности то, и другое, и третье.

Что касается до перваго, то Максимовичъ по всему характеру, воспитанію, литературнымъ связямъ былъ человекъ, не понимавшій иначе своей дѣятельности, какъ въ условіяхъ официально предначертанной программы, въ которую вполне вѣрилъ. Когда основался Кіевскій университетъ, которому ставилась официально задача насаждать въ южномъ краѣ русское просвѣщеніе въ противодѣйствіе польскимъ вліяніямъ, Уваровъ не ошибся, назначивъ еще молодого тогда Максимовича ректоромъ этого университета, получавашаго воинствующую роль распространителя русской народности и просвѣщенія. Правда, Максимовичъ, собственно говоря, не былъ воинственнаго характера,—но пока въ этомъ не настояло надобности. Человекъ мягкаго, гуманнаго характера, онъ мирно уживался съ профессорами-поляками (въ первые годы ихъ было огромное большинство), переведенными въ Кіевъ изъ закрытаго передъ тѣмъ Кременецкаго лицея; по слабости здоровья, онъ не долго остался и ректоромъ; но весь его образъ мыслей, и въ частности взгляды на русское значеніе Кіева, были именно тѣ, какихъ желало министерство. Въ 1837 году, когда въ Кіевъ неожиданно пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія, въ университетѣ происходилъ актъ, на которомъ Максимовичъ читалъ свою рѣчь „Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи“¹⁾. „Выборъ темы былъ какъ нельзя болѣе кстати,—замѣчаетъ біографъ Максимовича,—ибо возникавшія въ это время политическія волненія обнаружили польскія притязанія на Кіевъ; благовременно было показать всю незаконность этого притязанія. И кому же это лучше было сдѣлать, какъ не служителю науки, профессору университета съ русскою миссіей? Максимовичъ уразумѣлъ знаменіе времени, понялъ свою задачу какъ русскаго человека, какъ кіевлянина, и выполнилъ ее блистательно. С. С. Уваровъ такъ былъ одушевленъ этою рѣчью, что когда произнесъ ораторъ послѣднія слова,—онъ былъ уже у кафедры и привѣтствовалъ Максимовича одобрительными рукопожатіями“. Иннокентій былъ также отъ этой рѣчи въ полномъ восторгѣ. Уваровъ не былъ изъ людей чувствительныхъ, и его удовольствіе означало полное совпаденіе рѣчи Максимовича съ официальными требованіями²⁾.

¹⁾ Собраніе сочиненій, т. II, стр. 5—23.

²⁾ Пономаревъ, стр. 217. „Письма о Кіевѣ и воспоминаніе о Тавридѣ“, Макси-

Но, совпадая съ народностью официальной, Максимовичъ съ другой стороны остается, кажется, совершенно свободенъ отъ тѣхъ непривлекательныхъ свойствъ, какими отличались обыкновенно, почти всегда, сторонники ея въ литературѣ. Эти сторонники дѣлались обыкновенно ея панегиристами, забѣгали, такъ сказать, ей впередъ и брали на себя роль охранителей истинной русской народности противъ литературныхъ направленій, которыя, по ихъ мнѣнію, не отвѣчали ея духу. Со времени провозглашенія официальной народности (1833), эти литературные охранители получили болѣе прочную опору, чѣмъ имѣли прежде; въ подтвержденіе своихъ нападеній на своихъ противниковъ другого лагеря они стали пользоваться и ссылками на официальную программу, изображая себя самыми подлинными ея истолкователями. Такую роль играли „Маякъ“ и нерѣдко „Москвитининъ“ въ рукахъ Погодина и Шевырева. Максимовичъ былъ въ большой дружбѣ съ Погодинымъ по ихъ общимъ историко-археологическимъ интересамъ, но не увлекался въ тѣ рискованныя полемическія кампаніи, которыя давали нѣкогда „Москвитинину“ не весьма благовидную репутацію. Максимовичъ не сходилъ съ научной почвы и остался свободенъ отъ нареканій, которыя тяготѣли надъ его друзьями.

Подобнымъ образомъ, онъ издавна былъ въ тѣсныхъ связяхъ съ славянофильскимъ кружкомъ, главныхъ представителей котораго зналъ еще въ своей и ихъ молодости. Въ складѣ понятій Максимовича до послѣднихъ дней было много общаго съ славянофильскими положеніями. Для него, какъ и для этой школы народная самобытность была высшей цѣлью, въ которой должны были стремиться усилія русской науки и литературы; эта народность освящалась православіемъ и становилась съ нимъ тождественной. „Русская Бесѣда“, основанная въ 1856 году, была для него открыта не какъ для гостя, а какъ для своего человѣка; но и здѣсь опять Максимовичъ не увлекался въ преувеличенія славянофильства; не въ характерѣ его ума были ухищренныя философскія и теологическія теоріи, какъ вѣроятно совсѣмъ не въ характерѣ его общественныхъ и литературныхъ понятій были бы тѣ обрусительныя крайности, въ которыя выпадало славянофильство позднѣе. Для этого послѣдняго Максимо-

---

мовича, Спб. 1871 (не вошедшія въ „Собраніе сочиненій“), стр. 75. Тамъ же Максимовичъ рассказываетъ (стр. 85—86), что Уваровъ, при отъѣздѣ, прощаясь со студентами, говорилъ въ такомъ тонѣ: „Университетъ св. Владиміра—мое созданіе; но я первый *наложу на него руку*, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства. А назначеніе университета,—говорилъ министръ во всеуслышаніе,—распространять русское образованіе и русскую народность въ ополченномъ краѣ западной Россіи“.

вичъ былъ слишкомъ человѣкомъ стараго вѣка, приверженцемъ романтической народности, для которой всякое народное право было священо: если въ рѣчи о Кіевѣ онъ явился врагомъ полонизма, то это относилось къ захватамъ и притязаніямъ послѣдняго на малорусской землѣ, право которой было несомнѣнно; но ему вѣроятно въ голову не приходило отрицать польскую народность тамъ, гдѣ она была у себя дома, на своей этнографической и исторической почвѣ. Быть можетъ, присутствіе Максимовича въ славянофильскомъ кругу было отчасти причиной, что этотъ старый кругъ относился сочувственно къ самому малорусскому движенію, къ которому позднѣйшее славянофильство было крайне недружелюбно.

Но господствующей чертой во всемъ учено-литературномъ характерѣ Максимовича были его малорусскія стремленія. Онъ овладѣли имъ съ самыхъ первыхъ шаговъ его на книжномъ поприщѣ. Біографъ его рассказываетъ, что „тоска по родинѣ“ побуждала Максимовича въ 30-хъ годахъ оставить московскую службу ¹⁾,—и назначеніе въ Кіевъ явилось очень кстати. Съ тѣхъ поръ старая страсть къ ботаникѣ, повидимому, совершенно удаляется; Максимовичъ попалъ въ ту народно-историческую и народно-поэтическую область, изъ которой уже не выходилъ потомъ никогда и труды въ которой дали ему одно изъ почетнѣйшихъ именъ въ исторіи изученія малорусскаго народа.

Еще въ разгарѣ своихъ ботаническихъ трудовъ, готовясь къ магистерству и ботанической профессурѣ, Максимовичъ работалъ надъ изданіемъ малорусскихъ пѣсенъ. Эта первая работа вышла подъ названіемъ: „Малороссійскія пѣсни, изданныя М. Максимовичемъ“ (М., 1827. XXXVI, 234 и 9 стр. баллады „Твардовскій“). Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ его первыхъ разсужденій объ этомъ предметѣ, которыя даютъ историческій образчикъ тогдашнихъ взглядовъ малорусской этнографіи.

„Наступило, кажется, то время,—говорилъ Максимовичъ въ предисловіи,—когда познають истинную цѣну *народности*; начинается уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно Русская! Лучшіе наши Поэты уже не въ основу и образецъ своихъ твореній ставятъ произведенія иноплеменные, но только средствомъ къ полнѣйшему развитію самобытной поэзіи, которая зачалась на родимой почвѣ, долго была заглушаема пересадками иностранными и только изрѣдка сквозь нихъ пробивалась.

„Въ семъ отношеніи большое вниманіе заслуживаютъ памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность; это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказки—гдѣ отсвѣчивается фантазія народная. Въ нихъ часто видимъ баснословія, повѣрья, обычаи, нравы и нерѣдко событія дѣйствитель-

¹⁾ Пономаревъ, стр. 197.

ныя, кои въ другихъ памятникахъ не сохранились: сказка—складка, а пѣсня—быль, говорить пословица. Въ семъ смыслѣ весьма значительны, а посему достойны вниманія и уваженія были бы разысканія слѣдовъ народной мифологii, обрядовъ, собраніе пѣсень, пословицъ и т. д. Особенно языкъ совершенствуется изслѣдованіями остатковъ отъ прошедшаго, въ коихъ онъ ближе къ своему корню, слѣдовательно, чище въ составѣ и крѣпче въ силѣ. Это можно отнести въ особенности къ пѣснямъ Славянскимъ, кои видимо отличаются своимъ изяществомъ. Сіе изящество ихъ можетъ послужить яснымъ доказательствомъ, что поэзія есть врожденное качество духа человѣческаго, что истинная поэзія можетъ быть его *собственнымъ* произведеніемъ.

„Съ такимъ образомъ мыслей я обратилъ вниманіе на сіи предметы въ Малороссiи и на первый разъ надалъ выборъ пѣсень сей страны, полагая, что онѣ будутъ любопытны и даже во многихъ отношеніяхъ полезны для нашей Словесности—будучи совершенно увѣренъ, что онѣ имѣютъ несомнѣнное достоинство и между пѣснями племенъ Славянскихъ занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ“...

Общій характеръ малорусскихъ пѣсень въ связи съ характеромъ народа Максимовичъ опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ:

„Возникшая, подобно кометѣ, Малороссiя долго тревожила своихъ сосѣдей, долго перепадала съ одной стороны на другую и была только обуреваема бѣдствіями и беспокойствами, которыя не дали развиться духу народному и произвели только внутреннее волненіе. Массу ея составили не одни племена Славянскія, но и другіе Европейцы, а еще болѣе, кажется, Азіятцы. Недовольство и отчасти угнетеніе свели ихъ въ одно мѣсто; а желаніе хотя скудной независимости, мстительная жажда набѣговъ и какое-то рыцарство сдружили ихъ. Отвага въ набѣгахъ, буйная забывчивость въ весельѣ и безпечная лѣнь въ мирѣ: это черты дикихъ Азіятцовъ—жителей Кавказа, которыхъ невольно вспомните и теперь, глядя на малороссiянина въ его костюмѣ, съ его привычками. Такимъ образомъ, коренное племя получило совсѣмъ отличный характеръ, облагороженный и возвышенный Богданомъ Хмельницкимъ. Свойства коренного племени, кажется, наиболѣе сохранились между дѣвами и женами, кои, будучи отлучены отъ удалыхъ козаковъ своихъ, въ отношеніи къ нимъ весьма грубыхъ, чуждыхъ всякой домовитости, и не имѣя никакого участія въ общественномъ быту ихъ, находили все въ мирныхъ занятіяхъ домашней сельской жизни.“

„Скоропостижное ¹⁾ соединеніе трехъ первоначальныхъ образовъ жизни—нѣкогда *наѣзднической*, буйной, беззаботной, съ лѣнивымъ однообразіемъ и скудостью жизни *пастушеской* и осѣдлостью *земледѣльческой*—вотъ что составило потомъ особенность малороссiянъ, замѣтную еще и до нынѣ, по причинѣ малолюдности. Изъ сего очерка можетъ сдѣлаться нѣсколько понятнымъ и содержаніе и характеръ ихъ пѣсень“.

Онъ указываетъ затѣмъ различные разряды пѣсень по ихъ содержанию. Такъ, есть пѣсни, посвященныя собственно козацкому боевому быту—изображающія отъѣздъ на чужбину, тоску по родинѣ, смерть козака, тоску матери о сынѣ, сестры о братѣ; „любовь отцовъ-

¹⁾ Т. е. одновременное. А. П.

скую едва ли гдѣ встрѣтите“. Здѣсь же пѣсни о гайдамакахъ, и особенно думы. Далѣе, пѣсни о частныхъ домашнихъ событіяхъ у козакъ, составляющія переходъ отъ думъ къ „повѣствованіямъ вымышленнымъ или балладамъ“ (какъ пѣсня о Твардовскомъ, о построеніи Кіева и др.). Пѣсни женскія, находящія содержаніе въ разныхъ положеніяхъ и условіяхъ женской жизни, отличаются глубокимъ, страстнымъ чувствомъ; въ числѣ ихъ есть какъ бы повѣствовательныя; мужскія пѣсни любовнаго содержанія кажутся автору болѣе поздними. Къ пѣснямъ женскимъ могутъ быть отнесены праздничныя или обрядныя, — „кои носятъ на себѣ иногда печать древней славянской мифологіи, но вообще, показывая приверженность къ удовольствіямъ земледѣльческой и семейственной жизни, представляютъ собою образцы весьма изыщной, естественной идилліи“, какъ веснянки, пѣсни троицкія, свадебныя, на обжинки и проч. Далѣе, пѣсни „заклинательныя“, которымъ онъ придаетъ особенное археологическое значеніе; наконецъ, пѣсни веселыя и карикатурныя.

По формѣ, малорусскія пѣсни, какъ и самый языкъ, занимаютъ, по мнѣнію Максимовича, средину между русскими и польскими: съ первыми онѣ сходны своимъ тоническимъ размѣромъ, сообщающимъ стиху движеніе, какого не имѣютъ польскія; съ послѣдними — частымъ употребленіемъ рифмы или, по крайней мѣрѣ, созвучія, уменьшительными словами.

Укажемъ, наконецъ, какъ Максимовичъ сравниваетъ пѣсни русскія и малорусскія по ихъ содержанію и тону.

„Существенное ихъ различіе, по моему мнѣнію, состоитъ въ слѣдующемъ. Въ Русскихъ пѣсняхъ выражается духъ покорный своей судьбѣ и готово повинующійся ея велѣніямъ. Русский не привыкъ брать дѣятельнаго участія въ переворотахъ жизни, потому онъ сдружился съ природою и любитъ живописать ее, часто прикрашивая; ибо здѣсь только можетъ свободно излиться его душа. Онъ не ищетъ выразить въ пѣснѣ обстоятельства жизни дѣйствительной; но напротивъ желаетъ какъ бы отдѣлиться отъ всего существующаго и, закрывъ ухо рукою, хочетъ, кажется, потеряться въ звукѣ. Посему Русскія пѣсни отличаются глубокою уныlostію, отчаяннымъ забвеніемъ, какимъ-то раздольемъ и плавною протяженностію. Въ Малороссійскихъ меньше такой роскоши (исключая пѣсни обрядныя, гдѣ часто онѣ сходятся съ Русскими и другими: почему такъ — видно изъ предъидущаго) и протяженности; онѣ, будучи выраженіемъ борьбы духа съ судьбою, отличаются *порывами* страсти, *сжатой* твердостію и силою чувства, а равно и естественностію выраженія. Въ нихъ видимъ не забывчивость и не унылость, но болѣе досаду и тоску; въ нихъ больше дѣйствія. Сіе-то дѣйствіе отпечаталось и въ послѣдующихъ пѣсняхъ драматическою формою, и князь Цертелевъ справедливо замѣчаетъ ¹⁾, что въ Русскихъ превосходитъ описательная поэзія, что въ нихъ встрѣчаемъ рассказъ сочинителя,

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1827. № 12, 276.

между тѣмъ какъ въ пѣсняхъ Малороссійскихъ находимъ драматическое изложение предмета. Сила ихъ много зависитъ отъ *лаконизма* самаго ихъ языка.

„Тоска, которая составляетъ важнѣйшее *свойство* Малороссійскихъ пѣсней, не прикрываетъ ихъ, но проникаетъ. Она отзывается во всѣхъ пѣсняхъ; даже пропія, къ коей весьма склонны Малороссіане, часто смѣшивается съ оною, изъ чего происходитъ совсѣмъ особенный, отлично хорошій родъ пѣсень...

„Пѣсни нѣжныя отлпчаются неподражаемымъ простодушіемъ и естественностію, которой ни мало не противорѣчатъ непрерывныя сравненія. Духъ, не находя еще въ себѣ самыхъ особенныхъ формъ для полного выраженія въ его глубинѣ зарождающихся чувствъ, невольно обращается къ природѣ, съ которою онъ, по своему младенчеству, еще друженъ, и въ ея предметахъ видитъ, чувствуетъ подобіе свое гораздо явственнѣе и вѣрнѣе. Посему-то находите столь частыя сравненія съ окружающею безукрашеною природою—столь частыя бесѣды съ буйнымъ вѣтромъ, дробнымъ дождемъ, черными туманами. Унылая, вѣщая зозуля, одинокій яворъ, плакучія ивы и гибкія лозы, печальная калина, крещатый барвинокъ—сіи эмблемы отдѣльныхъ состояній духа невольно ему напоминаютъ его самого, и онъ выражается ими какъ бы потому, что не можетъ иначе; когда напротивъ въ метафорахъ Русскихъ пѣсень замѣчаемъ больше искусственности, нѣкотораго рода произволъ и желаніе прикрасъ...

„Что касается до пѣнія, то у Русскихъ гораздо лучше поютъ мужчины—это какъ бы ихъ принадлежности; въ Малороссіи сею способностію, и часто въ высшей степени, обладаетъ полъ женскій.

„Самый напѣвъ или музыка, если онъ равно хорошъ и въ Русскихъ, и въ Малороссійскихъ пѣсняхъ, то должно признаться, что въ послѣднихъ онъ несравненно разнообразнѣе; различіе тоже: въ Малороссійскихъ нѣтъ такого раздолья, но сильнѣе страсть“.

Далѣе, Максимовичъ продолжаетъ свой комментарий къ пѣснямъ замѣтками объ ихъ собираніи, о выборѣ лучшихъ текстовъ, о складѣ стиха, о принятомъ у него правописаніи (онъ дѣлалъ нѣкоторыя нововведенія, стараясь дать правописанію характеръ историческій), наконецъ, объ особенностяхъ малорусскаго языка. Въ концѣ книжки онъ прибавилъ словарь малорусскихъ словъ, указывая на сходство ихъ съ другими славянскими нарѣчіями, особенно съ польскимъ, — но еще въ предисловіи оговаривается, что при этомъ имѣлъ въ виду „показаніе, въ какихъ еще языкахъ повторились слова малороссійскія, а не съ какого языка перешли они въ малороссійскій“. Его мнѣніе объ этомъ языкѣ было вообще таково, что „во многихъ свойствахъ малороссійскій языкъ ближе великороссійскаго и польскаго къ прочимъ языкамъ славянскаго корня, такъ что его можно почитать дѣйствительно среднимъ въ системѣ сихъ нарѣчій, какъ и самое положеніе странъ, гдѣ говорятъ симъ языкомъ“.

Ученая литература, которою могъ тогда воспользоваться Максимовичъ относительно русской народной поэзіи и малорусскаго языка, была очень невелика ¹⁾.

¹⁾ Статья „О народныхъ пѣсняхъ славянъ“ К. Бродзянскаго, очень извѣстнаго

Если сравнить это изданіе Максимовича не только съ тѣмъ, что работалось тогда у насъ по народной словесности, но и съ подобными изданіями въ остальной литературѣ славянской и даже западной европейской, надо признать за нимъ большую заслугу разумнаго пониманія и исполненія дѣла. Какая громадная разница, напр. съ Сахаровымъ, первыя работы котораго явились нѣсколькими годами позднѣе. Максимовичъ отчетливо представляетъ себѣ тѣ стороны предмета, которыя замѣчены были тогдашней начинающей этнографіей; у него нѣтъ ни пустыхъ, притомъ самохвальныхъ фразъ, ни путаницы въ понятіяхъ о дѣлѣ. Точка зрѣнія его значительно ушла впередъ отъ взглядовъ его предшественника: онъ ждетъ еще отъ изученія народной поэзіи успѣховъ литературнаго романтизма (въ чемъ и не совсѣмъ ошибся); но понимаетъ и его самостоятельное значеніе—содержаніе малорусской поэзіи для него есть живое историческое и бытовое явленіе, въ своемъ родѣ единственное, потому что отражаетъ специально единичный народъ, съ его особенной судьбой и нравами. Сравненіе съ великорусской поэзіей представляется само собой, и Максимовичъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній, не весьма отчетливыхъ для нашего времени, но важныхъ въ свое и не лишенныхъ истины. Онъ замѣчаетъ археологическую цѣнность народныхъ пѣсенъ, ихъ поэтическую символику (которую потомъ разработывалъ Костомаровъ); его краткія бытовыя объясненія къ нѣкоторымъ пѣснямъ были зачаткомъ этнографическаго комментарія, и т. д.

Сборникъ Максимовича знакомилъ съ новымъ отдѣломъ малорусской поэзіи, лирическо-бытовымъ и обряднымъ. Онъ былъ встрѣченъ въ литературѣ съ большими сочувствіями и послужилъ однимъ изъ главныхъ основаній для извѣстности Максимовича. Всего больше радовалъ его отзывъ Пушкина; сборникъ его привлекъ также вниманіе Гнѣдича, Шишкова, и повелъ къ дружескимъ связямъ съ Гоголемъ.

тогда и у насъ польскаго поэта, археолога и критика, переведенная въ „Вѣстн. Европы“, 1826, № 13 (о Бродзянскомъ см. въ Исторіи слав. литературъ, въ наложеніи польской литературы, т. II, стр. 611—615); статья кн. Цертелева, тамъ же въ В. Евр. 1827, № 12; статья Глаголева „О русскихъ народныхъ пѣсняхъ“, въ Трудахъ Общества любителей рос. словесности, М. 1818, ч. XI; замѣчанія Гнѣдича въ „Простонар. пѣсняхъ нынѣшнихъ грековъ“, Спб. 1825. По языку передъ нимъ была только книга Алексѣя Павловскаго („Грамматика малороссійскаго нарѣчія, или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго Россійскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями“. Спб. 1818, и „Прибавленіе къ Грамматикѣ малор. нарѣчія или отвѣтъ на рецензію“ и пр. Спб. 1822). Въ своемъ второмъ сборникѣ 1834 г., Максимовичъ упоминаетъ вышедшія у галичанъ малорусскія грамматика Левицкаго и Лозинскаго, 1833, но онъ зналъ о нихъ только по извѣщенію въ Журналѣ минист. просвѣщенія, 1834.

Послѣ изданія 1827 года, Максимовичъ продолжалъ усердно собирать матеріалъ для новаго собранія. Этотъ второй сборникъ ¹⁾ вышелъ также еще въ Москвѣ, и въ предисловіи Максимовичъ указывалъ, что собраніе его простиралось тогда уже до 2¹/₂ тысячъ пѣсенъ и отрывковъ. Собраніе его обогатилось сообщеніями другихъ любителей и собирателей, въ ряду которыхъ онъ называетъ кн. Цертелева, Гоголя—„новаго историка Малороссіи и автора Вечеровъ на хуторѣ близъ Диганьки“, Срезневскаго—издателя „Запорожской Старины“ ²⁾, А. Г. Шпигоцкаго, И. В. Крамаренка, Бодянскаго; кромѣ того, Максимовичъ приобрѣлъ собраніе умершаго передъ тѣмъ археолога-народника Зоріана Ходаковскаго, богатое пѣснями обрядными и особенно свадебными. Изданіе предполагалось въ четырехъ частяхъ (1—пѣсни былевныя и бытовныя; 2—женскія; 3—„гулливыя“; 4—обрядныя), но вышла только первая часть. занятая думами и бытовыми, собственно козацкими пѣснями. Дальше мы скажемъ подробнѣе о томъ, что въ новомъ сборникѣ оказались и нѣкоторыя поддѣльныя пѣсни, именно заимствованныя изъ „Запорожской Старины“. Тогда никто не замѣтилъ этихъ поддѣлокъ, которыя стали ясны только позднѣе при внимательномъ изученіи стили думъ; но по своему времени поддѣлки были искусны и производили впечатлѣніе, даже болѣе сильное, чѣмъ думы настоящія ³⁾).

Знакомство Максимовича съ Гоголемъ началось въ 1829 въ Петербургѣ и стало особенно тѣснымъ съ 1832, послѣ того, какъ они свидѣлись ближе въ Москвѣ. Самъ Гоголь въ это время былъ увлеченъ Малороссіей, ея стариной и поэзіей, мечталъ писать ея исторію, приходилъ въ восторгъ отъ украинскихъ пѣсенъ. Въ этомъ настроеніи, пѣсни завязали тѣснѣйшую связь между „земляками“, одинаково увлекавшимися родиной; Гоголя тянуло къ Максимовичу, имѣвшему въ рукахъ драгоценное сокровище и готовившему тогда второй свой сборникъ. Одинъ отрывокъ изъ ихъ переписки дастъ понятіе о тогдашнемъ настроеніи Гоголя:

„Теперь я принялся за исторію нашей Украины,—писалъ онъ къ Максимовичу въ ноябрѣ 1833 года.—Ничто такъ не успокоиваетъ, какъ исторія. Мои мысли начинаютъ литься тише и стройнѣе. Мнѣ

¹⁾ Украинскія народныя пѣсни, изданныя Мих. Максимовичемъ. Часть первая. (Книга I. Украинскія Думы. Книга II. Пѣсни козацкія былевныя. Книга III. Пѣсни козацкія бытовныя). М. 1834. Второй части не было.

²⁾ „Запорожская Старина“ была только-что начата въ это время и продолжалась послѣ (Харьковъ, 1833—1838).

³⁾ Въ томъ же 1834 г. Максимовичъ издалъ „Голоса украинскихъ пѣсенъ“, положенныхъ на ноты для пѣнія и фортепьяно Алябьевымъ (25 пѣсенъ). Въ 1849 г. въ Кіевѣ вышелъ послѣдній „Сборникъ украинскихъ пѣсенъ“ — рассчитанный на шесть частей, изъ которыхъ опять вышла только одна первая.

кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, чего до меня не говорили.

„Я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ изъ собранія Ходаковского. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ, при трепетной свѣчѣ, между стѣнами, убитыми книгами и книжною пылью, съ жадностью жиды, считающаго червонцы! Моя радость, жизнь моя, пѣсни! Какъ я васъ люблю! Что всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, предъ этими звонкими, живыми лѣтописями!.. Я самъ теперь получилъ много новыхъ, и какія есть между ними! прелести!.. Я вамъ ихъ спишу... не такъ скоро, потому что ихъ очень много. Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ... Я не имѣю терпѣнія дожидаться печатнаго... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни. Даже не историческія, даже п... онѣ все даютъ по новой чертѣ въ мою исторію, все разоблачаютъ яснѣе и яснѣе — прошедшую жизнь и — прошедшихъ людей... Я вамъ за то пришлю находящіяся у меня, которыхъ будетъ до двухъ-сотъ и что замѣчательно — что многія изъ нихъ похожи совершенно на антики, на которыхъ лежитъ печать древности, но которые совершенно не были въ обращеніи и лежали зарытые“ ¹⁾...

Въ другомъ письмѣ, Гоголь дѣлаетъ нѣсколько справедливыхъ замѣчаній относительно распредѣленія пѣсенъ, принятаго Максимовичемъ въ его второмъ сборникѣ, и даже совсѣмъ считаетъ ненужными какія-нибудь раздѣленія... „По мнѣ, раздѣленія не нужно въ пѣсняхъ. Чѣмъ больше разнообразія, тѣмъ лучше. Я люблю вдругъ возлѣ одной пѣсни встрѣтить другую, совершенно противнаго содержанія“ ²⁾. Гоголя влекла не этнографія, а поэтическое дѣйствіе пѣсенъ.

Впечатлѣніе, произведенное сборниками Максимовича на перво-степенныя силы русской литературы, было фактомъ большого историческаго значенія. Тогдашніе энтузіасты народности, ожидавшіе литературнаго переворота отъ вліянія этнографическихъ изученій, полагали, что въ поэзіи этотъ переворотъ произойдетъ въ томъ народно-романтическомъ направленіи, какое они сами исповѣдовали. Въ это самое время и дѣйствительно совершался глубокой переворотъ въ нашей литературѣ — подъ вліяніемъ цѣлой совокупности общественно-историческихъ и литературныхъ причинъ: въ ряду ихъ и

¹⁾ Сочиненія и письма Гоголя, изд. Кулиша, 1857, т. V, стр. 188—189.

²⁾ Тамъ же, стр. 203.

реставрація народной поэзіи имѣла свое обширное дѣйствіе, потому что принесла живой, глубоко поэтической отзывъ народа на интересы, возникшіе среди образованнаго класса, въ высшихъ сферахъ литературнаго развитія,—и эта реставрація подѣйствовала не тѣмъ только, что дала новые поэтическіе сюжеты и краски, но тѣмъ, что указала нравственное содержаніе народной жизни, ранѣе едва или совсѣмъ не подозрѣваемое, внушила къ ней уваженіе и потребность вниманія къ ней и въ соціальномъ смыслѣ...

Одинъ изъ біографовъ Максимовича указываетъ на это явленіе слѣдующими замѣчаніями:

„Максимовичъ рассказывалъ, что въ одно изъ посѣщеній своихъ Пушкина онъ засталъ поэта за своимъ сборникомъ:—„А я обираю ваши пѣсни“,—сказалъ Пушкинъ. Онъ писалъ въ это время „Полтаву“, вышедшую въ 1829 г. „Полтава“—одно изъ первыхъ у насъ поэтическихъ произведеній съ чертами народности въ сюжетѣ и характерахъ. Марія Кочубеевна, при всей своей относительной (по теперешнимъ понятіямъ) блѣдности изображенія—одно изъ первыхъ живыхъ русскихъ женскихъ лицъ въ нашей литературѣ; нельзя не видѣть, что черты ея у Пушкина навѣяны женскими украинскими пѣснями, столь полными нѣжности и страсти. Вниманіе, какое оказывалъ Пушкинъ къ пѣснямъ, издаваемымъ Максимовичемъ, засвидѣтельствовано показаніемъ Погодина и письмомъ Гоголя, который говоритъ о сборникѣ 1834 г.: „я похвастаюсь имъ передъ Пушкинымъ“¹⁾).

По мнѣнію біографа, еще болѣе тѣсная нравственная связь и аналогія существовала между Максимовичемъ и Гоголемъ. Хотя дѣятельность обоихъ возникала безъ всякаго вѣшняго соотношенія и у каждого была своя дорога труда и таланта, но внутреннее настроеніе обоихъ въ первые годы было аналогично и можетъ послужить къ объясненію того значенія, какое имѣли для нашего общественаго и литературнаго развитія малорусскія пѣсни и преданія, увлекавшія Максимовича и Гоголя. Петербургъ въ первый разъ произвелъ на Гоголя тяжелое впечатлѣніе своей сухой бесплодностью, отсутствіемъ національнаго характера; ему припомнилась народная жизнь на его родинѣ, и онъ пишетъ домой просьбы присылать ему народныя пѣсни, преданія, сказки, описывать старинные предметы—„какъ это все дѣлается у самыхъ закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ“. Въ результатѣ этнографическихъ поисковъ Гоголя явились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, одинъ изъ первыхъ фактовъ произведеннаго имъ лите-

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 447.

ратурнаго переворота. Извѣстно, что Пушкинъ живо его почувствовалъ, повѣсти Гоголя „изумили“ его: „все это такъ *необыкновенно* въ нашей литературѣ, — писалъ онъ, — что я доселѣ не образумился“. Есть факты, намекающіе, что дружба Пушкина, плодотворная для Гоголя, сопровождалась и обратнымъ вліяніемъ Гоголя не только на Пушкина, но и на Жуковского, старѣйшаго и консервативнаго, и именно, болѣе пристальнымъ вниманіемъ къ народной поэзіи.

Есть и другая сторона въ тѣхъ вліяніяхъ, которыя создавалъ этнографическій интересъ, возбужденный малорусской народной поэзіей. Гоголь мечталъ написать исторію Малороссіи, даже немного хвастался ею впередъ; исторіи этой онъ не написалъ, — за то въ этотъ періодъ онъ создалъ „Тараса Бульбу“. Но — говоритъ біографъ Максимовича, взглядъ котораго мы приводили, — въ тотъ же періодъ, когда Гоголь такъ возился съ малорусскими пѣснями и исторіей, онъ написалъ „Женитьбу“, „Ревизора“ и т. п. вещи, съ которыхъ начинается новая эпоха русскаго самосознанія. Мы никогда не поймемъ причины появленія такихъ вещей, а, слѣдовательно, не поймемъ вѣрно и всей послѣдующей дѣятельности Гоголя, — не поймемъ, что дало силу недоучившемуся провинціалу, чуждому результатовъ передовой европейской мысли, стать возбудителемъ критическаго самосознанія въ русскомъ обществѣ, если не обратимъ вниманія на связь появленія „Ревизора“ и т. п. вещей съ тѣмъ увлеченіемъ, какому предавался Гоголь, занимаясь пѣснями и исторіей Малороссіи, — и не опѣнимъ того контраста, каковой представляютъ симпатическіе и грандіозные образы въ этихъ пѣсняхъ и въ этой исторіи, какъ она представлялась Гоголю, съ тѣми „мелочами и пошлостью, опутавшими нашу жизнь“, какія видѣлъ Гоголь около себя въ дѣйствительности. А если такъ, то вотъ какую службу сослужили украинскія народныя пѣсни нашему отечеству! И не мала доля участія въ этой службѣ и Максимовича“¹⁾.

Эта доля участія выразилась его любящимъ отношеніемъ къ преданіямъ малорусской исторіи и народной поэзіи, и добросовѣстнымъ ихъ изученіемъ. Кромѣ второго и третьяго сборника пѣсенъ²⁾, у Максимовича, со времени пребыванія въ Кіевѣ, начинается рядъ разнообразныхъ работъ по древностямъ, исторіи, топографіи, литературѣ и языку южной Руси, работъ, которыя въ свое время, при

¹⁾ Вѣстн. Евр. 1874, мартъ, стр. 443—450. Этотъ взглядъ на вліяніе малорусскихъ источниковъ и отголосковъ на складъ дѣятельности Гоголя въ русской литературѣ, развитъ въ предисловіи къ вышедшему нѣсколько лѣтъ назадъ малорусскому переводу повѣстей Гоголя („Переклады зъ Н. Гоголя. Два розмѣнтыхъ зразки“. Олени Пчялки, Кіевъ, 1881).

²⁾ Послѣдній вышелъ въ 1849 г., но цензурованъ еще въ 1845.

малой извѣстности источниковъ и маломъ числѣ дѣятелей, имѣли большую цѣну, какъ начало критической разработки фактовъ и возбужденія научныхъ вопросовъ.

Въ первый годъ кievской жизни, Максимовичъ опять встрѣтился съ Гоголемъ, на котораго Кіевъ и его старыя мѣстности и святыни произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Максимовичъ думалъ впоследствии, что именно къ этому пребыванію въ Кіевѣ надо отнести начало извѣстнаго крутого переворота въ мысляхъ Гоголя ¹⁾. Въ Кіевѣ же Максимовича навѣстили Погодинъ, Петръ Кирѣевскій, Надеждинъ; онъ еще засталъ здѣсь и послѣдніе годы знаменитаго митрополита Евгенія Болховитина (ум. 23 февр. 1838). Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей стараго ученаго круга Александровскихъ временъ: всегда готовый дѣлиться своими учеными богатствами, митрополитъ Евгеній любилъ подолгу бесѣдовать о старинѣ, снабжалъ Максимовича книгами и рѣдкими рукописями, и этотъ живой примѣръ неутомимаго труда снова побуждалъ Максимовича заняться изученіемъ своего южнаго края, и особенно Кіева.

Максимовичъ уже вскорѣ становился необходимымъ участникомъ возникавшихъ въ Кіевѣ научныхъ предпріятій. Къ концу 1835 г. основался здѣсь комитетъ объ отысканіи древностей, подъ предсѣдательствомъ попечителя университета; Максимовичъ былъ членомъ этого комитета; тогда же онъ былъ выбранъ членомъ-корреспондентомъ статистическаго отдѣленія въ совѣтъ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1839 онъ выбранъ былъ въ члены дѣятельнаго тогда Одесскаго Общества исторіи и древностей. Въ началѣ 1841, Максимовичъ, вмѣстѣ съ его другомъ, Иннокентіемъ, пришли къ мысли, что и въ Кіевѣ пора быть своему историческому обществу; мысль эта нашла отголосокъ, собрался кружокъ любителей старины, составила даже программа будущей дѣятельности, — но какія-то, повидимому, официальные, препятствія не дали основаться этому обществу; притомъ, Максимовичъ и Иннокентій въ это время оставили Кіевъ... Взаимнъ общества и упомянутаго комитета о древностяхъ учреждена была при кievскомъ генералъ-губернаторѣ „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, куда приглашенъ былъ и Максимовичъ (съ Н. Д. Иванишевымъ и Домбровскимъ); онъ принималъ дѣятельное участіе въ ея архивныхъ работахъ и издалъ первые томы ея „Памятниковъ“. Позднѣе, въ 1847, по порученію кievскаго губернатора Фундуклея, Максимовичъ редактировалъ издававшееся тогда „Обозрѣніе Кіева“ (текстъ котораго былъ составленъ С. П. Крыжановскимъ), а потомъ другую книгу, изданную тѣмъ же Фундук-

¹⁾ Повомаревъ, стр. 211.

леемъ: „Обозрѣніе могилъ, валовъ и городищъ въ Кіевской губерніи“ (текстъ былъ составленъ польскимъ писателемъ Мих. Грабовскимъ). Не входя въ подробности трудовъ Максимовича, отмѣтимъ лишь главные предметы, на которыхъ останавливались его изслѣдованія. Въ собраніи его сочиненій (къ сожалѣнію, не заключающемъ нѣкоторыхъ статей, любопытныхъ для его литературной біографіи), труды его распределены на слѣдующіе отдѣлы.

Во-первыхъ, сочиненія историческія. Начиная съ изслѣдованія „Откуда идетъ Русская земля?“ (изданнаго въ Кіевѣ, 1837), гдѣ Максимовичъ утверждалъ славянское происхожденіе варяго-русовъ противъ норманской теоріи,—въ историческихъ изысканіяхъ Максимовича излагаются разные частные вопросы изъ древней русской исторіи, изъ среднихъ вѣковъ и козацкой эпохи южной Руси. Укажемъ особенно статьи: О мнимомъ запустѣніи Украины въ нашествіе Батыево и населеніи ея новоприплымъ народомъ, 1857; о причинахъ взаимнаго ожесточенія поляковъ и малороссіянъ, бывшаго въ XVII вѣкѣ,—письмо къ М. Грабовскому, 1857; изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ, 1843, 1850; письма о Богданѣ Хмельницкомъ, 1859; сказаніе о Колієвщинѣ, написано 1839, напечатано 1875; Бубновская сотня, 1848—вездѣ богатый матеріалъ свѣдѣній по политической и бытовой исторіи южной Россіи, весьма цѣнный и до настоящаго времени.

Во-вторыхъ, сочиненія историко-топографическія, гдѣ собрано множество отдѣльныхъ изысканій о самомъ Кіевѣ, его старыхъ памятникахъ, урочищахъ, старыхъ городахъ кіевского края, и пр.

Въ-третьихъ, отдѣлъ археологическій,—нѣсколько статей, между прочимъ о предметахъ ископаемой древности, найденныхъ въ южной Россіи.

Въ-четвертыхъ, отдѣлъ этнографическій, гдѣ помѣщены вводныя статьи Максимовича о малорусскихъ пѣсняхъ и думахъ изъ его сборниковъ 1827 и 1834 г., и замѣчательная статья: „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“ (1856), со множествомъ этнографическихъ фактовъ объ украинскомъ бытѣ, народномъ календарѣ, повѣрьяхъ, примѣтахъ, преданьяхъ и т. д.

Въ пятомъ отдѣлѣ, языкованія, особенно интересны „Письма къ Погодину о старобытности малороссійскаго нарѣчія“ (1856, 1863) противъ мнѣнія, утверждавшаго, что жители древняго Кіева были великоруссы, а что племя малорусское, и съ нимъ его языкъ, являются только послѣ XIII столѣтія, когда въ опустошенную татарами южную Русь надвинулись новыя поселенцы изъ-за Карпатъ. Мы дальше возвратимся къ этимъ статьямъ, тема которыхъ продолжаетъ быть предметомъ ученой полемики и до послѣднихъ годовъ.

Въ шестомъ отдѣлѣ, исторіи словесности, рядъ трудовъ, весьма замѣчательныхъ по своему времени, какъ напр., „Исторія древней русской словесности“, 1839, первая попытка освѣтить древній періодъ нашей литературы; далѣе нѣсколько работъ надъ „Словомъ о полку Игоревѣ“, русскій и малорусскій переводъ его, и комментарий; наконецъ, нѣсколько статей о старой малорусской литературѣ.

Многіе изъ трудовъ Максимовича уже совсѣмъ устарѣли въ настоящее время, напр., его филологическія теоріи, его сужденія о древней литературѣ и пр. Это и не могло быть иначе при быстромъ развитіи нашей филологической и этнографической науки съ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, когда она воспользовалась готовыми уроками цѣлой науки европейской и когда новѣйшая усиленная разработка старой письменности и живой народной словесности открыла множество памятниковъ, не только неизвѣстныхъ, но даже совсѣмъ не подозрѣваемыхъ пятьдесятъ и сорокъ лѣтъ тому назадъ; но въ свое время Максимовичъ былъ самымъ дѣятельнымъ работникомъ въ историко-этнографической области. Наконецъ, рѣдко ученый стараго вѣка сохранялъ такую дружелюбную близость съ молодыми поколѣніями, какъ Максимовичъ. Наука прошла гораздо дальше тѣхъ основаній и приѣмовъ, какими онъ нѣкогда руководился; онъ понималъ это, покинулъ старыя теоретическіе приемы и продолжалъ работать надъ собираніемъ и ближайшимъ истолкованіемъ фактовъ, всегда необходимымъ для науки, а его преданность своему дѣлу, живое чувство своей мѣстной народности, остались тѣ же и образовали ту нравственную связь съ новыми поколѣніями, которая, къ сожалѣнію, рѣже встрѣчается въ нашей „ученой республикѣ“, чѣмъ должно бы быть.

Въ Кіевѣ, кромѣ вѣшнихъ обстоятельствъ, привела Максимовича „тоска по родинѣ“, той родинѣ, гдѣ, по его позднѣйшему выраженію, была „земля и небо его предковъ“. Изъ переписки съ нимъ Гоголя видно, что, когда шелъ вопросъ о кіевской профессурѣ, Максимовичъ зазывалъ туда и Гоголя. „...Туда, туда! въ Кіевѣ! въ древній, въ прекрасный Кіевѣ! — отвѣчалъ Гоголь. — Тамъ, или вокругъ него дѣялись дѣла старины нашей... Да, это славно будетъ, если мы займемъ съ тобою кіевскія кѣедры: много можно будетъ надѣлать добра. А новая жизнь среди такого хорошаго края! Тамъ можно обновиться всѣми силами“¹⁾... Гоголь не попалъ въ Кіевъ, но на Максимовича Кіевъ произвелъ это сильное одушевляющее

¹⁾ Соч. и письма Гоголя, изд. Кулиша, V, стр. 192—193. Письмо отъ конца 1833 или начала 1834 года.

дѣйствіе. Онъ, видимо, вступилъ въ свою настоящую сферу. Съ первыхъ шаговъ здѣсь его литературная роль опредѣляется навсегда: изученіе родного края, его древности, исторіи, языка становится его исключительнымъ интересомъ, отъ котораго онъ уже ничѣмъ и нигде не отвлекается. Его литературная предприимчивость продолжается, но приобретаетъ мѣстную складку. Онъ затѣваетъ сборникъ „Кіевлянинъ“ (три книги, 1840, 1841, 1850), гдѣ допущены были, для оживленія изданія, стихи и повѣсти, но основнымъ содержаніемъ были историческія изслѣдованія и матеріалы о Кіевѣ и всей южной Руси, гдѣ главнымъ работникомъ былъ самъ Максимовичъ. Онъ обращался ко всѣмъ, живущимъ въ южно-русскомъ краѣ, прося доставлять ему статьи, относящіяся къ мѣстной исторіи, старинныя записки, грамоты, универсалы, акты, листы, легенды, народныя преданія, пѣсни, рисунки значительныхъ изданій и предметовъ. Съ просьбой о содѣйствіи Максимовичъ обращался и къ своимъ литературнымъ друзьямъ въ Москвѣ и Петербургѣ, и Хомяковъ, между прочимъ, писалъ ему: „Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ — городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями“. Увидимъ далѣе, насколько удобно было даже Максимовичу дѣйствовать „словомъ и мыслью“... Появленіе „Кіевлянина“ встрѣчено было въ нашей исторической литературѣ съ большимъ сочувствіемъ, — между прочимъ, въ критической статьѣ Соловьева ¹⁾, который высказывалъ желаніе, чтобы за „Кіевляниномъ“ послѣдовалъ Смолянинъ, Тверитянинъ, Черниговецъ, Казанецъ, — „но за матерью городовъ русскихъ останется честь и слава благого начинанія“.

Біографъ Максимовича прибавляетъ, что кромѣ своего значенія для исторической науки, „Кіевлянинъ“ замѣчателенъ и тѣмъ, что былъ первымъ историко-литературнымъ періодическимъ изданіемъ, явившимся въ Кіевѣ, и послѣ него еще долго не появлялось въ Кіевѣ ни литературныхъ сборниковъ, ни газетъ ²⁾.

Позднѣе, опять въ тѣхъ же интересахъ мѣстнаго изученія, Максимовичъ издаетъ „Украинца“ (двѣ книги, 1859, 1864). И всю свою жизнь, въ Кіевѣ, онъ посвятилъ собиранію южно-русской старины, изученію ея мѣстности, памятниковъ вещественныхъ письменныхъ остатковъ, исторіи старыхъ малорусскихъ фамилій, которыхъ такъ много затерялось въ охватившей южную Русь польской волнѣ, собиранію этнографическому и т. д. Онъ не сомнѣвался, что древнѣйшая

¹⁾ Въ Москвитинѣ, 1844, ч. VI, № 12.

²⁾ Пономаревъ, стр. 223—224.

русская исторія была дѣломъ южно-русскаго племени и его гордостью, что въ наши средніе вѣка та же южная Русь оказала великія услуги русскому цѣлому, когда съ послѣднимъ напряженіемъ силъ защищала свою вѣру и народность въ XVI—XVII столѣтіяхъ, когда въ Кіевской Академіи полагала первыя основы русскому просвѣщенію, въ связи съ европейскою образованностью. „Слово о полку Игоревѣ“ было въ глазахъ Максимовича памятникомъ специально южно-рускимъ; оттого онъ съ особенною любовью занимался изученіемъ этого единственнаго поэтическаго остатка нашей древности и никто до него не сумѣлъ указать его внутренней связи съ чувствомъ и образами еще живущей поэзіи народной, и именно украинской. Наконецъ, Максимовичъ перевелъ его на малорусскій языкъ, чтобы возратить новому народу полу-книжное созданіе его предковъ...

Эта привязанность къ своей родинѣ и народной жизни, руководившая его историко-этнографическими интересами, соединялась и съ живой потребностью послужить народному образованію, хотя на общерусскомъ, а не украинскомъ языкѣ. Результатомъ этого желанія былъ извѣстный трудъ Максимовича: „Книга Наума о великомъ божіемъ мірѣ“, 1833, одна изъ лучшихъ книгъ нашей популярной литературы, много разъ потомъ переизданная. Специально для украинскихъ народныхъ читателей, онъ переложилъ поэзію псалмы на малорусскій языкъ (Москва, 1859).

При всемъ томъ, Максимовичъ не былъ украинофиломъ въ болѣе позднемъ смыслѣ этого слова. Въ своемъ отвѣтѣ на привѣтствія, какія читались на 50-лѣтнемъ юбилей его литературной дѣятельности въ 1871 году, Максимовичъ говорилъ о себѣ: „Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я такъ же любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же *святой Владиміровой Руси*, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ, одной безъ другой, недостаточны, односторонни“ ¹⁾... Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли его старыя литературныя связи, отвѣчавшія и тогдашнему складу его идей: онъ развивался въ школѣ русскаго романтизма, начинавшаго принимать народный колоритъ, и съ своей стороны прибавилъ къ нему оттѣнокъ малорусскій, какъ чисто областной, не выдѣляясь нисколько изъ общаго литературнаго движенія. Украинофильство выросло изъ иныхъ историческихъ возбужденій—

¹⁾ Юбилей, стр. 61.

послѣ болѣе или менѣе успѣшныхъ попытокъ литературы на народномъ языкѣ (съ 1830—40 годовъ), въ ряду которыхъ была поэзія Шевченка, послѣ вліяній славянскаго возрожденія, послѣ либеральныхъ увлеченій правительства и общества вслѣдъ за Крымской войной, послѣ освобожденія крестьянъ, наполнившаго довѣрчивыхъ людей самыми оптимистическими ожиданіями; и когда въ новыхъ поколѣніяхъ жила мечта о болѣе дѣятельномъ служеніи своему народу и о поднятіи его образованія возвышеніемъ его литературной рѣчи, Максимовичъ оставался вѣренъ своимъ старымъ взглядамъ: онъ былъ убѣжденъ, — говоритъ его біографъ, — что малороссійскій языкъ, оставаясь языкомъ простонародья, можетъ быть языкомъ поэзіи и для современнаго малоросса, но не можетъ быть ни языкомъ общежитія образованнаго общества, ни языкомъ ученыхъ ¹⁾).

Внѣшнія условія дѣятельности Максимовича не всегда однако были благопріятны. Мы видѣли прежде въ біографіи Сахарова, что, при всей его благонамѣренности, при всемъ патріотическомъ усердіи, онъ встрѣчалъ не только препятствія, но, по словамъ его, даже небезопасныя угрозы. У Максимовича дѣло, кажется, не доходило до такихъ крайностей; тѣмъ не менѣе и ему привелось испытывать большія цензурныя неудобства. Онъ, котораго самъ Уваровъ привѣтствовалъ какъ писателя и оратора, блестящимъ образомъ изложившаго программу оффиціальной народности относительно значенія Кіева, — долженъ былъ быть очень осмотрителенъ. Біографъ его рассказываетъ, что когда Максимовичъ занятъ былъ своимъ „Кіевляниномъ“, то другъ его, Иннокентій Борисовъ, очень интересовавшійся изданіемъ, самъ исправлялъ статьи это сборника, опасаясь цензуры, которая была очень строга. Дѣйствительно, цензура не пропустила стихотворенія: „Кіевъ“, присланнаго Хомяковымъ; статьи историческія печатались „съ великими ущербами“; статья Максимовича о Кюлевщинѣ 1768 года, по его мнѣнію, самая интересная для читателей, не только не была пропущена цензоромъ, но, по его настоянію, отправлена была мѣстнымъ цензурнымъ комитетомъ въ Петербургъ ²⁾). При всей осторожности, какая требовалась въ то время, Максимовичъ однажды въ письмѣ къ Иннокентію изъ своей Михайловой Горы (въ 1840) говорилъ о печальномъ упадкѣ двухъ сословій тамошняго люда, связанныхъ между собою крѣпостнымъ правомъ съ 1783 года. Иннокентій, посылая отвѣтъ по почтѣ и опасаясь говорить о мудреномъ предметѣ, отвѣчалъ Максимовичу на латинскомъ языкѣ ³⁾).

¹⁾ Пономаревъ, стр. 241.

²⁾ Пономаревъ, стр. 221.

³⁾ Тамъ же, стр. 222.

На этихъ примѣрахъ подтверждалось еще разъ, какъ мало официальная народность тѣхъ временъ могла удовлетворить самымъ умѣреннымъ идеямъ о народномъ интересѣ. Эта „народность“ была народность крѣпостного права, и въ Кіевскомъ краѣ ея обоюдный смыслъ сказывался тѣмъ болѣе странными противорѣчіями. Само правительство считало необходимымъ защищать интересы русской народности и просвѣщенія противъ полонизма; но русскую народность представляла здѣсь малорусская крѣпостная масса, а полонизмъ представляемъ былъ многолюднымъ польскимъ помѣщичьимъ сословіемъ, интересы котораго охранялись защитой крѣпостного права. Хомяковъ совершенно справедливо находилъ, что слово и мысль дѣйствовали бы здѣсь всего лучше; но въ силу указанныхъ обстоятельствъ, слово и мысль не могли не столкнуться съ внутреннимъ противорѣчіемъ положенія вещей, и цензура относилась ко всякому слову и мысли съ крайней подозрительностью. Статья Максимовича о Колювщинѣ касалась именно больного мѣста въ отношеніяхъ южнаго края, и цензоръ былъ къ ней особенно суровъ: статья, писанная въ 1839 году, напечатана была (по смерти автора) только въ 1875, въ „Русскомъ Архивѣ“, какъ архивный матеріалъ. Мы видѣли въ то же время, какимъ угрожающимъ тономъ говорилъ министръ народного просвѣщенія въ Кіевскомъ университетѣ въ 1837 году; въ 1839, университетъ былъ на нѣсколько мѣсяцевъ закрытъ—вслѣдствіе того, что нѣсколько польскихъ студентовъ были замѣшаны въ заговоръ, открытомъ въ сѣверо-западномъ краѣ; извѣстно, какъ атмосфера доноса, вмѣстѣ съ произволомъ администраціи, господствовала здѣсь въ сороковыхъ годахъ, когда была такъ раздута исторія Костомарова, и т. д.

Въ такихъ условіяхъ шла работа Максимовича. Едва ли сомнительно, что они стѣснили эту работу, отклонили ее отъ извѣстныхъ сторонъ южно-русской исторіи и дѣйствительности; но Максимовичъ продолжалъ трудиться и былъ въ тѣ десятилѣтія наиболѣе авторитетнымъ представителемъ южно-русской исторической и этнографической науки.

ГЛАВА II.

Зоріанъ Доленга-Ходаковскій.

Имя Ходаковского пользовалось большою славой въ двадцаты и тридцатыхъ годахъ, да и долго послѣ ставилось въ ряду замѣательныхъ изслѣдователей славянской и русской народной старинѣ, которые, въ первое время этихъ изученій, пролагали новыя пути, бросали свѣтъ на темное еще поле древности и народнаго преданія. Литературное поприще Ходаковского было очень кратко при жизни онъ успѣлъ напечатать лишь нѣсколько небольшихъ статей; болѣе обширныя работы его явились долго спустя послѣ его смерти; иное осталось въ рукописяхъ, которыя частью неизвѣстны гдѣ обрѣтаются; самая біографія его до послѣдняго времени оставалась темной и загадочной, — но это не мѣшало его извѣстности. Карамзинъ съ интересомъ прислушивался къ его замѣчаніямъ; позднѣе Погodynъ, въ рукахъ котораго собрались его рукописи и который напечаталъ значительную ихъ часть въ изданіяхъ московскаго Общества исторіи и древностей, былъ великимъ его почитателемъ; и польской литературѣ Ходаковскій (родомъ полякъ) до послѣдняго времени сохранилъ великую славу, какъ одинъ изъ первыхъ начателей народныхъ изученій и какъ человѣкъ, который своимъ обращеніемъ къ народности положилъ первое основаніе новому направленію польской поэзіи, давшему ей Мицкевича и поэтовъ украинской школы. Пересматривая теперь труды Ходаковского, можно не развнести впечатлѣніе, что его значеніе было преувеличено его современниками, русскими и польскими, и до сихъ поръ преувеличивается въ новѣйшей польской литературѣ ¹⁾; но такое впечатлѣніе

¹⁾ Относительно перваго укажемъ, напр., русскіе отзывы Погodynа, Старчевскаго; относительно втораго — отзывы Д. Ходзько, Скимборовича, Лелевели, „Въ общей Энциклопедіи“ и т. д.

вообще легко получается, когда, послѣ цѣлаго періода научной и литературной исторіи, мы обращаемся къ ея первымъ начинаніямъ: бросаются въ глаза всѣ несовершенства этихъ первыхъ начатковъ, всѣ ошибки, давно отстраненныя позднѣйшими работами; съ другой стороны, высокое мнѣніе составлялось подѣ влияніемъ оригинальной личности Ходаковского. Намъ осталось мало современныхъ свѣдѣній объ этой личности, о характерѣ, о способѣ работы, — но по всему видно, что это былъ энтузіастъ, говорившій о своей любимой древности и народности съ такимъ одушевленіемъ, которое дѣйствовало даже на людей равнодушныхъ, такъ что, при всѣхъ преувеличеніяхъ проповѣдника, видѣлся, однако, въ его словахъ какой-то новый міръ неизвѣстныхъ дотола понятій; современникамъ казалось, что они имѣютъ передъ собой открытіе. И дѣйствительно, въ этихъ идеяхъ было нѣчто новое, чтѣ должно было занять мѣсто въ наукѣ и принести богатые результаты, хотя зерну, изъ котораго выросъ новый плодъ, надо было исчезнуть ¹⁾.

Ходаковский былъ, или хотѣлъ быть, археологомъ и этнографомъ. Онъ умеръ въ 1825 г. (лѣтъ сорока), когда только-что начиналъ свои работы Шафарикъ, когда высказывались первыя неясныя мысли о значеніи до-исторической старины и томъ важномъ содержаніи, которое скрыто въ народно-поэтическомъ преданіи. Ходаковский, какъ говорятъ, еще съ юношескихъ лѣтъ, при скудномъ школьномъ образованіи, проникся страстью къ этой темной старинѣ и сталъ рыцаремъ проповѣдникомъ ея изученія и восторженнымъ любителемъ живой народной поэзіи. Какъ развились въ немъ эти стремленія; чтѣ внушило ему эту страсть, когда его собственныя научныя средства были очень умѣренны, когда его окружала искусственная литература совсѣмъ иного склада, когда подобные вопросы были совсѣмъ чужды его средѣ? Передъ нами стоитъ вопросъ, не разъ повторяющійся въ исторіи литературы и общества, когда мы наблюдаемъ первое неясное возникновеніе понятій, которымъ суждено впоследствии стать великой движущей силой, и когда, повидимому, данная среда не даетъ никакихъ поводовъ къ зарожденію новыхъ стремленій: онѣ являются какъ будто безъ достаточной причины; на дѣлѣ причина, конечно, есть — въ извѣстныхъ общихъ условіяхъ и въ частныхъ обстоятельствахъ біографіи новаго дѣятеля. Потому біографіи людей открывающихъ новыя направленія литературы, бываютъ особенно любопытны: къ сожалѣнію, вопросъ о біографіи Ходаковского именно представляется довольно смутнымъ.

---

¹⁾ Мы оставляемъ эту главу почти въ прежнемъ ея объемѣ (В. Е. 1886), въ виду малой извѣстности біографіи Ходаковского.

Еще недавно тотъ, кто желалъ бы познакомиться съ біографіей Ходаковского, могъ встрѣтить въ исторіяхъ польской литературы ¹⁾ и энциклопедіяхъ совершенно разнорѣчащія свѣдѣнія о томъ, гдѣ родился Ходаковский, какую проходилъ школу, вообще какъ прожилъ первыя тридцать лѣтъ своей жизни. Согласіе біографическихъ источниковъ начиналось только съ послѣднихъ годовъ его жизни, когда онъ окончательно предался своимъ археологическимъ и этнографическимъ изысканіямъ и выступилъ съ ними въ литературѣ. При жизни Ходаковского, біографія его была мало извѣстна или извѣстна въ превратномъ видѣ, даже людямъ, которые были съ нимъ близки; и впослѣдствіи, долго спустя по смерти Ходаковского, его ранняя біографія передавалась въ двухъ разныхъ видахъ, не имѣвшихъ между собой ничего общаго и, что приводило въ особое недоумѣніе, обѣ біографіи опирались на *личныя показанія* самого Ходаковского.

Когда Ходаковский умеръ, то первыя біографическія свѣдѣнія о немъ даны были въ извѣстныхъ „Библіографическихъ Листахъ“ Кёппена (1826), въ слѣдующемъ видѣ:

„Польскій дворянинъ, Зоріанъ Яковлевичъ Долуга-Ходаковский (Zorijan Dolega Chodakowski), родился въ Комовѣ, что въ Хелмской землѣ (Царства Польскаго) 24-го дек. 1784 года. Съ 1796 по 1803 г. онъ обучался въ межирецкомъ училищѣ ксендзовъ піаровъ; потомъ, продавъ доставшееся ему (въ Восточной Галиціи) послѣ родителей небольшое имѣніе, онъ съ 1806 по 1810 г. обучался въ волынской гимназіи (въ Кременцѣ). Состоя поручикомъ въ польской военной службѣ, онъ съ 5-мъ пѣхотнымъ полкомъ въ 1812 г. былъ въ Курляндіи, подъ начальствомъ Македональда. Взятъ въ плѣнъ казаками при ретирадѣ изъ Москвы, подъ Борисовымъ, и отправленъ съ прочими плѣнниками въ черниговскую губернію. Тутъ сталъ онъ искать отрады въ книгахъ, и съ сего времени совершенно посвятилъ себя ученымъ изслѣдованіямъ. Варшавское Общество Любителей наукъ избрало его своимъ членомъ, еще до выѣзда его изъ Польши въ Россію, когда онъ занимался частными дѣлами князя А. Чарторыжскаго; а Имп. Виленскій университетъ снабдилъ его отертымъ листомъ, рекомендуя его, какъ изыскателя словенскихъ древностей, наипаче всѣмъ обладателямъ бібліотекъ и архивовъ. Представленный имъ въ 1819 году проектъ его путешествія (на совершеніе котораго ему, по Высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 г., отпущено три тысячи руб. сер.), былъ предварительно разсмотрѣнъ нѣкоторыми отличными учеными, и приведеніе онаго въ дѣйствіе, по мнѣнію

¹⁾ Въ исторіи русской литературы его имя было очень забыто.

Главнаго Правленія училищъ, могло принести пользу наукамъ. Не зирая на нѣкоторыя странности или предубѣжденія г-на Ходаковского, знатоки умѣли цѣнить въ немъ усердіе къ любопытнымъ изслѣдованіямъ, полезнымъ для первобытной исторіи Россіи и всѣхъ вообще словенъ. Особенное вниманіе онъ всегда обращалъ на такъ-называемыя городища, небольшіе окопы, которые онъ обрѣталъ по всему пространству, нѣкогда обитаемому словенами. Неоднократно бесѣдуя съ нимъ, мы, между прочимъ, замѣтили, что, по его наблюденіямъ, таковыя городища имѣли, по большей части, выходъ къ востоку, — что оныя одно отъ другого нерѣдко находились въ опредѣленномъ разстояніи (которое, однако, разнствовалало по разнымъ странамъ), — что около таковыхъ городищъ урочища весьма часто и почти постоянно имѣли одни и тѣ же названія, наконецъ, и самыя городища, которыя, можетъ быть, служили идолопоклонническими капищами, имѣли свои названія. Намъ даже и самимъ, при случаѣ, удавалось по примѣтамъ г-на Ходаковского, развѣдывать и узнавать о таковыхъ городищахъ (помнится, въ тверской губерніи), почему и не сомнѣваемся въ томъ, что замѣчанія его заслуживаютъ уваженія ревностныхъ изслѣдователей отечественныхъ древностей, которые, впрочемъ, не оставятъ безъ вниманія и сужденій о семъ предметѣ К. О. Калайдовича. Къ отличнымъ свойствамъ нашего изслѣдователя причислить должно способность его *бесѣдовать съ простодушными*. На торжищахъ, въ хижинахъ ихъ, въ своей собственной обители, онъ и жена его всегда съ успѣхомъ умѣли пользоваться ихъ простодушными повѣствованіями, преданіями, мѣстными познаніями и самымъ суевѣріемъ. Такимъ образомъ, онъ успѣлъ собрать драгоценныя матеріалы, въ числѣ коихъ мы всегда, съ особеннымъ удовольствіемъ, вспоминали о *географическихъ его фомантахъ и собраніи народныхъ пѣсней*, подслушанныхъ имъ какъ въ Польшѣ, такъ и въ Россіи, и обыкновенно записывавшихся со словъ самихъ поселянъ. Сказываютъ, что бумаги сего необыкновеннаго изслѣдователя, который въ теченіе послѣднихъ годовъ управлялъ имѣніями одного помѣщика тверской губерніи, въ коихъ онъ и скончался въ ноябрѣ 1825 г., будутъ приобрѣтены Московскимъ Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ, и что съ оныхъ и въ С.-Петербургъ, къ одному изъ почтеннѣйшихъ изслѣдователей отечественной исторіи, будутъ доставлены списки. Говоря откровенно, мы не думаемъ, чтобы г. Ходаковский могъ систематическимъ образомъ воспользоваться собранными имъ матеріалами; но потеря его, во всякомъ случаѣ, для наукъ весьма значительна, ибо безъ его собственныхъ показаній и постоянного содѣйствія, едва ли кто успѣетъ привести все въ над-

лежащий порядокъ и приготовить къ изданію, дабы тѣмъ принести существенную пользу наукамъ?"¹⁾

Издатель „Библиографическихъ Листовъ“ съ самаго начала своей ученой дѣятельности отличался какъ трудолюбивый и точный собиратель фактовъ; между тѣмъ, хотя Кёппенъ лично зналъ „необыкновеннаго изслѣдователя“ и его свѣдѣнія шли, какъ увидимъ, изъ собственныхъ показаній Ходаковского, оказывается, что приведенная біографія вплоть до послѣднихъ годовъ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ фактамъ: напр., отецъ Ходаковского и самъ онъ не были Ходаковскіе, онъ не учился въ межирецкой школѣ и въ Кременцѣ, не былъ подъ Борисовымъ взятъ въ плѣнъ козаками и т. д.

Въ 1835 году было переиздано въ Краковѣ небольшое сочиненіе Ходаковского (напечатанное первоначально по-польски, въ 1818), „О славянщинѣ передъ христіанствомъ“, съ примѣчаніями и біографическими замѣтками извѣстнаго польскаго изслѣдователя славянской древности, Суровецкаго; здѣсь повторены факты, сообщенные Кёппеномъ²⁾.

Первымъ источникомъ этихъ свѣдѣній была, повидимому, та самая автобіографическая записка, которую Ходаковский сообщил (кажется, въ 1822 году) Н. А. Полевому, съ которымъ былъ тогда близокъ. Полевой только долго спустя, именно въ 1839, напечаталъ эту записку, гдѣ заключаются, нѣсколько съ болѣшими подробностями тѣ данныя о начальной жизни Ходаковского, которыя были приведены Кёппеномъ въ его некрологѣ.

„Жаль,—писалъ Полевой,—что до сихъ поръ никто не описалъ жизни и трудовъ Ходаковского — оригинала, добраго, страннаго и достойнаго памяти. Я коротко зналъ его, любилъ, и у меня сохраняется собственноручная его записка объ его жизни, которую просилъ я составить мнѣ для воспоминанія нашей дружбы. Предлагаю здѣсь упомянутую записку слово въ слово“³⁾... Здѣсь именно говорится, что Ходаковский родился въ селѣ Комовѣ, въ Хелмской землѣ которая, по послѣднему раздѣлу Польши, перешла во владѣніе австрійское и заключалась въ новой Галиціи, а съ 1809 г. принадлежала къ герцогству Варшавскому, переименованному послѣ въ Царство Польское (выходило, такимъ образомъ, что Ходаковский

¹⁾ Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи, собираемые Петромъ Кёппеномъ. № II. Библиографическіе Листы 1825 года. Спб. 1826, стр. 562—564.

²⁾ Z. D. Chodakowskiego, O Słowiańszczyźnie przed Chrześcianstwem, i W. Surwieckiego Zdanie o piśmie témże z dodaniem krótkiej wiadomości o Chodakowskim i korespondencyi jego. W Krakowie, 1835. Малое 8°, 51 стр.

³⁾ „Сынъ Отечества“, 1839, томъ, 8, отд. VI, стр. 89—90.

родился свободнымъ полякомъ, а потомъ былъ австрійскимъ подданнымъ). О родителяхъ его говорится, что они были дворянскаго состоянія и назывались Яковъ и Анна Долуга-Ходаковскіе; мать была изъ рода Кореневскихъ, т.-е. по-польски Корженёвскихъ. „Они, — продолжаетъ Ходаковский, — въ томъ селѣ имѣли небольшое владѣніе, состоящее въ 7-ми дворахъ крестьянскихъ; 1790 года, по смерти отца моего, мать моя завезла меня на Волынь къ дядьямъ и природнымъ опекунамъ моимъ; одинъ изъ нихъ, Антоній Ходаковский, бывшій судья повѣтовый Кременецкій, владѣвшій имѣніемъ Михалковцами въ Острожскомъ повѣтѣ, отдалъ меня въ училище Межирекское Ксендзовъ Піяровъ. 1803 года окончилъ я сіе училище. 1804 года возвратился я въ Новую Галицію, гдѣ, по смерти моей матери, долженъ я былъ управить разстроенное хозяйство, уплатить долги, и ради того въ будущемъ году 1806-мъ продалъ оное вѣчно. Отъ 1806 до 1810 года, въ волынской губернской гимназіи въ Кременцѣ, которая на особенномъ положеніи, слушаль наукъ въ высшихъ курсахъ, и по оныхъ, 1810 года, въ осени, поѣхалъ къ родственникамъ моей матушки въ Холмскій повѣтъ, и послѣ въ Варшаву, гдѣ я опредѣлился въ полковую военную службу. По желанію моему, я былъ назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ, стоявшій въ Пруссіи, и послѣ на предѣлахъ прусскихъ. 1811 года, въ Бытгожи, произведенъ былъ въ адъютанты подъ-офицеры. 1812 года въ подпоручики. Въ войнѣ, открывшейся противъ Россіи, я былъ въ корпусѣ маршала Макдональда, въ Курляндіи, и оттуда отправленъ въ Москву. Въ ретирадѣ, подъ Борисовымъ, взятъ въ плѣнъ однимъ отрядомъ казачьимъ, и заведенъ въ Черниговъ, гдѣ по разнымъ мѣстечкамъ содержался я съ прочими плѣнными. Послѣ того, какъ государь императоръ, всемилостивѣйшимъ манифестомъ своимъ, уволилъ всѣхъ поляковъ изъ плѣна, возвратился я на Волынь. Бывъ прежде свидѣтелемъ величайшихъ событій, скучая въ неизвѣстности, я искалъ утѣшенія въ книгахъ, полюбобытствовалъ знать начала того государства, которое менѣе всѣхъ намъ было извѣстно и столь сильно дѣйствовало въ нашихъ глазахъ; къ тому же послѣ присоединилась надежда, что Славянскіе народы отнынѣ могутъ болѣе и болѣе возвращаться въ первобытное свое единство, я занялся извѣстнымъ изслѣдованіемъ“.

За исключеніемъ послѣдней фразы, здѣсь опять нѣтъ ни слова правды. Но еще раньше напечатанія этой автобіографической записки Полевымъ, въ польской литературѣ были уже намѣчены настоящіе факты біографіи Ходаковского ¹⁾, которые потомъ получали

¹⁾ Encyklopedia Powszechna, издав. Одинымъ въ Вильнѣ, 1838, IV, стр. 270—272.

все новыя подтвержденія. Нѣкто Л. Войниловичъ ¹⁾, обративъ вниманіе на то, что писалось о „Ходаковскомъ“, заявилъ, что имѣеть о немъ совершенно достовѣрныя свѣдѣнія, какъ самый близкій его сосѣдъ (по словамъ его, только одна межа отдѣляла его отъ того мѣста, гдѣ первоначально воспитывался *минимъ* Ходаковскій), какъ свидѣтель его дѣтства и ревностный читатель оставшихся послѣ него бумагъ. Войниловичъ заявлялъ, что Зоріанъ Доленга-Ходаковскій на самомъ дѣлѣ былъ *Адамъ Черноцкій*, что родился онъ въ минскомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, что учился онъ въ слупской школѣ, жилъ потомъ въ Слуцкѣ и въ новогрудскомъ уѣздѣ, въ 1813 году былъ въ Галиціи, гдѣ, „неизвѣстно по какому поводу“, перемѣнилъ свою фамилію и назвался сначала Хржановскимъ, а потомъ принялъ имя Зоріана Доленга-Ходаковскаго. „Я не имѣлъ цѣли одѣвнѣть и разобрать сочиненія Ходаковскаго,—писалъ Войниловичъ,—но хотѣлъ только *сорвать завѣсу заблужденія*, и голосомъ правды произнести надъ могилою заслуженнаго соотечественника *его настоящее имя*, чтобы позднее потомство могло съ благодарностію сохранить это имя“. Но здѣсь все-таки осталось недосказаннымъ главное.

Новая біографія Ходаковскаго явилась въ 1841 г. въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ Плюшара ²⁾. Біографъ зналъ о статьѣ Войниловича, явившейся „къ общему удивленію“ (такъ всѣ увѣрены были въ прежней біографіи); но такъ и остался въ недоумѣніи о томъ, какъ согласить данныя *собственноручной* записки Ходаковскаго, не предназначавшейся вовсе для печати, съ неожиданными показаніями Войниловича.

Между тѣмъ явилось нѣсколько писемъ Ходаковскаго въ „Атенеѣ“ Крашевскаго ³⁾, которыя опять бросали свѣтъ на дѣйствительную біографію Ходаковскаго, но гдѣ повторяется и прежнее жизнеописаніе, несмотря на то, что оно опровергалось новыми фактами. Такъ, оно было опять повторено въ статьѣ Старчевскаго: „Русская историческая литература въ первой половинѣ XIX-го вѣка“ ⁴⁾. Старчевскій, не зная статьи въ „Энциклопедіи“ Одынца, зналъ (вѣроятно, по „Лексикону“ Плюшара) о статьѣ Войниловича и уже называетъ Ходаковскаго Черноцкимъ („если вѣрить Войниловичу“), но опять не умѣлъ помирить противорѣчій. Что „открытіе“ Войниловича о

¹⁾ Въ литературныхъ прибавленіяхъ къ „Варшавской Утренней Газетѣ“, 1840, № 15, статья подъ названіемъ: „Кто именно былъ Зоріанъ Доленга-Ходаковскій?“

²⁾ Томъ XVII, стр. 97—102, подписано: Н. В. С., вѣроятно: Савельевъ-Ростиславичъ.

³⁾ Athenaeum, 1842, oddz. II, zeszyt II, стр. 204—218.

⁴⁾ „Карамзинскій періодъ съ 1800 до 1825 года“, въ „Библ. для Чтенія“ 1852, томъ 112, Науки, стр. 49—108. О Черноцкомъ стр. 95 и слѣд.

настоящей фамилии Ходаковского было вѣрно, доказательство этому Старчевскій видѣлъ въ томъ, что еще въ 1823 году Ходаковский сообщилъ въ „Сѣверный Архивъ“ одну статью — подъ видомъ статьи г-жи Черноцкой ¹⁾),—но г. Старчевскій былъ все-таки въ недоумѣніи. „Собравъ все сказанное о Черноцкомъ или Ходаковскомъ,—говоритъ онъ,—нельзя заключить о причинахъ, по которымъ онъ скрывалъ настоящую фамилію; можетъ быть, это была *безприманная манія*, отъ которой несвободны даже и ученые люди. Во всякомъ случаѣ, мы считали нѣжнымъ изложить и его собственныя показанія, и показанія о немъ другихъ“.

Недоумѣнія разрѣшены были въ концѣ 1850-хъ годовъ лицами, которыя имѣли въ рукахъ другія, скрывавшіяся до тѣхъ поръ въ тайнѣ, также *личныя* показанія самого Черноцкаго. Это были статьи Доминика Ходзьки, Ипполита Скимборовича и особливо Іоахима Лелевеля ²⁾). Не повторяя ихъ разнорѣчій, приведемъ основные факты, какъ они были выяснены новыми вышедшими на свѣтъ документами и личными воспоминаніями Лелевеля. Два главныхъ документа, которые не оставляютъ сомнѣнія о дѣйствительной біографіи Ходаковского, были, во-первыхъ, его письмо къ офиціальному лицу, минскому губернатору З. Я. Карнѣву, писанное въ 1809 году (у Д. Ходзьки), и собственноручный дневникъ, веденный многіе годы и посланный Ходаковскимъ въ 20-хъ годахъ къ одному изъ друзей на родину въ пакетъ, который онъ просилъ раскрыть только послѣ его смерти (у Скимборовича и Лелевеля). Лучшій сводъ извѣстій о біографіи Ходаковского находится въ статьѣ Лелевеля, который самъ былъ современникомъ Ходаковского и имѣлъ въ рукахъ его бумаги. Изъ сравненія этихъ источниковъ и другихъ свѣдѣній подлинная біографія Ходаковского представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Настоящее его имя было Адамъ Черноцкій. Онъ родился въ мин-

¹⁾ Такая статья дѣйствительно была помѣщена въ „Сѣв. Архивъ“, какъ переводъ съ польскаго (подъ заглавіемъ: „Остатки славянской міеологіи, сохранившіеся у бѣлорусскихъ поселянъ“, Сѣв. Арх. IV, стр. 463—473), но она не имѣетъ никакого отношенія къ Ходаковскому. Въ подлинникѣ она была напечатана въ польскомъ журналѣ „Tygodnik Wileński“ 1817, и авторша названа Маріей Чарновской; характеръ статьи вовсе не въ духѣ Ходаковского.

²⁾ Wzmianka o życiu i pismach Adama Czarnockiego, przez Dominika C. Chodźkę, — въ журналѣ „Teka Wileńska“. 1857, Numer drugi, стр. 27—53, или 277—303.

— Jeszcze o Zoryanie Chodakowskim czyli Adamie Czarnockim, — Koresp. z Warszawy Hip. Skimborowicza, — тамъ же, 1858, Numer szosty, стр. 243—253 или 457—467.

— Adam Czarnocki, przez Joachima Lelewela, — въ львовской газетѣ Dziennik Literacki, 1859, № 79, стр. 941—944.

— Другіе біографическіе матеріалы о Черноцкомъ указаны въ статьѣ Скимборовича, стр. 252 (466).

скомъ воеводствѣ 4-го апрѣля 1784 года, отецъ его назывался Якобъ; мать была не Корженевская, а Бородзичъ. Она умерла довольно рано; отецъ съ 1792 до 1795 г. жилъ въ Мазовшѣ въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; потерявши много отъ политическихъ волненій края, онъ занимался управленіемъ имѣніями; но средства его были такъ скудны, что онъ не могъ дать сыну никакого обученія. Поэтому отецъ отвезъ Адама въ болѣе богатымъ родственникамъ, жившимъ въ слудскомъ уѣздѣ; Ксаверій Чарноцкій, витебскій подстолій, помѣстилъ Адама въ своемъ имѣніи, гдѣ онъ и прошелъ первую школу; потомъ онъ продолжалъ ученіе въ тогдашнемъ уѣздномъ слудскомъ училищѣ. Одинъ изъ біографовъ рассказываетъ, что Чарноцкій съ самыхъ раннихъ лѣтъ отличался большими способностями и особенно громадною памятью, и изъ наукъ всего больше любилъ исторію и географію; говорятъ, что еще юношей онъ задавалъ себѣ историческіе вопросы и спорилъ противъ застарѣлыхъ, общепринятыхъ тогда понятій, и чтеніе старыхъ книгъ и рукописей было для него любимымъ занятіемъ. Біографы удивляются, что въ то время, когда польская литература еще не знала настоящей исторической критики, когда польская поэзія жила искусственной жизнью въ тѣсныхъ рамкахъ рутиннаго стихотворства, Чарноцкій, еще небогатый знаніями, не владѣвшій иностранными языками, кромѣ нѣкотораго знанія школьной латыни, не встрѣчая никакого особеннаго поощренія и, напротивъ, навлекая на себя осужденіе старшихъ и насмѣшки, говоритъ однако съ жаромъ о необходимости болѣе внимательнаго изученія исторіи, о воскрешеніи національной поэзіи, о собираніи народныхъ пѣсенъ, объ изслѣдованіи преданій и обычаевъ, освященныхъ древностью. Говорятъ, что уже въ 1800 году онъ составилъ карту одного имѣнія съ исторической записью всѣхъ его владѣтелей съ 1591 года до 1800, отъ Омельковичей до Ксаверія Чарноцкаго. Отецъ Чарноцкаго женился во второй разъ, живя въ минскомъ краѣ, но вскорѣ умеръ (1-го февраля 1800). Черезъ годъ по смерти отца, Адамъ кончилъ свое школьное ученіе (30-го іюня 1801); потомъ прожилъ два года у разныхъ знакомыхъ людей и практически изучалъ право у адвоката въ Новогрудкѣ; затѣмъ оставался въ Минскѣ до 1807 г. Еще не выбравши себѣ никакого постояннаго занятія, онъ посвящалъ все это время изученію мѣстнаго права, рылся въ архивахъ, пересматривалъ старые документы и пріобрѣлъ въ этомъ дѣлѣ большое знаніе. Въ Минскѣ онъ частнымъ образомъ помогалъ многимъ обывателямъ, имѣвшимъ въ судахъ процессы, и хотя получилъ (20 декабря 1805) „инструментъ“, т.е. патентъ на „земскую регенцію“ въ Слуцкѣ, но не хотѣлъ сдѣлать адвокатуры своей профессіей и не хотѣлъ занять какого-нибудь мѣста при судахъ. На рукахъ его оста-

вались еще малолѣтніе братъ и сестра (кажется, отъ второго брака отца); онъ помѣстилъ ихъ у родныхъ, но и самъ заботился объ ихъ обезпеченіи, хотя его личныя средства были весьма ограничены.

Въ 1807 г., 2-го марта онъ взялъ частную должность, кажется, помощника управляющаго у гр. Несѣловскаго, воеводы новогрудскаго, въ тогдашней гродненской губерніи, новогрудскаго уѣзда; затѣмъ, по смерти управляющаго, онъ одинъ занялся обширными и запутанными дѣлами своего довѣрителя. Здѣсь онъ неутомимо работалъ, разобравъ запутанный архивъ, и хотя біографъ упрекаетъ его въ излишней ревности, вслѣдствіе которой онъ затѣвалъ процессы тамъ, гдѣ можно было бы улаживать дѣло мирнымъ соглашеніемъ, но рядомъ съ тѣмъ біографъ восхваляетъ его неутомимое трудолюбіе, способность быстро схватывать сущность дѣлъ и всегда руководившее имъ чувство справедливости. Въ позднѣйшихъ замѣткахъ Ходаковский высказывалъ, однако, что эта жизнь на чужой службѣ очень его тяготила.

Но здѣсь ожидали его и бѣдственныя обстоятельства, бросившія мрачную тѣнь на всю его жизнь. Между прочимъ, онъ близко сдружился съ однимъ молодымъ родственникомъ Несѣловскаго. Этотъ молодой человѣкъ, обуреваемый патріотизмомъ, переехалъ черезъ границу и поступилъ въ войско, которое формировалось тогда въ великомъ герцогствѣ варшавскомъ, и письмомъ звалъ къ себѣ Чарноцкаго. Последній отвѣчалъ, что желалъ бы сколько можно скорѣе покинуть Литву, и въ неосмотрительной торопливости послать отвѣтъ, отправилъ его почтой. Въ то время тайный выѣздъ изъ края строго преслѣдовался; письмо Чарноцкаго, перехваченное на почтѣ, навлекло на него суровое преслѣдованіе. Ночью, 25-го марта 1808 г., онъ былъ арестованъ въ имѣньѣ Ворончѣ, гдѣ онъ жилъ, и отвезенъ былъ подъ стражей въ Гродно; отсюда, послѣ допроса, его отвезли въ Петербургъ, гдѣ онъ пробылъ въ заключеніи отъ 30-го апрѣля до 31-го декабря, послѣ чего, вмѣстѣ съ другими заключенными, отправленъ былъ въ Новгородъ. Здѣсь только каждый изъ нихъ узналъ о рѣшеніи своей участи. Чарноцкій былъ лишенъ дворянства и отданъ въ солдаты во 2-ю дивизію, генерала Глазенапа, стоявшую въ Омскѣ, тобольской губерніи ¹⁾.

¹⁾ Ходзько, излагая эти данныя, замѣчаетъ: „Всѣ до сихъ поръ помѣщенные подробности жизни Чарноцкаго я взялъ изъ его собственной записки. Эту записку Чарноцкій писалъ въ Новгородѣ, въ первыхъ дняхъ января 1809 г., къ бывшему мѣстному губернатору Каріѣву, прося его о заступничествѣ для смягченія его наказанія. Я имѣлъ въ рукахъ экземпляръ этой записки, писанный собственною рукою Чарноцкаго, частью по-польски, частью по-русски, но больше по-польски, потому что въ то время онъ еще очень мало зналъ русскій языкъ. Дальнѣйшія подробности,—

Отсюда, новый источникъ для біографіи Чарноцкаго является въ другомъ, также собственноручномъ документѣ, извлеченія изъ котораго сообщаютъ Скимборовичъ и Лелевель; это — записная книжка или дневникъ, начатый Чарноцкимъ на пути въ Сибирь и доведенный потомъ, повидимому, до 1821 года.

Біографы говорятъ, что Чарноцкій съ мужествомъ переносилъ постигшее его бѣдствіе (ему было тогда 24 года). Прибывши на мѣсто, онъ успѣлъ пріобрѣсти расположеніе своего начальника, что должно было очень облегчить его положеніе. Онъ пробылъ въ Омскѣ ¹⁾ четыре года, и это по крайней мѣрѣ принесло ему ту пользу, что онъ хорошо научился русскому языку.

Въ своемъ дневникѣ Чарноцкій отмѣчаетъ свой путь черезъ Новгородъ, Москву, Владиміръ-на-Клязьмѣ, Казань, Пермь и т. д. Печаль охватила его, когда онъ переѣзжалъ Волгу, какъ будто послѣднюю границу Европы. И тогда уже въ немъ сказался любознательный наблюдатель и выносливый путешественникъ. По дорогѣ онъ записываетъ что приходилось слышать, напр., о черемисахъ, чувашахъ, вотякахъ, вогулахъ, киргизахъ и пр. Въ полгода онъ сдѣлалъ почти четыре тысячи верстъ; въ одномъ мѣстѣ записной книжки онъ, по замѣчанію Скимборовича, „помѣщаетъ рядъ именъ земляковъ“ (*imiön krajoowuch*), т.-е., разъясняетъ Лелевель, польскихъ сосланныхъ семействъ отъ временъ Пулавскаго: онъ описываетъ ихъ положеніе, занятія отцовъ, сыновей и внуковъ, для нѣкоторыхъ устроилъ сношенія съ родными, оставшимися дома, особливо на Волыни, пишетъ за нихъ письма и т. п. Онъ замѣчаетъ, гдѣ что растетъ и чего нѣтъ, записываетъ обычаи, которые случалось наблюдать, выписываетъ мысли изъ читанныхъ сочиненій (напр. эклогу о обычаяхъ сѣверныхъ народовъ J. U. N., — указываетъ Скимборовичъ, а Лелевель объясняетъ: Нѣмцевича); записываетъ мѣстные лечебные секреты; отмѣчаетъ, къ кому въ то время писалъ, вносить извѣстія о горныхъ рудахъ, татарскіе стихи, названія славянскихъ мѣстностей, теперь переименованныя, наконецъ, слова и выраженія или словарикъ на языкѣ черемисъ, чувашъ, татаръ, вотяковъ и т. д.

Полкъ, въ которомъ служилъ Чарноцкій, получилъ приказъ двинуться къ Литвѣ. Маршъ начался въ понедѣльникъ 12-го сентября 1810 года; на зимовку полкъ расположился въ Перми, отъ 7-го ноября 1810 года до 18-го февраля 1811 г. ²⁾ Въ лагерѣ подъ Бобруй-

---

прибавляетъ Ходзяко, — я почерпнулъ изъ подлинныхъ писемъ Чарноцкаго и изъ разсказовъ хорошаго его знавшихъ лицъ“.

¹⁾ Т.-е. собственно въ заключеніи и въ солдатствѣ; въ самомъ Омскѣ онъ жилъ недолго.

²⁾ Лелевель замѣчаетъ, что въ Омскѣ Чарноцкій пробылъ только іюль и августъ,

скомъ стояли два мѣсяца, отъ 21-го іюня до 21-го августа. Здѣсь, по выраженію Скимборовича, Чарноцкій „устроилъ себѣ выѣздъ въ Польшу“ ¹⁾, и вещи его, какъ умершаго, отосланы были въ слудцій уѣздъ, а по словамъ Лелевеля, Чарноцкій, исполняя одно служебное порученіе, *проталъ*; доказано, что его смерть была засвидѣтельствована официально ²⁾. Говоря проще, Чарноцкій бѣжалъ.

Такимъ образомъ Чарноцкій былъ, что называется, военнымъ дезертиромъ; вотъ причина, почему съ этого времени онъ мѣняетъ свое имя и тщательно скрываетъ свое прошедшее; съ этой цѣлью, когда потомъ доспрашивались у него объ его жизни, онъ придумалъ ту автобіографію, которую передалъ Полевому и которую зналъ Кёппенъ. Эта поддѣльная біографія долго и считалась самой подлинной, не только у русскихъ, но и у польскихъ его почитателей, пока не явились объясненія Одынца, Войниловича и новѣйшихъ біографовъ.

Въ декабрѣ 1811 года Чарноцкій пишетъ уже изъ Варшавы. Въ дневникѣ помѣщены черновыя письма къ князю Іосифу Понятовскому—„съ объясненіемъ плана одного изъ городовъ“, по словамъ Скимборовича; письма къ Соболевскому и другимъ, съ разными проектами. Въ 1812 году, 18-го февраля, онъ доноситъ князю Радзивиллу, что назначенъ въ 5-й пѣхотный полкъ адъютантомъ подъ-офицеромъ, что Ходаковский, вѣроятно не безъ цѣли, правильно отмѣчаетъ и въ автобіографической запискѣ, данной Полевому.

Лелевель говоритъ прямо, что, „появившись въ Варшавѣ, Чарноцкій передалъ тамошнимъ военнымъ властямъ нарисованный имъ планъ Бобруйска: онъ не записалъ этого въ своей книжкѣ, но мнѣ извѣстно объ этомъ отъ военныхъ, которые его знали и видѣли планъ, а именно, отъ А. Р.“.

Дальше, Скимборовичъ опять сообщаетъ отрывочныя свѣдѣнія изъ дневника Чарноцкаго.

„Въ письмѣ къ о. Ипполиту греческаго обряда (т.-е. униату) Чарноцкій подписался Зоріаномъ Любраньскимъ“ (это былъ первый его псевдонимъ).

„Маршаломъ Даву онъ былъ посланъ на Нѣманъ и, по данному ему порученію, подавалъ рапорты 4-го и 19-го мая 1812 г., которыми командиръ былъ доволенъ, какъ говоритъ самъ Адамъ или также Зоріанъ Любраньскій, Хржановскій, Ходаковский, а собственно Чарноцкій.“

и что пребываніе въ Перми объясняетъ, какъ онъ могъ заниматься чувашами и черемисами.

¹⁾ „Tam wyrobił sobie wyjazd do K. i L.“, т.-е. въ Корону и Литву.

²⁾ Замѣтимъ, что Скимборовичъ писалъ въ виленскомъ изданіи, подъ русской чешуей, а Лелевель—въ львовскомъ журналѣ.

„Мая 30-го онъ по собственной просьбѣ получилъ увольненіе отъ службы и, имѣя неограниченный отпускъ, находился при главной квартирѣ корпуса, принимая на себя, вѣроятно, особенныя порученія. По отступленіи Наполеоновской арміи и своемъ отъ Смоленска, послѣ приключенія подъ Борисовымъ (?), онъ по многимъ обстоятельствамъ долженъ былъ укрываться около Кезгаловицъ, у С.

„Наконецъ онъ записывается въ дневникѣ, гдѣ онъ былъ отъ 15-го апрѣля до 10-го сентября 1814 года (?)...

„Имя Хржановскаго онъ принялъ на себя въ Галиціи, гдѣ былъ обломкомъ, оставшимся отъ французской арміи“.

Эти неясныя данныя понятнѣе излагаетъ Лелевель. „Въ недолгое пребываніе свое въ Варшавѣ,—говоритъ онъ,—Чарноцкій приобрѣлъ личныя знакомства. Онъ исполнилъ какую-то тайную военную услугу и былъ также употребленъ и для услуги иного рода. Наполеонъ намѣренъ былъ устроить славянскую іерархію греческаго обряда (т.-е. униатскую). Съ этой цѣлью прибыло въ Варшаву нѣсколько духовныхъ лицъ изъ Далмаціи. Чарноцкій, подъ вымышленнымъ именемъ, велъ съ ними дѣло и также „бѣгалъ“ въ русскія губерніи къ духовенству греческаго обряда. Именъ духовныхъ лицъ онъ не называетъ, а свое прибранное записалъ въ книжку (имя Любраньскаго). За эти различныя услуги онъ получалъ отъ князя Іосифа Понятовскаго и отъ Даву благодарственные письма, которыя вписалъ въ свою книжку. Когда готовился Наполеоновскій походъ, онъ былъ захваченъ тяжелой болѣзнью. Слабый отъ болѣзни онъ былъ въ Торунѣ, и тамъ зрѣлище Наполеона быстро сдѣлало его здоровымъ, не зрѣлище извѣстной его низкой шляпы, но появляющіяся надежды на возрожденіе Польши.

„Онъ бросается опять въ службу; ему хотѣли дать офицерскій рангъ, но онъ заявилъ, что можетъ оказать большія услуги какъ волонтеръ въ солдатскомъ мундирѣ, если въ этомъ будетъ надобность. Такимъ образомъ онъ пошелъ съ великой арміей до Смоленска. Когда наступила ретирада, онъ остался въ новогрудскомъ уѣздѣ... На амнистію, великодушно данную Александромъ, онъ разсчитывать не могъ: Чарноцкій не могъ ожить. Болтливость женщины дѣлала жизнь его тамъ небезопасной, и онъ скрылся тогда въ Галицію, гдѣ явился подъ именемъ Зоріана Доленги-Ходаковскаго“.

Лелевель ничего не говоритъ „о приключеніи подъ Борисовымъ“. Припомнимъ, что по поддѣльной біографіи Ходаковскій былъ взятъ въ плѣнъ подъ Борисовымъ козаками и отведенъ въ Черниговъ, гдѣ потомъ воспользовался амнистіей Александра ¹⁾. Повидимому, этого

¹⁾ Ходзько (стр. 33 — 293) вѣрить еще въ эту амнистію для Ходаковскаго и недоумѣваетъ, почему онъ измѣнилъ теперь свою фамилію.

пѣна подѣ Борисовымъ вовсе не было, и обстоятельство это придумано (въ подложной біографіи) только для того, чтобы подвести Ходаковского подѣ амнистію и тѣмъ покрыть его прошлое. Дальше увидимъ, что „приключеніе подѣ Борисовымъ“ послужило, однако, темой для легендарныхъ разсказовъ.

Повидимому, съ этого времени онъ въ первый разъ отдался со страстью той народной археологіи, которая заняла вторую половину его жизни ¹⁾. Какъ собственно шли его странствія и изслѣдованія, чѣмъ онъ существовалъ, объ этомъ извѣстно мало точнаго. Мы упоминали, что для своихъ соотечественниковъ Ходаковский остался чрезвычайно популярнымъ изслѣдователемъ народности, которому они приписываютъ великую заслугу, какъ начинателю новаго отношенія къ народности. О немъ шла молва, какъ потомъ шла подобная молва и въ Россіи, гдѣ у него были не менѣ ревностные почитатели, чѣмъ въ Польшѣ. Лелевель разсказываетъ такъ:

„Въ Галиціи Ходаковский отдался начатымъ, въ его молодые годы, изслѣдованіямъ народныхъ пѣсенъ и преданій, урочищъ, могилъ, древнихъ кладбищъ, городищъ и ихъ названій. Поддержка, какую онъ могъ получить отъ Чарторыйскаго или изъ какого иного частнаго источника, была бы во всѣхъ отношеніяхъ недостаточна. Онъ мечталъ о гораздо болѣе широкомъ изслѣдованіи славянщины, о присканіи средствъ къ этому. Онъ посѣтилъ Волинь, гостилъ въ Кременцѣ, бывалъ въ Кіевѣ и въ полтавской губерніи. Плоды своихъ трудовъ онъ посылалъ въ „Общество друзей наукъ“ (Towarzystwo przyjaciół nauk) въ Варшавѣ, гдѣ Сташицъ говорилъ о пособіи на путешествіе, настаивая на томъ, чтобы изслѣдователь началъ прежде всего съ обзорѣнія Мазовіи. Ходаковский не могъ отважиться ходить въ области великаго князя (Константина), гдѣ знали Адама Чарноцкаго. Кураторъ (виленскаго учебнаго округа) Чарторыйскій могъ располагать денежными средствами, назначенными на путешествіе, но не торопился тронуть ихъ самъ для Ходаковского, и только представилъ дѣло университету, гдѣ рѣшеніе оказалось также неспѣшнымъ.

„Зоріанъ отчаявался, что найдетъ что-нибудь въ кругу земляковъ. Въ 1819 году онъ отправился въ Петербургъ. Пока онъ былъ на польской землѣ, онъ могъ все достать на дорогѣ; но едва онъ миновалъ границу Польши, ему пришлось плохо. На почтовыхъ станціяхъ ни хлѣба и никакого подкрѣпленія. Утомленный и наскучившій этимъ, онъ встрѣтилъ между проѣзжими живую и ловкую

¹⁾ Въ 1818 и 1819 г. онъ ссылается на четыре и пять лѣтъ своихъ археологическихъ и этнографическихъ изысканій.

панну, которая каждый разъ умѣла себѣ что-нибудь найти, что-нибудь сварить и устроить такъ, что не оставалась голодна. Смотри на это, Ходаковский подумалъ, что именно такую и нужно было ему жену для задуманныхъ странствій. Началось знакомство, ухаживаніе и освѣдомленія; они были приняты любезно. Это была панна Констанція Флемингъ, инфляндка, возвращавшаяся къ родителямъ въ Петербургъ. Во Псковѣ нашелся католическій ксендзъ; онъ повѣщалъ ихъ, а въ Петербургѣ родители не отказали молодымъ въ своемъ благословеніи...

„Зоріанъ развернулся въ столицѣ имперіи. Онъ имѣлъ, конечно нѣкоторыя рекомендаціи, но пріобрѣталъ знакомства самъ даже съ тѣми, которые разбирали дѣло Адама Черноцкаго и полагали его рѣшеніе“...

Нѣсколько иначе рассказываетъ другой біографъ. „Въ Галиціи,—пишетъ Ходзько,—не имѣя никакого постоянного занятія, Ходаковский отдался любимой склонности къ изысканію древней славянщины. Добыванію изъ преданій народа болѣе чистыхъ историческихъ понятій. Привыкнувъ къ неудобствамъ, любя странствовать, онъ задумалъ обозрѣть цѣлое славянское племя и изъ него вывести рядъ новыхъ представленій, столь необходимыхъ для объясненія древней исторіи сѣвера. Не разъ, онъ одинъ, съ тростью въ рукѣ, съ мѣшкомъ съѣстныхъ припасовъ за плечами, ходилъ по мѣстечкамъ и деревнямъ, говорилъ со стариками, записывалъ народныя пѣсни, раскапывалъ старыя могилы, которыя мѣтко называлъ „жалъниками“ отъ слова „żal“¹⁾, пересматривалъ старые документы и рукописи словомъ—пользовался всѣми способами, чтобы открыть помраченныя вѣками слѣды давней сѣверной исторіи.

„Среди этихъ ученыхъ странствій, онъ посѣтилъ Пулавы²⁾ и далъ узнать себя ближе опекунамъ наукъ, князьямъ Чарторыйскимъ, которые тотчасъ оцѣнили его дарованія и стремленія. Съ ихъ помощью онъ обозрѣлъ остальную Галицію и нѣсколько ближайшихъ польскихъ воеводствъ, затѣмъ отправился на Волынь въ Кременецъ Чарторыйскіе, видя необычайную жажду Черноцкаго посвятить себя исторической наукѣ, дѣятельнѣе и усерднѣе всѣхъ оказывали ему помощь; наконецъ, рекомендовали его вниманію и покровительству истиннаго любителя, опекуна и знатока наукъ, канцлера графа Румянцова. Черноцкій, въ 1819, отправился въ Петербургъ. Тамъ, любезно принятый канцлеромъ, онъ вскорѣ познакомился съ лучшимъ русскими учеными, какъ, напр., съ исторіографомъ Карамзинымъ

¹⁾ Это названіе вовсе не было придумано Ходаковскимъ; это—народное русское названіе древнихъ кладбищъ.

²⁾ Знаменитое имѣніе и резиденція Чарторыйскихъ.

адмираломъ Шишковымъ, Уваровымъ, попечителемъ казанскаго университета Магницкимъ ¹⁾, профессоромъ права Кукольникомъ и многими другими, а также съ ученымъ землякомъ, католическимъ митрополитомъ Станиславомъ Сестренцевичемъ. Наконецъ, Румянцовъ представилъ его императору Александру I, который утвердилъ поданный Чарноцкимъ проектъ путешествія по славянскимъ землямъ, приказалъ зачислить его въ число чиновниковъ министерства просвѣщенія, одарилъ значительной пенсіей, поручилъ ему изслѣдованіе давняго славянства по цѣлой Россіи, а для наибольшаго облегченія его въ такомъ громадномъ трудѣ, онъ издалъ указы всѣмъ губернаторамъ государства и другимъ высшимъ чиновникамъ, чтобы при каждомъ обращеніи ему доставляемо было всякое содѣйствіе "... Биографу представляется, наконецъ, что Ходаковского „окружилъ всеобщій почетъ“, что предъ нимъ открылись двери цесарскія и важнѣйшихъ русскихъ пановъ; нѣсколько ученыхъ обществъ, польскихъ и русскихъ, приняли его въ число своихъ членовъ...

На дѣлѣ это было вовсе не такъ великолѣпно. Лелевель изображаетъ исторію Ходаковского въ Россіи проще, гораздо болѣе мрачно и болѣе близко къ истинѣ. Здѣсь есть уже опредѣленные русскія свѣдѣнія, на которыя мы указывали. Явившись въ Петербургъ съ рекомендаціями отъ Чарторыйскаго, Ходаковский встрѣтилъ интересъ къ своимъ предпріятіямъ у графа Румянцова и князя Голицына, тогда министра народнаго просвѣщенія; составленный имъ проектъ археологическаго путешествія по Россіи и славянскимъ землямъ переданъ былъ на разсмотрѣніе Карамзина и главнаго управленія училищъ и, бывъ одобренъ, представленъ былъ Голицыннымъ на усмотрѣніе императора Александра и былъ принятъ. По высочайшему повелѣнію 4-го іюля 1820 года, на издержки путешествія назначено было Ходаковскому 3,000 руб. Кромѣ того, его снабдили открытыми листами отъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, къ мѣстнымъ начальствамъ объ оказаніи содѣйствія его изслѣдованіямъ. Ходаковский видѣлъ исполненіе своихъ давнишнихъ желаній. „Слѣдствіемъ того насталъ въ моей жизни праздничный годъ, jubileus annus“, писалъ онъ объ этомъ времени ²⁾. Путешествіе должно было продолжаться четыре года. Ходаковский намѣренъ былъ проѣхать Россію съ сѣвера на югъ въ четырехъ линіяхъ, а потомъ съ востока на западъ, отъ Уральскихъ горъ до устья Дуная ³⁾. Когда путешествіе было рѣшено, онъ напечаталъ въ журналахъ подробный его планъ, вѣроятно, тотъ самый, который былъ на разсмотрѣніи

¹⁾ Одинъ изъ „лучшихъ ученыхъ“!

²⁾ Р. Историческій Сборникъ, т. I, кн. 3, стр. 5.

³⁾ „Синъ Отечества“. 1820, ч. 63-я, стр. 527—528.

Карамзина и получилъ официальное одобреніе. Печатавъ планъ, онъ хотѣлъ познакомить „благомыслящихъ россіянъ“ съ своимъ предпріятіемъ и просилъ „всѣхъ внуковъ Радогоста содѣйствовать ему въ изысканіяхъ древнѣйшихъ памятниковъ ихъ знаменитыхъ предковъ“.

Но путешествіе не было счастливо.

Въ 1820 году, 17-го августа, онъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ женой, „неразлучной товаркой“ его путешествія. Ходаковскій осмотрѣлъ мѣста по Невѣ и около Ладоги, раскапывалъ старые курганы и могилы около Новгорода, между прочимъ такъ называемую могилу Гостомысла ¹⁾, потомъ около Твери, и въ 1821 г. прибылъ въ Москву. Въ Ладогѣ у него родился сынъ: Ходаковскій хотѣлъ дать ему какое-то древне-славянское имя ²⁾, но священникъ (повидимому, православный) не согласился на это, и ребенка окрестили подъ именемъ Александра. Они отдали его на руки какой-то знакомѣ, но ребенокъ, вѣроятно, отъ невнимательнаго ухода, умеръ, и Ходаковскій похоронилъ его „среди древней церкви въ замкѣ Старой Ладоги“. Въ Москвѣ, съ разрѣшенія межевой канцеляріи, Ходаковскій занялся изученіемъ подробныхъ картъ, рассмотрѣлъ планы двадцатидвухъ губерній, составилъ общую карту славянскаго „городства“ и огромный географическій словарь, о которомъ скажемъ дальше. Въ 1822 г., 13-го іюля, онъ послалъ изъ Москвы „Донесеніе“ о результатахъ своего путешествія, и разсмотрѣніе его (въ какой-то комиссіи) поручено было извѣстному Калайдовичу. Около этого времени Калайдовичъ самъ занимался археологическими изслѣдованіями въ рязанской губерніи; какъ ученый, это былъ человекъ совсѣмъ иного склада, чѣмъ Ходаковскій; онъ отнесся несочувственно къ выводамъ послѣдняго (собственно къ теоріи городищъ), въ которыхъ находилъ слишкомъ много произвольнаго, и его отзывъ имѣлъ фатальныя послѣдствія для Ходаковского: послѣдній потерялъ правительственную поддержку, остался безъ всякихъ средствъ не только къ продолженію своихъ трудовъ, но и къ самому существованію. Въ Москвѣ, какъ и въ Петербургѣ, онъ приобрѣлъ знакомства въ ученомъ и литературномъ кругу и особенно сблизился съ Полевымъ, который, повидимому, относился къ нему съ искреннимъ участіемъ и помогалъ ему. По смерти первой жены, онъ женился во второй разъ, кажется, на русской, но это, кажется, не устроило его домашняго благополучія. Наконецъ, нужда заставила его принять на себя должность управителя у одного земляка, тверскаго помѣщика. Онъ

¹⁾ Ср. Лелевеля, Polska srednich wiek. IV.

²⁾ „Nazwalismy go Olesiem, bo protorej nie chciał chrzcić go pod imieniem sławiańskim“ (O Słow. przed Chrześc., стр. 49).

продолжалъ еще работать: въ его громадномъ рукописномъ словарѣ, хранящемся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, мы видѣли дополнительные замѣтки отъ 1824 года. Здѣсь, въ тверской губерніи, въ селѣ Петровскомъ, Ходаковский умеръ скоропостижно 17 ноября 1825 г. на сорокъ-первомъ году жизни ¹⁾.

Передъ поѣздкой въ Петербургъ, Ходаковский оставилъ въ рукахъ своихъ друзей, а по другимъ свѣдѣніямъ, выслалъ имъ изъ Петербурга записную книжку, о которой мы выше говорили и которая заключала его подлинную біографію. По словамъ Скимборовича, Чарноцкій, живя долго на Волыни, оставилъ эту книгу у домашнего учителя своего пріятеля, извѣстнаго археолога и этнографа Луки Голембѣвскаго (этого учителя, кажется, звали Cieszej). Рукопись была запечатана, и на пакетѣ Ходаковский надписалъ: „можно открыть только послѣ моей смерти“. Голембѣвскій убѣждалъ владѣльца, чтобы онъ принесъ эту драгоценную память въ даръ „Обществу друзей наукъ“, въ Варшавѣ. Сдѣлалъ ли это упомянутый Цѣшій, и если сдѣлалъ, то находится ли эта книга въ бывшей библіотекѣ Общества, объ этомъ Скимборовичъ не зналъ. Онъ утверждалъ только, что Голембѣвскій лично зналъ Чарноцкаго по библіотекамъ, сначала Порыцкой, а потомъ Пулавской, въ которыхъ тотъ проводилъ не мало времени, и очень интересовался узнать подробности его жизни, и когда въ 1826 и 1827 годахъ всѣ уже знали, что Ходаковский умеръ, тогда Цѣшій распечаталъ рукопись, а Голембѣвскій, не ожидая того неопредѣленнаго времени, когда рукопись дойдетъ до библіотеки Общества друзей наукъ, выписалъ изъ нея наиболѣе любопытныя вещи и въ 1840 г. собственноручно переписалъ ихъ для Скимборовича, какъ своего пріятеля ²⁾.

Лелевель рассказываетъ объ этомъ такъ. Упомянувши о жизни Ходаковскаго въ Петербургѣ, онъ замѣчаетъ: „Въ то время Адамъ-Зоріанъ, кажется, сходилъ съ польскаго свѣта. Онъ запечаталъ свою записную книжку и переслалъ Обществу друзей наукъ, съ просьбою, чтобы она была открыта только по его смерти. Воля его была исполнена. По его смерти мы открыли рукопись; я выписалъ, что въ ней находилось, и теперь повторяю по памяти. Мое воспоминаніе, можетъ быть, не полно, но въ цѣломъ съ увѣренностью повторяю то, что—не Зоріанъ, а Адамъ Чарноцкій записалъ о себѣ въ теченіе 1810—1820 годовъ“... Лелевель считаетъ невѣроятнымъ, чтобы Чарноцкій разстался съ своей книжкой на Волыни въ 1818 или 1819 г., пускался въ путь въ Петербургъ... „Мнѣ неизвѣстно, какъ эта книжка

¹⁾ „Podobno zabity“, замѣчаетъ Лелевель.

²⁾ Teka Wileńska, 1858, VI, стр. 249—463.

попала въ Общество друзей наукъ, но я имѣлъ ее въ рукахъ въ библіотекѣ Общества, запечатанную, съ предостереженіемъ открытія ее только послѣ смерти. Когда книжка была открыта, я дѣлалъ изъ нея замѣтки въ библіотекѣ Общества, но онѣ пропали и остались только въ памяти... Чарноцкій разстался съ своей книжкой развѣ только послѣ 1821 года, а не раньше. До Общества она дошла, можетъ быть, черезъ посредство Луки Голембѣвскаго... Всѣ рассказы его, противорѣчащіе этой книжкѣ, были выдумкою; и повѣсть Ходаковскаго, написанная для дорогого пріятеля, Николая Полевого, есть слишкомъ явная выдумка. Въ своемъ положеніи *Ходаковский* не могъ говорить о *Чарноцкомъ*“.

„Теперь скажу, что случилось мнѣ знать о Зоріанѣ еще при жизни Чарноцкаго; быть можетъ, это пригодится на что-нибудь тѣмъ кто займется біографіей и плодами трудовъ знаменитаго нашего соотечественника. Ходаковский, потерявши свою первую жену Флемингъ, женился потомъ на русской и не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: по этому поводу говорили, что ему не доставало его ежегоднаго пособія ¹⁾; подвинувши успѣшно свои свѣдѣнія, онъ могъ обдумать и начертать общіе выводы своихъ изысканій. Съ этой цѣлью онъ приготовилъ прекрасную общую карту округовъ городищъ въ Россіи и, съ краткимъ описаніемъ, листахъ на двухъ, прислалъ въ Общество друзей наукъ въ Варшаву. Изъ Варшавы этотъ интересный трудъ пересланъ былъ къ Твардовскому, ректору виленскаго университета. „Я иду отъ ректора и видѣлъ эту работу,—сказалъ мнѣ профессоръ гимназіи Шидловскій, порядочно выпивавшій:—но панъ ректоръ говорилъ мнѣ, что это—не Ходаковский, а Чарноцкій“. Мен пронила дрожь. Кромѣ столь распространенныхъ слуховъ, опасности не переставала грозить Чарноцкому.

„Я видѣлъ эту прекрасную работу, какъ бы суммировавшую ея изысканія, и хотѣлъ скопировать ее себѣ, но она пропала у Твардовскаго. Тѣмъ временемъ положеніе Ходаковскаго омрачалось. Были люди, къ нему нерасположенные, а онъ не умѣлъ прилаживаться къ обстоятельствамъ. Довольно долго онъ прожилъ въ Москвѣ. Днем онъ ходилъ по площадямъ и рынкамъ, разспрашивалъ людей, схищавшихся съ разныхъ сторонъ, и, получивъ разрѣшеніе, даже съ свѣчей разсматривалъ многія подробныя топографическія карты. Быть можетъ, съ такого разсматриванія картъ и слѣдовало всего лучше начать путешествіе, но нашлись просвѣщенные Россіяне, ворчавшіе, что водить пальцемъ по картѣ—не значитъ ходить по землѣ, и упрямшіе Ходаковскаго, что онъ пренебрегаетъ путешествіемъ.

¹⁾ Это кажется, не точно, потому что это пособіе Ходаковский имѣлъ, повидому, только на одинъ годъ и въ 1823 году уже потерялъ его.

„Въ то время Зоріанъ любилъ писать научныя письма, хотя онѣ не доставляли ему никакихъ объясненій. Онъ самъ жалуется, что получилъ только четыре увѣдомленія изъ Россіи и одно изъ Польши. Въ своихъ письмахъ онъ иногда весело задѣвалъ Карамзина, который раздражителенъ, но отъ котораго, однако, зависитъ все будущее ¹⁾. Я знаю это отъ Лобойки ²⁾ и видѣлъ записки этого рода.

„Надо было, наконецъ, приготовить донесеніе о результатахъ мнѣвшихъ двухлѣтнихъ усилій; оно было огромное... Посылая его, Зоріанъ выразился съ особеннымъ уваженіемъ о Карамзинѣ, отдавая свою работу только на его судъ, потому что хотя и есть въ комиссіи просвѣщенные мужи, но что это слишкомъ бы ихъ утрудило, а онъ легко можетъ оцѣнить дѣло и положить рѣшеніе. Черезъ три дня по представленіи донесенія въ комиссію, положено было официальное мнѣніе, что трудъ Ходаковского очень хорошъ, но что издержки на него излишни. Это съ удовольствіемъ выразилъ Калайдовичъ. Этимъ все было прервано. Ходаковский остался на мели (osiadł na koszu“).

До сихъ поръ еще не было, кажется, сообщено подробностей о ходѣ этого дѣла; наши извѣстія говорятъ только, что Калайдовичъ дѣйствительно принималъ участіе въ разсмотрѣніи донесенія Ходаковского, и отрицательное рѣшеніе приписывается именно ему. Около того же времени Калайдовичъ высказался и въ литературѣ противъ изслѣдованій Ходаковского, и въ бумагахъ послѣдняго остался обширный отвѣтъ, напечатанный Погодинымъ послѣ смерти обоихъ противниковъ.

„Всѣ рукописи Ходаковского остались у Полевого,—продолжаетъ Лелевель.—Начальство припомнило о нихъ и довѣрило ихъ Погодину ³⁾, который напечаталъ въ „Наблюдателѣ“ сочиненіе Зоріана о системѣ могилъ славянскихъ, обнимающихъ въ извѣстной связи всю древнюю славянщину. Шло дѣло объ изданіи собранныхъ Ходаковскими малорусскихъ пѣсень. Меня спрашивали, будутъ ли онѣ имѣть сбытъ въ Польшѣ; я отвѣчалъ, что будутъ, если будутъ напечатаны латинскими буквами. Максимовичъ напечаталъ ихъ своими. Латинскія буквы въ Москвѣ были бы поражающею ересью, и, можетъ быть, вызвали бы перуны ⁴⁾...“

¹⁾ Рѣчь идетъ, конечно, о томъ времени, когда шелъ вопросъ о первомъ устройствѣ путешествія.

²⁾ Лобойко былъ тогда профессоромъ виленскаго университета и былъ въ сношеніяхъ съ русскими учеными.

³⁾ Нѣкоторыя подробности о судьбѣ бумагъ Ходаковского см. между прочимъ въ „Запискахъ“ Ксенофонта Полевого. Сиб. 1888.

⁴⁾ Максимовичъ, печатая малорусскія пѣсни русскими буквами, руководился

„Изъ переписки Ходаковскаго кое-что уже издано. Изъ многихъ писемъ не одно заслуживаетъ быть сообщеннымъ свѣту и, конечно, будетъ сообщено. Къ сожалѣнію, Адамъ велъ свои изслѣдованія на почвѣ нетвердой и темной,—не старой, а болѣе новой славящины, въ странахъ, повиднѣе заселенныхъ славянами, и притомъ уже крещенными. Можно ли было тамъ искать чисто языческихъ элементовъ? Книжка собственныхъ записокъ Адама Черноцкаго, о которой я вспомнилъ, можетъ быть, отыщется въ Петербургѣ. Она заслуживаетъ изданія цѣликомъ. Въ ней нѣтъ ничего, что оскорбляло бы русскихъ, но, конечно, она имъ не понравится. Для насъ она будетъ неоцѣненна, потому что даетъ узнать мысль и сердце дорогого Адама Черноцкаго“.

Приведенные отзывы Лелевеля, который былъ не только горячій польскій патриотъ, но и большой ученый, даютъ понятіе о сильномъ впечатлѣніи, какое производила дѣятельность Ходаковскаго еще при его жизни и которое потомъ надолго окружило его имя уваженіемъ. Можно было бы привести цѣлый рядъ другихъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какимъ сильнымъ толчкомъ была эта дѣятельность Ходаковскаго и въ польской, и въ русской литературѣ. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Припомнимъ отзывъ Вацлава Залѣскаго. „Ходаковскій,—пишетъ Залѣскій о двадцатыхъ годахъ,—внушалъ мнѣ истинное почитаніе. Его разсужденіе о „Славящинѣ передъ христіанствомъ“, полное глубокихъ мыслей, свидѣтельствовало объ основательномъ знаніи дѣла, о рѣдкомъ дарѣ изслѣдованія, наконецъ о любви къ предмету и долгихъ занятіяхъ имъ. Я слышалъ о его способѣ собиранія народныхъ пѣсенъ, какъ онъ, въ коротенькомъ кожухѣ, съ котомочкой за плечами и фляжкой водки подъ мышкой, ходить отъ деревни до деревни, отъ ксендза до ксендза, отъ органиста до органиста, отъ дьяка до дьяка, отъ одной бабы-пѣвуньи до другой, отъ одного сельскаго музыканта или дѣда-лирика до другого, и какъ онъ вездѣ, то просьбой и уговорами, то угощеніемъ и принужденіемъ, то самъ запѣвая пѣсни, умѣетъ извлечь все, что только касается славянства. Это есть единственный и настоящій способъ собиранія пѣсенъ“.

Люди новыхъ поколѣній говорили о Ходаковскомъ съ не меньшимъ удивленіемъ: „Есть люди великаго сердца и души,—писалъ одинъ изъ польско-руси́нскихъ народниковъ 1860 годовъ,—которымъ дана была сила опережать настоящую минуту, чтобы понять будущее и, предавая себя въ жертву, служить тому дню будущаго, который

просто тѣмъ соображеніемъ, что малоруссы вообще употребляютъ русскую азбуку, которою писана вся ихъ литература.

закрѣтъ для другихъ таинственнымъ покрываломъ. Бѣдныя пророки!—Ихъ судьба быть побитымъ каменьями отъ тѣхъ, которымъ они хотѣтъ объяснить вѣщую истину... Этотъ день будущаго есть *народная жизнь*... Гдѣ же тѣ, которые вѣрили бы ему? Гдѣ люди, которые не покрывали бы насмѣшками имѣющихъ это убѣжденіе? Лучшіе изъ нихъ—усмѣхнутся съ состраданіемъ; и мало, очень мало тѣхъ, которые повѣрятъ вѣщимъ словамъ и поднимутъ на себя трудъ—прольютъ потъ и кровь, готовя пути святой будущности! Человѣкъ, которому будущее будетъ ставить памятники, нашъ племенной апостолъ и пророкъ, есть Адамъ Черноцкій, иначе называемый Зоріаномъ Ходаковскимъ. Онъ первый развернулъ знамя будущности, первый указалъ намъ его конечную цѣль—народъ; первый взялся за вѣковую трудъ и всѣхъ призывалъ къ нему. Честь ему и слава на вѣки! И несмотря на свою великость, онъ сошелъ со свѣта неузнанный, безъ признанія его генія, и теперь еще люди, занимающіе высокое положеніе въ научномъ мірѣ, говорятъ о Зоріанѣ съ нѣкотораго рода сожалѣніемъ, точно о капризномъ ребенкѣ, котораго своевольная шалость не требуетъ наказанія, но все-таки есть капризная шалость. И, однако, славянство имѣло не много подобныхъ людей¹⁾.

Панегирикъ слишкомъ восторженный, но Ходаковский не безъ нѣкотораго основанія могъ считаться пророкомъ народности, человекомъ, указывавшимъ новый путь для науки и для національнаго сознанія. Его вліяніе, хотя бы и не прямое вліяніе самыхъ его работъ, но нравственное вліяніе личности, поэтизированной молвою, не подлежитъ сомнѣнію, и не только въ польской, но и въ русской литературѣ. Ими его уже вскорѣ стало окружаться легендой, чему не мало помогла долгая и заботливо оберегаемая тайна, окружавшая жизнь этого человека, которому пришлось съ молодости испытать много тяжелыхъ невзгодъ, сохранить подъ ихъ гнетомъ неодолимое влеченіе въ народную среду, собирать усиленнымъ трудомъ тѣ знанія, какія обезпечиваетъ обыкновенная школа, и, наконецъ, искать опоры для своего труда тамъ, гдѣ открытіе его тайны могло навлечь ему величайшую опасность. Извѣстно было, что Ходаковский—не даромъ прибравшій себѣ такой псевдонимъ—любилъ и умѣлъ жить и говорить съ народомъ, чего тогда не умѣлъ никто, особливо въ польской средѣ, и эта черта была разработана его почитателями до цѣлаго грандіознаго подвига: Ходаковский представлялся исходившимъ чуть не всю славянщину—„отъ Камы до Эльбы и отъ Балтійскаго

¹⁾ См. въ воспоминаніяхъ о Вагилевичѣ, Стахурскаго-Свенццкаго—въ журналѣ „Siolo“, Львовъ, 1866, вып. 1, стр. 79—80.

ища до Дуная: фигура его рисовалась такъ, какъ напимѣръ представлялась она Вацлаву Залѣскому: это былъ образецъ народнаго изыскателя и другъ народа. Такую легенду о Ходаковскомъ писателя напр., одинъ изъ очень извѣстныхъ польскихъ писателей той самой группы тридцатыхъ годовъ, которая подъ вліяніемъ пера расцвѣта славянскаго возрожденія увлекалась этнографическими изысканіями и питала въ себѣ извѣстную долю панславизма—Луціанъ Чхачхульскій. Въ его сочиненіяхъ есть разсказъ подъ названіемъ „Приключеніе путника“¹⁾, написанный въ концѣ тридцатыхъ или въ началѣ сороковыхъ годовъ.

Считаю излишнимъ привести вкратцѣ его содержаніе, чтобы дать понятие о томъ, какъ представлялся Ходаковский его соотечественникамъ въ то время, когда факты его біографіи еще не были выяснены.

Дѣйствіе происходитъ, повидимому, гдѣ-то на Волыни, гдѣ живутъ польскіе шляхтичи съ малорусскими крестьянами. Молодой польскій панъ, сынъ изъ богатой семьи, отправляется на охоту и чуть не тонетъ въ озерѣ, когда дождетъ подстрѣленную птицу. Его спасаетъ какой-то прохожій, который совершаетъ этотъ подвигъ очень просто, съ большимъ хладнокровіемъ и шутовскими шутками. Панъ собирался уже умирать и долго не могъ очнуться, когда путникъ вытащилъ его изъ воды съ его ружьемъ, собакой и охотничьимъ; путникъ, взявши свою палку и дорожный кошелекъ, хотѣлъ уже идти своимъ путемъ, когда панъ, опаматовавшись, сталъ высказывать ему свою благодарность и непременно хотѣлъ звать его въ свой домъ и представить матери, которая, по его мнѣнію, сама захотѣла бы его благодарить. Путникъ, подшучивая надъ извѣженнымъ паньчьемъ (едва для него замѣтно), соглашается. Домъ былъ важный панскій, въ немъ господствовали свѣтскія манеры и французскій языкъ; путникъ совсѣмъ не подходилъ ни къ этой обстановкѣ своимъ грубымъ костюмомъ, ни къ этимъ людямъ съ ихъ спѣсью и французскими манерами. Хозяйка дома, какъ ни была обязана незнакомцу за спасеніе сына, никакъ не могла переварить его демократической простоты, которая представлялась ей невыносимою грубостью. Путникъ относится ко всему этому съ философскимъ спокойствіемъ, подсмѣиваясь въ душѣ надъ нехвлыми людьми, надъ спѣсивой барыней, надъ французомъ гувернеромъ и, между прочимъ, намѣренно скрываетъ свое знаніе французскаго языка. Хозяйка не могла понять, куда причислить этого человѣка; узнавши отъ сына, что это, кажется, антикварій, она выразила сожалѣніе, что въ ихъ краѣ нѣтъ ни готическихъ костеловъ, ни замковъ. — „Этого рода памятники, — сказалъ, какъ будто съ пренебреженіемъ, путникъ, — вѣсколько меня не интересуютъ; наша земля съ ея могилами, урочищами, вотъ мои древности, мои сокровища; а народное слово, преданіе, сказка, пѣсня... въ этомъ цѣлое прошедшее, котораго не найдешь въ писанныхъ книгахъ, и этого-то я ищу“.

Хозяйка все еще думаетъ удержать у себя незнакомца; дѣло идетъ къ ночи, и она спрашиваетъ, гдѣ его лошади, его слуга.

— Мои лошади? мой слуга? — Путникъ разсмѣялся и, ударивъ себя по обонимъ

¹⁾ „Przygoda podróżnika“. См. Dzieła Lucyana Siemieńskiego, Warszawa, 1881, VI. стр. 213—238; этотъ разсказъ (помнится, не вполнѣ) переведенъ былъ въ „Деняцѣ“ П. П. Дубровскаго. Варш. 1843.

когѣнямъ, прибавилъ:—мои кони всегда со мною, а мой слуга никогда не потребуетъ ѣсть,—и онъ указалъ на суковатую палку, стоявшую въ углу.

— Неслыханное дѣло! Панъ волжируетъ пѣшкомъ, какъ нѣмецкій студентъ.

— Да; чтобы поѣсть и переночевать, я захожу къ честнымъ хлопамъ, отъ которыхъ, кромѣ гостеприимства, я занимаюсь еще многимъ.

— Но, кажется, только не хорошимъ тономъ и приличными манерами?—прервала пани маршалкова, когда какъ разъ въ эту минуту панъ Доленга прогнулъ ноги и оперся головой на руку.

— О, нѣтъ, не этимъ, но честной простотой и здравымъ разсудкомъ, что, по моему мнѣнiю, стоитъ больше, чѣмъ какой-нибудь этикетъ и модныя гримасы.

Кончилось тѣмъ, что путникъ (это былъ, конечно, Ходаковский) ушелъ изъ панскаго палаца, къ большому смущенiю паныча, который чувствовалъ невольное уваженiе къ незнакомцу, искренно желалъ его чѣмъ-нибудь отблагодарить и недоумѣвалъ, не слѣдуетъ ли, напримѣръ, подарить ему за свое спасенiе часы. Вышедши изъ палаца, путникъ направился въ деревню, къ корчмѣ, въ надеждѣ, что найдетъ тамъ у кого переночевать, и какъ разъ попалъ на чезовѣка, который по дорогѣ къ дому сталъ напѣвать „маршъ Домбровскаго“. Съ первыхъ словъ оказалось, что этотъ хлопъ бывалъ на войнѣ, и когда они оба вглядѣлись другъ въ друга, путникъ и крестьянинъ оказались старыми знакомцами; у нихъ нашлись общiя воспоминанiя—„приключенiе подъ Борисовымъ“, гдѣ они были оба. „Ни одинъ отецъ съ сыномъ или другъ съ другомъ не могли бы свидѣться сердечнѣе“. Дѣло въ томъ, что они были сподвижниками въ 1812 году. Старый Остафiй (такъ звали крестьянина) жилъ теперь въ достаткѣ, съ семьей, и, конечно, предложилъ гостю полное гостеприимство. Они вспоминали старое. Остафiй проклиналъ „предателя, который подмѣлъ тогда непрiятелей“, жаловался на судьбу, которая такъ печально разлучила его съ „паномъ поручикомъ“; путникъ успокоиваетъ его, что „когда-нибудь будетъ лучше“, и Остафiй молится, чтобы дали это „свѣтлой Іевусѣ Боромельскій и святая панина Почаевская“... Путникъ проситъ Остафiя, чтобы онъ не звалъ его ни паномъ, ни поручикомъ, а выдавалъ его за своего брата хлопа, Грицька или Ивася. Въ этотъ самый вечеръ въ хатѣ у Остафiя оказались гости; путникъ попадаетъ какъ разъ на вечерницу. Остафiй стѣснялся этимъ, но путникъ былъ именно тѣмъ доволенъ: онъ скоро сумѣлъ сойтись съ парнями и дѣвчатами, съ наслажденiемъ смотритъ ихъ игры и слушаетъ ихъ пѣсни, угощаетъ ихъ и, тѣмъ временъ, тайкомъ вноситъ свои замѣтки въ записную книжку; наконецъ, является и старая баба Макрина, обладающая громаднымъ запасомъ всякихъ сказокъ о короляхъ и королевахъ, трехъ дочеряхъ и трехъ сыновьяхъ, волшебникахъ, зачарованныхъ дворцахъ, о разбойникахъ, вѣдьмахъ и упыряхъ, и все это она рассказываетъ. Разошлись съ вечерницы покладно. Между тѣмъ путникъ успѣлъ выпросить своего хозяина объ окружающей мѣстности и съ утра уже отправляется съ Остафiемъ раскапывать оказавшiйся въ сосѣдствѣ курганъ. Остафiй лучше Макрины знаетъ объ этихъ могиллахъ. „Еще покойникъ отецъ сказывалъ мнѣ, что была какая-то княгиня Ольга, и что когда шелъ Батый, она убѣжала изъ одного замка въ другой, превративши себя и войско въ мышей, которыя, роясь подъ землей, на много миль накопили такой валъ; только гдѣ-то въ городѣ Пѣтсьнскѣ она сильно укрѣпилась и побила поганныхъ... Ахъ, кумъ, въ этой землѣ должны быть дорогiя вещи, потому что тамъ каждый вечеръ свѣтятся деньги“. Раннимъ утромъ они отправились вдвоемъ на работу.

Тѣмъ же утромъ, но позже, въ палацѣ пани маршалковой, въ ея покояхъ велись толки о вчерашнемъ незнакомцѣ; пришли къ заключенію, что это человѣкъ подозрительный, и старая приживалка полагала, что это, пожалуй, изъ шайки Кармелюка, а можетъ быть, и самъ Кармелюкъ. Панычъ Эмиль объяснялъ своему французу, что это, должно быть, ученый, но тотъ находилъ это невозможнымъ, потому что всѣ ученые ходятъ въ пудрѣ и носятъ манжеты, какъ графъ Бюффонъ. Какъ разъ въ это время является еврей-шинкарь и рассказываетъ съ большимъ волненіемъ, что Остафій съ какимъ-то другимъ человекомъ, въ короткомъ кофухѣ и пестромъ платкѣ, напилъ богатный кладъ на панской землѣ и что Остафій приходилъ въ шинокъ мѣнять старыя серебряныя деньги. Извѣстіе произвело страшный переполохъ; надо, конечно, захватить грабителя—послали тотчасъ за экономомъ и за капитанъ-исправникомъ, а тѣмъ временемъ дѣлаются предположенія о томъ, какъ поступить съ найденными сокровищами: если денегъ много, то вся семья отправится въ Парижъ, если меньше, то въ Петербургъ. Между тѣмъ привели грабителей и привезли кладъ; эконома снялъ съ вѣса огромный горшокъ; незнакомецъ кричалъ ему, чтобы онъ снималъ осторожнѣе, потому что это кладъ неоцѣненный. Пани увѣрилась, что ее ограбили, и толкнула ногою горшокъ, который разсыпался. Незнакомецъ пришелъ въ ужасъ: „чѣмъ же виноватъ этотъ горшокъ?—сказалъ онъ почти со слезами:—знаешь ли ты, чего стоитъ цѣлый „жазъникъ“ съ пепломъ? Знаешь ли ты, что я раскопалъ много могилъ отъ Волги до Буга и нигдѣ не могъ найти цѣлаго? Желалъ бы я лучше, чтобы твоя злость пала на меня, чѣмъ на этотъ памятникъ славянской тризны“. Между тѣмъ послышался звонъ колокольчика: подѣхалъ капитанъ-исправникъ и дѣло выяснилось неожиданнымъ образомъ: на вопросъ исправника, путникъ, не говоря ни слова, подалъ ему свои бумаги.—„Что я вижу,—воскликнулъ чиновникъ, вставая съ почтеніемъ:—рекомендательное письмо отъ канцлера Румянцова, паспортъ для свободного путешествія по цѣлой имперіи для изслѣдованія славянскихъ древностей“.—Исправникъ очень навинялся за непріятность, происшедшую только отъ незнанія. Ходаковский не заявлялъ на это никакой претензіи; онъ требовалъ только, чтобы не дѣлали ничего Остафію и не мѣшали ему самому искать другого подобнагоклада.

„И на этомъ кончилось приключеніе, которымъ нашъ путникъ воспользовался такъ, что изъ собранныхъ на этой вечерницѣ преданій построилъ свою несравненную поэму—разсужденіе о „предхристіанской славянщинѣ“, а въ палацѣ произошла та великая реформа, что Эмиль часто вступалъ въ споры со своимъ менторомъ, доказывая ему свое знаніе людскихъ характеровъ, когда причислил пана Доленгу къ ученымъ, съ чѣмъ его французъ никогда не могъ вполне согласиться, говоря, что это былъ ученый *à la manière tartare*“.

Въ одномъ письмѣ Ходаковский упоминаетъ о какой-то польской госпожѣ, которая, подобнымъ образомъ, удивлялась его пристрастію къ деревенскимъ пѣснямъ; вѣроятно, былъ съ нимъ какой-либо подобный случай, какъ бывали позднѣе въ самой Россіи, но самый разсказъ Сѣменскаго носитъ всѣ черты легенды. Герой его есть воображаемый Ходаковский, въ которомъ авторъ хотѣлъ совмѣстить и военныя его дѣянія, и любовь къ поэзіи и старинѣ, и ученныя странствія подъ эгидою Румянцова. Но разсказъ исполненъ неточностями. „Приключеніе подѣ Борисовымъ“, поставленное, впрочемъ,

авторомъ въ какой-то неопредѣленной тѣни, принадлежитъ вѣроятно къ выдуманнымъ фактамъ біографіи. Изображеніе малорусскаго крестьянина (Остафій — несомнѣнный малоруссъ; на его вечерницѣ поются малорусскія пѣсни) польскимъ патриотомъ есть извѣстная фикція польской украинской школы. Изображеніе вечерницы опять не точно: обыкновенно, на вечерницахъ молодежь собирается одна, безъ старшихъ, и идетъ вечерница не совсѣмъ такъ, какъ рассказываетъ авторъ. Есть и несообразности хронологическія: бумага отъ канцлера Румянцова и открытый листъ для путешествія по Россіи получены Ходаковскимъ только въ 1820 году, и въ южной Россіи онъ этими бумагами не пользовался, а книжка „о Славянщинѣ передъ христіанствомъ“ написана и напечатана въ 1818. Наконецъ, легендарна и та подробность, гдѣ Ходаковский изображается странствующимъ отъ Камы до Эльбы и роющимъ курганы отъ Волги до Буга: дѣйствительныя работы Ходаковскаго не были такъ обширны.

Такимъ образомъ, рассказъ Сѣменскаго ничего не прибавляетъ къ фактической біографіи и имѣетъ интересъ лишь какъ отраженіе легенды ¹⁾. Но есть и черты вѣрныя—въ изображеніи самого Ходаковскаго: его увлеченія всѣмъ, въ чемъ видѣлась ему древняя славянщина, умѣнья странствовать среди народа и говорить съ нимъ, его народнической простоты, которая могла поражать въ гостинныхъ, какъ грубость.

Эти черты подтвердить, съ другой точки зрѣнія, еще одинъ біографическій матеріалъ, который находимъ въ жизнеописаніи Н. А. Полевого. Авторъ этого жизнеописанія, Ксенофонтъ Полевой, относился свысока, къ „грубому“ чудаку и „невѣждѣ“, но въ рассказѣ проглядываетъ и невольное уваженіе къ „достопамятному Зоріану Ходаковскому“. Приведемъ нѣсколько подробностей, неизвѣстныхъ другимъ біографамъ Ходаковскаго ²⁾.

„Въ наше время, софизмовъ и мѣтій, внушаемыхъ корыстолюбіемъ, изображаютъ этого человѣка непризнаннымъ гениемъ ³⁾“,—говоритъ К. Полевой:—

¹⁾ Укажемъ еще такія же сочувственныя упоминанія о Ходаковскомъ въ другой статьѣ Сѣменскаго: „Książę w archeologii, poezyi, sztuce“, см. Dzieła, t. I, Warszawa, 1881, стр. 61, гдѣ Ходаковский называется „отцомъ теперь многолюдно расплодившейся семьи археологовъ, странствовавшимъ по славянщинѣ отъ Вислы до Волги“, и т. д.

²⁾ Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полевого, составленныя братомъ его К. Полевымъ. Часть первая. Спб. 1860, стр. 87—94. „Записки К. А. Полевого“ (въ трехъ частяхъ). Спб. 1888, стр. 71—77, 213—219.

³⁾ Непонятно, къ кому могъ относиться этотъ укоръ: какому корыстолюбію могло быть выгодно „въ наше время“ (въ 1860 г. прошло уже 35 лѣтъ по смерти Ходаковскаго), изображать Ходаковскаго непризнаннымъ гениемъ? Въ нашей литературѣ

я опишу его, каковъ онъ былъ въ дѣйствительности. Происхожденіе его по-крыто таинственностью. Въ „Энциклопедическомъ Лексиконѣ“ даже представ-лена, въ видѣ исторической загадки, двойственная его біографія. Несомнѣнно то, что онъ былъ польскаго происхожденія и даже не зналъ порядочно ни-какого другого языка, кромѣ польскаго. По-русски онъ писалъ плохо, а гово-рилъ съ сильнымъ польскимъ акцентомъ, и самымъ простонароднымъ нарѣ-чіемъ. Онъ самъ рассказывалъ намъ много разъ, что, во время нашествія На-полеоновыхъ армій на Россію, онъ служилъ въ корпусѣ Даву, былъ ввѣтъ въ плѣнъ около Москвы, но вообще не любилъ распространяться объ этомъ времени своей жизни, и отклонялъ всѣ вопросы, какъ и что происходило въ глазахъ его. Казалось, ему совѣстно было представлять себя непріятелемъ рус-скихъ, отъ которыхъ видѣлъ онъ въ послѣдствіи ласку и гостепріимство ¹⁾. Ка-рамзинъ одобрилъ его предположеніе отыскивать и описывать городки, то-есть небольшія земляныя насыпи извѣстной формы, разбросанныя на великихъ пространствахъ Россіи и, какъ полагаетъ Ходаковский, означающія древнѣй-шее мѣстопребываніе славянъ, такъ что по нимъ думалъ онъ опредѣлить про-странство, которое занимали славяне, а изъ сохранившихся названій город-ковъ вывести нѣкоторые филологическія и историческія заключенія. Огла-сивши въ журналахъ свой проектъ и получивъ денежное пособіе отъ нашего пранительства, Ходаковский началъ свои изслѣдованія съ новгородской губерніи; но въ два года не сдѣлалъ ничего ²⁾, и ему прекратили выдачу назначенной на путешествіе его суммы. Онъ кой-какъ добрался до Москвы и былъ въ за-труднительномъ положеніи. Не только продолжать свое фантастическое (?) путешествіе, но и жить ему было нечѣмъ. Оправдать возбужденныхъ имъ на-деждъ онъ не могъ, и въ разговорахъ давалъ разумѣть, что правительство пе-рестало давать пособіе для ученыхъ трудовъ его—по интригѣ Карамзина, будто бы ненавидѣвшаго его за нѣкоторые критическія замѣтки на „Исторію государства Россійскаго“. Знакомые равнодушно выслушивали многорѣчивыя его разглагольствія, но со свойственнымъ русскому человѣку радушіемъ ока-зывали ему гостепріимство и пособіе. Надобно сказать, что личныя потреб-ности Ходаковского были чрезвычайно умѣренны. [Всегдашній костюмъ его составляли: стѣрая куртка и стѣрые шаровары, а на головѣ что-то въ родѣ ко-пака. Въ такомъ костюмѣ являлся онъ всюду, и обращалъ на себя вниманіе солдатскою откровенностью, близкою къ грубости. Всѣхъ дамъ, безъ различія съ простолюдинками, называлъ онъ „матушка“, всѣхъ мужчинъ „батьюшка“. Пришедши въ гости, онъ обыкновенно оставался до тѣхъ поръ, когда надобно ложиться спать. Особенно милъ бывалъ онъ съ людьми, отличавшимися изы-

---

едва-ли не самые горячіе отзывы о немъ сдѣланы были Погодинымъ, и на этотъ разъ онъ былъ совершенно безкорыстенъ. Повидимому, у автора была какая-то, непонятная намъ, завѣя мысль.

¹⁾ Мы выше указывали, что дѣло было не въ этомъ: онъ не боялся представлять себя непріятелемъ русскихъ (по словамъ того же Полевого, онъ вовсе не скривалъ своего участія въ походѣ 1812 года), но ему серьезно опасно было сказать правду, состоявшую въ томъ, что онъ былъ дезертиромъ изъ русскаго войска.

²⁾ Это не вѣрно, потому что онъ представилъ обширное донесеніе, изданное въ-послѣдствіи Погодинымъ, а прекращеніе пособія, какъ выше упомянуто, было слѣд-ствіемъ того, что отвергнуть былъ теоретическій взглядъ Ходаковского,—и не со-всѣмъ основательно отвергнуты самые поиски, которые, тѣмъ не менѣе, могли быть полезны.

сканнимъ костюмомъ и свѣтскими манерами, и называлъ ихъ въ глава фанфаровами ¹⁾. Но никто не сердился на него за выраженія и обращеніе, которыя другому стоили бы дуэли: на такую ногу умѣлъ онъ поставить себя, что на него смотрѣли, какъ на Діогена.

„Таковъ былъ онъ по наружности, таковъ и умомъ, и образованностью. Дерзкій циникъ, онъ бранилъ всѣхъ и не смущался отъ своего невѣжества. Не зная ни одного иностраннаго языка, не имѣя понятія о необходимой для историка учености, онъ, однакожъ, иногда довольно мѣтко и проникательно критиковалъ Карамзина (!) и открывалъ смыслъ въ событіяхъ, затруднявшихъ другихъ изслѣдователей. Онъ почти ничего не читалъ и у него не было никакихъ книгъ, кромѣ нѣсколькихъ, самыхъ обыкновенныхъ, польскихъ, заселенныхъ какъ онъ самъ. Пять, шесть разрозненныхъ томовъ „Исторіи“ Карамзина были у него исписаны замѣтками, иногда самыми циническими. Драгоценностью своею почиталъ онъ карту Россіи, на которой были означены открытые имъ городки или имена, напоминавшія городки. Почти во всякомъ разговорѣ онъ склонялся рѣчь на этотъ предметъ, и объяснялъ, что въ Россіи множество мѣстъ и урочищъ носятъ названія, которыя скороговоркой произносили онъ неизмѣнно: „городъ, городокъ, городецъ, городня, городище“.— „Да, кромѣ того („батюшка“ или „матушка“, прибавлялъ онъ), гдѣ есть названія отъ попа, отъ бабы, отъ берега, отъ дѣда (и еще исчисленіе нѣсколькихъ именъ), тамъ вѣрно есть или было городище“. Съ такою рѣчью обращался онъ ко всякому, кого встрѣчалъ, особливо въ первый разъ... Иногда, онъ точно добивался такимъ образомъ желанныхъ свѣдѣній, изумлялъ знаніемъ мѣстностей, которыхъ никогда не видывалъ ²⁾, и, услышавши о новомъ городкѣ, вносилъ его въ свой алфавитный списокъ городковъ и отмѣчалъ на картѣ. Въ этомъ состояло его занятіе въ Москвѣ. Онъ обращался съ разспросами ко всякому, впрочемъ ходилъ на Болотный Рынокъ, куда съѣзжались обозы съ разными припасами изъ ближайшихъ губерній, и умѣлъ выспрашивать у русскихъ мужиковъ о городкахъ. Съ нимъ случались даже пресмѣшныя исторіи. Однажды, онъ разговорился съ мужиками, стоявшими при господскомъ обозѣ, и, замѣтивъ, что они не очень подкаются на его разспросы, пригласилъ нѣсколькихъ изъ нихъ въ трактиръ, гдѣ, при помощи водки и чаю, распаялъ ихъ сердца и выспросилъ, что было ему нужно. Продолжая разговаривать, воротился онъ съ ними къ ихъ обозу, гдѣ уже былъ приказчикъ, завѣдывавшій этимъ обозомъ, в уже знавшій, что какой-то баринъ увелъ нѣсколькихъ мужиковъ въ трактиръ. Зоріанъ съ жаромъ разспрашивалъ ихъ о всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ знакомой имъ мѣстности. Вдругъ приказчикъ хватается его за воротъ, громко восклицая: „Пойдемъ-ка, братъ, на съѣзжую!.. Вишь, баринъ, въ кургузой курткѣ!.. Не первый ты подсылный отъ—такихъ-то“. Тутъ онъ назвалъ сосѣднихъ помѣщиковъ, съ которыми господинъ его велъ нескончаемый процессъ за тѣ самыя земли, о которыхъ разспрашивалъ Зоріанъ. Ошеломленный такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, Ходаковский хотѣлъ объяснить, для чего онъ разспрашивалъ мужиковъ, повторяя, что онъ ученый; но приказчикъ тащилъ его на съѣзжую, приговаривая: „Ученый! А вотъ мы тебя выучимъ!.. Станетъ ли добрый человекъ шпионить у мужиковъ, да водить ихъ пьянствовать въ трактиръ!.. Баринъ! въ морозъ ходить по рынку въ кургузомъ кафтанѣ, да мужиковъ подговариваетъ! На съѣзжей скажешь правду!“ И онъ дѣйстви-

¹⁾ Та-же черта демократической нетерпимости, которую изображаетъ Сѣменьскій.

²⁾ Приведемъ подобное замѣчаніе въ біографической статьѣ Кёппена.

тельно привелъ его на съѣзжую, гдѣ объяснилось дѣло и гдѣ уже знали Ходаковского, потому что это приключеніе было повгореніемъ двухъ-трехъ прежнихъ, когда также принимали его то за вора, то за шпіона, и таскали на съѣзжую. Такому подозрѣнію способствовать его странный видъ, его костюмъ и не-русскій выговоръ.

„Надобно согласиться, что такой способъ собирать историческія свѣдѣнія и подробности не представлялъ никакого ручательства: многое, если не все, надлежало бы повѣрить личнымъ обозрѣніемъ ¹⁾. Но Ходаковский былъ очень доволенъ своимъ успѣхомъ въ разысканіяхъ о городкахъ, и, приходя къ намъ часто, почти каждый разъ начиналъ рѣчь словами: „Открывается много новаго!“.. Иногда происходили въ глазахъ нашихъ истинно-комическія сцены съ его разспросами. Входитъ въ комнату человекъ, вовсе ему незнакомый, и еще не успѣвъ этотъ человекъ сказать, зачѣмъ пришелъ, какъ Зоріанъ начинаетъ допрашивать его. Кой-какъ отдѣлавшись отъ допросчика, тотъ спрашиваетъ: „Что это, помѣшанный, что-ли?“ Другіе принимали его за пьянаго, иные воображали, что встрѣтились съ слѣдственнымъ приставомъ; наконецъ, большая часть ровно ничего не понимала въ словахъ его.. Безспорно, что такая страсть, имѣющая хотя отдаленную цѣлью пользу науки—почтенна; однако, по способу Ходаковского, это была самая грубая, и, что хуже, смѣшная обработка ученаго предмета, который и оставался у Ходаковского въ такомъ грубомъ видѣ. Къ оправданію (!) его можно сказать, что онъ не имѣлъ никакихъ средствъ заниматься иначе... Къ тому еще онъ находился въ это время въ самомъ стѣсненномъ положеніи. У кого только могъ, онъ занималъ деньги. Еще съ самаго начала знакомства съ Николаемъ Алексѣвичемъ (Полевымъ), онъ продалъ ему словарь Линде, единственную хорошую и цѣнную книгу свою, говоря, что она ему не нужна и даже въ тягость. Потомъ онъ сталъ занимать у него деньги: наконецъ, когда сумма занятыхъ денегъ возрасла уже до нѣсколькихъ сотенъ рублей, онъ просто выпрашивалъ по полумперіалу! Вадя самъ необходимость заняться чѣмъ-нибудь для насущнаго хлѣба и слѣдуя совѣту искренно желавшихъ ему добра, Ходаковский искалъ какой-нибудь должности, и, наконецъ, опредѣлился управляющимъ въ имѣніе одного помѣщика тверской губерніи. Мы разстались съ нимъ на-всегда—но при отъѣздѣ онъ увѣрялъ, что непременно заплатитъ деньги, вятые въ разное время у Ник. Алексѣвича. Осталась и росписка его въ этихъ деньгахъ (!). Кажется, еще въ Москвѣ женился онъ на единственной своей прислужницѣ, которую называлъ своей благодѣтельницею. Это обстоятельство надобно замѣтить, какъ необходимое для объясненія слѣдствій знакомства Николая Алексѣвича съ Ходаковскимъ“ ²⁾.

Жаль, что помощь, которую Н. Полевой оказывалъ несчастному Ходаковскому, испорчена этими запоздалыми упреками послѣднему за его бѣдность...

¹⁾ Но Ходаковский лишенъ былъ физической возможности это исполнить. Напротивъ, чрезвычайно характерно то, что, не имѣя средствъ на путешествіе, онъ хотя этимъ способомъ хотѣлъ добиться желанныхъ свѣдѣній.

²⁾ Дѣло шло о бумагахъ Ходаковского, которыя, по его распоряженію, по смерти его были доставлены Полевому; бумаги навлекли послѣднему разныя непріятности вслѣдствіе претензій вдовы Ходаковского, и послѣ перешли къ Погодину, который многое изъ нихъ издалъ, какъ дальше скажемъ.

Итакъ Кс. Полевой довольно щедръ на описаніе всякихъ недостатковъ Ходаковского; но, въ чемъ же былъ интересъ этого человека и для Николая Полевого, и для многихъ другихъ образованныхъ людей того времени? Онъ начертилъ намъ внѣшнюю грубоватость Ходаковского, которая была естественнымъ слѣдствіемъ всей его біографіи; но въ ней, кромѣ демократической грубости, была и независимость, вмѣстѣ съ любовью къ завѣтной идеѣ. Ту же черту можно встрѣтить у другихъ народныхъ изслѣдователей, которымъ интересъ къ народу внушалъ въ то же время антипатію къ свѣтской пустотѣ и извѣстное чудачество; это указываетъ и Сѣменьскій въ своемъ разсказѣ. Нѣчто подобное было, говорятъ, у нашего Сахарова; добродушнымъ, хотя не весьма привлекательнымъ цинизмомъ отличались Якушенинъ, Щаповъ и другіе практическіе этнографы и народники; но ихъ значеніе и характеръ не исчерпываются однимъ этимъ.

Собирая подробности біографіи Ходаковского и его легенды, получаемъ слѣдующій выводъ. Это была оригинальная и даровитая личность, какія не разъ встрѣчаются въ исторіи славянскаго возрожденія и первыхъ проявленій народности—съ тѣми или другими чертами общаго типа. Выхода, большею частью, изъ среды самого народа, эти люди влекутся къ нему страстнымъ, хотя неяснымъ инстинктомъ; они сохраняютъ съ нимъ внѣшнюю связь—въ простотѣ нравовъ, поддерживаемой постояннымъ общеніемъ, и связь внутреннюю: имъ дорожи особенности народнаго быта и міровоззрѣнія, которыя они стремятся воспринять и внести въ область литературы, гдѣ имъ хочется замѣнить народными образами и красками искусственную чуждую поэзію, и въ область исторіи, которая кажется имъ неполной и ошибочной безъ ея народнаго элемента, въ чемъ они часто угадывали истину. Подобные люди представляютъ иногда какую-то загадку своимъ появленіемъ на литературномъ поприщѣ. Чтò вызываетъ ихъ дѣятельность, когда, повидимому, ни обстановка, ни скудная школа не вели ихъ на эту дорогу? Остается объяснять это стихійной исторической силой, которая вызываетъ людей, когда созрѣваетъ потребность въ новомъ нравственномъ направленіи общества.

Ходаковский былъ именно такой стихійный человекъ. Родившись въ убогой обстановкѣ, онъ не получилъ никакого правильнаго образованія. Въ своей подложной автобіографіи онъ говорилъ, что будто бы учился у отцовъ пѣровъ (извѣстныхъ педагоговъ конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка) и въ кременецкой гимназіи (извѣстномъ тогда учебномъ заведеніи),—онъ хотѣлъ этимъ показать свою литературную правоспособность; но это была неправда; его образованіе не равнялось даже гимназическому; онъ успѣлъ только усвоить ла-

тинскій языкъ, и недостатокъ знаній школьныхъ дополнялъ, сколько могъ, чтеніемъ. Въ тогдашней польской литературѣ уже бродили первыя смутныя мысли объ историческомъ интересѣ археологическихъ изученій, но заслугой Ходаковского было то, что этотъ интересъ къ древности онъ изъ сухого книжнаго антикварства перенесъ на живую почву народности. Древніе люди, о которыхъ археологи могли говорить только цитатами изъ старинныхъ писателей, для Ходаковского были живыми людьми, которыхъ память сбереглась въ реальныхъ остаткахъ ихъ старыхъ жилищъ съ ихъ именованиями, и въ преданіи, живущемъ въ народѣ до сихъ поръ. Эти два предмета онъ и сдѣлалъ цѣлью своихъ изысканій.

Это былъ, слѣдовательно, въ полной мѣрѣ самоучка, и нечего удивляться тому, что въ своей любимой теоріи о городищахъ, какъ языческой святыни, онъ выходилъ за предѣлы, допускаемые строгой критикой; удивительнѣе, что, при своей скудной подготовкѣ, онъ могъ возымѣть многія мысли несомнѣннаго научнаго достоинства. Народная археологія была въ то время дѣломъ, въ которомъ всѣ были новичками; но другіе изслѣдователи были по крайней мѣрѣ подготовлены на другой сосѣдней почвѣ—на классической древности, на общей исторической критикѣ. Ходаковский былъ лишенъ того и другого. Одна отгадка направила его на непосредственное народное преданіе, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ съ истинной проницательностью подмѣчалъ такія стороны предмета, которыя впоследствии, въ самомъ дѣлѣ, вошли въ область науки. Кромѣ соображенія фактовъ, орудіемъ его выводовъ была и чистая фантазія, и это было весьма естественно: онъ жадно стремился нарисовать себѣ полную картину народной древности,—какъ увидимъ, онъ жалѣлъ даже, что христіанство пришло слишкомъ рано!.. Въ ту пору было еще слишкомъ мало точныхъ данныхъ, чтобы возстановить картину далекой старины; между тѣмъ только то или другое общее представленіе могло объяснить массу подробностей, иначе непонятныхъ. Эта сторона дѣятельности Ходаковского, то, что онъ сживался съ народной стариной и поэзіей, именно и произвела дѣйствіе на его современниковъ и имѣла свою долю въ установленіи того этнографическаго стремленія, которое внушало искать въ средѣ народа и изъ устъ народа откровеній объ его исторической судьбѣ и національной сущности. Строгіе судьи укоряли его за увлеченія и крайности, за недостаточность доказательствъ, но въ томъ и была сила его вліянія, что онъ былъ энтузіастъ своего дѣла, чуть не мономанъ; онъ первый настойчиво говорилъ, что *надо идти въ народъ* не только для того, чтобы собрать въ немъ этнографическій матеріалъ, но и сжиться съ нимъ, понять народную душу и природу, которыя создаютъ народный ха-

ракетъ и поэзію. Все это вмѣстѣ и заставляло потомъ съ уваженіемъ повторять имя Ходаковского,—несмотря на всѣ его ошибки, несмотря на то, что реальный вкладъ въ науку, оставшійся послѣ него, былъ очень невеликъ.

Въ чемъ же состояли литературныя работы Ходаковского? Немного было напечатано имъ при жизни; гораздо больше издано было послѣ его смерти Погодинымъ; наконецъ, иное осталось въ рукописи и, кажется, должно считаться потеряннымъ.

Первая и самая характерная работа Ходаковского явилась въ то время, когда онъ еще занимался своими разысканіями въ южной Россіи, Польшѣ и Галиціи. Это была нами упомянутая прежде небольшая статья (20 страничекъ небольшого формата): „О Славянщинѣ передъ христіанствомъ“. Эта статья, впоследствии изданная вновь Суroveцкимъ въ 1835, появилась первоначально въ 1818 г.¹⁾ Основная мысль ея была повторена потомъ въ его русскихъ статьяхъ о которыхъ скажемъ далѣе. Статья написана очень оригинально, какъ послѣ самъ Ходаковский выражался, „железнымъ стилемъ“—мало выработаннымъ, угловатымъ; Суroveцкій, перепечатывая ее въ своемъ изданіи, упрекалъ автора въ неточностяхъ выраженія, даже въ неправильностяхъ языка, и упрекалъ совершенно справедливо: въ изложеніи и въ языкѣ видѣнь именно самоучка, не рассчитывающій своихъ мыслей и выраженій, но посреди фантазій говорящій и такое, чтѣ было ново и плодотворно²⁾.

Передъ наукой,—начинаетъ Ходаковский,—исчезли исторія, обычаи и обычай наши изъ эпохи многобожія. Европейское просвѣщеніе не благопріятствовало тѣмъ временамъ, когда христіанство стало распространяться среди обширной и раздѣленной славянщины. Первые проповѣдники новой вѣры не отличались умѣренностью, не хотѣли ничего пощадить для исторіи, и тѣмъ же духомъ отличаются до нашего времени ихъ преемники. Властители нашего племени одинъ за другимъ разрушали зданіе, созданное врожденнымъ вдохновеніемъ, и рядомъ съ новыми правилами вѣры не хотѣли сберечь земской особенности. Это обстоятельство есть самое главное въ исторіи славянства, потому что съ теченіемъ времени распространилось на все племя и все болѣе умножало его раздѣленіе. Новая вѣра вводила насъ въ остальную Европу, на которую мы не были похожи. Славяннинъ, по своимъ религиознымъ потребностямъ, сталъ обращаться

¹⁾ „Swiszczenia naukowe“, 1818, издававшіяся въ Кременцѣ, т. II.

²⁾ По-польски онъ писалъ, слѣдовательно, также, какъ и по-русски, поспѣшно и небрежно.

въ Римъ или въ Царьградъ и, проникаясь взаимной ненавистью столицъ христіанства, зажигалъ факелъ вѣковыхъ междоусобныхъ войнъ. Можно было бы не вспоминать этихъ, слишкомъ долгихъ, заблужденій, еслибы онѣ не имѣли губительнаго вліянія на тотъ періодъ нашей исторіи и не были первымъ подкопомъ подъ все-таки намъ милую народность. „Будущія времена выяснятъ ту истину, что отъ слишкомъ ранняго облитія насъ водою стали смываться всѣ отличающія насъ особенности; во многихъ нашихъ странахъ ослабѣлъ духъ независимости и, просвѣщаясь по чужому образцу, мы стали, наконецъ, чужими самимъ себѣ“.

Въ чьихъ рукахъ было первое изображеніе исторіи Сѣвера—не всѣ знаютъ, но до-христіанская эпоха, если не совсѣмъ у нихъ опущена или не заброшена вымыслами, выставляетъ намъ въ ихъ изображеніи только грубые обычаи, дикость и слѣпоту нашихъ отцовъ. По разсказамъ этихъ историковъ, перемѣна вѣры происходитъ съ одинаковою легкостью въ Познани, Кіевѣ и Новгородѣ. По ихъ словамъ, достаточно было примѣра и воли властителя, чтобы въ одинъ день или въ одинъ годъ народы исполнили приказаніе. Но лѣтописцы, думая такимъ образомъ, не знали упорной славянской души, не знали исторіи первобытнаго народа, у котораго жизнь и управленіе, обычаи и самый языкъ были тѣсно связаны съ наукою о богахъ. Быстраго и счастливаго преобразованія быть не могло и, въ дѣйствительности, не было.—Ходаковскій вспоминаетъ при этомъ факты изъ древней польской исторіи, изъ исторіи Литвы, вспоминаетъ Нестора—о радимичахъ и вятичахъ, жизнеописаніе св. Войтѣха—о чехахъ, и жизнеописаніе св. Беннона, епископа мейссенскаго—о поморянахъ, и приходитъ къ заключенію, что человѣкъ, живущій въ своей средѣ, никогда не можетъ быстро измѣниться. „Потому что не легко возстать противъ самого себя, измѣнить способъ жизни, мышленія, покинуть все, чтó есть милого, и, въ особенности, дать иной оборотъ языку, привыкшему чтить многообразныя божества и полному тѣхъ метафоръ, присловій и прирожденныхъ особенностей, которыя наполняли его обрядовыя пѣсни, игрища, обычную рѣчь и всегда дышали его вѣрой“.

Въ давней исторіи,—продолжаетъ Ходаковскій,—наше племя занимаетъ уже свое мѣсто. Оно не собралось изъ изгнанниковъ, изъ остатковъ какихъ-нибудь упавшихъ царствъ, но было всегда племенемъ первобытнымъ, особеннымъ и единымъ. Еще неизвѣстны время и причины, когда нашъ народъ оставилъ сосѣдство „Индійскаго стана“, какъ долго былъ на великомъ пути, пока вступилъ въ Европу и занялъ половину ея съ азіатской стороны. Извѣстно только, что славяне заняли огромныя пространства отъ Балканъ и Адриатики до

скандинавскаго Сѣвера. Съ этимъ различіемъ земель произошли нѣкоторыя измѣненія въ почитаніи небесныхъ свѣтилъ, измѣненія въ метафорическомъ языкѣ, взятомъ отъ природы; но славяне подѣлились на одинаковыя *сотни* ¹⁾, подчиняясь однимъ уставамъ, обрядамъ и обычаямъ.

Вездѣ въ ту эпоху мы видимъ начальниковъ съ предводительскимъ знаменемъ въ мирѣ, на войнѣ и въ священныхъ обрядахъ. Соединеніе въ одномъ лицѣ такой разнородной власти открывало столько способовъ дѣятельности, что славяне въ томъ положеніи вещей и направляемые рукою чтимой природы не могли быть народомъ недѣятельнымъ и усыпленнымъ. Война для обезпеченія и расширенія жилищъ, а въ мирѣ—охота, земледѣліе, нѣкоторыя ремесла, обряды, соединенные съ великими играми и пиршествами, составляли ихъ всеобщее занятіе и увеселеніе, одинаковое для обоихъ половъ. Въ памятникахъ тѣхъ вѣковъ мы довольно часто встрѣчаемся съ словами: роля, плугъ, соха, коса, коваль, столяръ, тесло, ткать, долбить, долото и даже писарь и маляръ ²⁾,—все это было нужно и было въ употребленіи, все это находило свою честь и хвалу. Нигдѣ не видать слѣда, чтобы, предъ эпохой нашей „полировки“, на Сѣверѣ были рабы: ихъ не могло быть на переходѣ черезъ Азію въ Европу; и до сихъ поръ въ другой части свѣта не знаютъ, что значить работать на вѣчнаго пана, который, въ глазахъ своего монарха, имъ равенъ.

„Врожденные славянамъ простота, веселость, искренность, бросались въ глаза даже врагамъ; мужество, любовь, гостепріимство, которыя служили предметомъ удивленія и похвалъ для старыхъ саксовъ, были божествами цѣлой нашей земли, взаимно себя вознаграждающими. Когда мы будемъ меньше ждать и полараться на писателей иноземныхъ и будемъ искать свѣдѣній о старой жизни среди себя, на собственной почвѣ, въ гнѣздѣ нашихъ отцовъ, то, быть можетъ, найдемъ больше, чѣмъ до сихъ поръ гдѣ-либо было писано. Всмотримся только въ нашу землю. Быть можетъ, славяне оставили ее для насъ какъ самую прочную книгу; быть можетъ, заклали ее, чтобы она никогда не выходила изъ наслѣдства потомковъ, и съ этой цѣлю заворожили ее тогдашнимъ способомъ, чтобы она могла служить для самыхъ позднихъ внуковъ свидѣтельствомъ ея вѣковой принадлежности... Познакоимся ближе съ нашей землей, перечислимъ всѣ ея имена или урочища. Мы увидимъ, что, несмотря на девять вѣковъ, несмотря на столько военныхъ разрушеній, несмотря

¹⁾ *Sta*: по этимологій Ходаковского, конечно, ошибочной, „старости“ были именно старшины этихъ сотенъ; онъ и послѣ употреблялъ этотъ терминъ: „*Stare-sta*“.

²⁾ О послѣднемъ словѣ Ходаковский ошибался: оно было и новое, и чужое.

на незнаніе и самохвальное тщеславіе въ уничтоженіи старыхъ названій, все-таки сохранились и дошли до насъ имена боговъ, имена, принадлежащія къ ихъ почитанію, имена ихъ служителей и того земного существа, которое на пространствѣ вѣковъ, сопровождаемое великимъ добромъ и зломъ, на гордость человѣческаго рода и нашего языка, названо „челомъ вѣковъ“¹⁾. На той же землѣ мы прочтемъ названія всѣхъ звѣрей и птицъ, какъ оставленныхъ въ Индіи, такъ и узанныхъ въ здѣшнемъ климатѣ; всякихъ деревьевъ лѣсныхъ и плодовыхъ, цвѣтовъ и злаковъ, а также и растений, которыя могли служить для леченія и мнимаго волшебства; обозначенія всякихъ металловъ, извѣстныхъ въ то время; названія войны со всѣми ея тогдашними орудіями, а также и мира, ведущаго съ собой длинный рядъ трудовъ и забавъ; урочища морскія, со всѣми отдѣлами воды и судовъ для водяныхъ сообщеній; всякія перемены воздушныя, извѣстныя звѣтныя числа и всякіе другіе предметы, злые и добрые, члены тѣла, всякія движенія мысли; наконецъ — мысль, память и слово, какъ связь и цѣль человѣческаго быта, короче, всю энциклопедію и весь нашъ словарь въ простомъ и переносномъ значеніи его словъ, въ единичномъ или сложномъ ихъ складѣ, раскинутый на нашей землѣ и наполняющій ея старыя „ста“ въ извѣстномъ порядкѣ. Въ старой славянщинѣ нѣтъ пяди земли, которая бы не принадлежала къ этому словесному порядку; онъ покрываетъ какъ осѣдлыя, такъ и пустыя мѣста, полезныя и дикія, возвышенныя и низменныя, горы и доли, чистыя поля и темныя лѣса; словомъ, вся поверхность земли была столицею нашихъ боговъ и одною таблицею нашей вѣры“.

Ходаковский уже здѣсь излагаетъ ту теорію о значеніи мѣстныхъ названій и городищъ, которую онъ развивалъ потомъ, изслѣдуя мѣстныя названія въ Россіи. „Кому удастся,—говоритъ онъ,—сосчитать на этомъ обширномъ пространствѣ тѣ остатки сооруженій, называемые городками или городищами, находящіеся почти на каждой милѣ, обнесенные валомъ и при которыхъ всегда находятся вблизи „лысыя“ или „ясныя горы“, обыкновенно господствующія надъ мѣстностью и возвышающіяся при рѣкахъ и вообще при водѣ. Во многихъ мѣстахъ, даже при отсутствіи возвышенности, на равнинахъ, среди низинъ и болотъ Полѣсья, все-таки можно найти подобныя мѣстности въ наиболѣе удобномъ положеніи. Кто слышалъ повсюду распространенныя повѣрья о вѣдмахъ и колдуньяхъ, улетающихъ на „Лысую гору“ въ четвергъ послѣ новаго мѣсяца, тотъ не будетъ удивляться многочисленности подобныхъ названій“. Ходаковский при-

¹⁾ Такъ Ходаковский производитъ слово: *человѣкъ*.

ходить къ убѣжденію, что въ славянскихъ поселеніяхъ, слѣдъ которыхъ остался именно въ городищахъ, была система, что онѣ дѣлились на извѣстныя доли и въ нихъ было по сту земельныхъ названій, среди которыхъ наиболѣе видныя мѣста удѣлялись для „лысой горы“ и „святого городка“ и вокругъ нихъ совмѣщались остальные названія.

Онъ не думаетъ, чтобы рѣшилъ вопросъ: никакая система, по словамъ его, не можетъ быть высказана за-разъ во всей своей обширности, и „трудно на слабыхъ крыльяхъ перелетѣть отдаленныя мѣста и быстро проникнуть ихъ тайны“. Только время и усиленный трудъ, послѣ внимательнаго обозрѣнія множества отдаленныхъ мѣстностей, могутъ принести объясненіе, какимъ образомъ одно чувство или чья-нибудь воля умѣли основать на такомъ пространствѣ вездѣ себя подобную ткань, или придать ей то разнообразіе, которое повторяется, какъ бы переносимое цѣликомъ съ одного мѣста на другое. Осматривая почву старой славянской жизни, сколько можно найти этихъ повтореній—мы найдемъ вездѣ и Новгороды и Старгороды, Кіевы, Краковы, Гнѣзны, Москвы ¹⁾, Познани, Премыслы, Бѣлгороды, съ присоединяющимися къ нимъ тѣми же или однозначными названіями. Сколько открывается пустословія и ошибокъ въ нашихъ описаніяхъ, которыя изъ названій странъ или поселеній выводили столько основателей!—„Опираясь на этой обширной и всюду передо мною присутствующей системѣ нашей сѣдой старины,—говоритъ Ходаковский,—я спокойно смотрю, какъ въ моихъ глазахъ исчезаетъ рой льстивыхъ мечтаній, которыя, имѣя въ виду какое-нибудь укрытое лицо, сидились—въ чешскихъ хроникахъ—создать тѣмъ богатырей изъ разныхъ мѣстныхъ названій“.

Въ этихъ славянскихъ мѣстныхъ названіяхъ Ходаковский видѣлъ иное—видѣлъ оригинальный порядокъ, свойственный только нашимъ славянскимъ предкамъ; здѣсь выражались ихъ общность, единство, здѣсь „они покрывались всѣмъ вѣнцомъ и названіемъ славы“. Онъ говоритъ, что эта картина внушала ему великое почтеніе къ мысли предковъ и возбуждала въ немъ стремленіе къ дальнѣйшему разысканію и довершенію этого образа старины.

Другимъ богатымъ источникомъ осталось преданіе, которое, за недостаткомъ современныхъ свидѣтельствъ, можетъ открыть многое. Но кто не опредѣлилъ себѣ извѣстнаго плана, не приготовилъ извѣстныхъ вопросовъ, и также, въ мѣру обширности славянской земли, не имѣетъ запаса отваги, выдержки и знакомства съ нѣсколь-

---

¹⁾ Имя Москвы онъ считалъ самымъ славянскимъ; корень ея, по его позднѣйшимъ объясненіямъ, былъ „мостъ“: „Мосткова“.

кими нарѣчіями, тотъ напрасно будетъ ожидать преданій; онѣ не прилипнутъ къ его берегу и не явятся сами. Необходимо пойти и спуститься (*znížyc się*) подъ кровлю селянина въ разныхъ далекихъ краяхъ, надо спѣшить на его пиры, забавы и разные случаи его жизни. Тамъ, въ дымѣ, носящемся надъ головами ¹⁾, еще снуются старыя обряды, напѣваются давнія пѣсни и, среди пляски простонародья, отзываются имена забытыхъ боговъ ²⁾. Въ этомъ горькомъ сумракѣ можно распознать свѣтящіеся имъ *три мѣсяца, три зари зимы, семь зѣздъ возовыхъ* ³⁾. Тамъ заря Лелева приближается къ молодому *мѣсяцу* и возвѣщаетъ любовь новобрачныхъ и свадьбу; тамъ заря, огражденная мѣсяцемъ или прикрытая облакомъ, означаетъ брачную клятву. До сихъ поръ еще *три рѣки* текутъ подъ сѣни любовниковъ и даютъ святой воды для (свадебнаго) корова и пироговъ. До сихъ поръ на тѣхъ же рѣкахъ въ подольскихъ пѣсняхъ ходятъ гаданья, какъ упоминаютъ византійскія хроники. Тихій Дунай все еще, какъ индійскій Гангъ, есть священная вода, полная чаръ любви и счастья... Вообще, эти обрядовыя пѣсни, которыя отчасти были собираемы надъ Днѣпромъ, Богомъ, Бугомъ, Сяномъ и верхней Вислой, вездѣ дышатъ милой простотой, грустью, полной метафоръ и древнихъ образовъ.—Надо думать, что когда онѣ, еще во время цѣлости стараго быта, пѣлись на народныхъ сборищахъ, на глазахъ у князей, жрецовъ и т. д., онѣ были еще характернѣе. „Къ сожалѣнію, наша земля не была защищена съ трехъ сторонъ моремъ, чтобы могла, несмотря на вѣка, сохранить столько, сколько Шотландія. Но чего не мало надо жалѣть, это—того, что въ Чехіи при Карлѣ IV, а въ Польшѣ въ вѣкъ Сигизмундовъ, благопріятный для паукъ и отечественнаго языка, въ вѣкъ не такъ подавленной хаты селянина, не подумали о цѣльномъ собраніи пѣсень“. Такое собраніе сберегло бы намъ время и работу, въ настоящее время гораздо болѣе трудную. Ходаковский жалуется на польское духовенство и іезуитовъ, а также на людей, какъ Иннокентій Гизель, которые топтали все то, что теперь становится цѣлью нашей любознательности. „Рядомъ съ этими винами въ западномъ краѣ, мы отдаемъ невольную похвалу русскому духовенству. Греческіе и уніатскіе попы были братья своего народа, молившіеся Богу на славянскомъ языкѣ, свободные отъ высокомерія, не вносившіе раздора въ среду жителей

¹⁾ Т.-е. въ курныхъ избахъ.

²⁾ И послѣ, въ „Шланѣ путешествія“, онъ скорбитъ, что ученые изслѣдователи не знаютъ народа, и зоветъ ихъ въ поля, луга и дубравы, „подъ сельскую кровлю“, „въ черныя хижины“, гдѣ они найдутъ историческій кладъ. „Сынъ Отеч.“ 1820, ч. 68, стр. 298 и др.

³⁾ Малая Медвѣдица.

своими реформами,—у нихъ было больше снисхожденія и мягкости. Послѣдствія показали это, потому что русскія мѣстности несравненно больше сохранили старыхъ пѣсенъ и больше меня научили“.

Выше упомянуто, что Лелевель, по поводу петербургской жизни Ходаковского, замѣчалъ, что онъ начиналъ тамъ „сходить съ польскаго свѣта“. Это было не совсѣмъ точно, потому что Ходаковский гораздо раньше питалъ идеи и сочувствія обще-славянскія, и въ статьѣ 1818 г., которую теперь передаемъ, онъ уже высказываетъ свое сочувствіе русскому складу быта въ отношеніи этнографическомъ. Лелевель думалъ, далѣе, что Ходаковский ошибочно искалъ больше старины на славянскомъ Востокѣ, занятомъ позднѣе славянами; Ходаковский, напротивъ, находилъ, что славянскій Востокъ болѣе научилъ его въ этомъ отношеніи, чѣмъ славянскій Западъ, одинъ край котораго онъ зналъ въ Польшѣ. Дѣйствительно, въ славянствѣ православномъ, вслѣдствіе большей первобытности отношеній, вслѣдствіе отсутствія католической нетерпимости къ народнымъ элементамъ, народная поэзія сохранилась въ гораздо большемъ богатствѣ своихъ архаическихъ преданій. Ходаковский ошибался только въ томъ, если предполагалъ, что здѣсь совсѣмъ не было преслѣдованія народного обычая и „языческихъ“ пѣсенъ; приведенный имъ примѣръ Гизеля не былъ единичнымъ. Ходаковский продолжаетъ:

„Въ сѣверной Россіи, въ концѣ восемнадцатаго вѣка собирали и печатали пѣсни; издатель хвалитъ ихъ широкое однообразіе по всѣмъ областямъ, но отдаетъ поэтическое превосходство пѣснямъ малороссійскимъ, т.-е. южной Руси. Я соглашаюсь съ этимъ по собственному убѣжденію, когда заглянулъ отчасти за Днѣпръ, въ Полтавскій край. Надо сказать, однако, правду, что въ томъ сборникѣ въ двѣнадцать книгъ не видать ясной цѣли; заботились больше о массѣ пѣсенъ, чѣмъ о самой сущности; занимались этимъ лица неизвѣстныя и выбора у нихъ не сдѣлано никакого. Относительно пѣсенъ силезскихъ, чешскихъ, моравскихъ и венгерско-славянскихъ, не могу ничего сказать, еще не зная ихъ¹⁾, но забочусь объ этомъ“.

Ходаковский находилъ еще одинъ слѣдъ славянской старины: онъ думалъ, что она отразилась въ славянской, особливо польской, геральдикѣ. Нѣсколько изображеній въ шляхетскихъ гербахъ напоминали ему образы народной поэзіи, и онъ, со свойственной ему поспѣшностью, вообразилъ, что находитъ здѣсь слѣды далекой народной древности. Уже ближайшіе критики его, напр., Суровецкій, указали, что онъ въ этомъ совершенно заблуждался, и мы можемъ не останавливаться на этомъ эпизодѣ его разсужденій. Въ концѣ своей

¹⁾ Тогда почти и не было еще никакихъ печатныхъ сборниковъ этихъ пѣсенъ.

статьи Ходаковскій дѣлаетъ воззваніе, въ которомъ горячо проситъ о собираніи и сохраненіи остатковъ старины. „Сбережемъ,—говоритъ онъ,—случайныя, но довольно перѣдвія открытія, какія дѣлаются въ землѣ,—эти разныя небольшія статуэтки, изображенія, металлическія орудія, посуду, горшки съ пепломъ. Сосчитаемъ и точно измѣримъ всѣ большія могилы, которыя насыпаны были нѣкогда въ честь одному лицу и одинокія прожили цѣлые вѣка. Охранимъ отъ уничтоженія надписи, начертанныя въ подземныхъ скалахъ и большей частью намъ невѣдомыя. Снимемъ планы съ положенія мѣстностей, пользующихся давнею извѣстностью, для объясненія стараго ста, не дозволяя ни одному урочищу впасть въ забвеніе. Узнаемъ всѣ названія, какія деревенскій людъ или его лекарики въ разныхъ краяхъ даютъ растеніямъ. Соберемъ, сколько возможно, пѣсни и старыя гербы, опишемъ главнѣйшіе обряды. Внесемъ все это въ одну книгу и убѣдимся несомнѣнно о происхожденіи нашемъ изъ Индіи ¹⁾ и получимъ болѣе любящее представленіе о нашихъ предкахъ“.

„Я никогда не думалъ писать объ этомъ раньше, чѣмъ соберу всѣ запасы. Я набросаю только нѣкоторыя мысли, вынесенныя изъ моего четырехъ-лѣтняго странствованія и труда для дальнѣйшаго его продолженія. Поставивши себя въ мысли за девятью валами отдаленныхъ вѣковъ, передъ обличіемъ сѣдой и важной бороды нашихъ предковъ, я не могъ уже говорить безъ нѣкотораго почтенія къ нимъ и—какъ будто отъ ихъ имени—безъ нѣкоторой смѣлости, которая, опираясь на очевидной истинѣ, выведенной изъ принадлежащихъ сюда фактовъ, всегда должна быть свойствомъ сѣверной души“.

Таковъ былъ первый археологическій и этнографическій трудъ, въ которомъ Ходаковскій на нѣсколькихъ страницахъ изложилъ свои выводы или мечты о славянской старинѣ, которая была для него и стариной, и современнымъ нравственно-поэтическимъ содержаніемъ его собственнаго народа. Очевидно, это—то самое панславистическое одушевленіе, какое, нѣсколько лѣтъ спустя, наполняло Коллара, возстановлявшаго въ „Дочери Славы“ великое поэтическое прошлое своего племени; какое наполняло Шафарика въ его широкихъ археологическихъ изысканіяхъ, наполняло потомъ цѣлые ряды первыхъ дѣятелей возрожденія у разныхъ славянскихъ племенъ. Въ этомъ одушевленіи соединялись и научная потребность, часто бродившая на-угадъ въ потьмахъ, и живое чувство любви къ народу, чувство, которому предстояло совершить дѣйствительныя приобрѣтенія для политической и нравственной пользы этого народа. Ходаковскій инте-

¹⁾ Ходаковскій опять берется за этимологию или за игру словъ: „o pochodzie nazwyt z Inąd, czyli Indostanu“...

ресенъ именно тѣмъ, что былъ однимъ изъ первыхъ выразителей этого настроенія, гдѣ начиналось и этнографическое движеніе, которое въ послѣдствіи совсѣмъ измѣнило характеръ исторіографіи и самой литературы. Дѣятельность Ходаковского принадлежала всего больше русской литературѣ, и здѣсь всего больше должна быть признана его заслуга. Наиболѣе свѣдущіе современники (Карамзинъ, Кёппенъ, Полевой, Погодинъ) понимали эту заслугу. Новѣйшіе ученые, которымъ пришлось опровергать любимую теорію Ходаковского относительно городищъ, говорили, однако, съ уваженіемъ объ этомъ человѣкѣ, потому что понимали и трудность возникавшаго вопроса, и энтузіазмъ изыскателя. Для другихъ (какъ Кс. Полевой) это былъ невѣжественный чудакъ, едва не шутъ, притомъ нищій, которому надобно было помогать; какое же онъ могъ внушать уваженіе?

Въ статьѣ 1818 года набросаны главныя мысли Ходаковского; дальнѣйшіе труды были ихъ продолженіемъ и развитіемъ. Не вдаваясь въ подробности этихъ трудовъ, принадлежащихъ только исторіи науки, замѣтимъ, что въ нихъ разбросаны мѣстами мѣткія замѣчанія объ исторической и народной старинѣ, свидѣтельствующія объ оригинальномъ умѣ и историческомъ талантѣ.

Первой работой Ходаковского, напечатанной на русскомъ языкѣ, была статья: „Разысканія касательно русской исторіи“, помѣченная въ Гомелѣ 19 липца (т. е. іюля) 1819 года ¹⁾. Статья начата такими словами: „Не было примѣра, чтобы ляхъ имѣлъ особенное любопытство къ дѣяніямъ древней Руси, и, ради того, охотно бы вступалъ на неизмѣримое пространство ея земли. Причина тому была въ взаимной нелюбви двухъ народовъ. Но царь Александръ удовлетворилъ младшихъ братьевъ, примирилъ со старшими и показалъ имъ общее благо. Въ такое время, которое много общаетъ для грядущихъ поколѣній... ²⁾, я осмѣлился, съ своей стороны, услужить нѣкоторымъ образомъ сему великому предназначенію, желая сдѣлать историческую развязку: когда родъ славянскій вездѣ и во всѣхъ отношеніяхъ былъ единообразный? по крайней мѣрѣ, не было ли сего до принятія нами христіанскаго закона?“ — Авторъ увѣренъ въ этомъ послѣднемъ, и, повторяя основныя мысли изложеннаго выше польскаго разсужденія, развиваетъ его новыми подробностями изъ русской древности. Онъ не вѣритъ иноземнымъ писателямъ, что „славянское младенчество окружено туманомъ грубаго невѣжества и дикости“, — и думаетъ, что есть другіе источники для сужденій о нашей древности. „Уважая всегда ученыхъ разсужденія, совѣтуюсь со старыми и новыми авторами

¹⁾ „Вѣстн. Европы“, 1819, ч. СѴІІ, октябрьская книжка, стр. 277—302.

²⁾ Точка въ подлинникѣ.

на моемъ пути, увидѣлъ я, однако-жъ, что не всѣ они на землѣ нашей повѣряются и что много есть такого, къ чему ученая рука еще не прикоснулась". Это, во-первыхъ—тѣ городища, которыя разсѣяны по нашей землѣ отъ Камы до Эльбы и отъ Сѣверной Двины до горъ Балканскихъ и Адриатическаго моря. Ходаковскій видитъ въ нихъ остатки священныхъ оградъ, въ которыхъ совершались нѣкогда языческіе обряды и которыхъ имена напоминаютъ цѣлый кругъ древней народной жизни. Онъ настаиваетъ на необходимости признать самобытную жизнь древняго славянства и Руси, объяснять ихъ изъ нихъ самихъ и, между прочимъ, указываетъ, сколько важныхъ объясненій даютъ древнія мѣстныя названія, часто тождественныя въ разныхъ краяхъ стараго племени.

Между прочимъ, авторъ не разъ дѣлаетъ возраженія Карамзину, и повидимому, эту статью принимали именно за начало разбора „Исторіи“,—но дальнѣйшаго разбора не могло быть, потому что всѣ интересы Ходаковского кончались эпохою далекой древности. Біографы разсказываютъ подробности (которыхъ нечѣмъ провѣрить) объ отношеніяхъ Карамзина къ Ходаковскому,—что первый не любилъ критическихъ замѣчаній и, будто для умиренія Ходаковского, принялъ участіе въ его планахъ и содѣйствовалъ устройству его путешествія; съ другой стороны, говорили, что тотъ же Карамзинъ содѣйствовалъ и дальнѣйшей неудачѣ дѣла. Извѣстно, что Карамзинъ, познакомившись съ Ходаковскимъ, былъ заинтересованъ его сообщеніями и не разъ пользовался ими въ примѣчаніяхъ къ „Исторіи“ (во 2-мъ изданіи). О какомъ-либо участіи Карамзина въ обсужденіи позднѣйшаго „Донесенія“ пока ничего неизвѣстно ¹⁾).

Прибывши въ Петербургъ и успѣвши получить официальное разрѣшеніе и пособіе для своего путешествія, Ходаковскій напечаталъ въ журналахъ свой „Проектъ ученаго путешествія по Россіи, для объясненія древней славянской исторіи“ ²⁾, помѣченный 18-го марта

¹⁾ Лелевель (Dzienn. Lit., стр. 948) выражается такъ: „W ów czas (1819) wielkie sobie imię jednał ten co niespodzianie a zgręcznie o Karamzina dzieło zaszerpił. Karamzin tego nie lubił. Zorjan puścił pisemko, w Wiestniku Jewropy 1819 umieszczone, które groziło częstszym wyskokiem. Aby takowy odwrócić i uszczupić, Karamzin wziął Zorjana w opiekę i życzenia jego poparł“. Къ этимъ обстоятельствамъ относятся нѣсколько строкъ въ письмѣ Карамзина отъ 29 декабря 1819, къ „Письмахъ Карамзина къ И. И. Дмитріеву“ (съ примѣчаніями Грота и Пекарскаго. Спб. 1866, стр. 279). Примѣчаніе издателей къ этому письму (на стр. 0129) не точно, потому что упоминаемое ими письмо Карамзина къ самому Ходаковскому (напечатанное Погодиннымъ въ „Москвитининѣ“, 1843, ч. I, № 1, стр. 273) относится уже къ другому времени, а именно къ 1822—23 г.

²⁾ Въ полномъ составѣ этотъ проектъ напечатанъ былъ въ „Синѣ Отечества“, 1820, ч. 63—64, или № XXXIII—XXXVI, XXXVIII—XI, всего около ста стран.

1820-го года. Это цѣлый трактатъ, въ которомъ Ходаковский излагаетъ много подробностей своей теоріи, гдѣ, несмотря на несомнѣнное преувеличеніе его взгляда на значеніе городищъ,—какъ пунктовъ языческой религіи, окруженныхъ будто бы единообразно другими городищами въ правильномъ распредѣленіи чуть не на каждой квадратной милѣ,—разбросано не мало любопытныхъ замѣчаній о старыхъ географическихъ названіяхъ. Свою программу онъ изложилъ въ слѣдующихъ чертахъ:

„Въ заключеніе повторяю все, что я прежде говорилъ о моемъ занятіи, то-есть, скажу, что вообще составляетъ мой предметъ:

„1. Сообразить во всѣхъ странахъ насыпи городищныя по той чертѣ, какъ показалъ я въ письмѣ изъ Гомля отъ 29-го іюня 1819-го года, и повѣрить, сколько возможно, будутъ ли онѣ на всякой квадратной милѣ. Посредствомъ оныхъ же границъ, смотря, гдѣ онѣ кончатся, узнать предѣлы древней Руси и на планѣ означить.

„2. Внутри Россіи осмотрѣть лично мѣста, по которымъ назвались округи: Вотская, Волоховская, Деревская, Голяды, Вятичи, Сѣвера, Семь, Муромъ, Меря, Весь, Мѣщера, и прочія, уважая въ томъ правдо самого Нестора, который пишетъ: *и прозвашася имени своими, иже сѣдиши на которомъ мѣстѣ, тако и прозвашася* (Шлецеръ Русскій, I, стр. 113).

„3. Обратитъ вниманіе на главныя нарѣчія провинціальныя, какъ далече простираются, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и что могло въ оныхъ уцѣлѣть изъ древнѣйшаго славянскаго, чего письменный свѣтъ могъ еще не получить подобнымъ образомъ; какаѣ будутъ разница въ одеждѣ, строеніи домовъ и земледѣльческихъ снарядахъ.

„4. Какія найдутся наименованія разнымъ звѣздамъ, и произведеніямъ природы, то-есть пресмыкающимся, насѣкомымъ, грибамъ и зельямъ.

„5. Обряды, свадьбы, игры, пѣсни, суевѣрія, и все, что будетъ происходить изъ древнѣйшихъ временъ.

„6. Наконецъ, все, что служить можетъ не только къ моему предмету, но и въ общую пользу ученаго свѣта, какъ-то: древнія монеты, особенно принадлежащія къ русской нумизматикѣ, и другія металлическія фигуры и посуды, нерѣдко открывавшіяся въ землѣ и могилахъ, письменныя и всякія другія достопамятности—все буду стараться получить, или доносить объ ономъ“ ¹⁾.

Въ измеченіи онъ явился въ „Вѣстн. Европ“, 1820, ч. CXIII, № XVII—XVIII, стр. 30—56, 99—118 (сентябрь).

„Сынъ Отечества“ 1820, ч. 64, стр. 297—299. Просьбы Ходаковского о сообщеніи свѣдѣній вызвали нѣкоторыя статьи, напр. „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIII, стр. 306—310 „Письмо къ редактору“ М. Макарова и тамъ же (стр. 311) замѣтку

Въ „Сѣверномъ Архивѣ“ 1822-го года помѣщено извѣстіе о началѣ путешествіи Ходаковского, по его письмамъ ¹⁾, и письмо изъ Москвы, гдѣ Ходаковский самъ рассказываетъ о своихъ наблюденіяхъ въ тверской и московской губерніи ²⁾. Здѣсь, извиняясь за долгое молчаніе, онъ, между прочимъ, говоритъ о себѣ: „Не знаю, найдете ли вы въ нашемъ славянскомъ племени подобнаго стойка и упряма, который бы, отказавшись отъ всѣхъ свѣтскихъ приличій, погрузился, подобно мнѣ, въ своемъ предметѣ! И потому неудивительно, что я, блуждая по лѣсамъ, полямъ и уединеннымъ селамъ, не могу удовлетворять обязанностямъ свѣтскихъ обществъ и дружбы“. Въ томъ же письмѣ онъ замѣчаетъ: „Я также могу ошибаться, подобно другимъ, съ тою только разницею, что я всѣмъ происшествіямъ нахожу причины дома, которыхъ тщетно другіе ищутъ на далекихъ распутіяхъ и за всѣми границами“.

Въ томъ же журналѣ, 1823 помѣщена Ходаковскимъ небольшая замѣтка о Гуляй-городѣ ³⁾, гдѣ онъ объясняетъ, что Гуляй-городъ не есть обозное укрѣпленіе, которое можно перевозить съ мѣста на мѣсто, какъ толковалъ его въ данномъ случаѣ Карамзинъ, а мѣстное урочище, гора около Серпухова. Въ слѣдующемъ году онъ помѣстилъ тамъ же, съ нѣкоторыми примѣчаніями, двѣ грамоты Свитригайла и Витовта изъ пулавской бібліотеки Чарторыйскихъ ⁴⁾. Наконецъ, тамъ же напечатана статья Ходаковского: „Опытъ изъясненія слова: князь, *Książ*“ ⁵⁾.

Это была, кажется, послѣдняя печатная работа Ходаковского.

Судьба рукописей Ходаковского рассказана отчасти въ запискахъ Ксенофонта Полевого. Передъ смертью Ходаковский распорядился, чтобъ его бумаги переданы были Н. А. Полевому; такъ и было сдѣлано. Вдова, какъ нерѣдко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, думала, кажется, что ей досталось въ этихъ рукописяхъ цѣлое богатство; но Полевой, не очень самъ заинтересованный трудами Ходаковского,

---

А. Боаркина; „Записку о городищахъ, курганахъ и другихъ старинныхъ насыпяхъ въ тульской губерніи“, А. Глаголева, „Вѣстн. Евр.“ 1820, ч. CXIV, стр. 184—191, и „Другую Записку для г-на Ходаковского“ (о рязанской, тамбовской, воронежской, тульской, владимірской губ.), М. Макарова, тамъ же, стр. 191—204, и „Поправки“, стр. 317—318. Въ „Вѣстн. Евр.“ 1821, ч. CXVI (№ 4, февраль), стр. 322—326, помѣщено письмо Ходаковского по поводу статей Макарова и Боаркина и отвѣтъ Макарова.

¹⁾ Часть II, стр. 314—318.

²⁾ Тамъ же, стр. 465—471.

³⁾ „Гуляй-городъ съ лѣвой стороны Оки, въ трехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Серпухова“, Сѣв. Архивъ, 1823, ч. V, стр. 369—371.

⁴⁾ Сѣв. Архивъ, 1824, часть IX, стр. 14—18.

⁵⁾ Тамъ же, 1824, ч. X, стр. 219.

затруднился что-нибудь сдѣлать изъ этихъ рукописей. Кончилось тѣмъ, что вдова Ходаковского подала на него формальную жалобу генералъ-губернатору, обвиняя Полевого, что онъ сначала общалъ издать рукописи въ свѣтъ, а теперь предлагаетъ ей взять ихъ обратно, конечно потому, что выбралъ изъ нихъ все лучшее и достопримѣчательное: вдова взывала къ правосудію, прося оградить ея собственность отъ вѣроломства. Полевой объяснилъ дѣло генералъ-губернатору, доказалъ цѣлость книгъ и рукописей Ходаковского, и, наконецъ, просилъ, чтобы отъ него приняты были эти бумаги. Тѣмъ дѣло и кончилось въ судебномъ смыслѣ ¹⁾. Впослѣдствіи, эти бумаги оказались въ распоряженіи Погодина. Погодинъ началъ печатать ихъ въ „Русскомъ Историческомъ Сборникѣ“, изданіи московскаго Общества исторіи и древностей.

Въ первой книжкѣ сборника Погодинъ напечаталъ любопытную статью Ходаковского: „Пути сообщенія въ древней Россіи“, гдѣ разъясняются именно пути водяные ²⁾.

„Предложенныя драгоценныя извѣстія, — говорилъ Погодинъ въ примѣчаніи къ этой статьѣ, — найдены мною въ уцѣлѣвшихъ бумагахъ покойнаго Ходаковского, которыя попались мнѣ только въ прошломъ 1836 году, послѣ продолжительныхъ мытарствъ, о коихъ говорить здѣсь не мѣсто. Рукопись очень запутана, испещренная послѣ перваго листа, особенно же въ концѣ, прибавленіями, переносками, помарками. Я старался разобрать извѣстія, сколько возможно, и, считая грѣхомъ держать ихъ долѣе подъ спудомъ, рѣшился напечатать въ трудахъ Общества, коего Ходаковский былъ членомъ, увѣренный, что всѣ любители исторіи прочтутъ съ удовольствіемъ и пользою это сочиненіе, проливающее большой свѣтъ на древнюю русскую исторію и объясняющее наши глѣтописи.

„Нѣтъ ли гдѣ-нибудь лучшаго, обработаннѣйшаго списка?

¹⁾ Ксен. Полевой пишетъ, что все это было дѣломъ враговъ его брата, которые написали и самую жалобу. „Дѣйствительно, Николай Алексѣевичъ зналъ и могъ бы даже назвать людей, которые уговорили невѣжественную женщину подать низкій вѣтъ, и забыть всѣ одолженія, которыя оказывалъ Полевой мужу ея и самой ей“.

Но и тогда, когда дѣло кончилось — „враги Н. А. Полевого не умолкли: они не переставали разглашать и даже печатно намекать и утверждать, что онъ тайкомъ присвоилъ себѣ драгоценныя рукописи Ходаковского, и выдаетъ его изысканія по русской исторіи за свои собственныя. Нелѣпое это обвиненіе повторялось много лѣтъ спуду: московскій Воейковъ, Надеждинъ, не посовѣстился употребить это обвиненіе орудіемъ противъ Н. А.; позднѣе его повторилъ М. А. Максимовичъ, который за непогоднѣе доброжелательство и гостепріимство заплатилъ моему брату враждою и желаніемъ погубить“... („Записки“, Сиб. 1888, стр. 213—219). Имя Воейкова, употребленное здѣсь нарицательно, должно означать недобросовѣстнаго клеветника и ругателя.

²⁾ Русскій Историческій Сборникъ, издаваемый Обществомъ Исторіи и древностей русскіихъ. Редакторъ профессоръ Погодинъ. М. 1837 (1888). Томъ I, кн. 1, стр. 1—50.

„Въ бумагахъ нашелъ я еще отвѣтъ Калайдовичу на его мнѣніе о городищахъ и вообще разборъ его археологическихъ писемъ о Рязанской губерніи. Исключая изъ него все бранное и временное, я помѣщу его въ слѣдующихъ книжкахъ, дабы изслѣдователи могли еще короче познакомиться съ примѣчательнымъ ученіемъ Ходаковского.“

„Кромѣ сихъ двухъ сочиненій, у меня находятся три части (изъ четырехъ) словаря Географическаго или лучше номенклатурнаго, городищъ и принадлежащихъ къ нимъ урочищъ и мѣстъ, словарь растений и нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и міеологіи, русской и литовской. Вотъ все, что уцѣлѣло изъ бумагъ Ходаковского.“

Въ третьей книжкѣ того же тома Погодинъ помѣстилъ обширную статью подъ названіемъ: „Историческая система Ходаковского“ (стр. 2—109). Эта статья, представляющая опять замѣчанія о географическомъ матеріалѣ нашей старины и о городищахъ, предназначена была служить отвѣтомъ на книгу Калайдовича: „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ рязанской губерніи“ (М. 1823), слѣдовательно, писана уже въ то время, когда планы Ходаковского о дальнѣйшемъ путешествіи разрушились. Какъ и статья о древнихъ путяхъ сообщенія, это была только черновая работа, опять съ большою начитанностью въ памятникахъ русской исторіи и иногда любопытными для своего времени попытками археологической этнографіи.

Къ этой статьѣ Погодинъ замѣчаетъ: „Эта статья есть собственно отвѣтъ Ходаковского, найденный мною въ его бумагахъ, Калайдовичу, по поводу неблагопріятнаго отзыва сего послѣдняго объ основной мысли перваго касательно городищъ, и подробный разборъ его книги „Письма объ археологическихъ изслѣдованіяхъ въ Рязанской губерніи“, 1822. Исключивъ все временное и бранное, я представляю статью Ходаковского въ нашемъ Сборникѣ, потому что она заключаетъ въ себѣ ясное представленіе замѣчательной системы этого знаменитаго географа-историка, и множество частныхъ драгоценныхъ историческихъ извѣстій. Замѣчу еще, что статья досталась мнѣ въ черновой тетради, которую было очень трудно разбирать. Притомъ самъ авторъ не успѣлъ отдѣлать ея окончательно, что особенно примѣтно по пропускамъ“¹⁾.

Въ третьей книжкѣ III-го тома „Историческаго Сборника“ Погодинъ напечаталъ еще „Отрывокъ изъ путешествія Ходаковского по Россіи—Ладога, Новгородъ“²⁾. Здѣсь, кромѣ описанія путешествія, описанія наличной старины, опять разбѣяны замѣтки о древ-

¹⁾ Сужденія Калайдовича о Ходаковскомъ далеко не всѣмъ казались справедливыми. Сергій Строевъ, въ разборѣ „Р. Историч. Сборника“, писалъ: „Должно признаться, что Калайдовичъ слишкомъ поверхностно смотрѣлъ на систему Ходаковского, даже и въ такомъ случаѣ, еслибы дѣйствительно предпріятіе послѣдняго не имѣло полного успѣха“. Журн. Мин. Народ. Просв. 1839, т. 22, отд. VI, стр. 15—16.

²⁾ М. 1839, стр. 181—200. Отрывокъ помѣщенъ Новгородомъ 14-го марта 1821. Этотъ отрывокъ не вошелъ въ послѣдующее „Донесеніе“.

ней географіи и о современномъ новгородскомъ нарѣчій, все это съ немалой начитанностью въ старыхъ лѣтописяхъ и граматахъ.

Седьмая книга Сборника ¹⁾ вся занята „Донесеніемъ о первыхъ успѣхахъ въ Россіи Зоріана Долуга-Ходаковского, изъ Москвы 13-го липца (іюля) 1822“. Въ началѣ замѣчанія о племенахъ древней Руси, причемъ Ходаковский по своей славянской ревности хотѣлъ зачислить въ славянъ и нѣкоторые финскія племена; но главную часть „Донесенія“ составляетъ оригинальная работа, которой Ходаковский далъ названіе „Сравнительнаго словаря“. Это огромное собраніе географической номенклатуры, собранной изъ русскихъ и славянскихъ мѣстностей, предметъ, къ которому Ходаковский обращался не разъ и въ „Проектъ путешествія“, и въ „Исторической системѣ“; наконецъ, здѣсь онъ представилъ массу географическихъ названій, расположенныхъ по кореннымъ словамъ, напр., имена городовъ, мѣстностей, урочищъ отъ словъ: баба, береза, бѣда, бѣгъ, бѣль, бѣю, болото, боръ, борода, борть, бось, брага, брусъ и т. д., и т. д. ²⁾.

Рукописи Ходаковского попали въ 1836 году къ Погодину, какъ онъ говоритъ, „послѣ продолжительныхъ мытарствъ“. Впослѣдствіи мѣстѣ съ древлекранилищемъ Погодина онѣ перешли въ Публичную Библіотеку въ Петербургъ. Укажемъ здѣсь, что видѣли въ Публичной Библіотекѣ, сравнительно съ тѣмъ, что упомянуто о рукописяхъ Ходаковского въ обстоятельной статьѣ „Энциклопедическаго лексикона“, 1841, писанной Савельевымъ-Ростиславичемъ.

Въ статьѣ Савельева, въ ряду рукописей Ходаковского, на первомъ планѣ поставлены: 1) Словарь собственныхъ именъ городищъ и селеній, на польскомъ языкѣ, четыре тома, причемъ разсказывается, что московское историческое Общество хотѣло приобрѣсть всѣ бумаги своего трудолюбиваго сочлена, въ томъ числѣ и Словарь, что во время переговоровъ о покупке одинъ томъ, по словамъ вдовы Ходаковского, остался у генерала Писарева, такъ что сохранилось только три тома Словаря и они были приобрѣтены Погодинымъ. Въ настоя-

¹⁾ Т. VII. М. 1844, 378 страницъ.

²⁾ Упомянемъ еще статью: „Путевыя записки Ходаковского“, въ Журналѣ Мин. Просв., 1833, т. 20 (декабрь), стр. 479 — 527. Это какъ бы черновалъ одной части „Донесенія“; до стр. 517-ой статья почти дословно сходна съ „Донесеніемъ“; дальше помѣщены отдѣльныя замѣтки, отчасти находящіяся уже въ „Проектѣ Путешествія“.

Къ сожалѣнію, мы не могли найти упоминаемой Лелевелемъ статьи, о системѣ именъ славянскихъ, такъ какъ не нашли полнаго экземпляра „Моск. Наблюдателя“ въ тѣхъ бібліотекахъ, какими пользовались, — если только вѣрна цитата.

Г. Дашкевичъ (въ XXIX-мъ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, Спб. 1889, стр. 168) упоминаетъ еще статью Ходаковского въ „Украинскомъ Вѣстникѣ“, который у насъ не было подъ руками.

щее время въ Публичной Библіотекѣ находятся сполна всѣ четыре тома (вѣроятно, Погодинъ разыскалъ потомъ недостававшій томъ). Это—четыре громадныхъ фоліанта съ полустершимися заглавіями на каждомъ томѣ: „Stare Sta“; здѣсь по польскому алфавиту заключается тотъ самый словарь, который позднѣе по русскому алфавиту сообщенъ былъ въ „Донесеніи“. Словарь, очевидно, представляетъ давнюю прилежную работу, съ пробѣлами для вписыванія новыхъ свѣдѣній; но это не была первая черновая, потому что разнородная номенклатура, кромѣ алфавита коренныхъ словъ, размѣщена уже въ извѣстной системѣ, и, повидимому, въ „Донесеніи“ не исчерпаны весь матеріалъ рукописи.

Далѣе у Савельева названа: 2) Тетрадь малороссійскихъ пѣсенъ, безъ дальнѣйшихъ указаній,—вѣроятно, та самая тетрадь, которая была приобрѣтена впоследствии Максимовичемъ. Въ предисловіи къ своему изданію малорусскихъ пѣсенъ 1827 г. Максимовичъ по поводу пѣсенъ заклинательныхъ замѣчаетъ: „образцы таковыхъ мнѣ показывалъ покойный Зоріанъ Ходаковский, послѣ коего остался знатный запасъ для изданія малороссійскихъ пѣсенъ“. Въ предисловіи къ изданію 1834 года, Максимовичъ упоминаетъ, что приобрѣлъ „извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковского, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными“. Мы скажемъ далѣе объ этомъ собраніи. 3) Замѣчанія географическія и міеологическія, о которыхъ отмѣчено, что онѣ находятся у Погодина. Последній упоминаетъ „нѣсколько лоскутковъ, относящихся къ географіи и міеологii русской и литовской“ ¹⁾; этихъ листовъ въ Публичной Библіотекѣ мы не видѣли. 4) Подробная карта съ отмѣтками, гдѣ, однако, недостаетъ четырехъ или пяти важныхъ картъ. Эта карта есть подробная карта Россійской имперіи, изданная на многихъ десятикахъ листовъ при Александрѣ I, съ именами Сухтелена и Оппермана, и находится въ Публичной Библіотекѣ. Ходаковский отмѣтилъ на ней географическія названія, которыя его интересовали, подчеркивая ихъ краснымъ на самой картѣ и приписывая замѣтки и цитаты на поляхъ. Карта представляетъ въ переплетѣ большой атласъ. 5) Гербовникъ съ изслѣдованіями, о которомъ замѣчено, что онъ хранится у Максимовича. Далѣе, упомянуто еще, что должны находиться у кого-нибудь „Тетрадь славянской міеологii“ и „Карта славянскихъ племенъ“; о томъ и другомъ ничего неизвѣстно. Припомнимъ, наконецъ, что, по мнѣнію Лелевеля, гдѣ-нибудь въ Петербургѣ должна храниться (если только уцѣлѣла) та записная книжка, которая раскрыла біографію Чарноцкаго-Ходаковского ²⁾.

¹⁾ Русск. Ист. Сборн., т. I, кн. 1, стр. 50.

²⁾ Въ Публичной Библіотекѣ хранится еще экземпляръ „Донесенія“, писанный

Вислѣдствіи теорія Ходаковскаго относительно городищ оказалась слишкомъ поспѣшной. Городища, въ дѣйствительности, не были такъ однообразны и не могли имѣть одного того значенія языческихъ святилищъ, какое онъ имъ придавалъ, — хотя вопросъ и донынѣ остается не вполне яснымъ. Не входя въ исторію этого предмета, укажемъ только, что мнѣнія Ходаковскаго были приняты Погодинымъ ¹⁾; затѣмъ, послѣ первой критики Калайдовича и недоумѣній Кёппена, на этотъ вопросъ обратили вниманіе Срезневскій ²⁾, г. Самоковасовъ, въ своей книгѣ о древнихъ русскихъ городахъ ³⁾ и, наконецъ, Н. П. Барсовъ ⁴⁾; но вопросъ о древней славянской географіи, какъ мечталъ о ней Ходаковский, едва ли можетъ считаться исчерпаннымъ въ наукѣ, а въ развитіи этнографіи за Ходаковскимъ останется заслуга, какъ одного изъ первыхъ восторженныхъ проповѣдниковъ изученія народности для цѣлей исторіи и народного достоинства.

Упомянемъ наконецъ, что рукопись Ходаковскаго, заключающая его сборникъ пѣсенъ, была отыскана въ 1880 годахъ малорусскимъ этнографомъ, В. П. Науменкомъ, — въ малорусской переписи и въ по-

---

четкамъ, крупнымъ почеркомъ самого Ходаковскаго (265 стр., въ листъ), в черновал письма отъ 19-го іюля 1823 года, адресованнаго къ какому-то Михаилу Оадѣвичу, управившему гродненской губерніей. Письмо очень рѣзкое: въ немъ говорится, что 9-го октября 1822 года Ходаковский посылалъ въ Гродно свои бумаги для удостовѣренія своихъ археологическихъ занятій и просилъ о присылкѣ подробной гродненской карты, недостававшей ему въ межевой канцеляріи; не только просьба его не была уважена, но ему не возвратили даже высланныхъ бумагъ, и Ходаковский осмѣиваетъ Михаила Оадѣвича, своего соотечественника, укорами за невниманіе къ интересамъ науки и несоблюденіе простыхъ приличій. Въ письмѣ упоминается, что Ходаковский обращался съ подобными просьбами къ губернаторамъ малороссійскихъ, бѣлорусскихъ и другихъ губерній.

¹⁾ Погодина, Исслѣдованія, Забѣчанія и Лекціи, т. II, стр. 390, 400—414. Въ своей „Древней Русск. Исторіи до Монгольскаго ига“, М. 1871, т. III (атласъ) Погодинъ помѣстилъ слѣдующія работы Ходаковскаго: 1) карта, подъ названіемъ: „Указаніе славянскаго городства въ сѣверо-западной части Россіи по первому опыту въ 1822 г. Ходаковскаго“; 2) „Славянскія городища по изслѣдованіямъ З. Я. Доленги-Ходаковскаго“ (карта); 3) „Образчики городища по рисунку Ходаковскаго“ (у села Давова, на Москвѣ-рѣкѣ).

²⁾ Въ статьѣ „О городищахъ въ земляхъ славянскихъ преимущественно западныхъ“, въ „Запискахъ одесскаго Общества исторіи и древностей“, 1850, томъ II, стр. 532—549.

³⁾ „Древніе города Россіи. Историко-юридическое изслѣдованіе“. Спб. 1873, стр. 100—109. Обзоръ ученыхъ мнѣній о городищахъ, стр. 94 и слѣд.

⁴⁾ „Очерки русской исторической географіи. Географія начальной, Несторовой, лѣтописи“. Изд. 2-е. Варшава, 1885. Стр. 25, 240 и др. Барсовъ сообщаетъ между прочимъ, что нѣсколько тетрадей Географическаго Словаря Ходаковскаго хранятся въ библіотекѣ Варшавскаго университета.

длинной польской транскрипціи. Приводимъ сообщеніе самого г. Науменка.

Максимовичъ въ предисловіи къ своему изданію пѣсенъ 1834 г. упоминаетъ, что онъ приобрѣлъ извѣстное собраніе народныхъ пѣсенъ З. Я. Ходаковского, обильное пѣснями обрядными и особенно свадебными. Немного раньше этого печатнаго заявленія писалъ онъ объ этомъ же собраніи Гоголю, что видно изъ письма Гоголя къ нему отъ 9-го ноября 1833 г., а именно: „я очень порадовался, услышавъ отъ васъ о богатомъ присовокупленіи пѣсенъ и собраніи Ходаковского. Какъ бы я желалъ теперь быть съ вами и пересмотрѣть ихъ вмѣстѣ... Да, я васъ прошу, сдѣлайте милость, дайте списать всѣ находящіяся у васъ пѣсни, выключая печатныхъ и сообщенныхъ вамъ мною. Сдѣлайте милость, и пришлите этотъ экземпляръ мнѣ“ (Письма Гоголя къ Максимовичу, по подлинн. исправл. и дополнен. С. Пономаревымъ. Спб. 1877 г., стр. 3). Дѣйствительно, рукопись Ходаковского была затѣмъ переписана, но специально ли для Гоголя, или же Максимовичъ заказалъ переписать ее для удобства пользованія пѣснями при своемъ изданіи, рѣшить не берусь; но вѣрнѣе послѣднее, такъ какъ въ переписанномъ экземплярѣ сдѣланы поправки текста, и съ этими поправками напечатаны эти же пѣсни въ изданіи. Когда же рукопись была переписана, она была обѣщана Гоголю, что видно изъ письма послѣдняго отъ 29-го марта 1834 г.: „Пѣсню твою про Нечая получилъ вчера. Вотъ все, что получилъ отъ тебя вмѣсто обѣщанныхъ какихъ-то книгъ“ (тамъ же, стр. 8). Вскорѣ, впрочемъ, Максимовичъ исполнилъ свое обѣщаніе, такъ какъ въ письмѣ Гоголя отъ 20-го апрѣля читаемъ: „Благодарю тебя за пѣсп. Я теперь читаю твои толстыя книги: въ нихъ есть много прелестей“ (тамъ же, стр. 9). Что именно этотъ экземпляръ переписанный былъ у Гоголя въ рукахъ, видно изъ нѣсколькихъ пѣсенъ цѣпичнаго содержанія, собственноручно имъ вписанныхъ въ рукопись на оборотѣ листовъ. Рукопись повидимому долго оставалась у Гоголя; въ письмѣ его къ матери, изъ Рима, отъ 5-го февраля 1838, говорится: „Еще я позабылъ спросить васъ: отослали ли вы двѣ толстыя рукописныя книги въ Кіевъ къ профессору Максимовичу или отвезли ихъ сами, бывши въ Кіевѣ? Сдѣлайте милость, извѣстите меня объ этомъ“ и пр. (Сочин. Гоголя, изд. Кулиша, т. V, стр. 303—304). Г. Кулишъ пишетъ въ примѣчаніи, что рѣчь идетъ о „малороссійскихъ пѣсняхъ, собранныхъ Зоріаномъ Ходаковскимъ“.

Самъ Максимовичъ объ этомъ экземплярѣ въ первый (да кажется—и въ послѣдній) разъ сказалъ въ предисловіи къ изданію пѣсенъ 1849 г.

Но если хоть что-нибудь было извѣстно о переписанномъ экземплярѣ, то о подлинной рукописи Ходаковского ничего опредѣленнаго никто нигдѣ не сказалъ, и даже самый слѣдъ ея былъ потерянъ. Разбирая бібліотеку Максимовича въ началѣ 80-хъ годовъ, я нашелъ только переписанный экземпляръ въ 2-хъ большихъ частяхъ, писанныхъ in-folio, русской транскрипціей, причемъ каждая пѣсня писана на отдѣльномъ листѣ, и листы переплетены въ алфавитномъ порядкѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого мнѣ удалось приобрести изъ частныхъ рукъ и самый *подлинникъ*, о которомъ и сообщу пока нѣсколько наиболее характерныхъ данныхъ.

Рукопись заключается въ 2-хъ переплетенныхъ тетрадахъ, писанныхъ польской транскрипціей. Одна, писанная in 4°, сохранилась вполне и носитъ заглавіе „*Spiewy Sławiańskie pod strzechą wiejską zbierane*“. Эпиграфъ взятъ изъ Красицкаго: „*Święta prostoto, któż cię uwielbić zdoła*“. Всѣхъ номеровъ въ этой тетради 1017, изъ которыхъ только нѣкоторые пѣсни великорусскія, польскія

и чешскія, а остальные всѣ малорусскія. Записаны пѣсни почеркомъ твердымъ, довольно красивымъ, но общій видъ тетради производятъ впечатлѣніе черновой записи: записываются пѣсни въ два столбца; очень тѣсно идетъ одна за другой, такъ что можно было бы подумать, что въ записи соблюдена хронологическая послѣдовательность, въ какой Ходаковский наталкивался на данныя пѣсни, а въ такомъ случаѣ была бы соблюдена и послѣдовательность мѣстности, что было бы очень важно для установленія самаго пути, по которому прошелъ Ходаковский. Къ сожалѣнію, ни хронологической послѣдовательности, ни топографической нѣтъ, такъ какъ пѣсни, записанныя въ одной и той же мѣстности, разбросаны по разнымъ страницамъ тетради; хронологическихъ же датъ въ цѣломъ собраніи нѣтъ ни одной. Это приводитъ къ выводу, что записывалъ Ходаковский пѣсни первоначально или на листочкахъ, или въ какихъ-нибудь записныхъ книгахъ, откуда впоследствии чернилами уже переносилъ въ данную тетрадь, смѣшивая разновременныя записи. Далеко не всякая пѣсня имѣетъ указаніе, гдѣ записана, но все же датъ этихъ достаточно, такъ что въ концѣ концовъ можно будетъ составить приблизительную карту тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ побывалъ Ходаковский.

Другая тетрадь, писанная in-folio, сохранилась едва на половину, такъ какъ представляетъ почти истрепанный экземпляръ, на которомъ кто-то сдѣлалъ помѣтку номеровъ пѣсень, причемъ на послѣдней изъ сохранившихся страницъ стоитъ 887-я пѣсня, а на первой изъ уцѣлѣвшихъ 273-я. Характеръ записи такой же точно, какъ и въ первой тетради, при чемъ совершенно одинаковъ и характеръ пѣсень. (Въ переписанномъ экземплярѣ этого собранія далеко не всѣ пѣсни, такъ какъ тамъ въ обихъ частяхъ только до 1000 пѣсень). Что касается послѣдняго, то пѣсни встрѣчаются самыя разнородныя, при чемъ историческихъ—меньше всего, а обрядовыхъ, и особенно свадебныхъ—громадное большинство. Подробную характеристику этому собранію можно будетъ дать только тогда, когда, какъ я рассчитываю, черезъ годъ мнѣ удастся приготовить все собраніе къ печати. Сомнѣваться въ томъ, что изданіе это необходимо, кажется, не приходится, въ виду того, что сборникъ Ходаковского имѣется поучительною страничкой изъ исторіи нашей этнографіи, такъ какъ въ началѣ 20-хъ годовъ, когда микроскопическое собраніе Цертелева считалось вкладомъ научнымъ, уже можно было издать громадный сборникъ, заключавшій до 2000 пѣсень, но въ силу случайности этому сборнику суждено явиться въ свѣтъ (да и то явится ли?) только черезъ 70 лѣтъ въ качествѣ матеріала, имѣющаго уже относительную цѣнность больше для историко-литературныхъ соображеній.

Считаю обязаннымъ сообщить и причину медленности подготавлиаемаго мною изданія. Такъ какъ матеріалъ этотъ въ громадномъ большинствѣ уже напечатанъ ¹⁾, будучи записанъ впоследствии другими собирателями, то я считалъ необходимымъ, печатая все собраніе, снабдить каждую пѣсню полнымъ библиографическимъ аттестатомъ, т.-е. указать, гдѣ, когда и какъ она напечатана. Расположить пѣсни думаю по отдѣламъ, для удобства справокъ. Въ настоящее время у меня почти готовъ отдѣлъ историческихъ пѣсень.

¹⁾ Максимовичъ въ свои изданія внесъ самое незначительное число пѣсень изъ собранія Ходаковского.

ГЛАВА III.

И. И. Срезневскій. — О. М. Бодянский.

Срезневскій прошелъ долгое и исторически любопытное научно-литературное поприще, на которомъ успѣлъ совершить много важныхъ трудовъ, дающихъ ему почетное мѣсто въ развитіи нашей науки. Обзоръ этого поприща не входитъ въ нашу настоящую задачу ¹⁾, и мы коснемся дѣятельности Срезневскаго лишь по отношенію къ малорусской этнографіи, гдѣ нѣкогда одинъ изъ его первыхъ трудовъ произвелъ большое впечатлѣніе ²⁾.

Ученое поприще Срезневскаго началось въ другой области, именно въ области политической экономіи и статистики, но уже съ самыхъ раннихъ лѣтъ его влекло къ народной старинѣ и поэзіи; затѣмъ Срезневскій вскорѣ получилъ возможность направить свои труды на

---

¹⁾ Мы говоримъ о немъ въ „Исторіи русскаго славяновѣдѣнія“.

²⁾ По смерти его, явился рядъ некрологовъ; одинъ былъ напечатанъ въ „Вѣсти Евр.“ 1880. Объ его дѣятельности см.:

— „Импер. Спб. университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія“. Спб. 1870.

— „Библиографическій списокъ сочиненій и изданій ордин. академика Импер. Академіи Наукъ И. И. Срезневскаго. Ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности составленъ въ Отдѣленіи русск. языка и словесности“. Спб., 1879, 4^о; и въ особенности:

— Отчетъ о дѣятельности Второго отдѣленія имп. Акад. Наукъ за 1880 годъ, составленный А. Ѳ. Бичковымъ („Сборникъ“ П Отд., т. XXII, № 6, Спб. 1881), гдѣ стр. 18—79 посвящены (до сихъ поръ наиболѣе обстоятельному) обзору ученыхъ трудовъ Срезневскаго, а затѣмъ, стр. 79—126, повторенъ библиографическій списокъ его сочиненій и изданій, но съ болѣе подробностями противъ изданія 1879 г.

— Лучшая, очень тепло и живо написанная, біографія Срезневскаго принадлежитъ В. И. Ламанскому, его ученику, а потомъ сотоварищу по кафедрѣ; „Измангъ Ив. Срезневскій (1812—1880). Оттискъ изъ Исторической Записки о дѣятельности Импер. Моск. Археологическаго Общества за первые 25 лѣтъ существованія“. М. 1890.

любимые предметы, и съ тѣхъ поръ до конца жизни работалъ въ русской этнографіи, археологіи, филологіи и славистикѣ.

Измаиль Ивановичъ Срезневскій (1812—1880) былъ великоруссъ по происхожденію (онъ родился въ Ярославлѣ, а родъ его шелъ изъ рязанской губерніи), но все дѣтство и юность провелъ въ Малороссіи, особливо въ Харьковѣ, гдѣ отецъ его былъ профессоромъ російскаго краснорѣчія и поэзіи и вмѣстѣ инспекторомъ казенно-коштныхъ студентовъ. Онъ рано потерялъ отца, и послѣ домашняго воспитанія очень рано, 14 лѣтъ, поступилъ въ университетъ, гдѣ и кончилъ, 17 л., тогдашній трехлѣтній курсъ. Харьковскій университетъ ¹⁾, основанный въ первые годы царствованія Александра I, всего больше благодаря усиліямъ извѣстнаго патріота-мечтателя, Каразина, университетъ Харьковскій, какъ и другія подобныя учрежденія того времени, въ первые десятилѣтія своего существованія носилъ довольно странный характеръ. Нѣтъ сомнѣнія, что русская жизнь нуждалась въ просвѣщеніи, что основаніе новаго высшаго учебнаго учрежденія было величайшей заслугой тѣхъ, кто его осуществилъ, и было дѣломъ, въ высокой степени благотворнымъ: нужно было, наконецъ, разбудить людей отъ умственной спячки, дать общественной жизни запасъ необходимыхъ научныхъ средствъ, дать основу для работы сознанія. Первые шаги на этомъ пути были неловки и неувѣренны, и желчные консерваторы не упускали указывать на слабыя стороны новыхъ университетовъ, для которыхъ надо было выписывать иностранныхъ профессоровъ, и для которыхъ пока не было приготовлено учениковъ. Такова была филиппика противъ университетовъ, основанныхъ при Александрѣ I, въ „Запискѣ о древней и новой Россіи“ Карамзина. Неловкости и затрудненія дѣйствительно случались: первые слушатели бывали мало приготовлены къ университетской наукѣ; профессоровъ русскихъ не доставало и ихъ выписывали изъ-за границы не только въ первое время, но и позднѣе, — какъ долго еще выписывали ученыхъ для императорской Академіи наукъ. Но эти затрудненія были неизбѣжны при первой постановкѣ науки въ обществѣ, ранѣе ея не имѣвшемъ. Въ самомъ дѣлѣ, не откуда было взять русскихъ ученыхъ; новая наука должна была когда-нибудь бросать свои первые корни, но позднѣйшее ея развитіе, при всѣхъ стѣсненіяхъ, какія пришлось ей испытывать съ разныхъ сторонъ, и при всѣхъ ея недостаткахъ, указываетъ, что это было, однако, дѣло жизненное и для русскаго общества необходимое. Новое обра-

¹⁾ Любопытный и богатый характерными чертами рассказъ о старомъ харьковскомъ университетѣ далъ Де-Пуле, въ *momentum lucidum* его писательства („Харьковскій университетъ и Д. И. Каченовскій“, въ „Вѣстн. Европы“, 1874, январь и февраль).

зованіе пролагало себѣ дорогу и овладѣвало умами; новый кругъ людей съ научными понятіями мало-по-малу собрался и, наконецъ, заявилъ интересы знанія въ мѣстной литературѣ и общественной жизни замѣчательными трудами.

Положеніе провинціального университета въ ту пору, когда провинція гораздо больше, чѣмъ теперь, была отдалена и отрѣзана отъ центровъ и вела свою замкнутую жизнь,—это положеніе съ своей стороны отражалось на складѣ мѣстной образованности. Историкъ Харьковскаго университета отмѣчаетъ какъ черту этого мѣстнаго просвѣщенія извѣстный мечтательный (слегка поверхностный) идеализмъ, который былъ понятенъ въ средѣ образованныхъ людей, удаленныхъ отъ болѣе сильнаго движенія литературныхъ и научныхъ центровъ. Предоставленные самимъ себѣ, находя мало отвѣта на свои идеи въ окружающей средѣ, эти люди естественно впадали въ отвлеченность, въ сентиментальныя мечтанія на тему своихъ новыхъ идей. Уединенность университета дѣлала и другое. Въ немъ издавна бывали люди, искренно преданные наукѣ и ревностно для нея работавшіе, какъ филологъ и эстетикъ Кронебергъ, какъ позднѣе историкъ Лунинъ, оставившій по себѣ память талантливаго профессора и рѣдко чистаго характера; но большинство или дѣлались чиновниками,—какъ однимъ изъ примѣровъ этого былъ профессоръ и ректоръ университета, и малорусскій поэтъ, Гулак-Артемовскій,—или излѣнивались: университетская наука, въ такихъ рукахъ, очень запаздывала.

Но надо представить себѣ незатѣйливую простоту провинціального быта, слишкомъ скромный уровень обычнаго „просвѣщенія“, чтобы оцѣнить то оживляющее вліяніе, какое производила и эта небольшая наука. Она во всякомъ случаѣ была глубоко благотворна для воспримчивыхъ, живыхъ умовъ, открывала для нихъ разумную дѣятельность и, въ частности, будила интересы къ мѣстной исторической и народно-поэтической старинѣ. Въ этомъ университетѣ воспитывались Срезневскій и Костомаровъ.

Въ тѣ годы, когда Срезневскій проходилъ свою университетскую школу, сама окружающая жизнь была еще преисполнена отголосками малорусской старины. Еще жило много историческихъ воспоминаній; эпическая поэзія бандуристовъ и богатая лирика были еще въ полномъ цвѣтѣ; малорусскій обычай хранился не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ классѣ, и въ быту малорусскихъ помѣщиковъ; въ кругу людей стараго вѣка ходила по рукамъ малорусская книжная старина, лѣтописи и иные историческіе памятники, и изъ ихъ рукъ эти памятники начинали прямо переходить въ руки людей новаго ученаго образованія, которые вывели ихъ потомъ и въ лите-

ратурный свѣтъ... Съ конца прошлаго вѣка вступилъ въ литературу и живой малорусскій языкъ, сначала въ рѣдкихъ произведеніяхъ, иногда несомнѣнно талантливыхъ и оригинальныхъ, съ народнымъ колоритомъ и юморомъ, которыя имѣли большой успѣхъ въ своей публикѣ, потому что затрогивали чувствительную струну еще незамлѣвшей мѣстной народности въ образованномъ кругу... Въ малорусскомъ обществѣ конца прошлаго и первыхъ десятилѣтій нынѣшняго вѣка очевидно шло какое-то броженіе: въ концѣ прошлаго столѣтія были еще живы воспоминанія старой малорусской особенности; эти воспоминанія ходили еще въ образѣ живыхъ людей стараго порядка и съ ихъ идеями, и съ архаической внѣшностью. Эти бытовые явленія кончили, конечно, свою роль и должны были отойти въ могилу исторіи; но была еще крѣпкая любовь къ бытовой старинѣ; ея любителями бывали и большіе паны, важные люди въ родѣ упоминавшагося выше Трошинскаго. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія къ этимъ малорусскимъ патріотическимъ интересамъ, — на которыхъ оперлась и возрождавшаяся въ новомъ видѣ малорусская литература, — присоединились (намъ кажется, не вполне еще разъясненнымъ образомъ) интересы панславистическіе. Такъ, когда въ Кіевѣ проникла мода на масонскія ложи, тамошняя ложа (1818) приняла названіе „Соединенныхъ Славянъ“; въ 1823, основывается, опять съ тѣмъ же именемъ, особое тайное общество, примкнувшее потомъ къ южному обществу. Въ „Донесеніи Слѣдственной Комиссіи“ 30 мая 1826 г. упоминаются показанія о какихъ-то „малороссійскихъ обществахъ“ съ политическими цѣлями ¹⁾. Здѣсь же въ Харьковѣ, носился съ панславистическими планами упомянутый Каразинъ, предлагавшій свои мечтанія о панславянскомъ царствѣ правительству императора Александра I.

Чрезвычайно любопытнымъ памятникомъ того же броженія мѣстныхъ историческихъ воспоминаній и политическихъ идеаловъ осталась знаменитая „Исторія Руссовъ“, ходившая по рукамъ подъ именемъ архіепископа Георгія Конисскаго и лишь въ недавнее время признанная подложною. Не принадлежа вовсе Конисскому, эта „Исторія“, наполненная или живыми еще преданіями, или тенденціознымъ изложеніемъ южно-русской исторіи, остается характернымъ произведеніемъ, рисующимъ задушевные понятія и мечты мѣстныхъ патріо-

¹⁾ Одно малороссійское общество основывалось какинъ-то Новиковымъ при масонской ложѣ; другое малороссійское общество „будто бы имѣло цѣлю отдѣленіе сего края отъ Россіи и присоединеніе оного къ независимому королевству польскому“. Последнее показаніе, въ самомъ „Донесеніи“ (стр. 17), признано, впрочемъ, основаннымъ на догадкахъ и найдено несправедливымъ. Любопытно все-таки, что бродили мысли вообщаго рода.

товъ. Другимъ, болѣе раннимъ любопытнымъ фактомъ того же настроенія остается великая мѣстная популярность извѣстнаго „философа“ Сковороды, о которомъ, между прочимъ, не разъ писалъ и говорилъ Срезневскій... Эти воспоминанія о старинѣ представлялись тѣмъ живѣе, что бытовые особенности края бросались въ глаза, говорили о другомъ отѣннѣ племени, о другой исторіи. Замѣчательно, что, какъ именно здѣсь на югѣ показались первые темные намеки на панславизмъ, такъ здѣсь же потомъ развивался особый интересъ къ славянскому національному возрожденію, къ изученію другихъ славянскихъ народностей. Послѣ мечтаній о „Соединенныхъ Славянахъ“ въ Кіевѣ, послѣ всеславянскихъ мечтаній Каразина, здѣсь же на югѣ, или въ средѣ малорусскихъ уроженцевъ и патріотовъ, встрѣчаемъ и первые опыты научныхъ славянскихъ интересовъ. Въ тридцатыхъ годахъ, когда у насъ еще не было никакихъ прямыхъ средствъ изученія славянства, Вадимъ Пассекъ, обжившійся въ Харьковѣ, соединяетъ малорусскій патріотизмъ съ философско-историческими разсужденіями о судьбахъ славянства; Артемовскій худо ли, хорошо ли знаетъ о новомъ славянскомъ движеніи; Бодянский пишетъ книгу о славянской народной поэзіи; Срезневскій въ Харьковѣ записываетъ и издаетъ словацкія пѣсни, переводитъ и объясняетъ чешскіе памятники; при посылкѣ за границу первыхъ будущихъ славистовъ, два послѣдніе являются въ числѣ посылаемыхъ, и къ нимъ присоединяется еще южанинъ, Григоровичъ; еще нѣсколько лѣтъ спустя, натурализованный въ малороссы Костомаровъ основываетъ свое панславистское Кирилло-Мееодиѣвское общество... Надо думать, что въ этомъ первомъ пробужденіи славянскихъ сочувствій играло извѣстную роль нѣкоторое сходство въ самомъ положеніи народностей: возникавшая литература на малорусскомъ языкѣ; богатая народная поэзія, которую начали теперь изучать какъ памятники старой и источникъ оживающей въ литературѣ народности, имѣли несомнѣнно точки сближенія съ славянскимъ возрожденіемъ, особливо ежели вспоминалась Галиція, гдѣ это народное движеніе было вполне тождественно съ возрожденіемъ другихъ славянскихъ народностей на югѣ и западѣ. Быть можетъ, отозвался здѣсь, какъ нѣкоторые думали, и отголосокъ старыхъ связей Малороссіи съ южнымъ славянствомъ, когда сербы приходили учиться въ Кіевскую академію или когда направлялись въ Малороссію сербскія поселенія въ прошломъ столѣтіи. Сближеніе съ польскимъ обществомъ и литературой было возможно (какъ разсказываетъ Де-Пуле) въ самомъ Харьковѣ, гдѣ жило много поляковъ, и т. д.

Срезневскій, не бывши малоруссомъ по рожденію, благодаря всей обстановкѣ увлекся, какъ истый малоруссъ, народными преда-

ниями и поэзіей края, и его, еще юношескія, работы по этому предмету надолго дали ему авторитетъ въ малорусской этнографіи. „Запорожская Старина“ долго была источникомъ обильныхъ цитатъ въ изслѣдованіяхъ о малорусской старинѣ и изданныя въ ней думы переносились отсюда въ другіе сборники, какъ перлы южно-русскаго эпоса... То обстоятельство, что не-малоруссы (какъ былъ Срезневскій, а, пожалуй, и Костомаровъ) бывали ревностными дѣателями въ области малорусской этнографіи и исторіи, — это обстоятельство, какъ извѣстно, послужило какимъ-то образомъ у враговъ украинофильства новымъ обвиненіемъ противъ него: это будто бы указывало ненормальность движенія, поддержаннаго силами чужихъ дѣателей (въ которыхъ надо было предположить какое-то заблужденіе); но Котляревскій, Квитка, Артемовскій также поддерживающіе это движеніе, не были чужими, и приведенный фактъ доказываетъ совсѣмъ противное, а именно оригинальную силу той мѣстной исторической и этнографической стихіи, которая дѣйствовала даже на людей собственно ей чуждыхъ, и увлекала ихъ къ изученію этой мѣстной жизни. И это нисколько не было заблужденіемъ съ ихъ стороны: Малороссія — не чужая страна, а свой для насъ край, и сдѣланное ими изученіе и усвоеніе ея историческаго и поэтическаго наслѣдія есть заслуга для „обще-русскаго“ цѣлаго.

Въ своей біографіи Срезневскаго, г. Ламаевскій такъ обобщаетъ славянскіе и малорусскіе этнографическіе и народолюбивые интересы его первой поры. „Съ отрочества знакомый съ Квиткою, Артемовскимъ-Гулакомъ, съ ихъ друзьями и пріятелями, Срезневскій въ своихъ привязанностяхъ, вкусахъ и направленіи совершенно естественно сталъ пламеннымъ украинцемъ. По примѣру видныхъ представителей тогдашней нашей украинской школы, сильно увлекавшейся Бродзинскимъ, Мицкевичемъ и другими польскими поэтами, особенно такъ называемой украинской школы (Богд. Залѣскимъ, Сав. Гоцинскимъ, Мальчевскимъ), а также подъ вліяніемъ высокочтимаго Срезневскимъ ученаго и умнаго профессора Даниловича, Срезневскій наравнѣ съ своими товарищами-ровесниками и нѣсколько младшими пріятелями: Корсуномъ, Боровиковскимъ, Метлинскимъ, Костомаровымъ, рано ознакомился съ польскимъ языкомъ и литературою, съ нѣкоторыми по крайней мѣрѣ трудами разныхъ польскихъ ученыхъ по польской исторіи и славянской старинѣ и древностямъ (Потоцкаго, Нарушевича, Раковецкаго, Чацкаго, Мацѣевского, Войцѣцкаго и пр.). Сверхъ знакомыхъ уже юному Срезневскому замѣчательнаго путешествія Фортиса по Далмаціи и нѣкоторыхъ книжекъ В. Караджича, интересъ къ южному славянству могъ пробудить въ даровитомъ юношѣ проживавшій въ Харьковѣ и близкій

къ его университету, извѣстный своими давними симпатіями къ сербамъ, Каразинъ. И въ Харьковской и Екатеринославской губерніяхъ Срезневскій могъ не разъ встрѣчаться съ разными стариками-поселенцами сербами, еще не забывшими родного языка. Девятнадцатилѣтній юноша, Срезневскій уже знакомился съ заѣзжавшими въ Харьковъ ходобщиками словаками-турчанами, и, еще не подготовленный, съ грѣхомъ пополамъ, записывалъ однако пѣсни, какія могъ отъ нихъ услышать... Та же любовь и энергія, но уже соединенныя съ пониманіемъ и умѣніемъ сказались въ его позднѣйшей замѣчательной работѣ: „Афинскій языкъ въ Россіи“ ¹⁾. Въ теченіе 1833—1838 г. въ рядѣ книжекъ задуманнаго и изданнаго имъ сборника „Запорожская Старица“ Срезневскій выступаетъ ревностнымъ собирателемъ и изслѣдователемъ памятниковъ народной словесности и старины украинской. Въ 1838 году онъ начинаетъ издавать родъ украинской бібліотеки въ „Украинскомъ Сборникѣ“... Когда Вадимъ Пассекъ предпринялъ изданіе своихъ замѣчательныхъ для того времени „Очерковъ Россіи“, близкій его пріятель Срезневскій поспѣшилъ дать ему въ первую же книжку нѣсколько статей ²⁾... Срезневскій былъ горячимъ славянолюбомъ еще въ Харьковѣ, до отъѣзда своего въ славянскія земли“.

Далѣе. „Пламенный украинецъ сказался въ немъ, сверхъ выше названныхъ статей и изданій, въ его довольно ранней, весьма любопытной статьѣ: „Взглядъ на памятники Украинской народной словесности“—письмо къ проф. И. М. Снегиреву, съ эпиграфомъ: *Raica raucis* ³⁾. Въ настоящее время,—писалъ 22-лѣтній Срезневскій,—нечего доказывать, что языкъ украинскій (или какъ угодно называть другимъ, малороссійскимъ) есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, какъ доказывали нѣкоторые, и многіе увѣрены, что этотъ языкъ есть одинъ изъ богатѣйшихъ языковъ славянскихъ, что онъ едва ли уступитъ богемскому въ обиліи словъ и выраженій, польскому въ живописности, сербскому въ пріятности, что это языкъ, который, будучи еще не обработанъ, можетъ уже сравниться съ языками образованными по гибкости и богатству синтаксическому,—языкъ поэтическій, музыкальный, живописный. Срезневскій вѣритъ въ его литературное будущее. „И почему же глубокомысленный Скворода, простодушный Котляревскій, богатый фантазією Артемовскій, всегда игривый, всегда увлекательный Основьяненко и еще нѣсколько другихъ, польстившихъ обѣщаніями и надеждой выждать отъ нихъ

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1839, т. V, смѣсь, стр. 1—12.

²⁾ Здѣсь были статьи о древнихъ русскихъ письменныхъ памятникахъ, объ извѣстномъ Судѣ Любуши, эпизодъ изъ старой малорусской исторіи.

³⁾ Учен. Зап. Имп. Моск. Унив. 1834, VI, окт., стр. 134—150.

что-нибудь достойное Украины—почему должны они остаться одни въ доселѣ дикой пустыни украинской литературы? Языкъ Хмельницкаго, Пушкиря, Дорошенки, Палия, Кочубея, Апостола долженъ по крайней мѣрѣ передать потомству славу сихъ великихъ людей Украины“.

„Эта замѣчательная статья,—продолжаетъ г. Ламанскій,—виѣстъ съ живо и доровито написаннымъ предисловіемъ къ „Запорожской Старинѣ“ о народной украинской поэзіи, двѣ повѣсти, многочисленныя историческія примѣчанія и біографическіе очерки разныхъ великихъ людей Украины (XVII—XVIII в.) въ Запор. Старинѣ, Очеркахъ Россіи, съ отдѣльными эпизодами изъ исторіи казачества виѣстъ съ особымъ прекраснымъ трудомъ: „Историческое обозрѣніе гражданского устройства Слободской Украины“ (Харьковъ, 1839, 8°, 93 стр.) и разными небольшими статьями въ Энциклопедическомъ Словарѣ Плюшара (Войсковая скарбница, Ворскла и пр.) обнаруживаютъ несомнѣнный литературный талантъ, большую начитанность, внимательное изученіе украинской исторіи. Всѣ эти труды и изданія высоко ставятъ молодого Срезневскаго въ ряду писателей и дѣятелей нашей украинской школы 30-хъ годовъ, давшей Россіи не мало людей даровитыхъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ. Какъ во всякой школѣ и новомъ направленіи, въ ней были двѣ стороны: здоровая, вѣчно живая и односторонняя, преходящая. Отличавшая ее горячая любовь къ народности и родной старинѣ воспитывала въ представителяхъ и приверженцахъ школы пониманіе и ревностное изученіе народной рѣчи, поэзіи, уваженіе къ народной жизни, ея правамъ и свободамъ, но эта же любовь нерѣдко выражалась въ одностороннихъ, болѣзненныхъ увлеченіяхъ, неизбежныхъ впрочемъ спутникахъ всѣхъ новыхъ, самыхъ даже плодотворныхъ, направленій въ литературѣ, наукѣ, жизни“.

Направленіе, въ которомъ съ самаго начала и надолго сложились его литературныя и народолюбивыя воззрѣнія, была та романтическая народность, которая въ тѣ годы господствовала въ литературномъ отношеніи къ народу (Пушкинъ, Гоголь, Жуковский; во второмъ ряду — романисты и поэты: Загоскинъ, Лажечниковъ, Полевой, Вельтманъ и пр.), и начиналась въ историко-этнографическихъ изслѣдованіяхъ (Максимовичъ, Вадимъ Пассекъ; частію Даль и др.). Мы указывали при другомъ случаѣ достоинства и недостатки этой романтической народности. Большой заслугой ея было то, что она предчувствовала великую научную и нравственно-общественную важность изученія народа и будущее вліяніе идеи народа въ сознаніи общества и въ самой дѣйствительной жизни. Романтики народности угадывали — иногда какъ бы только инстинктомъ (потому

что не всегда умѣли этого теоретически объяснить) — недостаточность одной чисто-государственной исторіи народа и того отношенія къ народной жизни, которое господствовало тогда въ понятіяхъ большинства и въ житейской рутинѣ и, въ сущности, съ одной стороны было официальное и канцелярское, съ другой помѣщичье; они угадывали также пошлость и ложь той пустой сентиментальности, съ которою начинали-было обращаться къ народу ихъ предшественники, писатели карамзинской школы. Заслугой романтиковъ было стремленіе искать въ народной жизни ея внутренняго смысла, историческаго и бытового; но въ выполненіи этой задачи они дѣлали ошибки, потому что разрѣшеніе вопроса, какъ они его ставили, было имъ еще не по силамъ, не по средствамъ нашего тогдашняго знанія. Тотъ результатъ, каковаго они искали, могъ быть достигнутъ только цѣлымъ рядомъ историко-филологическихъ наукъ, которыя только-что основывались, а кромѣ того постановкой серьезнаго и нимаго не идеалистическаго соціальнаго вопроса; они думали, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ поэзіей и чувствомъ; — не знаемъ, насколько для большинства ихъ ясенъ былъ вопросъ соціальный и даже представлялся ли онъ имъ.

„Несомнѣнная даровитость и большая начитанность, — говоритъ далѣе г. Ламанскій о той порѣ біографіи, — обнаруженные въ разныхъ статьяхъ и историческихъ очеркахъ, не прикрываютъ недостатка въ трезвомъ критическомъ отношеніи къ источникамъ и пособіямъ и риторически-морализующаго и сентиментальнаго характера, въ манерѣ Нѣмцевича или его подражателя у насъ Рылѣева, въ изображеніи запорожцевъ и разныхъ великихъ людей Украины. Эта манера въ изображеніи предковъ или національной жизни и у насъ была свойственна Карамзину, особенно въ первыхъ частяхъ его исторіи, и вообще его школѣ. Она была вытѣснена изъ нашей литературы лишь Грибоѣдовымъ и Пушкинымъ. Но она еще долго господствовала во всѣхъ западно-славянскихъ литературахъ, съ которыми наша украинская школа имѣла много внутренняго сродства, быть можетъ, вслѣдствіе общаго съ ними характера провинціальности. Этой манеры не чуждъ былъ самъ Мицкевичъ не только въ талантливыхъ, хотя исполненныхъ ходульности и фальши, Валенродѣ, Дзядяхъ, Редутѣ Ордона, даже въ лучшемъ его созданіи „Панъ Тадеушъ“, гдѣ на всей картинѣ быта старосвѣтскихъ польскихъ помѣщиковъ въ Литвѣ, ихъ отношеній къ крѣпостнымъ и отношеній евреевъ къ населенію, разлитъ сильный идиллистическій тонъ, не лишennyй дѣланности и неправды. Въ этомъ отношеніи вся польская поэзія съ Мицкевичемъ во главѣ была гораздо ближе, сроднѣе и понятнѣе всѣмъ западно-славянскимъ литературамъ, не только 30-хъ го-

довъ, но и позднѣйшихъ десятилѣтій, чѣмъ русская, съ исхода 20-хъ и въ 30-хъ годахъ имѣвшая уже Евгенія Онѣгина, Бориса Годунова, Каменнаго Гости, Русалку, Скупого Рыцаря, повѣсти Бѣлкина, Дубровскаго и Капитанскую Дочку, и вслѣдъ затѣмъ получившая отъ той же Украйны, нашу украинскую школу вполне не представленной и не исчерпанной, Гоголя съ его Шинелью, Записками сумасшедшаго, Женильбою, Тажбою, Ревизоромъ и Мертвыми Душами¹.

Срезневскій не любилъ Гоголя; г. Ламанскій вѣрно объясняетъ, что Гоголь былъ несочувственъ ему за свой реализмъ; Срезневскій въ этомъ случаѣ сходилъ съ другими романтиками, также не выносившими Гоголя, какъ напр., Полевой и другіе. Въ этомъ отношеніи украинскій романтизмъ сходилъ съ западно-славянскимъ. „Не только Одынецъ и Залѣскому или Красиньскому и Словацкому,—продолжаетъ г. Ламанскій,—но и самому Мицкевичу, Гоголь, авторъ Ревизора, Мертвыхъ Душъ, какъ художникъ, не могъ рѣшительно нравиться, точно также какъ и Коллару, Шафарику, Воцелю, Маху, Эрбену, Фричу, или представителямъ такъ называемой иллирской школы. Не только въ 40-хъ годахъ, но и гораздо позже у западныхъ славянъ читали, переводили, любили Мицкевича, совсѣмъ мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. У нихъ давно самымъ любимымъ и наиболѣе читаемымъ изъ русскихъ писателей былъ Булгаринъ. Наша украинская школа даже въ высшемъ и позднѣйшемъ своемъ представителѣ Шевченкѣ была въ иныхъ отношеніяхъ ближе и родственнѣе Мицкевичу, Словацкому, чѣмъ Пушкину или Гоголю (Гайдамаки, Катерина, Кавказъ)“¹). Относительно западно-славянскихъ литературъ должно прибавить, что непониманію Пушкина и особливо Гоголя вообще содѣйствовало и малое знаніе или совершенное незнаніе русской жизни.

Укажемъ еще замѣчаніе біографа. „Украинское направленіе молодого Срезневскаго, его украинскія сочувствія, пристрастія и заветы чрезвычайно помогли ему сразу вступить твердой ногой на почву славяновѣдѣнія и въ скорости стать однимъ изъ крупныхъ славистовъ, быстро сблизили его съ главными представителями, лучшими учеными и писателями западнаго славянства и живо взяли его въ кругъ ихъ интересовъ и сочувствій, дали Срезневскому умѣнье и навыкъ въ обращеніи съ народомъ, въ наблюденіяхъ его быта, въ изученіи языковъ и говоровъ западно-славянскихъ“.

Съ этихъ поръ началась другая область дѣятельности Срезнев-

¹) „И. И. Срезневскій“, Ламанскаго, стр. 2—7. Объ этихъ украинско-польскихъ литературныхъ отношеніяхъ см. также обильныя указанія въ названной книгѣ г. Ламанскаго.

скаго—широкіе интересы славяновѣдѣнія и изученія русской старины, письменности и языка. Специально украинскіе интересы уже не возвращались.

Въ 1833—38 годахъ Срезневскій издавалъ „Запорожскую Старину“¹⁾.

Это была, въ полномъ смыслѣ слова, юношеская работа, живая, своеобразная, но и стоившая не малыхъ изученій. Книга посвящена была собранію малорусскихъ историческихъ преданій и пѣсенъ, пересказу событій южно-русской, по термину Срезневскаго, „запорожской“ исторіи (по малорусскимъ лѣтописямъ и инымъ источникамъ), опытамъ критики и т. д.

Предисловіе Срезневскаго къ „Запорожской Старинѣ“ рисуетъ романтическое настроеніе, съ которымъ онъ приступаетъ къ своему дѣлу:

„Издавая въ свѣтъ мое собраніе запорожскихъ пѣсенъ и думъ,—говорилъ онъ,—я нѣмѣю въ виду оказать услугу, хотя и маловажную, не однимъ любителямъ народной поэзіи, но преимущественно любопытствующимъ знать старину Запорожскую,—быть, правы, обычая, подвиги этого народа воинова, который своею храбростію и смѣlostію, своимъ вліяніемъ на весь юго-востокъ Европы и даже Малую Азію особенно въ XVII столѣтіи, своимъ страннымъ составомъ и образомъ жизни, и характеромъ, будучи отличенъ отъ всего, его окружавшаго, заслужилъ мѣсто въ памяти потомства... Бѣдность исторіи Запорожцевъ въ источникахъ письменныхъ заставляетъ наблюдателя искать другихъ источниковъ, и онъ находитъ для своихъ изслѣдованій богатый, неисчерпаемый рудникъ въ преданіяхъ народныхъ.

„Сіи преданія сохраняются въ памяти бандуристовъ, потомковъ тѣхъ бандуристовъ, кои подобно Скальдамъ Скандинавіи сопровождали храбрыхъ воиновъ Запорожскихъ во всѣ ихъ походы, подобно Скальдамъ возбуждали ихъ къ битвѣ своими пѣснями (?), подобно Скальдамъ сохраняли для потомства въ пѣсняхъ и думахъ своихъ подвиги храбрыхъ.

Дѣла дано живущихъ людей,
Преданья старины глубокой.

„И доселѣ на Украинѣ есть какъ бы особенный цѣхъ стариковъ, кои подъ названіемъ и ремесломъ вищихъ, то подъ названіемъ и ремесломъ музикантовъ, выходятъ изъ села въ село и тѣшатъ народъ своей игрою на бандурѣ, стоями печальными наѣздами пѣсенъ и думъ старинныхъ, своими разказами про быль.

„Въ памяти сихъ стариковъ живетъ старина Запорожская, и въ сѣмъ отношеніи сіи старики кажутся великихъ лѣтописцевъ. Хотя преданія о старинѣ или разсказываемыя, и подлежатъ строгой критикѣ, но тѣмъ не менѣе необходимы для того, кто желаетъ знать исторію Запорожцевъ и даже южнорусской Украинѣ. Что касается до событій, до вѣтшей исторіи народа.

¹⁾ Запорожская старина. МД- МDCXLI. Изданіе Измаила Срезневскаго. Частично издано. Три выданія. Харьковъ, 1833—1834.—МDCXLI—MDCCLIX. Часть II. Т. IV. 1834, 1835, 1838, 1839.

какъ называютъ Нѣмцы, то въ сихъ преданіяхъ могутъ быть ошибки въ мелочахъ,—въ именахъ собственныхъ, въ послѣдовательности происшествій. Этого рода преданія можно повѣрить лѣтописями, еще лучше свѣрить ихъ между собою; ибо ни ложь, ни ошибка не можетъ быть общею, одинъ бандуристъ скажетъ такъ, другой иначе; критика поможетъ отличить истину отъ вымысла. Другой родъ преданій бандуристовъ — о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ Запорожцевъ, т.-е. о всемъ, что касается до внутренней исторіи. Эти преданія рѣшительно драгоценны, ибо единственны въ своемъ родѣ по содержанию, и по обширности. Главная отрасль преданій бандуристовъ того и другого рода суть пѣсни и думы.

„И кто можетъ слушать безъ соучастія эти пѣсни и думы, въ которыхъ старина Запорожская отразилась такими вѣрными, живописными очерками,—старина, исполненная жизни хотя и грубой, но величественной, поэтической! Въ пѣсняхъ и думахъ Запорожскихъ вы не найдете ни чопорнаго сладкогласія, ни изнѣженности чувствъ, ни роскоши выраженій. Нѣтъ! въ нихъ все дико, подобно дубровамъ и степямъ, воспринявшимъ ихъ на лоно свое при рожденіи,—все порывисто подобно полету урагана степного, подъ глухія завыванія котораго онѣ взлѣхли,—все бурно, подобно минувшей жизни Запорожца. Нѣжное чувство нерѣдко пробивается сквозь грубую оболочку оныхъ, во какъ кипучая волна Непасытенецкой пучины Пекла среди холода зимняго сквозь прозрачную кору льда, ее покрывающую,—пробивается, и застываетъ на ней. То пѣсни юноши, коего сердце, почерствовавъ для умильнаго чувства любви, суровое, непреклонное, радуется одною радостію побѣды и добычи, — жалуется однимъ желаніемъ битвы,—юноши, который, равнодушно взиралъ на погибель своихъ сподвижниковъ, съ отчаяніемъ отищевая за смерть ихъ врагамъ, равнодушно ждетъ собственной своей участи, равнодушно, съ надеждою жить въ памяти потомства: эти пѣсни дышатъ отвагою, самонадѣянностью.—То думы старца: убыленная лѣтами голова его покоится на поголовѣхъ могилы, готовой принять его въ свои нѣдра; его надежды исчезли, будто дымъ сходящій; но его душѣ осталась еще одна улада,—то воспоминанія минувшаго, то звуки бандуры, ихъ возбуждающіе; и взоры его, прежде пылавшіе бѣлымъ пламенемъ вопиющей, теперь померкшіе, испепелившіеся, блистаютъ слезой печали о минувшемъ; и голосъ его, уже увядшій, тихій, едва слышимый, оживляется, мужаетъ, повторяя въ унылыхъ напѣвахъ преданія своего времени, своего поколѣнія: въ думахъ нѣтъ той непринужденности, той свободы чувства, которая горитъ въ пѣсняхъ; въ нихъ смѣнила ее старческаая мнотость, нестройность чувства, хотя и глубокаго, и самобытнаго...

„Таковъ общій характеръ думъ и пѣсенъ Запорожскихъ, кои, будучи любимы для всякаго литератора-беллетристика, важны для историка и этнографа. Подчиненныя музыкѣ, будучи вытверживаемы слово въ слово или почти такъ, онѣ подлежали меньшему вліянію времени, правильнѣе сохранили свое содержаніе, и кромѣ своего содержанія любопытны какъ произведенія народныя, носящія на себѣ отпечатокъ вкуса, мѣткій, наклонностей народа: онѣ суть памятники не только о старинѣ, но и старины. Разсматривая пѣсни и думы Запорожскія со стороны ихъ народности, находимъ, что многія изъ нихъ очень древни, что доказываетъ и образъ повѣствованія, и языкъ: относительно образа повѣствованія должно замѣтить, что во многихъ думахъ говорится о недавнихъ событіяхъ какъ о недавнопрошедшихъ, или даже и настоя-

„Сие первое собраніе заключаетъ въ себѣ пѣсни и думы объ историческихъ лицахъ и событіяхъ до Богдана Хмельницкаго.

„Остается мнѣ сказать о средствахъ, коими я пользовался для сего изданія. До сего времени пѣсенъ и думъ Запорожскихъ издано было очень мало: К. Цертелевъ издалъ семь думъ и одну пѣсню, Максимовичъ—около двадцати пѣсенъ; всего не болѣе 40 пѣсень, между коими только пятая часть историческихъ. Эта малоизвѣстность памятниковъ поэзіи Запорожской и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность въ пользѣ оныхъ для исторіи Запорожцевъ—побудили меня заняться собираніемъ оныхъ, и наконецъ я при помощи многихъ особъ, почтившихъ занятія мои своимъ содѣйствіемъ, послѣ семилѣтняго труда, успѣлъ собрать довольно значительное количество какъ думъ и пѣсней, такъ и другаго рода преданій. Не все собрано самимъ мною; большая часть доставлена другими. Я старался съ своей стороны повѣрить самъ лично все доставленное, исправить ошибки, находившіяся въ различныхъ спискахъ, свѣрить списки, выбрать изъ нихъ лучшее,—наконецъ сдѣлать собраніе свое сколько возможно полнѣйшимъ и правильнѣйшимъ“.

Если читатель сравнитъ этотъ отрывокъ съ тѣмъ, что мы приводимъ въ другомъ мѣстѣ изъ Вадима Пассека, онъ найдетъ чрезвычайное сходство въ возбужденномъ настроеніи обоихъ писателей, которое стремилось въ прошедшемъ къ поэтическимъ картинамъ больше, чѣмъ къ опредѣленію самыхъ фактовъ, и напр., въ данномъ случаѣ къ первоначальной критикѣ сообщаемыхъ текстовъ. Правда, Срезневскій дѣлалъ нѣчто въ этомъ послѣднемъ отношеніи,—по его словамъ онъ слылъ тексты, исправлялъ ошибки и т. п.; но въ послѣдствіи именно въ этой сторонѣ дѣла оказались крупные недостатки. Изданіе думъ и преданій имѣло всѣ признаки достовѣрности; при думкахъ обозначалось, что собиратель или „самъ“ списалъ пѣсню „со словъ бандуриста“ (что отиѣчается при большомъ числѣ пѣсенъ думъ), или получилъ отъ такого-то, имъ называемаго лица; издатель не однажды призывалъ критику и изъявлялъ желаніе воспользоваться ея указаніями. Проверять не думали. Если вспомнить, что Срезневскій, по словамъ его въ предисловіи 1833 г., приступилъ къ изданію послѣ „семилѣтняго труда“, т. е. началъ этотъ трудъ, когда ему было всего четырнадцать лѣтъ, можно найти объясненіе, почему въ его работѣ такъ звучитъ романтическая струна, и почему вмѣстѣ съ тѣмъ въ сборникѣ могли оказаться найденныя потокомъ прорухи относительно самаго существеннаго пункта, т. е. относительно подлинности изданныхъ имъ народныхъ памятниковъ. Была неточность въ его утвержденіи, что онъ „со словъ бандуриста“ записывалъ не существующія у бандуристовъ думы, и въ послѣдствіи онъ не кивалъ въ подтвержденіе тѣхъ, кто ими пользовался.

Въ то время не было никакой мысли о возможности поддѣлки. Думъ изъ книги Срезневскаго переходили въ сборники другихъ авторитетныхъ собирателей: такъ Максимовичъ во второмъ сборникѣ

своихъ пѣсень, выходившемъ вслѣдъ за первыми книжками „Запорожской Старины“, воспользовался ея матеріаломъ; она цитировалась учеными, содѣйствуя славѣ малорусскаго народнаго эпоса. Нѣкоторыя изъ поддѣлокъ не были лишены литературнаго достоинства напр., дума: „Походъ на поляковъ“ ¹⁾, которая была взята Максимовичемъ въ сборникъ 1834 г., очень нравилась Гоголю, Бѣлинскому ²⁾, попала въ „Историческую хрестоматію“ г. Буслаева, какъ превосходная дума и образецъ малорусскаго нарѣчія ³⁾. Самому Срезневскому, съ тридцатыхъ годовъ, кажется, не приходилось возвращаться къ предмету его давнихъ сочувствій и занятій. Разъ, въ 1854, ему случилось говорить, по поводу новаго сборника, Метлинскаго, о собраніи малорусскихъ пѣсень; онъ припомнилъ свои старыя работы, но говорилъ о текстахъ собранныхъ имъ думъ безъ малѣйшаго сомнѣнія объ ихъ полной пригодности ⁴⁾. Съ шестидесятыхъ годовъ началось опять болѣе пристальное изученіе малорусской народной поэзіи — съ появленіемъ журнала „Основа“, съ открытіемъ южнанаднаго отдѣла Географическаго Общества въ Кіевѣ; явились новыя собиратели; само собой представилось сличеніе вновь собираемаго матеріала съ прежнимъ, и тогда возникли первыя сомнѣнія въ авторитетѣ старыхъ сборниковъ. Срезневскій предварилъ критику „запорожскихъ“ думъ полу-признаніемъ сомнительности нѣкоторыхъ изъ нихъ, впрочемъ высказаннымъ темно, вскользь, въ примѣчаніи ⁵⁾.

¹⁾ „Запор. Старина“, I, стр. 102—109.

²⁾ Сочиненія, т. V, стр. 86—90.

³⁾ Истор. Христ., М. 1861, стр. 1625—32; ср. „Истор. Очерки“, 1861: „объ истинныхъ выраженіяхъ украинской поэзіи“, т. I, стр. 210 и дал.

⁴⁾ См. „Извѣстія“ П. отд. Акад. наукъ, т. III, 1864, стр. 192: „Обративъ вниманіе на историческій элементъ южно-русской поэзіи, я успѣлъ собрать довольно большое количество думъ и пѣсень, относящихся къ событіямъ XVI и XVII вѣка, стараясь объяснить ихъ помощію глгописныхъ сказаній и преданій, и ихъ самихъ употребить въ дѣло, какъ историческій источникъ для объясненія глгописей. Какъ первый опытъ въ своемъ родѣ и опытъ юноши, едва учившагося оцѣнять дотогѣ еще не имѣвшіеся образцы произведенія народной эпопеи русской, мое изданіе было годно только на время. Съ меня довольно было и того, что послѣ моей попытки историческое значеніе пѣсень и думъ, и главныя черты характера думъ, какъ особеннаго рода народной поэзіи эпической, принадлежащаго во всемъ славянскомъ мірѣ исключительно Украинѣ, не могли уже подвергаться сомнѣнію и что хоть нѣкоторыя изъ нихъ не погибли безвозвратно (?) подобно многимъ другимъ, исчезнувшимъ изъ памяти народной. Позже продолжалъ собирать думы и пѣсни историческія, я готовъ былъ платить за каждую новую думу по червонцу; но почти постоянно получалъ много вариантовъ уже извѣстныхъ“.

Нѣтъ ни слова о томъ, что самыя тексты могли оказаться сомнительными.

⁵⁾ Подъ названіемъ Запорожской Старины я издалъ... шесть книжекъ малорусскихъ баленокъ думъ и пѣсень въ повременномъ порядкѣ съ историческими объясненіями. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсень записаны самимъ мною со словъ пѣвцовъ

Категорическое заявленіе подложности многихъ думъ въ „Запорожской Старинѣ“ сдѣлано было въ предисловіи и объяснительныхъ примѣчаніяхъ къ изданію „Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа“, гг. Антоновича и Драгоманова (2 т. Кіевъ, 1874—75). „Съ малорусскою народною поэзіею,—говорили издатели,—повторилось то же, что со всѣми почти другими: ея памятники не только подправляли издатели... но нѣны пѣсни совсѣмъ передѣлывались, а другія поддѣлывались. Подобный примѣръ въ западной Европѣ представляютъ признанныя теперь всѣми знатоками передѣлки и поддѣлки въ произведшемъ въ свое время столько шуму и представляющемъ дѣйствительно большія достоинства, литературныя и этнографическія, сборникъ бретонскихъ пѣсенъ Barzaz-Breiz, Вилльмаркё... Кромѣ какого-то страннаго инстинкта къ фальсификаціи, передѣлывать и поддѣлывать пѣсни и думы малорусскія заставляли многихъ своеобразный патріотизмъ русскій и польскій, стремленіе показать въ народныхъ пѣсняхъ слѣды памяти о глубокой древности... то провести пріятныя авторамъ мысли, напр., доказать поддѣльною думою симпатіи козаковъ къ Стефану Баторію и польскому правительству—напр., въ думѣ, *сообщенной* для Запорожской Старины I, стр. 77“, и т. д. ¹⁾ Цѣлый рядъ такихъ поддѣлокъ издатели указывали въ „Запорожской Старинѣ“ ²⁾. Только въ двухъ думахъ этого сборника, которыхъ „поддѣльность“ издатели „считали возможнымъ доказать“, они нашли извѣстныя литературныя достоинства, но—„остальныя поддѣлки (какъ въ другихъ сборникахъ, такъ особенно въ Запорожской Старинѣ) до того полны ошибокъ въ языкѣ, до того различаются отъ народныхъ пѣсенъ въ характерѣ, что даже странно, какъ могли они такъ долго вводить въ заблужденіе людей, знакомыхъ съ характеромъ неподдѣльно-народныхъ пѣсенъ и думъ малорусскихъ. Большая часть поддѣльныхъ пѣсенъ и думъ (надо сказать, что въ этихъ поддѣлкахъ смѣшиваются весьма неумѣло вѣщныя особенности пѣсни и думы) говорить о времени козачества отъ Наливайка до Хмельницкаго—и тутъ мы видимъ занесенными въ эти quasi-народныя памятники всѣ заблужденія и ошибки историковъ 30-хъ го-

---

другія изъ доставлены пріятелями и благопріятелями“. Сборникъ II отд. Акад. т. V. (Переписка Востокова). Сиб. 1873, стр. 461—462.

¹⁾ Истор. пѣсни малор. народа, I, стр. XVIII—XXXII; ср. стр. 159—163; т. II, Кіевъ, 1875, стр. VII—VIII.

²⁾ Въ томъ числѣ дума: „Дары Баторію“. Запор. Старина, I, стр. 77—82. Издатели „Истор. пѣсенъ“ обозначаютъ ее „сообщенной“ въ Запор. Старину, но въ примѣчаніи къ ней Срезневскаго (I, стр. 123) сказано прямо: „списала нѣкогда съ словъ бандуриста“. И при нѣкоторыхъ другихъ поддѣльныхъ думахъ и пѣсняхъ—та же отиѣтка!

довъ, а именно довѣріе къ „Исторіи Руссовъ“, съ которою большинство поддѣльныхъ думъ согласно въ разсказѣ фактовъ въ противность другимъ источникамъ и актамъ,—чего въ народныхъ думахъ именно и не замѣчается,—перенесеніе Савы Чалаго изъ XVIII-го вѣка въ XVI-й, во время Наливайка, которому поддѣльныя думы дѣлають современникомъ и современника Чалаго, Гнатка Голаго, дѣлая въ то же время изъ *красчины*, т.-е. отряда, лицо, которое издатели принимаютъ за Наливайка, и т. д.“

Наконецъ, подробный разборъ заподозрѣнныхъ пѣсенъ сдѣлалъ Костомаровъ ¹⁾, и относительно цѣлаго ряда думъ и пѣсенъ, пущенныхъ въ ходъ особливо „Запорожскою Стариною“, собралъ тѣ основанія, которыя заставляютъ убѣждаться въ справедливости подозрѣній (стр. 611—628). „Наиболѣе вводили насъ въ заблужденіе,—говорилъ Костомаровъ,—сборники русскихъ собирателей, какъ „Запорожская Старина“ Срезневскаго, сборникъ Максимовича (который пользовался предыдущимъ), да и отчасти сборники другихъ собирателей. Область народной поэзіи представлялась намъ нагруженною невѣдомыми сокровищами, народный языкъ былъ недостаточно изученъ—все казалось возможнымъ, никто не чувствовалъ въ себѣ столько силъ и столько знанія, чтобы изречь приговоръ надъ тѣмъ, что въ ней существуетъ и что можетъ существовать, и что противорѣчить ея духу, языку и приемамъ. Поэтому неудивительно, что собиратели заносили въ свои изданія даже такіа произведенія, о которыхъ положительно извѣстно, кѣмъ они написаны—какъ, напр., „Віють вітри“ Котляревскаго, или „За Німанъ иду“ Писаревскаго и т. п... Теперь почти невозможны тѣ заблужденія, въ какія впадали прежніе собиратели и изслѣдователи. Тѣмъ не менѣе изданныя прежде пѣсни не-народнаго происхожденія, принимавшіяся за дѣйствительно народныя, успѣли уже оставить вредныя вліянія въ наукѣ и литературѣ“...

Переходя къ самому разбору этихъ подозрительныхъ произведеній, Костомаровъ замѣчаетъ, что главное, что заставляетъ сомнѣваться въ ихъ вѣрности, это—полное ихъ отсутствіе въ народномъ обращеніи въ настоящее время: до сихъ поръ не было встрѣчено не только ни одной изъ этихъ пѣсенъ, но и никакого слѣда ихъ. „Могутъ намъ возразить, что онѣ могли существовать прежде, но теперь забылись, тѣмъ болѣе, что были достояніемъ однихъ бандуристовъ, а не всего народа. Дѣйствительно, можно найти примѣры, какъ старинныя пѣснопѣнія исчезали. Но не страннымъ ли покажется то обстоятельство, что разомъ исчезло безслѣдно столько думъ и пѣсенъ

¹⁾ „Историческая поэзія и новыя ея матеріалы“, статья по поводу изданія гг. Аппенанца и Драгоманова, въ „Вѣстникѣ Евр.“, 1874, декабрь.

тогда какъ другія до сихъ поръ продолжаютъ еще пѣться между бандуристами? Притомъ, почему исчезли именно такіа, которыя такъ отличны отъ оставшихся и представляютъ черты, возбуждающія подозрѣніе въ дѣйствительно-народномъ ихъ происхожденіи?"

Но подобная отговорка или возраженіе теряютъ всякую важность при разборѣ самаго содержанія пѣсенъ и ихъ формы. Въ содержаніи оказываются или съ книжною историческою тенденціей придуманные сюжеты, или совершенно противные духу народной поэзіи приемы, обороты и сравненія, а въ языкѣ—не народныя слова и выраженія. И Костомаровъ приводитъ примѣры, убѣждающіе въ невозможности извѣстныхъ пѣсенныхъ оборотовъ и выраженій въ устахъ настоящаго народнаго пѣвца.

„Мы не ставимъ,—кончаетъ Костомаровъ,—вопроса: были ли эти думы и пѣсни составлены нарочно для того, чтобы морочить любителей народной поэзіи, или же онѣ написаны, какъ всякое другое поэтическое произведеніе, вовсе не съ цѣлю выдавать ихъ за народныя, а собиратели ошибочно включили ихъ въ число народныхъ; во всякомъ случаѣ онѣ долго вводили насъ въ заблужденіе“. По словамъ Костомарова, Максимовичъ, послѣ того какъ прожилъ десятки лѣтъ на родинѣ, самъ признавалъ заподозрѣнныя пѣсни подложными и къ замѣчаніямъ Костомарова о признакахъ поддѣльности прибавлялъ и собственные; Максимовичъ говорилъ, что когда жилъ еще въ Москвѣ, вдали отъ родины, онъ обманулся думами „Запорожской Старины“,—тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, онѣ составлены были „даровитымъ авторомъ“.

Не было ли отголоскомъ этой старой исторіи то, что въ послѣдующее время, когда онъ, хотя про себя, сознавалъ значеніе „Запорожской Старины“, Срезневскій бывалъ особенно требователенъ къ изданіямъ произведеній народной словесности, легко подвергалъ ихъ сомнѣнію и, напр., заподозривалъ труды Рыбникова, когда тотъ впервые выступилъ съ своими открытіями памятниковъ древняго русскаго эпоса, встрѣченнаго имъ въ Олонецкомъ краѣ? Но на указанныя замѣчанія о „Запорожской Старинѣ“ онъ ничѣмъ не отозвался.

Осипъ Максимовичъ Бодянский (1808—1876) родился въ Полтавской губерніи, въ мѣстечкѣ Варвѣ, лохвицкаго уѣзда ¹⁾. Онъ про-

---

¹⁾ Для біографическихъ свѣдѣній, см.:

— Біографическій Словарь профессоровъ московскаго университета. М. 1855.

— Воспоминанія студентства, 1832—1835 г., К. Аксакова, въ „Дигѣ“, 1862, № 39—40.

исходилъ изъ духовнаго званія и учился въ полтавской семинаріи, находившейся тогда въ г. Переяславѣ, и затѣмъ, уволившись изъ духовнаго званія, поступилъ въ 1831 г. въ московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1834 г. Въ половинѣ 1837 г. онъ защищалъ свою магистерскую диссертацию: „О народной поэзіи славянскихъ племенъ“.

Въ то время возникла мысль объ основаніи въ нашихъ университетахъ славянскихъ кафедръ, и Бодянский первый былъ выбранъ и отправленъ за границу, въ августѣ 1837 года, „для усовершенствованія въ исторіи и литературѣ славянскихъ нарѣчій въ извѣстныхъ чѣмъ-либо, въ отношеніи къ избранной имъ наукѣ, мѣста Австріи, Турціи, Италіи, Германіи, Пруссіи, а также и въ Варшаву“. Онъ посылался на два года, но потомъ срокъ его пребыванія въ славянскихъ земляхъ былъ продолженъ, такъ что Бодянский возвратился въ Москву лишь въ половинѣ 1842 года. Въ концѣ октября этого года онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ славянскихъ нарѣчій.

— Некрологи: „Вѣсти. Евр.“, 1877, № 10, стр. 899—904; Газета Гатлука, 1877, № 38—40; „Голось“, 1877, № 212—213.

— О. М. Бодянский, историко-библіографическая поминка, А. А. Котляревскаго, въ „Славянскомъ Ежегодникѣ“, 1878, стр. 343—352.

— На память о Бодянскомъ, Григоровичъ и Прейсъ, первымъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. Срезневскаго, въ „Сборникѣ“ П. Отдѣленія Академіи, т. XVIII. 1878, стр. 1—47.

— О. М. Бодянский. Д. Д. Языкова, „Древн. и Новая Россія“, 1878, № 1.

— Рѣчи и отчеты моск. Университета, 12 января 1878, стр. 27—32, ст. А. Другуа.

— О. М. Бодянский. М. Семева, „Р. Старина“, 1879, май, стр. 205—218.

— Статьи Н. А. Попова, тамъ же, ноябрь, стр. 461—480.

— Русскіе палеологи сороковыхъ годовъ. Н. Барсукова. Спб. 1880.

— Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель (1835—1861). Съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. А. Попова. Три выпуска. М. 1879—80. Вып. I: письма О. М. Бодянскаго.

— Отрывки изъ дневника Бодянскаго были сообщены А. А. Котубинскимъ въ „Историч. Вѣстникѣ“ и г. Павловскимъ въ „Р. Старинѣ“, 1888, ноябрь, стр. 394—416, и 1889, окт., стр. 123—141.

— Для біографіи Бодянскаго много матеріала въ собраніи А. А. Титова, который много приобрѣлъ изъ бібліотеки Б—го по его смерти, въ томъ числѣ его переписку. См. „Охранн. Каталогъ“, Ростовъ, 1881—88, три выпуска (въ указателѣ). Отсюда сообщены между прочимъ оригинальныя письма къ Бодянскому Максимовича, изданныя Е. В. Барсовымъ въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общества ист. и древн. 1887, кн. I. („Материалы для исторіи Имп. Общества ист. и древн. російскихъ. Переписка гг. дѣйств. членовъ Общества, 1880—1876“).

— Въ названной книгѣ Дашкевича (отчетъ о XXIX-мъ присужденіи Увар. награды) есть замѣчанія и о дѣятельности Бодянскаго.

Съ этихъ поръ начинается его неустанная, плодотворная дѣятельность въ области русской исторіи и славянскихъ изученій. Въ 1843 г. онъ перевелъ знаменитую книгу Шафарика: „Славянское Народописаніе“, которая вмѣстѣ, съ его же „Древностями“, впоследствии также переведенными Бодянскимъ, имѣли великое значеніе въ изученіяхъ славянства, какъ первые цѣльные труды, обнимавшіе весь славянской міръ и исполненные съ обширнымъ знаніемъ. Такое значеніе имѣли эти книги Шафарика и въ нашей литературѣ.

Въ 1845 году Бодянский перевелъ съ польскаго книгу Дениса Зубрицкаго: „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ Червонной или Галицкой Руси“ (М. 1845).

Еще съ 1837 года Бодянский выбранъ былъ членомъ въ „Общество исторіи и древностей російскихъ“ при московскомъ университетѣ. Въ февралѣ 1845 г. онъ былъ выбранъ въ секретари этого Общества, и съ тѣхъ поръ оно впервые приобрѣло важное значеніе въ нашей исторіографіи и изученіи славянства, и заслуга этого значенія принадлежала всего больше, почти исключительно, Бодянскому. Съ слѣдующаго же года онъ началъ издавать „Чтенія“ этого Общества, которыя съ перваго раза стали богатымъ запасомъ изслѣдованій и матеріаловъ, оригинальныхъ и переводныхъ, по русской и славянской исторіи. Съ 1846 г. до октября 1848 г. Бодянский успѣлъ издать 23 книги этого замѣчательнаго историко-филологическаго сборника. Но тутъ и съ изданіемъ и съ издателемъ произошла катастрофа. Изданіе остановилось; Бодянский потерялъ и мѣсто секретаря въ Обществѣ, и профессуру въ московскомъ университетѣ.

Въ официальной біографіи, помѣщенной въ юбилейномъ „Словарѣ московскихъ профессоровъ“ 1855 г., этотъ эпизодъ переданъ слѣдующимъ стилемъ формулярнаго списка: „по распоряженію г. бывшаго министра народнаго просвѣщенія (гр. Уварова), Бодянский перемѣщенъ въ казанскій университетъ тѣмъ же званіемъ, съ содержаніемъ, положеннымъ по штату того университета, и съ сохраненіемъ обязанности по службѣ по назначенію начальства не менѣе 12 лѣтъ, 1848 г., октября 28-го; съ Высочайшаго Государя Императора соизволенія уволенъ отъ службы при казанскомъ университетѣ, съ освобожденіемъ на будущее время отъ обязанности дослужить шесть лѣтъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія, 1849 г., января 2-го; въ отставкѣ былъ, *безъ наиражденія чинами*, съ 1849 г., января 9-го дня по 22 декабря того же года; Высочайшимъ приказомъ по гражданскому вѣдомству опредѣленъ по прежнему исправляющимъ должность ординарнаго профессора московскаго университета, 1849 г., декабря 22-го дня“.

Въ переводѣ съ формуляра на обыкновенный языкъ, это означало слѣдующее. Въ послѣдней приготовленной тогда Бодянскимъ книгѣ „Чтеній“, онъ помѣстилъ переводъ знаменитой книги англичанина Флетчера, заключающей описаніе его путешествія въ Россію XVI вѣка. Въ то время, т.-е. не въ шестнадцатомъ, а въ половинѣ девятнадцатаго столѣтія, у насъ происходило особенное цензурное движеніе; рассказываютъ, что, кромѣ того, между попечителемъ московскаго учебнаго округа (въ вѣдѣніи котораго было и Общество исторіи и древностей) и министерствомъ просвѣщенія происходили пререканія, и что въ жару этихъ пререканій противъ московскаго попечителя было употреблено дѣйствительное оружіе—обвиненіе въ цензурномъ упущеніи (цензура изданій Общества принадлежала тогда самому началству округа). *Corpus delicti* найденъ былъ въ путешествіи XVI-го вѣка, которое—замѣтимъ—считается одной изъ замѣчательнѣйшихъ книгъ во всей литературѣ иностранныхъ сочиненій о Россіи. Книга „Чтеній“ была задержана; самое изданіе остановлено; Бодянский вдругъ потерялъ оба свои мѣста, и профессору, которая давала ему средства существованія, и секретарство въ Обществѣ, гдѣ онъ былъ самымъ ученымъ и самымъ ревностнымъ дѣятелемъ... Впрочемъ, онъ не совсѣмъ былъ лишенъ профессуры, а перемѣненъ изъ Москвы въ Казань. Одно сравненіе двухъ городовъ и двухъ университетовъ показываетъ, что этотъ переводъ былъ такъ сказать дисциплинарнымъ наказаніемъ профессора; мѣстное самолюбіе, свойственное москвичу, дѣлало наказаніе еще болѣе оскорбительнымъ. Бодянский (обязанный службой за свое заграничное путешествіе) рѣшительно отказался выѣхать изъ Москвы,—сославшись, кажется на то обстоятельство, что его обязывали заслуживать свое путешествіе въ московскомъ, а не въ другомъ учебномъ округѣ. Казанскій профессоръ Григоровичъ тогда же былъ переведенъ на его мѣсто въ Москву,—но, при этихъ странныхъ обстоятельствахъ, Григоровичъ не читалъ курса, и къ концу 1849 года оба профессора возвратились къ своимъ прежнимъ мѣстамъ.

Но „Чтенія“ возстановились только черезъ десять лѣтъ, уже въ новое царствованіе. Въмѣсто „Чтеній“, въ этотъ промежутокъ издавался „Временникъ“, подъ редакціей И. Д. Бѣльева,—далеко уступавшій изданію Бодянскаго.

Въ 1855 г. Бодянский издалъ замѣчательное изслѣдованіе „О времени происхожденія славянскихъ письменъ“.

Возобновленный, наконецъ, „Чтенія“ Бодянский продолжалъ до конца своей жизни. Это изданіе составляетъ величайшую заслугу Бодянскаго. Равно извѣстное въ нашемъ и славянскомъ ученѣмъ мірѣ, оно представляетъ богатый складъ историческихъ свѣдѣній

Бодянский умѣлъ издавна указывать новые и рѣдкіе матеріалы, появленіе которыхъ давало новую пищу и новое направленіе изслѣдованіямъ, или знакомить русскую ученую публику съ историческими трудами другихъ славянскихъ литературъ; онъ умѣлъ, — хотя и не всегда счастливо, какъ-мы видѣли, — пользоваться особеннымъ положеніемъ спеціального изданія, и вводить въ литературу историческіе памятники, новые и старыя, которымъ иначе не легко было проходить черезъ обычные препятствія, окружающія литературу.

Какъ характеръ, Бодянский былъ человѣкъ очень независимый, — качество, слишкомъ рѣдкое въ нашемъ учено-литературномъ мірѣ. Упомянутый эпизодъ съ переводомъ въ Казань свидѣлствуетъ объ этой независимости, въ которой сказывалась и черта малорусскаго упрямства. Говорятъ, столь же независимо онъ держалъ себя въ недавнее время, когда въ московскомъ университетѣ господствовалъ авторитетъ Леонтьева: Бодянский не подчинялся ему, и, кажется, вслѣдствіе этого обстоятельства Бодянский былъ забалотированъ по выслугѣ срока, — забалотированъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ ученыхъ, какіе только бывали въ московскомъ университетѣ. Мало того: въ университетскомъ изданіи, какимъ въ сущности были „Чтенія“, Бодянский не усумнился напечатать знаменитую „Трилогію“.

Въ первые годы своей литературной дѣятельности Бодянский, принадлежавшій тогда къ дружескому кружку Стапкевича, а также къ „скептической“ школѣ Каченовскаго, былъ между прочимъ заинтересованъ историческимъ вопросомъ о южно-русской древности и современными опытами малорусской этнографіи и литературы на народномъ языкѣ. Такъ въ 1835 году онъ пишетъ свою кандидатскую диссертацию „О мнѣніяхъ касательно происхожденія Руси“¹⁾ и послѣ трактата „О древнемъ языкѣ сѣверныхъ и южныхъ руссовъ“²⁾, въ духѣ Каченовскаго. Раньше, въ 1833, онъ помѣщаетъ въ „Молеѣ“ малорусскія стихотворенія, подъ всевдониомъ Боды Варвинца, и въ томъ же году печатаетъ отдѣльной книжкой „Наськы украинскы казкы“, подъ псевдонимомъ „запорожца“ Иська Материнки. Въ „Телескопѣ“, издававшемся Надеждинымъ, Бодянский помѣстилъ рецензію сборника малорусскихъ пословицъ³⁾, подъ псевдонимомъ I. Ма-

¹⁾ Сынъ Отечества и Сѣв. Архивъ, 1839, № 37—39.

²⁾ Ученыя Записки Моск. Унив. 1839, № 3.

³⁾ „Малороссійскія пословицы и поговорки, собранныя В. П. С.“, Харьковъ, 1834. См. „Телескопъ“, 1834, т. XXI, критика, стр. 336—348; Бодянский строго относится къ сборнику, какъ плохо и бѣдно составленному. „Въ разсмотрѣнномъ нами собраніи малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ, — заключаетъ онъ, — находится ихъ (т.-е. пословицъ) всего на всего 67; въ томъ числѣ поговорокъ 105; пословицъ русскихъ 18; загадокъ 3 и столько же стиховъ изъ пѣсенъ“.

стака, и по этому поводу съ удовольствіемъ отмѣчаетъ особенную литературную дѣятельность „на нашемъ русскомъ югѣ“. Указавъ тогдашнія литературныя новости по этому предмету, онъ прибавляетъ: „слышно еще, что одинъ изъ малороссіянъ трудится надъ составленіемъ сравнительной грамматики своего языка съ прочими славянскими языками и такого же словаря. Кто же теперь скажетъ, что Южная Русь коснѣетъ на пути просвѣщенія, не брежетъ о своей національной словесности?“ Этотъ „одинъ изъ малороссіянъ“, судя по тогдашнему составу малорусскихъ литературныхъ силъ, едва ли не былъ самъ писавшій,—но эти предпріятія не осуществились. Къ тому же вопросу о малорусской литературѣ Бодянский возвращается въ разборѣ появившихся тогда впервые „Малороссійскихъ повѣстей“ Грицька Основыченка ¹⁾. Указавъ богатство малорусской народной поэзіи, за собираніе которой „при теперешнемъ всеобщемъ направленіи и стремленіи къ народности, малороссіане съ похвальною ревностію принялись“, авторъ находитъ въ появленіи повѣстей Основыченка доказательство, что „малороссіане, при надлежащемъ стараніи и образованномъ вкусѣ, могутъ, по времени, и въ семъ отношеніи отстоять себѣ учетное мѣсто, могутъ, если захотятъ, не ударить лицомъ въ грязь, могутъ создать свою прозу. Матеріаловъ бездна: была бы только охота да умѣнье; за потребителями также не ходить въ лѣсъ“. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о стилѣ и языкѣ повѣстей, гдѣ критикъ находилъ ошибки противъ народности, онъ надѣется, что авторъ избѣгнетъ ихъ въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ, и продолжаетъ: тогда — „все будетъ стройно, гладко, естественно, *изящно*, какъ изящна природа Украины, гдѣ „небо весьма тихо“ есть и лихаго повѣтрія не слышать, не видать“,—ея народность, сама Украина въ *цѣломъ* и *особенностяхъ*, гдѣ нѣтъ шагу безъ памятника, времени безъ событія, мѣста безъ картины, живаго существа безъ рѣзко проведенной черты на его обликѣ, характеристическаго отличія въ своихъ помыслахъ, желаніяхъ и поступкахъ; гдѣ вы утонете въ мірѣ музыкальных звуковъ, національных напѣвовъ національной поэзіи на языкѣ благозвучномъ, мелодическомъ, которая очаруетъ, заколдуетъ васъ, наполнить сладкимъ забвеніемъ ваше сердце, пробудитъ въ головѣ вашей свѣтлыя думы, быстро перенесетъ въ завѣтное *прошедшее* съ его живо говорящими образами, и напоследокъ остановитъ васъ надъ *настоящимъ*, не менѣе зани-

В. Н. С. былъ Смирницкій, какъ это раскрылъ Срезневскій, въ „Учен. Запискахъ Моск. Унив.“, 1884, ч. VI, ученныя извѣстія, стр. 149.

¹⁾ Ученныя Зап. Моск. Унив., 1884, ч. VI, стр. 287 — 313, съ подписью І. Матала.

мательнымъ, интереснымъ, хоть и своими *разваминами*, остановить — и заставить *призадуматься*“...

Мы привели эти слова, чтобы дать понятіе объ одушевленіи, съ какимъ Бодянский относился къ народности своего племени. Съ такою же любовью говоритъ онъ о малорусской народной поэзіи въ своей магистерской диссертациі ¹⁾.

Бросается въ глаза прежде всего рѣзкое противоположеніе поэзіи сѣверныхъ и южныхъ руссовъ. Онъ характеризуетъ пѣсни сѣвернорусскія или великорусскія „глубокою уныlostью, величайшимъ забвеніемъ, покорностью своей судьбѣ, какимъ-то раздольемъ и плавной протяженностью“, происходящими отъ унылой природы сѣвера, отъ пассивной покорности народнаго характера, такъ что за немногими исключеніями, когда и сѣверная кровь волновалась въ великія историческія эпохи, ихъ поэзія есть „поэзія не борьбы духа съ рокомъ, но покорности его своей судьбѣ, ita tamen, ut flectamur, non frangamur“, — и затѣмъ продолжаетъ:

„Совсѣмъ другое — народная поэзія Южныхъ Руссовъ (украинцевъ, малороссіянъ), поэзія всѣмъ своимъ составомъ, внутреннимъ и вѣшнимъ, е діаметро противоположная поэзія Руссовъ сѣверныхъ. Да иначе и быть не могло. Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ сѣверные и южные Руссы — самые несходственные между собою, не смотря на одинакость ихъ общаго названія, названія, обращающаго вниманіе на происхожденіе ихъ, въ истинномъ смыслѣ совершенно чуждаго какъ тѣмъ, такъ и другимъ, перешедшаго на нихъ совсѣмъ отъ другаго народа, нѣкогда сильно дѣйствовавшаго на нашею югъ и владѣвшаго тамошними славянами ²⁾. Но сколько сѣверъ и югъ различаются одинъ отъ другаго, столько различаются другъ отъ друга и ихъ обитатели: тутъ географическое пня какъ нельзя больше согласуется съ этнографіей обоихъ изъ нихъ. Такой разладъ въ свойствахъ этихъ Руссовъ и ихъ поэзіи происходитъ отъ ихъ происхожденія, мѣстности и странъ, ими занимаемыхъ, и разности ихъ исторической и бытовой жизни и прочихъ постороннихъ обстоятельствъ, сюда привтекшихъ вслѣдствіе различныхъ причинъ и дѣйствій“... За девять и больше вѣковъ русскій югъ представлялъ только картину безмысленныхъ ссоръ князей между собой; народъ оставался къ нимъ равнодушенъ и это доказывалось тѣмъ, что онъ предавалъ ихъ забвенію, когда, напротивъ, помнилъ времена гораздо болѣе далекія, которыя онъ цѣнилъ, какъ напр. времена князя Владимира. Когда обезсиленная Русь стала жертвою татарскаго нашествія, то сѣверъ съ покорностію повиновался своей судьбѣ; южные князья пытались сопротивляться, но тѣспимые отовсюду врагами, мало по малу перевелись. „Но народъ не потерпѣлъ, чтобы прекрасная его земля осталась на-

¹⁾ О народной поэзіи славянскихъ племенъ. Разсужденіе на степень магистра философскаго факультета перваго отдѣленія, кандидата моск. унив. Юсіафа Бодянскаго. М. 1837, стр. 122—139.

²⁾ Онъ ссылается здѣсь на свою статью въ „Сынѣ Отеч. и Сѣв. Архивѣ“, 1835, гдѣ онъ объяснялъ, что черноморская Русь было племя, въ которомъ были смѣшаны турки съ славянами, откуда и получился особый племенной типъ южно-русскаго народа.

всегда за *полатями*: *Melius frangi, quam flecti*, или, говоря его же пословицей: „Або добыть, або дома (въ господѣ) не быть. Лучче въ землѣ тлѣты, нижъ татарѣ служить“... Еще въ прежнихъ схваткахъ и битвахъ съ печенѣгами, половцами и пр. азіатскими ордами, непрерывно нападавшими на Русичей, коротко ознакомившись съ ихъ наѣзднической системой войны, нѣкоторые изъ среды ихъ, сберегая лучшее благо человѣка, съ непримиримой местию въ душѣ къ разорителямъ своей родины, удалились, разумѣется, прежде всего въ дремучіе при-днѣпровскіе лѣса, какъ первый и самый ближайшій притонъ. Но не находя и здѣсь вѣрнаго убѣжища, спустились внизъ по Днѣпру и засѣли на его многочисленныхъ, уютныхъ островахъ, срубили себѣ Сѣчь“.

Слѣдуетъ картина бурной жизни стараго козачества съ его энергической поэзіей,—причемъ на этомъ изображеніи отразился тотъ особый романтическій тонъ, который распространяла тогда „Запорожская Старина“. Основной характеръ этой старой поэзіи господствуетъ и въ поэміи бытовой: „Чувствуя свое достоинство и полное право на лучший жребій, но при всемъ усилии не получая его, естественно изъ груди ихъ должны были вырваться громкія жалобы на свой рокъ, глубокая тоска, сильная грусть облечь сердце“.

Отсюда, изъ всей исторической судьбы южно-русскаго народа, пронестекла отличительная черта его поэзіи—драматизмъ. „Что касается до изложенія, то оно, вслѣдствіе столько дѣятельной, бурной, кипучей, полной заботы и безпокойства жизни, вездѣ почти *драматическое*, что, наоборотъ, говорить о сильной дѣятельности того народа, коему принадлежать такіа пѣсни... Въ этомъ отношеніи пѣсни южно-русскія единственныя въ своемъ родѣ, стоятъ выше пѣсенъ всѣхъ прочихъ славянскихъ племенъ, у коихъ рѣдко, очень рѣдко, встрѣтите драматическое положеніе, составляющее, потому, случайное явленіе, между тѣмъ какъ у первыхъ оно необходимое, повсемѣстное, существенно-естественное, природное свойство. Пѣсни украинскія столько выше пѣсенъ другихъ славянъ, сколько драма выше прочихъ родовъ поэзіи, составляя собой какъ соединеніе, единство всѣхъ ихъ въ одной себѣ, такъ и послѣднюю цѣль, конечное, полное, гармоническое развитіе всякой поэзіи, сколько дѣйствіе превосходитъ умствованіе, чувствованіе—разсказъ и описаніе, и т. п. Кромѣ того, онѣ выше прочихъ и своей музыкой, напѣвомъ, голосами, языкомъ, въ высокой степени поэтическимъ и музыкальнымъ (который, въ этомъ случаѣ, сравнивать можно только—изъ древнихъ съ греческимъ, изъ новыхъ съ итальянскимъ), стихосложеніемъ, заключающимъ въ себѣ и размѣръ, и тоникъ, и рифму, удивительно свободнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ, разнообразнымъ и богатымъ своею многочисленностію и разнородностію и т. д. Поэтому мы не думаемъ, чтобы какой-нибудь другой народъ, не исключая, даже, и остальныхъ славянъ, могъ быть столько *пѣснелюбивымъ, пѣсеннымъ*, какъ южные Русы (украинцы, малороссіане): тамъ на все и во всякое время—своя пѣсня, не одна, но цѣлыя сотни... Наконецъ еще разъ повторимъ: знакомые съ народной славянской поэзіей, въ этихъ словахъ нашихъ не найдутъ никакого преувеличенія, оправдаютъ нашъ отзывъ, произнося который мы были чужды всякихъ корыстныхъ видовъ, чего бы то ни было вліянія, не возвышали одного на счетъ другаго, не приписывали одному того, чего у него вовсе нѣтъ, и не отнимали у другаго законно принадлежащаго ему, составляющаго все наличное его благо, то, чѣмъ оно красно и добро“.

Годы путешествія за границу и первые годы по возвращеніи заняты были у Бодянскаго славянскими предметами. Съ 1846 года онъ

дѣлается редакторомъ „Чтеній“ московскаго Общества исторіи и древностей и показалъ здѣсь необычайную дѣятельность: книги „Чтеній“ слѣдовали быстро одна за другою, съ массою изслѣдованій русскихъ и переводныхъ (особливо изъ славянской ученой литературы и множествомъ памятниковъ языка, народной поэзіи и исторіи. Здѣсь опять сказалась его ревность къ изученію южно-русской старины. Съ первой же книги „Чтеній“ онъ началъ печатаніе знаменито „Исторіи Русовъ“, приписанной архіепископу бѣлорусскому Георгію Конисскому, чему Бодянский тогда вѣрилъ вмѣстѣ съ другими малорусскими патріотами и что впоследствии было совершенно опровергнуто ¹⁾. Въ тѣ времена подобныя вещи надобно было отвоевывать для науки. Посылая Сахарову книгу „Чтеній“, гдѣ окончено было печатаніе Конисскаго, Бодянский пишетъ: „Все самородное да домородное... Теперь, словно, увидѣлъ новый свѣтъ!.. Слава Богу, что удалось провести сквозь Термопилы своихъ Руссовъ, въ полномъ смыслѣ цѣлыхъ и невредимыхъ, безъ малѣйшей раночки, даже оцарапки. А, признаюсь, начиная, самъ душой болѣлъ впередъ о тѣхъ ударахъ и потеряхъ, какія они должны будутъ понести впоследствии. Спасибо тому, кто понялъ важность Конисскаго вполне и далъ мнѣ возможность издать его такъ, какъ самъ сочинитель, можетъ быти не мечталъ видѣть себя въ такомъ видѣ раньше ста, полтора столѣтій“ ²⁾. Такъ горячо относился Бодянский къ этому возсозданію историко-литературной старины. Впоследствии, въ 1868 году, когда онъ вынужденъ былъ покинуть университетъ и ожидалъ, что, можетъ быть, придется покинуть и „Чтенія“, онъ писалъ къ одному изъ своихъ знакомцевъ: „Статья можетъ, помануть когда-нибудь и тогда, что почти безъ всякихъ средствъ счумѣлъ, однакоже, всѣмъ забытое „Общество“, спавшее болѣе 40 лѣтъ, не только пробудитъ къ жизни, но и поставитъ его въ головѣ всѣхъ прочихъ ученыхъ обществъ, не задолжавъ никому ни гроша, и не получая за всѣ свои труды и подвизанія также ни гроша.

„Конечно, подобные дурни въ нашъ разсчитливый вѣкъ рѣдки переводятся съ каждымъ днемъ: они, какъ поэты, *non fiunt, sed nascuntur*, и то лишь въ болѣе благопріятныя времена, въ урожайныя годы на дурней“ ³⁾.

¹⁾ Наиболее подробный разборъ „Исторіи Русовъ“ сдѣлалъ былъ въ книгѣ Геннадія Карпова: „Критическій обзоръ разработки главныхъ русскихъ источниковъ до исторіи Малороссіи относящихся“ и пр. М. 1870.

²⁾ Барсуковъ, Палеологи, стр. 82. Рѣчь идетъ о гр. Строгоновѣ, тогдашнемъ предсѣдателѣ Общества. Дальнѣйшая дѣятельность этого общества была совѣсть и иномъ рождѣ; см. дневникъ Никитенка подъ 1848 г., „Р. Старина“, 1888-1890.

³⁾ „Русская Старина“, 1879, май, стр. 216.

По отзыву Срезневскаго, „Чтенія“ Московскаго Общества исторіи и древностей, за время изданія ихъ Бодянскимъ, „составили библиотеку, необходимую для каждаго историка, археолога, этнографа, статистика, языковѣда, историка литературы и народной словесности, не только русской, но и западно-славянской“. Можно прибавить, что въ этой библиотекѣ появилось также множество матеріаловъ для вѣно-русской исторіи и этнографіи. Послѣ „Исторіи Русовъ“ онъ напечаталъ здѣсь „Лѣтопись Самовидца“, старыя и новѣйшія лѣтописныя и историческія сочиненія Симоновскаго, Зарульскаго, Гер. Фрид. Миллера, А. Ригельмана, сочиненія объ униі Георгія Кописскаго и Зубрицкаго, малороссійскую переписку изъ архива Оружейной Палаты, діаріюшъ Ханенка, источники малороссійской исторіи Бавтыша-Каменскаго, различные матеріалы, относящіеся къ управленію Малороссіей при Екатеринѣ II изъ архива гр. Румянцова, о запорожскомъ войскѣ и т. д. Наконецъ, Бодянскимъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изданъ былъ въ „Чтеніяхъ“ обширный сборникъ галицкихъ и угорско-русскихъ пѣсенъ, Головацкаго, о которомъ скажемъ далѣе.

Въ молодые годы и самъ Бодянской былъ собирателемъ пѣсенъ. Говоря въ своей диссертациі о превосходствѣ малорусской народной поэзіи, Бодянской замѣчаетъ (стр. 136): „Кто хорошо знакомъ съ языками славянскими и ихъ народною и искусственною литературой, тотъ безъ сомнѣнія не сочтетъ словъ нашихъ парадоксомъ, или еще хуже, пустымъ хвастовствомъ. Въ свое время мы надѣемся изложить этотъ важный предметъ во всей его обширности и доказать его истинность. Что же касается до многочисленности пѣсенъ украинскихъ, то скажемъ, что въ *нашемъ собраніи* ихъ, котораго отнюдь не выдаемъ за полное, начатымъ за 7 лѣтъ предъ этимъ и наполняемомъ пѣснями, собранными только въ одной полтавской губерніи, то въ *нашъ* теперь имѣется уже слишкомъ за *восемь тысячъ*, 8,000 пѣсенъ“. Что сталося съ этимъ сборникомъ, мы не знаемъ.

ГЛАВА IV.

ПОЛЬСКІЕ И ГАЛИЦЕО-РУССКІЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ СБОРНИКИ ТРИДЦАТЫХЪ ГОДОВЪ.

Сказавъ о трудахъ первыхъ малорусскихъ этнографовъ, мы должны еще разъ вернуться назадъ, къ двадцатымъ и тридцатымъ годамъ.

Съ тридцатыхъ годовъ у нашихъ этнографовъ, изучавшихъ малорусскую народно-поэтическую старину, въ ряду важныхъ источниковъ являются труды польскихъ собирателей и комментаторовъ, въ особенности Вацлава изъ Олеска, Жеготы Паули, Войцидеаго и другихъ. Откуда взялись эти труды польскихъ писателей о малорусской поэзіи—повидимому столь имъ чуждой, а иногда столь враждебной къ польскому народу; чѣмъ эти труды были внушены, какое ихъ достоинство?

Это участіе польскихъ собирателей въ малорусскомъ этнографическомъ вопросѣ приводитъ насъ къ любопытному литературному періоду, до недавнихъ поръ мало обращавшему на себя вниманіе историковъ русской литературы. Именно, было время, когда между двумя литературами, русской и польской, возникали взаимныя связи, къ сожалѣнію слишкомъ кратковременныя, но которыхъ развитіе могло бы быть плодотворно для обѣихъ сторонъ. Эти отношенія начинаются во времена императора Александра и держались до тридцатыхъ годовъ, когда слѣды ихъ заглохли.—Въ ту пору можно было нерѣдко встрѣтить эти дружелюбныя влеченія, когда въ извѣстномъ кругу обѣихъ литературъ существовалъ взаимный ученый и даже поэтический интересъ, когда у насъ знакомы были и пользовались почетомъ имена польскихъ ученыхъ, какъ Снядецкій, Сестренцевичъ, Нарушевичъ, Почобутъ, Линде, Лелевель, Раковецкій, Мацѣевскій; когда Мицкевичъ былъ съ любовью и уваженіемъ принятъ въ лучшемъ литературномъ кругу Петербурга и Москвы; когда съ другой

стороны польскимъ писателямъ бывали знакомы главнѣйшіе труды въ области русской исторіи, археологіи и этнографіи.

Разныя причины дѣлали подобныя отношенія возможными или прямо вызывали ихъ. Во-первыхъ, условія внѣшнія, когда въ царствованіе императора Александра между Россіей, или русскимъ правительствомъ, и Польшей установились дружественныя связи, какихъ не было прежде и которыя, послѣ враждебнаго эпизода 1812 года, возобновились по благодумію императора. Въ началѣ царствованія, Адамъ Чарторыйскій, въ послѣдствіи знаменитый глава польской эмиграціи, былъ въ числѣ ближайшихъ друзей императора, игралъ роль въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; большое число поляковъ или западно-русскихъ уроженцевъ польскаго образованія разсѣяно было на разныхъ ступеняхъ русской чиновничьей іерархіи; очень часто они не забывали своихъ особыхъ племенныхъ интересовъ, но сближеніе тѣмъ не менѣе происходило, угловатости стирались, являлась возможность общихъ понятій. Позднѣе, это время и эти люди стали предметомъ самыхъ ожесточенныхъ обвиненій; съ послѣдняго польскаго возстанія въ усиленной степени возобновилась старая вражда, которая мѣшаетъ взглянуть хладнокровнѣе какъ на весь польскій вопросъ, такъ въ частности на историческую пору, и оцѣнить ту ея сторону, которая представляетъ и съ русской точки зрѣнія много сочувственнаго. Поляковъ, пользовавшихся расположеніемъ или участіемъ императора Александра, изображаютъ почти только предателями, которые, эксплуатируя слабость и недогадливость русскаго правительства, вели дѣятельную пропаганду полонизма, не только въ царствѣ, но и въ западномъ русскомъ краѣ, и успѣли нанести много вреда дѣлу русской народности. Пропаганда полонизма не подлежитъ сомнѣнію; но чтобы правильно судить или осудить ее, надо вспомнить всѣ условія времени и государственныхъ отношеній. Въ первые годы императора Александра еще не далеко было время, когда западный и юго-западный край былъ польскимъ государствомъ; это было памятно не только по какому-нибудь политическому упорству и сепаративному духу поляковъ или ополеченныхъ русскихъ западнаго и юго-западнаго края, но по всему бытовому складу этихъ земель, гдѣ польское вліяніе, худо ли, хорошо ли, возымѣло громадную силу еще съ XVI—XVII столѣтій, гдѣ жизнь всего высшаго и средняго класса сложилась по польскому образцу и гдѣ польскій языкъ и обычаи были господствующими. Народъ оставался, конечно, русскимъ, т.-е. малорусскимъ и бѣлорусскимъ; но, къ сожалѣнію, въ тѣ времена объ этомъ народѣ, какъ и о самомъ русскомъ народѣ въ Россійской имперіи, думали очень мало: и для польскихъ или ополеченныхъ

пановъ, и для самого русскаго правительства, это были просто крѣпостные, принадлежавшіе своимъ господамъ, и сколько ни мечтали о необходимости освобожденія лучшіе умы (не только между русскими, но и между поляками), обычная практика жизни считала эти отношенія совершенно правильными, — изъ-за этихъ помѣщичьихъ взглядовъ на крѣпостныхъ не приходило въ голову тревожить себя вопросами о русской народности этихъ крѣпостныхъ въ западномъ и юго-западномъ краѣ. Если въ прежнее время эта русская народность, интересы которой не находили достаточной опоры въ русскомъ національномъ центрѣ, уступала болѣе или менѣе легко передъ полонизмомъ, который въ разныхъ отношеніяхъ представлялъ болѣе высокую степень культуры, то естественно, что и теперь смотрѣли на дѣло точно также. Правда, съ нашей нынѣшней точки зрѣнія эта болѣе высокая культура была въ сущности еще очень грубая: съ одной стороны она не доросла до какого-нибудь здраваго пониманія политическихъ отношеній и тѣмъ довела самое государство до полнаго распадѣнія; съ другой, она не выработала пониманія необходимѣйшихъ потребностей соціального положенія народа и вообще слишкомъ увлеклась узко-сословными интересами, слишкомъ мало давала мѣста свободному просвѣщенію и, напротивъ, слишкомъ легко поддавалась племенному и церковному фанатизму, — но опять, въ XVIII и въ началѣ XIX столѣтія у насъ мало это замѣчали или не замѣчали вовсе, и поляки тѣмъ удобнѣе могли оставаться при своей точкѣ зрѣнія. Безъ мысли о политическомъ упорствѣ, о культурной несправедливости, то, что мы называемъ теперь злостной пропагандой полонизма, было для нихъ совершенно естественнымъ дѣломъ, и эту пропаганду, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, они могли считать правильнымъ и настоящимъ дѣломъ просвѣщенія. Теперешнія обвиненія забываютъ, что съ русской стороны этому не только не оказывалось тогда противодѣйствія, не ставилось иного равносильнаго или высшаго принципа ни въ правительственныхъ мѣрахъ, ни въ мнѣніяхъ самого общества, но самое дѣло казалось какъ будто безспорнымъ и, слѣдовательно, нынѣшнее обвиненіе должно постигнуть не одну только польскую пропаганду, но и тогдашнюю неразвитость русскаго общественнаго мнѣнія и народнаго сознанія. Карамзинъ, Энгельгардтъ, члены тайнаго общества протестовали противъ приписываемыхъ тогда императору Александру плановъ присоединенія къ Польшѣ западныхъ русскихъ губерній, но у нихъ у всѣхъ шла рѣчь только о политической сторонѣ дѣла, — они не имѣли представленія объ его сторонѣ культурной и народной. Прибавимъ, наконецъ, что дѣло польскаго образованія въ западномъ краѣ имѣло за себя на мѣстѣ много за-

иъчательныхъ научныхъ силъ, которыя особенно собрались тогда въ виленскомъ университетѣ. Понятно, что имъ могли быть противопоставлены лишь равныя силы съ другой стороны, которыя могли бы представить противовѣсъ ихъ авторитету,—а у насъ въ дѣлѣ просвѣщенія хозяйничали тогда кн. А. Н. Голицынъ, Магницкій, Руничъ, адмиралъ Шишковъ, дѣлались предложенія о „разрушеніи“ (буквально) университетовъ и т. п.

Итакъ, въ ту пору, въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ, еще не было такой вражды двухъ сторонъ, какая теперь распространяется на это время заднимъ числомъ; вражда политическая еще не созрѣла; обѣ стороны, напротивъ, могли думать о мирномъ сожителствѣ въ предѣлахъ одного государственнаго цѣлаго; не рѣдки бывали проявленія дружественныхъ отношеній между поляками и русскими; для послѣднихъ Варшава не была военный станъ среди враждебнаго населенія, а скорѣе веселая столица, еще не получившая чистой отставки, гдѣ можно было жить въ дружбѣ съ недавними врагами. Мирныя отношенія отражались и въ связяхъ литературныхъ. Польскіе историки слѣдили за вопросами русской исторіи (Раковецкій, Лелевель, Кухарскій и др.); русскіе ученые съ интересомъ, чуждымъ нетерпимости, знакомились съ ихъ трудами и политическое участіе къ дѣламъ Польши соединяли съ вниманіемъ къ польской литературѣ; любопытно, напр., что „Думы“ Рылѣева, по его собственнымъ словамъ, были внушены отчасти „Историческими пѣснями“ Нѣмцевича ¹⁾; мы упомянули сейчасъ, съ какимъ высокимъ дружелюбіемъ и уваженіемъ встрѣчаемъ былъ Мицкевичъ въ Москвѣ и Петербургѣ.

Другимъ условіемъ, которое устанавливало мирныя и союзныя отношенія между русской и польской литературой, было явленіе совсѣмъ иного, не политическаго, свойства, но которое имѣло также свое большое значеніе и давало этимъ связямъ нравственно-поэтическую опору. Это были отголоски славянскаго возрожденія, въ двадцатыхъ годахъ едва дѣлавшаго свои первые шаги, но уже производившаго своимъ энтузіазмомъ впечатлѣніе въ обоихъ лагеряхъ, русскомъ и польскомъ. Около того времени стекается рядъ важныхъ событій въ

¹⁾ „Напомянуть вношеству о подвигахъ предковъ, знакомить его со свѣтлѣйшими эпохами народной исторіи, сдружить любовь къ отечеству съ первыми впечатлѣніями памяти—вотъ вѣрный способъ для привитія народу сильной привязанности къ родинѣ: ничто уже тогда сихъ первыхъ впечатлѣній, сихъ раннихъ понятій не въ состояніи изгладить. Они крѣпнутъ съ лѣтами и творятъ храбрыхъ для боя ратниковъ, мужей доблестныхъ для совѣта.—Такъ говоритъ Нѣмцевичъ о священной дѣл своихъ „Историческихъ пѣсень“ (Spiewu Historyczne): эту самую цѣль имѣлъ и я, сочиняя думы“. („Думы“, Рылѣева, 1825, предисловіе).

западныхъ и южныхъ славянскихъ литературахъ, событій, полупонятыхъ тогда на первый взглядъ при малой извѣстности дѣла, но тѣмъ не менѣе оказавшихъ обширное вліяніе, потому что за ними открылась новая, невѣдомая до тѣхъ поръ сила—идея славянскаго единства, и видѣлся широкій горизонтъ чисто славянской жизни, старины и поэзіи. Такими событіями были: изданіе сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича; открытіе древнихъ поэтическихъ памятниковъ чешской литературы (сомнѣніямъ въ подлинности которыхъ никто тогда не хотѣлъ вѣрить, а большинство и не знало объ этихъ сомнѣніяхъ); появленіе знаменитой поэмы Коллара „Дочь Славн“; рядъ открытій въ старой славянской письменности; возникновеніе и распространеніе поэтической литературы на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, и новой ученой литературы, изслѣдовавшей первобытную славянскую старину и ея отголоски въ современномъ быту славянства, съ его преданіями, обычаями, богатой народной поэзіей и т. д. Славянская „взаимность“ была еще весьма ограничена, но уже указывалась какъ идеальная цѣль; не много было людей, слѣдившихъ и способныхъ слѣдить за проявленіями новаго движенія во всемъ его объемѣ, но тѣ, кто знакомился по крайней мѣрѣ съ главными изъ этихъ проявленій (между прочимъ производившихъ впечатлѣніе на самихъ корифеевъ европейской поэзіи и науки, какъ нѣкогда Гердеръ, потомъ Гёте, Гриммъ и пр.), не могъ остаться чуждымъ тому одушевленію, которое наполняло представителей возрожденія въ разныхъ славянскихъ народностяхъ: для этихъ представителей новая идея была залогомъ будущаго, надеждой на спасеніе народной цѣльности.

Польская литература, изъ всѣхъ славянскихъ, вообще говоря, всѣхъ меньше отзывалась на этотъ энтузіазмъ славянскаго возрожденія, а позднѣе становилась къ нему и прямо враждебно—именно, когда возникъ призракъ панславизма, въ которомъ видѣли скрытую тенденцію, замаскированный планъ Россіи подчинить себѣ славянскія племена въ одномъ деспотическомъ русскомъ царствѣ. При новизнѣ славянскаго національнаго возбужденія, предѣловъ и возможностей котораго не умѣли опредѣлить, при темномъ представленіи о могуществѣ Россіи, о которой также не знали, куда она можетъ направить свои громадныя силы, этотъ призракъ казался самой реальной опасностью, и польское общество и литература отшатнулись надолго отъ славянскаго движенія въ смыслѣ племенного сближенія,—особенно когда съ русской стороны была выставлена славянофильская программа со всей ея исключительностью. Но не то было тогда, въ десятихъ и двадцатыхъ годахъ, когда славянское движеніе представлялось въ поэтическихъ, симпатичныхъ чертахъ воз-

рожденія подавленныхъ дотолѣ племенъ, стремленія ихъ мирно завоевать себѣ признаніе своей нравственной личности; когда Россія являлась въ лицѣ императора Александра съ освободительными планами, еще безъ всякихъ притязаній въ славянскомъ мірѣ, и особливо съ либеральнымъ отношеніемъ къ самой Польшѣ. По всѣмъ этимъ условіямъ, въ первыя десятилѣтія нашего вѣка въ польской литературѣ обнаруживалось гораздо больше связей и солидарности съ славянскимъ возрожденіемъ, чѣмъ было когда-нибудь послѣ,—и надо было бы желать, чтобы столько этого интереса сохранилось и впоследствии.

Славянское возрожденіе выразилось въ литературѣ особенной ревностью къ изученію своей народной старины, исторіи, преданій, поэзіи, языка, и вмѣстѣ къ сопоставленію всего этого съ народнымъ содержаніемъ другихъ племенъ, къ сравненію и отысканію родственныхъ элементовъ, которые свидѣтельствовали о первобытномъ единствѣ и должны были помочь взаимному уразумѣнію и союзу въ настоящемъ. Польская литература тѣхъ десятилѣтій представила обильные примѣры трудовъ въ этомъ направленіи, какъ въ томъ же направленіи работали потомъ и ученые болѣе молодого поколѣнія, успѣвшіе въ немъ воспитаться,—и эти труды вошли въ общую сумму фактовъ славянскаго возрожденія. Таковы были, напримѣръ, труды Суровецкаго о славянской древности, послужившіе основой для одной изъ первыхъ ученыхъ работъ Шафарика ¹⁾; труды Зоріана Доленги-Ходаковского, сочиненіе котораго о славянствѣ до-христіанскомъ было предчувствіемъ новѣйшей археологій; труды знаменитаго лексикографа Линде, котораго монументальный польскій словарь стоитъ наравнѣ съ чешскимъ словаремъ Юнгманна, сербскимъ Караджича, и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ на славянскомъ западѣ предпринимались труды обще-славянскаго значенія, напримѣръ, вслѣдъ за Добровскимъ, работы Шафарика, Палацкаго, Челяковскаго, польскіе ученые примыкали къ этому направленію въ трудахъ Лелевеля, Раковецкаго, Кухарскаго, позднѣе Мацѣевскаго. Общій тонъ работъ поддерживался личными связями, которыя соединяли польскихъ ученыхъ какъ съ западно-славянскими, такъ и русскими учеными—историками, археологами. Труды Ходаковского въ неменьшей мѣрѣ принадлежали русской наукѣ, чѣмъ польской.

Въ польской литературѣ отзывались и изученія этнографическія, которыя занимали такое важное мѣсто въ литературномъ развитіи славянскаго возрожденія.

Это была опять новая черта. Польская литература издавна по-

¹⁾ Ueber die Abkunft der Slaven, nach Surowiecki.

сила на себѣ отпечатокъ господствующаго общественнаго склада: ея „народомъ“ была собственно многочисленная шляхта; народа дѣйствительнаго она не знала, или не считала его, ставя свои политическіе и образовательные вопросы; тѣмъ менѣе она хотѣла знать народъ бѣлорусскій и малорусскій—народъ иного племени, иной вѣры и народъ крѣпостной. Теперь опять явилось иное. Конецъ прошлаго вѣка не остался безъ вліяній въ болѣе правдивомъ демократическомъ смыслѣ; затѣмъ въ литературу и умы проникли романтическія идеи, увлеченіе поэтической стариной, воспроизведеніе народнаго преданія, вкусъ въ патриархальной простотѣ народнаго быта. Наряду съ романтическими обращеніями къ народности въ поэтической литературѣ (какъ напр., „украинская“, „литовская“ школы польскихъ поэтовъ), начался научный интересъ къ народной жизни, собираніе и толкованіе ея памятниковъ и преданій. Славянское возрожденіе и здѣсь доставило произведенія, гдѣ находились занимательныя и поучительныя параллели, не оставшіяся безъ вліянія. Въ польской литературѣ, въ прежнее время наименѣе расположенной нисходить къ народу, является рядъ писателей, которые и въ этомъ отношеніи становятся вполне наряду съ лучшими дѣателями славянскаго возрожденія. Мы остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ, такъ какъ по содержанію своихъ трудовъ они заняли не послѣднее мѣсто въ развитіи малорусской этнографіи.

Обратившись къ изученію народнаго быта и поэтическаго преданія своего края, они встрѣтили въ немъ кромѣ польскаго и русскій народъ, жившій въ областяхъ старой Польши и до сихъ поръ остававшійся или подъ прямымъ польскимъ вліяніемъ, или въ ближайшемъ сосѣдствѣ и бытовыхъ связяхъ. Частію по старой привычкѣ считать этотъ русскій народъ своимъ, частію по этнографической любознательности, которую такъ возбуждало славянское возрожденіе, они обратили вниманіе и на русское населеніе и занялись имъ тѣмъ усерднѣе, что нерѣдко этотъ русскій народный бытъ давалъ имъ гораздо болѣе богатую и привлекательную жатву стараго преданія, чѣмъ польское крестьянство. Такими писателями были въ особенности Вацлавъ изъ Олеска (или Залѣскій), Жегота Паули и Войцицкій.

Намъ не встрѣчалась подробная біографія Вацлава Залѣскаго. Знаемъ только, что онъ родился въ 1800 году, прошелъ университетскій курсъ во Львовѣ, былъ австрійскимъ чиновникомъ, въ 1848 г. назначенъ губернаторомъ Галиціи и умеръ 1849 г. въ Вѣнѣ. Свое литературное поприще онъ началъ въ двадцатыхъ годахъ, участвуя во львовскомъ журналѣ „Rozmaitości“, и занялся тогда же собираніемъ галицкихъ народныхъ пѣсенъ, польскихъ и русскихъ, которые

издалъ въ книгѣ, теперь отчасти забытой, но въ свое время хорошо известной всѣмъ специалистамъ и любителямъ малорусской этнографіи ¹⁾. Къ сборнику пѣсенъ прибавлено обширное введение, изъ котораго можно познакомиться съ характеромъ его идей: это введение любопытнымъ образомъ изображаетъ настроеніе этнографовъ-любителей двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, то чувство, которое влекло этихъ первыхъ основателей этнографической науки къ изслѣдованію народно-поэтическаго преданія,—и по указаннымъ выше условіямъ, еще болѣе любопытно наблюдать этотъ этнографическій интересъ въ польскомъ писателѣ. Мы встрѣчаемъ здѣсь всѣ указанные выше мотивы, которые сошлись въ новомъ стремленіи къ народности.

Сборникъ пѣсенъ былъ дѣло новое, и нужно было объяснить читателямъ, какъ онъ произошелъ, въ чемъ его интересъ литературный, общественный, научный. Въ своемъ введеніи Вацлавъ Залъскій указываетъ прежде всего свою личную любовь къ народнымъ пѣснямъ. Онъ родился въ деревнѣ; первые годы жизни провелъ въ уединенномъ затишѣ; пѣсни убаюкивали его дѣтство, остались воспоминаніемъ впервые пробуждавшагося чувства. Любовь къ нимъ онъ всосалъ съ молокомъ, вдыхалъ съ воздухомъ. Когда пришлось переселиться въ городъ, ему было тоскливо по деревнѣ, по родному дому, лугамъ и полямъ, и только пѣсня могла успокоить тоску. Пѣсни становились тѣмъ дорожее, какъ память о родинѣ; чтобъ свято сберечь ихъ, онъ мало-по-малу перенесъ ихъ на бумагу,—это и было началомъ сборника. Онъ сталъ потомъ говорить о нихъ съ школьными товарищами: не одинъ изъ товарищей сообщилъ ему свои пѣсни; уѣзжавшимъ въ деревню поручали собирать новыя, другихъ вызывали на то письмами. Наконецъ, авторъ сталъ знакомиться съ литературой древней и новой, читалъ французовъ, любилъ учиться у нѣмцевъ, восторгался Шекспиромъ, и въ концѣ концовъ возвращался къ отечественной нивѣ...

Очень любопытно, хотя послѣдовательно, что изученіе чужихъ литературъ навело писателя на печальныя мысли о своей собственной. „По этой моей любви къ роднымъ пѣснямъ,—говоритъ онъ,—легко догадаться, что въ литературѣ каждаго народа меня не мало занимала его поэзія. Съ какой болью я долженъ былъ сознаться самому себѣ, насколько и въ этомъ отношеніи,—не говоря о другихъ, которыя сюда не относятся,—мы отстали почти отъ всѣхъ народовъ Европы“. Главнымъ недостаткомъ всѣхъ польскихъ поэтовъ авторъ считаетъ отсутствіе *народности*, и это въ особенности бросалось въ

¹⁾ *Pieśni polskie i ruskie ludu Galicyjskiego. Z muzyką instrumentowaną przez Karola Lipińskiego. Zebrał i wydał Wacław z Oleska. We Lwowie, 1838.*

глаза въ нашемъ вѣкѣ. Поэзія другихъ народовъ,—по словамъ Залѣскаго,—похожа на дерево, выросшее на отечественной почвѣ и питающееся его соками; польская поэзія есть что-то чужое, не имѣющее корня въ родной землѣ, не вышедшее изъ народнаго духа; она осталась чужда польскому народу, какъ онъ самъ былъ чуждъ для нея. Въ этомъ отношеніи сборникъ народныхъ пѣсенъ казался автору неоцѣненнымъ, такъ какъ въ нихъ высказывался духъ истинно-славянскій и народный, котораго такъ недоставало польской литературѣ.

Достаточно всмотрѣться въ успѣхи европейскихъ литературъ, говорилъ авторъ, чтобы увидѣть, съ какимъ вниманіемъ заботились тамъ обо всемъ, что касается народности. Онъ указываетъ труды по изученію народной поэзіи и старины у французовъ и особенно у англичанъ, и спрашиваетъ, что подобнаго имѣютъ поляки? „Наша исторія есть только патологія народа или лучше патологія его головы,—о здоровой его жизни мы едва имѣемъ представленіе“; то же самое и въ поэзіи. У поляковъ не было поэзіи трубадуровъ, но лѣтописцы вспоминаютъ о давнихъ пѣсняхъ народа, слышанныхъ и ими самими; однако они не сохранили ихъ для насъ,—можетъ быть, не хотѣли сохранить, и не трудно было бы видѣть, сколько этимъ они сдѣлали намъ вреда. Польскіе поэты, отъ Кохановскихъ до Красицкаго и Нарушевича, только изрѣдка и кое-гдѣ носятъ на себѣ черты народности; они писали только польскими словами чувства и мысли римскія, французскія или инныя, только не польскія; поэтому они были и остаются чужими для массы польскаго народа,—а образованная часть народа, послѣ появленія поэтовъ истинно народныхъ—Бродзинскаго, Мицкевича, Богдана Залѣскаго и другихъ, забыла о прежнихъ поэтахъ, какъ народъ и совсѣмъ о нихъ не зналъ. Только изъ уваженія, внушеннаго намъ съ дѣтства, въ родѣ того, какое мы имѣемъ къ священнымъ реликвіямъ, мы иногда заглядываемъ въ нихъ и, отдавая справедливость ихъ несомнѣннымъ дарованіямъ, жальемъ только, что они пошли ложной дорогой“. Правдивые поэты желая быть народными, изслѣдовали духъ народа, усвоивали себѣ его взглядъ на вещи или просто сливались съ нимъ,—и сколько въ этомъ отношеніи поэтъ могъ бы извлечь изъ подробныхъ описаній народнаго обычая, особливо изъ сборниковъ пѣсенъ, которые являются результатомъ первоначальныхъ силъ народа, а потомъ самою вѣрною характеристикой народности!

Авторъ рассказываетъ, что эти соображенія еще болѣе усилили его любовь къ народнымъ пѣснямъ и заботу объ ихъ собираніи, и со временемъ эта личная любовь его превратилась въ убѣжденіе, что на этой дорогѣ надо искать духа народной поэзіи и первона-

чальныхъ ея основъ. „Ближайшей цѣлью моего сборника,—продолжаетъ онъ,—была собственная польза. Я не думалъ никогда выдавать его въ свѣтъ; потому что, *кто же бы осмѣлился у насъ помыслить объ этомъ*, когда все, что не было французское или вообще чужое, считалось еще варварскимъ и отвергалось? И у родственныхъ славянъ не было тогда еще ничего подобнаго. Хотя и начали распространяться подражанія народнымъ пѣснямъ, баллады и романсы, и сверхъ ихъ достоинствъ приходится по вкусу народу, но все еще никто не смѣлъ выступить въ свѣтъ съ самими пѣснями, какъ онѣ есть, какъ онѣ живутъ въ устахъ народа. Долго спустя, въ 1826 г., когда Бродзинскій—достопочтенный Бродзинскій, котораго самое значеніе его могло заслонить отъ всякихъ упрековъ,—рѣшился выдать въ варшавскомъ журналѣ нѣкоторые народныя пѣсни славянскихъ племенъ, съ какой несмѣлостью онъ это дѣлалъ! Все его письмо, написанное объ этомъ предметѣ къ редактору журнала и помѣщенное въ этомъ журналѣ, есть какъ будто большое извиненіе, *salva venia*; и однако онъ далъ тогда только нѣкоторые женскія пѣсни, очень гладко обдѣланныя и припоровленные къ такъ-называемому высшему вкусу. Что же было бы, еслибы онъ далъ ихъ такъ, какъ онѣ есть на дѣлѣ, или еслибы онъ захотѣлъ перевести нѣкоторые юнацкія сербскія пѣсни въ ихъ настоящемъ видѣ?“

Но въ это самое время обстоятельства стали измѣняться: у родственныхъ славянскихъ племенъ стали появляться сборники пѣсенъ“, —и Залѣскій пересчитываетъ многочисленные сборники, съ которыми, видимо, былъ хорошо знакомъ. Любопытно, что въ ряду этихъ сборниковъ польскій писатель особенно много знаетъ русскихъ. Такъ минуя старые сборники, онъ упоминаетъ „Древнія русскія стихотворенія“ Кириши Данилова, изданныя Калайдовичемъ; „Новѣйшій всеобщій и полный пѣсенникъ“ Попова, въ шести томахъ, 1819; „Пѣсенникъ для прекрасныхъ дѣвушекъ“, 1820; малорусскій сборникъ Цертелева; „Новѣйшій всеобщій пѣсенникъ“ Калатилина, 1810, и пр. Онъ знаетъ также чешскіе сборники Челяковского и Риттерсберга; моравскій—Галаша и Фрича; словацкій—Шафарика; далматинскій—Качича-Миошича; сербскій—Караджича. Знакомство съ ними убѣдило автора въ необходимости издать и польскій сборникъ,—какъ и въ самомъ дѣлѣ сборникъ Залѣскаго сталъ потокомъ въ ряду извѣстнѣйшихъ славянскихъ пѣсенныхъ собраній. Но пока онъ все еще колебался относительно печатанія своего сборника, считая его недостаточно полнымъ и надѣясь, что дѣло можетъ быть сдѣлано лицомъ болѣе компетентнымъ. Такимъ лицомъ онъ именно считалъ Ходаковского, который, въ глазахъ Залѣскаго, былъ идеаломъ собирателя. „Былъ тогда слухъ, что Ходаковский занимается собираніемъ

народныхъ пѣсенъ въ Польшѣ и Малороссіи. Ходаковскій, извѣстный мнѣ только по книгѣ: *Cwiczenia naukowe*, печатанной въ Кременцѣ, ввухалъ мнѣ истинное почитаніе“. Выше мы привели его слова о Ходаковскомъ. Но Ходаковскій умеръ (въ 1825) и авторъ не зналъ, что стало съ его сборникомъ. Наконецъ, Залѣскій рѣшился издать свое собственное собраніе. Онъ судилъ о немъ съ большою скромностью, видѣлъ его недостатки, особливо неполноту по разнымъ отдѣламъ и мѣстностямъ, но тѣмъ не менѣе за безуспѣшностью прежнихъ попытокъ считалъ и свое собраніе важнымъ въ условіяхъ польской литературы. Его поощряло и то, что упомянутыя славянскія пѣсни, переведенныя Бродзинскимъ, были приняты въ литературѣ очень охотно.

Эти прежнія попытки въ польскомъ кругу, отчасти упомянутыя Залѣскимъ, были вообще слѣдующія. Первымъ начинателемъ этого дѣла въ Галиціи былъ упомянутый Ходаковскій (1784—1825), который уже въ своемъ сочиненіи о до-христіанской славянищинѣ, 1818, указывалъ важность народныхъ пѣсенъ и первый подавалъ примѣры и образчики ихъ собиранія. Въ „Пилигримѣ Львовскомъ“ ¹⁾ профессоръ Гюттнеръ (Hüttner) говорилъ опять о народныхъ пѣсняхъ галицкихъ, у краковяковъ, мазуровъ и русскихъ, и въ примѣры русскихъ приведены двѣ пѣсни съ нѣмецкимъ переводомъ и нотами ²⁾, Въ томъ же „Пилигримѣ“, изданномъ уже на польскомъ языкѣ профессоромъ I. Маусомъ, Д. Зубрицкій помѣстилъ нѣсколько свѣдѣній о русскихъ и польскихъ пѣсняхъ въ Галиціи, и опять напечатано двѣ пѣсни съ напѣвами ³⁾. Въ сборникѣ славянскихъ пѣсенъ Чельковскаго (2-я и 3-я книги, 1825—27) помѣщено опять нѣсколько образчиковъ пѣсенъ малорусскихъ. Въ первомъ сборникѣ Максимовича, 1827, двѣ пѣсни взяты изъ „Пилигрима Львовскаго“, и въ прибавленіи помѣщено пять галицкихъ пѣсенъ, сообщенныхъ профессоромъ виленскаго университета Лобойкомъ. Далѣе, въ томъ же 1827 году, по указанію Залѣскаго, вышла во Львовѣ книга: „*Rękodzieł narodo-
wowe*“, который долженъ былъ составить 12 томиковъ, но вышелъ только одинъ; здѣсь помѣщена была статья „о народныхъ пѣсняхъ польскихъ и русскихъ“, которая была какъ будто предисловіемъ къ готовому уже сборнику пѣсенъ,—но продолженія изданія не послѣдовало ⁴⁾.

¹⁾ 1821 или 1822 года.

²⁾ „Не ходи, Грицю, на вечорницѣ“, и „Козакъ коня наповалъ“.

³⁾ „Шумить, шумить дубровинька“, и „Вже три дни и три недѣли“.

⁴⁾ Не есть ли это—та же книга, которая названа „*Ramieŋnik narodo-
wowe*“ и отнесена къ 1829 году въ предисловіи Бодянскаго къ изданію „Народныхъ пѣсенъ Галицкой и Угорской Руси“, Головацкаго („Чтенія“ Моск. Общ. ист. и древн. 1863, кн. III, стр. V)?

Возвращаемся къ Залѣскому. Далѣе онъ сообщаетъ свои мысли вообще о значеніи народной поэзіи и, во-первыхъ, указываетъ тогдашнюю литературу объ этомъ предметѣ. Эта литература была не велика. Онъ могъ назвать: упомянутую статью Бродзинскаго, 1826 другую статью польскаго писателя Жуковскаго, 1830; отдѣльныя замѣчанія у Воронича, въ статьѣ о „народныхъ пѣсняхъ“¹⁾, въ книгѣ Шафарика объ исторіи славянскихъ литературъ, въ книгѣ Голэмбеваго: *Lud polski, jego zwyczajе, zabobony и пр.* (Варшава, 1830) и т. д. Онъ вспоминаетъ также разсужденіе Фориеля о новогреческихъ пѣсняхъ, рецензію Копитара о сборникѣ Вука Стефановича²⁾; замѣчанія о древней поэзіи славянской въ сочиненіи Раковецкаго о „Русской Правдѣ“; въ „Галичанинѣ“, 1830, Вал. Хлендовскаго. Въ нѣмецкой литературѣ онъ съ великимъ почтеніемъ указываетъ „святыхъ, неопровержимыхъ и непоколебимыхъ истинъ великаго Гердера, этого главнаго столпа нѣмецкой литературы, имени котораго не слѣдуетъ произносить безъ уваженія“. Напомнимъ, что именно такъ относились къ Гердеру вообще представители и начинатели славянскаго возрожденія съ конца прошлаго столѣтія, когда Гердеръ впервые съ пламеннымъ одушевленіемъ заговорилъ о правахъ народной личности (въ томъ числѣ и славянства) и о великомъ историческомъ и нравственномъ значеніи народной поэзіи³⁾.

Переходя къ опредѣленію важности народной поэзіи для современной литературы и исторической науки, Залѣскій устраняетъ тѣ преувеличенія, съ которыми говорилъ объ этомъ Ходаковскій, но тѣмъ не менѣе широко оцѣняетъ значеніе народной поэзіи въ этихъ отношеніяхъ. Это мысли теперь общезвѣстныя, но въ то время ихъ надо было впервые внушать и доказывать. Народная поэзія,—говоритъ Залѣскій,—есть та глубокая основа, забвеніе которой дѣлало и дѣлаетъ литературу искусственнымъ насажденіемъ, чуждымъ и непонятнымъ для народной массы, основа, которая одна можетъ сообщить литературѣ жизненное и истинно народное достоинство. Для исторіи народная пѣсня не дастъ точныхъ историческихъ фактовъ, но она дастъ драгоцѣнныя отголоски стараго народнаго быта, понятій, нравовъ; она укажетъ, въ чемъ народъ сохранилъ сходство съ другими родственными племенами или отличался отъ нихъ. „Кто будетъ оспаривать, что народныя пѣсни, будучи образами, въ которыхъ каждый народъ всего вѣрнѣе рисуетъ и представляетъ свой характеръ, выражая свои чувства, описывая всякіе обычаи, являются *точнѣйшими*

¹⁾ *Roczniki towar. warsz. przyj. nauk*, t. 6, стр. 308.

²⁾ Въ вѣскихъ *Jahrbücher der Literatur*, 1825, т. XXX.

³⁾ Неоднократныя ссылки на Гердера и выписки изъ него дѣлаются и въ названной выше диссертациі Бодянскаго.

изображеніемъ народной жизни? Это—ключи къ святынь народности, но надо научиться отпирать ими; въ нихъ, какъ въ тѣхъ египетскихъ іероглифахъ, заключены священныя истины, но надо умѣть читать ихъ; для этого нужно какъ знаніе языка, такъ и народного быта; но для кого идетъ рѣчь о познаніи человѣчества, тотъ не можетъ обойтись безъ этихъ знаній... Не нужно, кажется, припоминать, что исторія литературы не можетъ и не должна миновать народныхъ пѣсенъ, которыя составляютъ ея настоящее начало, какъ древнѣйшая и до сихъ поръ живая литература. Многіе, конечно, пошли бы инымъ путемъ въ оцѣнкѣ поэзіи, въ объясненіи ея основаній и въ разборѣ образцовъ, еслибы обратили свое вниманіе на эту живущую въ народѣ поэзію и въ ней замѣтили, какъ она, будучи необходимымъ произведеніемъ природы, имѣетъ въ себѣ всѣ, но выѣстъ и тѣ только черты, какія ей слѣдуетъ имѣть изъ природы. Такой теоріи и такой исторіи литературы мы *еще ожидаемъ*“.

Взглядъ, для своего времени весьма замѣчательный. Исторія литературы съ тѣхъ поръ совершила уже громадныя труды для выясненія народной поэзіи и ея элементовъ, проникавшихъ въ литературу книжную,—но цѣлое теоретическое ученіе о сущности и развитіи поэзіи, съ этой исходной точки зрѣнія, не построено и до сихъ поръ.

Вообще предисловіе любопытно для исторіи этнографическихъ понятій какъ въ польской литературѣ, такъ и въ русской, гдѣ книга Залѣскаго была давно извѣстна. Его отношеніе къ народной поэзіи не есть одна романтическая чувствительность, съ которой еще долго послѣ обращались у насъ къ народнымъ пѣснямъ; это—еще несовершенное, по новости дѣла, но сознательное пониманіе важности народной поэзіи для изслѣдованія исторіи, языка и т. д., и ея живого значенія для литературы современной, какъ проводника истинной народности. Конечно, такъ-называемая „народность“ на самомъ дѣлѣ пріобрѣтается литературой не одними этнографическими вкусами и усиліями (какъ это думали въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ), а болѣе сложнымъ и глубокимъ общественнымъ интересомъ,—но Залѣскій умѣлъ вѣрно подмѣтить многія стороны народной поэзіи, плодотворныя для науки и литературы. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ уже отмѣчалъ въ народныхъ пѣсняхъ источникъ для пониманія народной жизни и средство дать литературѣ національный характеръ; теперь онъ указывалъ громадное различіе поэзіи народной отъ книжной въ выраженіи чувства—напр., любви, ненависти и т. п., и, находя причину этого различія въ самомъ складѣ народного быта, полагаетъ, что изученіе этихъ особенныхъ выраженій чувства даетъ важный матеріалъ для *психологій*,—къ чему въ самомъ

дѣлѣ и пришла этнографія впоследствии. Относительно языка, онъ указывалъ въ народныхъ пѣсняхъ богатый запасъ матеріала и формъ драгоценныхъ для филолога и забытыхъ въ обыкновенномъ книжномъ и разговорномъ языкѣ, и этотъ послѣдній можетъ только освѣжиться и обновиться въ живомъ источникѣ народной пѣсни. Далѣе, изученіе пѣсенъ можетъ привести къ правильному пониманію самой поэзіи. Мы смотримъ обыкновенно на поэзію какъ на искусство, съ готовыми законами и правилами, которыя считаются ненарушимыми; изъ-за этихъ формальныхъ правилъ мы не усматриваемъ сущности поэзіи, и оттого въ литературѣ является подъ именемъ поэзіи столько ложнаго и натянутого. Существа поэзіи надо искать именно въ изученіи народной пѣсни—въ ея свободномъ, естественномъ, правдивомъ творчествѣ... Въ этихъ разсужденіяхъ, изложеніе которыхъ отзывается терминами тогдашней нѣмецкой философіи, авторъ цитируетъ однажды Гёте—„этого архигенія человеческого рода“... Наконецъ, онъ предчувствовалъ, что въ вопросѣ о народности въ литературѣ кроется и социальная сторона быта: высшій классъ, угнетавшій народную массу, осужденъ былъ на безплодіе своей литературы, на отсутствіе самостоятельности, повтореніе чужого, и поворотъ къ лучшему и оригинальному возможенъ только при обращеніи къ народному источнику.

Переходя къ классификаціи пѣсенъ, авторъ указываетъ недостатки такой классификаціи въ русскихъ сборникахъ, гдѣ помѣщались и пѣсни совсѣмъ ненародныя, и въ словацкомъ сборникѣ Шафарика; и собственную классификацію вѣрно основываетъ на самомъ народномъ бытѣ, приурочивая пѣсни къ тѣмъ обстоятельствамъ и случаямъ, въ какихъ онѣ поются. Раздѣливъ пѣсни на два главные отдѣла—мужскія и женскія, онъ располагаетъ послѣднія, наиболѣе многочисленныя, по событіямъ и урочнымъ временамъ народной жизни: А, пѣсни при домашнихъ торжествахъ (сговоръ; свадьба; крестины; похороны); В, при обрядахъ и праздникахъ (гаилки; субботки; колада); С, при деревенскихъ работахъ и развлеченіяхъ, пѣсни разныхъ сословій (пѣсни земледѣльческія, при обжинкахъ и толокахъ; пастушескія; на вечерницахъ; охотничьи, матросскія, рыбацкія и пр.); Д, при деревенскихъ увеселеніяхъ; Е, пѣсни любовныя. Составъ мужскихъ пѣсенъ гораздо проще; онѣ дѣлятся на пѣсни, касающіяся событій цѣлой страны или собственно историческія, и пѣсни, касающіяся событій единичныхъ.

Въ своемъ сборникѣ Залѣскій помѣстилъ рядомъ пѣсни польскія и русскія, причемъ пѣсенъ русскихъ оказалось у него гораздо больше, чѣмъ польскихъ, и онъ считалъ нужнымъ отвѣтить на два вопроса: откуда происходитъ сравнительная малочисленность пѣсенъ поль-

скихъ (кроме краковяковъ), и почему онъ соединилъ въ одномъ сборникѣ пѣсни разныхъ племенъ?

Изъ всѣхъ славянскихъ народовъ,—замѣчаетъ онъ,—у поляковъ всего меньше женскихъ пѣсень, а мужскихъ или историческихъ едва можно услышать. Нельзя допустить, чтобы причина этого заключалась во внутреннихъ свойствахъ польскаго народнаго характера, т.-е. въ какой-нибудь неспособности къ поэзіи; слѣдовательно, надо искать объясненія во внѣшнихъ обстоятельствахъ. Оглянувшись на положеніе польскаго народа въ его прошедшемъ, мы легко встрѣтимъ эти печальныя причины. Онъ приводитъ мнѣніе Бродзинскаго, который приписывалъ этотъ фактъ вліянію шляхетства, такъ угнетавшаго народную жизнь, что народу было не до поэзіи; и дѣйствительно, положеніе польскаго народа было таково, что трудно было ожидать широкаго развитія поэзіи, которое предполагаетъ извѣстный просторъ и самостоятельность народной жизни. Польскій народъ всего бѣднѣе старыми бытовыми обрядами и обрядовыя пѣсни чрезвычайно малочисленны. Меньше можно удивляться отсутствію историческихъ пѣсень: безправный народъ не имѣлъ никакого участія въ событіяхъ національной исторіи; онъ не могъ дорожить и сохранить въ пѣсняхъ историческія преданія, по той простой причинѣ, что не имѣлъ этихъ преданій. „Взвѣсивши все, что мы сказали до сихъ поръ,—замѣчаетъ Залѣскій,—скорѣе можно было бы спросить, какимъ чудомъ этотъ бѣдный народъ совсѣмъ не онѣмѣлъ, чѣмъ спрашивать, почему у него теперь такъ мало пѣсень“.

Но эти доводы еще не кажутся Залѣскому достаточными. Развѣ въ лучшемъ положеніи былъ русскій народъ (т.-е. народъ русскій, принадлежавшій Польшѣ), не испытывалъ ли онъ тѣ же, или даже худшія, притѣсненія, и однако, какое множество онъ имѣетъ пѣсень, какъ свято сохранялъ обычаи и поэтическую память о давнихъ событіяхъ! Откуда же эта разница? Возвращаясь къ замѣчаніямъ Бродзинскаго, авторъ припоминаетъ бурную исторію Польши, постоянныя военныя столкновенія съ крестоносцами, ятвягами, Москвою, нападенія козаковъ и татаръ, войны съ турками, гайдамацкія возстанія, бурную внутреннюю жизнь Польши, безпокойную шляхту, волновавшуюся на сеймахъ, элекціяхъ, трибуналахъ—все это отзывалось на народѣ всякими тягостями, не давало ему бытового покоя, который способствовалъ бы развитію поэзіи; и дѣйствительно, онъ не выработалъ такой полной, законченной пѣсни, которою такъ богатъ русскій народъ. Но отсутствіе *такой* пѣсни вовсе еще не означаетъ, чтобы народъ польскій былъ совсѣмъ неспособенъ къ пѣсенному творчеству: оно только сложилось у него въ особую форму, сообразно съ его обстоятельствами. Ему некогда было складывать длинныя,

завершенныя произведенія; пѣсня выливалась у него какъ будто второпяхъ, въ коротенькіе пѣсенные мотивы въ двѣ, четыре строчки, гдѣ въ одномъ стихѣ обозначается какой-нибудь образъ изъ окружающей природы, а затѣмъ высказаны мысль или чувство, которыя собственно хотѣли высказать. Это — извѣстный *краковяжъ*, который, по мнѣнію Залѣскаго, и составляетъ единственную поэзію польскаго народа, единственный результатъ его поэтической наклонности. Нѣрѣдко картинка изъ природы не имѣетъ никакой связи съ дальнѣйшимъ содержаніемъ и какъ будто служить только для приемы: это авторъ и приписываетъ торопливости творчества. Обычная черта *краковяжа* есть веселость, которая указываетъ, что внѣ упомянутыхъ тревогъ въ старой Польшѣ жилось, однако, весело ¹⁾; но распушенность высшихъ классовъ отразилась и на *краковяжахъ*, которыхъ эротическое содержаніе не всегда прилично. На Руси (т. е. въ русскомъ населеніи старой Польши) дѣло стояло иначе. Сельскій житель, утѣшеннѣй еще больше, былъ, однако, больше предоставленъ самому себѣ. Мелкая шляхта въ русскихъ краяхъ не была разсыпана такъ, какъ въ Польшѣ; народъ не былъ такъ безпрестанно отрываемъ отъ своего дѣла, отъ исполненія своихъ обычаевъ, которые и сохранялись у русскихъ гораздо крѣпче. Залѣскій придаетъ значеніе тому обстоятельству, что у русскихъ богослуженіе совершалось на народномъ языкѣ.

Можно было бы прибавить скорѣе, что русское духовенство отъ старыхъ и до новыхъ временъ никогда не фанатизировало своей паствы такъ, какъ это дѣлали ксендзы католическіе; какъ духовенство женатое, оно всегда стояло въ болѣе простыхъ отношеніяхъ къ быту; въ эпохи религіозныхъ гоненій, дѣлило съ народомъ одну судьбу, а наконецъ, было близко къ нему и по скудости своего образованія; вслѣдствіе всего этого оно гораздо меньше, чѣмъ католическое, выѣшивалось въ ежедневный бытъ народа, гдѣ такимъ образомъ на ряду съ церковнымъ благочестіемъ могла сохраняться старина, сначала въ прямой формѣ до-христіанскаго суевѣрія, потомъ въ видѣ народно-поэтическаго праздника и развлеченія.

Но тамъ,—продолжаетъ Залѣскій,—гдѣ обстоятельства складывались такъ же, какъ въ самой Польшѣ, онѣ создали и на Руси подобную поэтическую форму. Это — такъ - называемыя *коломыйки*, которыя, такъ же какъ *краковяжи*, состоятъ изъ двухъ, четырехъ стиховъ, также съ поэтическимъ сравненіемъ изъ природы и съ выраженіемъ того или другого чувства; но здѣсь сравненіе обыкновенно

¹⁾ Другіе критики польской пѣсни несогласны съ этимъ замѣчаніемъ, и находятъ, что эта „веселость“ натянутая, напускная или торопливая, за которой должна слѣдовать наступить совсѣмъ невеселая дѣйствительность.

венно гораздо болѣе выдержано, чѣмъ въ польскихъ краковякахъ; веселость сказывается рѣдко, онѣ всегда болѣе скромны и вообще проникнуты какимъ-то печальнымъ, тоскливымъ чувствомъ, нерѣдко выраженнымъ съ глубокой силой ¹⁾).

Переходя къ другому вопросу: почему въ его сборникѣ соединены пѣсни польскія и русскія, Залѣскій соглашается, что было бы лучше представить два особые сборника, но тогда нужно бы было собирать пѣсни по цѣлой Польшѣ и по цѣлой Руси, а этого онъ не считалъ удобнымъ при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ. Не ставя себѣ подобной задачи, онъ хотѣлъ собрать только пѣсни галицкія, и такъ какъ Галиція населена народомъ польскимъ и русскимъ, то онъ собиралъ пѣсни польскія и русскія. Сборникъ тѣхъ или другихъ пѣсень отдѣльно не былъ бы великъ, и соединивъ ихъ, онъ въ своихъ рубрикахъ смѣшалъ ихъ, какъ смѣшано самое населеніе. Авторъ дѣлаетъ при этомъ еще любопытное замѣчаніе. „Рѣзко раздѣлять ихъ не казалось мнѣ нужнымъ, когда и безъ того, поставленныя однѣ рядомъ съ другими, онѣ лучше отличаются въ своихъ характерахъ. Я не думаю, чтобы черезъ это я сдѣлалъ свой сборникъ менѣе пригоднымъ для поляковъ и для русиновъ; думаю, напротивъ, что черезъ это онъ становится для тѣхъ и другихъ гораздо полезнѣе. Каждый русинъ понимаетъ польскія пѣсни и полякъ пойметъ русскія, если только захочетъ и приложить къ этому какое-нибудь стараніе; кромѣ того, историческія русскія пѣсни воспѣвають событія изъ польской исторіи и въ этомъ отношеніи онѣ опять принадлежать къ польскому сборнику.—Съ болѣе широкой точки зрѣнія, это отлученіе русиновъ изъ нашей литературы кажется мнѣ очень вреднымъ для цѣлой славянской литературы, къ которой мы всегда обязаны стремиться. Словаки, слезаки въ Силезіи, мораване пристали къ чехамъ; къ кому же могутъ пристать русины? Неужели же мы должны желать, чтобы русины имѣли свою особую

---

¹⁾ Ср. объ этомъ замѣчаніи Боданскаго, въ его диссертациі (стр. 93—98): „Пѣснями, подобными краковякамъ, нельзя было лѣвиться у южнаго русина, такъ какъ неоставало причинъ и поводовъ къ тому. А то, что нѣкоторые (ссылая на В. Залѣскаго) разумѣютъ надъ ними (коломійки), суть просто на выдержку взятые куплеты изъ другихъ пѣсень, начало коихъ гг. собиратели не знаютъ, и потому выдаютъ эти куплеты за нѣчто цѣлое, въ родѣ краковяковъ. Не споримъ, многіе куплеты изъ пѣсень поются и отдѣльно, принимая ихъ къ какому-нибудь случаю; но все же они части другого цѣлаго и отнюдь не похожи на краковяки. Равнымъ образомъ у русиновъ есть довольно плясовыхъ пѣсень, состоящихъ, по самому уже роду своему и цѣли, изъ небольшого числа куплетовъ; при всемъ томъ грѣшно бы было называть такіа пѣсни — краковяками, приписывать имъ одинакое происхожденіе и значеніе. Беремся всѣмъ, такъ-называемымъ, коломійкамъ, указать, къ какой онѣ относятся пѣснѣ, откуда именно взяты“.

литературу? Что же сталося бы съ нѣмецкой литературой, еслибы отдѣльныя германскія племена усиливались имѣть каждая свою литературу? Кто меня въ этомъ пунктѣ не понимаетъ, тому помочь я не могу, такъ какъ мнѣ неудобно говорить яснѣе“.

Наконецъ, въ послѣдней части предисловія Залѣскій останавливается на объясненіи разныхъ родовъ пѣсенъ и подробностей ихъ содержанія.

Таковы были этнографическія и литературныя идеи польскаго собирателя. Нельзя вообще не замѣтить въ его трудѣ любопытный образчикъ вліянія какъ европейскаго романтизма, такъ и славянскаго возрожденія. Это двоякое вліяніе навело писателя на идеи, не совсѣмъ обычныя въ тогдашней (да и позднѣйшей) польской литературѣ, на критическое отношеніе къ прошлому и настоящему своего народа, на славянскія симпатіи, на интересъ къ простому сельскому люду и его пѣсенному творчеству. Отношенія его къ русскому народу въ Галиціи показываютъ, какъ слабы еще были зачатки возрожденія у самихъ русиновъ, какъ слабо чувство общности съ одноплеменной массой русскаго народа. Съ другой стороны, тотъ взглядъ, что русинамъ именно слѣдуетъ примкнуть къ польской литературѣ и народности, до послѣдняго времени былъ распространенъ у польскихъ писателей и публицистовъ, которые наклонны были считать или настойчиво утверждали, что малорусскій народъ есть вообще только отрасль польскаго и малорусскій языкъ есть польское нарѣчіе. Такое отождествленіе малорусскаго народа съ польскимъ представляетъ, въ другой области, такъ-называемая украинская школа польской поэзіи, которая вдохновлялась малорусской природой, бытовыми, преданіями—какъ бы своими собственными... Источникъ этого представленія весьма понятенъ, и не всегда онъ—только злостный; это—не простое намѣренное отрицаніе малорусской народности, которымъ прикрывается желаніе господствовать надъ малорусскими землей и народностью въ качествѣ польскихъ. Это могло быть, и бывало, также совсѣмъ искреннее представленіе, унаслѣдованное отъ временъ, когда Польшѣ дѣйствительно принадлежало это господство.

Странно встрѣчаться съ такимъ пониманіемъ дѣла теперь, когда всѣмъ достаточно ясно, что ни въ малорусскомъ языкѣ и народности нѣтъ никакого тождества съ польскими, ни въ исторіи нѣтъ единства, а только вѣчное разнорѣчіе и борьба, ни въ литературѣ русины никакъ нельзя „пристать“ къ литературѣ польской,—но пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ Галиціи, эта мысль могла не казаться несообразностью. Русская народность въ Галиціи въ тридцатыхъ годахъ едва дѣлала первые шаги литературнаго возрожденія. Первая книжка, съ которой можно считать новую галицкую литературу,

вышла уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ сборника Залѣскаго; послѣдній, увлекшись мыслью объ изученіи народности своей родины, былъ первымъ собирателемъ, въ рукахъ котораго сосредоточилось большое количество малорусскихъ пѣсенъ, и у себя дома, не видя другихъ изданій, вѣроятно, не ожидая, чтобы сами галицкіе русскіе скоро сдѣлали что-нибудь по этому предмету, и полагая, наконецъ, что они могли бы, за неимѣніемъ своей, пристать къ польской литературѣ,—внесъ русскія пѣсни въ свой сборникъ, написавши ихъ польской азбукой. Любопытно, что эта мысль употребленія польской азбуки нашла-было себѣ сторонника въ одномъ изъ тогдашнихъ русскихъ патріотовъ, но, какъ скажемъ дальше, эта проба не имѣла никакихъ послѣдствій, потому что вскорѣ у самихъ русскихъ галичанъ началось броженіе въ духѣ народности.

Какъ бы то ни было, сборникъ Залѣскаго былъ самымъ замѣчательнымъ трудомъ въ ряду польскихъ этнографическихъ изысканій, которыя, кромѣ собственно польскаго матеріала, разрабатывали и русскій (или малорусскій). Сборникъ Залѣскаго сталъ важнымъ пособіемъ для малорусскихъ этнографовъ, и напр. книга Костомарова 1843, о которой скажемъ далѣе, не обошлась безъ указаній Залѣскаго относительно историческаго значенія народныхъ пѣсенъ.

Много лѣтъ спустя, строгій судья, Бодявскій, говоритъ о книгѣ Залѣскаго: „Собраніе Залѣскаго сильное имѣло вліяніе, какъ на земляковъ его, такъ равномѣрно и русскихъ въ Галиціи и Угріи; онъ самымъ дѣломъ уже показалъ тѣмъ и другимъ, какое неоцѣненное сокровище имѣютъ они въ своемъ народномъ творествѣ, особливо русскіе, превосходя имъ безспорно не только сосѣдей своихъ, но и всѣ вообще славянскія племена. Августинъ Бѣлѣвскій, разбирая этотъ сборникъ въ № 3-мъ „Rozmaitości“ того же года, открыто признаетъ высокое достоинство и очаровательную красоту южно-русскихъ пѣсенъ, и, сравнивая ихъ съ сербскими (особенно свадебными), охотно отдаетъ имъ преимущество не только передъ сими послѣдними, но и передъ пѣснями прочихъ славянъ“¹⁾.

Другой трудъ подобнаго рода въ 1830 годахъ представляетъ сборникъ Жеготы (собственно Игнатія, поляка родомъ) Паули²⁾. Такъ же какъ Залѣскій, онъ собиралъ одинаково пѣсни польскія и русскія, но издалъ въ двухъ отдѣльныхъ сборникахъ; онъ располагалъ

¹⁾ Предисловіе къ „Народнымъ пѣснямъ“, Головацкаго; „Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древн.“ 1868, III, стр. VI).

²⁾ *Pieśni ludu Polskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1838.*—*Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi. Zebrał Żegota Pauli. Lwów, 1839—1840. 2 тома.*—Предисловіе къ польскимъ пѣснямъ помѣчено апрѣлемъ 1838 г., къ русскимъ — мартъ 1836 года.

пѣсни почти въ томъ же порядкѣ, но сопровождалъ ихъ обстоятельными, по своему времени, объясненіями; даетъ описаніе обрядовъ, къ которымъ приурочиваются извѣстные разряды пѣсенъ, и при этомъ пользуется какъ свидѣтельствами старой литературы, такъ и сравненіями съ народной поэзіей другихъ славянскихъ племенъ.

Такимъ же образомъ малорусская народная поэзія, обычаи, преданія и т. д. излагаются въ трудахъ другихъ извѣстныхъ польскихъ этнографовъ того времени, какъ Казиміръ-Владиславъ Войцицкій, очень плодовитый, но недостаточно критическій собиратель ¹⁾; какъ историкъ, статистикъ и этнографъ Лука Голембѣвскій ²⁾, у котораго подъ народомъ польскимъ опять разумѣются также бѣлоруссы и малоруссы ³⁾.

Польскіе этнографы того времени не владѣли еще критическимъ методомъ, котораго не доставало, впрочемъ, русскимъ и инымъ славянскимъ изслѣдователямъ того времени; у этихъ первыхъ начинающихъ этнографіи еще не было заботы о строгой точности при самомъ собираніи матеріала и, вслѣдствіе того, его подлинность, мѣстность и нарѣчіе и т. д., на нынѣшній взглядъ, часто являются не удостовѣренными. Такъ, Жегота Паули обвиняетъ Войцицкаго, что тотъ выписалъ многія польскія пѣсни изъ рукописей Паули и придалъ имъ произвольное обозначеніе мѣстности. Подобное обвиненіе было выставлено потомъ противъ самого Паули. Народныя преданія у старыхъ польскихъ собирателей рѣдко являются въ своей подлинной формѣ и всего чаще въ литературныхъ пересказахъ, болѣе или менѣе прикрашенныхъ, отчего теряютъ самое значеніе этнографическаго матеріала. При всемъ томъ работы польскихъ этнографовъ принесли свою большую пользу для малорусской этнографіи, открывая много новаго матеріала, затрогивая новыя стороны быта (напр., у Голембѣвскаго, Войцицкаго), такъ что малорусскіе изслѣдователи въ этихъ трудахъ имѣли уже или поставленные вопросы, или нѣкоторыя готовыя указанія; въ особенности сборникъ Вацлава Залѣскаго, явившійся одновременно съ началомъ изданія „Запорожской Старины“, до второго сборника Максимовича, до сборника Лукашевича, до га-

¹⁾ *Pieśni ludu Białochrobatów, Mazurów i Rusi z nad Bugu.* Warszawa. 1836, 2 ч.; *Klechdy, starożytne podania i powieści ludu polskiego i Rusi.* Zebrał i spisał K. W. Wójcicki. Warsz. 1837, 2 тома; *Zagrysy Domowe.* Warsz. 1842, 4 тома, и др. Ср. еще въ тридцатыхъ годахъ замѣчаніе Ж. Паули, *Pieśni ludu pol.*, въ концѣ.

²⁾ *Gry i zabawy różnych stanów etc.* Warsz. 1831, и др.

³⁾ О работахъ по польской этнографіи см. въ книжкѣ г. Ивацевича: „Собираніе памятниковъ народнаго творчества у южныхъ и западныхъ славянъ. Библиографическое обозрѣніе“. Сиб. 1838, стр. 122 и слѣд.

лицкихъ изданій, занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи этого вопроса.

Между прочимъ, сборникъ Залѣскаго произвелъ впечатлѣніе въ средѣ галицкихъ русиновъ. Первые признаки національнаго возрожденія въ русской Галиціи относятся къ 1830-мъ годамъ. Отголоски славянскаго движенія достигаютъ тамъ въ среду учащейся молодежи и пробуждаютъ интересъ къ изученію собственной народности и по связи съ ней—русской литературы и этнографіи. Скудость матеріальныхъ средствъ, трудность имѣть русскія книги, подозрительность цензуры и полиціи обставляли дѣло большими препятствіями, но молодые энтузіасты добывали кое-какъ русскія книги, изучали страну, пускались въ археологію, собирали пѣсни и въ результатѣ положили начало новой галицкой литературѣ и этнографіи ¹⁾.

И здѣсь, какъ въ другихъ случаяхъ славянскаго возрожденія и какъ въ нашихъ первыхъ стремленіяхъ въ народности, исторически созрѣвавшее направленіе сказывалось нерѣдко чисто инстинктивно въ людяхъ молодого поколѣнія, которые стремились къ народности, не имѣя яснаго представленія о томъ, куда оно можетъ привести ихъ, и не останавливаясь передъ самой ограниченностью своихъ литературныхъ средствъ ²⁾. Въ галицкомъ молодомъ поколѣніи влеченіе къ народности было такимъ же инстинктивнымъ и вмѣстѣ романтическимъ. Трое изъ тогдашнихъ молодыхъ писателей, Маркіанъ Шашкевичъ, Яковъ Головацкій, Иванъ Вагилевичъ, еще студентами, на школьной скамьѣ, думали о необходимости новой литературы для своего народа, собирали пѣсни, изучали старину, дѣлали собственные литературные и поэтическіе опыты, и къ концу 30-хъ годовъ издали книжку, которая была однимъ изъ первыхъ опытовъ ввести въ книгу языкъ галицко-русскаго народа, была началомъ

¹⁾ См. о галицкомъ возрожденіи въ „Исторіи слав. литературы“, т. I, стр. 410 и дал. Другія подробности см. въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, изд. Н. Попова, М. 1879—1880, стр. 538—666; „Литературный Сборникъ“, издаваемый галицко-русскою матицею, Львовъ, 1885, вып. 1—2 (воспоминанія Я. Головацкаго, автобіографія Іос. Лозинскаго); „Кіевская Старина“, 1885, июль: „Судьба одного галицко-русскаго ученаго“, стр. 458—472, и августъ: „Къ исторіи галицко-русской письменности“, стр. 645—663.—Въ послѣдней статьѣ частію повторены рассказы „Литер. Сборника“; въ первой сообщены особія подробности о Вагилевичѣ.

²⁾ Головацкій въ разныхъ своихъ воспоминаніяхъ не однажды рассказываетъ о томъ, какой рѣдкостью были въ ихъ кругу русскія книги и съ какимъ трудомъ они ихъ добывали. Это подтверждается современной перепиской и свидѣтельствами нашихъ путешественниковъ (см., напр., въ „Очеркѣ путешествій по славянскимъ землямъ“ въ 1840 г., А. Терещенка,—цитата въ „Письмахъ къ Погодину изъ славянскихъ земель“, стр. 562); но съ другой стороны, мы видимъ, что Вацлавъ Залѣскій вѣкъ въ рукахъ русскіе этнографическіе сборники.

новой галицко-русской литературы и вмѣстѣ однимъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи ¹⁾).

Однимъ изъ возбужденій къ этой новой дѣятельности послужили польскія этнографическія книги, и особливо книга Залѣскаго. Народному патріотизму русскихъ галичанъ льстило то, какъ польскій писатель отзывался о богатствѣ и оригинальности русской народной поэзіи сравнительно съ польской, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ задѣвало за живое то мнѣніе этого писателя, что русскимъ галичанамъ не по силамъ, да и ненужно имѣть свою литературу и слѣдуетъ просто пристать къ литературѣ польской; ихъ задѣвало то, что Залѣскій прямо смѣшивалъ русскія пѣсни съ польскими и печаталъ ихъ латинской азбукой польскаго языка, что такимъ образомъ малорусскій языкъ и малорусская народность не считались чѣмъ-нибудь самостоятельнымъ, а просто причислялись къ польской стихіи, какъ ея мелкій отгѣнокъ. Для нѣкоторыхъ это мнѣніе о пригодности польскаго письма для малорусской рѣчи показалось однако довольно убѣдительнымъ и, напр. одинъ изъ молодыхъ патріотовъ, впоследствии заслуженный дѣятель галицкой литературы, Іосифъ Лозинскій, дѣйствительно принялъ польскую азбуку и издалъ книжку: „Ruskoje Wesile, opuzapnoje szereg J. Lozinskoho“ (Перемышль, 1835) — описаніе обрядовъ „веселья“, т.-е. свадьбы, со сборникомъ свадебныхъ пѣсенъ. Лозинскій долго былъ защитникомъ этой азбуки — именно до 1848 года, когда общій отпоръ его системѣ со стороны большинства дѣятелей русской народности въ Галиціи и обстоятельства національной борьбы съ поляками привели его къ другому взгляду на этотъ предметъ ²⁾. Русская азбука для галицкихъ патріотовъ была символомъ самой русской народности, и борьба за нее была первой защитой національнаго дѣла: она олицетворяла собой все племенное различіе, всю историческую разницу, всю настоящую противоположность интересовъ польскихъ и русскихъ. Но даже научиться этой азбукѣ было тогда нелегко: не было образчика русскаго письма — его копировали съ курсива печатныхъ азбукъ и грамматикъ. Когда патріоты начали печатать свои новыя книжки, то многихъ людей стараго вѣка непріятно поражало даже употребленіе гражданской русской печати вмѣсто единственно знакомой церковной. Прибавлялся, наконецъ, вопросъ о самомъ языкѣ — писать ли на ломанномъ церковно-русскомъ языкѣ, привычномъ до сихъ поръ, или на настоящемъ народномъ, томъ языкѣ, который молодые патріоты узна-

¹⁾ Русалка Двѣстровая. У Вудимъ. Письмомъ корол. Всеучилища Пештанскаго. 1837. Мал. 8°. XX, 138 и 2 неум. стр. Эпиграфъ изъ Коллара: „Ne z mutného oka, z ruku pilné naděje kwitne“ — и далѣе изъ Богдана Залѣскаго.

²⁾ См. въ „Литер. сборникѣ“ Дѣдицкаго, 1885, автобіографію Лозинскаго.

вали съ дѣтства въ народной рѣчи и въ пѣсняхъ и который появился уже въ малорусскихъ книжкахъ въ Россіи (потому что это былъ одинъ и тотъ же языкъ съ галицко-русскимъ). Какъ извѣстно, этотъ вопросъ не рѣшенъ въ галицкой литературѣ и до сихъ поръ и галицкіе писатели все еще колеблются между русскимъ книжнымъ языкомъ (которымъ овладѣть хорошенъко не могутъ и который не знакомъ народной массѣ) и народной рѣчью (которая требовала болѣе обширной литературной обработки). Издатели „Днѣстровска Русалки“ не усумнились принять для своего сборника языкъ народный. Книжка состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: народныхъ пѣсенъ, собранныхъ молодыми патріотами съ вводнымъ разсужденіемъ Вагилевича и изъ поэтическихъ опытовъ ихъ и Шашкевича. Молодые писатели въ своемъ патріотическомъ кружкѣ, подобрали себѣ имена въ древнерусскомъ вкусѣ: одинъ назвался Далиборомъ (Вагилевичъ), другой — Русланомъ (Шашкевичъ), третій — Ярославомъ (Головацкій); потомъ явились и еще древніе русины — Мирославъ (Илькевичъ, издатель пословицъ), Велемиръ, Мстиславъ и т. д. Собраніе пѣсенъ въ „Русалкѣ“ невелико, но пѣсни были новы и характерны.

По позднѣйшимъ разсказамъ Головацкаго, у него уже въ то время составилъ обширный сборникъ пѣсенъ, и что именно этотъ сборникъ былъ изданъ Жеготой Паули. Упомянувъ о томъ, какъ въ времена его студенчества во Львовѣ, за трудностью имѣть русскія книги, онъ списалъ въ библіотекѣ всю книжку пѣсенъ Максимовича (въ изданіи 1827 года), онъ прибавляетъ: „Игнатій-Жегота Паули мазуръ, слушавшій выѣстъ со мною лекціи на 1-мъ курсѣ университета, *выманилъ* у меня черновыя тетради этихъ и другихъ народныхъ пѣсенъ и издалъ въ Перемишлѣ (Львовѣ) 1839 г. въ II томѣхъ „*Piesni ruskiego ludu w Galicyi*“; самъ то онъ плохо понималъ по-русски и никогда не сообщался съ русскимъ народомъ“¹⁾.

¹⁾ „Кіев. Старина“, 1885, авг., ст. 647. Тоже, нѣсколько подробнѣе, въ „Литер. Сборникѣ“, вып. 1, стр. 13—14: „Выѣстъ съ нами (т.-е. еще съ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ) коллегинъ посѣщалъ небольшой человѣчекъ (?), нѣкто Игнатій Паули, мазуръ, пріѣхавшій изъ Сандецкой гимназіи въ университетъ. Онъ постарался познакомиться съ нами, изъяснилъ будто бы пламенное желаніе научиться по-русски и по-славянски, удавалъ Славянина (т.-е. выдавалъ себя за славянскаго патріота) и подписывался даже *Желота* Паули. Я не довѣрялъ ему; но Вагилевичъ былъ болѣе откровеннѣе, а Шашкевичъ радъ былъ, что идея Славянства пускаетъ корни и польской почвѣ и что Паули стоитъ за демократическій принципъ, такъ какъ онъ собиралъ пѣсни польскаго люда, и потому онъ считалъ его безвреднымъ (?), находилъ что будто на основаніи демократическаго устройства ляхи намъ неопасны. Паули *выманилъ отъ насъ* не только тетради народныхъ пѣсенъ, но и переписалъ *отъ мене* пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу К. Яблонскому, который ихъ издалъ — и пр., — хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсенъ, а переписалъ таковыя. — Паули *ввелъ насъ* въ польскіе кружки и познакомилъ съ Бѣлевскимъ, Сѣминскимъ, Войцѣхскимъ, Туровскимъ“, и проч.

Не знаемъ, какъ было это дѣло пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, но въ тогдашнемъ интересѣ Паули къ славянству, кажется, не было основанія сомнѣваться. Ранѣе сдѣланное изданіе польскихъ пѣсенъ свидѣтельствовало, что этнографія занимала его и независимо отъ пѣсенъ Головацкаго; онъ обставлялъ пѣсни объясненіемъ народныхъ обычаевъ, и не только „удавалъ славянина“, но зналъ тогдашнюю славянскую литературу, занимавшуюся истолкованіемъ народной старины, и самъ, какъ умѣлъ, работалъ въ ея духъ и пріемахъ. Если онъ никогда не „сообщался“ съ русскимъ народомъ, то чѣмъ объясняется, что онъ составилъ однако словарикъ, приложенный имъ къ изданію русскихъ пѣсенъ? ¹⁾

Болѣе точное, хотя опять неблагопріятное для Жеготы Паули, указаніе на источники его пѣсеннаго собранія сдѣлано было позднѣе Бодянскимъ въ его предисловіи къ „Народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси“ Головацкаго ²⁾. Изъ указаній Бодянского видно, что Паули пользовался не одними только тѣми пѣснями, которыя „выманилъ“ у Головацкаго, но и разными печатными источниками. Но дѣло все-таки остается не вполне яснымъ: во-первыхъ,

¹⁾ Настоящая глава, при первомъ появленіи въ печати, и другіе отзывы мои о галицко-русской литературѣ и этнографіи вызвали злобное нападеніе, нинѣ покойнаго, ветерана галицкой литературы изъ лагеря „твердыхъ“, Я. О. Головацкаго, въ „Р. Вѣстникъ“ и потомъ въ отдѣльной книжкѣ: „Замѣтки и дополненія къ статьямъ г. П.—ва, напечатаннымъ въ Вѣстн. Европы за 1885 и 1886 годы“ (Вильна, 1888). Въ этой книжкѣ есть не лишеныя интереса воспоминанія о прошломъ галицкой литературы, но полемика наполнена мало приличнымъ вздоромъ, который разбирать не стоить; укажу отвѣтъ мой на первую изъ статей Головацкаго (въ Р. Вѣстникѣ, 1886, ноябрь), помѣщенный въ „В. Евр.“ 1887, январь, стр. 440—444; на продолженіе я уже не считалъ нужнымъ отвѣчать.

Въ книжкѣ вылилась давно собиравшаяся желчь противъ всего польскаго. Для Головацкаго, какъ извѣстно, съ 1867 г. перешедшаго въ русское подданство и службу, спокойное, безпристрастное отношеніе къ польскому было немислимо, и достаточно было ему увидѣть такое отношеніе въ моихъ статьяхъ, чтобы причислить меня въ польскую партію. Если я не браню поляковъ—я „стою за нихъ горой“; если нѣкоторые факты старыхъ русско-польскихъ отношеній въ Галиціи возбуждали во мнѣ недоумѣніе (я между прочимъ указывалъ, что въ 1830-хъ годахъ галицко-руссіе писатели и въ томъ числѣ самъ Головацкій не были съ поляками въ такой враждѣ, какъ выслѣдствіи), я совершалъ „клеветы и инсинуаціи“, что не мѣшало врагу клеветы и инсинуаціи обвинять меня въ томъ, чего я вовсе и не говорилъ (примѣры приведены въ „Вѣстникѣ Евр.“ 1887, январь). Сличивъ указаніе у меня литературные факты съ опроверженіями Головацкаго, читатель увидитъ, что послѣдніе (между прочимъ, со ссылками на „неизвѣстныя“ мнѣ письма) хотя злобны, но далеко недостаточны; неточности Головацкаго замѣтилъ и г. Дашкевичъ (въ XXIX отчетѣ о прис. Умр. награды, стр. 168).

²⁾ Чтенія Моск. Общ. исторіи и древностей, 1868, т. III, стр. VII—VIII. Этого предисловія не находимъ въ отдѣльномъ изданіи собранія Головацкаго. М. 1878, —ли оно было только въ „Чтеніяхъ“?

сравнивая сборникъ Паули съ „Днѣстровой Русалкой“ (гдѣ находится нѣсколько тождественныхъ пѣсенъ), встрѣчаемъ не однажды разнорѣчія ¹⁾; во-вторыхъ, какимъ образомъ, издавая впоследствии свое цѣлое собраніе въ московскихъ „Чтеніяхъ“, Головацкій въ числѣ разныхъ своихъ источниковъ цитируетъ этого самаго Паули? Наконецъ, если Паули совершилъ плагиатъ, отчего Головацкій предоставилъ Бодянскому заявить о немъ лѣтъ черезъ двадцать-пять, а самъ сказалъ о немъ только лѣтъ черезъ пятьдесятъ?

Относительно того, что Паули „удавалъ славянина“, припоминается указаніе самого Головацкаго, что Паули свелъ его и его друзей съ кружкомъ Бѣлевскаго, Луціана Сѣменскаго, Войцицкаго и Туровскаго. Но это былъ именно кружокъ польскихъ писателей, заинтересованныхъ славянскимъ движеніемъ и работавшихъ для польско-малорусской этнографіи. Выше мы упоминали восторженные отзывы Бѣлевскаго (авторитетнаго польскаго историка и археографа) о малорусскихъ пѣсняхъ; Сѣменскій принадлежалъ къ числу немногихъ польскихъ литературныхъ панславистовъ ²⁾; о Войцицкомъ говорено выше; Казиміръ Туровскій издалъ во Львовѣ въ 1835 году: „Uwagi nad niektórymi piosniami poetów ludu“, гдѣ для примѣра приводитъ и русскія пѣсни... Итакъ, былъ цѣлый польскій кружокъ, заинтересованный малорусской народной поэзіей. Тогда думали (какъ В. Залѣскій), что русскія пѣсни могутъ быть изданы и въ польской книгѣ, притомъ это сдѣлано было скорѣе, чѣмъ русскіе любители успѣли сдѣлать свое изданіе (дѣйствительно, печатаніе „Днѣстровой Русалки“ стоило издателямъ большихъ хлопотъ).— Почему иначе было не заявить тогда же о плагиатѣ?

О большомъ новѣйшемъ сборникѣ Головацкаго скажемъ далѣе.

¹⁾ Вотъ напр. варианты въ колыдѣхъ у Жеготы Паули, I, стр. 3—5, и въ „Русалкѣ Днѣстровой“, стр. 36—37:

...Odnemu bude
Zołotyj persteń —
Zołotyj persteń
Z biloho palci

Одному буде золотій перстень,

Druhому bude
(hustka szoukowa —
Chustka szoukowa
Z biłej szęji, и пр.

Другому буде хустка від боку и пр.

Есть варианты и въ записи пѣсни о взытіи Варны: Паули, I, стр. 135 — 136; „Русалка“, стр. 118—119. При нѣкоторыхъ ошибкахъ, варианты Паули представляются иногда болѣе точными.

Въ сборникѣ Паули вошли не всѣ пѣсни, находящіяся въ „Русалкѣ“.

²⁾ Позднѣе онъ издалъ, напр: „Podania i Legendy polskie, ruskie, litewskie“. Познань, 1846.

ГЛАВА V.

П. А. Лукашевичъ.—А. Л. Метлинскій.

Въ 1836, вышелъ въ Петербургѣ новый сборникъ малорусскихъ пѣсенъ подѣ названіемъ: „Малороссійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни“, безъ имени собирателя, которымъ былъ Платонъ Лукашевичъ. Эта небольшая книжка составляла потомъ необходимое пособіе малорусскихъ этнографовъ; ея думы и пѣсни цитировались до настоящаго времени, какъ напр., въ послѣднихъ работахъ Костомарова. Впослѣдствіи собиратель не возвращался къ этому предмету, а въ сороковыхъ годахъ приобрѣлъ особаго рода извѣстность какъ авторъ книги, носившей такое заглавіе: „Чаромутіе или священный языкъ маговъ, волхвовъ и жрецовъ“ (Спб. 1846), за которою послѣдовала другая: „Примѣры всесвѣтнаго славянскаго чаромутія, астрономическихъ выкладокъ, съ присоединеніемъ объясненія обратнаго чтенія названій буквъ алфавитовъ греческаго и коптскаго“ (М. 1855), и затѣмъ еще цѣлый рядъ подобныхъ книжекъ, идущій до послѣднихъ годовъ, съ такими же странными заглавіями и не менѣе страннымъ содержаніемъ, гдѣ авторъ съ большой самоувѣренностью дѣлалъ самыя фантастическія открытія въ таинственной древности, до него никому неприходившія въ голову. „Чаромутіе“ надолго сдѣлалось басней въ литературѣ, между тѣмъ, какъ сборникъ пѣсенъ, гдѣ собиратель не поставилъ своего имени, оставался, какъ мы сказали, одной изъ наиболѣе замѣтныхъ книгъ по малорусской этнографіи.

Платонъ Акимовичъ Лукашевичъ умеръ въ концѣ 1887 года, въ глубокой старости въ м. Березани, переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Въ некрологѣ въ первый разъ сообщены были о немъ немногія біографическія свѣдѣнія ¹⁾. Лукашевичъ учился въ нѣжин-

---

¹⁾ Киевская Старина, 1887, кн. 1, стр. 245—246. Кромѣ этого намъ разъ только, еще при жизни Лукашевича, встрѣтилось о немъ нелѣпое извѣстіе, изображавшее его какъ непріязнаннаго русскаго Меццофанти: онъ якобы зналъ 220 языковъ и на-

ской гимназіи высшихъ наукъ, гдѣ былъ товарищемъ Гоголя, и окончивалъ образованіе въ Ришельевскомъ лицѣ въ Одессѣ. Въ молодости онъ сдѣлалъ поѣздку за границу, гдѣ, въ Прагѣ, познакомился съ Гавкой и Колларомъ. Всю остальную жизнь онъ провелъ въ Березани, гдѣ владѣлъ довольно значительнымъ помѣстьемъ.

Сборникъ пѣсень, изданный Лукашевичемъ, остался его единственнымъ трудомъ въ этой области.

Книжка начинается небольшимъ предисловіемъ, которое можетъ странно поразить рядомъ съ другими тогдашними отзывами о малорусской народной поэзіи: въ то время какъ другіе собиратели и критики превозносили богатство и тонкое изящество этой поэзіи, Лукашевичъ давалъ совсѣмъ иную картину ея состоянія въ данную минуту, говорилъ объ ея упадкѣ, предсказывалъ ея близкую гибель, и свой собственный сборникъ представлялъ какъ немногое, что можно еще спасти отъ ея крушенія.

„Мы имѣемъ уже два собранія Украинскихъ пѣсень, гг. Срезневскаго и Максимовича, — говорилъ Лукашевичъ. — Я спасъ еще нѣсколько народныхъ пѣсней, и представляю ихъ въ этомъ собраніи. Вѣроятно, это, можетъ быть, послѣднее ихъ изданіе, заимствованное прямо изъ Малороссіи, — тамъ народныя пѣсни давнымъ давно уже не существуютъ; всѣ онѣ исключительно заимствованныя солдатскими, или великороссійскими пѣснями. Малороссійскій парубокъ за стыдъ себя почитаетъ пѣть другія. Пословица справедливо говоритъ: что все хорошо на своемъ мѣстѣ; если русскія пѣсни такъ прекрасны въ устахъ лихова солдата или ямщика, то ничего не могутъ быть онѣ ужаснѣе при пѣніи ихъ малороссійяниномъ, съ его густымъ басомъ и медленнымъ выговоромъ словъ. Пройдитесь по малороссійскому селенію, въ тихую ночь, когда молодежь собирается на улицу или вечерницу — страхъ невольно пробѣжитъ по вашимъ нервамъ: представьте себѣ мужика, который одну ноту тянетъ съ дребезжащимъ крикомъ до безконечности, заглушающій хоръ подоспѣваетъ въ помощь этому запѣвалу — и вы въ опасности потерять органъ слуха... невольно закрывъ уши, вы уйдете какъ можно далѣе; но въ отдаленности голосъ пѣвцовъ становится еще непріятнѣе, это совершенный вой волковъ. Примѣчательно, что и женскій полъ въ Малороссіи разлюбилъ свои прелестныя, томныя пѣсни, гдѣ воспѣвались любовь и разлука съ милымъ козаченькомъ, и гдѣ съ такимъ пензьяснымъ чувствомъ и простотою красавица выражала:

Только мнѣ легче станеть,
Якъ крошку заплачу! — или:
Ой не видно того села — только видно хрестя,
Туда мнѣ либо, мило оченьми съести!

„Нѣтъ, теперь ужъ этого пѣнія не услышите на вечеринкахъ, и между ними есть запѣвалы и пискливый хоръ и какой! не скажу о немъ ни слова. Не зная великороссійскихъ женскихъ пѣсней, дѣвушки Малороссійскія поютъ однѣ и тѣ же пѣсни, какія и ихъ парубки, т.-е. солдатскія и ямщицкія. Не-

---

рѣчій, когда знаменитому кардиналу было извѣстно только 70. (См. „Новоросс. Телеграфъ“, отлуда перепечатка въ „Саратовскомъ Дневникѣ“, 1885, № 228, 25 окт.).

рѣдко мужчины и женщины поють вмѣстѣ эту пѣснь, или, лучше сказать, горланятъ, составляя самый забавный въ мірѣ концертъ... Проѣзжайте всю Малороссію вдоль и въ поперекъ, и я ручаюсь вамъ, что вы не услышите ни одной національной пѣсни. Изъ десяти парубковъ, едва ли сыщется одинъ, который можетъ вамъ пропѣть „мужицкую пѣсню“ и то какую-нибудь женскую. И горе ему, если услышатъ это его товарищи, онъ будетъ осмѣянъ какъ „мужикъ“. Эти мужицкія пѣсни вы можете услышать только гдѣ-нибудь въ уединеніи—въ полѣ, въ лѣсѣ, и то въ искаженномъ видѣ. Новѣйшая, Малороссійская, народная муза ничего еще не произвела, кромѣ двухъ или трехъ пѣсень о рекрутскихъ наборахъ, которыхъ содержаніе взято также изъ солдатскихъ и нѣмютъ великороссійскіе голоса; тоже должно сказать и обо всѣхъ укрѣпленіяхъ Малороссійскихъ пѣсняхъ: всѣ онѣ поются на ладъ „парня и дѣвки“; чрезъ двадцать лѣтъ, мы будемъ отыскивать настоящіе ихъ голоса въ Галиціи или въ Венгріи у Карпато-Руссовъ ¹⁾. Однѣ только свадебныя и другія обрядныя пѣсни уцѣлѣли.

Итакъ, эти пѣсни, которыя я надаю, есть уже мертвыя для Малороссіянъ. Это только малѣйшіе остатки той чудной пѣсенности ихъ дѣдовъ, которая была удивленіемъ и самихъ хулителей всего Украинскаго; не стану разсуждать объ ихъ достоинствѣ и голосахъ,—скажу только, что я почитаю себя исполнившимъ долгъ свой предъ своею родиною, исторгнувъ изъ забвенія эту Южно-Русскую народную поэзію у старцевъ, занесшихъ одну ногу въ гробъ. Я посвящаю ее моимъ предкамъ Гетьманцаиъ, она имъ принадлежитъ; быть можетъ, хотя одинъ листочекъ изъ сего собранія упадетъ на завалившуюся могилу, или долетитъ на высокій курганъ козацкій“.

Странно читать эти отзывы собирателя малорусскихъ пѣсень, которыя едва только въ эти самые годы стали появляться на свѣтъ въ немногихъ еще собраніяхъ, возбуждали восторгъ не только своимъ, но и чужеземнымъ любителямъ и критиковъ своимъ изяществомъ и такимъ богатствомъ, какого не могла представить никакая иная славянская народность. Не можетъ не показаться, что авторъ преувеличивалъ, говоря о совершившейся гибели малорусской народной пѣсни; онъ только не умѣлъ найти ее,—какъ въ послѣдствіи нашли ее другіе собиратели: Костомаровъ, Кулишъ, Метлинскій, Головацкій Чубинскій и пр. При всемъ томъ была, однако, большая правда въ жалобахъ Лукашевича: для малорусской пѣсни дѣйствительно уже въ то время наступалъ періодъ паденія, который шелъ потомъ чѣмъ дальше тѣмъ быстрѣе. Паденіе должно было начаться, очевидно, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда кончался старый малорусскій бытъ, создавшій эту поэзію, когда началось вѣтшателство въ украинскую жизнь новаго политическаго элемента въ видѣ русскаго военнаго и гражданскаго управленія, русской школы, языка и обычаевъ. Правда,

¹⁾ Замѣтимъ еще, что встарину въ Малороссіи каждый поселянинъ былъ музыкантъ, въ каждой избѣ можно было найти скрипку, гусли или бандуру; теперь едва ли въ большомъ селеніи сыщется одинъ скрипачъ—новѣйшее пѣніе не нуждается въ музыкѣ. (Прим. Лукаш.).

малорусская деревня еще долго сохраняла свой старый складъ, державшійся не только въ крестьянствѣ, но и въ среднемъ и мелкомъ панскомъ быту; малорусская деревня, изображенная Гоголемъ или описанная Далемъ, очевидно хранила еще много своей патріархальной старины, но Лукашевичъ былъ правъ, что новѣйшая малороссійская народная муза не могла уже создать ничего, что бы могло равняться съ ея давними твореніями, и хранить старое становилось все труднѣе—исчезла старая основа народнаго творчества, какъ впрочемъ она исчезаетъ и вездѣ въ разной степени. Уже тогда, въ тридцатыхъ годахъ, пѣсни приходилось отыскивать, эпическія думы быстро исчезали, и многочисленныя поддѣлки, появившіяся въ это время, были очевиднымъ признакомъ, что подлинный эпическій матеріалъ становился рѣдокъ; преданія, не записанныя во-время, погибали уже навсегда, и Лукашевичъ понялъ это совершенно вѣрно. Въ сборникахъ, составлявшихся позднѣе, и съ усерднымъ желаніемъ собрать все, что возможно, мы уже встрѣчаемъ не разъ только обломки—пезаконченныя пѣсни, или пѣсни спутанныя, спитыя изъ разныхъ клочковъ, невразумительные варианты, иной разъ какіе-нибудь два стиха, оставшіеся обрывкомъ забытой пѣсни ¹⁾).

Собраніе Лукашевича состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ (стр. 9—100) помѣщены пѣсни изъ русской Малороссіи; во второмъ (стр. 109—170) пѣсни червоно-русскія, которыя Лукашевичъ взялъ изъ собранія—какъ онъ называетъ—„г. Вацлава“, т.-е. Вацлава изъ Олеска, или Залѣскаго. Въ собственномъ небольшомъ сборникѣ Лукашевича помѣщено нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ думъ, какъ напр. о Байдѣ-Вишневецкомъ, замѣчательная дума о Самойлѣ Кишкѣ, о которой онъ говоритъ, что „сія дума по количеству стиховъ своихъ (355 стих.), подробностямъ и истинно гомерическимъ описаніямъ превосходитъ въ своемъ родѣ всѣ, до-нынѣ намъ извѣстныя въ южной Россіи, думы“; новый и болѣе полный текстъ думы объ Ивасѣ Коновченкѣ (328 стиховъ); думы извѣстныя и неизвѣстныя о Морозенкѣ, Сезиѣ, Перебийносѣ, Нечаѣ, Швачкѣ, Голотѣ, Левенцѣ, Грицѣ, Калнашѣ и пр.; нѣсколько пѣсенъ бытовыхъ и обрядныхъ (петровки, коляды, щедровки, купальскія, свадебныя).

Къ сожалѣнію, Лукашевичъ, по обычаю всѣхъ тогдашнихъ собирателей, не указываетъ съ точностью, откуда бралъ онъ свои тексты. Относительно думы о Самойлѣ Кишкѣ онъ замѣчаетъ, что она списана въ полтавской губерніи, „точь-въ-точь со словъ бандуриста-слѣпца“. Относительно думы объ Ивасѣ Коновченкѣ онъ говоритъ,

¹⁾ См. напр. у Метлинскаго, стр. 374, 407. У Лукашевича—только начало думи про Тетерю, стр. 35, и мн. др.

что „нынѣшній ея списокъ есть одного бандуриста, который воспѣлъ и Самойла Кишку“¹⁾). Неясно также происхожденіе обширнаго текста знаменитой думы „о побѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова“ (стр. 59), котораго издатель не имѣлъ тогда подъ руками и который собирался издать впоследствии.

Въ предисловіи ко второму отдѣлу, Лукашевичъ даетъ понятіе о русскомъ населеніи въ Галиціи, которую, повидимому, зналъ по собственнымъ наблюденіямъ, и къ которой относится съ величайшимъ сочувствіемъ. Здѣсь онъ находитъ и другое состояніе малорусской народной поэзіи.

„Червонорусцы,—говоритъ онъ,—не взирая на безконечное (?) свое иношешенное подданство, которое переносятъ съ терпѣніемъ,—сохраняють, по сю пору, привязанность къ своему происхожденію и имени, а слѣдовательно, и къ Россіи; Украина, Малороссія есть для ихъ сердца обѣтованная земля, куда стремятся всѣ ихъ помыслы и думы. Съ какою заботливостію Галичаннѣ разспрашиваетъ забѣзжаго пѣзъ Россіи гостя о судьбѣ своихъ братьевъ Украинцевъ; онъ съ радостию раздѣляетъ съ нимъ свою убогую трапезу, чтобы узнать что новаго, объ Украинскихъ Козакахъ! Кто бы повѣрилъ, что Галицкій пастухъ знаетъ гораздо болѣе думъ о герояхъ Украины и ея исторію, нежели посѣдѣлый Малороссійскій Козакъ. Онъ гордится подвигами Малороссіянъ, какъ своими собственными. Онъ радуется ихъ счастью и успѣхамъ и тужить въ прекрасныхъ своихъ пѣсняхъ „о пригодѣ Козацкой“. Прочитайте со вниманіемъ Галицкія пѣсни, въ нихъ—если молодой Червонорусецъ хочетъ понравиться своимъ красавицамъ, то говоритъ, что онъ Козакъ изъ Украины, и Козакъ „съ роду“; въ одной пѣснѣ мать описываетъ своей дочери богатства Украины и ея Козаковъ—враговъ Поляковъ, журить ее, чтобы она не любила „лахотъ“, а Козаковъ; въ другой дѣвушка умираетъ за любезнымъ ея „Козаченькомъ“; въ третьей жена грозитъ своему мужу, что она оставитъ его и пойдетъ „на Украину съ дѣтми на свободу“; въ четвертой описываются похороны Козака и пр. и пр. Но важнѣйшія изъ пѣсней Червонорусцовъ,— это есть, безъ сомнѣнія, Малороссійскія думы“...

Содержаніе этихъ думъ есть исторія борьбы южной Руси противъ ея угнетателей: Галиція была явно на сторонѣ Хмельницкаго и ждала только своего избавленія, но оно не пришло...

„Должно замѣтить, что сія война Южной Россіи не имѣла ничего общаго съ обыкновенными нынѣшними войнами; нѣтъ, она должна была рѣшить великій вопросъ; или Южная Россія должна была совершенно освободиться бы отъ ига Поляковъ, подобно какъ сѣверная ея сестра отъ ига Татарскаго; или

¹⁾ Авторъ некролога замѣчаетъ: „Это самая обширная изъ всѣхъ извѣстныхъ украинскихъ думъ и одна изъ самыхъ прекрасныхъ. Въ сборникѣ не отмѣчено, гдѣ и отъ кого она записана. На запросъ по этому предмету, покойный Лукашевичъ сообщилъ намъ, что записалъ эту думу въ 1832 году отъ бандуриста Стрички, уроженца села Березовки, прилуцкаго уѣзда Полтавской губерніи. Этого бандуриста онъ встрѣтилъ случайно, на постояломъ дворѣ, ѣхавъ въ Ромны на ярмарку. Отецъ Стрички былъ также бандуристъ. Черезъ два года, справясь о Стричкѣ, Лукашевичъ узналъ, что онъ умеръ. Во время записыванья Стрички было около 30 лѣтъ“.

же *навсегда* остаться подъ вліяніемъ и владѣніемъ Польскаго шляхетства, какъ его исключительная собственность. Если бы такъ рано не умеръ Хмельницкій, и далъ по себѣ Руси достойнаго преемника,—тогда бы, отъ Сейма до Вислы и горъ Карпатскихъ не осталось бы ни одного Поляка, они всѣ были бы изгнаны въ Польшу, точно такъ, какъ судьба ихъ постигла въ Малороссіи, вмѣстѣ съ Унією и Жидами... и Южная Россія воскресла бы, послѣ четырехъ-вѣковаго уничиженія—во всемъ своемъ величіи. Но предопредѣленіе судебъ недовѣдомо,—все рушилось послѣ Хмельницкаго“...

Изъ этихъ строкъ видно, какимъ малорусскимъ патріотизмомъ былъ одушевленъ авторъ. Западная Малороссія, по словамъ автора, была истинная русская земля, и преданія о ней продолжаютъ жить въ народѣ русской Галиціи.

„Послѣ этого небольшого вступленія, читатели, вѣроятно, не удивятся, найдя почти во всѣхъ Галицкихъ думахъ и „Парубочихъ пѣсняхъ“, всегдашнее обращеніе къ милой для нихъ Украинѣ и Украинскимъ Козакамъ; и какъ не уважать до восторга Малороссіянъ, когда они осмѣлились вооружиться противъ Поляковъ—сихъ вѣчныхъ угнетателей и арендатарей Галичанъ? Вотъ почему, Червонорусцы усвоили себѣ думы Малороссіянъ, между тѣмъ, какъ послѣдніе, счастливые ихъ собратія, давно ихъ позабыли. Голоса древнихъ думъ Малороссіи провицаютъ душу какимъ-то неизъяснимо тоннымъ впечатлѣніемъ, онѣ соединяютъ въ себѣ и тоску по родинѣ, и неукротимую месть Славянина, когда его несчастія прешли мѣру человѣческаго терпѣнія. Сін шестистопный и даже восьмистопный пѣсни, исходятъ изъ широкой груди Русина такъ гибко, такъ мелодически, какъ будто самые нѣжные романсы Жуковского или Пушкина; въ нихъ различаемъ и тихій плачъ матери, и сестры, о своемъ сынѣ, и братѣ, и раскаты грома изъ пушекъ и самопаловъ, и вопль сражающихся, гдѣ „Ляцкая кровь“ течетъ рѣками; къ сожалѣнію, ни одна изъ нашихъ думъ не переложена на ноты; Галичане, и понинѣ, не забываютъ голосовъ этихъ волшебныхъ эпопей, и понинѣ, они приводятъ въ сотрясеніе ихъ души! Справедливо Малороссійскіе бандуристы говорятъ, что слава не умретъ и не поляжетъ“...

Галицкое литературное возрожденіе, обратившееся и къ изученію народности, Лукашевичъ обозначаетъ такимъ образомъ: „Я думаю,—говоритъ онъ,—пріятно будетъ узнать моимъ читателямъ, что въ Лембергѣ (во Львовѣ) и въ Перемышлѣ, нѣсколько добрыхъ уніатскихъ патеровъ, которые еще не стыдятся носить имя русское, задумали воскресить въ Галиціи народное слово, и въ послѣднее время, благодаря покровительству австрійскаго правительства (?), показалось нѣсколько сочиненій на малороссійскомъ нарѣчій“. Онъ сожалѣетъ только, что въ основаніе взяты при этомъ польскій языкъ и перемышльское нарѣчье, всего болѣе пострадавшее отъ полонизмовъ, и выражаетъ желаніе, чтобы галицкіе писатели спустились лучше къ „простой рѣчи“ восточнаго червоно-русскаго языка, въ которомъ „еще сохраняется чистота кіево-русскаго нарѣчія“. Онъ предполагалъ, что есть причины, которыя мѣшаютъ „патерамъ“ изъясняться съ при-

хозянами „природнымъ и прекраснымъ языкомъ своихъ праотцевъ“, — и думаетъ, что причина въ томъ, что червоно-руссy должны покоряться направленію, какое даютъ имъ ихъ повелители.

Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что во Львовѣ вышло новое собраніе червоно-русскихъ пѣсней, въ которомъ много малороссійскихъ думъ, но что онъ не могъ его достать. — Не совсѣмъ понятно, какой сборникъ могъ разумѣть здѣсь Лукашевичъ: послѣ сборника Залѣскаго вышла только книжка Лозинскаго (Ruskoje Wesile), но тамъ помѣщены только пѣсни свадебныя; затѣмъ онъ могъ слышать о готовящейся „Днѣстровой Русалкѣ“, которая вышла уже въ 1837, или о сборникѣ Жеготы Паули, который вышелъ въ 1839—40, но помѣченъ въ предисловіи 1836-мъ годомъ. .

Приводимъ, наконецъ, свѣдѣнія некролога о послѣднихъ годахъ жизни Лукашевича.

„Остальную свою жизнь Лукашевичъ посвятилъ quasi-филологическимъ трудамъ, на изданіе которыхъ потратилъ большія средства, но которыя стали притчею во языцѣхъ. Амбары его деревенской усадьбы и полки кievскихъ книжныхъ магазиновъ завалены были этими книгами, которыхъ не бралъ никто, а если бралъ, то выбрасывалъ съ негодованьемъ. „Греческій Корнесловъ“, „Объясненіе ассирійскихъ именъ“, „Латинскій Корнесловъ“ и другія ужасныя произведенія Лукашевича того же сорта не имѣли ничего общаго не только съ здравой филологіей, но и съ здравымъ смысломъ. Послѣднимъ трудомъ его въ этомъ родѣ была двухъ-томная „Микроскопическая Астрономія“, выходъ въ свѣтъ которой можно допустить только вспоминая, что терпится и не преслѣдуется всякое тихое безуміе. Жившій едва вѣроятнымъ оригиналомъ, Лукашевичъ окружалъ себя таинственностью и позволялъ предполагать, что у него собрано много историческихъ документовъ и этнографическихъ записей. Въ послѣдніе годы его жизни были сдѣланы попытки извлечь у него эти матеріалы изъ-подъ спуда. Результатомъ этихъ очень тяжелыхъ усилий было полученіе отъ Лукашевича двухъ тетрадей старинныхъ малороссійскихъ лѣтописныхъ замѣтокъ и маленькаго, но очень цѣннаго отрывка автобіографическихъ записокъ священника Турчиновскаго (писанныхъ въ половинѣ XVIII в.), помѣщеннаго въ „Кievской Старинѣ“. Этнографическія записки заключаются въ толстой книгѣ, куда Лукашевичъ вносилъ на бѣло то, что записалъ послѣ изданія своего сборника. Сравнительно съ продолжительностью времени собрано имъ не такъ много, хотя добросовѣстно, безъ произвольныхъ поправокъ, и съ точнымъ воспроизведеніемъ всего слышаннаго. Но во внутренней своей цѣнѣ этотъ сборникъ, оставшійся въ рукописи,

никакъ не можетъ идти въ сравненіе съ печатнымъ сборникомъ 1836 года.

„Какъ человекъ, покойный Лукашевичъ представлялъ явленіе исключительное и даже мало вѣроятное. Мы не имѣли намѣренія касаться странностей его жизни, объясняемыхъ несомнѣннымъ ненормальнымъ психическимъ состояніемъ, въ которомъ онъ находился. Право на признательную память даетъ ему подвигъ его молодости, спасшій отъ забвенія нѣсколько сокровищъ народнаго творчества. въ ту пору, когда самъ онъ былъ юнъ и умъ его еще не былъ омыренъ тяжелымъ и неизлѣчимымъ недугомъ“.

Къ романтикамъ тридцатыхъ годовъ относится еще одинъ собиратель, сборникъ котораго пользуется также хорошей репутаціей. Это былъ А. Л. Метлинскій (1814—1869), бывшій профессоромъ харьковскаго и кievскаго университетовъ и писавшій по-малорусски подъ псевдонимомъ Амвросія Могила, — псевдонимомъ, который объясняется отождествленіемъ Украины съ могилами, гдѣ похоронена ея прошедшая слава.

Не будемъ останавливаться на біографіи Метлинскаго и на разборѣ его сочиненій ¹⁾. Онъ не составилъ себѣ имени какъ ученый: малорусскія стихотворенія его цѣнились его современниками и соотечественниками, хотя также не представляютъ особыхъ поэтическихъ достоинствъ, — но въ исторіи изученія малорусской народности за нимъ остается заслуга ревностнаго этнографа, съ великой любовью относившагося къ своей родинѣ, преданіямъ ея и народу. Съ дѣтства окруженный впечатлѣніями малорусской жизни, Метлинскій и въ харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ учился въ тридцатыхъ годахъ, встрѣтилъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ мы говорили, и навсегда остался подъ его вліяніемъ. Скудная ученая школа, какую представлялъ харьковскій университетъ того времени, не помогла Метлинскому научно выяснить свои взгляды, но въ немъ крѣпко утвердилась привязанность къ малорусской народности. Наука удовлетворила его тѣмъ вниманіемъ, какое стала посвящать народности, проявленіямъ ея въ бытѣ, исторіи, преданіяхъ, вниманіемъ къ народному языку и его областнымъ вѣтвямъ и отгѣнкамъ: здѣсь

¹⁾ Для этого см. статью г. Дашкевича въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ унив. св. Владиміра, Кіевъ, 1884, стр. 403—423.

— Петрова, „Очеркъ исторіи украинской литературы XIX столѣтія“, Кіевъ, 1884, и дополненія къ ней у Дашкевича (XXIX Отчетъ объ увар. наградахъ, Слб. 1889), стр. 128—130.

— Комарова, „Показчикъ нової української літератури“, К. 1883, стр. 38.

— Де-Пуле, „Харьк. университетъ“, Вѣстн. Евр. 1884, январь, стр. 101—104.

— Костомаровъ, въ автобіографіи, „Литерат. Наслѣдіе“, Слб. 1890.

нашла опору его любовь къ своей родинѣ и ея поэзіи. Онъ не могъ дѣйствовать ни въ литературѣ, ни въ аудиторіи своими научными средствами, которыя были очень невелики, но современники говорятъ о его добромъ вліяніи на слушателей, которымъ онъ внушалъ любовь къ литературѣ и къ народнымъ изученіямъ. „Метлинскій,—разсказываетъ Де-Пуле,—былъ образцомъ труда, простоты, честности, добродушія, по-истинѣ рѣдкаго. Жилъ онъ бобылемъ, одинъ съ братомъ студентомъ и слугою, какимъ-то Грицко или Остапомъ. Жилъ онъ философъ, т.-е. бѣднякомъ, употребляя бѣольшую часть своихъ средствъ на вспомошествованіе своимъ роднымъ, матери, братьямъ и сестрамъ, проживавшимъ на какомъ-то хуторѣ черниговской губерніи. Дверь его квартиры была всегда открыта для студентовъ,—да, впрочемъ, она едва ли и вообще запиралась: Метлинскій, съ портфелемъ книгъ и тетрадей бѣгущій на лекцію, былъ вправѣ сказать: *omnia pesum porto*. Близость его къ студентамъ, смѣло можно сказать, была идеальная, товарищеская... Метлинскій записывалъ не только пѣсни, но и народные мелодіи; нерѣдкіе тогда въ Харьковѣ, но теперь почти исчезнувшіе въ болѣе глубокой Малороссіи, бандуристы, эти истые рапсоды козачества, были обычными гостями Метлинскаго. Студенты-малороссы, знатоки пѣнія и пѣсенъ украинскихъ, чаще другихъ навѣщали его квартиру, улаждая душу звуками родныхъ мелодій“... Въ этомъ характерѣ, очевидно, любовь къ народности была врожденнымъ чувствомъ, инстинктомъ, который потомъ самъ собою слился съ романтическимъ идеализмомъ, и этимъ опредѣляется все отношеніе Метлинскаго къ предмету его этнографическихъ изученій. Собственная поэзія Метлинскаго безпрестанно обращается къ природѣ родного края, народному быту и историческимъ воспоминаніямъ. Этнографическіе поиски его отзываются такой непосредственностью чувства, какую рѣдко можно встрѣтить въ самомъ усердномъ этнографѣ: видимо, онъ весь жилъ этимъ чувствомъ, глубоко искреннимъ, иногда полу-наивнымъ... Какъ обыкновенно въ тѣ годы, прибавились и сочувствія всеславянскія: Метлинскій переводитъ нѣсколько стихотвореній изъ Челяковского, Коллара, изъ Краледворской рукописи, изъ сербскихъ и польскихъ поэтовъ.

Главнымъ трудомъ Метлинскаго остался его этнографическій сборникъ ¹⁾, изъ пѣсенъ, какъ записанныхъ имъ самимъ, такъ и доставленныхъ другими лицами. Въ предисловіи онъ такъ опредѣляетъ общую мысль, которая должна побуждать къ собиранію памятниковъ

¹⁾ Народныя южно-русскія пѣсни. Изданіе Амвросія Метлинскаго. Кіевъ, 1854. XVIII и 472 стр. Лучшій разборъ этого сборника сдѣланъ былъ В. И. Ламанскимъ, въ „Вѣстникѣ“ Географич. Общества, 1854, кн. V, отд. IV, стр. 13—40. (Ср. Дашевича, стр. 169). Это былъ первый печатный трудъ нашего ученаго слависта.

языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ и оттѣнкахъ,—мысль, которую онъ высказывалъ также и въ другихъ случаяхъ... „Я утѣшался и одушевлялся мыслию,—говоритъ онъ,—что всякое нарѣчіе, или отрасли языка русскаго, всякое слово и памятникъ слова есть необходимая часть великаго цѣлаго, законное достоинствѣ всего русскаго народа, и что изученіе и разъясненіе ихъ есть начало его общаго самопознанія, источникъ его словеснаго богатства, основаніе славы и самоуваженія, несомнѣнный признакъ кровнаго единства и залогъ святой братской любви между его единовѣрными, единокровными сынами и племенами. Языкъ русскій, какъ и всякій другой, образуется писателями; но силу свою и природное богатство беретъ изъ первоначальныхъ чистѣйшихъ родниковъ своихъ, изъ нарѣчій народныхъ словно великая рѣка, отовсюду, но болѣе всего изъ родной земли почерпающая свои воды и восполняющая шумное море языковъ человѣческихъ. Такъ величіе цѣлаго зависитъ отъ правильнаго развитія частей. Словесныя произведенія каждаго русскаго племени заключаютъ въ себѣ и раскрываютъ часть богатства общаго, великаго народнаго духа“¹⁾.

Понятно, что народная поэзія находитъ у Метлинскаго высокую восторженную оцѣнку. По его представленію, она была произведеніемъ народа въ томъ смыслѣ, что ее создали даровитѣйшіе люди народа, которые въ старыя времена, еще до начала письма и грамотности, выразили чувства и мысли народа, впечатлѣнія міра и событія народной жизни, словомъ, все истинное, доброе и прекрасное такою силою и красотою, что ихъ слово не забылось и сохраняется вѣками, „какъ выраженіе не скоропреходящихъ нуждъ временныхъ, но вѣчныхъ помысловъ души человѣческой“; остальные масса народа были люди, воспринимающіе и хранящіе это преданіе „Но чудный даръ вдохновенія и пѣсенъ рѣдко цвѣтетъ на лонѣ счастья, рѣдко сопровождается благами жизни, и пѣвцы, улетая душою въ область мечтаній, нерѣдко обдѣляются земными благами, сказанію древности и одного изъ своихъ собратьевъ (стихотвореніи Шиллера—Theilung der Erde), и, быть можетъ, къ нимъ-то примѣняется поговорка „голе и гостре якъ брытва“. Поэтому-то остатками старыхъ преданій свѣтъ большею частію обязанъ скитальческой судьбѣ бездомныхъ странниковъ, нищихъ, слѣпыхъ старцевъ, которыхъ память—живая книга минувшаго“.

Славянскіе народы, и особенно русскій, славятся богатствомъ своей народной поэзіи. „Эти произведенія невѣдомыхъ умовъ, какіе дикіе полевые цвѣты, будто сами собою выросли на полѣ народной

¹⁾ Въ подобномъ смыслѣ Метлинскій говорилъ о литературной способности нѣкоторыхъ нарѣчій, и особенно, конечно, малорусскаго, въ предисловіи къ изданіи имъ „Байкамъ“ Борозинскаго. Киевъ, 1852.

жизни, взлелѣянные природою, въ такой чудесной красотѣ слова, въ какую облакалась мысль только у лучшихъ изъ поэтовъ. Живое народное слово, исполненное прадѣдовскихъ поученій, долголѣтней богатой житейской опытности, хранитель древнихъ преданій, памятниковъ древнихъ событій, сокровище слезъ и радостей, народныхъ чувствъ и мыслей за нѣсколько столѣтій, раздается и поется на просторѣ царства русскаго отъ степей и до морей, и живетъ и растетъ во домахъ и по путяхъ, на поляхъ и на рѣкахъ, какъ воды и лѣса, какъ горе и счастье, какъ печаль и радость. Оно близко духу и сердцу народному и благотворно для его нравовъ. Оно можетъ долго существовать безъ пособія грамоты, тогда какъ слабыя литературныя произведенія, издѣлія подражательной словесности, не проламующія силы душевной, скоро забываются и смѣняются другими, не смотря на усилія книжныхъ промышленниковъ поддерживать ихъ всѣми способами торговой смѣтливости“.

Въ теоретическихъ понятіяхъ Метлинскаго о народной поэзіи, насколько онѣ выразились въ приведенныхъ сейчасъ словахъ, были значительныя неточности; напр. народная масса играла все-таки не одну пассивную, воспринимающую роль въ созданіи этой поэзіи; самая поэзія не оставалась такъ неподвижна въ теченіе исторіи и, напротивъ, очень сильно измѣнялась, теряя древнія черты и принимая новыя; иногда старые памятники ея погибали совсѣмъ и замѣнялись новыми произведеніями, созданными въ новыхъ условіяхъ и въ новомъ духѣ; далѣе, при этой измѣчивости бываютъ времена, когда народная пѣсня переставала быть и особенно благотворной для народныхъ нравовъ и т. п. Въ сущности отношеніе Метлинскаго къ народной поэзіи заключалось въ романтическомъ идеализмѣ, который въ свое время былъ нуженъ для установленія болѣе вѣрныхъ понятій объ этомъ предметѣ, еще далеко невразумительномъ для большей доли общества. Метлинскій былъ правъ, когда дальше говорилъ, что труды, посвящаемые изученію народа, и литературная обработка народнаго языка, представляютъ для насъ нравственную необходимость, расширяя наше самопознаніе и воспитывая въ народѣ самоуваженіе.

Собираніе пѣсенъ Метлинскій началъ, повидимому, еще съ конца тридцатыхъ годовъ и продолжалъ его до времени изданія своего сборника. Кромѣ того, ему сообщали пѣсни и многія другія лица, въ числѣ ихъ Н. М. Бѣлозерскій, М. А. Маркевичева (впослѣдствіи—Марко Вовчокъ), одинъ изъ его слушателей—Запара (о которомъ разсказывается въ воспоминаніяхъ Де-Пуле), нѣкто П. К. (вѣроятно, г. Булишъ, которому въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ еще весьма было являться въ литературѣ съ своимъ именемъ); нѣсколько пѣсенъ перешло въ сборникъ изъ собранія Гоголя, и т. д. Редакція

изданія состояла въ сличеніи имѣвшихся на-лицо текстовъ и въ возможно точной передачѣ пѣсенъ; имѣя только ограниченныя средства для изданія, Метлинскій вносилъ въ свою книгу только то, что еще не было напечатано (кромѣ нѣсколькихъ исключеній); и позволялъ себѣ составлять пѣсенъ изъ нѣсколькихъ вариантовъ и печаталъ особо несходные стихи или цѣликомъ самые варианты, какъ образцы различной обработки одной темы. Относительно отбѣнокъ языка, онъ держался господствующаго украинскаго нарѣчія, которые сохранилъ и для пѣсенъ, записанныхъ на крайнихъ предѣлахъ украинскаго нарѣчія, какъ потому, что на мѣстномъ говорѣ являлись иногда и пѣсни общераспространенныя, такъ и потому, что самыя записи на мѣстныхъ говорахъ бывали случайными и шаткими: онъ думалъ наконецъ, что изученіе нарѣчій должно быть особымъ дѣломъ, отдѣльнымъ отъ изученія самаго содержанія народной поэзіи. Но онъ и устранялъ тѣхъ мелкихъ особенностей и варіацій выговора, какіе встрѣчаются въ самомъ главномъ нарѣчій, нерѣдко служа для благозвучія рѣчи.

Что касается до распредѣленія пѣсенъ на разряды, Метлинскій считалъ очень труднымъ найти такое, которое можно было бы считать вполне удовлетворительнымъ; между тѣмъ, приведеніе пѣсенъ въ извѣстный порядокъ необходимо для ихъ обзора, для изученія жизни народной жизни. Въ принятомъ имъ порядкѣ есть рубрики довольно смутныя, напр. въ отдѣлѣ пѣсенъ „житейскихъ“ разрядъ пѣсенъ „семейно-родственныхъ“, или отдѣлъ пѣсенъ и думъ „поучительныхъ“; но вообще его распредѣленіе сходится съ тѣми, какіе мы уже видѣли у болѣе раннихъ собирателей. Такъ, идетъ рядъ пѣсенъ, относящихся къ домашнему быту: колыбельныя, свадебныя поминальныя; въ пѣсняхъ, которые онъ называлъ вообще „годовыми“—извѣстные разряды веснянокъ, пѣсенъ русальныхъ, купальныхъ петривочныхъ и т. д.; въ пѣсняхъ бытовыхъ—козачкія, чумацкія бурлацко-сиротскія и т. д.

Какъ мы сказали, сборникъ Метлинскаго занялъ одно изъ почетныхъ мѣстъ въ литературѣ малорусской этнографіи по внимательности редакціи пѣсенъ и ихъ новости, хотя и Метлинскому не удалось вполне ускользнуть отъ поддѣлокъ, наводнившихъ эту область съ тридцатыхъ годовъ ¹⁾. Въ случаѣ успѣха своего предпріятія Метлинскій думалъ продолжать изданіе своего сборника, но этого не случилось: страдая болѣзненной меланхоліей, онъ былъ уже неспособенъ къ работѣ и кончилъ жизнь самоубійствомъ въ 1869 году.

---

¹⁾ См. „Историческія пѣсни“, Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII

ГЛАВА VI.

Н. И. Костомаровъ.

Въ Костомаровѣ русская литература имѣла историка съ оригинальнымъ художественнымъ дарованіемъ; писателя съ большимъ личнымъ этнографическимъ опытомъ и вмѣстѣ своеобразнаго поэта на русскомъ и малорусскомъ языкѣ; вообще писателя, который былъ живой связью нашей литературы съ мѣстной украинской и былъ убежденнымъ и компетентнымъ защитникомъ малорусской народности и, въ извѣстныхъ предѣлахъ, малорусской литературы.

Николай Ивановичъ Костомаровъ (1817—1885) родился въ погнѣичьей семьѣ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда; мать его была простая крестьянская дѣвушка, малороссіянка, которую отецъ его, до брака, отдалъ учиться въ московскій пансіонъ; родина Костомарова, по своему населенію, представляетъ промежуточный этнографическій пунктъ между Великороссіей и Малороссіей ¹⁾). Впоследствии, литературные противники, которымъ не нравились его

---

¹⁾ Біографическія свѣдѣнія:

— Автобіографическая записка въ „Біогр. Словарѣ профессовъ Имп. университета св. Владиміра“, Кіевъ, 1884.

— „Автобіографія“, записанная съ его словъ Н. А. Бѣлозерскою, въ „Р. Мысли“, 1885, май и іюнь.

— Некрологи: въ „Вѣсти. Европы“, 1885, май, стр. 311—327; „Кіевской Старинѣ“, 1885, май, стр. I—XLIII.

— Воспоминанія: В. Л. Беренштама въ „К. Старинѣ“; г. Мордовцева, въ „Русской Старинѣ“, въ книжкахъ „Недѣли“ (романъ...); г. Кулиша, въ „Нови“, 1885; А. А. Корсунова (бывшаго Корсуна, издателя альманаха „Свѣтъ“, 1810), въ „Р. Архивѣ“, 1890, № 10, и друг.

— Вторая, болѣе подробная автобіографія въ посмертномъ изданіи сочиненій Костомарова: „Литературное Наслѣдіе“. Спб. 1890 (ср. замѣтку объ этомъ въ „Вѣсти. Европы“, 1890, декабрь).

малорусскія симпатіи, называли Костомарова великоруссомъ; по этомъ названію, имѣвшему въ виду колекость, выходило, что великорусс неприлично быть участникомъ въ малорусской литературѣ и ея защитникомъ; самъ Костомаровъ, въ автобіографической запискѣ, объясняя, почему привлекала его малорусская литература, говорилъ, что „такъ какъ народъ, посреди котораго онъ жилъ, были малороссіяны то онъ подлюбилъ и малороссійскую народность и ея языкъ, такъ что сталъ писать на этомъ языкѣ“. Здѣсь дано сухое, какъ бы офіціальное объясненіе (въ послѣдніе годы у Костомарова можно было замѣтить эту манеру говорить — для противниковъ, которымъ иноязычье было бы непонятенъ); но, на дѣлѣ, любовь къ малорусской народности исходила не изъ одного только случайнаго обстоятельства, что подлѣ него жили люди малоруссы, а оттого, что эта народность была въ самой его крови, что онъ выросъ въ ея средѣ подлѣ ея вліяніемъ, — дѣйствительно, во всемъ его характерѣ малорусскаго было именно гораздо больше, чѣмъ великорусскаго. Ея любовь къ малорусской народности, языку, поэзіи объясняется органически — это было для него родное, наслѣдственное. Малорусская исторія и этнографія до конца остались его ближайшимъ и глубокимъ интересомъ.

Послѣ воронежской гимназіи Костомаровъ поступилъ въ Харьковскій университетъ и по окончаніи курса (тогда трехлѣтняго), въ 1836 году, однажды вообразилъ себѣ, что его настоящая дорога есть военная, и вступилъ юнкеромъ въ драгунскій полкъ; потомъ, на первый же недѣляхъ своего милитаризма, онъ убѣдился, что гораздо болѣе кинбурнскаго полка ему интересенъ острогоскскій архивъ, бумаги котораго онъ получилъ возможность разбирать. Вскорѣ его историческіе вкусы опредѣлились и уже навсегда. Въ 1840, онъ держалъ въ Харьковскомъ университетѣ магистерскій экзаменъ по русской исторіи, а въ началѣ 1842 года представилъ диссертацию „Съ значеніи уни въ западной Россіи“, — которой, однако, не пришлось увидѣть свѣта. Противъ нея возбудилъ протестъ извѣстный іерархъ и духовный писатель, Иннокентій Борисовъ; книга была послана на судъ въ министерство просвѣщенія; вслѣдствіе отзыва Устрялова книгѣ нельзя было остановить и предать сожженію всѣ экземпляры, а Костомарову „предоставлено“ было написать другую диссертацию¹⁾

¹⁾ Отнѣсти одно противорѣчіе. Эта исторія была нѣкогда рассказана г. Сухомлиновымъ („Уничтоженіе диссертации Н. И. Костомарова въ 1842 г.“, въ Др. и Нов. Россіи, 1877, № 1), который, „со словъ Костомарова“, утверждаетъ, что Иннокентій не имѣлъ никакого участія въ дѣлѣ уничтоженія книги, что напротивъ онъ былъ только просвѣщенный и т. д., и всю инициативу г. Сухомлиновъ приписываетъ помощнику полиціи харьковскаго округа, кн. Цертелеву. Между тѣмъ, и

Онъ поступилъ тогда на службу субъ-инспекторомъ въ Харьковскомъ университетѣ и занимался частнымъ преподаваніемъ. Его новая ученая работа посвящена была народной поэзіи. Передъ тѣмъ онъ началъ писать по-малорусски, и его драмы и стихотворенія, подъ псевдонимомъ Іеремія Галки, переводы „Еврейскихъ мелодій“ Байрона, доставили ему извѣстность между любителями малорусской литературы. Въ 1844 онъ защищалъ, на этотъ разъ благополучно, свою вторую диссертацию—„Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, которая была замѣчательнымъ явленіемъ въ тогдашней этнографической литературѣ. Онъ приобрѣлъ ученую степень, но ему не удалось получить каѳедры: по его разсказу, „въ видахъ ближайшаго изученія народа, онъ бродилъ по слободамъ и шинкамъ, а въ то время это казалось до того необычнымъ и страннымъ, что нѣкоторые ученые и степенные люди считали его какимъ-то блаженненькимъ“. Костомаровъ переселился поэтому въ Кіевъ, пробылъ годъ учителемъ гимназіи въ городѣ Ровно, волынской губерніи, собралъ здѣсь большой сборникъ народныхъ пѣсенъ, въ 1845 получилъ мѣсто въ кіевской гимназіи, а въ 1846 выбранъ былъ на каѳедру русской исторіи въ Кіевскомъ университетѣ. Въ этомъ послѣднемъ году онъ издалъ „Славянскую Мифологію“. Его мысли сложились уже въ опредѣленный взглядъ; онъ сошелся здѣсь съ кружкомъ молодыхъ энтузіастовъ, мечталъ и размышлялъ о народности и славянствѣ, и составилъ то „Кирилло-Меоодіевское“ общество, которое было первымъ примѣромъ оживленія за идею славянскаго союза, народнаго освобожденія и просвѣщенія, и которое навлекло на него и его сотоваришей тяжелую бѣду. На него сдѣланъ былъ доносъ; онъ былъ арестованъ, мѣстъ съ Шевченкомъ и другими членами кружка, и долженъ былъ объяснять свои идеальныя мечты извѣстному Л. В. Дуббельту. Вѣдомство, котораго послѣдній былъ представителемъ, не склонно было въ подобному идеализму, и Костомаровъ былъ заключенъ (1847) на годъ въ Петропавловскую крѣпость, послѣ чего „переведенъ на службу“ въ Саратовъ, съ запрещеніемъ „преподавать и печатать соб-

автобіографической запискѣ самого Костомарова (Биограф. Словарь проф. Кіевского университета, Кіевъ, 1884, стр. 284) именно сказано, что „диссертация предъ самымъ изданіемъ возбудила протестъ со стороны преосвященнаго Иннокентія (Борисова), былъ приостановлена и отправлена на разсмотрѣніе къ министру народнаго просвѣщенія“ и т. д. То же и въ подробной автобіографіи Костомарова и въ воспоминаніяхъ современника, А. А. Корсунова.

Суди по выпискамъ изъ диссертации въ статьѣ г. Сухомлинова, книгу Костомарова можно было обвинить развѣ только въ неточныхъ выраженіяхъ: къ нимъ приписались еще нѣкоторыя сужденія о роли духовенства, по тогдашнему неосторожеству изъ того и другого сдѣлано было преступленіе. Дальше упомянемъ, что въ изданіи видѣ эта работа впоследствии была напечатана.

ственного сочиненія книги". Здѣсь онъ былъ зачисленъ въ губернское правленіе, позднѣе былъ дѣлопроизводителемъ статистическаго комитета и принималъ участіе въ мѣстныхъ приготовительныхъ работахъ по крестьянскому дѣлу.

Въ Саратовѣ на первое время онъ долженъ былъ почувствовать неудобства полицейскаго надзора, испытать грубое отношеніе надзирателей; но уже вскорѣ его положеніе измѣнилось къ лучшему. Губернаторомъ былъ человекъ достаточно образованный, честный и хорошій; внимательность губернатора устранила полицейскія стѣсненія, и Костомаровъ наконецъ приобрѣлъ въ городѣ настоящую популярность—сосланный профессоръ былъ рѣдкостью для провинціальнаго общества; всѣ знали ученаго чудака, высокой талантъ котораго угадывали. Живя въ Саратовѣ, Костомаровъ опять возвратился къ этнографіи и старинѣ, собиралъ пѣсни, рылся въ архивахъ, продолжалъ задуманныя раньше работы. Еще до переезда изъ Харькова въ Кіевъ онъ началъ заниматься исторіей Богдана Хмельницкаго; книга была написана въ Саратовѣ. У него сохранился, къ счастью, собранный раньше матеріалъ; нѣкоторыя средства, какія онъ имѣлъ, его обезпечивали и дали возможность собрать необходимую бібліотеку, съ которой онъ могъ вести свои работы. Близкимъ пріятелямъ,— въ ихъ числѣ было два-три человека, которые могли судить о дѣлѣ,— знакомы были отрывки изъ этой работы, — и мы (я познакомился съ Костомаровымъ въ Саратовѣ, въ половинѣ 50-хъ годовъ) тогда уже случилось слышать о великихъ надеждахъ отъ будущихъ историческихъ работъ Костомарова. Здѣсь же, въ Саратовѣ, начатъ былъ имъ извѣстный „Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ“; здѣсь написанъ „Стенька Разинъ“—одно изъ лучшихъ произведеній Костомарова, „Кремучій Кордъ“, трагедія изъ римской жизни временъ императоровъ по разсказу Тацита, и, наконецъ, рядъ полу-официальныхъ работъ по мѣстнымъ вопросамъ.

Съ новымъ царствованіемъ Костомаровъ, въ числѣ многихъ другихъ „возвращенныхъ“, получилъ амнистію; съ начала 1856 съ него снято было запрещеніе печатать свои сочиненія, снятъ и полицейскій надзоръ, по все еще съ ограниченіемъ, „чтобы распоряженіе въ Божѣ почившаго императора, о недовозленіи ему служить по ученой части, оставалось во всей силѣ“.

Съ 1856 года начинается второй періодъ печатной литературной дѣятельности Костомарова, дѣятельности чрезвычайно плодотворной, непрерывавшейся до конца его дней. Явился на свѣтъ „Богданъ Хмельницкій“, сразу поставившій Костомарова въ рядъ нашихъ первостепенныхъ историковъ; затѣмъ множество другихъ историче-

скихъ работъ. Главнѣйшія изъ нихъ: „Богданъ Хмельницкій“ (1857), „Бунтъ Стеньки Разина“ (1858), „Очеркъ жизни и правовъ великорусскаго народа“ (1860), „Сѣверно-русскія народоправства“ (1863), „Смутное время московскаго государства въ началѣ XVII вѣка“ (1866), „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“ (1869 — 70), „Руина“ (1879), „Мазепа“ (1882), „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“ (1873—76), изъ которыхъ многія имѣли не одно изданіе („Богданъ Хмельницкій“—четыре), памятли читателямъ. Къ трудамъ, собственно историческимъ, присоединяется масса работъ археографическихъ, изданій памятниковъ старой литературы и архивныхъ грамотъ и актовъ, редакція пѣсенныхъ сборниковъ (какъ въ „Трудахъ“ экспедиціи въ юго-западный край и пр.); изслѣдованія этнографическія, какъ обширный трудъ — „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, составляющій новую переработку предмета его старой диссертациі (въ „Бесѣдѣ“, 1872, „Русской Мысли“, 1880—1883, и „Литературномъ Наслѣдіи“, 1890); наконецъ масса меньшаго размѣра историческихъ монографій, замѣтокъ, критическихъ и полемическихъ статей и т. д. Въ статьѣ „Южная Русь въ концѣ XVI вѣка“ (въ 3-мъ томѣ „Историческихъ монографій“) Костомаровъ переработалъ и дополнилъ старое сочиненіе объ уни, сожженное въ 1842 г.

Послѣ амнистіи, Костомаровъ пріѣзжалъ для своихъ работъ въ Петербургъ, провелъ восемь мѣсяцевъ за границей, но затѣмъ остался еще нѣсколько времени въ Саратовѣ, гдѣ успѣлъ обжиться; наконецъ, въ 1859 г. получилъ каѣдру русской исторіи въ петербургскомъ университетѣ, по смерти Устрялова. Въ университетѣ Костомаровъ оставался недолго: онъ долженъ былъ выйти въ отставку въ 1862 г. Лекціи, читанныя имъ въ эти годы, были новымъ проявленіемъ его историческаго таланта: каѣдра русской исторіи еще никогда передъ тѣмъ не имѣла такого своеобразнаго, увлекательнаго лектора. Университетъ тогда, какъ и теперь, не былъ открытъ для постороннихъ посѣтителей; но молва о блестящемъ профессорѣ перешла изъ университетскаго круга въ общество,—за первымъ любопытнымъ, который проникъ въ университетскую аудиторію, послѣдовали другіе, и лекціи Костомарова (а за нимъ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ) стали сами собой какъ бы публичными чтеніями...

Костомаровъ не оставилъ сочиненія, въ которомъ были бы изложены его взгляды на исторіографію, объяснены источники его собственныхъ идей и пріемовъ,—но самый характеръ его трудовъ показываетъ въ немъ писателя иной школы, чѣмъ былъ кругъ Погодина и Устрялова, или, позднѣе, школа Соловьева. Исходной точкой всего его направленія былъ тотъ народный романтизмъ, о которомъ

говорено выше по поводу Срезневскаго. Если бы хотѣли опредѣлить въ немногихъ словахъ отличительную черту историческихъ трудовъ Костомарова, должно было бы сказать, что его по преимуществу влекло къ изображенію народнаго элемента въ исторіи, къ объясненію народнаго историческаго права. Онъ не былъ чуждъ влияніямъ нѣмецкой исторической школы, какъ вообще знакомъ былъ съ ходомъ западной исторіографіи,—но въ его историческомъ приѣмѣ явились и такія черты, которыхъ не было у другихъ нашихъ историковъ, ему современныхъ. Ни у кого изъ нихъ не были такимъ живымъ интересомъ, какъ у Костомарова, племенные факторы исторіи, значеніе народа, какъ основы движенія, стремленіе проникнуть въ думы и характеръ народныхъ массъ, о которыхъ часто и совсѣмъ забывали. Костомаровъ не былъ историкомъ учреждений, какъ Соловьевъ и Кавелинъ, не былъ и мистическимъ теоретикомъ народности, какъ К. Аксаковъ—онъ искалъ живого народа, съ его стародавними правами: работы чисто этнографическія постоянно сопровождали работу историческую; съ самаго начала его дѣятельности и до конца тянуло его, съ одной стороны въ архивы, къ документальнымъ свидѣтельствамъ старины, съ другой—въ исторіи быта, нравовъ, обычаевъ и, наконецъ, въ народную среду, гдѣ онъ подслушивалъ пѣсню и историческое преданіе.

Рано затронула его другая полоса нашего общественно-литературнаго развитія тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ: это былъ интересъ панславянскій, который сложился у него своеобразно, въ параллель съ его историческими идеями и развившимся ранѣе этнографическимъ народолюбіемъ. Костомаровъ не остался холоденъ къ панславизму, какъ писатели такъ называемаго западническаго направленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не принималъ панславизма въ исключительной московской формѣ: для него панславизмъ не означалъ абсолютную гегемонію одного сильнаго племени надъ всѣми остальными гегемонію, которая, пожалуй, не остановится предъ насиліемъ надъ слабѣйшимъ; это былъ, напротивъ, союзъ братства, народной свободы и равноправности, внушаемой и освящаемой равноправностью христіанской.

Идеи Кирилло-Методіевскаго кружка, образовавшагося въ Кіевѣ въ 1846 и гдѣ руководящимъ лицомъ былъ Костомаровъ, а однимъ изъ его ближайшихъ друзей былъ Шевченко, состояли, по его собственнымъ указаніямъ и по другимъ свидѣтельствамъ, въ слѣдующемъ: 1) освобожденіе славянскихъ народностей изъ-подъ власти иноплемениковъ; 2) организованіе ихъ въ самобытныя политическія общества съ удержаніемъ федеративной ихъ связи между собою 3) уничтоженіе всякаго рабства въ славянскихъ обществахъ, подѣ

какимъ бы видомъ оно ни скрывалось; 4) упраздненіе сословныхъ привилегій и преимуществъ, всегда наносящихъ ущербъ тѣмъ, которые ими не пользуются; 5) религіозная свобода и вѣротерпимость; 6) при полной свободѣ всякаго вѣроученія употребленіе единого славянскаго языка въ публичныхъ богослуженіяхъ всѣхъ существующихъ церквей; 7) полная свобода мысли, научнаго воспитанія и печатнаго слова, и 8) преподаваніе всѣхъ славянскихъ нарѣчій и ихъ литературъ въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ славянскихъ народностей.

За кіевскимъ кружкомъ осталось названіе Кирилло-Меоодіевскаго, и это было первое возвеличеніе славянскихъ апостоловъ въ идеальное знамя для современныхъ народныхъ стремленій. Дѣятели популярнаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, праздноу тысяченіе памяти славянскихъ апостоловъ, забыли о Кирилло-Меоодіевскомъ кружкѣ и дѣйствительно имѣли причины не считать себя съ нимъ солидарнымъ. Между ними нѣтъ ничего общаго кромѣ именъ Кирилла и Меоодія: на одной сторонѣ племенная автономія, вѣротерпимость, свобода мысли, упраздненіе привилегій; на другой — политическая и религіозная нетерпимость, можетъ быть, свобода мысли и свобода общественная, но окружаемая такими условіями, которыя равняются ихъ отрицанію. Развивая исходные пункты обонхъ взглядовъ, должно было необходимо прійти къ противорѣчію. Костомаровъ или Шевченко никогда не примыкали и не могли примкнуть къ славянофиламъ, потому что послѣдніе изъ своихъ общихъ положеній приходили къ племенной исключительности, гдѣ крупная племенная масса должна была поглощать всѣ остальные элементы, а Костомаровъ защищалъ именно культурную равноправность племенъ, и въ частности сталъ представителемъ и защитникомъ того, чтó послѣ называли украинофильствомъ. Трудно загадывать, конечно, чтó могло бы произойти въ будущемъ; тѣсный союзъ славянства, хотя бы въ федеративной формѣ, очень могъ бы окончиться преобладаніемъ главной массы и поглощеніемъ слабыхъ племенъ; это было бы естественно и возможно, — но въ идеальномъ построеніи отношеній остается справедливой только одна постановка вопроса: сліяніе должно произойти путемъ естественнаго дѣйствія племенныхъ элементовъ и культуры, но не путемъ одного кулачнаго права; болѣе слабыя племена, которыя, однако, владѣютъ высокой культурой, ищутъ въ союзѣ спасенія своей племенной особенноти, а не вѣрной гибели... Костомаровъ, относительно панславянской идеи, шелъ параллельно съ тѣмъ романтическимъ панславизмомъ, которымъ отличались первые основатели нашей научной славистики съ конца тридцатыхъ годовъ; наравнѣ съ ними онъ одушевлялся тѣми идеалами,

какіе развивались въ средѣ передовыхъ дѣятелей западнаго славянства и которыхъ знаменитѣйшимъ выраженіемъ была „Дочь Славы“ Коллара,—но Костомаровъ мечталъ уже о пропагандѣ для практическаго проведенія своихъ идеаловъ въ жизни. Онъ упредилъ славянскіе благотворительные комитеты и въ возвеличеніи имени Гуса, и, можетъ быть, болѣе искреннемъ.

Съ другой стороны, Костомаровъ не вполне сходилъ съ кружкомъ прогрессивнымъ: послѣдній, особенно въ первое время, бывалъ ему ближе славянофильскаго, какъ свободный отъ исключительности племенной и столько же признававшій свободное народное развитіе; но были и крупныя разницы. Въ сороковыхъ годахъ, критика Бѣлинскаго мало сочувствовала малорусскому литературному движенію, и по связи съ нимъ недружелюбно отнеслась и къ первому этнографическому труду Костомарова, — въ тѣ годы въ прогрессивномъ кружкѣ слишкомъ исключительно господствовали интересы общаго гуманистическаго и соціальнаго характера, и литературный сепаратизмъ казался недостаточно мотивированнымъ, неглубокимъ по содержанию и отвлекающимъ силы отъ общихъ вопросовъ. Позднѣйшій прогрессивный кружокъ призналъ это малорусское движеніе именно какъ одно изъ проявленій общественности; но это направленіе казалось Костомарову слишкомъ сухо-экономическимъ: онъ не находилъ въ немъ мѣста для своего стараго романтизма, которому и послѣ, нѣсколько въ иныхъ формахъ, онъ оставался вѣренъ... Въ подобномъ смыслѣ онъ высказывался еще во времена „Основы“; позднѣе, онъ относился къ внутреннимъ вопросамъ и дѣламъ русской литературы съ полнымъ индифферентизмомъ...

Въ 1861, въ рѣчи о К. Аксаковѣ, онъ какъ будто хотѣлъ сдѣлать особое удареніе на своихъ сочувствіяхъ къ славянофильству. Съ одной стороны эти сочувствія были послѣдовательны: харьковскіе романтики издавна не сходились съ прогрессивнымъ направленіемъ; но затѣмъ Костомаровъ впадалъ въ заблужденіе, если предполагалъ свою солидарность съ славянофильствомъ. Для послѣдняго, народное начало была старая московская исключительность, столь же деспотическая, какъ обличаемая имъ государственность „петербургскаго періода“, и имъ мало неблагопріятная бытію и самостоятельности племенныхъ отѣнковъ, за которыя стоялъ Костомаровъ. Въ концѣ концовъ ему пришлось испытать враждебныя нападенія на свои идеалы отъ славянофильскихъ издвиговъ, встрѣтить не только противорѣчіе своимъ стремленіямъ, но увидѣть ихъ заподозрѣнными и оклеветанными.

Эти равно воспринятыя идеи о племенной равноправности, о народной и церковной свободѣ, соединенныя съ этнографическимъ инте-

ресомъ къ народу, легли въ основаніе трудовъ Костомарова. Это чувство народной жизни освящало писателю народную судьбу, міровоззрѣніе массы, ярче рисовало картину стародавнаго быта и нравовъ, и сдѣлало его болѣе впечатлительнымъ къ племеннымъ дѣленіямъ русскаго народа. Погодинъ, Соловьевъ, К. Аксаковъ были не только великоруссы, но частью именно москвичи—одинъ, пропитанный официальной народностью Николаевскихъ временъ; другой, строго и частью сухо слѣдившій идею государственности; третій, возводившій въ идеаль русскія народныя начала, но видѣвшій высшее къ осуществленіе въ одной старой Москвѣ;—Костомаровъ, прежде теорій и официальныхъ требованій, видѣлъ племенные массы, съ ихъ прирожденными и накопившимися въ исторіи особенностями, и признавалъ ихъ нравственное право на свою особность. Его называли великороссомъ, но онъ съ молокомъ матери всосалъ любовь и къ малорусскому народу, среди этого народа провелъ воспримчивые годы юности, которые наполнены были изученіемъ народнаго быта, старины и поэтическихъ созданий. Въ то время, какъ для другихъ историковъ малорусскій народъ былъ извѣстенъ только по книгамъ и архивнымъ бумагамъ, и напр. малорусскій XVII вѣкъ — по приказнымъ отпискамъ московскихъ воеводъ, для Костомарова это былъ родной народъ, котораго старину онъ слышалъ еще живую въ народной пѣснѣ, котораго сохранившіеся памятники онъ пересмотрѣлъ на мѣстахъ, котораго психологическія и бытовыя особенности чувствовалъ въ самомъ себѣ. Какъ бы ни были обширны познанія ученаго, какъ ни велика его критическая проникаемость, они не замѣняютъ этого непосредственнаго чувства, когда идетъ рѣчь о внутреннихъ движеніяхъ народной природы; или, книжному ученому надо воспитать въ себѣ безпристрастіе и умѣнье понимать чужой народный характеръ. Не только критики (какъ г. Кояловичъ, напримѣръ), совершенно лишенные этого безпристрастія и умѣнья, поднимали вопли противъ Костомарова; но и серьезные ученые дѣлали Костомарову упрекъ, что въ его историческихъ трудахъ слышится малорусская нота. Можетъ быть; но не было ли это заслугой, когда его устами говорила *altera pars*, безъ которой невозможно правильное рѣшеніе?

Къ этому врожденному и развитому изученіемъ чувству старины и народности, присоединился у Костомарова своеобразный талантъ, свойственный „историку-художнику“. Этотъ терминъ и давно, и въ эти послѣдніе дни, вызывалъ разнорѣчивыя мнѣнія. Не будемъ вдаваться въ теоретическія объясненія этого названія и въ измѣреніе того, въ какой степени оно приложимо къ Костомарову; напомнимъ здѣсь только нѣкоторыя черты его исторической манеры. „Историку-

художнику“, какъ художнику вообще, кромѣ знанія, необходима фантазія, и Костомаровъ несомнѣнно владѣлъ богатой фантазіей. Въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ пробовалъ свои силы на поэтическомъ поприщѣ, и не безъ успѣха; его старыя драмы на малорусскомъ языкѣ не лишены большихъ достоинствъ; впоследствии (какъ это начиналось уже въ этихъ драмахъ—съ историческими сюжетами) историческія темы исключительно овладѣли его воображеніемъ, и среди научныхъ архивныхъ работъ его влекло то въ древній Римъ („Кремуцій Кордъ“), то въ русскій XVII вѣкъ („Сынъ“), то въ эпоху Грознаго („Кудеяръ“), то въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Москвѣ („Черниговка“), то, наконецъ, въ древность греко-варварскихъ отношеній въ Тавридѣ (его послѣдняя драма: „Эллины Тавриды“, изъ временъ Константина Багрянороднаго). Эта постоянная, доходящая до конца его дней, потребность въ живыхъ образахъ указываетъ на работу фантазіи, которая не довольствовалась сухимъ историческимъ матеріаломъ и вносила въ него живыя лица съ ихъ понятіями, страстями, бытовой обстановкой, наконецъ, не довольствовалась самою русской стариною и уходила въ далекіе вѣка древности. Быть можетъ, этой фантазіи не было достаточно для чисто-поэтического творчества, но ей было довольно для одушевленія лѣтописи, архивнаго документа, памятника, преданья. Дѣйствительно, онъ не могъ довольствоваться сухимъ книжнымъ фактомъ; онъ всегда чувствовалъ потребность наглядно изобразить себѣ этотъ фактъ, представить его себѣ въ живой обстановкѣ: историческія событія, лица, легендарныя чудеса, наконецъ, мелкія подробности стараго быта овладѣвали его воображеніемъ, и если въ молодости, какъ ревностный этнографъ, онъ пріобрѣталъ репутацію „блаженненъкаго“, то и въ болѣе позднее время онъ могъ часто вызывать улыбку своими историческими фантазіями и затѣями, въ которыхъ иной разъ проглядывали и черты тонкаго юмора. Когда онъ занимался славянской міеологіей, ему требовалось самому совершать древніе языческіе обряды, и онъ совершалъ ихъ еще во время пребыванія своего въ Саратовѣ, уѣзжая для этого съ близкими пріятелями за Волгу или въ окрестные сады; свою „Славянскую Міеологию“, какъ вещь, тракующую о древности, онъ считалъ необходимымъ издать соотвѣтственно—и напечаталъ ее въ старинномъ книжномъ форматѣ и церковно-славянскимъ шрифтомъ, какъ печатали Инновентій Гизель и Димитрій Ростовскій. Разсказываютъ, что когда онъ ѣхалъ изъ Петропавловской крѣпости въ Саратовъ, въ сопровожденіи жандарма, то въ Новгородѣ (черезъ который шла тогда дорога) Костомаровъ, увидѣвши почтенные остатки древности, пришелъ въ восторгъ отъ воспоминаній новгородской свободы и выра-

жалъ его такими громкими восклицаніями, что провожатый счелъ нужнымъ воздержать его, благодушно остерегая—какъ бы, пожалуй, не пришлось имъ ѣхать опять назадъ... Изучая великорусскій бытъ XVI—XVII вѣка, онъ прилежно читалъ Олеарія, и вычиталъ у него описаніе русскаго способа приготавливать знаменитый старинный „ставленнй“ медъ; ему непремѣнно надо было попробовать этотъ медъ, „превосходный и превкусный“ по словамъ нѣмецкаго путешественника,—онъ переводитъ рецептъ Олеарія (книга III, гл. VII) своей матери, отличной малорусской хозяйкѣ, и я въ 50-хъ годахъ пилъ у него этотъ медъ, дѣйствительно превосходный. Съ чутьемъ историческимъ и вмѣстѣ художественнымъ, Костомаровъ извлекалъ изъ старыхъ памятниковъ характерныя черты, выраженія, рисующія время и положеніе. Издавшіе его въ тѣ годы знаютъ, какъ онъ былъ впечатлителенъ къ этимъ яркимъ отголоскамъ старины, какъ они видимо рисовали передъ нимъ цѣлую картину. Въ 1856 году, занимаясь рукописями въ Публичной Библіотекѣ, я нашелъ въ одномъ старомъ сборникѣ извѣстную „Повѣсть о горѣ-злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ“; прочитавши и списавши „повѣсть“, я подѣлился своей находкой съ Костомаровымъ, который также занимался тогда въ Библіотекѣ. Я уже зналъ, какимъ наслажденіемъ будетъ для него эта повѣсть—рѣдкій образчикъ старой русскаго поэзіи. Дѣйствительно, онъ пришелъ въ восторгъ отъ древней поэмы и, забывая о мѣстѣ и времени, сталъ декламировать ее по рукописи во всеуслышаніе, такъ что дежурный чиновникъ пришелъ остановить ученаго чудака. Костомаровъ едва согласился умѣрить свою декламацію. Я не могъ отказать ему въ удовольствіи напечатать „повѣсть“ немедленно, съ его комментариемъ, который былъ уже готовъ на другой день („Современникъ“, 1856, апрѣль).

Эта впечатлительность, это стремленіе воссоздавать прошедшее въ его живыхъ чертахъ, соединились у Костомарова съ другимъ драгоценнымъ для ученаго даромъ—необыкновенною памятью. Съ громаднымъ запасомъ фактовъ въ головѣ, способностью воспроизведенія, Костомаровъ давалъ историческіе рассказы, приобретающіе именно художественный характеръ. Тамъ, гдѣ другой писатель былъ связанъ скудостью и сухостью историческихъ данныхъ и не рѣшался выходить за предѣлы ихъ тѣснаго смысла, передъ Костомаровымъ возставало живое прошедшее. Его университетскія лекціи производили увлекающее дѣйствіе: какъ будто говорилъ самъ старый лѣтописецъ, знавшій о событіяхъ отъ ближайшихъ свидѣтелей, или самъ очевидецъ. Намъ случилось быть на двухъ-трехъ чтеніяхъ его о древнемъ Новгородѣ—его церковной жизни, преданійхъ (его долго занимали бѣсы разныхъ наименованій, съ которыми вели

борьбу святые подвижники): эти лекціи были замѣчательны по и
пой реставраціи древняго быта и міровоззрѣніи.

Приводимъ нѣсколько словъ его тогдашняго слушателя, которые
вѣрно передаютъ впечатлѣніе лекцій Костомарова.

„...Только тѣ, кто слушалъ его,—разсказываетъ г. Скабичевскій въ с
воспоминаніяхъ,—могутъ вполне оцѣнить его художественный талантъ, ту
обаятельнаго и могучаго очарованія, которое онъ производилъ на слуша
тайну, унесенную имъ съ собою въ могилу. Какъ назвать этотъ талантъ
чемъ онъ заключался, я положительно не могу дать себѣ отчета. Оратори
каетъ слушателей тѣмъ жаромъ, которымъ онъ самъ увлекается, и кра
построенія рѣчей, свободно и неудержимо льющихся изъ его устъ; де
торъ увлекаетъ разнообразіемъ и гибкостью своей дикціи, актеръ—свое
милкой,—тутъ ничего этого не было. Передъ вами стоялъ на кафедрѣ чел
съ неподвижными, словно застывшими, чертами лица и смотрѣлъ свои
думчивыми глазами не на васъ, а куда-то въ невѣдомую даль, словно въ
древнихъ вѣковъ; тихимъ, монотоннымъ голосомъ, отчеканивая каждое
по безъ малѣйшихъ повышеній и пониженій голоса, невозмутимо-спокой
тономъ, онъ читалъ свою лекцію, какъ будто нехотя, а между тѣмъ, заста
забывать васъ все, что васъ окружало, и всецѣло переноситься въ ту
среду, о которыхъ шла рѣчь съ кафедры. Порою вся лекція его заклю
въ однихъ выдержкахъ изъ различныхъ лѣтописей, но это-то чтеніе лѣто
и было главнымъ копькомъ его таланта. Тяжелая, неудоборазбираемая,
димому, такая наивно-пескладная рѣчь лѣтописи вдругъ получала въ его у
характеръ чисто-народнаго говора, понятнаго для каждой институтки, на
въ глаза не видѣншей лѣтописныхъ текстовъ; сухое, сжатое изложеніе
лось полно сочныхъ и яркихъ красокъ, и стародавняя старина оживала п
вами во всей своей архаической прелести“.

При первомъ появленіи „Богданъ Хмельницкій“ достоинств
живого, нагляднаго разсказа произвелъ впечатлѣніе, застави
сравнивать автора съ Августиниомъ Тьерри. Въ самомъ дѣлѣ,
едва ли не тотъ типъ историка, къ которому Костомаровъ мо
быть отнесенъ всего ближе. Сравненіе съ Карамзинымъ, кото
давали превосходство надъ Костомаровымъ, неумѣстно: псевдо
сическая манера Карамзина такъ уже далека отъ нашихъ ли
турныхъ понятій и такъ мало отвѣчаетъ самой описываемой
ности, что сравненіе невозможно. Но здѣсь, быть можетъ, надо п
предить недоразумѣніе: по мнѣнію однихъ, названіе „историк
дожника“ есть высшая степень историографическаго дарованія
другимъ, это—только талантъ повѣствователя, до извѣстной сте
внѣшній, не идущій въ глубину. Костомаровъ не былъ аналити
но крайне несправедливо было бы сказать, что для него за
была внутренняя сторона исторіи, развивающаяся жизнь истор
скаго организма. Напротивъ, съ этой стороны за нимъ остается
ликая заслуга указанія такихъ факторовъ исторіи, которые до
поръ или не привлекали вниманія, или не находили достаточ

объясненія. Такова его общая мысль о присутствіи народа въ исторіи (входившая тогда вообще въ историческое сознаніе, но имъ прилагемая по своему), о начаткахъ федеративнаго устройства въ древней Руси (соотвѣтствіе княженій „землямъ“ и т. д.), о „двухъ русскихъ народностяхъ“; таковъ трактатъ о началѣ единодержавія въ древней Россіи; таковъ усиленный интересъ, который онъ отдавалъ малорусской исторіи, съ первыхъ шаговъ своихъ на ученой дорогѣ и до самаго ея конца (диссертация объ уни и „Мазепа“); таковы наконецъ его монографіи объ отдѣльныхъ историческихъ лицахъ, какъ Дмитрій Донской, Сусанинъ, Петръ Великій, гдѣ онъ шелъ иногда противъ господствующихъ историческихъ понятій. Эти монографіи, особливо двѣ первыя, вызвали много нареканій противъ Костомарова и даже полу-официальныя норицанія; но легенды требовали критики. Онъ могъ быть одностороненъ относительно Петра Великаго; но факты, имъ указываемые, не могутъ быть пропущены серьезнымъ историкомъ.—Наиболѣе суровыя, и наименѣе справедливыя нападки вызывало „украинофильство“ Костомарова. Это „украинофильство“, особливо въ послѣднее время, было такъ умѣренно, что спорить противъ него могло или только непониманіе, или вражда и къ лицу, и къ племени.

Біографія, какъ и литературная дѣятельность Костомарова, имѣла нѣсколько періодовъ или настроеній. Первая пора отмѣчена юношескимъ энтузіазмомъ; это былъ романтикъ на тему народности и позднѣе славянства, мечтавшій объ имѣющемъ наступить вѣкогда братскомъ союзѣ славянскихъ народовъ, соединенныхъ залогомъ одноплеменности, общаго древняго преданія и надеждами на будущее, свободное и высокое. Крѣпостное заточеніе отняло почву у прежняго панславянскаго идеализма, но не уменьшило ни мало ни его украинофильства, ни исторіографической ревности. Костомаровъ въ Саратовѣ докончилъ „Богдана Хмельницкаго“, и задумывалъ рядъ новыхъ работъ; „Кремуцій Кордъ“ имѣлъ подкладку въ его личномъ настроеніи. Въ это время его живо интересовали европейскія событія, и вызывали у него характерныя поэтическіе отзывы... Переездъ въ Петербургъ далъ новый толчекъ его дѣятельности: здѣсь онъ встрѣтился со многими амнистированными тогда украинцами, старыми друзьями, Кулишомъ и Шевченкомъ... Для стараго кружка нашелся пунктъ соединенія и новой работы въ начавшемся тогда украинофильскомъ журналѣ „Основа“... Университетскіе безпорядки, отразившіеся для Костомарова разными непріятными положеніями, прекращеніе „Основы“ и другія тогдашнія событія оставили въ немъ тяжелыя впечатлѣнія: съ одной стороны, онъ все болѣе устранился отъ общественныхъ интересовъ; съ другой, обострились отношенія

къ вопросамъ и мнѣніямъ, которыя прежде онъ умѣлъ пони- болѣе безпристрастно и т. д. Онъ жилъ въ тѣсномъ кружкѣ бли- шихъ пріятелей и почитателей и—въ архивахъ. Тяжелая болѣз- вынесенная имъ въ половинѣ 70-хъ годовъ, оставила свой слѣдъ утомленіи, которое отразилось на его послѣднихъ трудахъ; онъ чиналъ думать, что историкъ не имѣетъ права выходить за тотъ предѣлы матеріала и давать волю той силѣ историко-поэтически воспроизведенія, которая именно сообщала такую привлекатель- его прежнимъ трудамъ. Его послѣднія работы нерѣдко бывали химъ историческимъ рефератомъ, хотя „Исторія въ жизнеоп- ніяхъ“ опять даетъ много яркихъ страницъ, написанныхъ съ цѣ- ней живописной манерой...

Словомъ, Костомаровъ былъ однимъ изъ оригинальнѣйшихъ п- ставителей нашей исторіографіи, единственный изъ писателей но- шихъ, котораго можно было назвать историкомъ-художникомъ, им- щій громадную заслугу въ популяризаціи историческаго знанія вмѣстѣ съ тѣмъ, въ самое пониманіе нашего прошлаго внесшіи м- новыхъ и плодотворныхъ идей.

Обратимся къ подробностямъ его этнографическихъ работъ.

Изъ біографіи Костомарова извѣстно, что интересъ къ мало- ской народности явился у него съ 1836—37 года, по окончаніи ! верситетскаго курса.

Университетъ, въ которомъ учился Костомаровъ, былъ тотъ Харьковскій, мало измѣнившійся съ тѣхъ поръ, какъ незадолго редъ тѣмъ прошелъ его Срезневскій. Только на время Кост- ровъ былъ въ Москвѣ, гдѣ слушалъ лекціи Каченовскаго и П- дина по русской исторіи, и Шевырева, только-что вернувш- изъ-за границы, по русской словесности. Костомаровъ хвалитъ де- послѣдняго, но повидимому не успѣлъ много вынести изъ преп- ванія. Въ Харьковѣ профессура на историко-филологическомъ, по- дашнему словесномъ, факультетѣ была самая несчастная.

„Историко-филологическій факультетъ еле держался. Латинс- словесность преподавалъ Кронебергъ, человѣкъ замѣчательно уче- и даровитый, но замѣчательно лѣнивый... Нѣкоторыя изъ вещей- печатанныхъ имъ по-нѣмецки, читались бы и теперь съ пользою- студентамъ было отъ этого не легче: онъ вовсе не занимался ! Греческій языкъ преподавалъ нѣмецъ Мавра, такъ плохо говори- по-русски, что его никто не понималъ. Профессоромъ русской ист- былъ Артемовскій-Гулакъ, болтунъ и фразеръ; Сокальскій чи- латинскій языкъ, и довольно плохо, а политическую экономію- того хуже“.

Такимъ образомъ опять не было какой-нибудь правильной шк-

Тотъ научный интересъ, который вскорѣ навсегда укрѣпился въ Костомаровѣ и направилъ его къ историко-этнографическимъ изученіямъ, созданъ былъ литературой; въ молодомъ кругу были уже энтузіасты народности. Такъ въ это время Костомаровъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Срезневскимъ и вмѣстѣ съ нимъ дѣлалъ этнографическія экскурсіи. Такъ были литературные кружки, гдѣ уваженіе народностью внушало стремленіе писать на малорусскомъ языкѣ: еще жилъ патріархъ тогдашней малорусской литературы, Квитка (Основьяненко); собиралась цѣлая группа малорусскихъ поэтовъ, между которыми и Костомаровъ самъ вскорѣ занялъ не послѣднее мѣсто ¹⁾...

При окончаніи курса, Костомарову было двадцать лѣтъ. Въ университетское время онъ велъ, по его словамъ, весьма безпорядочную жизнь; но подъ конецъ проснулась любознательность, и онъ повелъ свои занятія съ тѣмъ порывистымъ трудолюбіемъ, которое его съ тѣхъ поръ отличало. Онъ много читаетъ, изучаетъ нѣмецкій и польскій языки (послѣднимъ онъ, кажется, овладѣлъ окончательно во время учительства въ Ровнѣ, гдѣ было много поляковъ и языкъ былъ въ ходу даже въ верхнемъ слоѣ малорусскихъ жителей), наконецъ увлекается малорусской исторіей и этнографіей. Любопытенъ фактъ, сообщаемый самимъ Костомаровымъ въ „автобіографіи“, что привязанность къ малорусской народности едва ли не впервые была пробуждена въ немъ „Вечерами на хуторѣ близъ Диканьки“ и „Тарасомъ Бульбой“. Онъ уже раньше читалъ Гоголя, но теперь — на пробудившуюся мысль—его вліяніе было могущественное.

„Я читалъ Гоголя съ увлеченіемъ,—говоритъ Костомаровъ,—перечитывалъ и начитаться не могъ: какъ это [все такъ близко кругу] меня, и я ничего этого не видѣлъ, не знаю!—думалось мнѣ:—нужно изучить это хорошенько.—Затѣмъ я взялъ небольшое изданіе пѣсенъ малорусскихъ Максимовича 1827 года, сталъ читать, потомъ „Думы“, изданныя тѣмъ же Максимовичемъ ²⁾, и совершенно увлекся ими. Идея народности, уже существовавшая въ то время, стала сильно занимать меня: я прочелъ Сахарова, иностранныя книги о народной поэзіи, какія только могъ достать, прочелъ диссертацию Бодянскаго о славянскихъ пѣсняхъ, началъ учиться по-чешски и сербски. Малорусскія пѣсни, изданныя Максимовичемъ, я выучилъ наизусть, хотя малороссы хохотали тогда надъ моимъ выговоромъ“...

Зиму 1837—38 онъ, какъ упомянуто, провелъ въ Москвѣ, гдѣ слу-

¹⁾ См. названную раньше статью г. Де-Пуле; статью г. Науменка о Костомаровѣ въ „Кіевской Старинѣ“, 1885, май; особенно книгу г. Петрова о малорусской литературѣ XIX столѣтія, и дополненія къ ней у Н. П. Дашкевича.

²⁾ Это былъ второй сборникъ Максимовича, 1834.

шалъ лекціи популярнаго тогда Шевырева. Весной 1838 года онъ уѣхалъ домой въ деревню. „Мною овладѣла какая-то страсть по всему малороссійскому,—говорить онъ:—меня выводило изъ себя, что невѣжды, какихъ тогда было очень много, съ презрѣніемъ отзывались о хохлахъ и всякое малороссійское слово возбуждало только смѣхъ. Я вздумалъ писать по-малорусски, но какъ писать? Нужно учиться у народа, сблизиться съ нимъ. И вотъ я сталъ заговаривать съ хохлами, ходилъ на вечерницы, сталъ собирать пѣсни“...

Разсказъ характеристиченъ, намѣчая тѣ разнородныя возбужденія, которыя приводили тогда къ этнографическимъ изученіямъ: это были и вліяніе иностранныхъ литературъ, откуда къ намъ доходили пока только отголоски романтическихъ влеченій къ старинѣ и народу, сохранявшему эту старину; и отголоски славянскаго возрожденія, и поэтическія созданія русской литературы, и параллельныя явленія въ литературѣ малорусской, и наконецъ, повидимому, первые начатки мыслей о социальномъ положеніи народной массы... Но, какъ скажемъ дальше, еще мало доходили вліянія начавшейся археологическо-этнографической науки, какъ она создавалась тогда въ рукахъ Якова Гримма.

Въ молодыхъ поколѣніяхъ тридцатыхъ годовъ началось броженіе, очень похожее на недавнее „хожденіе въ народъ“—только оно имѣло народно-романтическія, а не социальныя цѣли. Такъ ходили въ народъ Срезневскій или Костомаровъ и другіе на югъ, а на сѣверѣ Петръ Кирѣевскій или его выученикъ Павелъ Якушкинъ и иные искатели откровеній народности. Для Костомарова эти странствія стали потребностью; ему не сидѣлось въ городѣ, и онъ бродилъ по селамъ въ воронежской и харьковской губерніяхъ: заходилъ прямо въ хаты, отправлялся на вечерницы и повидимому дѣлалъ это съ своей безцеремонной разсѣянностью, такъ что иной разъ хозяева встрѣчали его не весьма дружелюбно, а парни однажды собирались побить его, предполагая въ немъ соперника на вечерницахъ,—ему пришлось спастись бѣгствомъ. Особенно онъ старался сблизиться съ женщинами и дѣвушками, такъ какъ въ ихъ пѣсняхъ языкъ былъ чище... Попавши на Волинь, учителемъ въ Ровнѣ, Костомаровъ нашелъ новую богатую почву для своего этнографическаго увлеченія; нанявши квартиру въ малорусскомъ семействѣ, которое совсѣмъ не умѣло говорить по-русски (а съ гостями говорило по-польски), онъ окончательно привыкъ къ малорусскому языку; по вечерамъ иногда собиралъ къ себѣ бабъ и дѣвушекъ, и заставлялъ ихъ пѣть пѣсни и разсказывать сказки; по деревнямъ знакомился съ попами, которые давали ему возможность записывать пѣсни и сказки... Еще раньше задумалъ онъ исторію Богдана Хмельницкаго и здѣсь, въ правобере-

режной Украйнѣ, разыскивалъ и осматривалъ мѣста давнихъ историческихъ событій и козацкихъ битвъ,—былъ въ Берестечкѣ, Кременцѣ, Радзивиловѣ, Почаевѣ, Острогѣ и т. д.

Когда была отвергнута и предана сожженію первая диссертация Костомарова на степень магистра русской исторіи,—объ уни,—онъ написалъ вторую: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“ (Сочиненіе Николая Костомарова. Харьковъ, 1843).

Судьба этой книги довольно любопытна для исторіи нашей этнографіи. Пренебрежительный отзывъ Бѣлинскаго ¹⁾ обыкновенно приписывается его непониманію. На дѣлѣ это не совсѣмъ такъ. Бѣлинскій вообще не сочувствовалъ тому народно-романтическому движению, которое обнаруживалось въ дѣятельности малорусскихъ писателей; онъ не выносилъ „Гайдамаковъ“ Шевченка и другихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ, гдѣ велась однообразная народно-сентиментальная (а въ „Гайдамакахъ“ и кровожадная) нота безъ особеннаго содержанія, и еще меньше удовлетворялся теоретическими разсужденіями харьковской школы ²⁾; здѣсь, какъ въ мнимонародномъ романтизмѣ „Маяка“, переходившемъ въ чистый обскурантизмъ (а „Маякъ“ сочувствовалъ украинской литературѣ), Бѣлинскаго отталкивала теоретическая запутанность той новой идеи, которая бродила въ этомъ романтизмѣ и, хотя не сумѣла еще установиться въ ясную систему, но уже рѣшалась отрицать тѣ интересы общечеловѣческаго просвѣщенія и искусства, передъ которыми преклонилась литературная школа Бѣлинскаго и его друзей. Эта теоретическая неясность вновь открывавшагося народнаго начала несомнѣнно присутствовала въ тогдашнемъ народномъ романтизмѣ, русскомъ и малорусскомъ,¹—и это чувствовалъ Бѣлинскій. Что онъ не ошибался относительно украинскихъ романтиковъ, можно видѣть по складу тогдашнихъ литературныхъ идей Срезневскаго; взгляды Костомарова въ этомъ отношеніи были разностороннѣе, но, извѣстно, что и для него многое въ русской литературѣ, развившейся изъ идей 40-хъ годовъ, осталось чуждо и непонятно ³⁾. Съ другой стороны, и Бѣлинскій не предчувствовалъ значенія новаго начала, выдвигав-

¹⁾ Коротенькая рецензія въ Отеч. Зап. 1844, кн. 3 (Сочин. Бѣлинскаго, IX, стр. 111—113) начинается такъ: „Въ наше время, если сочинитель не хочетъ или не ухитрится говорить о чемъ-нибудь дѣльномъ, русская народная поэзія всегда представитъ ему прекрасное средство выпутаться изъ бѣды. Что можно было сказать объ этомъ предметѣ, уже было сказано. Но г-на Костомарова это не остановило, и онъ началъ о народной русской поэзіи цѣлую книгу словъ, изъ которыхъ трудно было бы выжать какое-нибудь содержаніе“—и проч.

²⁾ См. его разборы „Молодника“, книжки Метлинскаго о значеніи поэзіи, и т. п.

³⁾ Напр. какъ Срезневскій не понималъ Гоголя, такъ Костомаровъ, кажется, до конца не понималъ Салтыкова.

шагося въ литературѣ и, потому не оцѣнилъ въ трудѣ Костомарова того, что было въ немъ новаго въ научномъ отношеніи.

Гораздо страннѣе было отношеніе къ книгѣ Костомарова ученой харьковской коллегіи. По словамъ автобіографіи, нѣкоторые изъ профессоровъ не хотѣли признать диссертациі, предметъ которой имъ казался неученымъ; противъ нея спорилъ, между прочимъ, Артемовскій-Гулакъ, профессоръ русской исторіи. За книгу заступался особенно профессоръ всеобщей исторіи Лунинъ, человѣкъ просвѣщенный не по образцу другихъ своихъ сотоварищей. Онъ находилъ, что въ диссертациі проводится настоящій историческій взглядъ, что для исторіи всего важнѣе найти выраженіе народнаго чувства и мысли... Лунинъ хлопоталъ о посылкѣ Костомарова за границу для приготовленія къ каеедрѣ всеобщей новой исторіи,—но большинство не согласилось.

Научная роль книги Костомарова была недолговѣчна: она была заслонена дальнѣйшими работами въ этой области, съ конца сороковыхъ годовъ, трудами Буслаева, Афанасьева и другихъ; но чтобы опредѣлить ея цѣнность, надо сравнивать ее съ тѣмъ, что было въ нашей этнографической литературѣ до ея появленія. Популярнѣйшимъ этнографомъ былъ Сахаровъ; въ объясненіи народнаго обычая лучшими были труды Снегирева; Даль работалъ тогда только въ беллетристикѣ; изъ сборника Кирѣевскаго еще ничего не появилось въ печати; Пассекъ оставилъ лишь нѣсколько общихъ мыслей... Никакой опредѣленной системы народныхъ изученій не было; теорія была еще на степени инстинкта, догадки, романтической идеализаціи; изученіе было эмпирическое; западная т.-е. нѣмецкая, научная этнографія была неизвѣстна,—и еще только начиналась. Если въ этой обстановкѣ представить себѣ работу провинціального молодого ученаго,—не только не имѣвшего правильной школы, но изъ-за своихъ интересовъ къ народности казавшагося официальной ученой компаніи только чудакомъ и блаженнымъ, книга окажется весьма видной попыткой цѣльнаго обзора и установленія извѣстнаго пріема изслѣдованія. Общая точка зрѣнія автора и объемъ его свѣдѣній объ этнографическомъ движеніи въ западной литературѣ будутъ видны по слѣдующей выдержкѣ изъ его введенія.

„У всѣхъ европейскихъ народовъ,—говорилъ Костомаровъ,—видна любовь къ народности и уваженіе къ народной поэзіи. Вездѣ собирали народныя пѣсни, объясняли ихъ, подражали имъ; вездѣ народность — и въ наукѣ, и въ словесности — нашла себѣ представителей. Англійскіе поэты, Вальтеръ-Скоттъ и Томасъ Муръ черпали изъ народныхъ пѣсень вдохновеніе для своихъ поэтическихъ созданій. Всеобъемлющая лира Гёте въ лучшихъ своихъ пѣснопѣніяхъ настраивалась подъ ладъ старонѣмецкихъ „лидовъ“; баллады Уландови такъ близки къ своему источнику, что замѣняютъ для народа прежнія, его

собственные произведенія. Множество важныхъ трудовъ посвящено изученію, разработкѣ и изданію народности. Собранія старинныхъ англійскихъ поэтическихъ произведеній, изданныя Перси, много доказали, какъ важны пѣсни народныя для исторіи и литературы. Четырехтомная исторія англійской поэзіи Вартона служить примѣромъ того, какъ люди ученые цѣняютъ народное достояніе. Не менѣе важны труды Элеса, Рейтсона и другихъ. „Древнія баллады“ Джемсона и народныя „пѣсни Бордеровъ“ Вальтеръ-Скотта можно поставить примѣрами отличнѣйшихъ сборниковъ. Въ послѣднемъ сочиненіи превосходно рассмотрѣна исторія Бордеровъ съ примѣненіемъ къ народнымъ остаткамъ и показаны суевѣрія народа, наводяція притомъ на асѣйшія точки воззрѣнія относительно повѣрій и мифологии европейскихъ народовъ. Въ Германіи замѣчательны труды Гёрреса, Брентано, Ерляха, котораго сборникъ неоконченъ и къ сожалѣнію загроможденъ чуждыми прививками. Новое изданіе нѣмецкихъ пѣсенъ съ нотами для пѣнія подтверждаетъ то всеобщее вниманіе, которое показываютъ къ народной поэзіи германцы. Не ограничиваясь разработкой отечественныхъ матеріаловъ, они занимались и поэзіей другихъ народовъ; такъ Гриммъ, Бюшингъ и Вольфъ познакомили нѣмецкую публику съ народными произведеніями скандинавскихъ, славянскихъ и романскихъ племенъ. Передъ всѣми народами нѣмцы могутъ похвалиться своимъ безсмертнымъ Гердеромъ, который нанесъ рѣшительный ударъ прежнимъ мнѣніямъ и водрузилъ на неизбѣжномъ основаніи знамя народности. Не лишнимъ считаю упомянуть о сочиненіи г-жи Тальви, написавшей опытъ характеристики народныхъ пѣсенъ. Французы, сбросившіе позже яго классицизма, долго упорствовали въ ложныхъ и уродливыхъ понятіяхъ о романтизмѣ;—но и они могутъ представить изъ числа своихъ ученыхъ такихъ, которые оказали услуги народности; Форьель, собиратель греческихъ пѣсенъ, Амперъ, Мармье, Генрихъ Вьязъ, Шарль Нодье и другіе. — Испанцы, еще въ XVI вѣкѣ имѣли собраніе своихъ народностей. — Въ Швейцаріи, Швеціи и Даніи ученые также занимались этимъ предметомъ. — Пѣсни славянскихъ народовъ были издаваемы нѣсколько разъ; но богатство матеріаловъ столь велико, что еще слишкомъ много труда, дабы достигъ того, чтó имѣютъ германскіе народы. У сербовъ есть прекрасный сборникъ пѣсенъ Вука Стефановича; словаки имѣютъ Коллара, поляки Войцццкаго, Жеготу Паули и другихъ; пѣсни южно-русскія собирали Вацлавъ изъ Олеска, Жегота Паули, Максимовичъ, Срезневскій, издавшій богатый запасъ исторической поэзіи съ учеными объясненіями, и другіе. Великорусскихъ пѣсенниковъ Сахаровъ насчиталъ 120; но преимущественно важны для насъ труды этого почтеннаго собирателя.

„Такимъ образомъ, почти вездѣ занимались народностью. Чтожь было причиною любви къ прежде брошеннымъ и долго презираемымъ произведеніямъ поэзии, которую еще и теперь иные чествуютъ именемъ мужицкой и базарной?

„Я полагаю тому три причины: первая есть литературная—слѣдствіе упадка классицизма; враждующія стороны классицизма и романтизма примирились въ идеѣ народности. Вторая — политическая, произошла изъ отношеній правительствъ къ народамъ. Третья—историко-сціентифическая.

„До сихъ поръ всѣ способы, какими выражали исторію, могутъ быть подведены подъ два главные вида: повѣствовательный и прагматическій. Но эти способы, какъ ни противоположны казались у нѣкоторыхъ писателей, ничуть не противны одинъ другому и оба необходимы въ каждомъ историческомъ сочиненіи... Два, наприм., событія случились въ разныхъ вѣкахъ, у различныхъ народовъ. Какъ бы ни было похоже одно на другое, но если они будутъ

изображены совершенно безразлично, то ни въ томъ, ни въ другомъ не будетъ истины: въ мірѣ нѣтъ двухъ существъ, совершенно похожихъ; въ каждомъ есть что-нибудь особенное... Съ другой стороны, еще менѣе возможно чисто размыслительное (прагматическое) направленіе при небрежности повѣствованія и описательности. Для человѣческаго мышленія нуженъ предметъ; чтобы человѣкъ судилъ правильно, этотъ предметъ долженъ представиться ему ясно и ощутительно. Слѣдовательно, историческій прагматизмъ возможенъ только при отдѣлкѣ повѣствованія, а иначе все будетъ ошибочно и ограничится пустѣйшимъ мечтаніемъ. Два эти способа не только не заключаютъ въ себѣ противорѣчія, но единственно и возможны одинъ при другомъ. Главное въ исторіи вѣрность.

„Но изобразить событіе такъ, какъ оно было, не легко: историкъ долженъ постигнуть, въ чемъ состоитъ характеристика его. Слѣдовательно, занимаясь наукой, историкъ долженъ изучать все то, что въ мірѣ человѣческомъ кладетъ на разумное существо печать различія, то есть, мѣсто и время, народъ и вѣкъ“.

Причины интереса къ народности, еще носившаго тогда характеръ по преимуществу романтической, указаны въ сущности вѣрно, потому что, дѣйствительно, этотъ интересъ выросталъ въ литературѣ, политической жизни и наукѣ. Незнакомый съ Гриммовымъ приѣмомъ изслѣдованія, которое открывало мифологическія основы поэзіи и пролагало путь широкому сравненію, Костомаровъ ставилъ историческій вопросъ о значеніи народной пѣсни только въ тѣсномъ ближайшемъ смыслѣ; но важно было и то, что онъ настаивалъ на необходимости изученія народной стороны исторіи. Онъ искалъ ея въ пѣсняхъ. Въ чемъ же состоитъ народная особенность и характеръ?

„Всякій народъ,—говоритъ онъ,—имѣетъ въ себѣ что-то опредѣленное, касающееся болѣе или менѣе каждого изъ тѣхъ лицъ, которыя принадлежатъ народу. Это — народный характеръ, по которому цѣлая масса можетъ быть разсматриваема какъ одинъ человѣкъ. Всякое индивидуальное лицо имѣетъ свой характеръ: этотъ характеръ постигается въ его дѣйствіяхъ, приѣмахъ, по преимущественно въ такихъ случаяхъ, когда онъ выказывается *неволью*, не стараясь быть замѣченнымъ, испытаннымъ, узаннымъ... Всякій народъ, разсматриваемый какъ единое лицо, имѣетъ свой идеалъ, къ которому стремится. Отъ того, напр., историкъ, описывая дѣянія своего народа, старается тѣ черты, къ которымъ сильно сочувствуетъ, изображать въ благопріятномъ свѣтѣ. Для узнанія народного характера надобно поступать такъ, какъ съ человѣкомъ, котораго желаютъ изучать: надобно искать такихъ источниковъ, въ которыхъ бы народъ высказывалъ себя безсознательно. Къ такимъ источникамъ принадлежитъ литература... Истинная поэзія не допускаетъ лжи и притворства; минуты поэзіи — минуты творчества; народъ испытываетъ ихъ и оставляетъ памятники,—онъ поетъ; его пѣсни, произведеніе его чувства, не лгутъ; онѣ рождаются и образуются тогда, когда народъ не носитъ маски. Онъ самъ знаетъ это: *die Sache lebt im Gesang*, говоритъ нѣмецъ; пѣсня—быль, скажетъ русскій. Въ самомъ дѣлѣ, народная пѣсня имѣетъ преимущество предъ всѣми сочиненіями: пѣсня выражаетъ чувства не выученныя, движенія души не притворныя, понятія не занятыя. Народъ въ ней является такимъ, каковъ

есть: пѣсня — истина. Есть другое, столь же важное, достоинство народной пѣсни: ея всеобщность. Никто не скажетъ, когда и кто сочинялъ такую-то пѣсню: она вылилась цѣлою массою; всякій, кто ее поетъ, какъ будто считаетъ за собственное произведеніе; нигдѣ не является народъ такимъ единымъ лицомъ, какъ въ этихъ звукахъ души своей, слѣдовательно, ни въ чемъ такъ не выказываетъ своего характера“.

По своему значенію историческаго источника, пѣсни могутъ быть важны въ разныхъ отношеніяхъ: какъ лѣтопись внѣшнихъ событій (напр., пѣсни историческія), какъ отраженіе народнаго быта, какъ предметъ изслѣдованія филологическаго, — наконецъ, какъ „памятника воззрѣнія народа самого на себя и на все окружающее“. Въ этомъ послѣднемъ Костомаровъ видѣлъ самое важное достоинство пѣсенъ и, здѣсь, для историческаго вывода, „не нужно даже никакой критики, лишь бы пѣсня была народнаго произведенія“. Съ этой точки зрѣнія и ведется его изслѣдованіе, по тремъ сторонамъ народной жизни: духовной, исторической и общественной.

Въ изложеніи жизни „духовной“, авторъ въ одной главѣ выбираетъ изъ пѣсенъ черты, рисующія религиозное чувство народа (только малорусскаго, потому что „не имѣлъ ничего въ этомъ родѣ изъ великорусской поэзіи“); въ другой, онъ подробно останавливается на отношеніи народа къ природѣ.

Понятно, что событія, личныя и историческія, составляющія сюжетъ пѣсенъ, окружены обстановкой мѣстной природы. Но понятіе народа о природѣ не ограничивается одними этими изображеніями: она входитъ въ народную поэзію и болѣе глубокимъ образомъ, — она оживаетъ въ народномъ воображеніи, и авторъ объясняетъ это отношеніе народа къ природѣ слѣдующимъ, нѣсколько мистическимъ, образомъ:

„Предметы природы, часто встрѣчаемые, не интересуютъ народнаго воображенія, потому только, что глазъ безпрестанно видитъ ихъ. Надобно, чтобы они существовали въ полномъ смыслѣ этого слова; народъ ищетъ въ нихъ жизни, а не призраковъ, хочетъ съ ними сообщаться не только тѣлесно, но и духовно. Физическая природа проникнута творческою идеею, согрѣта божественною любовью, облечена въ формы совершенства. Каждое явленіе въ ней не случайно, но имѣетъ свой законъ, открываемый духомъ. Въ природѣ заключается для человѣка значеніе, примѣнительное къ его собственному существу; человѣкъ видитъ въ окружающихъ его предметахъ не одну грубую безжизненную матерію; напротивъ, какъ бы ни удалено казалось отъ его существа какое-нибудь произведеніе родной планеты, — въ человѣкѣ есть тайное око, которое видитъ, что и грубая матерія имѣетъ связь съ духовнымъ существомъ; есть тайный голосъ, который указываетъ, въ чемъ состоитъ эта связь. Вотъ это сознаніе духовнаго въ тѣлесномъ и составляетъ основу всего прекраснаго въ искусствѣ. Оно есть признакъ гармоніи и любви, существующей между Творцомъ и его твореніями. Человѣкъ способенъ любить только духъ; тѣлесное само по себѣ недоступно его сердцу“ (стр. 25—26).

На этомъ Костомаровъ построилъ свое объясненіе роли природы въ народной поэзіи. Эта роль — *символическая*. Предметъ природы, входя въ поэтическое произведеніе народа, получаетъ въ немъ духовное значеніе, въ формѣ примѣненія его къ жизни нравственнаго существа или—символа. Символь не есть ни образъ, ни сравненіе, ни аллегорія — они служатъ ему только формой; символъ представляетъ тайную внутреннюю связь, единство идеи въ явленіяхъ жизни природы и человѣка. „Народные символы, расположенные въ системѣ, составляютъ символику народа, которая служитъ намъ важнымъ источникомъ для уразумѣнія народной жизни. Въ общемъ смыслѣ символика природы есть продолженіе естественной религіи: Творецъ открывается въ твореніи; сердце человѣка любитъ въ явленіяхъ міра физическаго Вездѣсущій Духъ... Отношенія человѣка къ природѣ занимаютъ средину между отношеніями къ Творцу и къ самому себѣ, между любовію божественною и человѣческою, между жизнію созерцательною и практическою. Все это открывается въ символикѣ, которая имѣетъ чрезвычайную важность для этнографіи и исторіи. Взглядъ народа на природу показываетъ вмѣстѣ съ религіею, что такое народъ, какое человѣческое бытіе онъ заключаетъ въ себѣ, а это ведетъ къ уразумѣнію дальнѣйшихъ историческихъ вопросовъ—почему народъ дѣйствовалъ такъ, а не иначе“.

Русская народная символика имѣетъ, по Костомарову, тройное основаніе: одни символы имѣютъ ясное основаніе въ самой природѣ; другіе основаны на историческомъ употребленіи извѣстнаго предмета въ древней жизни; третьи основаны „на старинныхъ миѣическихъ или традиціональныхъ сказаніяхъ и вѣрованіяхъ, составляющихъ достояніе народнаго баснословія“. Предметы и явленія природы, изъ которыхъ почерпалась народная русская символика, Костомаровъ распредѣлялъ такъ: символы небесныхъ свѣтилъ и стихій; символы мѣстности, — царства ископаемаго, растительнаго, животнаго. Въ своемъ изслѣдованіи онъ остановился только на двухъ послѣднихъ разрядахъ народно-поэтическаго символа; онъ проводитъ длинный рядъ растений, деревьевъ, птицъ, и иллюстрируетъ ихъ значеніе многочисленными примѣрами изъ пѣсенъ русскихъ и особливо мало-русскихъ.

Присутствіе символа не подлежитъ сомнѣнію, и въ ученой работѣ народной поэзіи онъ долженъ былъ необходимо быть собранъ и выясненъ; но Костомаровъ—по средствамъ своего времени—сдѣлалъ только половину задачи. Онъ большею частію, почти всегда, только указываетъ символъ—въ особенности тотъ, котораго смыслъ представляется самъ собою; но мало или даже совсѣмъ не касается

тѣхъ, которые произошли изъ „историческаго употребленія извѣстнаго предмета“ или старинныхъ мѣстныхъ сказаній и вѣрованій“. Изъ символики животнаго царства Костомаровъ останавливается лишь на птицахъ; относительно насѣкомыхъ и звѣрей пѣсни давали скудный матеріалъ—этого матеріала надо было бы искать въ народныхъ разсказахъ и преданіяхъ, „но они у насъ мало извѣстны, особенно малорусскіе“ (стр. 89).

Переходя затѣмъ къ исторической жизни народа, Костомаровъ указываетъ прежде всего, что пѣсни никакъ не могутъ служить полною исторіею, во-первыхъ, по вмѣшательству поэтической фантазіи; во-вторыхъ, потому, что съ одной стороны пѣсня не знаетъ многихъ событій, подробно описанныхъ лѣтописью, а съ другой останавливается на событіяхъ, лѣтописи совсѣмъ неизвѣстныхъ. Въ пѣснѣ остается лишь то, что произвело сильное впечатлѣніе на народъ; поэтому долѣе сохраняются въ ней лишь важныя событія, крупныя переломы въ народную жизнь.

„Разница между историческими пѣснями Великой и Малой Руси чрезвычайно значительна. У великоруссовъ остались преданія о глубокой старинѣ кievской, о Владимірѣ и богатыряхъ его, хотя народъ представляетъ себѣ славную эпоху [превратно. Казалось бы, у малоруссовъ скорѣе должна была сохраниться исторія ихъ отечества, и однако мы еще ничего не видали въ такомъ родѣ. Дѣятельная жизнь послѣдующихъ временъ, участіе цѣлаго народа въ политическихъ дѣлахъ, кажется, стерли всю старину. За то исторія позднѣйшихъ временъ отразилась въ пѣсняхъ полно и ясно: цвѣты фантазіи не въ силахъ были совершенно закрыть истины; у великоруссовъ, напротивъ, ни одно изъ историческихъ событій, оставшихся въ народной памяти, не представляется такимъ, какимъ оно было въ самомъ дѣлѣ: народная фантазія все передѣлала по своему“ (стр. 90—91).

Циклъ малорусской эпической поэзіи начинается съ XVI вѣка и содержаніе его обнимаетъ козацкія дѣянія въ отношеніяхъ турецко-татарскихъ, польскихъ и русскихъ. Костомаровъ излагаетъ принадлежащія сюда думы и пѣсни, прибавляя къ нимъ историческія объясненія фактовъ и стараго быта. „Запорожская Старина“ доставила ему для этого обильный матеріалъ, и онъ не думалъ заподозрить подлинности многихъ произведеній, взятыхъ изъ этого источника. Приводя думы, какъ извѣстно теперь, подложныя, онъ находилъ напр., что „во всѣхъ этихъ пѣсняхъ событія рисуются вѣрно“; что „происшествіе разсказано согласно съ повѣствованіемъ Конисскаго, противно лѣтописямъ польскимъ“; что одна изъ этихъ думъ „отличается народною философіею, въ которой видимъ свойственное малорусскому народу самопреданіе въ волю божію и сознаніе собственной справедливости; она оканчивается пророческимъ предчувствіемъ будущаго, далекаго счастья Украины“ (стр. 99—100). Теперь, заслугу

Этнографическіе взгляды Костомарова выясняются еще другой его книгой—о славянской мифологіи, изданной во время профессуры въ Кіевѣ, въ разгарѣ славянскихъ мечтаній и напечатанной для большаго археологической внушительности церковно-славянскимъ шрифтомъ ¹⁾.

Вопросы народныхъ вѣрованій, казавшіеся еще недавно темными, теперь во многомъ для него разъясняются. Костомаровъ сопоставляетъ извѣстія о славянскомъ язычествѣ, особливо балтійскомъ, у средневѣковыхъ нѣмецко-латинскихъ лѣтописцевъ съ тѣмъ, что сохранилось въ извѣстіяхъ славянскихъ, и въ народныхъ преданьяхъ, повѣрьяхъ и обычаяхъ, — и старается открыть внутренній смыслъ этихъ фактовъ. Этотъ смыслъ представляется ему въ томъ, что славянскія божества, какъ сохранившіеся народныя повѣсти и обряды, представляютъ символизацию силъ и явленій природы. Древнія религіи не знали вообще другихъ предметовъ поклоненія; но вопросъ заключался въ опредѣленіи пути, которымъ совершалось образованіе

— Изданія Войццикаго (Klechdy; Zagusy Domowe); словацкія „Narodnie Zpievanky“, Коллара.

— Кроме того, онъ ссылается на галицкое собраніе колядокъ, Бѣрецкаго, сообщенное ему, по возвращеніи изъ путешествія въ славянскія земли, Срезневскимъ. „Это рукописное собраніе, — говоритъ Костомаровъ, — содержитъ 33 пѣсни и драгоценно въ высокой степени для русской этнографіи, филологіи, исторіи, и въ особенности мифологіи; такъ что многое проливаетъ новый свѣтъ на вѣрованія нашихъ предковъ“. Это „драгоценное собраніе“, кромѣ отдѣльныхъ цитатъ, никогда не являлось въ печати.

— Наконецъ, Костомаровъ „нигдѣ подъ рукою“ собраніе нигдѣ еще не напечатанныхъ малорусскихъ пѣсенъ, числомъ болѣе 500, и которое вскорѣ должно было явиться въ печати.—Вѣроятно онъ говорилъ о собственномъ сборникѣ.

Книга Костомарова вызвала, кромѣ упомянутого отзыва Бѣлинскаго, еще нѣсколько журнальныхъ статей. Сенковский (Библи. для Чтенія, 1844, т. 66-й, отд. 6, стр. 12) глумился надъ мыслью отыскивать историческое значеніе — въ народной поэзіи, т.-е. въ мірѣ ямщикова, зелена вина и т. д. Срезневскій далъ о книгѣ весьма сочувственный отзывъ въ „Москвитинѣ“ (1844, ч. II, № 3, стр. 141 — 154), гдѣ, впрочемъ, замѣчалъ, что авторъ, излагая содержаніе народной поэзіи, не разъяснилъ, какъ и чѣмъ же можетъ воспользоваться здѣсь историкъ, — между тѣмъ какъ только рѣшеніе этого вопроса могло бы оправдать названіе книги. Наконецъ, обширный разборъ книги Костомарова сдѣлалъ нѣкто К. Калайденскій, въ „Маякѣ“ 1844, т. XV, кн. XXX, стр. 31—82; но въ сущности это—только изложеніе книги, съ немногими и незначительными замѣчаніями.

¹⁾ „Славянская Мифологія. Сочиненіе Николая Костомарова. Извлеченіе изъ лекцій, читанныхъ въ университетѣ св. Владиміра во второй половинѣ 1846 года“. Кіевъ 1847. Большое 8°, 113 стр. Эта книга въ свое время не успѣла поступить въ продажу, и потому извѣстна была только любителямъ. Въ шестидесятыхъ годахъ А. А. Котларевскій намѣревался переиздать эту книгу, дополнивъ ее по новымъ изслѣдованіямъ; часть книги была даже напечатана, — но изданіе не было приведено къ концу, не знаешь, почему.

миеа, и въ опредѣленіи его склада. Наука въ то время была уже на пути къ реальному, филологическому и археологическому выясненію этого образованія миеа и его характера; Костомарову это движеніе осталось тогда, какъ и послѣ чуждо, и онъ довольствуется общими впечатлѣніями, отгадкой, и его объясненіе остается общимъ и полу-мистическимъ.

Славянскую, и въ томъ числѣ древне-русскую, миеологию Костомаровъ постоянно сравниваетъ съ миеологіей древнихъ восточныхъ классическихъ народовъ, германцевъ — переноса на славянскія божества и преданія тотъ смыслъ, который находили тамъ ученые старой школы, и вообще устанавливаетъ между ними полную параллельность—въ олицетвореніи силъ природы, борьбы свѣта и тьмы, тепла и холода, лѣта и зимы, добра и зла, и приходитъ къ такому обобщенію:

„Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всеобщее понятіе объ олицетвореніи солнечной силы: смерть и воскресеніе въ мірѣ физическомъ знаменуетъ годовой кругъ—лѣто и зима, а въ мірѣ нравственномъ вочеловѣченіе божества на землѣ, благодѣянія, страданія и торжество. Эта идея высказалась и въ воплощеніяхъ Вишну, и въ Озирисѣ, и въ Діонисіи, и въ Атисѣ, и въ Созіамѣ, и въ Вальдурѣ, и въ нашемъ языческомъ божествѣ съ различными названіями и съ однимъ значеніемъ¹⁾. Гельмольдъ говоритъ, что Радегастъ былъ герой, стрелникомъ по землѣ, и погибъ въ сраженіи, а потомъ содѣлался божествомъ. Вѣрно славяне вѣрили въ его воскресеніе или переходъ въ высшую жизнь какъ существа, вмѣстѣ божественнаго и человѣческаго, ибо Свантовитъ, по ихъ понятію, ѣздилъ на конѣ своемъ и сражался съ врагами...

„Эта идея воплощенія, страданія и торжества божественнаго существа на землѣ была чудеснымъ предчувствіемъ пришествія Сына Божія, солнца правды, свѣта истины, и служила величайшимъ историческимъ подтвержденіемъ истинности св. Писанія. Это была идея, вложенная Творцомъ въ родъ человѣческій: человекъ, какую бы религію ни создалъ себѣ, непремѣнно долженъ былъ пропитать въ ней то начало, съ которымъ самъ произошелъ на свѣтъ; оторвать отъ него мысль о вочеловѣченіи божества было бы столь же трудно, какъ отрывать нѣру въ свою душу. Коварные умы не разъ уже хотѣли доказывать неподлинность исторіи Иисуса Христа виднымъ подобіемъ съ вѣрованіемъ народныхъ, перлазъ уже указывали и на Соміаша, и на Адониса, и на Аполлона, какъ на первообразъ Богочеловѣка; но всѣ ихъ указанія могутъ служить только блѣднымъ подтвержденіемъ и укрѣпленіемъ того, что хотятъ ниспровергнуть. По всѣмъ миеологіямъ, какъ бы онѣ ни были извращены человѣческими мудрованіемъ и фантазеею, скрываются истины, въ глубочайшей древности чистоты человѣческаго открытія свѣта... За всѣхъ умеръ Христосъ, и потому мыслъ чуждымъ всѣмъ языкамъ. Въ бождающихъ образахъ народи мѣжили еси. Онъ, по словамъ св. Писанія, въ мірѣ былъ, но міръ его не познавъ, и люди нашии тѣ, которые познали еси когда, подобно завѣсѣ, замаранныи въ грѣхъ въ минуу еси кончимъ, пали передъ свѣтомъ его темнѣе прищипи и символы, перлазъ еси стоить на такомъ твердомъ камнѣ яснѣе въ вѣкъ истинны, что врата адовы не сдвинуть се во вѣкъ“ (стр. 51—54).

А именно онъ говоритъ о Свантовитѣ, Радегастѣ, Сварогѣ, Дажьбогѣ и проч.

Такимъ образомъ древнія языческія мифологіи сводятся къ „естественной религіи“. Съ другой стороны прибавлялся къ этому взглядъ такъ называемой символической школы мифологіи, предшествовавшей Гримму и которой главнѣйшимъ представителемъ былъ Георгъ-Фр. Крейцеръ (1771—1858), авторъ знаменитой нѣкогда книги: „Symbolik und Mythologie der alten Völker, besonders der Griechen“ (1810—12, и нѣсколько изданій потомъ). Символическая школа была въ связи съ романтизмомъ, который, обращаясь къ старинѣ, къ востоку, къ народному преданію, видѣлъ въ нихъ запасъ новыхъ нравственныхъ и поэтическихъ идей. Это была реакція и шагъ впередъ противъ сухого эвгемеризма XVIII-го столѣтія, который видѣлъ въ мифологіи фантастическое извращеніе или обобщеніе историческаго лица и событія, или басню, „выдуманную жрецами“, и не видѣлъ психологическаго процесса, какимъ создавалась мифологія. На мѣсто механическаго понятія о мифѣ, здѣсь ставился вопросъ объ его естественномъ происхожденіи въ психологическомъ процессѣ народной жизни,—ошибка была лишь та, что отвѣтъ на этотъ вопросъ строился не на точномъ изученіи фактовъ, а на теоретическомъ предположеніи. По ученію символической школы (Крейцеръ, Отфридъ Мюллеръ, Швенкъ, Вельверъ и др., которые частію и цитируются Костомаровымъ, а позднѣе и Афанасьевымъ), мифъ есть вообще иносказаніе, изображающее астрономическія и физическія явленія,—солнце и звѣздное небо, свѣтъ и тьму, переходы временъ года и т. п. Сравненіе указывало господство однихъ и тѣхъ же мотивовъ въ мифологіи всѣхъ народовъ; къ сравненію были привлечены и семитическіе языки, и недавно открытый санскритъ, и египетская древность; аллегорія и образный языкъ были у всѣхъ народовъ выраженіемъ религіозно-мифологическихъ идей; „мифы и сказанія отдѣльныхъ народовъ суть только незначительныя варіаціи и нарѣчія одного первобытнаго общаго языка, именно—восточнаго, образнаго языка“. Источникомъ многообразнаго развитія мифологій было первобытное единобожіе востока, которое было дѣломъ откровенія, и притомъ не въ формѣ деизма, отличающаго божество отъ творенія, а въ формѣ пантеистическаго ихъ единства, воплощенія и эманации. Вся мифологія становилась рядомъ символовъ, и такъ какъ ея основныя темы и олицетворенія повторялись у разныхъ народовъ, то въ отождествленіи символовъ терялись наконецъ отличительныя черты вѣковъ и народностей. Мифологія становилась мистической; для ея уразумѣнія требовалось уже не одно историческое изслѣдованіе, но особое чувство ¹⁾. Страсть видѣть повсюду символъ приводила, на-

¹⁾ „Главный трудъ, лежащій на мифологѣ,—говорилъ Крейцеръ,—заключается не въ исторической критикѣ, которая, конечно, необходима, но въ воспріятіи (Apprehension) этногр. III.

конце. къ самому превратному пониманію фактовъ, напр., греческой древности. Мифическія исторіи боговъ и героевъ были только символами природныхъ событий и явленій. Греки заимствовали ихъ у индусцевъ и египтянъ. но это былъ народъ легкаго, подвижнаго характера. — они забыли глубокое значеніе символовъ, и древняя египетская мудрость сохранилась у грековъ только въ мистеріяхъ. Первоначальная религія, пришедшая изъ Индіи и Египта, хранилась у персидцевъ, греки утратили ея таинственный смыслъ, такъ что въ этомъ смыслѣ греческая цивилизація была упадкомъ сравнительно съ первоначальнымъ достигнутымъ преданіемъ. По слѣдамъ Вольфа, Гомеровъ былъ лишь вторичнымъ національнымъ произведеніемъ, передающимъ греческое мировоззрѣніе въ полной чистотѣ первобытной религіи. Греческая школа, напротивъ, видѣла въ Гомерѣ только поэта, который внесъ свой личный произволъ въ міръ религіозно-мифическаго міра и нарушилъ древнюю чистоту ученій: послѣдняя чистота же мифовъ сохранилась у Гезіода и была легкомыслиемъ Гомера. Наконецъ, вообще первобытная религіозная мифология, существующая въ отдаленныхъ временахъ человѣчества и, представляющая собой родъ жрецами, представляла таинственное ученье, которое было подготовленіемъ къ христіанству...

Смѣлѣе теорію греческой древности, эта теорія еще въ десятыхъ и двадцатыхъ годахъ вызвала сильныя опроверженія, въ особенности со стороны замѣнитимыхъ филологовъ Готфрида Германна и Лобека; самымъ яркимъ и неограниченной символизацией былъ устраненъ новымъ сравнительнымъ и археологическимъ методомъ Гримма, который не смотря на его преувеличенія—сводилъ вопросъ на реальную почву, наконецъ, новыя изслѣдованія въ области антропологической археологии совершенно опровергали мысль о глубокихъ первобытныхъ отъношеніяхъ и, напротивъ, открывали въ отдаленіи грубый доисторическій миръ.

Книжка К. Костомарова, очевидно, находится въ связи съ теоріями символической школы. Два два Костомаровъ цитируетъ Гримма (H. Grimm, *Mythologie*¹⁾, но книга пересыпана ссылками на Костомарова, по слѣдамъ котораго дѣлаются обращенія къ ведическимъ мифамъ, индійской и персидской²⁾. Построеніе символической школы и отчасти эзотерическимъ; факты пригоняются къ мифическому, и недостатокъ построенія оказался таковымъ же, какъ и въ символической критикѣ укоряла самого Крейпера.

Въ концѣ книги Костомарова есть примечаніе, въ которое обусловлено, что мифическая критика не должна быть, какъ и прежде думали.

1) *Вопросы о мифическомъ мірѣ*, изданный въ Москвѣ на приложіе къ *Вопросамъ о мифическомъ мірѣ*, изданный въ Москвѣ, 1865, стр. 40.

Увлеченія натуръ-философіи легко были отринуты, потому что первыя строгія наблюденія опровергали ихъ; мистическія толкованія могли быть устранены только путемъ сложныхъ и глубокихъ изслѣдованій, для основанія которыхъ нужна была такая великая научная сила, какъ Яковъ Гриммъ. У насъ отголоски старой символической школы еще продолжались у Аванасьева. Лишь въ послѣднее время сознава въполнѣ необходимость точнаго опредѣленія первоначальныхъ фактовъ и самыхъ источниковъ,—съ чего слѣдовало начаться изслѣдованію.

Трудъ Костомарова не былъ первымъ въ этой области: не говоря о раннихъ, очень мало или совсѣмъ ненаучныхъ трудахъ по русской миеологіи и этнографіи, онъ имѣлъ предшественниковъ въ Снегиревѣ —уже собиравшемъ „простонародные праздники и суевѣрные обряды“, въ Касторскомъ („Славянская миеологія“, 1841) и особливо въ Срезневскомъ, въ книгѣ котораго: „Святылища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ, по свидѣтельствамъ современнымъ и преданіямъ“ (Харьковъ, 1846), кромѣ множества указаній изъ средне-вѣковыхъ лѣтописцевъ и другихъ памятниковъ, иностранныхъ и славянскихъ, введены и народныя преданья, пѣсни и обычаи. Костомаровъ имѣлъ также въ распоряженіи труды западно-славянскихъ ученыхъ (Шафарикъ, Палацкій, Ганушъ). Не смотря на указанную натавугность взгляда, труды Костомарова были важны для установленія новаго историко-этнографическаго изученія, во-первыхъ, какъ цѣльные обзоры, во-вторыхъ, многими частностями: таковы были въ „Миеологіи“ указанія на смыслъ народныхъ обрядовъ, въ книгѣ о народной поэзіи—обзоръ поэтической символики пѣсенъ и опыты изображенія по пѣснямъ историческихъ общественныхъ отношеній. Можно пожалѣть, что эти стороны народной поэзіи привлекають теперь сравнительно мало вниманія: новые изслѣдователи всего больше поглощены изученіемъ генезиса народнаго преданія, и мало вниманія посвящаютъ народной поэзіи въ ея послѣднемъ историческомъ терминѣ, въ ея цѣломъ составѣ и современномъ смыслѣ для народа.

Костомаровъ остался чуждъ дальнѣйшему развитію нашихъ этнографическихъ изученій, но его старый интересъ къ народному тѣмъ не менѣе плодотворно развился въ двухъ направленіяхъ: въ трудахъ по изданію произведеній народной поэзіи и ихъ ближайшему историческому толкованію, и особливо—въ примѣненіи этнографическихъ соображеній къ исторіографіи.

Что касается послѣдняго, то нѣкоторое объясненіе своей исторіографической теоріи Костомаровъ далъ въ лекціи: „объ отношеніи русской исторіи къ географіи и этнографіи“.

Указавъ, какъ историческое знаніе, и наше въ томъ числѣ, постоянно расширяло кругъ своихъ изслѣдованій отъ чисто внѣшнихъ

жизнью и движеніемъ. Для полноты же исторической науки необходимо, чтобы и другая сторона народной жизни равнымъ образомъ была представлена въ научной ясности, тѣмъ болѣе, что народъ вовсе не есть механическая сила государства, а истинно живая стихія, а государство, наоборотъ, есть только форма, само по себѣ мертвый механизмъ, оживляемый только народными побужденіями, такъ что самодѣятеленъ ли народъ, бездѣятеленъ ли онъ,—во всякомъ случаѣ государственность не можетъ быть инымъ чѣмъ, какъ результатомъ условій, заключающихся въ народѣ; и даже тамъ, гдѣ народъ, погруженный въ мелкіе, единичные интересы, представляетъ собою недвижимую, немыслящую, покорную массу, и тамъ формы государственныя со всіми своими развѣтвленіями и со всіми уклоненіями отъ потребностей, лежащихъ въ народѣ, все-таки получаютъ корень въ народѣ, если не въ сознаніи и дѣятельности, то въ отсутствіи мысли и въ безсиліи его“ ¹⁾.

Костомаровъ указываетъ затѣмъ неразвитость нашей русской этнографіи—въ объясненіи собираемаго матеріала. Какъ исторія становится только археологіей, когда накапливаетъ одни факты прошлой жизни, такъ и этнографическое богатство, даже при научномъ построеніи, не составляетъ науки о народѣ. У насъ есть собранія пѣсенъ, пословицъ, областной словарь, подробныя описанія быта, но все это отрывочно, неполно и не приведено въ систему. Сравнительная сторона дѣла чрезвычайно мало обработана. Указываютъ извѣстные предметы и явленія въ одномъ краѣ, и не указываютъ, есть ли они въ другомъ; или, находя сходство, не ищутъ узнать, есть ли оно давнее или позднѣйшее. Относительно произведеній народной словесности оставалось обыкновенно не выясненнымъ, кѣмъ именно и въ какихъ обстоятельствахъ, съ какимъ настроеніемъ поются тѣ или другія пѣсни, гдѣ и кѣмъ употребляются извѣстныя пословицы, и т. п. Относительно народнаго языка мы имѣемъ сборники областныхъ словъ, но не имѣемъ понятія объ областной рѣчи, т.-е. дѣломъ изложеніи, разсказѣ или разговорѣ; знаемъ, что есть особыя нарѣчія, но не знаемъ ихъ границъ,—и притомъ, съ особыми нарѣчіями соединяются оттѣнки понятій, нравовъ и обычаевъ,²⁾ въ которыхъ, безъ сомнѣнія, отложились слѣды прожитыхъ вѣковъ. Наконецъ, этнографія никакъ не должна ограничиваться изображеніемъ быта одного простонароднаго сельскаго класса: не только низшіе, но средніе и высшіе классы представляютъ много отличій; помѣщики различны по землямъ, какими владѣютъ, по способу хозяйства и правиламъ домашнего быта, купцы и мѣщане по роду занятій и т. д. Все это еще должно быть собрано, и главное, освѣщено сравненіемъ и историческимъ объясненіемъ, и тогда только этнографія въ связи съ исторіей станетъ настоящей наукой.

Въ частности, относительно пѣсенъ, которыя были нѣкогда пред-

¹⁾ Историческія монографіи и изслѣдованія. Т. III. Спб. 1867, стр. 359—362.

метомъ первыхъ ученыхъ работъ Костомарова, онъ замѣчалъ—черезъ двадцать лѣтъ послѣ своей диссертациі: „Пѣсни наши вообще мало были аналлизированы: не показано отраженія въ нихъ природы; не приведена въ ясность народная символика образовъ природы, составляющая вообще сущность первобытной поэзіи; не указаны типы лицъ, созданныхъ народной поэзіей, не изложенъ въ системѣ поэтической способъ выраженій, общій народу и любимый имъ по преимуществу, не указаны переходы отъ старыхъ формъ къ новымъ; не представлено, какъ сохранились въ пѣсняхъ воспоминанія и слѣды старой жизни съ ея угасшими посреди новаго быта признаками и, наконецъ, не соблюдались особенности нарѣчій, на которыхъ записывались пѣсни“ ¹⁾).

Такова была программа этнографическихъ понятій Костомарова, представляющая очевидно развитіе тѣхъ самыхъ взглядовъ, съ какими онъ велъ свою первую работу о народныхъ пѣсняхъ.

Позднѣйшія работы Костомарова въ этой области, какъ мы замѣтили, шли въ двоякомъ направленіи. Съ одной стороны, онъ искалъ въ исторіи народныхъ и бытовыхъ элементовъ—таково множество его работъ по исторіи великорусской, въ статьяхъ о федеративномъ началѣ древней Руси, въ исторіи Новгорода и Пскова, въ трактатѣ о началѣ единой державы въ древней Россіи, въ книгѣ о бытѣ и нравахъ XVI—XVII вѣка, въ мастерскомъ изслѣдованіи о Стенькѣ Разинѣ; далѣе, въ многочисленныхъ изслѣдованіяхъ по малорусской исторіи. Въ статьѣ о „двухъ народностяхъ“ онъ поставилъ и основной вопросъ объ отличіяхъ племенъ великорусскаго и малорусскаго,—до тѣхъ поръ никогда ясно не поставленный и съ тѣхъ поръ также еще не вызвавшій новаго, болѣе подробнаго опредѣленія.

Приведенныя замѣчанія о пѣсняхъ до сихъ поръ остаются справедливы: пѣсенная поэзія до сихъ поръ не опредѣлена въ ея дѣломъ составѣ; ея складъ, историческое развитіе, отложившіяся въ ней наслоенія разныхъ эпохъ и формъ народной жизни не вызвали пока полнаго и систематическаго изслѣдованія. Пристальныя и нѣредко замѣчательныя работы вызвали только эпосъ и нѣкоторыя части лирики,—но цѣлая область народно-поэтической дѣятельности еще не была обнята изслѣдованіемъ, и особенно съ тѣхъ ея сторонъ, гдѣ она является отраженіемъ непосредственнаго народнаго міровозрѣнія, чувства и быта—если не въ настоящемъ, то въ давнемъ и недавнемъ прошедшемъ.

Во время пребыванія въ Саратовѣ, Костомаровъ виѣсть съ другимъ лицомъ собиралъ пѣсни: нѣсколько пѣсенъ было напечатано

¹⁾ Тамъ же, стр. 369.

ить въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Какъ извѣстно изъ его биографіи, появленіе этихъ пѣсенъ навлекло не малую непріятность пропустившему ихъ цензору: пѣсни (великорусскія) были, между прочимъ, новѣйшаго происхожденія и по народному грубо рисовали нѣкоторыя бытовыя явленія, и высшая власть нашла, что подобныя пѣсни слѣдовало истреблять, а не собирать (разумѣется, было легче сказать это, чѣмъ достигнуть, а запретить наблюденіе явленія значило добровольно закрыть на него глаза). Впослѣдствіи, уже въ новое царствованіе, сборникъ Костомарова былъ изданъ въ „Лѣтописяхъ русской литературы и древности“ г. Тихонравова ¹⁾,—но впослѣдствіи оказалось, что этотъ сборникъ, собиравшійся самимъ Костомаровымъ или на глазахъ его, опытнаго этнографа, не обошелся безъ сомнительныхъ подправокъ, которыя уже вскорѣ были указаны г. Безсоновымъ ²⁾.

Передъ тѣмъ, въ „Малорусскомъ литературномъ сборникѣ“ г. Мордовцова (Саратовъ, 1859) Костомаровъ издалъ пѣсни, собранныя имъ въ сороковыхъ годахъ на Волынѣ ³⁾.

Наконецъ, подъ редакціей или „наблюденіемъ“ Костомарова изданы были три тома извѣстныхъ „Трудовъ“ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, Чубинскаго, а именно: томъ III, 1872, заключающій „народный дневникъ“—описаніе обычаевъ и обрядовъ, принадлежащихъ только опредѣленнымъ временамъ года, и соединенныхъ съ ними повѣрій, и обширный отдѣлъ пѣсенъ, которыя также поются только въ опредѣленные времена года, какъ веснянки, русальныя или троицкія пѣсни, купальскія, обжиночныя, колядки и щедровки; томъ IV, 1877, заключающій описаніе обрядовъ—родинъ, крестинъ, свадьбы, похоронъ, и принадлежащія сюда пѣсни; наконецъ,—громадный томъ V, 1874 (1209 стр.), заключающій пѣсни любовныя, семейныя, бытовыя и шуточные. Не знаемъ, въ данную минуту, какъ далеко простиралось „наблюденіе“ Костомарова надъ изданіемъ этихъ томовъ, именно, кому, напр., принадлежало распределеніе матеріала на отдѣлы и рубрики, ему или самому Чубинскому. Критика не всегда находила это распределеніе научно-правильнымъ ⁴⁾.

¹⁾ Томъ IV. М. 1862, стр. 1—111.

²⁾ Пѣсни Кирѣевскаго, вып. VII-й, М. 1868, и слѣдующіе. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ г. Безсоновъ называетъ прямо поддѣльными и дурно поддѣланными; въ другихъ случаяхъ онъ находитъ присочиненія, или сомнительныя, подробности и прикрасы. См. наприм. вып. VII; стр. 9, 11, 74, 109—111, 154, 203—204; вып. VIII, стр. 61, 162, 174—175, и т. д.

³⁾ Объ одной пѣснѣ этого собранія см. замѣчаніе въ предисловіи къ „Историч. пѣснямъ“ г. Антоновича и Драгоманова, т. I, стр. XXII—XXIII.

⁴⁾ См., напр., отзывъ А. Н. Веселовскаго въ академическомъ присужденіи Ува-

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ своей диссертациі Костомаровъ снова вернулся къ ея предмету, и именно къ южно-русской ея части, въ рядѣ статей, который начатъ былъ въ „Бесѣдѣ“ 1872: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“, затѣмъ продолжался въ „Р. Мысли“ 1880 и 1883: „Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“ и закончился въ „Литературномъ Наслѣдіи“ статьей: „Семейный бытъ въ произведеніяхъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Это была обширная переработка старой диссертациі — съ тѣми же основными положеніями и планомъ, и съ тою разницею, что изложеніе было исправлено и дополнено по новымъ матеріаламъ, какіе выросли съ начала сороковыхъ годовъ. Костомаровъ въ сущности не измѣнилъ своихъ представленій о первобытной мифологіи, оставившей въ пѣсняхъ свои слѣды въ видѣ мифической символики; онъ только расширилъ главу о символикѣ небесныхъ и физическихъ явленій цитатами изъ старыхъ и вновь изданныхъ пѣсенъ; символика животныхъ осталась нетронутою и теперь. Возвратившись послѣ 1872 г. къ этому предмету въ 1880, онъ прямо перешелъ къ эпохѣ козачества и ея отраженіямъ въ пѣсняхъ. Но совершенно измѣнилось отношеніе къ тому матеріалу, который заключался въ „Запорожской Старинѣ“. Въ концѣ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ она произвела на него большое впечатлѣніе, какъ и вообще знакомство съ Срезневскимъ „надолго возымѣло на него сильное вліяніе“ ¹⁾, но впослѣдствіи собственное ближайшее изученіе козацкой эпохи убѣдило его въ недостоверности многого въ этомъ матеріалѣ, и Костомаровъ уже въ пятидесятыхъ годахъ заявилъ свои сомнѣнія и отрицанія ²⁾. Желаніе, чтобы стали общезвѣстными „таинствен-

ровскихъ премій, 1880, стр. 33—34; отзывъ Ягича въ „Archiv für slavische Philologie“.

¹⁾ Литературное Наслѣдіе, автобіографія, стр. 29.

²⁾ См. разборъ „Записокъ о Южной Руси“, Кулиша, въ Отеч. Запискахъ, 1857, т. СХІІ, стр. 41—42:

„Въ 1838 году явилась „Запорожская Старина“ г. Срезневскаго, изданіе ~~важ-~~ ное и замѣчательное. Почтенный ученый, въ дни молодости брошенный судьбою ~~в~~ степи Екатеринославской губерніи, записалъ отъ слѣпыхъ бандуристовъ думы и пѣсн ~~и~~ и спасъ отъ гибели драгоцѣннѣйшія созданія старинной народной поэзіи. Мног ~~изъ~~ изъ нихъ погибли бы невосвратно, еслибъ счастливый случай не далъ г. Срезне ~~в~~ скому возможности передать ихъ потомству въ „Запорожской Старинѣ“. Кро ~~мѣ~~ мѣ этой заслуги, мы должны приписать И. И. Срезневскому ту честь, что онъ первый у ~~ка~~ указалъ, какимъ образомъ важность историческихъ пѣсенъ должно оцѣнивать ~~мѣ~~ мѣстѣ съ критическимъ разборомъ событій. Нельзя, однако, не замѣтить недоказаннос ~~т~~ ть многихъ рассказанныхъ въ „Запорожской Старинѣ“ событій козацкой исторіи, пр ~~т~~ творившихъ всѣмъ, до сихъ поръ извѣстнымъ, источникамъ южно-русской исторі ~~и~~ и. Въ повѣствованіи объ эпохѣ Хмельницкаго является нѣсколько фактовъ, очень ~~важ~~

ные источники" этого изданія, остались не удовлетворенными. Впоследствии Костомаровъ возвратился къ этому предмету въ разборѣ изданія „Историческихъ пѣсень“ гг. Антоновича и Драгоманова, которые уже отнесли къ многимъ даннымъ „Запорожской Старины“ съ полнымъ отрицаніемъ ¹⁾. Въ указанныхъ статьяхъ Костомаровъ пересматриваетъ всѣ думы и пѣсни, имѣющія отношеніе къ исторіи козачества,—причемъ приводитъ въ сноскахъ самые тексты,—сличаетъ варианты и даетъ историческія объясненія о предметахъ пѣсень и ихъ складѣ. Этотъ трудъ остался недовершеннымъ.

Таковы были въ общихъ чертахъ этнографическія работы Костомарова. Какъ мы видѣли, онъ относительно вопросовъ о происхож-

мачившихъ и въ соматію, неизвѣстно откуда взятыхъ. О Морозенкѣ, лицѣ очень любимомъ народною поэзіею, но извѣстномъ въ историческихъ памятникахъ болѣе по имени Морозовицкаго или Мороза, тѣмъ по біографическимъ частностямъ, у Срезневскаго разсказывается цѣлый романъ, не подтверждаемый никакими свѣдѣтельствами. Такіе разказы сопровождаютъ многія думы и пѣсни, напечатанныя въ „Запорожской Старинѣ“. Прошло болѣе двадцати лѣтъ со времени этого изданія, а историческія данныя, сообщенныя въ немъ ученому свѣту, до сихъ поръ остаются неразгаданными, и г. Срезневскій оказалъ бы услугу наукѣ, еслибъ теперь вспомнилъ о своей „Запорожской Старинѣ“ и сдѣлалъ общезвѣстными тѣ таинственные источники, которыми пользовался при составленіи исторической части своего изданія, дабы оно не было похожемъ на исторію Русовъ Конисскаго, тѣмъ болѣе, что честь перваго указанія на недостоверность этого сочиненія принадлежитъ проницательности И. И. Срезневскаго“.

¹⁾ См. „Вѣстн. Европы“, 1874, декабрь. Заявивъ сомнѣніе въ подлинности этихъ пѣсень, Костомаровъ перечисляетъ ихъ такъ: „Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Серпѣ, подъ которымъ думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Пилипайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трехъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстанія Павлюка, Остринина и Гуни, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрицательныя произведенія, выдаваемыя за народныя. Есть еще нѣсколько пѣсень объ злохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о Пиливскомѣ дѣлѣ, пѣсни о взятіи Бендера и пѣсни о Жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ основаній разсвѣтъ сомнѣнія въ ихъ подлинности.“

Въ воспоминаніяхъ А. А. Корсунова помѣщено письмо Костомарова, отъ февраля 1880 года, гдѣ онъ съ великимъ раздраженіемъ говоритъ о „псевдонародныхъ произведеніяхъ“, которыя вводили въ заблужденіе въ „Запорожской Старинѣ“, о „фальшивыхъ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ“, которыя сообщалъ Срезневскій „честному, но до крайности простодушному“ (?) Бодянскому. „Мой Богданъ Хмельницкій очинился, очинился отъ этого навоза... и все-таки до сихъ поръ послѣ третьяго изданія не совершенно очистился“. Костомаровъ укоряетъ Срезневскаго, что у него не хватило рѣшимости „во имя истины публично сознаться въ томъ, что все, выдававшееся имъ за историческую и этнографическую правду, была ложь“ (Р. Архивъ, 1880, № 10, стр. 218—219).

Надо сказать, что и за Костомаровымъ остался подобный недочетъ относительно пѣсень, собранныхъ въ Саратовѣ, въ которыхъ г. Безсоновъ весьма недумсмысленно указывалъ подлоги.

деніи и значеніи народнаго преданія остался до конца ученымъ старой школы; повидимому онъ даже не зналъ новыхъ изслѣдованій нигдѣ никакого указанія на труды Буслаева, Афанасьева, Потебни, Веселовскаго, Ягича и т. д. Онъ хотѣлъ какъ будто устранить упрекъ замѣчая, что не будетъ вдаваться въ міеологію, такъ какъ хочетъ заниматься только пѣснями ¹⁾; но по его же словамъ, именно в пѣсняхъ отражается міеологія.

Съ другой стороны, труды Костомарова имѣютъ, несмотря на то большое достоинство ²⁾. Онъ указывалъ на такія стороны этнографической науки, которыя у насъ еще мало разрабатываются. Онъ стремился дать цѣльное понятіе о народномъ пѣсенномъ творчествѣ, данномъ его состояніи, какъ современномъ фактѣ народной жизни. При всѣхъ пробѣлахъ въ его изслѣдованіяхъ, онѣ за послѣднее время остаются единственнымъ трудомъ подобнаго рода, и надо пожалѣть что ученые новаго поколѣнія не приступаютъ къ подобной задачѣ съ ихъ болѣе обильными научными средствами: народная поэзія не есть только предметъ археологіи, но и фактъ внутренней нравственно-бытовой жизни народа и его исторіи.

Другимъ достоинствомъ этнографическихъ понятій Костомарова были тѣ, выше нами приведенныя мысли его, что этнографія должна направить свои изысканія не только на сельское простонародіе, но и на другіе классы народа, не только средніе, но и высшіе, на бытъ городовъ также, какъ и бытъ селъ и деревень; что она не должна отстраняться отъ тѣхъ формъ быта, которыя кажутся будто не-народными, какъ, напр., жизнь фабричная, и тѣхъ пѣсенныхъ произведеній, которыя, создаваясь въ этой области, кажутся искаженіемъ „чисто народной“ поэзіи и вкуса. Что этнографія должна подобнымъ образомъ расширить свои границы, въ этомъ сомнѣнія; и самыя „искаженія“ обнимаютъ уже теперь большую долю населенія, и будутъ еще расширяться вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ слагаются новыя условія простонароднаго быта, и съ ними новыя его формы... Необходимость этнографическаго изученія быта всякихъ классовъ народа, всякихъ мѣстностей, не только селъ, но и городовъ, не только крестьянъ, но баръ и купцовъ, не была указана впервые Костомаровымъ; наши академическіе путешественники конца прошлаго и начала нынѣшняго вѣка понимали уже свою задачу подобнымъ образомъ.

Наконецъ, важнымъ достоинствомъ трудовъ Костомарова въ этой области было то соединеніе этнографіи и исторіи, о которомъ онъ

¹⁾ Введеніе, 1872, IV, стр. 24.

²⁾ Ср. примѣръ в. Наумова о Костомаровѣ, какъ этнографѣ, въ „Біел. Старинѣ“, 1884, III.

говорилъ въ цитированной выше статьѣ. Свойство его собственнаго таланта влекло его къ живописному, образному изложенію исторіи; но сюда прибавлялась и сознательная мысль о необходимости дать мѣсто въ исторіи тѣмъ этнографическимъ стихіямъ, которыя обыкновенно забывались историками и которыя, по его мнѣнію, играли въ исторіи весьма видную роль, какъ глубочайшая подкладка событій. Здѣсь лежитъ часто разница между Костомаровымъ и Соловьевымъ; напомнимъ, напомнимъ, взглядъ того и другого на судьбу и значеніе козачества.

Понятно, что Костомарову, какъ историку Малороссіи, драгоценную помощь оказало въ послѣдствіи то, что въ годы молодости онъ былъ усерднымъ этнографомъ, что онъ бродилъ по деревенскимъ хатамъ, присматривался къ обрядамъ, собиралъ преданья и повѣрья—даже самъ, съ ученой шутливостью, совершалъ языческіе обряды, какъ бы для того, чтобы закрѣпить ихъ въ своемъ воображеніи: „народный духъ“, котораго онъ искалъ,—въ извѣстной мѣрѣ дѣйствительно дался ему и помогъ потомъ освѣтить прошедшее своего народа. Эта складка мысли и фантазіи, воспитанная съ раннихъ лѣтъ, помогла ему послѣ и въ исторіи сѣвернаго русскаго народа. Успѣхъ его историческихъ трудовъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, успѣхомъ этнографіи.

ГЛАВА VII.

П. А. Кулишъ. — Журналъ „Основа“ и начало украинфильства.

Въ настоящее изложеніе должна войти лишь та дѣятельность г. Кулиша, которая относится къ малорусской этнографіи, но ясности должно коснуться частію и другихъ его трудовъ.

Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (род. въ 1819 г.) (современникомъ Костомарова ¹⁾). Онъ прошелъ менѣе правильную учную школу, въ вопросахъ этнографіи и исторіи былъ еще бо. самоучкой; но съ талантомъ и съ живой воспримчивостью онъ бы схватывалъ идеи и этимъ восполнялъ недостатокъ ученой шш. Его идеи складывались подъ тѣми же вліяніями тридцатыхъ и с. ковыхъ годовъ; живымъ наблюденіемъ народнаго быта онъ былъ гаче Костомарова, какъ вѣроятно, сильнѣе былъ и его поэтич. талантъ, въ которомъ впрочемъ всегда было много искусственн. и рефлексіи.

Въ первое время своей литературной дѣятельности г. Кул. былъ однимъ изъ самыхъ рьяныхъ представителей малорусс.

---

¹⁾ Біографія г. Кулиша изложена была вкратцѣ въ чешской энциклопедіи Sl. Naučn., и подробнѣе въ статьѣ: „Жизнь Кулиша“, въ галицкомъ журналѣ „Пр.“ 1868, № 2—4, 24—28, по свѣдѣніямъ, полученнымъ и отъ самого г. Кулиша. вѣйшихъ историческихъ идеяхъ г. Кулиша, составляющихъ важный фактъ ег. литературной біографіи за послѣдніе годы, см. въ статьѣ Костомарова, „Р. Стар.“ 1878, мартъ, стр. 385—402, и въ другой статьѣ: „П. А. Кулишъ и его посл. литературная дѣятельность“, въ „К. Старинѣ“, 1888, I, стр. 221—234; въ кн. „За крашанку—писанка П. Ол. Кулішевѣ“, г. Мордовцева, Спб. 1882, и др. Б. физическія свѣдѣнія и обзоръ беллетристическихъ произведеній въ „Очеркахъ“ трова (Кіевъ, 1884), стр. 264—296 и въ дополненіяхъ къ нимъ г. Дашкевича также Ист. Слав. Литер. I, стр. 873 и дал. Не мало автобіографическаго въ образныхъ воспоминаніяхъ г. Кулиша о Костомаровѣ, „Новъ“, 1885, № 18, стр. 61

патріотизма и этнографіи, хотя уже издавна можно было замѣчать странное колебаніе его мнѣній.

Въ послѣднія десятилѣтія въ его идеяхъ стали совершаться такіе крупныя и на литературной почвѣ трудно объяснимыя перевороты, что становится невозможнымъ представить его дѣятельность съ какимъ-нибудь цѣльнымъ характеромъ: то, чѣмъ опредѣляются его работы въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ, совершенно непримѣнимо къ тому, что онъ дѣлалъ съ шестидесятихъ годовъ и понинѣ. Это—цѣлый рядъ опроверженій, какія писатель дѣлаетъ самому себѣ, а иногда тому, что онъ писалъ наканунѣ. Главный поворотъ, въ которомъ онъ отрекался отъ своей прежней дѣятельности, былъ заявленъ извѣстной „Исторіей воссоединенія Руси“ (1874); но и потомъ, въ вопросахъ южно-русской старины и настоящаго, онъ становился то на ту, то на другую сторону, такъ что его литературное поприще не есть послѣдовательное служеніе одной идеѣ, а нѣсколькимъ идеямъ, иногда противоположнымъ; это—исторія личныхъ колебаній писателя, гдѣ каждая изъ тѣхъ противоположныхъ сторонъ можетъ встрѣчать для себя сочувственное, и два враждебные лагеря могутъ считать писателя своимъ. Положеніе довольно рѣдкое. Правда, вовсе не рѣдки случаи, когда человѣкъ и писатель, къ концу своего поприща, или набираясь большаго жизненнаго опыта и знанія, или старѣя и слабѣя силами, въ томъ числѣ умственныхъ, а иногда и нравственныхъ, измѣняетъ своему прежнему направленію, отказывается отъ прежнихъ идеаловъ и возвращается на избитую колею рутины, обычая, толпы; бываютъ и другіе случаи, когда пылкій умъ, гонимый за разрѣшеніемъ мучительныхъ сомнѣній, увлекается то однимъ, то другимъ принципомъ, которому и отдается всей душой и мыслию, и надѣется найти въ нихъ искомую опору для своего одушевленія общественнымъ вопросомъ. Здѣсь не было ни того, ни другого. Упомянутые перевороты въ идеяхъ г. Кулиша совершались не въ періодъ утомленія,—напротивъ, онъ обнаруживалъ въ ту пору весьма большую литературную дѣятельность, которая свидѣтельствовала о свѣжемъ запасѣ силы и житейской энергіи. Съ другой стороны, это далеко не была пора юношескихъ увлеченій; писатель былъ далеко не молодъ, чтобы легко мѣнять свои убѣжденія или съ новымъ опытомъ, или подъ вліяніемъ юношескаго энтузіазма. Наконецъ, перемѣна мнѣній совершалась не въ какой-нибудь теоретической области или не въ предѣлахъ жизни одного общества, гдѣ человѣкъ, ушедшій изъ одного лагеря, находитъ въ другомъ все-таки искреннихъ приверженцевъ другого направленія, служащихъ, по своему, интересамъ того же общества. Здѣсь, напротивъ, поворотъ идей опять совершался въ необычайной формѣ: писатель, нѣкогда восторгался

національными преданіями своего народа, видѣвшій въ нихъ его историческое достоинство, рѣшительно отрекался отъ всего своего прежняго взгляда, становился на точку зрѣнія его исконныхъ противниковъ: происходило нѣчто въ родѣ отреченія отъ своего собственнаго народа.

Тѣ, кому особенно были близки эти интересы, спеціалисты южно-русской исторіи, люди, помнившіе и цѣнившіе прежнюю дѣятельность г. Кулиша,—и въ особенности Костомаровъ, нѣкогда его другъ и сотоварищъ прежней дѣятельности,—возстали рѣшительнымъ образомъ противъ этой новой точки зрѣнія, и въ самое послѣднее время припимавшей разные оттѣнки, и отыскивали источникъ этихъ отреченій въ чисто личныхъ побужденіяхъ. Отсылая читателя къ ихъ толкованіямъ, замѣтимъ, что въ этой неустойчивости могло участвовать еще одно обстоятельство, не тронутое критиками, а именно—отдаленныя послѣдствія того же романтизма, который господствовалъ въ настроеніи любителей народности тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Мы имѣли случаи указывать, что этотъ романтизмъ, хотя внушалъ нерѣдко самую теплую любовь къ народности, давалъ этому народолюбію поэтическую окраску; направлялъ къ научному изслѣдованію, но имѣлъ свои слабыя стороны, которыя, напримѣръ, оказывались въ неясномъ пониманіи общаго движенія литературы или въ недостаткѣ точной критики. Романтическая любовь къ народности переносила дѣло въ область чувства; хорошо, если къ этому прибавлялось потомъ желаніе найти научныя средства къ объясненію любимаго предмета; у большинства этого не случилось, этнографическій интересъ остался дѣломъ чувства, а въ научномъ смыслѣ—дилеттанствомъ. Не говоря о томъ, какъ могутъ мѣняться понятія человѣка подъ вліяніемъ чисто личнаго произвола, себялюбиваго каприза или разсчета, нельзя не видѣть, что есть большая разница между научнымъ убѣжденіемъ и мнѣніемъ дилеттанта: первое становится строгимъ выводомъ, истиной какъ дважды два четыре, отъ которой нельзя отступить, не оскорбляя собственнаго здраваго смысла; мнѣніе любителя бываетъ дѣломъ вкуса и настроенія. Человѣкъ образованный не можетъ не мотивировать своего перехода отъ одного взгляда къ другому: этотъ переходъ, очевидно, долженъ простирается на всю систему воззрѣній, которыя и должны быть выяснены. Критики г. Кулиша не нашли достаточныхъ внутреннихъ основаній къ крутымъ переходамъ его понятій.

Итакъ, литературныя идеи г. Кулиша развивались въ атмосферѣ романтизма тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Также какъ его современники и сотоварищи, онъ проникался идеей народности, восторгался языкомъ, міровоззрѣніемъ, преданіемъ, обычаемъ, поэзіей

своего народа, занимался его исторіей: въ концѣ сороковыхъ годовъ онъ сблизился съ людьми, въ средѣ которыхъ образовался кружокъ, извѣстный подъ именемъ Кирилло-Меѳодіевскаго. Не будемъ входить въ разборъ того, насколько г. Кулишъ тѣсно или слабо былъ связанъ съ этимъ кружкомъ,—это въ сущности безразлично; довольно сказать, что по своимъ основнымъ вкусамъ онъ вполне сходился съ людьми этого кружка и отличался тѣмъ же особымъ малорусскимъ патріотизмомъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ уже печаталъ свой историческій романъ „Михайло Чарнышенко“, поэму „Украина“, первые главы романа „Черная Рада“ (въ „Современникѣ“ Плетнева); особенно характернымъ его трудомъ этого времени была „Повѣсть объ Украинскомъ народѣ“, напечатанная въ малепькомъ журналѣ для дворянства „Звѣздочка“, г-жи Ишимовой, и отдѣльной книжкой (1847). Книжка тогда же была остановлена и послужила потомъ къ обвиненію г. Кулиша въ преступленіи въ родѣ позднѣйшаго сепаратизма. Изъ разсказовъ о томъ, какъ велось дѣло о Кирилло-Меѳодіевскомъ кружкѣ въ III отдѣленіи, извѣстно, что тамъ какъ на все дѣло, такъ въ частности на идеи г. Кулиша, взглянули въ сильно увеличивающее стекло. На дѣлѣ книжка, разумѣется, не представляла никакой политической опасности и ея нѣкоторыя историческія преувеличенія могли бы и тогда найти совершенно достаточную критическую оцѣнку въ литературѣ, какъ объ этомъ можно судить по замѣткамъ о ней Юрія Самарина, напечатаннымъ въ 1877, но написаннымъ въ 1850¹⁾. Основная мысль ея, хотя не высказанная прямо, заключалась въ томъ, что Малороссія могла бы сдѣлаться самостоятельной, еслибы не измѣна дворянства и не владычество Москвы, убившей ея народность²⁾. Мысль эта не была тогда чѣмъ-нибудь исключительнымъ; она, безъ сомнѣнія, приходила въ голову многимъ изъ малорусскихъ патріотовъ, отчасти какъ отголосокъ стараго племенного различія, который поддерживался суровостями русской администраціи (послѣднихъ не отвергаетъ и Самаринъ въ своей запискѣ), а отчасти подновлялся появлявшимися тогда на свѣтъ памятниками старой малорусской исторической литературы³⁾.

Послѣ того, какъ надъ кружкомъ разразилась извѣстная катастрофа и онъ разсѣлся, г. Кулишъ не покидалъ своихъ прежнихъ интересовъ и въ началѣ пятидесятихъ годовъ приготовилъ двѣ работы, различнымъ образомъ важныя и любопытныя. Онъ напечаталъ

¹⁾ См. „Р. Архивъ“, 1877, № 6.

²⁾ Противъ этой основной мысли книжки Самаринъ выставилъ весьма категорическія опроверженія.

³⁾ Напр., мысли, похожія на взглядъ г. Кулиша, напомнимъ въ приведенныхъ выше запискахъ изъ предисловія къ пѣснямъ Лукашевича.

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Прежній романтический вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянского, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной комиссіи. Бодянский, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдашнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ“, при кіевскомъ военномъ генераль-губернаторѣ; во-вторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній“, изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ“: „Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генераль-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года“; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ“, Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана: „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще“, къ которому приложены весьма характерныя изображенія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 литографій въ крас-

махъ) и двѣ карты; „Исторія о козакахъ запорожскихъ“; „Записки“ Георгія Конисскаго объ Уніи; „Краткое описаніе о козацкомъ малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ“, бунчуковаго товарища Петра Симоновскаго; „Повѣсть о томъ, что случилось на Украинѣ съ той поры, какъ она Литвою завладѣла, до смерти гетмана войска запорожскаго, Зиновія Богдана Хмельницкаго“; „Краткое историческое описаніе о Малой Россіи до 1765 г.“; „Лѣтопись Густинскаго монастыря“; „Описаніе о Малой Россіи и Украинѣ“, Станислава Зарульскаго; „Замѣчанія до Малой Россіи принадлежащія“, и множество отдѣльныхъ актовъ, переписки, универсаловъ и т. п., относящихся къ малорусской исторіи. Кіевская коммиссія въ тѣ же годы издала важную лѣтопись Самуила Величка и начала изданіе историческихъ актовъ по южно-русской исторіи. Предпринимались историческія изслѣдованія, какъ, напримѣръ, „Исторія Малороссіи“ Маркевича, правда, уже вскорѣ оказавшаяся мало удовлетворительною, но указывавшая на необходимость цѣльнаго обзора южно-русскихъ событій; таковы были труды Скальковскаго по исторіи Запорожской Сѣчи; упомянутая раньше работа Костомарова по исторіи Уніи; сочиненія о малорусской старинѣ Максимовича, Самчевскаго, Семеновскаго и т. д. Въ эти годы Костомаровъ, вслѣдъ за первыми историческими и этнографическими трудами, подготавливалъ „Богдана Хмельницкаго“, которымъ открылся въ пятидесятыхъ годахъ рядъ его изслѣдованій по малорусской исторіи, Кулишъ—свои „Записки о вѣной Руси“. Даже внѣ круга подобныхъ специалистовъ предпринимались работы, которыя свидѣтельствовали, что интересъ этого изученія бросался въ глаза и людямъ, мало приготовленнымъ въ научномъ отношеніи, но увлекаемымъ массою представлявшихся любопытныхъ этнографическихъ явленій. Очень интересный образецъ трудовъ этого послѣдняго рода остался въ археологическо-этнографическомъ альбомѣ нѣкоего де-ла-Флиза, 1854 г., хранящемся въ Церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи. Изъ бумагъ, находящихся при альбомѣ, видно, что этотъ де-ла-Флизь сообщалъ въ Географическое Общество свои климатическія наблюденія по кіевской губерніи, получившія одобреніе Общества по своей полнотѣ и отчетливости; въ этнографіи и археологіи де-ла-Флизь былъ, очевидно, любитель и хотя въ его трудѣ найдется много недостатковъ, но самая мысль остается замѣчательна, и по настоящую минуту въ нашей литературѣ нѣтъ книги, которая исполнила бы задачу, поставленную де-ла-Флизомъ. Это—сборникъ описаній разныхъ памятниковъ старины и народнаго быта кіевскаго края, и къ описаніямъ прибавлено много акварельныхъ рисунковъ, которые, хотя и

въ 1854 г. „Записки о жизни Гоголя“, переработанныя потомъ въ біографію, вышедшую отдѣльно (въ двухъ томахъ, Спб. 1856), а въ 1856—57 издалъ два тома „Записокъ о Южной Руси“, свою главную работу по малорусской этнографіи.

Малорусскія изученія въ эти годы получали мало-по-малу новый оборотъ. Престарѣвшій романтическій вкусъ къ малорусской старинѣ началъ смѣняться болѣе пристальнымъ изслѣдованіемъ, собираніемъ и изданіемъ памятниковъ этой старины. Важную грань въ этомъ отношеніи составили труды Бодянского, нѣкоторыхъ любителей и основанной въ Кіевѣ архивной комиссіи. Бодянский, какъ мы упоминали, развилъ въ сороковыхъ годахъ необычайно трудолюбивую издательскую дѣятельность. Онъ не увлекался романтическими фантазіями, былъ человѣкъ крѣпкаго закала ума и характера, обладалъ обширными историческими знаніями и въ тогдшнемъ состояніи изученій малорусской старины одну изъ главнѣйшихъ потребностей дѣла увидѣлъ въ изданіи тѣхъ многочисленныхъ произведеній старой и новой исторической литературы о Малороссіи, которыя еще мало или совсѣмъ не были утилизированы ея историками. Въ самомъ дѣлѣ, оставались неизданными ни многіе старые лѣтописцы Малороссіи XVII вѣка, ни историческіе опыты малорусскихъ патріотовъ XVIII и XIX столѣтій, въ которыхъ заключались многія драгоцѣнныя свѣдѣнія. Эти памятники бывали извѣстны прежнимъ историкамъ Малороссіи, какъ, напримѣръ, Бантышъ-Каменскій, но продолжали ходить въ рукописяхъ между любителями, и ихъ значеніе, какъ источниковъ, оставалось не опредѣлено критикой. Первымъ приступомъ къ критической исторіи должно было быть именно изданіе этихъ источниковъ, и въ сороковыхъ годахъ это изданіе начато было во-первыхъ въ Кіевѣ, въ трудахъ „Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ“, при кіевскомъ военномъ генералъ-губернаторѣ; во-вторыхъ въ Москвѣ, въ „Чтеніяхъ“ московскаго Общества исторіи и древностей. Въ первой же книжкѣ „Чтеній“, изданной Бодянскимъ, начато было печатаніе загадочной „Исторіи Русовъ или Малой Россіи“; затѣмъ, до половины 1848 года напечатаны были въ „Чтеніяхъ“:

„Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго“, съ предисловіемъ г. Кулиша и Бодянскаго; „Исторія или повѣствованіе о Донскихъ Козакахъ, собранная и составленная черезъ труды инженеръ-генералъ-маіора и кавалера Александра Ригельмана, 1778 года“; „Историческія сочиненія о Малороссіи и Малороссіянахъ“, Г. Ф. Миллера; другое сочиненіе Александра Ригельмана „Лѣтописное повѣствованіе о Малой Россіи, ея народѣ, и о козакахъ вообще“, къ которому приложены весьма характерныя изображенія малороссіянъ въ старинной одеждѣ (28 литографій).

не богаты художественнымъ достоинствомъ, но видимо стараются съ точностію передать описываемые предметы ¹⁾.

„Записки о Южной Руси“ (1856—57) были въ свое время замѣчательнымъ явленіемъ; посвященные исторіи, а еще больше этнографіи, онѣ не были ни ученымъ трактатомъ, ни голымъ сборникомъ произведеній народной поэзіи, и представили совсѣмъ новую форму этнографическаго изученія. Авторъ вводилъ читателя въ самый процессъ этнографическаго наблюденія: онъ не только сообщалъ старинную думу, сказку, пѣсню, преданіе, но знакомилъ съ самой обстановкой, съ тѣми людьми, въ средѣ которыхъ онъ выслушалъ эти сказанія. Произведеніе народной поэзіи являлось не анекдотическимъ фактомъ, какъ цвѣтокъ, оторванный отъ своего корня, а, напротивъ, открывалось передъ читателемъ окруженное тѣми подробностями быта, личныхъ народныхъ характеровъ и понятій, между которыми оно существуетъ въ дѣйствительности. Авторъ рассказываетъ исторію своихъ поисковъ, рисуетъ картинки быта, даетъ портреты своихъ знакомцевъ, пѣльцовъ и кобзарей, и въ результатѣ получается не такой сборникъ, какіе давали обыкновенно прежніе этнографы, сборникъ фактовъ, отъединенныхъ отъ своей почвы, а цѣльная этнографическая картина. Это была счастливая мысль, и книга г. Кулиша встрѣчена была съ большимъ сочувствіемъ, особенно его соотечественниками: она очень понравилась Костомарову, приводила къ восторгу Шевченка. Въ самомъ дѣлѣ, она указывала средство восполнить недостатокъ, которымъ особенно страдали прежнія собранія: настоящій характеръ народной поэзіи можно понять только въ связи съ условіями, въ которыхъ она рождается или хранится, въ обстановкѣ живыхъ лицъ, которымъ она принадлежитъ. Прежніе этнографы упоминали иногда объ этой средѣ лишь въ сухомъ описаніи обряда, перечисленіи случаевъ, когда поются тѣ или другія пѣсни, или просто въ указаніи мѣстности и имени пѣвца и рассказчика. Здѣсь авторъ даетъ читателю не только эти внѣшнія указанія, но старается понять и нравственное настроеніе этихъ носителей народной поэзіи. Какъ увидимъ, впрочемъ, эта форма можетъ имѣть и свои недостатки.

Отношеніе автора къ народному преданью и поэзіи исполнено самыхъ теплыхъ сочувствій, чисто романтическихъ. Автора увлекаетъ поэтическая сторона народной жизни: самъ народъ представляется ему живымъ памятникомъ старины: въ немъ хранятся глубочайшія

¹⁾ См. Записки Церковно-археолог. музея при Киевской духовной академіи. Киев, 1882, стр. 12. Записки содержатъ этотъ альбомъ см. въ „Описаніи рукописей Церковно-археологическаго музея при Киевской духовной академіи“. Н. Петровъ, Киев, 1884, томъ I, стр. 128—130.

сокровища народной думы и поэтического чувства, которыхъ уже не понимаетъ и не умѣетъ собирать „цивилизация“.

„Надобно сознаться откровенно,—разсказываетъ г. Кулишъ,—что странствуя изъ села въ село по малороссійскимъ губерніямъ, въ періодъ моей юности, я рѣдко имѣлъ въ виду собственно науку. Меня увлекала поэтическая сторона жизни народа. Я гонялся за драмою, которую разыгрываетъ мелкими отрывками цѣлое малороссійское племя. Мнѣ нужно было видѣть постановку сельской жизни на театрѣ природы (?); и то, что внесъ я въ свои записныя книжки, составляетъ только малую часть моихъ изученій, которыя управлялись постоянно однимъ только чувствомъ—неопредѣленнымъ желаніемъ видѣть и слышать народъ въ разнообразныхъ особенностяхъ единицъ его. Если въ этомъ желаніи заключались и побужденія чисто научныя, то источникомъ ихъ была все-таки чистая любовь къ человѣку, въ его простой, сельской жизни.

Само собою разумѣется, что города, села и мѣста, извѣстныя въ исторіи, привлекали меня къ себѣ преимущественно предъ прочими, и я съ душевнымъ волненіемъ находилъ въ нынѣшнемъ народонаселеніи слѣды и объясненіе жизни былыхъ поколѣній. Въ этихъ мѣстахъ, по выраженію лицъ, по ухваткамъ и рѣчамъ, я живѣе обыкновеннаго воображалъ, каковъ долженъ былъ быть малороссіанинъ подъ иными вліяніями и при другихъ обстоятельствахъ. Тутъ этнографія сливалась для меня въ одну науку съ исторіей, а исторія разублачалась въ своихъ этнографическихъ послѣдствіяхъ. Наши кабинетные люди, повторяя одинъ другого, говорятъ, что въ Малороссіи не осталось почти никакихъ памятниковъ старины ¹⁾. Но самъ народъ—такой памятникъ своей прошедшей жизни, который лучше всякаго произведенія искусства вводитъ насъ въ познаніе того, какъ онъ существовалъ до настоящаго момента. Надобно только всмотрѣться въ нравственный его образъ, котораго расквашенныя черты собираетъ и объясняетъ для насъ этнографія“ ²⁾.

Дѣло собирателей народной поэзіи есть великая заслуга.

„Спасти отъ забвенія памятники жизни своего народа есть истинный подвигъ, который ужъ и теперь имѣетъ полную важность въ глазахъ cadaго истинно просвѣщеннаго человѣка; но, когда не останется на свѣтѣ ни одного бандуриста—а это время близко—и когда слѣдовъ старосвѣтской жизни станутъ искать только въ книгахъ и рукописяхъ, тогда нима cadaго собирателя произведеній народной поэзіи будетъ имѣть что-то общее съ ихъ неизвѣстными творцами. Въ самомъ дѣлѣ, сочувствовать пѣснѣ, странствующей какъ спрота между людьми, и собирать ее отъ забвенія—не то ли самое, что приютить живую душу, которая безъ нашей заботливости исчезла бы съ лица земли? Расширить своими открытіями кругъ историческихъ свѣдѣній—не значить ли сдѣлаться самому частью исторіи? Провести источникъ родного слова и духа къ будущимъ писателямъ—не значить ли быть двигателемъ ихъ успѣховъ? Уже и теперь произносятся съ почтеніемъ имена первыхъ собирателей нашихъ народныхъ пѣсенъ, которые записали ихъ отъ несуществующихъ болѣе бандуристовъ; и едва ли князь Цертелевъ и гг. Максимовичъ, Срезневскій, Лука-

¹⁾ Это, кажется, было не совсѣмъ справедливо; отчасти такъ говорилъ Лукашевичъ, а другіе, напротивъ, ожидали еще большихъ результатовъ отъ собиранія, и ихъ ожиданія въ большой мѣрѣ потомъ оправдались.

²⁾ Зап. о Южной Руси, I, стр. 234—235.

шевичъ и Метлинскій будутъ такъ долго жить въ литературныхъ преданіяхъ по своимъ произведеніямъ, какъ по записаннымъ и изданнымъ ими народнымъ пѣснямъ“¹⁾.

„Цивилизація“ истребляетъ, къ сожалѣнію, лучшее, что бываетъ въ простотѣ народныхъ нравовъ и въ чистотѣ чувства, но авторы не по примѣру другихъ романтиковъ народности, не впадалъ въ безплодныя сожалѣнія объ уходѣ патріархальной поэтической старины и видѣлъ то преемство, какимъ народная старина связана съ дѣйствующимъ развитіемъ общества.

Коснувшись вопроса, почему падаетъ старая народная поэзія, почему кобзари не воспѣвали болѣе новыхъ событій, авторъ замѣчаетъ, что причину этого находятъ или въ общемъ упадкѣ малороссійскаго народнаго творчества вслѣдствіе обобщенія національностей (т.-е. малорусской съ господствующею великорусской) или въ отсутствіи старосвѣтской централизаціи Малороссіи.

„Я прибавлю,—замѣчаетъ г. Кулишъ,—третью причину, можетъ быть, сильнѣе обѣихъ первыхъ, именно: что духъ народный ослабѣлъ въ массѣ населенія, которая управлялась инстинктивнымъ стремленіемъ къ темной для насъ исторической дѣли, и возродился въ просвѣщенномъ, небольшомъ слоѣ общества, ближайшемъ къ народу по своей любви къ нему и сознательно продолжающемъ его духовную жизнь въ новыхъ формахъ—цивилизаци. Лирическія, эпическія и драматическія произведенія этого слоя общества, на какомъ бы языкѣ они ни были написаны, суть продолженіе первыхъ твореній малороссійскаго поэтическаго генія и нѣкимъ образомъ не должны быть отъ нихъ отдѣляемы. Мы всѣ, не разбирая того, велики или малы наши литературныя способности, такъ точно ведемъ свое происхожденіе отъ своихъ рапсоdistовъ, какъ греческіе писатели образованнаго вѣка вели его отъ Гомера, и какъ самъ Гомеръ—отъ предшествовавшихъ ему очевидцевъ дѣяній старой Греціи... Мы и народъ—одно и тоже, по нравственному развитію малороссійскаго населенія; но только онъ, съ его изустною поэзіею, представляетъ, въ духовной жизни, первый періодъ образованія, а мы—начало новаго, высшаго періода. Въ его пѣсняхъ не было и не могло быть отличающихъ насъ отъ него элементовъ, тогда какъ наша (поэзія) построена прямо на началахъ его изустной словесности (понимая это слово въ его обширномъ смыслѣ) и, идя къ развитію по законамъ общечеловѣческаго развитія, приняла въ себя новыя начала жизни. Мы, слѣдовательно, только многостороннѣ своихъ предшественниковъ, украинскихъ бардовъ, но они не лишили насъ наслѣдства по себѣ и въ какомъ отношеніи. Какимъ же, послѣ этого, образомъ современные наши слѣбцы, не принадлежа къ развивающейся (преимущественно предъ прочими частями малороссійскаго населенія, а составляя только его отрѣбіе, могутъ творить новыя думы, въ уровень съ понятіями и требованіями идущихъ впередъ представителей своей національности“?...²⁾.

Мысли—въ общемъ справедливыя, хотя можно было бы сказать

¹⁾ Тамъ же, стр. 220—221.

²⁾ Тамъ же, I, стр. 180—182.

ихъ проще. Дѣло въ томъ, что народная поэзія вообще исчезаетъ, становится невозможной, когда жизнь становится болѣе сложной— не только съ распространеніемъ „цивилизаціи“, но съ усложненіемъ государственнаго быта, когда народная масса, за дѣйствіемъ новаго механизма національной жизни, теряетъ возможность отождествляться съ нею (какъ бывало во времена болѣе патріархальныя) и даже слѣдить за ея явленіями; народъ можетъ слагать эпосъ лишь о томъ, въ чемъ онъ участвуетъ непосредственно, что не выходитъ изъ предѣловъ его пониманія, а сложная государственная жизнь, какъ и сложные явленія цивилизаціи становятся недоступны этому пониманію.

Далѣе, авторъ столь же справедливо возстаетъ противъ превратнаго представленія цивилизаціи, какъ чего-то враждебнаго истинно народнымъ началамъ. „Цивилизація рѣзко раздѣлила наше общество на двѣ части, касательно образа жизни и всего, что сюда относится, и „слѣпцы“ остались за предѣлами нашего круга... Но она не въ силахъ была расторгнуть внутреннюю связь цивилизованнаго чело- вѣка съ остатками прежняго общества, и потому народная поэзія возродилась въ новомъ малороссійскомъ мірѣ со всѣми признаками своего происхожденія отъ поэзіи стараго міра. Противъ цивилизаціи сильно возстаютъ любители старины, какъ противъ смертоноснаго начала въ народной жизни. Но это — только вопли, безъ которыхъ не совершается въ народѣ ни одинъ переворотъ. Истинно философскій умъ стоитъ выше сожалѣній о томъ, что старое исчезаетъ, уступая мѣсто новому, и успокаиваетъ себя убѣжденіемъ, что всякій переворотъ обнаруживаетъ движеніе жизни: а жизнь, двигаясь впередъ, непремѣнно создаетъ для себя новыя и новыя формы“ ¹⁾. Авторъ недоумѣвалъ, что можетъ выдти изъ первыхъ безобразныхъ приложений этой цивилизаціи въ малороссійскомъ обществѣ, отстававшемъ отъ народа и еще не разумѣвшемъ истинной цивилизаціи, но онъ не терялъ вѣры, что за этой сумятицей понятій скрывается все-таки путь къ дальнѣйшему прогрессу. Какъ скажемъ далѣе, въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Кулишъ не разъ возвращался къ изображенію разлада между этой полу-цивилизацией и непосредственностью народнаго быта.

Авторъ „Записокъ“ дѣлаетъ не разъ вѣрныя замѣчанія и по частнымъ вопросамъ этнографіи, какъ напримѣръ о приѣмахъ собиранія, объ упадкѣ пѣсенныхъ формъ, какъ напр. забываемая дума переходить въ отрывочное преданіе, о причинахъ исчезновенія историческихъ пѣсентъ, о личныхъ типахъ пѣвцовъ и т. п.; но рядомъ съ

¹⁾ Тамъ же, стр. 182—183.

этимъ въ его трудѣ были и крупныя недостатки. Авторъ, склонный къ самонадѣянному рѣшеніямъ, между прочимъ и тамъ, гдѣ кромя личнаго вкуса требуются точныя критическія приемы и знаніе фактовъ, слишкомъ легко рѣшалъ нѣкоторые вопросы, для опредѣленія которыхъ не было достаточнаго основанія. Общій приемъ его этнографическаго описанія, при указанныхъ выше достоинствахъ, имѣетъ и свои скользкія стороны. Описаніе типовъ и нравовъ можетъ достигать этнографической цѣли лишь въ томъ случаѣ, когда это дѣйствительныя типы и дѣйствительно обще-народныя, а не случайныя нравы, иначе описаніе рискуетъ стать только сборомъ анекдотическихкихъ частныхъ. Были ли напр. такими вполнѣ типическими тѣ нищіе кобзари, старики и старухи, которыхъ выводитъ г. Кулишъ какъ представителей народнаго преданія? Не нуженъ ли былъ еще рядъ другихъ лицъ того круга, чтобы изъ ихъ сложности вышло дѣйствительно типическое народное явленіе? Спасибо, разумѣется, и на томъ, что далъ г. Кулишъ, но для общихъ заключеній тѣхъ данныхъ было мало. Столь же недостаточна параллель между сѣверными и южными русскими сказками ¹⁾, какую г. Кулишъ выставляетъ весьма категорически и которая однако не была и едва ли можетъ быть доказана. Стариковскіе рассказы о видѣніяхъ на томъ свѣтѣ (I, стр. 303—304) любопытны какъ отраженіе народныхъ суевѣрныхъ представленій, но къ нимъ прибавилась не малая примѣсь чисто произвольныхъ фантазій. Далѣе, какъ г. Кулишъ ни считалъ себя авторитетнымъ знаткомъ малорусской поэтической старины, ему случилось впасть въ грубую ошибку, когда онъ принялъ за подлинный остатокъ древняго преданія нескладную поддѣлку, которую пустилъ въ ходъ нѣкто Шиядакій-Иличъ, тогдашній поставщикъ самодѣльныхъ пѣсень, выдаваемыхъ за народныя. Авторъ „Записокъ“ помѣстилъ въ своей книгѣ „Думу-сказаніе о морскомъ походѣ старшаго князя-язычника въ христіанскую землю“ (I, стр. 171—179). Невозможность ея бросается въ глаза и тогда же была указана въ разборахъ книги г. Кулиша ²⁾.

Далѣе въ „Запискахъ“ разсѣяно нѣсколько историческихъ замѣчаній о козацкихъ войнахъ XVI—XVII вѣка и тѣхъ причинахъ, какія въ то время вызвали ожесточеніе между поляками и малоросіанами. Желая быть безпристрастнымъ, авторъ помѣстилъ въ своей книгѣ статью польскаго историка Миханла Грабовскаго, объясняющую эти отношенія съ польской точки зрѣнія, а именно, что это ожес-

¹⁾ Тамъ же, II, стр. 12—13.

²⁾ (См. вообще разборы „Записокъ“ въ „Современникѣ“ 1857, кн. 1; ст. Костомарова въ „Отч. Зап.“ 1857, № 6, 9; Максимовича, въ „Р. Вѣстѣ“, 1857, кн. VI (Сочиненія, I, стр. 248 и д.), и проч.

сточеніе было, собственно говоря, преувеличено со стороны малороссіянъ и вовсе не вытекало изъ владѣльческаго права; что причины его заключаются не въ польскомъ государствѣ и его учрежденіяхъ и дѣйствіяхъ; что со стороны польскаго правительства вовсе не было систематическаго угнетенія и, напротивъ, правительству и дворянству польскому Малороссія обязана своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ, а что причина раздраженія заключалась только въ нѣкоторыхъ личныхъ несправедливостяхъ, которыя были раздуты малороссіянами. Грабовскій не отвергалъ частныхъ несправедливостей, но выходило такъ, какъ будто сами малороссіяне остались виноваты въ ужасахъ козацкихъ войнъ, окончившихся присоединеніемъ Малороссіи къ Москвѣ. Г. Кулишъ не отвергалъ аргументаціи Грабовскаго, соглашался, что польское правительство и паны „довели Малороссію до цвѣтущаго состоянія, поощряя сельское ховайство, ремесла и промыслы“, но прибавлялъ, что въ самомъ малороссійскомъ народѣ, именно въ средѣ козачества, развивалось такое же понятіе о благородствѣ, каковымъ гордилась польская шляхта, и что непризнаніе этого понятія съ польской стороны именно послужило причиной ожесточенной борьбы. „Нося оружіе и служа отечеству наравнѣ со шляхтою,—говоритъ г. Кулишъ,—козаки создали себѣ тѣмъ же путемъ, что и она, понятіе о своемъ благородствѣ, и потому оскорблялись до глубины души надменностью старой, или польской шляхты; а будучи двигателями народныхъ возстаній, они и самому народу украинскому дали почувствовать всю нелѣпость шляхетскаго права, которое уполномочиваетъ одно сословіе глумиться надъ другими безнаказанно. Вотъ откуда, по моему, родилась страшная международная ненависть въ Рѣчи Посполитой; и въ этомъ смыслѣ Малороссія и Польша представляютъ едва ли не единственный примѣръ войны изъ-за оскорбленнаго чувства человеческого достоинства (?), къ которому примѣшались другія оскорбленія и обиды, уже въ качествѣ прочихъ матеріаловъ, бросаемыхъ въ готовое пламя“¹⁾.

Малорусскіе историки, какъ Максимовичъ и самъ Костомаровъ, высоко ставившій „Записки о Южной Руси“, не остались довольны объясненіями г. Кулиша. Дѣйствительно, были гораздо болѣе обширны и давно извѣстныя причины раздора, кончившагося отдѣленіемъ Малороссіи, а затѣмъ и паденіемъ Польши: кромѣ вопроса соціальнаго,—приведеннаго у г. Кулиша въ странныя рамки вопроса о „шляхетствѣ“,—здѣсь несомнѣнно участвовалъ раздоръ между-племенной и религіозный. Хотѣлъ ли авторъ „Записокъ“ быть оригинальнымъ, или дѣйствительно въ извѣстной степени убѣждался объ-

¹⁾ Тамъ же, II, стр. 325.

ясненіями польскихъ историковъ, но повидимому здѣсь былъ уже зародышъ тѣхъ мнѣній, съ какими онъ выступилъ потомъ въ „Исторіи возсоединенія“,—гдѣ Польша оказывалась уже только благодѣтельницей Украины, а козаки только дикими и тупыми бунтовщиками... Костомаровъ въ разборѣ „Записокъ“ говорилъ объ этомъ „оскорбленномъ чувствѣ человѣческаго достоинства“, что, повидимому, авторъ „Записокъ“ понималъ это чувство въ его наиболѣе возвышенномъ смыслѣ (такъ какъ считалъ это явленіе едва не безпримѣрнымъ въ исторіи), и въ такомъ случаѣ столь возвышенное пониманіе должно бы отразиться потомъ на собственныхъ политическихъ учрежденіяхъ Малороссіи по ея освобожденіи отъ польскаго владычества; между тѣмъ, въ дѣйствительности, освободившаяся Малороссія устанавливаетъ у себя тѣ же польскіе бытовые порядки... Максимовичъ указывалъ категорически, что какіе бы ни были частные поводы возстаній, была одна главная, господствующая причина: то, что полякамъ казалось „войсковымъ бунтомъ“, для православно-русской стороны было— „крестовыми походами“. „Обида православія была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего южно-русскаго народа, при которой всѣ остальные обиды были уже второстепенными, и безъ которой всякая изъ остальныхъ обидъ, какъ бы ни велика была, была бы сноснѣе. То была душа всего; то былъ *pergus regum gegendatum*“¹⁾. Другой критикъ замѣчалъ, что „оскорбленное чувство человѣческаго достоинства“ вовсе не составляетъ рѣдкости въ исторіи, —потому что оно участвовало во всѣхъ возстаніяхъ угнетенныхъ противъ угнетателей.

Общій выводъ Костомарова о книгѣ былъ самый сочувственный. Высказывая желаніе видѣть продолженіе „Записокъ“ г. Кулиша, Костомаровъ говорилъ: „съ его основательнымъ знаніемъ исторіи, этнографіи и языка южнорусскаго края, съ его неутомимымъ трудолюбіемъ и добросовѣстною любовью къ Украинѣ, наконецъ съ его талантомъ, показаннымъ въ собственныхъ его произведеніяхъ, г. Кулишъ въ настоящее время — *единственный* писатель, на котораго можно полагать надежду въ дѣлѣ развитія малороссійскаго слова и выраженія малороссійскаго элемента въ русской литературѣ“.

„Записки о Южной Руси“ были главнымъ трудомъ г. Кулиша въ области чистой этнографіи. Раньше онъ сообщилъ нѣсколько пѣсонъ въ сборникъ Метлинскаго, небольшое собраніе пѣсенъ помѣстилъ въ „Запискахъ“ и проч., но затѣмъ, кромѣ разныхъ эпизодическихъ замѣтокъ по предметамъ народнаго быта и поэзіи, этногра-

¹⁾ Сочиненія, I, стр. 272—273.

фическій интересъ сказывается въ другой сторонѣ его литературной дѣятельности—въ беллетристикѣ и критикѣ.

На повѣстяхъ г. Кулиша изъ малорусскаго быта намъ нѣтъ надобности останавливаться ¹⁾. Болѣе или менѣе постоянная тема ихъ есть противопоставленіе людей, затронутыхъ „цивилизацией“, съ тѣми простыми людьми, которые живутъ чистыми преданьями истинно народныхъ нравовъ: насколько первые испорчены мнимой цивилизаціей, при данномъ порядкѣ вещей, и служатъ образчиками расщупленности, себялюбія, грубой алчности и всякой моральной заразы, настолько вторые хранятъ задатки нравственной чистоты и достоинства. Эту чистоту народнаго содержанія понимаютъ только истинно образованные люди, какъ герой одной повѣсти г. Кулиша („Майоръ“, въ „Р. Вѣстникѣ“, 1859), названный Сагайдачнымъ. „Простой народъ нашъ,—думаетъ этотъ Сагайдачный,—есть единственное самостоятельное у насъ общество. Только въ этомъ обществѣ, при всей его неразвитости, живутъ еще коренные наши нравы, не перемѣшанные ни съ чѣмъ чуждымъ, несвойственнымъ нашей славянской природѣ. *Намъ слѣдуетъ жить съ простолюдинами, слѣдуетъ съ ними родниться.* Въ простолюдинѣ скорѣе найдешь вѣрнаго, искреннаго и живого человѣка, чѣмъ въ высшемъ кругу. У простолюдина есть еще дружба, есть любовь, которой не поколеблютъ никакіе расчеты и отношенія“. Въ народѣ заключены животворныя начала, которыя должны освѣтить нашу жизнь; съ нимъ надо сблизиться даже по внѣшности и одеждѣ. Герой повѣсти, благородный, просвѣщенный человѣкъ, женится на крестьянской дѣвушкѣ—въ образчикъ этого сближенія. „Сагайдачный—не исключительное явленіе,—замѣчаетъ авторъ.—Уже истосковались многія сердца отъ засухи въ области чувства женской любви, отъ узости женской души въ извѣстной сферѣ жизни, отъ искусственности ея движеній, за которую уже не видать движеній чисто природныхъ. Уже славянское, еще свѣжее, просвѣщенное общество нашло свой органъ съ этой стороны въ первенствующемъ нынѣ польскомъ поэтѣ, который высказалъ недавно мысль о томъ, откуда современный человѣкъ чаеъ для своего сердца движенія воды живны“... Авторъ разумѣетъ стихи Мицкевича—такого содержанія: „Еслибъ я могъ еще дать кому мое сердце, я отдалъ бы его дѣвушкѣ изъ сельскаго дома; я сталъ бы по духу сыномъ, отцомъ своего народа... Трудъ—стоящій жизни, жизнь—стоящая труда“.

Г. Петровъ въ своей книгѣ о новѣйшей малорусской литературѣ замѣчалъ, что эта крайняя мысль о сближеніи съ народомъ была

¹⁾ Обзоръ ихъ сдѣланъ въ „Очеркахъ“ г. Петрова (Кіевъ, 1884), стр. 270—279.

чисто книжная и притом заимствованная изъ чужой литературы... Мысль была дѣйствительно книжная, но была не чужда и нашимъ писателямъ, не знавшимъ совѣтовъ Мицкевича и руководившимся собственными соображеніями: наши новеллисты, живописавшіе (въ пятидесятыхъ годахъ) народную жизнь, изображали уже любовь просвѣщеннаго баръ въ крестьянскимъ дѣвушкамъ, какъ средство отъ общественнаго недуга. Ссылка на свѣжее и просвѣщенное славянское общество въ данномъ случаѣ не особенно убѣдительно: общество польское едва ли не больше всѣхъ славянскихъ отличалось и еще отличается крайне высокомѣрнымъ отношеніемъ къ жителямъ „сельскаго дома“.

Очевидно, что отношеніе г. Кулиша къ народному быту и скрытымъ въ немъ живительнымъ началамъ не было простое, а порядочно искусственное, хотя, можетъ быть, въ ту минуту и искреннее. Изображенія сельскаго быта сентиментальны, придуманы, и самыя средства исцѣленія общества народными началами немного простодушны. Правда, что въ то время дѣйствительно бывали случаи въ родѣ того, какой описывается въ повѣсти г. Кулиша,—но эти случаи были слишкомъ рѣдки, чтобы оказать какое-нибудь вліяніе, тѣмъ болѣе, что результаты были пока въ будущемъ; впоследствии случилось, что свѣжія особы изъ народа въ довольно непродолжительномъ времени такъ или иначе обдѣлывались въ новомъ кругу подъ общую мѣрку и не исполняли своего, такъ сказать, лекарственнаго назначенія.

Повѣсти г. Кулиша мало прибавили къ разъясненію отношеній окраиннаго общества къ народу: „общество“ рисуется у него болѣе изъ каррикатурнаго видѣ, и читатель недостаточно видитъ источникъ этой каррикатурности въ условіяхъ жизни цивилизованной, какъ съ другой стороны остаются недоказанными индивидуальные свойства жизни простонародной. Усвоеніе народной виѣшности и одежды было также средство испытанное и въ русскихъ обществахъ, но какъ извѣстно, не привело ни къ какимъ результатамъ, кромѣ забавныхъ или печальныхъ *qui pro quo*.

Другая область, гдѣ сказались еще этнографическія идеи г. Кулиша, была литературно-историческая критика. Цѣлый рядъ его трудовъ этого рода помѣщенъ въ журналѣ „Основа“ (1861—1862), въ видѣ статей о старой украинской литературѣ и разборовъ новѣйшихъ писателей. Для образца можно взять его разборъ мало-польскаго писателя Голуши: онъ характеризуетъ и какъ артиста сумасшедшаго г. Голушу о волжскомъ русскомъ писателѣ (именно изъ мартовскаго года), и какъ еще Голушу самыхъ восторженныхъ, а Голушу крайне страстныхъ поэта джентельмѣна, и какъ

примѣръ того высокаго мнѣнія, какое г. Кулишъ уже возымѣлъ о себѣ, какъ историкъ и этнографъ.

По смерти Гоголя г. Кулишъ (лично, впрочемъ, никогда не знавшій этого писателя) предпринялъ составить его біографію, собралъ для нея много любопытнаго матеріала, напр., рассказовъ о немъ, переписки и т. п. Въ результатѣ явились „Записки о жизни Гоголя“, напечатанныя сначала въ „Современникѣ“ 1854, подъ буквами Н. М. ¹⁾, потомъ отдѣльной книгой, уже съ его именемъ, въ 1856, въ двухъ томахъ. Потому ли, что впечатлительный писатель увлекся теченіемъ работы предметомъ жизнеописанія и вмѣстѣ поддался тому одушевленію, съ какимъ общество и литература говорили тогда о великомъ только-что потерянномъ писателѣ, или опять это было давнее и искреннее отношеніе автора къ Гоголю, но оба изданія „Записокъ о жизни Гоголя“ проникнуты величайшимъ къ нему почтеніемъ и сочувствіемъ: писатель былъ такъ идеализованъ, что для самихъ ревностныхъ поклонниковъ Гоголя изображеніе, сдѣланное г. Кулишомъ, показалось натянуто и преувеличено. Ни въ личномъ характерѣ, ни въ сочиненіяхъ Гоголя почти не оказывалось ничего. Впослѣдствіи самъ авторъ біографіи сознавался, что немного „пересвѣтлилъ“ свое изображеніе Гоголя... Въ то же самое время г. Кулишъ работалъ надъ изданіемъ сочиненій Гоголя (6 томовъ, Спб. 1857; два тома переписки), которое осталось до сихъ поръ единственнымъ, гдѣ собрана переписка Гоголя. Трудъ надъ Гоголемъ составилъ (при всей односторонности біографіи) одну изъ лучшихъ литературныхъ заслугъ г. Кулиша. Тѣмъ страннѣе — и печальнѣе для литературнаго характера г. Кулиша — было увидѣть черезъ какіе-нибудь три, четыре года, съ какимъ усердіемъ г. Кулишъ принялся разрушать тотъ ореолъ, какимъ самъ окружилъ Гоголя.

Г. Кулишъ былъ теперь въ новомъ настроеніи. Благопріятное впечатлѣніе, произведенное „Записками о Южной Руси“, повидимому, убѣрило его, что онъ является самымъ компетентнымъ судьей въ вопросахъ малорусской этнографіи. Эпоха изданія „Основы“, въ условіяхъ тогдашняго общественнаго одушевленія, повидимому, наполнила его мыслію, что наступалъ новый періодъ малорусской литературы и общественности, въ которомъ онъ призванъ быть если не пророкомъ, то наставникомъ и руководителемъ. „Основа“ наполнилась множествомъ его работъ историческихъ, беллетристическихъ и критическихъ, и гдѣ, между прочимъ, онъ хотѣлъ опредѣлить историческое значеніе прежнихъ писателей малорусской литературы или

¹⁾ Въ царствованіе имп. Николая г. Кулишу послѣ кievской исторіи не было разрѣшено писать, и его имя не могло являться въ печати.

къ ней прикосновенныхъ. Передъ тѣмъ, въ 1858, онъ сдѣлалъ изданіе малорусскихъ повѣстей Квитки, къ которому прибавилъ введеніе, объяснявшее великія достоинства и значеніе этого писателя; надо было теперь опредѣлить и достоинство повѣстей Гоголя изъ малорусскаго быта съ ихъ стороны этнографической.

Рѣдко критика бывала столь сурова къ знаменитому писателю, какъ критика г. Кулиша, еще такъ недавно превозносившая его до небесъ.

Начало этому дѣлу было положено, впрочемъ, еще раньше. Въ 1857 въ „Русской Бесѣдѣ“ печатался историческій романъ г. Кулиша „Черная Рада“. Въ Эпилогѣ, авторъ романа (вышедшаго въ то же время на малорусскомъ языкѣ) нашелъ нужнымъ объяснить значеніе своего произведенія, а также появленіе его на малорусскомъ языкѣ. Оказывалось, что малороссійскій переводъ былъ нуженъ потому, что на русскомъ языкѣ невозможно выразить всѣхъ тонкихъ подробностей южно-русскаго быта и нельзя было сохранить южно-русскаго колорита. Эпилогъ поражалъ нѣкоторыми странностями. Въ началѣ его, авторъ съ негодованіемъ отвергалъ предположеніе, будто, издавая романъ на малорусскомъ языкѣ, онъ стремился къ созданію особой малорусской литературы: „вообразить, пожалуй, — говорилъ онъ, — что я пишу подъ вліяніемъ узкаго мѣстнаго патріотизма и что мною управляетъ желаніе *образовать отдѣльную словесность* въ ущербъ словесности общерусской“; одна необходимость вынудила его обратиться къ помощи малорусскаго языка: „Волею и неволею, я долженъ былъ оставить общій литературный путь и сдѣлать поворотъ на дорогу, едва проложенную, и для такого произведенія, какъ историческій романъ, представляющую множество ужасающихъ трудностей. Я былъ приведенъ къ ней томительнымъ чувствомъ художника и человѣка, напрасно борящагося съ невозможностію выразить свои задушевные рѣчи“. Это стоило ему великихъ усилій и пожертвованій: ему надо было отказаться отъ удовольствія быть прочитаннымъ уважаемыми имъ великорусскими писателями; надо было выдержать порицаніе людей, „которые все то считаютъ пустяками, чего не знаютъ“; но онъ, не смотря на то, исполнилъ свою задачу. „Я долго изучалъ южно-русскій языкъ въ письменныхъ памятникахъ старины, въ народныхъ пѣсняхъ и преданіяхъ и въ повседневныхъ сношеніяхъ съ людьми, не знающими другого языка, и раскрышіяся передо мною его красоты, его гармонія, сила, богатство и разнообразіе дали мнѣ возможность исполнить задачу, которой до сихъ поръ не смѣлъ задать себѣ ни одинъ малороссіанинъ, именно — написать на родномъ языкѣ историческій романъ, во всей строгости формъ, свойственныхъ этого рода произведеніямъ“. Но постигая труд-

ности задуманнаго дѣла, г. Кулишъ убѣдился, въ то же время, въ великихъ недостаткахъ малорусскихъ повѣстей Гоголя. Нѣкогда ¹⁾ онъ восхищался „Тарасомъ Бульбой“, какъ и всѣми вообще малорусскими повѣстями Гоголя; теперь оказывалось, что эти повѣсти, не исключая и знаменитаго романа, преисполнены величайшими недостатками. „Судя строго,—говорилъ г. Кулишъ въ своемъ Эпilogѣ,—малороссійскія повѣсти Гоголя мало заключаютъ этнографической и исторической истины... Гоголь не въ состояніи былъ изслѣдовать родное племя. Онъ брался за исторію, за историческій романъ въ Вальтеръ-Скоттовскомъ вкусѣ и кончилъ все это „Тарасомъ Бульбой“, въ которомъ обнаружилъ крайнюю недостаточность свѣдѣній о малороссійской старинѣ и необыкновенный даръ пророчества въ прошедшемъ“. „Тарасъ Бульба“ былъ произведеніе „эффектное, потѣшающее воображеніе, но мало объясняющее народную жизнь“. Въ своемъ взглядѣ на малороссійскую словесность ²⁾ г. Кулишъ заявлялъ уже категорически, что Гоголь не зналъ демократической Малороссіи и изображалъ ее, какъ „баринъ“, видящій одно смѣшное въ „мужикѣ“. Въ противоположность легкомысленному отношенію Гоголя къ малорусской старинѣ и современному народному быту, являлся г. Кулишъ съ глубокимъ знаніемъ того и другого. „Я,—говорилъ онъ опять въ Эпilogѣ,—подчинилъ всего себя былому, и потому сочиненіе мое (т.-е. „Черная Рада“) вышло не романомъ, а хроникой въ драматическомъ изложеніи. *Не забаву праздную воображенія*—имѣлъ я въ виду, обдумывая свое сочиненіе. Кромѣ всего того, что читатель увидитъ въ немъ безъ объясненія, я желалъ выставить во всей выразительности олицетворенной исторіи причины политическаго ничтожества Малороссіи, и каждому колеблющемуся уму доказать, не диссертацией, а художественнымъ воспроизведеніемъ забытой и искаженной въ нашихъ понятіяхъ старины, нравственную необходимость сліянія въ одно государство южнаго русскаго племени съ сѣвернымъ“.

Критика не могла обойти этихъ самонадѣянныхъ осужденій Гоголя, надъ которымъ г. Кулишъ видимо ставилъ самого себя, и весьма категорическій отпоръ ему сдѣланъ былъ тогда же въ дѣльной и иногда тонкой статьѣ Максимовича ³⁾. Послѣдній могъ судить о дѣлѣ тѣмъ болѣе, что самъ хорошо зналъ Гоголя и степень его свѣдѣній въ малорусской исторіи, пѣсняхъ, бытѣ и т. д. Онъ удостовѣрялъ

¹⁾ А именно, не дальше какъ за годъ передъ тѣмъ, или еще меньше („Зап. о жизни Гоголя“—1856).

²⁾ Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, 1857, № 24.

³⁾ Объ историческомъ романѣ г. Кулиша, „Черная Рада“, въ „Русской Бесѣдѣ“, 1858, и въ Собраніи сочиненій, т. I, стр. 515—531.

г. Кулиша, что Гоголь очень достаточно зналъ исторію Малороссіи и ея народную жизнь, и понималъ ихъ глубже и вѣрнѣе „многихъ нынѣшнихъ писателей малороссійскихъ“, но что свойство его поэтического генія было таково, что дѣйствительную жизнь онъ пересовдывалъ и переображалъ въ новое бытіе, художественно образцовое. Максимовичъ успокоивалъ г. Кулиша и въ другомъ отношеніи. По словамъ послѣдняго выходило такъ, что правильное уразумѣніе малорусской исторіи начинается только съ его собственныхъ трудовъ въ этой области; во время Гоголя „не было возможности знать Малороссію больше, нежели онъ зналъ. Мало того: не возникло даже и задачи изучить ее съ тѣхъ сторонъ, съ какихъ мы, *преслѣнники Гоголя въ самопознаніи*, стремимся уяснить себѣ ея прошедшую и настоящую жизнь“. Максимовичъ сосчитываетъ литературу по исторіи Малороссіи и выясняетъ, что открытія г. Кулиша въ этой области играютъ весьма скромную роль въ движеніи малорусской исторіографіи. Что касается до романа самого г. Кулиша, то Максимовичъ и здѣсь былъ не совсѣмъ удовлетворенъ: онъ зналъ, что романистъ не обязанъ такой строгой покорностію передъ фактами, какъ историкъ, но если г. Кулишъ, въ противоположность Гоголю, „всего себя подчинялъ быломu“ и самое произведеніе свое предпочелъ назвать хроникой, то отъ него требовалось и больше уваженія къ историческимъ фактамъ,—между тѣмъ, въ романѣ оказывалось достаточно историческихъ ошибокъ.

Можно было бы не останавливаться на этой полемикѣ, еслибы не шелъ вопросъ о такомъ крупномъ явленіи, какъ дѣятельность Гоголя, и еслибы г. Кулишъ не присвоивалъ себѣ самъ и не считали за нимъ другіе ¹⁾ роли особеннаго знатока всего малорусскаго.

Главное нападеніе на Гоголя произведено было нѣсколько позднѣе по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“. Отпоръ Максимовича въ вопросѣ о „Тарасѣ Бульбѣ“ побудилъ г. Кулиша „взяться вновь за критическую работу надъ повѣстями Гоголя“—въ „Основѣ“; Максимовичъ продолжалъ защиту Гоголя—въ „Днѣ“ ²⁾. Эта полемика теперь довольно забыта и статьи Максимовича не повторены въ собраніи его сочиненій; потому не лишнее напомнить нѣсколько подробностей объ этомъ примѣненіи этнографіи къ критикѣ Гоголя.

Максимовичъ считалъ, что ему было бы несправедливо остаться безотвѣтнымъ на то, что сказалъ, и собирався сказать о Гоголѣ г. Кулишъ „съ свойственной ему *чрезмѣрностію*“: „грустно видѣть, какъ неоглядно и самопроизвольно, въ послѣдніе годы, онъ судить и ря-

¹⁾ См. приведенный выше отзывъ Костомарова.

²⁾ 1861, № 3, 5, 7, 9; 1862, № 13.

дать о малороссійскихъ писателяхъ и всей малороссійской словесности, будучи въ то же время самымъ ревностнымъ поборникомъ этой словесности“...

Чтобы оцѣнить „чрезмѣрность“ г. Кулиша, надо сравнить, въ какомъ тонѣ онъ говорилъ о повѣстяхъ Гоголя прежде и теперь. „Надобно быть жителемъ Малороссіи,—писалъ онъ въ біографіи,—или, лучше сказать, малороссійскихъ захоластій, лѣтъ тридцать назадъ, чтобы постигнуть, до какой степени общій тонъ этихъ картинъ вѣренъ дѣйствительности. Читая эти предисловія ¹⁾, не только чувствуешь знакомый складъ рѣчей, слышишь родную интонацію разговоровъ, но видишь лица собесѣдниковъ и обоняешь налитанную запахомъ пироговъ со сметаной или благоуханіемъ сотовъ атмосферу, въ которой жили эти прототипы Гоголевой фантазіи“.—Теперь онъ совсѣмъ не узнаетъ въ повѣстяхъ Гоголя этой малорусской жизни; тотъ юморъ знаменитыхъ повѣстей, который такъ захватывалъ русскихъ и малорусскихъ читателей Гоголя, раздражаетъ критика, кажется ему карикатурой и простымъ незнаніемъ малорусской жизни, которыя могутъ восхищать развѣ только „столичныхъ типографскихъ наборщиковъ“ ²⁾. Максимовичъ замѣчаетъ: „Я и на старости люблю по прежнему, какъ украинскую весну, веселость первыхъ повѣстей Гоголя, которыми онъ заставилъ смѣяться весь читающій русскій міръ, отъ типографскихъ наборщиковъ до Крылова и Пушкина и до комическаго актера Щепкина, такъ близко знавшаго тогдашнюю жизнь Украины, простонародной и панской. Смѣхъ, возбужденный 20-лѣтнимъ Гоголемъ, былъ всеобщій, независимый отъ знанія или незнанія Украины читателями, не проходящій и донынѣ. Ибо и теперь многіе земляки мои, знающіе Украину съ этнографической стороны не менѣе г. Кулиша, не могутъ читать повѣстей Гоголя безъ смѣха, безъ слезъ и безъ восторга“.

Г. Кулишъ утверждалъ, съ одной стороны, что Гоголь и въ свое время не зналъ малорусской жизни, напр., неправильно описывалъ народные обычаи, какъ баринъ не понималъ народного духа и характера, представляя себѣ мужика только смѣшнымъ; съ другой стороны, что съ тѣхъ поръ народилось новое, болѣе глубокое знаніе Малороссіи и ея народа,—знаніе, при которомъ взглядъ Гоголя способенъ возбуждать настоящее негодованіе. Подразумѣвалось или даже говорилось ясно, что это новое знаніе создали новые малорусскіе писатели, „преемники Гоголя въ самопознаніи“.

¹⁾ Къ „Вечерамъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

²⁾ Критикъ разумѣетъ извѣстный анекдотъ, рассказанный Пушкинымъ и приводившій его въ восхищеніе, какъ наборщики помирали со смѣху, набирая повѣсти Гоголя.

Тотъ Гоголь, который, по вчерашнему мнѣнію г. Кулиша, такъ удивительно воспроизводилъ малороссійскую жизнь, теперь оказывался въ ней грубо невѣжественнымъ. „Гоголю, въ его повѣстяхъ изъ простонароднаго быта, повредило именно незнаніе простонародной Украины, именно то, что онъ не понималъ, какъ смотреть самъ на себя народъ, и разумѣлъ народъ по-барски. Онъ не подозрѣвалъ, что простолюдины, въ своей отчужденной жизни, сохранили въ своихъ нравахъ, обычаяхъ, преданіяхъ и чувствахъ, тѣ первообразы національнаго характера, которыхъ напрасно онъ искалъ въ фамиліныхъ дворянскихъ воспоминаніяхъ и даже въ самыхъ пѣсняхъ народныхъ, разсматриваемыхъ съ литературной и научной точки зрѣнія безъ пособія народовѣдѣнія“. Въ другомъ мѣстѣ: „Еслибы Гоголь, при своемъ истинно-творческомъ дарѣ, читалъ народныя пѣсни, какъ знатокъ простонародной Украины, онъ однѣ навели бы его перо совсѣмъ на иную сторону, и тогда бы сіяющія жизнью, хоть и слишкомъ яркія картины природы въ „Сорочинской Ярмаркѣ“, сочетавшись съ вѣрною живописью нравовъ, сразу поставили бы его высоко въ глазахъ истиннаго цѣнителя искусства въ избранномъ имъ родѣ“. Или: „Если и теперь еще чувствуется недостатокъ въ пособіяхъ для народонизученія, то что же сказать объ эпохѣ тридцать лѣтъ назадъ? Что могли доставить тогдашнія книги Гоголю, желавшему знать Украину, но не узнавшему ее въ такой степени, чтобы своими повѣстями не *профанировать* своего народа и собственнаго великаго таланта?“ Или еще: „Что мудренаго, если люди, содержащіе въ умѣ *въ тысячу разъ больше* противъ него памятниковъ народной поэзіи, люди, озаренные такими писателями, какъ Квитка и Шевченко, и при всемъ томъ выросшіе среди своего народа, находятъ многія концепціи украинскихъ повѣстей Гоголя натянутыми, насильственными, и грустно качаютъ головою надъ тѣмъ, что прежде ихъ смѣшило“. Въ концѣ концовъ Гоголь оказывался, какъ повѣствователь о малорусскомъ бытѣ, гораздо ниже Квитки, а Квитка и Шевченко, по мнѣнію г. Кулиша, „были великими духами, которые уже давно вселились въ насъ и ведутъ насъ назнаменованною отъ самого Бога (!) дорогою“. Квитка и Шевченко приравнивались ни много, ни мало какъ къ Вальтеръ-Скотту и—Шекспиру.

Максимовичъ на всѣ эти приговоры отвѣчалъ напоминаніемъ дѣйствительныхъ фактовъ и настоящихъ размѣровъ литературныхъ явленій, которыя такъ перепутались въ критикѣ г. Кулиша. Не было надобности много спорить относительно сопоставленія Квитки съ Шекспиромъ, но относительно народовѣдѣнія, будто бы сдѣлавшаго такіе громадныя успѣхи со временъ Гоголя, Максимовичъ отвѣчаетъ фактами. „Такіе люди, которые содержали въ умѣ своемъ народныхъ

пѣсенъ, сказокъ ли, или пословицъ, въ *тысячу* разъ больше Гоголя— не люди, а небылицы въ лицахъ. Еслибы всѣхъ украинскихъ пѣвцовъ прошедшаго и нынѣшняго столѣтія сложить въ одного человека, и тотъ не зналъ бы даже во сто разъ больше Гоголя народныхъ украинскихъ пѣсенъ. Какъ бывшій собиратель ихъ съ 1827 г., я обращаюсь ко всѣмъ другимъ собирателямъ: слышалъ ли, записалъ ли кто-нибудь изъ нихъ 25 тысячъ украинскихъ пѣсенъ? Да еслибы и собралъ кто такое богатство—оно было бы только вдесятеро больше того, какое было подъ рукою Гоголя въ 1834 году передъ сочиненіемъ Тараса Бульбы“.

Максимовичъ слѣдилъ шагъ за шагомъ обвиненія г. Кулиша противъ Гоголя въ подробномъ разборѣ „Сорочинской Ярмарки“ и находить, что всѣ эти обвиненія, напр. относительно характера малороссійскихъ вечерницъ, относительно смѣшныхъ прозваній героевъ Гоголевской повѣсти, относительно времени и мѣста сватовства Грицька, наконецъ, свадьбы, лишены основанія, что Гоголь нигдѣ не ошибся противъ народнаго обычая, зналъ хорошо подробности нравовъ и обнаруживаетъ это знаніе часто до самыхъ мелкихъ частныхъ. Свои объясненія Максимовичъ даетъ, конечно, съ доказательствами въ рукахъ, съ цитатами изъ пѣсенъ и т. п. Гоголь, по мнѣнію г. Кулиша, вообще относится къ малороссійской жизни очень грубо, не понимаетъ ея задушевнаго тона, скромныхъ нравовъ и т. п.: такъ, напримѣръ, Гоголь далъ своимъ героямъ такіа прозванія, которыя малороссійскому крестьянину „стыдно произнести въ своемъ обществѣ“. Максимовичъ доказываетъ, что щепетильность малороссійскаго крестьянина въ своемъ обществѣ вовсе не такъ велика, что и нравы, и пѣсни допускаютъ большую простоту и нецеремонность выраженій, при которой слова, употребленныя Гоголемъ, не представляютъ ничего необыкновеннаго. Онъ доказываетъ также, что нѣкоторыя подробности разсказа, гдѣ строгій критикъ видитъ нарушеніе обычая, и у самого Гоголя изображены именно въ условіяхъ исключительныхъ и опять не представляютъ ничего невозможнаго и невѣроятнаго. Въ концѣ концовъ г. Кулишъ торжественно отрицался отъ Гоголевыхъ украинцевъ и провозглашалъ это отрицаніе, по замѣчанію Максимовича, на подобіе старинныхъ универсаловъ: „Мы, всѣ тѣ, кто въ настоящее время имѣетъ драгоцѣнное право называть себя украинцемъ, *объявляемъ* *есть* *тѣмъ*, *кому о томъ* *отдать* *надлежитъ*, что разобранные и упомянутые мною типы Гоголевыхъ повѣстей— не наши народные типы, что хотя въ нихъ кое-что и взято съ натуры и угадано великимъ талантомъ, но въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ они чувствуютъ, судятъ и дѣйствуютъ не по-украински, и что поэтому, при всемъ уваженіи нашемъ къ таланту Гоголя, мы признать ихъ

земляками не можемъ". Максимовичъ отвѣчалъ въ томъ же тонѣ и отвергъ украинство самого г. Кулишъ: „такое универсальное отречение и объявленіе отъ лица всѣхъ украинцевъ,—говорилъ онъ,—должно показаться для нихъ очень страннымъ—уже и потому, что г. Кулишъ—не настоящій украинецъ, а сѣверянинъ, изъ того конца Малороссіи, жители которой издавна зовутся на Украинѣ, хотя неправильно, литвинами, литвою“.

Въ чемъ же была подкладка этихъ нападеній на малороссійскія повѣсти Гоголя? Оставляя въ сторонѣ личные вкусы и капризы, которые, очевидно, играли здѣсь свою роль, новѣйшія требованія критика исходили также изъ его теперешняго представленія о бытовомъ характерѣ малороссійскаго народа. Это представленіе сказывалось въ немъ и раньше, напр., въ „Запискахъ о Южной Руси“, но теперь развилось до послѣдняго предѣла: малороссійскій народъ казался ему образцомъ нравственнаго достоинства, идиллической патріархальности, чистоты нравовъ и т. п. Наилучшимъ выраженіемъ этихъ свойствъ малорусскаго характера казались ему сантиментальныя повѣсти Квитки, котораго онъ недавно передъ тѣмъ издавалъ и превознесъ до сравненія съ Шекспиромъ. Это была крайняя идеализація малорусскаго народа въ сантиментальномъ родѣ, натянута до потери всякаго чувства дѣйствительности, и опять—произвольный романтизмъ. Степень его научнаго значенія понятна.

Но обѣ стороны забыли въ этомъ спорѣ объ одномъ. Если всѣ признають, что историческій романистъ или драматургъ не обязанъ къ мелочному соблюденію историческихъ фактовъ, и если дается извѣстная льгота ихъ собственной фантазіи, то подобное право очевидно принадлежитъ и повѣствователю изъ народнаго быта: довольно, если его картина въ цѣломъ схватываетъ характеръ народнаго быта или извѣстную его сторону, но затѣмъ онъ есть все-таки поэтъ, а не этнографъ.

Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ г. Кулишъ давалъ еще нѣсколько разъ образчики подобнаго историческаго и этнографическаго произвола: онъ еще нѣсколько разъ свергалъ тѣхъ идоловъ, которыми наканунѣ поклонялся, не исключая и тѣхъ, съ которыми связана была его собственная личная жизнь и совмѣстная дѣятельность „на пользу украинскаго народа“. Такъ въ „Исторіи Возсоединенія“ онъ съ презрѣніемъ говорилъ о Шевченкѣ („пьяная муза“), для котораго не находилъ прежде достаточныхъ словъ восторга, а потомъ, въ „Хуторной поэзіи“, снова воздвигалъ ему алтарь и окружалъ восхваленіями ¹⁾.

¹⁾ См. названныя выше статьи Костомарова, брошюру Мордовцова; упомянутъ еще ст. газеты „Трудъ“, 1882, № 48; Киев. Старину“, 1882, II, стр. 509—519; Ateneum, 1885, Lipiec; Zarysy ruchu literackiego Rusinow, стр. 96—98, и др.

Въ воспоминаніяхъ о Костомаровѣ г. Кулишъ относится съ великимъ презрѣніемъ къ общимъ украинскимъ увлеченіямъ ихъ молодости ¹⁾; эти увлеченія естественно кажутся таковыми для людей старыхъ, но при всемъ томъ сохраняется обыкновенно и у старыхъ людей бережное любящее чувство къ той порѣ жизни, когда въ ея порывахъ сказывалось безъ сомнѣнія больше свѣжаго, неиспорченнаго чувства: для г. Кулиша это только—„комическій и грустный(?) предметъ“ ²⁾. Въ „Исторіи Возсоединенія Руси“ (т. 1-й) г. Кулишъ рѣзко напалъ на Костомарова, который, по его словамъ, принялъ его опроверженія очень благодушно; во второмъ томѣ готовились еще болѣе рѣзкія нападенія, „о которыхъ,—говоритъ г. Кулишъ,—теперь вспоминаю *со стыдомъ и раскаяніемъ*, оправдывая себя только болѣзненнымъ состояніемъ, которое заставило меня немедленно оставить Петербургъ по напечатаніи второго тома“ ³⁾. Надо полагать, что въ болѣзненномъ состояніи писанъ и новѣйшій трудъ г. Кулиша, гдѣ опять, черезъ три года послѣ сейчасъ цитированныхъ „воспоминаній“, находится дикія выходки противъ Костомарова.

Въ 1888—89, г. Кулишъ издалъ новую книгу на ту же тему, какъ „Исторія Возсоединенія“ ⁴⁾. Это—не столько исторія, сколько памфлетъ, направленный противъ той малорусско-козацкой старины, которою нѣкогда самъ авторъ восторгался, и противъ ея патріотическихкихъ историковъ, особливо Костомарова. Старая козацкая исторія есть не что иное, какъ исторія грабительскаго и безнравственнаго скопища; козаки, воюя съ Польшей, воевали вовсе не въ защиту вѣры, къ которой были совершенно равнодушны, а просто для грабежа и буйства; прославленный освободитель Малороссіи, Хмельницкій, былъ безнравственный человѣкъ, разбойникъ и предатель... Въ послѣднихъ словахъ 2-го тома авторъ характеризуетъ трудъ Костомарова о Хмельницкомъ какъ „одичалую въ нашей украинщинѣ Каю“, и по поводу одного эпизода, изображающаго воинственное движеніе на Украинѣ, пишетъ: „По этому дикому восторгу, встрѣчен-

¹⁾ Они не были, однако, младенцы: въ концѣ 1844, когда началась ихъ дружба, Костомарову было 27, г. Кулишу 25 лѣтъ.

²⁾ Новъ, 1886, № 13, стр. 61. Читателю предоставляется сообразить, что Костомаровъ остался навсегда на этой жалкой ступени,—потому что остался любителемъ малорусской исторической старины,—а г. Кулишъ сталъ гораздо превъше его.

³⁾ Тамъ же, стр. 74.

⁴⁾ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши (1340—1654)“, три тома, изданные въ „Чтеніяхъ“ Моск. Общ. ист. и древн. 1888, кн. 2-я и 4-я; 1889, кн. 1-я. Отмѣтимъ еще, что передъ тѣмъ издано было въ „Чтеніяхъ“, еще при Бодянскомъ, важное сочиненіе Крижанича: „Малорусскіе козаки между Россіей и Польшей въ 1659 году по взгляду на нихъ серба Юрія Крижанича“, съ предисловіемъ г. Кулиша („Чтенія“, 1876, кн. 3-я, стр. 109—124).

ному похвалами дикой критики, можно судить, какова была дикость козако-татарскаго нашествія, совершавшагося болѣе чѣмъ за два столѣтія до нашего времени“.

Эта книга произвела такое впечатлѣніе. Московскому Обществу исторіи и древностей, напечатавшему сочиненіе на страницахъ „Чтеній“, пришлось оправдываться отъ укоровъ ревностнаго историка-патріота, г. Кояловича, который написалъ о книгѣ г. Кулиша слѣдующее ¹⁾: „*Краковъ* и *Москва* протягиваютъ другъ другу руки для скрѣпленія новаго союза, отъ котораго можетъ затрещать по всѣмъ направленіямъ русское строеніе въ Западной Россіи. Краковскіе ученые начинаютъ славить сильную власть Москвы, стараются... и западную Россію приманить къ себѣ усиленнымъ всѣми выдумками блескомъ своей исторической цивилизаціи. Къ удивленію, и изъ Москвы направляется къ этому самому блеску польской цивилизаціи славить ее и срамить все русское въ западной Россіи, старый малорусскій грѣховодникъ Кулишъ, печатающій въ Москвѣ новый свой трудъ“,—и г. Кояловичъ собирался еще говорить о „неудержимой страсти г. Кулиша мѣнять научныя и общественныя позиціи“ ²⁾. Въ защиту Общества выступилъ Геннадій Карповъ (ум. 1890), разсматривавшій сочиненіе до печати: онъ устранялъ солидарность Общества съ историко-политическими взглядами г. Кулиша, и объяснялъ, что сочиненіе его принято было какъ изслѣдованіе—„въ предѣлахъ находившихся у автора подъ руками источниковъ и пособій составленное добросовѣстно“, но за которое авторъ отвѣчаетъ самъ, и напечатаніе сочиненія являлось притомъ дѣломъ научнаго безпристрастія. Въ дальнѣйшемъ разсмотрѣніи книги, Карповъ указалъ, что въ противуположность писателямъ, выставлявшимъ (не всегда точно) во главѣ своихъ трудовъ длинныя списки историческихъ источниковъ, въ книгѣ г. Кулиша почти не имѣется ссылокъ; что ему неизвѣстно было сочиненіе самого Карпова („Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго“, 1873), такъ что онъ выдавалъ за свои нѣкоторые выводы, которые уже раньше были сдѣланы Карповымъ; что г. Кулишъ, владѣя сполна источниками польскими, далеко не овладѣлъ русскими, такъ что, напр., изъ „Актвъ южной и западной Россіи“ зналъ одинъ третій томъ (изданный имъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ въ 1862), когда ихъ всѣхъ четырнадцать; Карповъ дѣлалъ кромѣ того упрекъ самому изданію „Актвъ“, подъ редакціей Костомарова и Кулиша, въ одностороннемъ подборѣ документовъ... Въ одномъ Кар-

¹⁾ Въ газетѣ „Правда“, 1889, № 1.

²⁾ Подразумѣвается удаленіе г. Кулиша въ Австрію, дѣятельность въ Галиціи, гдѣ онъ дружилъ съ поляками, потомъ возвращеніе въ Россію и новѣйшее писательство.

повѣ отдавалъ справедливость труду г. Кулиша: „въ русской литературѣ такіа талантливыя описанія аристократической жизни польскаго общества конца XVI и первой половины XVII вѣка рѣдко встрѣчаются: идеалы этого общества, его ничтожество, пошлость и т. п. изображены г. Кулишомъ превосходно. Интеллигентный малороссъ всегда ближе къ польскому шляхетскому обществу, чѣмъ къ московскому-великороссійскому; его даже можно считать членомъ перваго (1). Никто лучше не зналъ польскаго аристократическаго общества (ужъ очень тамъ хорошо живетъ), какъ страшный губитель шляхты—Богданъ Хмельницкій. Дѣло въ томъ, что онъ до старости всѣми помыслами души стремился сдѣлаться членомъ этого общества, но былъ отвергнутъ съ презрѣніемъ: въ этомъ отношеніи польская аристократія купила себѣ горе да на свои гроши. Г. Кулишъ знаетъ польское аристократическое общество пожалуй не хуже Богдана Хмельницкаго“ (?). При третьемъ и послѣднемъ томѣ книги г. Кулиша Карповъ напечаталъ обширное (104 стр.) дополненіе или поправку по одному пункту его сочиненія: „Въ защиту Богдана Хмельницкаго“. Общій взглядъ критика можетъ быть понятъ изъ слѣдующихъ его словъ: „За послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ,—говорилъ Карповъ,—въ литературѣ по исторіи Малороссіи вновь напущено столько туману, что является необходимость, сколько возможно, разсвѣять эти новыя выдумки. Изданное теперь обширное сочиненіе г. Кулиша даетъ наилучшій поводъ приступить къ этому дѣлу: оно при талантливомъ, общедоступномъ и даже иногда блестящемъ изложеніи, кажется, *созмѣщаетъ въ себѣ весь этотъ туманъ*... Воображеніе г. Кулиша и его фантазія поразительны; его жажда къ переворотамъ въ наукѣ положительно подавляетъ читателя; все это представляетъ богатѣйшій матеріалъ не только для журнальной полемики и критики, но и дѣйствительно даетъ поводъ къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ. Послѣднее необходимо прежде всего для того, чтобы поставить многое *на прежнее мѣсто*, такъ какъ г. Кулишъ, „ничтоже сумняся“, кажется, все по исторіи Малороссіи вывернулъ на изнанку или поставилъ вверхъ ногами. Въ этомъ отношеніи сочиненіе г. Кулиша представляетъ, съ *отрицательной* стороны, крупное научное значеніе; но, къ прискорбію, появленіе на свѣтъ подобныхъ сочиненій возбуждаетъ страсти и мѣшаетъ спокойному обсужденію и разработкѣ научныхъ вопросовъ“. Послѣднее замѣчаніе можетъ быть излишне для дѣйствительно научной критики; но вѣрно, что главное значеніе новѣйшаго труда г. Кулиша, а также и многихъ прежнихъ, есть именно отрицательное, какъ настоятельнаго вызова къ новымъ преслѣдованіямъ предмета. Въ настоящемъ случаѣ дѣло пришло къ оригинальному результату: московскій патріотъ выступилъ

на защиту героя малорусской старины против бывшего рьяного украинофила...

Г. Дашкевичъ, отмѣчая новѣйшія теоретическія и историческія блужданія г. Кулиша, опровергаетъ тѣхъ, кто думаетъ, что онъ „сталъ проповѣдывать взгляды и идеи *прямо противоположныя* прежнимъ его убѣжденіямъ“; г. Дашкевичъ думаетъ, что „исходный пунктъ дѣятельности Кулиша, горячая любовь къ родному племени и слову, остался тотъ же; уцѣлѣло въ Кулишѣ и прежнее народничество, а равно остался неизмѣннымъ взглядъ на задачи украинской литературы; измѣнился лишь взглядъ на отношенія племенъ польскаго и южно-русскаго, на козачество и на его пѣсни и лѣтописи“²⁾. Но „прямая противоположность“ многому, что исповѣдовалось прежде, несомнѣнно существуетъ, и желчная озлобленность, образчики которой мы приводили, указываетъ на совсѣмъ иную формацію мыслей, гдѣ не легко сказать—что осталось отъ прежняго. Понятно, что новѣйшіе историческіе и политическіе взгляды бывшего украинофила должны отразиться и на оцѣнкѣ многихъ явленій народной поэзіи и народно-бытовыхъ представленій. Желчность завела г. Кулиша такъ далеко, что онъ постоянно впадаетъ въ односторонность, не видитъ событій въ ихъ широкомъ историческомъ значеніи и—едва ли не перестаетъ понимать свой народъ.

Мы должны еще вернуться назадъ, къ первой порѣ новѣйшаго украинофильства и упомянуть о журналѣ „Основа“ (1861—1862), въ которомъ соединились нѣкогда труды главныхъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи.

Противники малорусскаго литературнаго движенія считали обыкновенно журналъ „Основа“ первымъ заявленіемъ ненавистнаго имъ украинофильства и вели съ него хронологію разныхъ превратныхъ литературныхъ и общественныхъ идей, которыя ставятся въ преступленіе этому направленію. Въ дѣйствительности „Основа“ не имѣла такого значенія: самое изданіе было однимъ изъ проявленій тогдашняго общественнаго настроенія и далеко не всегда совпадало съ другими проявленіями мѣстнаго малорусскаго патріотизма въ то время и послѣ. Изданіе журнала затѣвалось въ тѣ годы, когда въ русскомъ обществѣ еще продолжалось возбужденіе, отличавшее первые годы прошлаго царствованія. Послѣ извѣстныхъ впечатлѣній славной, но неудачной войны, послѣ амнистій, при вѣстяхъ о готовившихся широкихъ преобразованіяхъ, въ обществѣ стали горячо,

²⁾ Въ XXIX Увар. отчетѣ, стр. 230—231. Последняго труда г. Кулиша г. Дашкевичъ не имѣлъ еще въ виду.

довѣрчиво — и часто наивно — высказываться радужныя надежды или инныя давнишнія мечты; съ возвратившимися дѣятелями прежняго времени обновлялись преданія, въ новыхъ условіяхъ времени. Вопросъ о преобразованіяхъ, поднятый въ средѣ самого правительства, самъ собою расширялъ и участіе въ немъ общественнаго мнѣнія: необходимо было болѣе внимательное и болѣе чѣмъ когда-нибудь открытое изученіе самой русской жизни, ея условій, особенностей, старыхъ преданій и новыхъ требованій. Съ этой поры, какъ мы не однажды указывали, стала особенно выростать давно созрѣвшая литература о народѣ, и естественно, что среди новыхъ народныхъ изученій должны были сказаться и тѣ влеченія мѣстнаго малорусскаго патріотизма, которыя давно уже выразились основаніемъ небольшой литературы на малорусскомъ языкѣ и усердными этнографическими изученіями южной Руси. „Основа“ только примкнула къ начатому рабѣ. Элементы ея дѣятельности были готовы давно въ малорусской литературѣ, начавшейся съ конца прошлаго столѣтія; въ специальныхъ сборникахъ, небольшихъ журналахъ, посвященныхъ Малороссіи, какъ „Украинскій Вѣстникъ“, „Альманахъ“, „Молодикъ“ и т. п.; Шевченко еще до своей ссылки приобрѣлъ большую извѣстность и любовь между малорусскими читателями. Объ изученіяхъ этнографическихъ мы говорили: собиратели малорусскихъ пѣсенъ были безъ исключенія энтузіастами своего дѣла, какъ Цертелевъ, Максимовичъ, Срезневскій, Костомаровъ, Лукашевичъ, Метлинскій Кулишъ; ихъ собранія представили множество народно-поэтическихъ произведеній необычайной красоты, которыя увлекали первостепенныхъ писателей нашей литературы, приводили въ восторгъ Пушкина и несомнѣнно вдохновляли Гоголя. Такимъ образомъ „Основа“ въ своемъ началѣ имѣла передъ собой готовыя народно-литературныя стремленія, и въ предметахъ этнографіи, и въ беллетристикѣ на народномъ языкѣ; нужно было только дать новый книжный органъ для этихъ стремленій въ ту пору, когда въ цѣломъ русскомъ обществѣ произошло упомянутое возбужденіе общественнаго мнѣнія и явилась усиленная потребность высказаться. Новый журналъ основанъ былъ людьми того самаго кіевскаго кружка, который въ концѣ 40-хъ годовъ носилъ названіе Кирилло-Меѳодіевскаго. Кружокъ нѣсколько измѣнился — вѣроятно не вслѣдствіе той кары, которая его въ то время постигла, а силою вещей; люди стали старше, прибавилось знанія и опыта; фантастическія мечты отпадали, но сохранилось то, въ чемъ было самое существо ихъ ближайшихъ стремленій. Руководители „Основы“ проникнуты были ревностнымъ народолюбіемъ, и въ частности — стремленіемъ къ изученію малорусской старины и народности и желаніемъ содѣйствовать успѣхамъ книжнаго

малорусскаго слова и народнаго образованія. До сихъ поръ малорусская литература жила только въ своемъ замкнутомъ кругѣ и не имѣла опредѣленнаго положенія: явилась, наконецъ, потребность объяснить его и защитить право существованія этой литературы противъ возраженій и нападеній, какія съ разныхъ сторонъ появлялись. Великорусское общество бывало всего чаще равнодушно къ интересамъ малорусской литературы, которая рѣдко и доходила до него, и, въ духѣ прежнихъ взглядовъ Бѣлинскаго, считала ее или дѣломъ ненужнымъ, или лишнимъ отвлеченіемъ силъ отъ общаго хода образованія, а исключительные патріоты начинали уже думать, что она просто вредна, какъ противорѣчіе національному единству. Въ то же время съ польской стороны можно было замѣтить отношеніе къ малорусскому движенію не весьма дружжелюбное: это движеніе обыкновенно соединялось съ оживленіемъ старыхъ историческихъ преданій, а эти преданія могли только подновлять старую племенную и религіозную вражду, тогда какъ полякамъ на западѣ и юго-западѣ хотѣлось безмятежно первенствовать надъ малорусскимъ населеніемъ или по прежнему считать его однимъ отѣнкомъ того же польскаго народа. Надо было, наконецъ, опредѣлить тѣ племенные особенности малорусскаго народа, припомнить тѣ черты его исторіи, которыя создавали его нравственно-національную характеристику и утверждали его народное право. Всѣ эти вопросы и положенія составили предметъ многочисленныхъ работъ, которыя касались ихъ прямо или косвенно и доставлены были въ „Основу“ какъ представителями стараго кружка, такъ и цѣлымъ рядомъ другихъ писателей, старыхъ и молодыхъ. Замѣтимъ притомъ, что эти работы въ защиту и объясненіе малорусской народности не были какой-нибудь придуманной тенденціей: онѣ являлись сами собою, изъ готовыхъ существующихъ понятій, или вслѣдствіе вызова противниковъ, которымъ надо было дать отпоръ, или высказывались какъ непосредственное настроеніе людей, стоявшихъ внѣ всякихъ литературныхъ споровъ. Главными дѣателями „Основы“ были Костомаровъ, г. Кулишъ и Шевченко, который засталъ только начало предпріятія и по смерти котораго въ „Основѣ“ появилась масса его произведеній, писанныхъ въ годы ссылки и по возвращеніи. Костомаровъ помѣстилъ въ „Основѣ“ нѣсколько статей, имѣвшихъ объяснительное и руководящее значеніе, напр., „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси“, „Двѣ русскія народности“, „Черты южно-русской исторіи“, „Отвѣтъ на выходки газеты Czas“ и пр., „Правда полякамъ о Руси“, „Правда москвичамъ о Руси“, „Крестьянство и вѣршное право“ (подъ рубрикой: „Мысли южнорусса“) и т. д. Г. Кулишъ началъ здѣсь обзоръ украинской литературы, о которомъ мы выше упоминали; помѣстилъ

статьи: „Характеръ и задача украинской критики“, „Полякамъ объ украинцахъ“ и пр. Въ беллетристикѣ журнала, кромѣ Шевченка, явились произведенія Марка-Вовчка, Алексѣя Стороженка, Кухаренка, Леонида Глѣбова, Руданскаго, многочисленныя стихотворенія и рассказы Кулиша, подъ его собственнымъ именемъ и подъ разными псевдонимами, и др. Къ старымъ именамъ присоединилось много новыхъ съ работами по малорусской старинѣ и этнографіи, какъ работы Чубинскаго, В. Б. Антоновича, П. С. Ефименка, Ив. Новицкаго, Номиса, А. Конисскаго, А. Лазаревскаго, Б. Познанскаго, Гатцука. Въ „Основѣ“ являлись труды лицъ, не принадлежавшихъ къ ближайшему кружку редакціи, какъ, напримѣръ, статьи Максимовича, Сухомлинова, П. Лавровскаго, А. Котляревскаго, Сѣрова (о музыкѣ малорусскихъ народныхъ пѣсень) и пр. Не обошлось, конечно, безъ нѣкоторыхъ крайностей, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ статьяхъ г. Кулиша о Гоголѣ, безъ преувеличенныхъ представлений о малорусской народности, но въ большинствѣ содержаніе „Основы“ заключалось въ весьма полезныхъ историческихъ и этнографическихъ работахъ, въ непритязательныхъ литературныхъ попыткахъ на малорусскомъ языкѣ, въ естественной защитѣ малорусской исторіи отъ ея тенденціозныхъ искаженій (напр., у нѣкоторыхъ польскихъ писателей) и иныхъ напраслинь въ самѣй русской литературѣ. Въ числѣ ея сотрудниковъ было нѣсколько именъ извѣстныхъ ученыхъ; другія имена, въ то время впервые появившіяся въ печати, приобрѣли потомъ почетную извѣстность трудами по малорусской исторіи и этнографіи,—назовемъ Чубинскаго, Антоновича, Ефименка. Въ связи съ дѣятелями „Основы“ работалъ тогда Л. Жемчужниковъ надъ своей „Живописной Украиной“...

Не пересчитывая этихъ отдѣльныхъ работъ, остановимся нѣсколько лишь на нѣкоторыхъ статьяхъ „Основы“, опредѣляющихъ историко-этнографическія отношенія малорусской народности. Таковы были статьи Костомарова. Наиболѣе характерную изъ нихъ—о „Двухъ русскихъ народностяхъ“—мы имѣли случай указывать раньше. Въ статьѣ: „Правда москвичамъ о Русахъ“, рѣчь идетъ о древнѣйшемъ періодѣ русской исторіи по поводу возраженій, появившихся въ газетѣ „День“ ¹⁾ противъ статьи о „Двухъ народностяхъ“. Въ статьѣ „Дна“ вопросъ шелъ пока объ опредѣленіи древнихъ племенъ русскаго народа, но московскій критикъ уже здѣсь находилъ возможнымъ ставить дѣло на почву племенной исключительности. Указывая, что на каждомъ народѣ лежитъ обязанность самопознанія или обязанность изучать коренныя стихіи его народности, критикъ го-

¹⁾ 1861, № 6, статья Ильи Бѣльева.

ворилъ: „Но исполненіе этой-то обязанности и трудно. Случайныя положенія, въ которыя исторія, а вѣрнѣе, неразуміе народовъ... ставить, на болѣе или менѣе долгое или короткое время, тотъ или другой народъ,—образуютъ въ немъ *привычки*, которыя, по пословицѣ, становятся второю природою. Эти привычки, заслоняя въ народѣ коренныя свойства его природы, *обольщаютъ* его и заставляютъ обольщать другихъ“. Но испѣленіе возможно: оно дается изученіемъ *исторіи*, которая подъ внѣшними очертаніями измѣнчивыхъ событій научаетъ узнавать истинную сущность народнаго духа, которая не даетъ народу успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не найдетъ себѣ быта и обстановки, отвѣчающихъ этой сущности. „Само собою разумѣется, что такое изученіе исторіи сразу не дается ни всему народу, ни отдѣльнымъ его личностямъ. Національныя привычки, о которыхъ мы сказали выше, вносятъ и въ историческую науку самолюбивый *партикуляризмъ*, отъ котораго она должна очищаться постепенно. Къ счастью, самая ложь и противорѣчія, неизбѣжныя въ такихъ случаяхъ, мало-по-малу, саморазрушеніемъ приготавливаютъ торжество истинѣ“... Костомаровъ понялъ прозрачный намекъ въ полной силѣ и не хотѣлъ уступить. Къ своему отвѣту онъ взялъ эпитафю слова изъ стараго рукописнаго житія Моисея, архіепископа новгородскаго: „Вознесися умомъ высоты ради сана своего, яко отъ Москвы прииде, величаяся гражданиномъ, яко и племенемъ ихъ укори“,—и опровергая своего противника, находилъ, что его критикъ вообще хочетъ употреблять науку средствомъ для поддержанія постороннихъ своихъ убѣжденій, имѣющихъ для него смыслъ уже не въ наукѣ, а въ современной жизни. Онъ кончаетъ, перебрасывая обвиненіе въ партикуляризмъ на самого критика.

„Критикъ задаетъ намъ цѣлый рядъ вопросовъ. Мы боимся, чтобы *московскій партикуляризмъ* не увлекъ его до того, что мы станемъ видѣ возможности толковать съ нимъ серьезно. А на то похоже, когда онъ выкидываетъ изъ науки *привычки*, отличая ихъ отъ истинныхъ элементовъ народности. Такимъ образомъ все, что ему не нравится, онъ относитъ къ *привычкамъ*, а чего хочетъ—къ истиннымъ *элементамъ* народности и, конечно, къ послѣднимъ отнесетъ и то, что самъ выдумаетъ и чего на самомъ дѣлѣ не было (какъ, наприимѣръ, сѣверная цивилизація на русскомъ материкѣ въ неизвѣстныя и незапамятныя времена). Отдѣленіе *привычекъ* отъ истинныхъ *элементовъ*—это московская лазейка; мы будемъ говорить: это наши истинные элементы народности; они намъ дороги, священны; а вы скажете: неправда, это—привычки, вы должны съ ними разстаться, а вотъ ваши элементы—и будете указывать на то, чего въ самомъ дѣлѣ не было въ исторіи и теперь нѣтъ въ духовной и обществен-

ной жизни, или же на то, что, хотя и существуетъ, но отъ чего мы отвращаемся, какъ отъ временныхъ привычекъ“¹⁾.

Въ то же время Костомарову приходилось защищать южнорусскую народность съ другой стороны. Его статья: „Правда полякамъ о Руси“ направлена противъ того стараго польскаго представленія, которое въ то время находило своего теоретика въ Духинскомъ и его послѣдователяхъ. По этой теоріи, „русскіе“ (подъ которыми разумѣлись малороссіане и галицкіе русины) составляютъ племя, совершенно особое отъ „москвитовъ“, т.-е. именно русскихъ, великоруссовъ; только первые представляютъ собою настоящее славянское племя, собственно отрасль польскаго народа, съ которымъ они и были всегда связаны; они принадлежатъ къ „настоящей греческой“ церкви (т.-е. къ уніи), когда москвиты составляютъ въ этой церкви „схизму“; москвиты—вовсе не подлинныя славяне и только въ послѣдніе вѣка, захвативши часть „русскихъ“ земель (т.-е. Малороссію и западный край), присвоили себѣ и имя русскихъ, имъ вовсе не принадлежащее²⁾. (Духинскій объяснялъ именно, что москвиты были просто смѣсь финновъ и тюрковъ, принявшая языкъ, сходный съ русскимъ). Такова была удивительная теорія, изобрѣтенная для опоры старому польскому мнѣнію, что малоруссы были только вѣтвью польскаго племени, и что поэтому они должны считаться нераздѣльной частью Польши.

Эти бессмыслицы не заслуживали бы серьезнаго опроверженія, еслибы не были повторяемы даже въ западной литературѣ и еслибы имъ не придавалось значенія политическаго аргумента въ начинавшемся тогда польскомъ броженіи. Костомарову достаточно было указать нѣсколько элементарныхъ и положительныхъ фактовъ русской исторіи, чтобы объяснить настоящія отношенія племенъ въ ихъ прошедшемъ и настоящемъ. Онъ напомнилъ потомъ, какъ южно-русскій народъ достался Польшѣ (безъ его спроса, на Люблинскомъ сеймѣ), какъ произошла церковная унія, какъ затѣмъ южно-русскій народъ длиннымъ рядомъ кровавыхъ возстаній заявлялъ и защищалъ свою національную и религіозную отдѣльность, какъ въ концѣ прошлаго вѣка онъ еще разъ протестовалъ противъ порабощенія такъ-называемой коліивщиной. „По присоединеніи къ Россіи, — говоритъ

¹⁾ „Основа“, 1861, октябрь, стр. 1—15. Споръ закончился, кажется, замѣткой Илья Бѣльева въ „Днѣ“ 1862, № 14. Впослѣдствіи новыя нападенія на Костомарова по другому случаю были сдѣланы Гильфердингомъ, а еще позднѣе—Карповымъ и пр. Костомаровъ въ рѣчи о К. Аксаковѣ желалъ отъда справедливость славянофильскому изученію русской исторіи, но эта школа всегда относилась къ нему весьма враждебно, что и было естественно при исключительности московской точки зрѣнія.

²⁾ По теоріи это произошло не дальше, какъ при Екатеринѣ II.

Костомаровъ, — совершившемся въ концѣ XVIII в., южно-русскій народъ (т.-е. крестьянская масса) остался надолго подъ властію польскихъ помѣщиковъ, и, правду надобно сказать, только силѣ русскаго правительства эти польскіе паны должны быть благодарны за безмятежное охраненіе своей власти надъ древнерусскими землями и поработченными русскими земледѣльцами: безъ этого движеніе коливщины отразилось бы послѣдующимъ рядомъ событій въ привычномъ духѣ. Только событіе 19 февраля 1861 года, освободившее южно-русскихъ крестьянъ отъ произвола пановъ, подаетъ прочную надежду на окончательную сдачу въ архивъ трехвѣковаго дѣла о заявленіи народной воли по вопросу о соединеніи Руси съ Польшою. Отъ благоразумія поляковъ будетъ зависѣть на будущее время прекратить всякую возможность перейти этому дѣлу изъ исторіи опять въ современность¹⁾.

Костомаровъ заключалъ, что международные споры съ поляками должны прекратиться: старыя событія, какъ бракъ Ягайла, Люблинская и Брестская унія, всякіе старые договоры, андрусовскіе, московскіе и пр., которыми польскіе патріоты хотятъ доказывать права Польши на юго-западную Русь, не имѣютъ никакого значенія. „Обо всемъ этомъ можно писать историческія книги, ученыя диссертациі, читать лекціи, — многое изъ этого можетъ пригодиться для картины, драмы, повѣсти, оперы... но все это ровно никуда не годится для практическаго установленія международныхъ нашихъ „отношеній“. Пора оставить эти старыя притязанія, давно отмѣвенныя послѣдующей исторіей, и пора искать другой, на справедливости основанной, связи, „которая одна можетъ быть залогомъ взаимныхъ стремленій ко всѣмъ благамъ образованности и къ успѣхамъ на пути умственнаго и вещественнаго благосостоянія“. А тотъ путь, которымъ хотятъ вести свой народъ писатели, прибѣгающіе къ упомянутымъ теоріямъ — „путь погибельный“...

Г. Кулишъ въ статьѣ: „Полякамъ объ украинцахъ“²⁾ въ томъ же духѣ, но ближе касался современныхъ отношеній польскаго общества и литературы къ малорусской народности. Между прочимъ, г. Кулишъ, какъ въ другомъ мѣстѣ и Костомаровъ³⁾, говоря о такъ-называемой украинской школѣ польской поэзіи, указывалъ, какое значеніе имѣлъ ея „украинскій“ элементъ и эта „попытка побрататься съ украинцами во имя ихъ козачества, перелицованнаго на изнанку“, и какъ можетъ относиться къ нимъ малорусскій читатель. Характеръ статьи можетъ показать небольшая цитата:

¹⁾ „Основа“, 1861, окт., стр. 111.

²⁾ „Основа“, 1862, февраль, стр. 67—86.

³⁾ „Отвѣтъ на выходки газеты Сѣвъ“ и пр., „Основа“, 1861, февр., стр. 134—135.

„Я польское и я украинское,—говорилъ г. Кулишъ,—разошлись, въ теченіе вѣковъ, на такое разстояніе, что полякъ, при всемъ стараніи, не можетъ войти въ натуру украинца, а украинецъ, при всѣхъ приманкахъ, войти въ натуру польскую не хочетъ. Просвѣщенные представители той и другой народности способны сходиться дружески во имя общечеловѣческихъ идей и изъ любви къ истинности взаимныхъ историческихъ преданій, но лишь только они дѣлаются представителями своихъ народовъ и отъ отвлеченныхъ бесѣдъ переходятъ къ дѣлу жизни, каждый изъ нихъ по-неволѣ долженъ уйти въ свой лагерь и раздѣливаться другъ съ другомъ оружіемъ, которому не блистать подъ однимъ и тѣмъ же знаменемъ. Это—дѣло не ихъ произвольныхъ теорій, это—дѣло исторіи того и другого народа“.

Достаточно нѣкотораго знакомства съ содержаніемъ журнала, чтобы увѣриться въ несправедливости обвиненій, не разъ послѣ падшихъ на „Основу“, какъ источникъ украинофильства, въ которомъ чудился и сепаратизмъ, и союзъ съ „польской справой“. „Основа“ дѣйствительно выражала мѣстный патріотизмъ — вовсе не выдуманный, а тотъ самый, который издавна жилъ въ малорусскихъ людяхъ, особенно, когда, въ прежнихъ условіяхъ нашей жизни, старые нравы еще не стирались такъ быстро отъ вліяній центра, когда эти люди, встрѣчаясь съ сѣверными соотечественниками, больше чѣмъ теперь должны чувствовать разницу въ характерѣ, языкѣ, обычаяхъ. Это былъ тотъ же патріотизмъ, который отличалъ—задолго до какой-нибудь идеи исключительнаго украинофильства — первыхъ малорусскихъ писателей и самого Гоголя, хотя уже не писавшаго по-малорусски. Любовь къ языку, старому обычаю, къ прекрасной народной пѣснѣ, какъ естественное чувство къ родинѣ, не покидала уроженцевъ Малороссіи, когда они и оставляли свою родину; это былъ инстинктъ, проявившійся самъ собою безъ всякихъ книжныхъ справокъ въ исторіи.¹⁾ Писатели, которымъ и прежде эта малорусская жизнь представлялась въ сентиментальной розовой окраскѣ, какъ Основьяненко, были уже прямые предшественники украинофильства „Основы“ —не даромъ г. Кулишъ такъ превозносилъ теперь его произведенія. Мы видѣли, что эта атмосфера малорусскаго быта и преданія охватывала даже русскихъ, которымъ приходилось жить подъ ея вліяніемъ,—какъ было, напр., съ Срезневскимъ и Вадимомъ Пассекомъ (послѣдній испыталъ его вліяніе уже въ послѣдніе годы). Теперь подобное совершалось съ г. Л. Жемчужниковымъ, который въ тѣ годы занимался изученіемъ „живописной“ Украйны и, между прочимъ, указывалъ, наперекоръ Костомарову, современную живучесть народной марорусской поэзіи¹⁾...

¹⁾ Ср. „Нѣсколько замѣчаній по поводу народныхъ пѣсень“, „Основа“, 1862, февр., стр. 87 и слѣд.

„Основа“ дала такимъ образомъ только первое, нѣсколько цѣльное выраженіе давно существовавшему настроенію, тому мѣстному патріотизму, который былъ существеннымъ порожденіемъ условій малорусскаго быта и исторіи, и не представлялъ никакого ущерба для патріотизма общерусскаго. — Изъ того, что мы приводили изъ мнѣній „Основы“ по поводу польско-малорусскихъ отношеній, мудрено вывести какое-либо иное заключеніе, кромѣ того, что эти отношенія были весьма недоувѣрчивы или прямо враждебны. Было здѣсь то преувеличеніе, что малорусскіе патріоты говорили о своемъ народѣ и обществѣ, какъ о самодѣятельномъ факторѣ общественныхъ отношеній: на дѣлѣ эта самодѣятельность была весьма незначительная; малорусская стихія была уже до такой степени поглощена и увлечена потокомъ русской внутренней политической жизни, что должна была слѣдовать и ея органическимъ требованіямъ, и самымъ капризамъ. Писатели „Основы“ доувѣрчиво считали существующими въ самой жизни свои идеалистическія представленія, — но эта нѣкоторая потеря чувства дѣйствительности была общей чертой того времени: дѣйствительность скоро показала, что въ ней мало мѣста этому идеализму, — и это было жаль, потому что въ немъ было столько искренней любви къ народу и знанія, что при другихъ условіяхъ они могли принести благотворное дѣйствіе...

Несмотря на нѣкоторыя крайности, какъ упомянутыя выше статьи г. Кулиша и его сентиментальная идеализація малорусскаго народнаго характера, „Основа“ имѣла свое немаловажное вліяніе какъ въ малорусской литературѣ, такъ и въ этнографіи. Черезъ нее прошелъ рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ беллетристическихъ произведеній на малорусскомъ языкѣ: на первомъ планѣ — произведенія Шевченка, на второмъ — Марка Вовчка, А. Стороженка, Кулиша и др. Во-вторыхъ, однимъ изъ главныхъ ея интересовъ были этнографическія изученія; статьи подобнаго рода являлись въ каждой книжкѣ, и общимъ выводомъ были: необходимость изученія народной жизни, уваженіе къ народной мысли и чувству, къ народной личности — въ томъ же смыслѣ, какъ объ этомъ говорилось тогда и въ цѣлой русской литературѣ, по давно слагавшемуся убѣжденію, которое особенно усилилось тогда подъ вліяніемъ крестьянской реформы; у писателей малорусскихъ это стремленіе сказывалось лишь съ тѣми видоизмѣненіями, какія приводились очевидными различіями племенными, историческими и бытовыми. Этнографическій интересъ, здѣсь заявленный, отразился важными трудами въ области малорусской этнографіи въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ.

ГЛАВА VIII.

ГАЛИЦКО-РУССКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ И ПОЛЬСКО-УКРАИНСКАЯ ШКОЛА.

Общі замѣчанія.—Рассказы Головацкаго о началѣ галицко-русскаго возрожденія.—Воспоминанія Н. Устѣновича.—Историческія причины особенной силы польскаго вліянія въ Галиціи.—Литературно-историческія отношенія Галицкой Руси.—Двадцатые и тридцатые года въ воспоминаніяхъ Головацкаго.—Антоній Добрянскій.

Южно-русскіе интересы въ польской литературѣ — Источники этихъ интересовъ.—Украинская школа.—Тимко Падура.

Историческія отношенія Россіи, и въ частности Малороссіи, къ Польшѣ были столько разъ излагаемы съ обѣихъ сторонъ, и съ разныхъ точекъ зрѣнія—польской, русской и малорусской—сосчитывались ихъ враждебныя столкновенія и различіе самыхъ національных идеаловъ и характеровъ, что въ этой литературѣ высказался, кажется, весь запасъ взаимной непріязни и раздраженія. При другомъ случаѣ мы говорили о томъ, какъ трактовался въ нашей литературѣ польскій вопросъ ¹⁾, и видѣли, что, при всей враждѣ, съ русской стороны слышались изрѣдка взгляды болѣе спокойныя, чѣмъ масса ходячихъ мнѣній, но подобныя взгляды не были довольно распространены и, особенно, не имѣли какой-нибудь силы въ политической практикѣ. Со стороны польской, въ послѣдніе годы также начиналась рѣчь о „примиреніи“,—но и эти голоса также не нашли въ своемъ обществѣ достаточнаго отголоска, какъ не нашли себѣ опоры и въ обстоятельствахъ времени... Было бы поэтому весьма благодарной задачей еще разъ перебирать поводы и факты столкновений, но самый вопросъ остается далеко невыясненнымъ и,

---

¹⁾ „Польскій вопросъ въ русской литературѣ“, „В. Евр.“, 1880, февр. и слѣд.

кажется, что для обѣихъ сторонъ было бы полезно по крайней мѣрѣ вникать ближе въ историческія явленія и искать въ нихъ безпристрастнаго пониманія отношеній, разладъ котораго не можетъ, наконецъ, не тяготить здраваго общественнаго и національнаго чувства.

(Обычное у насъ представленіе объ отношеніяхъ Польши къ Россіи какъ о вѣчной „интригѣ“ и „коварствѣ“ (которымъ, наконецъ, придется чисто баснословный размѣръ), и съ другой стороны, польскою представленіе о Россіи и „наѣздѣ“, заключаютъ въ себѣ обыкновенно одну грубую ошибку, при которой невозможно правильное пониманіе ни прошедшаго, ни современной дѣятельности. Обѣ стороны упускаютъ изъ виду, что историческія явленія имѣютъ всегда психологическую подкладку въ дѣломъ народномъ міровоззрѣніи, соединяющемся вѣками, что событія имѣютъ свою логику, что дѣлые народы не могутъ быть „коварными“, какъ, съ другой стороны, „наѣздъ“ не совершался по одному насилию для насилія. Съ польской стороны, напримѣръ, долго не хотѣли видѣть, что вмѣшательство Россіи въ судьбу польскаго народа было приведено весьма ясными причинами, изъ ряду которыхъ крупнѣйшую роль играли внутреннія политическія ошибки самой Польши; что эти ошибки издавна (напр. еще въ XVII-мъ вѣкѣ) были ясно сознаваемы въ средѣ самого польскаго общества и бывали даже съ большой энергіей высказываемы — при дружелюбномъ отношеніи — въ самой польской литературѣ. Когда начинается кризисъ, поворотнѣе данной минуты рѣдко бываютъ въ состояніи отнестись спокойно къ совершающимся событіямъ: настоящая опасность родины напоминаетъ имъ энтузіазмомъ къ національному преданію и не допускаетъ видѣть въ немъ какой-либо недостатокъ, въ его примѣдленіи — какую-либо ошибку. Хотя въ другое время эта ошибка была уже велика: сторона добѣждающая столь же мало была способна относиться справедливо къ противнику, а иногда и примѣдленно одѣлать собственное дѣло. Различное уразумѣніе бываетъ возможно только тогда, когда придетъ первая горячка разрыва, когда спокойная мысль въ отступленіи будетъ явиться на мѣсто страстнаго раздраженія; в такой мысли вѣнство слѣдуетъ раньше отступить къ самъ права на той сторонѣ, которая не испытала горячаго чувства мести и казни. Намысливъ историческаго процесса съ одной стороны можетъ возникнуть историческія вѣрныя современнаго явленія, съ другой, можетъ открытъ явленія явного народа, столь же примѣдленно и замкнуто, которые стремятъ себѣ мѣста въ политическомъ и общественномъ жистѣ, въ раздѣленіи для различныхъ руководящихъ принциповъ, которые могутъ быть связаны съ действительностью уравни-

новѣшеніи общественныхъ элементовъ, имѣющихъ за собой жизненное право.

Мы коснулись этого общаго вопроса потому, что его отраженіе встрѣчаемъ и на польско-украинскихъ литературно-этнографическихъ отношеніяхъ—въ исторіи галицко-русскаго возрожденія, въ польской украинской литературной школѣ и наконецъ въ новѣйшихъ явленіяхъ общественныхъ и литературныхъ. Въ настоящемъ случаѣ не мѣсто излагать эти отношенія въ цѣломъ ихъ объемѣ; съ другой стороны, эта область литературной и общественной исторіи очень мало разработана въ нашей литературѣ, — поэтому мы коснемся ея въ формѣ нѣсколькихъ эпизодовъ.

Выше (гл. IV), по поводу польско-русскихъ этнографическихъ сборниковъ мы упоминали о галицко-русскомъ возрожденіи, и считаемъ не лишнимъ возвратиться еще разъ къ нѣкоторымъ подробностямъ. Возрожденіе пробудило племенное чувство, напомнило и привело въ дѣйствіе старыя историческія отношенія, и открыло путь этнографическому интересу и изслѣдованію.

Въ процессахъ подобнаго рода любопытно наблюдать именно непосредственные мотивы движенія. Къ сожалѣнію, достаточно подробныхъ разсказовъ не осталось, а одинъ изъ участниковъ движенія, наиболѣе о немъ писавшій, Головацкій говорилъ о немъ уже въ поздніе годы, когда измѣнились его взгляды на сущность и цѣли движенія. Въ такихъ условіяхъ разсказъ неизбѣжно теряетъ точность: сознательно или безсознательно, такой историкъ измѣняетъ окраску прошедшаго, подставляетъ прошедшему свои позднѣйшіе взгляды — даже при искреннемъ отношеніи къ дѣлу, а тѣмъ болѣе при неискреннемъ ¹⁾. Дѣло въ томъ, что въ послѣднія десятилѣтія галицко-русскій литературный міръ раздѣлился на двѣ новыя стороны: одни, какъ ихъ иногда называютъ, „молодшіе“ русины, считаютъ свой народъ *южно-русскимъ*, каковъ онъ и есть, и стремятся къ развитію литературы на собственномъ языкѣ Галицкой Руси въ связи съ нашей литературой малорусской; другіе, „старшіе“ или „твердые“, нѣкогда державшіеся того же взгляда, потомъ стали думать, что галичанамъ

¹⁾ Къ тому, что указано было выше (стр. 134), отмѣтимъ еще: „Руска Библиотека“, Онискевича, Львовъ, 1884, т. III (сочиненія Пашкевича, Вагилевича, Головацкаго, съ историко-литературнымъ введеніемъ В. Коцовскаго); „Литературный Сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею“, подъ ред. Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1885; вып. 1—3, и разборъ этого изданія въ львовской „Зорѣ“, 1885, № 11 и слѣд.; „Антоній Добрянскій, его жизнь и дѣятельность въ Галицкой Руси“, Б. А. Дѣдицкаго, Львовъ, 1881; его же, жизнеописаніе М. Качковскаго, и проч.; ср. Szujaki, Die Polen und Ruthenen in Galizien, Wien und Teschen, 1882; „Исторія литературы руской“, О. Огоновскаго. Львовъ, 1887 — 89, и объ ней „Вѣсти. Европа“, 1890, сентябрь, и „Archiv für slavische Philologie“, 1890, т. XIII, и проч.

должно стремиться къ сліянію съ литературой *обще-русской*, которая однако понимается не въ ея высшихъ поэтическихъ созданіяхъ и не въ ея стремленіяхъ истинно народолюбивыхъ, а только съ ея консервативной, обрусительной, славяно-благотворительной стороны. Изъ этого основного разнорѣчія происходило и происходитъ въ галицкой литературѣ много запутанныхъ столкновеній и вражды, въ которыхъ не легко разобраться русскому читателю, не знакомому съ подробностями мѣстныхъ отношеній. На обѣихъ сторонахъ есть люди убѣжденные, и одинаково преувеличивающіе; но къ сожалѣнію та сторона, которая могла бы быть намъ сочувственна по „обще-русскимъ“ стремленіямъ, всего чаще производитъ отталкивающее впечатлѣніе какъ упомянутымъ пониманіемъ „обще-русскаго“, такъ и личными дѣяніями нѣкоторыхъ ея послѣдователей.

Головацкій рассказываетъ о событіяхъ тридцатыхъ годовъ имени съ своей точки зрѣнія 1860 — 80-хъ годовъ. Въ качествѣ приверженца „обще-русской“ партіи, онъ является обыкновенно яростнымъ врагомъ „полонизма“: гдѣ только является полякъ, это всегда дѣтель интриги. Въ такомъ родѣ составленъ рассказъ его о Вагилевичѣ, который былъ однимъ изъ ревностныхъ начинателей галицко-русскаго возрожденія и другомъ Головацкаго: біографія должна служить поученіемъ, такъ какъ Вагилевичъ дружилъ съ поляками и сталъ также жертвою своего довѣрія къ „польской лести и чести“. Въ чемъ была настоящая правда, разобрать не легко. Свое повѣрье о польскихъ затѣяхъ („интригѣ“) Головацкій распространялъ на всѣякія отношенія галицко-русской жизни и литературы съ польскими; вопросы чисто литературные становятся почвой интриги; поляки ищутъ галицко-русскимъ писателямъ, чтобы они приняли латинскую азбуку или даже бросили южно-русскій языкъ для польскаго и т. д. Если польскій писатель интересуется южно-русской этнографіей, онъ крадетъ собранныя русскими пѣсни или „выманиваетъ“ ихъ пѣсни (точно у глухихъ ребятъ), и продаетъ въ свою пользу. Выходитъ такъ, какъ будто въ ту пору, въ 1830-хъ годахъ, и когда не происходило ничего, кромѣ постоянныхъ козней со стороны поляковъ, а галицко-русскіе патріоты, которые въ чемъ-нибудь слухали поляковъ, являются въ видѣ неопытныхъ и угнетенныхъ младшачковъ или же измѣнниковъ.

Записки Головацкаго (въ „Литературномъ Сборникѣ“) начинаются со вступленія его въ тогдашнюю высшую школу во Львовѣ и съ знакомства съ Маркіаномъ Шашкевичемъ и Вагилевичемъ. Они всесторонне сдружились и выдѣлились въ средѣ товарищей, какъ „русско-троица“, своимъ интересомъ къ народности. Изученіе русской грамматики, исторіи и языка давалось трудно за отсутствіемъ руководя-

за недостаткомъ книгъ; друзья дѣлились своими знаніями и стремленіями, и мы упоминали въ другомъ мѣстѣ, какъ первымъ результатомъ ихъ общей работы была изданная съ большими препятствіями „Русалка Днѣстровая“ (1837)—первая книга, съ которой считается возрожденіе галицко-русской литературы въ *народномъ* направленіи.

Гдѣ же былъ источникъ движенія, какъ оно совершалось, какія ставило цѣли? Мы узнаемъ, что въ молодомъ кружкѣ шла оживленная дѣтельность: „въ семинаріи,—разсказываетъ Головацкій,—начались толки о русскомъ народѣ, о его просвѣщеніи посредствомъ *народнаго* языка... Всякій понималъ то дѣло *по своему*, но движеніе между молодымъ поколѣніемъ было сильно“. Нынѣшніе „младшіе“ критики недовольны неопредѣленностью разсказа, гдѣ не выяснены важные вопросы, которые представляются сами собой: откуда бралось, напр., у товарищей это „пониманіе дѣла *по своему*“ и въ чемъ заключалось? Объ этомъ есть отрывочныя подробности, но нѣтъ ничего цѣльнаго о развитіи мыслей тогдашнихъ патріотовъ и средѣ, въ которой они жили. Имъ попались въ руки,—разсказываетъ авторъ,—сборники пѣсенъ, „Енеида“ Котляревскаго и т. п.; но откуда они узнали о самомъ ихъ существованіи и что извлекли изъ нихъ? „Мы,—говоритъ Головацкій,—постоянно встрѣчаясь дома, въ аудиторіяхъ, на прогулкахъ всегда, когда мы втроемъ говорили, толковали, спорили, читали, критиковали, разсуждали о литературѣ, народности, исторіи, политикѣ и пр. и почти всегда мы говорили по-русски“. Авторъ жалуется, что онъ не имѣлъ руководителей; между тѣмъ, онъ и его товарищи, кажется, рано начинаютъ понимать, чего хотятъ. Шашкевичъ (повидимому, самая характерная личность всего кружка) описывается какъ человѣкъ живой, талаятливый, страстный и, вѣроятно, искавшій ясныхъ рѣшеній; другой членъ кружка, Вагилевичъ, также человѣкъ живой, способный къ крайнимъ увлеченіямъ и, безъ сомнѣнія, также задававшій себѣ вопросы о принципахъ. Авторъ „Воспоминаній“ ничего не говоритъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ стоялъ ихъ кружокъ къ тогдашнему старшему поколѣнію, въ коротомъ были, однако, люди, вообще извѣстные за патріотовъ—въ чемъ состоялъ ихъ патріотизмъ? Упомянувъ о впечатлѣніи, какое произвелъ на нихъ сборникъ пѣсенъ Вацлава Залѣскаго, авторъ какъ будто не знаетъ, что Залѣскій (какъ теперь извѣстно) за пѣснями южно-русскими обращался именно къ питомцамъ русской семинаріи, и одинъ изъ „троицы“, пріятель Шашкевича, былъ сотрудникомъ польскаго этнографа, который былъ энтузіастомъ народной поэзіи и даже южно-русской больше, чѣмъ польской.

Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ“ разсказывается не мало подробностей о броженіи въ польскомъ обществѣ передъ 1830 годомъ и послѣ,

когда печальный конецъ возстанія не прекратилъ возбужденія умовъ и въ польскихъ кругахъ строились планы новыхъ предпріятій. Польскіе заговорщики старались привлекать и галицко-русскую молодежь къ своимъ планамъ; нѣкоторые изъ послѣднихъ не остались безучастны къ этому политическому возбужденію,—хотя въ „Воспоминаніяхъ“ опять не договаривается, почему русскіе галичане слушали поляковъ. Самъ авторъ „Воспоминаній“ изображаетъ себя противникомъ польскихъ „затѣй“, но его друзья, повидимому, не уклонялись отъ польскаго общества, а Вагилевичъ въпослѣдствіи и совсѣмъ перешелъ на польскую сторону, по словамъ Головацкаго. „Я,—говоритъ онъ,—неохотно поддавался такимъ внушеніямъ и не вѣрилъ польскимъ мечтателямъ, но думалъ про себя: пусть они затѣваютъ рухавки, они свое, а мы свое—мы будемъ *просвѣщать* народъ и поддерживать русскую народность“; но въ другомъ мѣстѣ онъ осуждаетъ Вагилевича, который однажды, оставивши экзамены, отправился „просвѣщать“ народъ (онъ былъ тогда арестованъ и отправленъ къ отцу на попеченіе). Далѣе, въ „Воспоминаніяхъ“ разсказывается, опять отрицательно, о спорѣ по поводу того, какая азбука — русская или латинская—должна быть принята для вновь возникавшей литературы. Мы упоминали, что въ средѣ самихъ русскихъ галичанъ защитникомъ латинской азбуки былъ тогда Іосифъ Лозинскій. Противъ него выступили Шашкевичъ и І. Левицкій. „То былъ вопросъ о существованіи,—пишетъ Головацкій:—быть или не быть русинамъ въ Галиціи; прийми галичане въ 1830-хъ годахъ польское абецадло—пропала бы русская индивидуальная народность, улетучился бы русскій духъ и изъ Галицкой Руси сдѣлалась бы вторая Холмщина“. Вопросъ былъ, конечно, важенъ: народное употребленіе русской азбуки поддерживалось бы связь галичанъ съ книжной русской стариной, а также съ русской и малорусской книжностью современной.—но какъ русскій духъ не улетучился раньше, когда латинская азбука (дальше это увидимъ) давно бывала употребляема для русскаго языка?... Повидимому, не прачъ не былъ такъ ясенъ для тогдашнихъ патріотовъ: въ самомъ дѣлѣ, мы читаемъ, что епископъ Свѣтурскій, большой русскій патріотъ тѣхъ временъ, „наградилъ“ І. Левицкаго за защиту русской азбуки противъ Лозинскаго, но самъ Лозинскій говоритъ, что выступилъ съ своимъ предложеніемъ о латинской азбукѣ съ *цѣлою* тогда же (Свѣтурскаго ‘).

Новѣйшіе галицкіе приверженцы „обще-русскаго“ единства дошли до того, что *забыли* считать *патристическими* о народности и книжной азбукѣ *взгляды* *своего* *предшественника* и *искусителя* *ищущей* *внес-*

раздѣленіе въ это, хотя пока не существующее, но предполагаемое единство. Они сошлись въ этомъ съ нашими гонителями украинофильства (или подлаживались къ нимъ), но, желая писать на „общерусскомъ“ языкѣ, обыкновенно знаютъ его плохо и употребляютъ его въ уродливомъ видѣ...

Подобныхъ мнѣній держится и другой ветеранъ галицкой литературы, Николай Устіановичъ (отрывокъ его автобіографіи въ „Литературномъ Сборникѣ“ Дѣдицкаго). Его юность проходила въ пору самой сильной и „безропотной“ колонизаціи его родины; колонизмъ охватывалъ галицкую жизнь такъ, что самъ онъ „чуть-чуть не занялъ подъ знамена Хлопицкаго“ въ 1830 году; но польское возстаніе „отворило ему очи“ и онъ сталъ приверженцемъ своей русской народности. Онъ былъ другомъ Маркіана Шашкевича и, по смерти его (1843), хотѣлъ помянуть его стихотвореніемъ, но въ тѣ годы притѣсненій ¹⁾ не рѣшился написать его по-русски и написалъ по-польски,—и въ этомъ видѣ, однако, редакторъ польской газеты во Львовѣ побоялся напечатать пьесу, такъ какъ въ ней говорилось о возрожденіи галицко-русской народности. Только въ 1848, авторъ нашелъ возможнымъ пустить въ свѣтъ свое воспоминаніе о Шашкевичѣ. „Я перевелъ мой стихъ, посвященный памяти Маркіана, на галицко-русское нарѣчіе и, чтобы теплымъ вѣтеркомъ жалостныхъ воспоминаній разогрѣти сочувствіе и въ тѣхъ многихъ лицахъ изъ мірской русской интеллигенціи, которые уже слишкомъ позабыли языкъ русскій и даже *русской* буквы не знали, постарался я напечатати текстъ *польскій* вмѣстѣ съ *рускимъ*“. По словамъ автора, эта пьеса имѣла даже „самое большое вліяніе на проснувшуюся народную жизнь галицко-русской братіи“. Итакъ, „русской буквы не знали“.

„Признаюсь, — продолжаетъ Устіановичъ на „общерусскомъ“ языкѣ,—что я никогда не имѣлъ большого упованія въ мои духовныя силы и лезалъ (боялся) самаго подозрѣнія хвастунства... и не имѣя ни случайности, ни средствъ изучити языкъ обще-литературный русскій, я былъ приклонникомъ дуализма и отстоивалъ нарѣчіе галицкое, надѣясь, что оно слѣется съ говоромъ украинскимъ и очистится вмѣстѣ съ тѣмъ отъ пестроты, нанесенной сосѣднимъ языкомъ польскимъ. Но заглянувши въ продолженіи времени въ литературу велико-русскую и распознавши основнѣе галицкое нарѣчіе, я убѣдился, что языкъ грамотный велико-русовъ есть зданіемъ согубимъ воздвигнутымъ, однако, на подвалинахъ южно-руссикхъ, что къ тому письменность великоросса а (и) его говоръ не есть одно и то

¹⁾ Это были притѣсненія австрійской полиціи, которая очень присматривала къ галичанамъ.

же, ибо онъ пишетъ по нашему, а выговариваетъ по своему такъ якъ ее дѣлають нѣмцы, итальяне, французы, у которыхъ е большая находится розница въ нарѣчіяхъ; и что въ конецъ, въ п должени развитія галицкаго простолюдиннаго говора по строгимъ п виламъ языкословіа, послѣдуетъ безсомнѣнно то, о чемъ предвоз щаль А. С. Петрушевичъ на соборѣ интеллигенціи галицко-русс 1848 года: „Пускай Россіане начали отъ головы, а мы начнемъ ногъ (?), то мы скорѣе или медленнѣе стрѣтимъ другъ друга и с демся въ сердце“.

„Въ г. 1862 я удостоился избранія въ послы до краевого гал кого Сойма изъ выборнаго округа Стрыйскаго. На одномъ полн засѣданіи, трактующемъ объ офиціальномъ языкѣ для Галиціи и К кова, озвался среди горячихъ преній одинъ изъ пословъ, если ошибаюсь, Лешко Борковскій, до палаты тѣми памятливыми слова Świat zna tylko Polskę i Moskwą. Rusi nie ma! Jacyś Ruteńcz istnieli tylko u mózgu Stadiona. И онъ отъ части правъ. Его сл не одному изъ насъ издерли полуду изъ очей. Но суть на диво л ности, которыи волѣють остатись слѣпыми“ ¹⁾...

Авторъ забылъ только, что разниа двухъ отраслей русскаго язи вовсе не въ одномъ *выговорѣ*, а также въ цѣломъ исторически складѣ и содержаніи литературы, и что пока совершится соедине „въ сердцѣ“, галицкій народъ, внѣ литературы на родномъ яз на дѣлѣ не зная нашего русскаго книжнаго языка и далекій отъ держанія русской литературы ²⁾, останется безъ средствъ просвѣ нія и будетъ только доставлять по-прежнему матеріалъ для онѣ ченія и ополяченія. Дѣйствительное единство въ „обще-русской“ тературѣ можетъ быть достигнуто лишь черезъ предварительное п нятіе народнаго сознанія ближайшими средствами роднаго яз Авторъ (какъ и всѣ его единомышленники) не хочетъ понять, старое восклицаніе: „nie ma Rusi“, отрицаетъ существованіе Гал кой Руси именно въ *данную минуту*, когда „обще-русскаго ед ства“ пока нѣтъ и далеко еще не предвидится, и когда прот этого отрицанія надо бороться теперь же *намичными*, насущни средствами, что только усиленными заботами о просвѣщеніи нар

¹⁾ „Литер. Сборникъ“, I, 45—46.

²⁾ Галичане, придерживающіеся „обще-русскаго“ литературнаго единства, сихъ поръ пишутъ очень плохимъ, мѣшаннымъ и ломаннымъ русскимъ языкомъ (и можетъ видѣть читатель и изъ приводимыхъ выписокъ, — а эти авторы еще ду у галичанъ знатоки русскаго языка), а русская литература, въ ея лучшихъ п ставителяхъ, съ ея живѣйшими интересами, можно сказать, имъ совершенно чуж частію по своимъ понятіямъ недоступна, частію, какъ отраженіе чужой, не дово вѣстной общественной и политической жизни, не любопытна и индифферентна

(пока только на языкѣ, ему понятномъ) можно поддержать его нравственные и умственные силы для защиты его политическаго права и для страшной борьбы новѣйшаго времени—борьбы экономической. Объясненія особенной силы польскаго элемента въ Галиціи, а вмѣстѣ и интереса польскихъ этнографовъ къ южно-русской народности, надо искать въ историческихъ отношеніяхъ старой галицко-русской земли и нынѣшней австрійской Галиціи.

Галицкая Русь связана съ польскимъ элементомъ почти съ самаго начала своей исторіи. Это былъ крайній западный пунктъ русской земли и народа, и достаточно припомнить событія исторіи Галича съ самыхъ первыхъ вѣковъ, чтобы встрѣтиться съ фактами военныхъ столкновеній съ Польшею и вліянія Польши на самое политическое и общественное ея устройство. Историки давно отмѣтили особенности въ отношеніяхъ князей и боярства въ Галицкой Руси, гдѣ можно было видѣть воздѣйствіе польскаго обычая; боярство давно приобрѣло здѣсь значеніе, какового никогда не имѣло въ Руси восточной. Разгромъ татарскій уже значительно уединилъ Галицкую Русь отъ остальныхъ русскихъ земель, а присоединеніе ея къ Польшѣ въ половинѣ XIV столѣтія окончательно связало эту русскую землю съ польскимъ государствомъ, и съ тѣхъ поръ и донинѣ она осталась оторванной отъ русскаго цѣлаго, которое тѣмъ временемъ пережило собственную исторію, создало государство, выработало формы политическаго и общественнаго быта и особенныя черты своей народности. По своимъ связямъ съ Польшею, Русь Галицкая не была однородна даже съ днѣпровскою Русью Кіева, Подоли и Волыни, не говоря о южной Руси лѣваго берега Днѣпра. Эти послѣднія бывали все-таки ближе къ восточной Россіи, меньше были охвачены тѣснѣйшимъ польскимъ сосѣдствомъ; польское вліяніе наступало позднѣе и уже вскорѣ стало встрѣчаться съ народнымъ отпоромъ въ казацкихъ возстаніяхъ: волна политической и религіозной борьбы, совершавшейся на Днѣпрѣ, доходила и до Галицкой Руси, но доходила ослабѣвшею и встрѣчалась съ давно уже утвердившимися польскими элементами. Центръ тяжести народнаго южно-русскаго волненія лежалъ восточнѣе Галича; съ половины XVII вѣка лѣво-бережная Украина соединяется окончательно съ Москвою; въ XVIII вѣкѣ присоединяется къ русской имперіи и юго-западный край почти по его нынѣшнюю границу. При раздѣлахъ Польши одна галицко-русская земля осталась все-таки неприсоединенною къ Россіи въ ряду „бывшихъ русскихъ земель“: ея принадлежность къ нимъ была какъ-будто забыта. Итакъ, въ теченіе своей исторіи, русская Галиція больше всѣхъ юго-западныхъ русскихъ земель была открыта вліяніямъ польскаго государственнаго строя, католичества, быта и нравовъ, образованія и языка. Всѣ тѣ

явленія полонизаціи, которыя совершались въ княжествѣ русско-литовскомъ по соединеніи съ Польшей, послѣ уніи люблинской и особливо брестской, въ Галицкой Руси были тѣмъ сильнѣе. Если въ Руси литовской и кievской въ XVI—XVII вѣкахъ сохранялось еще русское православное вельможество, не говоря о среднемъ классѣ и народѣ, то здѣсь высшій классъ давно сдѣлался польскимъ; въ XVI—XVII вѣкахъ Львовъ обнаружилъ еще разъ ревностную дѣятельность въ защитѣ православнаго преданія; но съ начала XVIII вѣка унія окончательно возобладала, и въ то время, какъ православная Русь западная и кievская возвратились къ церковному единенію съ Москвой, а въ нынѣшнемъ столѣтіи унія совершенно пала, галицкая земля и въ церковномъ отношеніи оторвалась совсѣмъ отъ Россіи. Со времени присоединенія къ Австріи, Галицкая Русь стала окончательно отрѣзаннымъ ломтемъ, безъ всякихъ связей, ни церковныхъ, ни книжныхъ, ни бытовыхъ, съ русскимъ цѣлымъ ¹⁾).

Эти историческія обстоятельства имѣли два рода послѣдствій.

Во-первыхъ. Преданіе русской исторической жизни было сильно надломлено. Современные галичане, дѣлая построенія своей исторіи политической, народно-бытовой, литературной, связываютъ ее съ древнимъ Кіевомъ (что справедливо), съ средними вѣками южно-русской жизни (что менѣе справедливо) и, наконецъ, относительно литературы, связываютъ ее, одни—съ развитіемъ южно-русской книжности съ XVIII вѣка и до Шевченка и новѣйшихъ нашихъ малорусскихъ писателей включительно, другіе—съ литературой обще-русской послѣ Петровской (что справедливо еще менѣе). Правда, племя было одно, но даже это южно-русское племя было такъ раздѣлено, что одна часть не знала, что творится въ другой, и если галицкіе писатели хотятъ возстановить теперь историческую нить своей племенной жизни, то они вообще могутъ сдѣлать это только книжнымъ искусственнымъ образомъ; если южная Русь, съ половины XVII вѣка соединившаяся съ русскимъ цѣлымъ, затеряла многое изъ стараго бытового и книжнаго преданія, что сохранилось только на сѣверѣ, то Русь галицкая затеряла еще больше. Возьмемъ примѣръ. Въ рядѣ памятниковъ *своей* старины галицкіе историки засчитываютъ древнюю лѣтопись, Слово о полку Игоревѣ и т. п., вообще всѣ памятники кievскаго періода, но прямая и *непрерывная* ¹⁾ традиція этихъ на-

¹⁾ О Руси венгерской не говоримъ: это—особый уголокъ, издавна ведущій отдѣльную, и тяжелую, историческую жизнь въ рукахъ Венгріи.

²⁾ Напр. лѣтопись Нестора переписывалась на сѣверѣ безъ *перерыва* съ XII-го вѣка и до конца XVII-го, когда она вошла въ Никоновскій лѣтописный сборникъ (и другіе подобные), а изъ нихъ ея содержаніе прямо перешло въ первые опыты научной исторіи съ начала XVIII вѣка и до настоящей минуты. Такимъ же образомъ не прерывалась литература церковная, житія, поученія и пр.

чатковъ русской письменности развилась только на сѣверѣ; эта старина сохранилась почти исключительно лишь въ сѣверныхъ рукописяхъ, и только на сѣверѣ—худо ли, хорошо ли—она служила основой дальнѣйшаго книжнаго движенія. Въ самой Галицкой Руси эти памятники, если были нѣкогда извѣстны, не оставили никакого книжнаго слѣда и памяти, или только крайне слабые, и новѣйшіе галицкіе историки, реставрируя свою старину, получаютъ ее, собственно говоря, отъ московской Россіи, черезъ посредство новѣйшей русской науки—исторіи и археологіи; галицко-русскіе ученые—кромя Головацкаго, не бывавшіе въ Россіи и не знающіе русскихъ библіотекъ—и не видали никогда этихъ древнѣйшихъ памятниковъ *своей* старины. Точно также галицкой литературѣ не принадлежали произведенія той нашей литературы малорусской, которая развилась уже въ періодѣ раздѣленія западнаго и восточнаго края южной Руси, въ содѣйствіи жизни и образованности обще-русской. Начиная съ Котляревскаго и даже ранѣе, условія нашей малорусской литературы были уже инныя, чѣмъ условія книжности галицко-русской, и произведенія малорусскія усваиваются галичанами опять съ извѣстной долей искусственности: общими остаются племя, языкъ, бытовое преданіе, насколько сохранилась его общность въ двухъ вариантахъ народа, но чуждымъ все то, чтò въ нашей малорусской литературѣ бывало отраженіемъ русскаго быта и нравовъ, и новѣйшихъ понятій литературныхъ. —Нечего говорить, что притязанія такъ называемыхъ „старшихъ“ русиновъ на единство „обще-русское“ еще болѣе искусственны, или просто нелѣпы, — когда въ языкѣ они, полагая себя обще-русскими, теперь еще пишутъ стилемъ Сумарокова и Ломоносова, а въ содержаніи никакъ не стоятъ на дѣйствительномъ уровнѣ нашей литературы. Положеніе „младшихъ“ галичанъ гораздо естественнѣе: стараясь служить непосредственно своему народу, говорить его языкомъ, они гораздо болѣе послѣдовательно примыкаютъ къ нашему южно-русскому движенію и могутъ справедливѣе дѣлить его новѣйшія литературныя и образовательныя стремленія. Въ настоящихъ условіяхъ, это и есть единственный логическій путь литературы, желающей служить народному интересу ¹⁾.

Правда, какъ мы замѣтили, въ галицко-русской народности, ея обычай, преданія, народной поэзіи сохранился тотъ же основной типъ, тотъ же языкъ, множество общаго въ преданіяхъ, бытовомъ обычаѣ

¹⁾ Такъ говорилъ я при первомъ напечатаніи этой главы въ 1886 г. Тотъ же самый взглядъ мною изложенъ подробнѣе въ статьѣ по поводу книги г. Огоновскаго („Особая исторія русской литературы“, въ В. Евр. 1890 г., сентябрь), вызвавшей возраженія въ галицкой „Зорѣ“, 1890 г., № 21, въ газетѣ „Дѣло“ и пр., возраженія, для меня, однако, не убѣдительныя.

и т. д. (хотя и съ значительными отличіями, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не выясненными): въ изученіи и реставраціи этого народнаго типа заключается главнѣйшее основаніе для галицко-русскаго возрожденія, и этимъ объясняются достигнутые доселѣ успѣхи,—но это пока только одна почва, одно основаніе, на которомъ приходилось строить и которое одно (какъ и было доселѣ) еще не давало единенія и не мѣшало господству надъ жизнью чужихъ элементовъ. Дѣйствительное единеніе и солидарность національной жизни — съ южно-русскою ли, или обще-русскою — могутъ быть осуществлены только органическимъ оближеніемъ съ той или другой въ высшихъ интересахъ общественнаго развитія, а не въ узкихъ предѣлахъ одного преданія, сохраняемаго одною инерціею народной памяти; безъ этого не помогутъ ни мнимо-научные софизмы, ни политиканскія натяжки. Какъ бы ни складывались въ настоящую минуту стремленія галицкихъ партій, въ болѣе тѣсномъ или болѣе широкомъ этнографическомъ смыслѣ, единеніе возможно только съ однимъ условіемъ—если эти стремленія воспримутъ то содержаніе, какое выработано лучшими умами и дарованіями русскою литературы и науки, и встрѣтятся съ взаимнымъ интересомъ съ нашей стороны... Этого пока еще нѣтъ въ должной степени ни съ той, ни съ другой стороны... О политическихъ возможностяхъ—не говоримъ: это вопросъ темный.

Во-вторыхъ. Издавна, вѣроятно, еще задолго до присоединенія галицкаго княжества къ Польшѣ, началось здѣсь распространеніе полонизма. Прежде всего, онъ сталъ охватывать высшее сословіе и городское населеніе: на массу народную мало обращали вниманія, и народъ, предоставленный самому себѣ или, вѣрнѣе, пренебрегаемый и считаемый только за одну рабочую силу, только поэтому могъ сохранить свой племенной характеръ и старый обычай. Преобладаніе одной народности надъ другою, господство одной, подчиненіе или совершенное уничтоженіе другой совершаются при разныхъ условіяхъ или при совокупномъ дѣйствіи многихъ условій: численное превосходство, прямое насиліе, превосходство культурное; когда присоединяется къ тому различіе церковное, оно дѣйствуетъ или превосходствомъ содержанія одной религіи надъ другою, или фанатическою нетерпимостью. Болѣе или менѣе извѣстно, какъ эти условія поставлены были въ сѣверо-западной Руси и въ Галиціи. Если возобладаніе полонизма было сильно въ сѣверо-западномъ краѣ, обширномъ, непосредственно примыкавшемъ къ цѣлой массѣ русскаго племени, то шансы для распространенія польскаго элемента были еще больше въ Руси Галицкой, которая была послѣднимъ краемъ русскаго племени, притомъ гораздо раньше и безусловно вошла въ составъ польскаго государства. И здѣсь, однако, вліяла не многочисленность го-

сподвужающаго политически народа, такъ какъ масса населенія, оставшагося на мѣстѣ, съ тѣхъ поръ и донинѣ была русская, — а извѣстное превосходство въ культурномъ отношеніи. Говорятъ обыкновенно, что высшіе классы западной Руси „измѣнили“ своему народу, т. е. измѣнили въ смыслѣ формальнаго предательства; но когда такая измѣна совершается поголовно, она предполагаетъ не одну только нравственную порчу (которая впрочемъ также была бы характерна), а и нѣчто другое. Это нѣчто несомнѣнно было упомянутое превосходство польскаго быта надъ русскимъ въ отношеніи культуры и образованія. Мы не хотимъ сказать, чтобы Польша сама совершала здѣсь что-либо самобытное (извѣстно напротивъ, что сюда издавна двигался чужой, именно нѣмецкій, трудовой элементъ и промыселъ еврейскій), но за Польшей стояла культура западно-европейская и польская образованность достигла замѣчательной высоты. Такимъ образомъ, въ этихъ польско-русскихъ отношеніяхъ происходила встрѣча болѣе простой русской жизни съ отголосками болѣе развитой жизни и культуры западно-европейской. Народъ не считался, — но въ тѣ времена онъ и нигдѣ не считался, и отдѣлиться отъ него по языку, обычаю, наконецъ, даже и по религіи не было большой трудностью: съ точки зрѣнія аристократической, или барской, тогда это дѣлалось также легко, какъ и въ новѣйшее время наше барство офранцуживалось, поощряемое къ тому малымъ развитіемъ науки и литературы на отечественномъ языкѣ и грубостью домашнихъ нравовъ, и ни мало не смущаясь удаленіемъ отъ языка и обычая своихъ крѣпостныхъ. Вина такой легкости „измѣны“ лежитъ не на отдѣльныхъ лицахъ, а на учрежденіяхъ, которыя народнымъ рабствомъ подавляли народное достоинство, и на слабости просвѣщенія, изъ котораго притомъ народъ былъ исключаемъ... Позднѣе фанатическая пропаганда католицизма, вмѣстѣ съ насиліемъ социальнымъ, вызвали отпоръ, и пробужденіе національнаго чувства кончилось козацкими войнами; но на галицкомъ западѣ движеніе было все-таки слабѣе, и когда здѣсь установилась унія, то полонизація пошла еще успѣшнѣе.

При раздѣлѣ Польши, Галиція отдана была Австріи какъ польская земля, но австрійское правительство замѣтило ея русскіе элементы; во время Іосифа II австрійское правительство сдѣлало нѣчто для русскаго образованія, давая въ школѣ, даже высшей, мѣсто русскому языку, но потомъ сочло болѣе для себя полезнымъ не поощрять русской народности подъ бокомъ у русскаго государства. При Меттернихѣ господствовала знаменитая система полицейскаго деспотизма, которая не терпѣла проявленій самобытности ни общественной, ни національной, и когда не было жизни политической, подорывала и преслѣдовала кабинетныхъ ученыхъ. „Днѣстровая Ру-

салка" — небольшая невинная книжка, какихъ выходятъ сотни въ удовольствіе этнографовъ и безъ всякой опасности для существующаго порядка — въ тогдашнихъ условіяхъ стала событіемъ, которое встревожило полицію. Случай былъ необычный: заявляла о своемъ существованіи какая-то народность, считавшаяся погребенною ¹⁾. Когда бывало нужно, австрійское правительство умѣло, однако, вспоминать о существованіи русской народности въ Галиціи и выдвигать ее противъ поляковъ. Въ 1847, говорили поэтому, что Стадіонъ (губернаторъ Галиціи) „выдумалъ русиновъ" — для этой цѣли; но, какъ видно, между прочимъ, и изъ напечатанныхъ теперь воспоминаній старыхъ галицко-русскихъ писателей, русины и въ 30-хъ годахъ были очень хорошо извѣстны австрійской полиціи ²⁾...

Какъ бы то ни было, однако, поляки оставались господствующимъ племенемъ въ Галиціи. Старая привычка господства, долгое молчаніе галицко-русской народности, поощренія самой власти, давно внушали полякамъ представленіе, что этой народности и въ самомъ дѣлѣ нечего считать: на покорныхъ хлоповъ, на безсильныхъ мѣщанъ, на приниженное униатское духовенство можно было не обращать вниманія или, по крайней мѣрѣ, можно было назвать ихъ народность лишь отбѣнкомъ польской. Въ пору пробужденія славянскихъ сочувствій, интересъ къ народу возросъ; нѣсколько мистическій народный романтизмъ влекъ за собой и болѣе высокое нравственное представленіе о народѣ и, частію, лучшее отношеніе къ нему въ реальной жизни; но понятіе о подчиненности галицко-русскаго племени не измѣнилось. Даже въ средѣ людей просвѣщенныхъ галицко-русская народность не получала своего права: многовѣковая принадлежность этого народа къ польскому государству, бытовое и образовательное подчиненіе польскому авторитету, дѣлали естественной мысль, что русинамъ и слѣдуетъ остаться въ этомъ польскомъ общеніи; они сочтены были только вѣтвію польскаго племени. Мы приводимъ выше мысли Вацлава Залѣскаго, который питалъ, однако, живѣйшій этнографическій интересъ къ русской народности и своимъ сборникомъ оказалъ галицкому возрожденію несомнѣнную услугу.

„Твердое" галичане указываютъ въ подобныхъ польскихъ взглядахъ только одну злостную интригу. Но изъ ихъ собственныхъ воспоминаній можно видѣть, что въ тогдашнемъ положеніи вещей эти взгляды могли возникать внѣ всякаго зложелательства.

¹⁾ Директора полиціи, Пайманъ, говорилъ по поводу этой книжки: „Wir haben an die Polen vollauf zu schaffen, und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene russische Nationalität aufwecken". Интер. Сборникъ, I, 37.

²⁾ См. рѣзкую статью Коцовскаго въ галицкой „Зорѣ", 1885.

Въ воспоминаніяхъ о своемъ дѣтствѣ ¹⁾ Головацкій даетъ любопытную бытовую картинку галицко-русской жизни въ началѣ столѣтія—правовъ сельскаго духовенства, занимавшаго середину между ополяченными панствомъ и русскимъ селяниномъ, имѣвшаго известную долю образованія и долю русской народности (изъ этой среды сельскаго духовенства и вышли потомъ, почти безъ исключенія, главные дѣятели галицкаго возрожденія). Народная жизнь, съ уцѣлѣвшимъ языкомъ и преданіемъ, забывавшимися въ другихъ слояхъ, была рядомъ; но священникъ былъ все-таки челоуѣкъ другого положенія, онъ водился съ панами и ихъ управляющими, былъ самъ на-половину панъ и полякъ, и только на-половину—русскій. Образованіе, обычаи общезитія, поприще и языкъ общественной дѣятельности были польскіе и это невольно затягивало русскихъ въ полонизмъ. Головацкій происходилъ именно изъ семьи сельскаго священника и прожилъ дѣтство въ деревнѣ, гдѣ и получилъ первыя впечатлѣнія народной жизни и узналъ народный языкъ. Его мать была также дочь священника, но воспиталась въ шляхетскомъ домѣ; отецъ съ матерью говорили обыкновенно *по-польски*, но съ дѣтьми говорили всегда по-русски. У самихъ ляховъ той мѣстности (приказчиковъ и прислуги графа-помѣщика) дѣти тоже говорили по-русски, вѣроятно, подъ вліяніемъ обстановки, т.-е. русскаго сельскаго населенія. Отецъ любилъ разсказывать про Россію, про французскую войну, про русскія войска, проходившія черезъ Галицію, и русскіхъ генераловъ, управлявшихъ Галиціей въ 1809 году. Въ дѣтствѣ автору „Воспоминаній“ случалось бывать въ гостяхъ, гдѣ собиралось большое общество, польское и русское; тамъ, бывало, пѣли хоромъ пѣсни польскія и русскія (кажется, и книжныя, и народныя). „Въ то время и поляки говорили иногда по-русски и не чуждались пѣти русскія пѣсни, даже московскія“... Отецъ отправлялъ службы въ униатской церкви, а иногда и въ костелѣ; въ своей приходской церкви онъ читалъ проповѣди изъ почаевскихъ „Патріархальныхъ (читай: Парохіальныхъ) наукъ“ 1749 г., или „изъ тетрадокъ, писанныхъ *польскими буквами*“. „Въ то время почти никто изъ священниковъ не зналъ русской скорописи. Когда же отецъ служилъ въ Пенякахъ, и въ церкви бывала графиня (помѣщица) съ дворскими паннами, или кто-нибудь изъ подпанковъ, то отецъ говорилъ *проповѣдь по-польски*“. Мать автора „Воспоминаній“, женщина благочестивая, „читала изъ Почаевскаго молитвослова, *напечатаннаго польскими буквами и съ польскими переводами*, акаѣисты и молебны“.

Отецъ училъ автора „по печатному букварю церковно-славянской

¹⁾ Литер. Сборникъ Дѣдицкаго, II—III, стр. 121 и слѣд.

ни не умѣли читать по-русски; но писать я по-русски не умѣлъ. Такъ какъ ни отецъ, ни дѣдъ не умѣли писать русскою азбукою.

Тѣмъ не менѣе „обще-русскія“ или южно-русскія образовательныя школы въ началѣ столѣтія. Впослѣдствіи, авторъ, какъ и его сверстники въ южной львовской школѣ, научились настоящему русскому письму, хотя—по образцу русскаго курсивнаго письма въ попавшейся имъ прокламатіи Таппе.

И хотя еще въ началѣ нашего столѣтія, и въ прошломъ вѣкѣ, въ Галиціи въ старину (какъ извѣстно теперь по памятникамъ), польскія письма употреблялось здѣсь для русскаго языка, то было ли гротулажемъ со стороны Лозинскаго попробовать тотъ же пріемъ теперь, когда молодые патріоты думали о новомъ книжномъ развитіи своего народнаго языка? Русскаго письма не знали: русскимъ считался языкъ церковный; книги, даже церковныя, ходили въ польской переписи. (Въ другомъ мѣстѣ „Воспоминаній“ рассказываетъ, что люди стараго вѣка возставали даже противъ нашей русской гражданской печати). Мудрено ли, что Лозинскій на этихъ первыхъ порахъ могъ находить удобнымъ письмо, уже привычное большинству? Послѣ, галичане сами признали, что Лозинскій при всѣхъ своихъ особенныхъ мнѣніяхъ былъ, однако, великій патріотъ, заслуги котораго они не сомнѣваются ставить рядомъ съ заслугами А. С. Петрушевича и самого Головацкаго ¹⁾.

Политическія событія отражались различно въ разныхъ слояхъ галицкой жизни. Авторъ „Воспоминаній“ рассказываетъ, что поляки и русскіе одинаково сочувствовали греческому возстанію, одинаково радовались русско-турецкой войнѣ, побѣдамъ Паскевича и Дибича,—когда вѣмцы и евреи не сочувствовали ни грекамъ, ни русскимъ. „Во время коронаціи, въ Варшавѣ 1829 г.,—говоритъ Головацкій,—поляки были въ восторгѣ: они говорили: царь Николай отниметъ Польшу и возстановитъ королевство по желѣзнымъ столпамъ. Тутъ столкнулись національныя преданія и желанія. Мы вѣрили, что царь отберетъ Польшу, но ни за что не хотѣли отдать Польщѣ Волыни, Галицкія, Буковину и Червоной Руси: мы отстаивали русскія земли, спорили съ ляхами, наконецъ, порѣшили: „не дадимъ вамъ ни одной сажни русской земли. Пока церкви—все наше, какъ будто се зависитъ отъ нашего рѣшенія!“

Мы видѣли, что одинъ изъ „старшихъ“ русскихъ патріотовъ, какъ не ушелъ въ 1830 г. подъ знамена Хлопицкаго: на дѣлѣ онъ,

¹⁾ См. сборн. II. III. стр. 112—113. „Лозинскій есть писатель величайшаго значенія, который заслуживаетъ первыхъ сѣржевъ за Русь за то, что онъ первый началъ писать по-русски“.

слава Богу, туда не ушелъ, но эта подробность любопытна, какъ образчикъ того, какъ переплетены были въ жизни отношенія русиновъ и поляковъ.

Польское возстаніе 1830—31 гола произвело, повидимому, рѣзкое впечатлѣніе въ этомъ отношеніи: галицкіе поляки приняли живѣйшій интересъ въ этомъ дѣлѣ; студенты-поляки сотнями переходили за Вислу, туда посылались деньги, оружіе и пр. „Съ жадностью читались газетныя извѣстія, возбуждая въ однихъ радость, въ другихъ уныніе. Нѣмцы казались нейтральными, но въ душѣ радовались временнымъ удачамъ польскихъ полководцевъ. Даже нѣмецкіи власти смотрѣли сквозь пальцы на то, что комитеты полу-явно собирали гроши, вооружали повстанцевъ и посылали ихъ за кордонъ“. Но сочувствія русиновъ были на русской сторонѣ; они были довольны неудачей польскаго дѣла: когда получено было извѣстіе о взятіи Варшавы, это произвело между русинами большую радость и даже поселяне приходили большими толпами спрашивать: „Правда, що москаль побивъ поляковъ и добувъ Варшаву?“

Народное сознаніе приходило понемногу, мелькала мысль о самостоятельности русской народной стихіи, но данныя отношенія пока еще не измѣнились.

Когда броженіе еще продолжалось послѣ возстанія между польскою молодежью, начальство семинаріи, гдѣ учились тогда друзья „русской троицы“, распорядилось „для укрѣпленія воспитанниковъ устроить время отъ времени торжественныя рѣчи о обязанностяхъ подданныхъ къ монарху“. „Пашкевичъ кинулъ между семинаристовъ мысль, почему бы не говорить рѣчей на народномъ языкѣ, и наконецъ, расположилъ къ тому и начальство, и вызвался самъ первый сказать рѣчь. Онъ сочинилъ статью на такомъ языкѣ, на якомъ было писалъ свои сочиненія; ректоръ одобрилъ—и рѣчь вышла блистательно; вся семинарія была въ восхищеніи и русскій духъ поднесся (поднялся) на 100 процентовъ. Пасторалисты дали себѣ слово не говорить проповѣдей даже во львовскихъ церквахъ иначе, только по-русски. Плешкевичъ первый приготовилъ русскую проповѣдь для городской церкви—но подумайте, якова была сила предубѣжденія и обычая! Проповѣдникъ вышелъ на амвонъ, перекрестился, сказалъ славянскій текстъ и, посмотрѣвъ на интеллигентную публику, онъ *не могъ произнести русскіе слова*. Смущенный до крайности, онъ взялъ тетрадку и, заикаясь, *переводилъ* свою проповѣдь и съ трудомъ кончилъ оную. Въ семинаріи рѣшили, что во Львовѣ не лезя говорить русскихъ проповѣдей, развѣ въ деревняхъ; но Пашкевичъ отстоялъ то, чтобы никто изъ русскихъ семинаристовъ не крестился по-польски (i ducha swiętego), чтобы проповѣдникъ текстъ всегда сказалъ прежде

по-славянски и чтобъ никто не надѣвалъ комжи, хотя бы пришли проповѣдывать въ костелѣ, что тогда часто случалось, чтобъ такіе образцы нашъ проповѣдникъ всегда представлялся русскимъ и стушовывался между латинниками. Въ оно время то значило выиграть въ народномъ дѣлѣ!"¹⁾

Ту-же картину отношеній рисуетъ намъ жизнеописаніе еще одного „старшихъ“ русиновъ, Антонія Добрянскаго (1810—1877). Онъ былъ священникъ и народный патріотъ, котораго біографъ называетъ „правымъ сыномъ нашей отчины Галицкой Руси, пророкомъ апостоломъ русской правды, народолюбомъ и отцемъ нашего отечества“. Добрянскій прошелъ обычную школу и около 30-го года окончивалъ ученіе въ высшемъ духовномъ заведеніи въ Вѣнѣ. Польскіе возстаніе и здѣсь волновало молодое поколѣніе и поляковъ, и русскихъ, и внушило, наконецъ, послѣднимъ потребность познакомиться съ своей исторіей, которая объяснила бы русско-польскія отношенія. Здѣсь Добрянскому, какъ раньше другому галицкому патріоту, Лвицкому, пришлось воспользоваться совѣтами и помощью Копитаръ, бібліотекаря придворной бібліотеки. Извѣстная часть славянскихъ патріотовъ и нашихъ славянофиловъ въ прежніе годы создали этому знаменитому славянскому филологу репутацію ненавистни славинства и австрійскаго политическаго агента, способствовавшая раздорамъ въ славянскомъ мірѣ для тайныхъ цѣлей австрійской полиціи²⁾. Ближайшее изученіе этой первостепенной научной силы энергическаго характера рисуетъ его въ иномъ свѣтѣ. Жизнеописатель Добрянскаго такъ рассказываетъ о его встрѣчѣ съ Копитаромъ (приводимъ его слова на „обще-русскомъ“ языкѣ галицкихъ писателей). „Былъ же тогда—счастливымъ случаемъ—въ той императорской бібліотекѣ настоятелемъ ея славянскаго отдѣла мужъ еврейской славы, ученый Варфоломей Копитаръ, словенецъ, родомъ изъ города Люблины, наскрѣзь перенятый чувствомъ отцовской любви для всѣхъ дѣтей Славянщины, особливо же для насъ русиновъ, которыхъ дитя за-далъ нашимъ старостамъ славянскому обряду наибольшую любовь и предпочиталъ. Онъ-то такъ названный батько-учитель славянъ, который еще на 10 лѣтъ передъ симъ (въ 1821 г.) руководилъ былъ и училъ въ той же бібліотекѣ одного русскаго конвизтора, именно нашего первого знакоимаго языковслова Іосифа Левина

¹⁾ Интер. Сборникъ I, 26—27.

²⁾ Копитаръ не очень одобрялъ и Головацкій (Интер. Сборн. I, 21), такъ какъ Копитаръ, по своимъ понятіямъ, также думалъ въ то время, что латинскій алфавитъ лучше удобенъ служить для галицко-русскаго языка, но противъ сего мнѣнія Копитаръ ничего не имѣлъ, какъ имѣли нѣмцы и сами русскіе галичане, и потому въ предшествующаго времени въ Головацкаго.

кого, возрадовался теперь не мало, коли снова узрѣлъ передъ собою такого же молодого русского богослова, Антонія Добрянскаго, также за свѣтломъ науки въ книгахъ славянскихъ пильно (прилежно) глядающаго. Познавши ближе нашего Антонія, познавши цѣль и стремленіе его духа, батько Копитаръ, яко книгъ славянскихъ глубоко свѣдущій, самъ доброохотно принялъ на себе обовязокъ (обязанность) быти ему руководителемъ, и яко совѣстный учитель поддавалъ ему книгу за книгою самыя такія дѣла (сочиненія), которыя для его цѣли наибольше принадобились¹⁾.

Здѣсь Добрянскій читалъ древнія русскія лѣтописи, а затѣмъ и Барамзина, „Исторію уніи“ Николая Бантышъ-Каменскаго, Исторію Малороссіи Дмитрія Б.-Каменскаго, читалъ много другихъ книгъ, относящихся до русской исторіи, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. „Перечитавши таковыя дѣла основно,—продолжаетъ біографъ,—и выписавши собѣ изъ нихъ много для власнаго ужтку (для собственнаго употребленія) на будучность, нашъ Антоній уже пересвѣдчился (убѣдился) доводно и окончательно: що *правда* была и есть по сторонѣ русинѣвъ, а *крияда* ишла ътъ всендзѣвъ-іезуитѣвъ и ътъ буйнои шляхты польскои; що кромѣ того многіи русины черезъ принятіе латинскаго обряда (т.-е. просто католичества) уже ополячились, а уніаты стали уже русинами, и то не лишъ по обряду, но и по народности русской“. (Это — одинъ изъ многихъ примѣровъ того, какъ старое народное преданіе возстановлялось книжнымъ образомъ и народное сознаніе развивалось черезъ посредство новѣйшей исторіографіи, особливо русской). Не по примѣру другихъ, Добрянскій не поддался тому раздраженію, какія возбуждалъ руско-польскій вопросъ тогда и послѣ: споры онъ считалъ бесполезными и неубѣдительными для поляковъ, не знавшихъ ни своей, ни русской исторіи. „Вмѣсто того ѡнъ благосердно и по дружески препоручалъ (совѣтовалъ) всѣмъ товаришамъ своимъ въ конвиктѣ, такъ полякамъ, якъ и русинамъ, що бы они, яко лучшая молодежь однои великои славянскои родины (семьи), якъ найцильнѣйше (прилежнѣе) занялися изъученіемъ отечественной исторіи, которая едино—безъ спору и безъ гнѣву—научить ихъ познати настоящую правду. Притѣмъ ѡнъ за цѣлый часъ (все время) своего побыта (пребыванія) въ Вѣднѣ со всѣми товаришами, такъ русскими, якъ и польскими, въ найщиршій (искренней) особистѣй дружбѣ“. Его называли нейтральнымъ.

По окончаніи занятій въ Вѣнѣ, Добрянскій назначенъ былъ дома, въ Галиціи, учителемъ въ высшую богословскую школу въ Пере-

¹⁾ „Антоній Добрянскій“, Дѣдицкаго, стр. 16—20.

мышлѣ и впервые поднятѣ преподаваніе церковно-славянскаго языка, до тѣхъ поръ заброшенное до полного невѣжества. Особеннымъ покровителемъ Добрянскаго въ его школьной народно-патріотической дѣятельности былъ епископъ Снѣгурскій, упомянутый патріотъ. Но до какой степени господствовалъ польскій языкъ въ кругахъ сколько-нибудь образованныхъ и въ школѣ, видно изъ того, что когда Добрянскій составилъ для своихъ слушателей грамматику *старо-славянскаго* языка, онъ издалъ ее (въ 1837) *по-польски* и уже только въ 1851 вышла она въ русскомъ переводѣ, по просьбѣ „собора ученыхъ русскихъ“, собравшагося во Львовѣ въ 1848. Такимъ же образомъ, историческая статья его, написанная по приказанію епископа, о введеніи христіанской вѣры на Руси, напечатана была сначала на польскомъ (1841), и потомъ уже на русскомъ языкѣ (1846). Великимъ событіемъ было въ 1847 г. то, что при торжественномъ освященіи одной новой церкви, гдѣ присутствовали многія свѣтскія должностныя лица, Добрянскій, по приказанію епископа, того же Снѣгурскаго, произнесъ свою проповѣдь не по-польски, а на „хлопско-русскомъ“ языкѣ. Біографъ рассказываетъ: „Учувши (услышавши) прехорошо о. Добрянскимъ выголошенную (сказанную) проповѣдь по-русски, одушевились тымъ всѣ русины и радовались тому — такъ скажу — радостію невинныхъ дѣтей безсознательно, бо самы они не знали (не умѣли) собѣ сказати: чому ихъ сердца при тѣй русскѣй проповѣди такою незвычайною исполнилися радостію. Извѣстно бо, що тогда еще чувство русско-народное не розбудилось до той степени самопознанья, до якого мы русины дойшли уже вскорѣ потомъ въ 1848 г... А, однакожь, причиною ихъ радости пѣдъ часъ русскои проповѣди въ хировскѣй церкви не было ни що другое, якъ тѣлько воскресающее изъ мертвыхъ чувство ихъ народное, которого они тогда еще ясно не понимали. Латинскіи же ксендзы... лишь зачули (услышали) русскую проповѣдь, уже изъ церкви удалились до за-христинъ съ неудовольствіемъ, предчувствуячи некорыстныи (неполезныя) послѣдствія того событія для sprawy польскои“¹⁾.

Въ 1848 году наступаетъ въ Австріи „конституційная свобода“ (весьма пока непродолжительная) и въ ней находитъ первую опору галицкое народное возрожденіе. Добрянскій одинъ изъ первыхъ ее привѣтствовалъ. „Онъ-то искренній русскій народолюбецъ (привѣтствовалъ) первое явленіе конституціи сейчасъ въ мѣсяцѣ мартѣ 1848 г. патріотичнымъ стихомъ: „До братьей русинѣвъ“, который-то стихъ, хотя первобытно написанный въ языкѣ *польскомъ* (1), плѣ-

¹⁾ Тамъ же, стр. 52—55.

няли сердца *русинѣвъ*, вызывая ихъ принятися за великое дѣло возрожденія“ ¹⁾).

Когда землямъ австрійской имперіи предоставлено было опредѣлить народность своего населенія и желаемый офиціальный школьный языкъ, русскіе галичане собрались во Львовѣ въ такъ-называемую „Русскую Раду“ и, наперекоръ полякамъ, объявлявшимъ всю Галицію польскою, постановили, что жители Галиціи народъ русскій, считающій до 3-хъ милліоновъ, и желаютъ „на вѣки вѣковъ“ называться русинами, и что въ управленіи и школахъ своего края желаютъ языка русскаго, и пр. Затѣмъ, члены Рады, понимая, что народъ долженъ уразумѣть свои національныя права и умѣть защищать ихъ, постановили основать общество для распространенія просвѣщенія въ народъ и для изданія народныхъ книгъ. Во Львовѣ сошелся „Соборъ ученыхъ русскихъ“ и основана была такъ-называемая „Матица“. Жизнеописатель съ великими похвалами указываетъ тотъ фактъ, что первую книжку, которая была одобрена „ученымъ соборомъ“ и издана русскою Матицей, былъ русскій *букварь* Добрянскаго ²⁾. Затѣмъ, Добрянскимъ сдѣлано было упомянутое русское изданіе старославянской грамматики, дагѣ „Русска языко-учебная читанка“, и т. д.

Итакъ, въ періодъ времени съ начала 30-хъ годовъ и до 1848, положеніе вещей состояло въ слѣдующемъ. Старое историческое преданіе русской жизни едва существовало; оно представлялось народнымъ языкомъ и бытомъ сельскаго населенія, безсознательнаго и не имѣвшаго значенія, и церковнымъ обрядомъ въ униатской формѣ на полу-забытомъ славянскомъ языкѣ; во всѣхъ слояхъ общества, сколько-нибудь возвышавшихся надъ простонародіемъ, а также въ средѣ духовенства, господствующимъ языкомъ былъ польскій; общественныя права были польскіе. Знаніе церковнаго языка ограничивалось чтеніемъ книгъ богослужебныхъ, печатанныхъ церковной печатью; азбука гражданская была почти неизвѣстна и даже возбуждала негодованіе людей стараго вѣка; вмѣсто того, въ большемъ употребленіи были церковныя книги, переписанныя польскимъ письмомъ; для самихъ воспитанниковъ духовныхъ заведеній церковный языкъ былъ, по словамъ жизнеописанія Добрянскаго, „равнодушнымъ или ненавистнымъ“; проповѣди говорились по-польски; сами патріоты, для выраженія своихъ народныхъ чувствъ, употребляли языкъ польскій; чтобы быть понятными — по-польски пишутся русскія патріотическія стихотворенія, по-польски печатается грамматика русскаго и церковнаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 58—59.

²⁾ Тамъ же, стр. 64—65.

языка. Наша русская литература была почти совсѣмъ неизвѣстна какъ и литература малорусская; съ русскими книгами были знакомы лишь немногіе, встрѣчавшіе ихъ въ большихъ библіотекахъ или по томъ по знакомству получавшіе ихъ изъ Россіи (отъ Погодина или отъ Бодянского), и т. д.

Мудрено ли, что для *перваго введенія* народнаго галицко-русскаго языка въ книгу иные думали воспользоваться всѣмъ знакомой польской азбукой вмѣсто рѣдко кому извѣстной русской? Не было ли также естественнымъ, если Вацлавъ Залѣскій въ 1833 году предполагалъ, что галичанамъ слѣдуетъ применить къ польской литературѣ чтобы мѣстныя отличія не дробились, а напротивъ, сливались въ видахъ славянскаго единенія? Въ этихъ предположеніяхъ могла быть и была, ошибка; но въ 1830 годахъ нельзя было предугадывать того что совершилось десятиа лѣтъ потомъ; первый нѣсколько прочный успѣхъ галицкаго возрожденія идетъ съ 1848 года, когда ему случайно помогъ политическій переворотъ, наступившій безъ всякаго участія самихъ галичанъ, а вплоть до этого времени ихъ возрожденіе обнаруживалось только немпогими отдѣльными фактами, и въ слѣдствіи долго, даже до настоящаго времени, галичане все еще не смогли установить своего національнаго вопроса и рѣшить, кто они южно-русы или обще-русы?.. Наконецъ, для оцѣнки отношеній 30-хъ годовъ, надо припомнить и то, что самый интересъ къ старинѣ и народности гораздо раньше высказались въ польской литературѣ (въ царствѣ, и въ Галиціи), и галицко-русское возрожденіе несомнѣнно нашло здѣсь одинъ изъ своихъ источниковъ...

Украинскіе интересы польской литературы до сихъ поръ мало у насъ обращали на себя вниманіе, и въ самой польской литературѣ не были никогда собраны въ цѣльную картину и достаточно сознаны исторически. Немногое, что было у насъ сдѣлано по этому предмету ¹⁾, даетъ нѣкоторое понятіе объ этихъ своеобразныхъ, нерѣдко

---

¹⁾ Рядъ статей въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, т. VІІ, вып. I, Слб. 1872: „Поляки юго-западнаго края: Краткій историческій очеркъ ополченія юго-западнаго края; Католицизмъ въ юго-западномъ краѣ; Нравы, обычаи, семейный и общественный бытъ; Особенности литературы и языка; Коренныя причины антагонизма съ великоруссами и измѣненія въ бытѣ поляковъ со времени неудачи повстанія; Статистическія данныя о католикахъ, въ томъ числѣ и о полякахъ юго-западнаго края“, стр. 815—291; „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, М. Драгоманова, „В. Евр.“ 1875, іюль, стр. 133—179,—затѣмъ литература этого предмета состоитъ изъ отдѣльных свѣдѣній и отрывочной журнальной полемики. За послѣднее время укажемъ не однажды цитированную книгу Н. П. Дашкевича (XXIX отчетъ объ Увар. нагр.), гдѣ

странныхъ, отношеніяхъ къ малорусскому вопросу; но факты еще не вполне изучены,—между тѣмъ ихъ критическое обозрѣніе могло бы способствовать выясненію той междуплеменной путаницы, въ которой два народа жили въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и которая, въ извѣстной степени, продолжается и до настоящей минуты, какъ въ нашемъ западномъ краѣ, такъ и въ Галиціи.

Со времени раздѣловъ, постоянной мечтой польскихъ патріотовъ было восстановленіе Польши „отъ моря до моря“ и въ границахъ 1772 года. Эта несбыточная мечта объяснялась отчасти тѣмъ, что польское патріотическое чувство развивалось до чрезвычайной, наконецъ, болѣзненной степени подъ влияніемъ совершенно исключительныхъ политическихъ испытаній, какія рѣдко случается переносить народамъ и которыя постигли Польшу—въ ея раздѣлѣ „заживо“. Преувеличеніе есть всегдашняя черта горячаго патріотизма: страстное чувство къ родинѣ всегда закрываетъ ея слабыя стороны и окружаетъ фантастическимъ блескомъ и ея прошедшее, и (если нельзя заблуждаться о настоящемъ) будущее. Каждому народу кажется, что именно онъ есть народъ избранный... Невозможность восстановления Польши отъ моря до моря не подлежала сомнѣнію, такъ какъ ни у того, ни у другого моря нѣтъ уже и слѣда поляковъ; столь же невозможно было бы и возобновленіе польскаго государства со включеніемъ южно-русскихъ земель, какъ нѣкогда; но здѣсь мечта была пожалуй менѣе фантастической, потому что господство Польши надъ этими землями было еще не очень давнимъ фактомъ, и въ другой формѣ (въ формѣ помѣщичьяго господства надъ украинскимъ крѣпостнымъ населеніемъ, въ формѣ господства польскаго языка, нравовъ и образованія) продолжалось до послѣднихъ десятилѣтій, вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго возстанія. Чѣмъ представлялся съ точки зрѣнія поляковъ этотъ подчиненный русскій народъ? Это было крѣпостное хлопское населеніе, на которое тогда не въ одной Польшѣ не обращали вниманія. Наши историки только въ послѣднее время указываютъ „ошибки“ Екатерины II, которая, присоединивши „бывшія русскія земли“ отъ Польши, ничего не сдѣлала для ихъ русскаго населенія; указывали тѣ же ошибки имп. Павла, Александра I, видѣли, наконецъ, недостаточность или фальшивость мѣръ, принимавшихся противъ полонизма въ юго-западномъ краѣ имп. Николаемъ; выходило на дѣлѣ, что собственно національный вопросъ до самаго послѣдняго времени никогда здѣсь не былъ поставленъ, т.-е. въ сущности и не былъ со-

образо много лѣтнихъ данныхъ и объясненій по этому вопросу. Отсюда читателю въ этой книгѣ, мы ограничиваемся только немногими примѣрами, такъ какъ предметъ имѣетъ лишь косвенное отношеніе къ исторіи этнографіи.

знаю: мы сами укрѣпляли поляковъ въ убѣжденіи, что они—хозяева въ южно-русскомъ краѣ. „Возвращеніе“ отъ Польши русскихъ земель въ народно-соціальному отношеніи свелось къ тому, что польскій крѣпостной народъ русскаго племени оставленъ былъ и подъ русскою властью польскимъ крѣпостнымъ народомъ. Это были ошибки съ нашей теперешней точки зрѣнія; но вплоть до освобожденія крестьянъ и послѣдняго польскаго возстанія эти ошибки составляли „существующій порядокъ вещей“, порядокъ законный, — и слѣдовательно, само русское владычество убѣждало поляковъ въ основательности ихъ племенныхъ притязаній.

Польское государство сложилось въ такія формы, которыя не давали залоговъ прочнаго политическаго существованія. Общественное мнѣніе, по давнишнему непониманію соціальныхъ правъ народа наконецъ по упорному протесту противъ событій, осталось привержено именно къ тому шляхетскому, мнимо „республиканскому“ міровоззрѣнію, на которомъ застыло польское общество разгромъ польскаго государства. Но среди упрямыхъ традицій большинства, всегда долго тянувшихъ прежнюю ногу, сознаніе лучшихъ людей не однажды пыталось направить общество на иной путь. Европейскія событія, гдѣ съ конца прошлаго вѣка было низвергнуто или поколеблено столько старыхъ понятій и реальныхъ учрежденій; глубокія движенія европейской мысли, гдѣ наука и поэзія рядомъ выдвигали мысли о судьбахъ народовъ, о древнемъ политическомъ наслѣдіи массъ, и пр., не остались безъ вліянія и находили свой отзвукъ въ сильнѣйшихъ умахъ польской литературы. Какъ отразилось здѣсь освободительное движеніе конца прошлаго вѣка, такъ послѣ отразился романтизмъ, который между прочимъ искалъ своего содержанія въ бытѣ и поэзіи народа. Среди тяжелыхъ впечатлѣній политическаго паденія начинаютъ раздаваться голоса, говорящіе нѣчто новое: все чаще мелькаетъ мысль о народѣ; освободительныя идеи прошлаго вѣка дошли, напр., у Сташица до мысли о необходимости уничтоженія общественнаго неравенства и необходимости освобожденія крестьянъ *с надѣломъ*; а затѣмъ, въ польской литературѣ можно отмѣтить новое движеніе, часто параллельное съ одновременными идеалами и протестами славянскаго возрожденія. Таковъ былъ, напримѣръ, знаменитый епископъ и поэтъ Вороничъ (умеръ 1829). Онъ оплакиваетъ паденіе своего отечества; не умѣя еще постигнуть причинъ этого паденія, проклинаетъ его виновниковъ и особливо нѣмцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мечтаетъ и о будущемъ возрожденіи, гдѣ, какъ и въ прошедшемъ, ему представляется панславянское братство. Нѣкоторые стихи Воронича часто цитировались какъ девизы славянскаго единенія: „мы кость отъ костей отцовъ нашихъ, мы одинъ родъ, вездѣ

мы однимъ духомъ дышемъ“¹⁾—такъ говорятъ въ его поэмѣ „Сивилла“ родоначальники славянскихъ племенъ. Другой знаменитый польскій писатель начала столѣтія, Казиміръ Бродзинскій (умеръ 1835), философъ, поэтъ и критикъ, котораго считаютъ „предтечею не только Мицкевича, но и всѣхъ направленій польской поэзіи нашего вѣка“, стоялъ на уровнѣ современнаго философскаго и поэтическаго содержанія европейскихъ литературъ и одинъ изъ первыхъ сознательно заявлялъ идею народности. „Ученые труды, — говорилъ онъ, — должны имѣть то главное назначеніе, чтобы связать, какъ можно сильнѣе, понятія политическія, религіозныя и философскія съ *интересомъ народа*“; какъ романтикъ, онъ одинъ изъ первыхъ заговорилъ о народной поэзіи и былъ однимъ изъ авторитетовъ для нашихъ первыхъ этнографовъ, напр. Максимовича.

Подъ вліяніемъ романтизма и стремленій къ народности польская литература коснулась южно-русской исторіи и народности: она встрѣтилась съ ними въ трехъ сторонахъ своей тогдашней дѣятельности — въ исторіографіи, въ поэзіи и этнографіи.

Напомнимъ, что въ началѣ столѣтія въ польской исторіографіи развились, уже не встрѣчавшіеся потомъ въ такихъ размѣрахъ, интересы къ обще-славянской старинѣ и народности въ трудахъ Ходаковского, Суровецкаго, Лелевеля, Мацѣвскаго, Кухарскаго и др.²⁾ Это, вѣсть съ успѣхами польской исторіографіи, съ своей стороны вело къ интересамъ южно-русскимъ.

Въ польской поэзіи, одновременно съ заявленіями Бродзинскаго, образовалась извѣстная такъ-называемая украинская школа, представляющая одно изъ любопытнѣйшихъ между-племенныхъ явленій славянской литературы. Самыми яркими и талантливыми представителями этой школы³⁾ были Антонъ Мальчевскій, Богданъ Залѣскій и Северинъ Гощинскій, съ цѣлою толпою менѣе замѣчательныхъ послѣдователей. Главное время ея процвѣтанія—двадцатые, тридцатые и сороковые года. Украинская школа одушевлялась поэтическими впечатлѣніями Украины, ея природы, исторіи и народности. Теперь довольно трудно представить себѣ, какимъ образомъ для польскаго писателя могла доставить поэтическій матеріалъ украинская, т.-е. малорусская, народность, судьба которой исполнена такими враждебными отношеніями съ Польшей, послужившими, въ сущности, на-

¹⁾ Kość z kości ojców naszych, ród jeden składamy
I jednym wszędzie duchem oddychamy.

²⁾ См. выше, глава IV.

³⁾ См. о ней у Спасовича, „Исторія слав. лит.“, т. II. стр. 609—628; объ отношеніи ея къ украинской дѣятельности — подробности въ „Трудахъ Экспедиціи“ Чубинскаго, и у Драгоманова; другія указанія дальше.

чаломъ распаденія польскаго государства. Новѣйшіе малорусскіе критики, говорившіе объ украинской школѣ, сурово ополчались противъ нея, раскрывая ея неестественность и внутреннія противорѣчія ¹⁾. Дѣло въ томъ, что, обращаясь къ малорусской народности и исторіи, польскіе поэты брали ихъ только съ той стороны, которая отвѣчала ихъ собственному историческому воззрѣнію; брали тѣ эпохи, когда старое козачество, реестровое и надворное, формировалось *подъ властью* и знаменами польскихъ гетмановъ и пановъ, когда оно сражалось *вмѣстѣ* съ поляками противъ татаръ и турокъ, и еще не возставало *противъ* самихъ поляковъ. Гоцинскій, правда, не усумнился въ „Канѣвскомъ Замкѣ“ рассказывать страшные эпизоды гайдамаччины, но его увлекалъ интересъ потрясающихъ картинъ, и трагическое сдѣлало его безпристрастнымъ живописателемъ обѣихъ сторонъ. Но всего чаще, или всегда, поэты украинской школы односторонни, и понятно, что это козачество, которое должно было удовлетворять польскому вкусу, было козачество воображаемое, въ которомъ идеализовано беззавѣтное удалство, гордая свобода—подчиняющіяся только польскому авторитету. Въ чемъ могли быть собственныя бытовныя черты этого „гордаго“ козачества, его собственные вкусы и желанія—остается во мракѣ неизвѣстности. Даже Мальчевскій (въ знаменитой и единственной его поэмѣ „Марія“, 1825), которому Украина послужила только обстановкой для польскаго романтико-трагическаго сюжета, рисуетъ съ увлеченіемъ удалъ (крѣпостного) козака, „имѣющаго видъ господина среди обычной панской дворни“ ²⁾. Тѣмъ больше, конечно, было чести для Рѣчи Посполитой и для панства—имѣть такихъ „вѣрныхъ“ слугъ и подданныхъ.

Для тѣхъ, кто больше помнилъ другую сторону украинской жизни, это подкрашенное изображеніе не могло нравиться; въ немъ видѣли намѣренную, лицемѣрную фальшь, потому что для настоящей характеристики козачества надо было бы прибавить, что этотъ гордый, но покорный козакъ пожелалъ наконецъ быть свободнымъ и своимъ возстаніемъ поколебалъ всю Рѣчь Посполитую... Но въ большинствѣ случаевъ это подкрашиванье было однимъ изъ тѣхъ произвольныхъ самообмановъ, какіе встрѣчаются вездѣ, напр., и въ нашей литера-

¹⁾ См. напр. обличенія г. Кулиша („первой манеры“), въ „Основѣ“, 1862, февраль, стр. 67 и далѣе: „Полякамъ объ украинцахъ“.

²⁾ Изображеніе козацкой удалы въ I—III главахъ „Маріи“ и въ гл. XIII:

Prosty był jego ukłon, krótkie pozdrowienie,
Jednak różnym się zdaje od służalców grona,
Poddany—lecz swobodę z ojca powziął łona.
I gdy dumnie pojrzawszy do pana iść żąda,
Wśród wiodącej go zgrai jak władca wygląda.

турѣ, когда она, въ прежнее время, рисовала идилліи крѣпостного благополучія. Польскіе поэты избѣгали мрачныхъ сторонъ старой исторіи по тому же инстинкту, какой побуждаетъ толпу патриотовъ всѣхъ временъ и народовъ закрывать глаза на непріятные и тяжелые факты своей жизни; но рядомъ съ тѣмъ у нихъ была своя несомнѣнная любовь къ этой Украинѣ, которая нѣкогда составляла часть ихъ отечества и гдѣ долго послѣ поляки продолжали быть господствующимъ классомъ. Западный край, край кievскій, Волинь, Подолія—всѣ эти страны, нѣкогда русскія, стали потомъ на цѣлые вѣка польскими не потому только, что въ нихъ пришло чужое польское панское населеніе, но и потому что сами *туземцы* (высшаго сословія) ополячивались; т.-е. они продолжали оставаться у себя дома, сохраняли связь съ своей мѣстностью и своимъ народомъ,—эта связь не порвалась вдругъ, когда они сами ополячивались; переходы были постепенны и, нѣтъ сомнѣнія, что украинская школа, какъ ни проникнута польскою идеею, была вмѣстѣ не совсѣмъ заглушеннымъ отголоскомъ старой родовой памяти. Напр., въ поэзіи Богдана Залѣскаго, неглубокой по содержанію, нельзя не видѣть вполне искренняго теплаго чувства къ этой Украинѣ, которая была его родиной и въ первыхъ поэтическихъ впечатлѣніяхъ которой участвовалъ несомнѣнно малорусскій сельскій бытъ и малорусскій народъ ¹⁾;—съ другой стороны, также понятно, что украинецъ-малороссъ смотрѣлъ на эту страну и народъ совсѣмъ другими глазами.

Если, какъ мы указывали, эпоха украинской школы совпадаетъ въ польской литературѣ съ проявленіями панславянскаго интереса, то не было случайностью, что у самого Залѣскаго являются панславянскіе мотивы (между прочимъ, много переводовъ изъ сербской народной поэзіи), которые казались тогда польскимъ отзывомъ на

---

¹⁾ Мальчевскій (род. 1793) провелъ первую молодость въ Дубнѣ на Волини; Падура родился (1801 г.) на Украинѣ и много по ней странствовалъ; Богданъ Залѣскій пишетъ: „Меня, своего грудного ребенка, спеленала пѣснью мать Украина“, или „Съ горбаною выросъ я,—вижу Днѣпръ, Ивангору, хату въ дубравѣ, старика-знахаря, точно простился я съ ними вчера. Пѣли тамъ птицы чуть-чуть божій день, и тамъ глѣ на майданѣ, то раздавался мужественный голосъ воинской славы атамановъ—все смѣшалось въ одну живую пѣснь и я исполнилъ эту пѣсню“... Дѣйствительно: родился (1802 г.) на Украинѣ, онъ прожилъ дѣтство также въ деревнѣ, такъ какъ былъ слабого здоровья. Гоцинскій (род. 1803) былъ землякъ Падуры и провелъ на Украинѣ молодость. Михаилъ Грабовскій, извѣстный беллетристъ, историкъ и критикъ, былъ также польскій украинецъ; знаменитый нѣкогда, недавно погибшій, Саломѣяна Чайковскій, авторъ „Козацкихъ повѣстей“; Александръ Гроза и т. д. были также украинцы.

всеславянское братство и взаимность¹⁾. Обстоятельства не были благоприятны, и эти начатки славянской взаимности не развились до приличных результатов; но история не должна забыть и тех начатков, в которых крылась доля здравого понимания и чувства, и взаимной справедливости в прошедшем могла бы помочь и в настоящем приходиться к более мирной оценке взаимных отношений²⁾.

Возвращаемся в Галицію. Рассказывая о первых проявлениях галицко-русского возрождения, Головацкий упоминает о неясных стремлениях своего кружка, о том, как они задумывались над тем, где найти искомую народную дорогу, и говорит: „Мы и должны толковать, рассуждать, спорить: перебирали всякие теории и гипотезы,—наконец, пришли к убеждению, что о народном мы знаем только по напыщам, а народного языка, народного бытия вовсе не знаем. Решено было, что нужно идти между народом, извлекать из него, собирать из его собственных уст песни, которыми народ хранит в памяти тысячи, записывать его пословицы и поговорки, его повести и предания,—словом, нам философов надо идти к народу и учиться у него его мудрости. После таких рассуждений на очереди стал вопрос о том: кто готов преодолеть все препятствия и труды такого предприятия, и я первый *решил идти к народу*“³⁾. Автор сам подчеркивает последние слова. Это, что представляется здесь как бы новым открытием и самостоятельным решением, в первой половине 30-х годов (к которым относится рассказ) уже не было ново даже относительно южно-русской народности в Галиции. Мы видели, что едва ли не первым задолго раньше этого времени, пошел здесь к народу, польский южно-русский, другой человек и опять поляк: это был Ада-

¹⁾ Вот напр. маленькое стихотворение: „Gwar Słowiański“:

Lubuję bardzo w słowiańskim ja gwarze:
Klaskam od mogił w krąg na rozgraniczu,
Tak Szaffarzyku! tak, tak Kopitarze!
Pieśni héj dawaj Wuku Karadźiczu!
Resztę my powiem Guślarzy-Gęślarze.

Мы припоминаем, что в университетские годы Срезневский, некогда также и мантический панславист, в практических занятиях славянскими наречиями, учил нас по-сербски—на песнях Караджича, по-чешски—на Краледворской рукописи Колларя и Челяковского, по-польски—на Богдане Загальском.

²⁾ Обильные биографические и библиографические подробности об украинской школе находятся в подробной истории польской литературы: Rys dziejów literatury polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza etc. opracował Leonard Sowiński напр. т. III (Wilno, 1876), стр. 1, 617 и след., и пр.

³⁾ Литер. Сборник, Дядицкого, I, 22.

цкій, извѣстный въ свое время подъ именемъ Зоріана Доленгивскаго. Быть можетъ, не безъ его вліянія развивался въ польскихъ кружкахъ Галиціи интересъ къ галицко-русской на- поэзии, примѣры котораго около 30-го года, начинаютъ уже ться въ польскихъ журналахъ и сборникахъ еще до появленіи го собранія Вацлава Залѣскаго. Объ этомъ послѣднемъ въ инаніяхъ тогдашнихъ русскихъ дѣятелей говорится прямо, о произвело на нихъ сильное впечатлѣніе. По разнымъ фак- южно заключать, что самихъ польскихъ ученыхъ интересовали ы о галицко-русской народности, и что здѣсь была простая и юбная любознательность, а не одна „интрига“. Шашкевичъ, имому самый талантливый изъ тогдашняго русинскаго кружка, извѣстно теперь, принималъ участіе въ сборникѣ Залѣскаго; и ь изъ его ближайшихъ друзей и помощниковъ въ тяжелыхъ жихъ обстоятельствахъ былъ полякъ-помѣщикъ, Тадей Васи- і¹⁾. Головацкій самъ рассказываетъ, какъ дружелюбно прини- го богатый панъ, графъ Тарновскій (съ нимъ познакомилъ его же Тадей Василевскій, другъ Шашкевича), въ имѣніи котораго избиралъ замѣчательный архивъ, и т. п. Исторія объ отноше- графа Борковскаго къ Вагилевичу, рассказанная Головацкимъ, ся для насъ неразъясненной; но Борковскій извѣстенъ былъ единъ изъ образованнѣйшихъ людей тогдашняго польскаго обще- ь Галиціи, и его смерть (въ 1843, на 33 году жизни) вызвала ія сожалѣнія, между прочимъ, и съ русской стороны. Это былъ писатель съ панславянскими стремленіями, и его стихотво- „Славянскія пѣсни“, въ свое время очень нравилось и часто овалось¹⁾.

Полякъ-словянофилъ... Василевскій, съ которымъ поэтъ (Шашкевичъ) до конца явъ въ сердечной дружбѣ, не лишь опѣкувался Маркіаномъ (не только забо- немъ) и всею родиною (его семействъ), але ознакомлялъ его съ новѣйшими (произведеніями) украинскою, польскою и сербскою литературы“ и пр. „Руска ека“, Омишкевича, 1884, III, стр. XVII, XX—XXI.

Приводимъ нѣсколько стиховъ, которые по своему времени были удачны:

Pieśni słowiańskie, jednej matki córę,
Odmienne licem, barwą rozmaite,
Lecz w jednej wielkiej przeszłości powite
Na śnieżnym grzbiecie starowiecznej góry...

авлянскія пѣсни, дочери одной матери, разнообразныя, разноцвѣтныя, но въ великомъ проедшемъ рожденія на снѣжной вершинѣ вѣковой горы и пр.).

I byli czasę, gdy przy jednym stole
Wszystkieście ludy zabawiali razem,
I w umysł ciężki trudem i żelazem
Łały wesołość, rokosz i swawolę;
Złociły dobrą, gromiły złą dolę.

Едва ли сомнительно, что галицко-руссіе патріоты 30-х годовъ окруженные вліяніями польской жизни и литературы, не остались чужды этой народпо-романтической стороны тогдашняго польскаго движенія и въ извѣстномъ смыслѣ находили въ немъ даже опору для своего дѣла. Позднѣе, вражда окрасила для нихъ это время иными красками и ихъ новѣйшія воспоминанія едва ли рисуютъ ту эпоху безпристрастно...

Романтическая украинская школа, породила, наконецъ, и чрезвычайно своеобразные примѣры этого смѣшенія въ литературѣ двухъ совершенно разнородныхъ, элементовъ. Таковы были польскіе поэты другого оттѣнка украинской школы, которые въ своемъ увлеченіи украинскими сочувствіями стали, наконецъ, писать на малорусскомъ языкѣ, польской азбукой, для своего польскаго круга. Извѣстнѣйшимъ поэтомъ этого рода былъ весьма популярный нѣкогда Тимко (собственно Тома) Падуро (или Падурра). Родившись въ началѣ столѣтія, на Украинѣ, Падуро умеръ, забытый, въ 1871 году, въ кievской губерніи. Его біографія мало извѣстна и, кажется, еще менѣе чѣмъ теперь извѣстна была въ то время, когда въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ его стихотворенія ходили по рукамъ и пользовались большою популярностью въ польскихъ кругахъ нашей Украины а затѣмъ и въ Галиціи. Тогда думали даже, что Падуро совсѣмъ не существуетъ, что имя его есть фикція, покрывающая неизвѣстныхъ поэтовъ въ народномъ духѣ. Этому писателю придавалось такое

Byłyście dziewic wieselném westchnieniem,
Starców wieczorem i domów ogniskiem,
Szumiących wojów tarczą i ramieniem,
Polotem konia i strzały polyskiem,
I kwiatem życia i czarem i cudem,
W święta—religią, na obradach—ludem.

(И были времена, когда за одною трапезою веселили вы всѣ народы вмѣстѣ, и въ душу, отягченную трудомъ и желѣзомъ, вливали радость, наслажденіе и разгулъ; золотили счастье, убивали горе. Вы были свѣтебнымъ вздохомъ дѣвицъ, вечеромъ старцевъ и домашнимъ очагомъ, щитомъ и силою храбрныхъ вонтелей, полетомъ коня и молніею стрѣлы, и цвѣтомъ жизни. и чарами, и чудомъ, въ празднества—религіей. на сходкахъ—народомъ).

Szczęśny poeta, kto was wszystkie razem
W gorącej piersi wykocho, wypieści,
I duszę waszym nastroi obrazem,—
Nie darmo wielką pieśnią zaszeleści!

(Блаженъ тотъ поэтъ, который всѣ васъ вмѣстѣ прочувствуетъ, выпѣствуетъ въ пламенной груди, и душу свою настроитъ на вашъ ладъ; не напрасно раздастъ его великая пѣсня!).

О Дуниѣ-Борковскомъ, см. Zdanowicz-Sowiński, т. III, стр. 432—433; Деница-Журиженка, Петра Дубровскаго, Варшава, 1848, ч. 1-я, стр. 185—187; ч. 2-я, стр. 166, 244—245.

особенное значеніе въ польской литературѣ, что на немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе.

Падура родился въ 1801 въ мѣстечкѣ Илинцахъ и происходилъ изъ рода какихъ-то „закарпатскихъ славянъ“ (словаковъ или, скорѣе, венгерскихъ русскихъ?), вышедшаго въ Польшу при Владиславѣ IV. Его предки упоминаются въ бурныхъ событіяхъ польской исторіи: одинъ Падура былъ „намістникомъ“ гусарской хоругви князя Дмитрія Вишневецкаго и палъ въ битвѣ при Подгайцахъ; другой, сторонникъ Эмерика Текеліа, кончилъ жизнь въ турецкихъ оковахъ въ Константинополѣ; третій, панцырный поручикъ въ хоругви Іосифа Потоцкаго, убитъ при взятіи козаками Бѣлой Церкви; четвертый, барскій конфедератъ, палъ въ битвѣ при Салихѣ въ 1766. Въ XVIII в. Падуры принадлежали къ небогатой „загоновой“ шляхтѣ и семья Оомы, изъ нѣсколькихъ братьевъ и сестеръ, подъ конецъ жила вмѣстѣ въ Махновѣ, въ кievской губерніи. Старшій братъ учился въ виленскомъ университетѣ, былъ человѣкъ съ учеными вкусами, много переводилъ, напр., Монтескье, Руссо, Беккариа, Сисмонди, Бастіа—но его труды остались неизданными.

Оома учился сначала въ элементарной школѣ въ Илинцахъ, потомъ въ Винницѣ,—тамъ и здѣсь его товарищемъ и пріятелемъ былъ Северинъ Гощинскій, который родился въ тѣхъ же Илинцахъ и былъ на два года моложе Падуры. Потомъ они разошлись. Высшую школу Падура прошелъ въ знаменитомъ тогда Кременецкомъ лицѣ (польскомъ предшественникѣ Кіевского университета), гдѣ кончилъ курсъ въ 1825. Здѣсь онъ занимался ообливо исторіей, въ поэзіи увлекался Оссіаномъ и Байрономъ, самъ писалъ стихотворенія. Въ это время онъ былъ уже въ какомъ-то знакомствѣ съ Ходаковскимъ, и въ ихъ сношеніяхъ была общимъ интересомъ малорусская козацкая поэзія. Тогда же Падура сблизился съ извѣстнымъ романтическимъ чудакомъ того времени, графомъ Вацлавомъ Ржевускимъ, который, сдѣлавъ продолжительное путешествіе на востокъ, вернулся на Украину съ прозваніемъ „эмира“, на половину паномъ, на половину бедуиномъ. Ржевускій самъ имѣлъ поэтическіе вкусы; Падура сдѣлался его домашнимъ человѣкомъ, на много лѣтъ они стали неразлучными друзьями, и здѣсь начинается странное поэтическое поприще Падуры. Современникъ, Л. Сѣменьскій, рассказываетъ въ біографіи Ржевускаго: „Жилъ при немъ пріятель, поэтъ Оома Падура, который умѣлъ складывать удивительно прекрасныя думки на нарѣчій русинскаго народа; былъ и торбанистъ Виторъ, который подбиралъ музыку и пѣлъ... а за нимъ хоромъ пѣли надворные козаки, неотступные товарищи своего пана“... Новѣйшій біографъ Падуры, В. Прижборов-

скій ¹⁾, поэтизируетъ тогдашнюю дѣятельность его въ слѣдующихъ картинахъ: „Нельзя сказать, чтобы эта жизнь не имѣла въ себѣ и азій, не давала извѣстнаго удовлетворенія для души нашего пѣвца. Едва вырывалась думка изъ его груди, ужъ ее схватывали, наваливали хоромъ; ужъ онъ могъ слышать ее звенящею по могиламъ, катанамъ, по безбрежной степи (?)... Въ извѣстномъ смыслѣ, это было полнолуніе жизни Падурь, зенитъ его—свѣтлый, украшенный такими радужными красками, такой прекрасный и плѣняющій, что каждый поэтъ могъ и можетъ ему въ этомъ позавидовать. Не бумага, не чать схватывали его пѣсни и думы, а живыя сердца, живыя у передавали ихъ взаимно на вѣчное воспоминаніе. Чего же больше можно желать!“

Передъ нимъ открылись двери знатнѣйшихъ польскихъ домовъ на Украинѣ—у Ржевускихъ въ Константиновѣ, Потоцкихъ въ Умѣ Сангушковъ въ Славутѣ. Вездѣ, гдѣ съ открытыми объятіями встречали „эмира“, съ радостью видѣли его пріятеля. Въ эти годы Падуръ былъ въ Варшавѣ, ѣздилъ по Малороссіи, былъ въ старой Сѣбѣ собиралъ преданія, работалъ въ библіотекахъ; онъ „гордился вѣщаніемъ знаменитыхъ людей и между ними кіевскаго митрополита Евгенія,—у него проживалъ недѣлями и могъ пользоваться старыми рукописями, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія и о которыхъ часто вспоминаетъ въ своихъ украинкахъ“.

Но эта шумная жизнь должна была кончиться. „Эмиръ“ Ржевускій пропалъ безъ вѣсти (какъ полагаютъ, убитый однимъ изъ собственныхъ козаковъ); Падуръ долженъ былъ вынести не мало испытаний и, наконецъ, поселился съ семьей въ Махновѣ, живя замкнуто и въ меланхолическомъ настроеніи. Извѣстность его росла не только на Украинѣ, но и во всей Польшѣ, а также и въ Галиціи,—хотя онъ долго самъ ничего изъ своихъ произведеній не печаталъ.

Первое изданіе его пѣсенъ явилось въ 1842, во Львовѣ ²⁾. Книжка издана была безъ вѣдома автора. Яблонскій говоритъ въ предисловіи, что издалъ стихотворенія Падурь, „сколько ему удалось собрать“. Собраніе не велико, и въ него вошли даже чужія стихотворенія. Изданіе очевидно вызвано готовой популярностью поэта. Малорусскій языкъ въ стихотвореніяхъ Падурь Яблонскій объясняетъ такъ: „каждого народа бываетъ разница между языкомъ литературнымъ и народною рѣчью; эта разница въ различныхъ мѣстностяхъ (powiaty) получаетъ разные оттѣнки, и эти особенности языка называютъ: диалектами или нарѣчіями; „народъ старой Польши“ по

¹⁾ Biblioteka Warszawska, 1872, т. IV, стр. 410—423: „Tomasz Padurra“.

²⁾ Pienia Tomasza Padury. Wydanie Kajetana Jablonskiego. We Lwowie, 1842. Мал. 8° или 12°, 93 стр.

и творить себѣ на своемъ мѣстномъ языкѣ (powiatowsczyźnie) пѣсни, которыя не только для него служатъ нравственнымъ укрѣпленіемъ, но могутъ быть съ пользою читаны и литературной публикой и самими артистами, и разсудительный выборъ пѣсенъ всегда будетъ цѣниться и внушать интересъ; — неудивительно, что и художникъ, заимствующій не одну подробность изъ пѣсенъ народа, старается съ своей стороны отблагодарить его богатствомъ своей души и пускаетъ въ народъ ту или другую пѣсню, произведеніе своего времени и тѣмъ болѣе отвѣчающее нынѣшнимъ потребностямъ, и эту пѣсню, для большей иллюзіи, одѣваетъ въ мѣстный языкъ, powiatowsczyznę, этого народа. Къ лучшимъ поэтамъ этого рода причисляется Томашъ Падура ¹⁾).

Въ 1844, Падура изготавилъ самъ изданіе своихъ сочиненій, вышедшее въ Варшавѣ ¹⁾).

Стихотворенія Падуры вообще встрѣчены были въ польской литературѣ съ величайшими похвалами. Первый львовскій издатель, и послѣдующіе критики (даже до нашего времени), во-первыхъ, полагали, что малорусскій языкъ есть именно мѣстное нарѣчіе, powiatowsczyzna польскаго языка, и что Падура отлично владѣлъ этимъ языкомъ; и во-вторыхъ, были увѣрены, что онъ вполне усвоилъ характеръ народной малорусской поэзіи. Таковъ былъ, напр., отзывъ Вл. (вѣроятно, Войцицкаго) въ „Варшавской Библіотекѣ“ (1843, № 1) по поводу львовскаго изданія: „многія стихотворенія Падуры обратились въ вѣчное достояніе народа; Падура старался пробудить на Украинѣ память о ея былой славѣ“; онъ „изобразилъ въ своихъ думкахъ весь бытъ и народный характеръ козаковъ“; „никто не умѣлъ сильнѣе Падуры трогать сердца и не такъ на прелестнѣйшемъ языкѣ“ и т. п. ²⁾). Еще болѣе восторженный отзывъ даетъ Винцентій Польш. По его мнѣнію, „Падура принадлежитъ къ рѣдчайшимъ по-

¹⁾ Болѣе раннія указанія о Падурѣ Яблонскій отмѣчаетъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: въ краковскомъ Powszechnym Pamiętniku, 1835; въ краковскомъ Pamiętniku Naukowym, 1837, т. II, стр. 341; въ книгѣ Л. Лукашевича: Ryś dziejów piśmiennictwa polskiego, стр. 86; въ Tygodniku Petersburskim; въ „Poezyach T. A. O.“ (Олизаровскаго), вышедшихъ въ Краковѣ 1836, стр. 29, 90; наконецъ въ Przypiecieli ludu, 1838, стр. 50, и т. д.

Изъ стихотвореній Олизаровскаго приводится у Яблонскаго, Прижиборовскаго, Войцицкаго, „Śpiew Kozaka“, какъ прибавленіе къ біографіи Падурѣ, гдѣ разсказывается о жизни Падуры у Вацлава Ржевускаго.

²⁾ Ukrainku z putoju Tymka Padurę. Warszawa, 1844, 8°, 195 стр. Упомянется, въ „Показчикѣ“ г. Комарова, 1883, посмертное львовское изданіе Падуры 1874 г., но мы не нашли его въ бібліотекахъ Академической и Публичной.

³⁾ Ср. Войцицкаго, Hist. literatury polskiej w zagryszach, t. IV, Warszawa, 1846, стр. 168—171.

этическимъ явленіямъ,—я сказалъ бы, на земномъ шарѣ, потому что онъ—писатель иного духа, и писатель иного языка“; Падура, это—камертонъ новѣйшей польской литературы: „если кто вывелъ насъ на новое поле, то, конечно, насъ вывелъ Падура“; „гамма его очень коротка, очень мала, но и гамма соловья тоже мала, и, однако, всякъ слушаетъ ее съ восторгомъ“; „только послѣ Падуры могъ явиться Залѣвскій и другіе, до Падуры это было невозможно“,—нѣкогда е признають во всемъ славянствѣ, а въ польской литературѣ его пѣси и думы имѣють то же значеніе, какъ поэзія Гезіода въ литературу греческую ¹⁾. Но еще въ тридцатыхъ годахъ въ Падурѣ усомнился Михаилъ Грабовскій, къ которому присоединяются и нѣкоторые нѣвѣйшіе историки польской литературы ²⁾.

Малорусскіе и галицко-русскіе читатели отнеслись къ Падурѣ съ весьма опредѣленнымъ отрицаніемъ, заявляя, что ни малорусскій языкъ не есть нарѣчіе польскаго, ни Падура не усвоилъ себѣ характера и языка малорусской поэзіи, или, другими словами, усвоилъ лишь въ той мѣрѣ и смыслѣ, какъ ихъ понимала польская шляхта на Украинѣ. При появленіи львовскаго изданія, одинъ изъ ревностныхъ дѣятелей тогдашней малорусской литературы, О. Евецкій, написалъ подробный разборъ книжки ³⁾. Критикъ замѣтилъ, что „во поминанія Падуры о былой славѣ и удали козаковъ, надуты и напыщенны, но въ нихъ нѣтъ ни чувства, ни истиннаго одушевленія. Главный элементъ козачества: пламенная привязанность къ вѣрѣ, съ всѣмъ пропущенъ авторомъ! Другой, чрезвычайно важный, элементъ козачества: кровная ненависть къ „нехристамъ“ и „басурманамъ“ изображенъ имъ весьма слабо. Напротивъ, вездѣ у автора замѣтно близкое сочувствіе къ „ляхамъ“, которое могло быть мѣстное, в Волыни, но никогда не существовало въ такой степени по всей Малороссіи, и даже не могло существовать, по различію вѣры, языка народнаго характера и еще вслѣдствіе историческихъ событій“. Пѣсни Падуры приторны и неестественны и критикъ вообще отрицаетъ всякую возможность сравненія Падуры съ авторомъ „Гетмана Косинскаго“ и „Русалокъ“, т.-е. съ Богданомъ Залѣвскимъ, какъ это сдѣлано было львовскимъ издателемъ: у Залѣвскаго, какъ и другихъ писателей украинской школы, Евецкій находитъ, при извѣстныхъ односторонностяхъ, настоящую поэзію, которой могъ бы сочувство-

¹⁾ Цитата у Пржиборовскаго, стр. 421—422.

²⁾ См. Zdanowicz-Sowiński, III, 634—637.

³⁾ Деница, П. Дубровскаго, 1843, ч. 1-я, стр. 196—206. Евецкій указалъ, между прочимъ, что въ число сочиненій Падуры попала баллада: *Rani Twardowska*, малорусскій переводъ которой сдѣланъ былъ Гулакъ-Артемовскимъ. Раньше, въ Деницѣ, 1842, № 19, былъ помѣщенъ короткій отзывъ о книжкѣ, присланный изъ Львова.

вать и малорусскій читатель,—но не находить подобной поэзіи у Падурѣ. Что касается языка стихотвореній, онъ вовсе не такой чистый украинскій, какимъ представлялся польскимъ критикамъ: напротивъ, это языкъ путанный, смѣсь малорусскаго съ русскимъ, польскимъ и даже церковнымъ, и притомъ съ неправильностями, не принадлежащими никакому языку. Не менѣе сурово отнесся къ Падурѣ и г. Кулишъ, которому его произведенія, какъ вообще произведенія всей польской украинской школы, кажутся шляхетской забавой, которая выражаетъ готовность поляковъ быть съ украинцами за пани-брата, но отъ которой эти послѣдніе сторонятся ¹⁾. Въ польскомъ обществѣ сохраняется, однако, до сихъ поръ представленіе, что Падура наилучшимъ образомъ усвоилъ характеръ и языкъ южно-русской народной поэзіи ²⁾.

Замѣчанія малорусскихъ критиковъ о содержаніи и языкѣ произведеній этого рода, безъ сомнѣнія, справедливы. Падура беретъ изъ малорусской дѣйствительности только черты, которыя пріятны на польскій взглядъ, и не затрагиваетъ большого мѣста польско-малорусскихъ отношеній; но какъ въ произведеніяхъ Богдана Залѣскаго было бы несправедливо видѣть одну шляхетскую забаву, такъ и здѣсь мы готовы были бы предположить и болѣе искреннее, хотя бы неполное и наивное отношеніе къ малорусской жизни. Именно намъ кажется, что украинская школа, Падура и его послѣдователи, были литературными предшественниками болѣе серьезнаго движенія польскихъ умовъ въ смыслъ украинскихъ сочувствій, которое въ концѣ 50-хъ годовъ выразилось въ извѣстной польской „хлопоманіи“. Обыкновенно полагаютъ, что хлопоманія была произведеніемъ новѣйшей эпохи русско-польскихъ отношеній—освобожденія крестьянъ и вновь

¹⁾ „Основа“, 1862, стр. 74—75. Г. Кулишъ упоминаетъ, впрочемъ, что даже историкъ Запорожской Сѣчи, Скальковский, принялъ стихотворенія Падурѣ за дѣйствительно народныя думы и внесъ ихъ въ первое изданіе своей книги.

²⁾ Ср. Szujski, „Die Polen und Ruthenen in Galizien“, стр. 278, гдѣ упоминается „die im reinsten Ruthenisch schreibenden, die Einheit Rutheniens mit Polen betonenden, das lateinische Alphabet gebrauchenden Dichter Tymko Padurra († 1871), Platon Kostecki, Węgliński und Ostaszewski ein“. Въ частности о Падурѣ Шульскій говоритъ: Padurra ist ohne Zweifel das Szewczenko am nächsten stehende (!) poetische Talent; freilich bieten seine historischen Gedichte, in denen er den Hetman Mazepa, seine lyrischen, in welchen er unter andern den nach Sibirien geschleppten ruthenischen Fürsten Roman Sanguszko verherrlicht und das Russificiren der Muttersprache (!) innig beklagt, einen grellen Gegensatz zu der „russischen Einheitsidee“. Но сами украинцы какъ прежде, такъ и теперь, были объ этомъ другого мнѣнія; ср. „Труды Экспедиціи“ Чубинскаго, т. VII, вып. I, стр. 253 и д., гдѣ приведены и образчики стихотвореній этой школы.

См. также специальную статью о Падурѣ въ „Кіевской Старинѣ“, 1889, сентябрь, стр. 727—751: „Осма Падура“, критическій очеркъ Ф. Равиты.

возникшаго политическаго броженія въ польскомъ обществѣ: на дѣлѣ, хлопотанія, какъ сознаніе неправильности и несправедливости польскаго политическаго и особливо соціальнаго отношенія къ украинскому народу, имѣеть гораздо болѣе ранніе прецеденты, и именно ясныя выраженія ея мы находимъ еще въ польской эмиграціонной литературѣ сороковыхъ годовъ. На этомъ любопытномъ явленіи мы остановимся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА IX.

Позднѣйшія отношенія малорусско-польскія.

Политическое и нравственное состояніе польской эмиграціи.—Польскій украинофилъ въ эмиграціи: Як. Яворскій.

Движеніе шестидесятихъ годовъ: хлопоманія.

Польскій украинофилъ въ Галиціи.

Исслѣдованія этнографическія: Оскаръ Кольбергъ; Новосельскій; труды Браковской Академіи и пр.

До сихъ поръ не написана исторія польской эмиграціи, послѣдовавшей за неудачею возстанія въ 1830 — 1831 годахъ. Для этой исторіи есть много матеріала въ произведеніяхъ польской эмиграціонной литературы; много фактовъ даетъ политическая исторія съ 30-хъ и до 60-хъ годовъ, но все это еще не вполне рисуетъ внутреннюю жизнь эмиграціи, не изображаетъ того психологическаго состоянія, въ какомъ очутились страстные патріоты, выброшенные неудачей возстанія за границы своей родины. Это психологическое состояніе несомнѣнно было ужасно. Это была не только потеря родины со всѣмъ тѣмъ кругомъ дѣятельности, впечатлѣній, обстановки, которыя съ дѣтства были дорогой привычкой, условіемъ существованія; но это была въ сущности потеря всякихъ сколько-нибудь исполнимыхъ ожиданій отъ будущаго. Присоединялось и тяжкое бѣдствіе матеріальное: лишь немногіе сохранили болѣе или менѣе свои матеріальныя средства; большинство оказалось въ нищетѣ. Правда, по разнымъ причинамъ, — и потому, что поляковъ считали бойцами за народную свободу, и потому, что они были врагами именно Россіи, — польскіе эмигранты встрѣчали въ Европѣ не мало сочувствій, особенно во Франціи, гдѣ и основалось главное гнѣздо эмиграціи; но чѣмъ дальше, тѣмъ больше ослабѣвало первое впечатлѣніе, сочувствія сокращались, помощь ограничивалась и положеніе

эмиграціи становилось все мудренѣе въ матеріальномъ отношеніи, а рядомъ становилось все тяжеле и настроеніе нравственное. Послѣ 1831 г., Польша не подавала признаковъ жизни; наступившій порядокъ вещей поддерживался энергически; иллюзіямъ не было мѣста. Но иллюзія оставалась единственной почвой, на которой могла жить и мысль, и патріотическое чувство; родина все болѣе и болѣе принимала для эмиграціи идеальныя очертанія обѣтованной земли, украшаемой всѣми очарованіями, которыя рисовало наболѣвшее чувство: жизнь реальная ускользала отъ анализа и исторія не послужила урокомъ.

Эмиграція остановилась на тѣхъ идеяхъ, съ которыми покинула родину; она не взглянула на вещи съ новой точки зрѣнія, а только развивала старую, пріискивая для нея новыя опоры во внѣшнихъ обстоятельствахъ и въ фантазіи. То полагали, что какія-нибудь политическія комбинаціи измѣнятъ положеніе вещей и дадутъ Польшѣ полную свободу; то идеализировали безъ конца „польскую идею“ изъ которой сдѣлана была настоящая мистическая религія и, наконецъ, спасительная панацея для цѣлаго человѣчества. Главныя надежды долго и бесплодно направлялись на Францію,—это тянулось до самаго Наполеона III; только долго спустя, поляки убѣдились, что имъ нечего ожидать съ этой стороны, что никто въ Европѣ не захочетъ воевать съ Россіей изъ платоническаго желанія возстановити такую Польшу, какой хотѣлось самимъ полякамъ. Поляки хватались за всѣ выраженія антипатіи и вражды къ Россіи, какія нерѣдко слышались въ тогдашней политической литературѣ, и связывали съ ними свою собственную вражду,—они только не замѣчали, что источники той антипатіи были не совсѣмъ тѣ, или совсѣмъ не тѣ, какими руководились они сами, что вообще ихъ политическія стремленія были далеко не тождественны съ стремленіями европейскаго либерализма или радикализма: они не замѣчали, напримѣръ, что если въ европейскомъ политическомъ движеніи шла рѣчь о свободѣ и демократіи, то это была совсѣмъ не та свобода и демократія, съ которыхъ думали поляки, что та свобода предполагала демократическое равенство, предполагала свободу мысли, между тѣмъ, какъ общество польское все было проникнуто идеями и привычками шляхетскими, а свобода мысли была несовмѣстима съ тѣмъ ультра-католицизмомъ, который издавна сталъ чертой польскаго общества и нераздѣльнымъ условіемъ его патріотизма. Въ этомъ смѣшеніи польскаго дѣла съ европейскимъ либерализмомъ крылось несомнѣнное недоразумѣніе, которое, конечно, должно было раньше или позже обнаружиться... Надежды на европейское вмѣшательство не осуществлялись; попытки волновать Польшу изъ-за границы путемъ литера-

туры и черезъ посредство эmissаровъ оказывались безплодны; книги доходили съ трудомъ, эmissары попадались въ руки русской власти и погибали вмѣстѣ съ тѣми, кто вступалъ съ ними въ сношенія.

За невозможностью борьбы реальной, чувство къ родинѣ уходило въ фантастическія построенія, обѣщавшія этой родинѣ возвышенное будущее, взамѣнъ тяжелыхъ испытаній настоящаго. Извѣстно болѣе или менѣе и въ нашей литературѣ, до какихъ размѣровъ дошли эти увлеченія польской эмиграціи въ мистическомъ ученіи Товянскаго, въ фантазіяхъ Гоэна Вронскаго, въ „мессіанизмѣ“ Мицкевича. Ученіе Товянскаго исполнено такими блужданіями мысли и чувства и, однако, находило такихъ фанатическихъ послѣдователей, что его распространеніе объясняется именно страшно возбужденнымъ настроеніемъ эмиграціи. Біографія Мицкевича, который былъ въ числѣ ревностныхъ приверженцевъ Товянскаго за эти (сороковые) года, есть печальная исторія нравственнаго страданія, которое кончалось мистицизмомъ, болѣзненными порывами, пророчествами, во гдѣ среди мистическаго мрака нерѣдко блистала поэтическая сила и благородныя мечты о лучшемъ христіанскомъ будущемъ человѣчества и, особенно, любимой родины. Эта родина то вставала передъ нимъ какъ живая въ поэтическихъ картинахъ „Пана Тадеуша“ и „Дзидовъ“, то облекалась въ мистическій образъ, въ которомъ не было ничего реальнаго, но гдѣ собрались самыя пламенныя мечты поэта объ ея возрожденіи. Таковъ былъ извѣстный „мессіанизмъ“ Мицкевича, гдѣ рядомъ съ культомъ Наполеона предвозвѣщалось будущее обновленіе человѣчества черезъ славянство: это племя не равнялось съ Европою ни въ наукѣ, ни въ искусствахъ, но несравненно сильнѣе, чѣмъ Европа, сохранило оно свѣжесть чувства, восприимчивость къ глубочайшему содержанію христіанства, которымъ и должно было возродить жизнь человѣчества,—и во главѣ всѣхъ эта миссія принадлежала народу польскому... Польскіе историки и публицисты, работавшіе въ эмиграціи, были въ тѣхъ же условіяхъ: оторванные отъ родины, они возвеличивали прошедшее Польши и въ протестахъ противъ виновниковъ ея паденія не думали искать иныхъ причинъ печальнаго факта, кромѣ грубаго насилія и несправедливости. Въ этомъ настроеніи создавалось и то этнографическое представленіе о племенахъ: польскомъ, „русскомъ“ и „россійскомъ“, которое изложено было особливо въ писаніяхъ Духинскаго ¹⁾ и не однажды было опровергаемо въ русской литературѣ. Эта теорія такъ

¹⁾ Начатки этой этнографической теоріи появляются, впрочемъ, ранѣе Духинскаго. О немъ писалъ Костомаровъ въ „Основѣ“; см. также въ „Вѣстн. Европы“, 1887, январь: „Тенденціозная этнографія“, по поводу книжки о Духинскомъ И. А. Бодуэна де-Куртене.

эмигрантъ... просто незнако-
 рядомъ... эмѣжными этнографъ
 1831 г. ... изътривать именно толы
 докъ... умами въ эмиграці
 Но изъ... "Міжквы" (Россіи) и сви-
 и мы... Польша и Русь, э-
 нима... ихо съ другимъ; ихъ ст-
 шаемъ... ихъ единства, т.-е. при-
 жизн... Польша ранъше или позъ
 ком... итвеннымъ королевствомъ
 ро... и: мазанское, это—туранцы, при-
 ра... русскій языкъ; настояще
 об... въ XVIII вѣка узурпировали им
 лі... : вѣщающее: въ религін они такъ
 и... (греко-уніатской, подчинен
 и... , даму", и такъ далѣе, — словомъ
 и... невозможностей, съ послѣд
 і... противъ Россіи какъ борьбу
 и... туранцами, и истинной цивилизаці

и... такимъ страннымъ образомъ пере-
 ... выраженіи патріотической страсти, сли-
 ... простой исторической и прак-
 ... изрѣдка говорили то, что не
 ... и революціоннымъ предводи-
 ... встрѣтилась намъ книжка, не
 ... итвеніи. Авторъ, нѣкто Яворскій,
 ... родину послѣ возстанія, повиди-
 ... человекъ не крупный, по го-
 ... средней руки шляхтичъ,
 ... въ украинскихъ имѣніяхъ графа
 ... посвящена его книжка. Онъ уже
 ... эмиграцію: дома онъ, видимо, много
 ... Украины, живаль и въ другихъ
 ... владѣль довольно хо-
 ... взгляды и обычай
 ... подобная шляхта или гро-
 ... книжку Потоцкому, онъ говорилъ,
 ... своихъ подданныхъ, на-

Wszystko to w swą przyszłość, przez Jakoba
 ... roku. W Drukarni Maistrasse

столько ваши арендаторы и поссессоры были ихъ угнетателями⁴. Самъ онъ, по его словамъ, въ тѣ годы искалъ только прибыли и не обращалъ никакого вниманія на народъ, который былъ для него только грубой рабочей силой. Долгіе годы изгнанія произвели въ немъ большую перемену: отношенія, въ которыхъ жили обыкновенно польскіе помѣщики въ малорусскихъ земляхъ и жилъ онъ самъ, предстали ему въ иномъ свѣтѣ, когда онъ пораздумалъ о немъ на своемъ печальномъ досугѣ.

Его взглядъ состоялъ теперь въ слѣдующемъ. Прежде всего Польша во всякомъ случаѣ должна освободиться отъ власти „тирана“ и „деспота“; Яворскій негодуетъ на тѣхъ, кто думалъ, что освобожденіе должно простирается только на одну конгрессовую Польшу: по его мнѣнію, Польша должна быть такая, какою была до того насилія, которое совершили надъ ней „три разбойника“, т.-е. въ границахъ 1772 года, если не отъ моря до моря, то, по крайней мѣрѣ, до Чернаго моря (о Балтійскомъ онъ умалчиваетъ). Украина является необходимой составной частью его отечества—какъ это было не въ 1772, а собственно въ первой половинѣ XVII вѣка. Для Яворскаго нѣтъ даже вопроса о томъ, что малоруссы, пожалуй, не захотѣли бы возвратиться въ составъ предполагаемаго польскаго государства—оба племени онъ одинаково противопоставляетъ „Москвѣ“. Видимо, что живя въ польскомъ шляхетскомъ кругу Украины, онъ былъ въ наивномъ предположеніи, что живетъ дѣйствительно въ польской странѣ, что украинскій народъ (отличный отъ „россійскаго“) не помышляетъ объ удаленіи отъ Польши; теперь Яворскій убѣдился въ ложномъ и несправедливомъ отношеніи поляковъ къ этому народу и эту несправедливость считаетъ крайне вредной политически для общаго польско-украинскаго дѣла. Излагая свои мысли объ этомъ, онъ переносится въ Малороссію и съ сочувствіемъ говоритъ о малорусскомъ народѣ, какъ о своемъ.

Въ первой главѣ онъ ставитъ вопросъ: „Можетъ ли имя короля быть принято за кличъ до повстанія?“ Онъ не споритъ, что Польша, „по изгнаніи наѣздниковъ“¹⁾, въ первыя минуты своего политическаго существованія можетъ установить у себя монархическое правленіе; но онъ возстаетъ противъ того, чтобы именемъ „короля“ можно было вызвать къ возстанію цѣлый народъ „долгой и широкой Польши“: „это—заблужденіе тѣхъ, которые хотѣли бы навязать монархію, не выслушавши воли народа, и такое заблужденіе никогда не можетъ пройти безнаказанно“. Въ давней Рѣчи Посполиной имя короля имѣло свое значеніе; но народъ земледѣльческій не

¹⁾ Сохраняетъ эту терминологию для мѣстнаго колорита.

понимаетъ его. „Неужели же черезъ 13 лѣтъ изгнанничества ¹⁾ мы еще не поняли, что революція *шляхетская*, со своими понятіями и девизами, не можетъ сдѣлать ничего прочнаго; противъ трехъ разбойниковъ нужна вся сила польскаго народа, и это убѣжденіе мы освятили нашими несчастіями. Будемъ же поэтому искать для Польши девиза, который отвѣчалъ бы потребностямъ угнетаемаго народа“ ²⁾ Яворскій хочетъ говорить только объ Украинѣ, о земляхъ, гдѣ говорятъ языкомъ украинскимъ. Здѣсь,—замѣчаетъ онъ,—никогда короли извѣстно только по одной думѣ о Потоцкомъ; она поется повсюду съ проклятіемъ противъ угнетенія,—и „никогда въ Украинѣ возстаніе не будетъ вызвано подъ шляхетскимъ кличемъ“. „Мысль о борьбѣ только за конгрессовую Польшу была бы преступленіемъ, даже изостѣю со стороны тѣхъ, кто на челѣ возстанія забылъ бы нѣкогда о тѣхъ прекраснѣйшихъ земляхъ не только во всей Польшѣ, но и въ Европѣ. Быть можетъ, я увлекаюсь, какъ дитя богатой Украины, но меня не пойметъ лишь тотъ, кто не знаетъ тѣхъ провинцій, которыя, какъ писалъ Трембецкій, текутъ молокомъ и медомъ“. Яворскій припоминаетъ, что народъ говорилъ повстанцамъ: „*pechaj Boh romahaje tym, chto o nas dobre dumaje*“. „Какой же мы видѣли результатъ предсказанія хлоповъ? Польша пала, потому что мы никогда не имѣли *доброй мысли* объ угнетенномъ *народѣ*, и не имѣли еще многіе изъ насъ въ эмиграціи; но пусть они помнятъ, какой былъ конецъ революціи, начатой въ 30-мъ году; таково же будетъ и начало слѣдующей, если мы совсѣмъ не удалимъ отъ себя мысли объ угнетеніи“.

Яворскій караетъ шляхту за ея наклонность къ новизнамъ, за потерю старыхъ добродѣтелей: но народъ украинскій, по его словамъ, очень помнилъ, что „въ польскія времена было лучше, чѣмъ теперь“ (мы скажемъ дальше, какъ надо понимать это утвержденіе Яворскаго о „польскихъ временахъ“). О современномъ (въ сороковыхъ годахъ) положеніи вещей Яворскій не обманывается. „Народъ Украины, Волыни, Подоли *ненавидитъ* своихъ пановъ за угнетеніе, и *справедливо*; у него всегда готовъ ножъ для мщенія... Года три передъ рево-

1) Книжка Яворскаго, по словамъ его, написана была за два года до ея печатанія.

2) Яворскій, предоставляя людямъ болѣе ученнымъ растолковать, почему народъ земледѣльческій не разумѣлъ значенія имени короля, прибавляетъ: „почти во всѣхъ шляхетскихъ домахъ пѣлись пѣсни о конституціи *третьяго мая*, но никто или не смѣлъ, или не умѣлъ перевести эту пѣсню на языкъ народа, чтобы эта традиція могла остаться въ его памяти,—а почему? Легко угадать. Конституція третьяго мая всего слабѣе коснулась счастья и свободы земледѣльческаго народа; можно сказать, что *свобода не коснулась*.—А теперь вы хотите поднять народъ именемъ короля и конституціи? Ахъ, заблужденіе, и что за заблужденіе!“ и т. д.

людей 1830 года, украинскій народъ началъ убѣждаться, что не паны, а правительство—причина податей и особенно рекрутства. Но это убѣжденіе ни малѣйшимъ образомъ не ослабило его ненависти къ панамъ, потому что тиранство со стороны помѣщиковъ и тѣхъ, кто отъ имени помѣщиковъ управляетъ хлопами, *сильнѣе* рекрутства и подушныхъ. Прискорбно сказать, что на Украинѣ, на Волыни и Подоли, мало, чрезвычайно мало число нравственныхъ и честныхъ помѣщиковъ; почти всѣ—тираны; много тщеславныхъ, праздныхъ, безъ образованія, безъ сердца, и много между ними голышей, ибо то, что бѣдный хлопъ въ потѣ лица заработаетъ въ годъ, онъ спуститъ въ одинъ мѣсяцъ, и стѣбитъ *такому* мигнуть, какъ хлопъ видитъ въ рукахъ эконома готовую плетъ на свое тѣло.—Бартина, вѣроятно, была правдива, но Яворскій дѣлаетъ изъ нея такой выводъ: „какъ же несчастному народу не помнить и не желать давней Польши? И чѣмъ поможетъ имя короля? Ничѣмъ“.

Яворскій съ раздраженіемъ и презрѣніемъ говоритъ о магнатствѣ, „богатой испорченной шляхтѣ“, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, „что есть недоученаго и празднаго между менѣе богатыми“, не забываетъ стараго присловья: *szlachcić na zagrodzie gównu wojewodzie*, или: *każdy polak do kogoŃy zrodzony*. Онъ изумляется, что „въ XIX вѣкѣ еще находятся фамиліи (подразумѣваются Чарторыйскіе), которыя думаютъ, какимъ бы способомъ возложить на свою голову корону бѣдной поработенной Польши“,—потому что не сомнѣвается, что никому изъ магнатовъ не удастся быть королемъ хотя бы конгрессовой Польши „даже на 24 минуты“; напротивъ, это магнатство всего скорѣе измѣняетъ родинѣ изъ-за своихъ интересовъ и даетъ покупать себя игрушками, общаніями и золотомъ.

Въ концѣ этихъ разсужденій является слѣдующій выводъ. „Украинскій народъ,—и я не сдѣлаю ошибки, если скажу: народъ цѣлой Польши,—можно привести въ движеніе, зажечь и воспламенить только во имя свободы. Но, вызывая къ возстанію народъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, отъ пункта напротивъ Кіева, во всей почти губерніи Полтавской, а на правомъ отъ Канева во всей Смилянщинѣ, надо напомнить ему о свободахъ, какія имѣлъ онъ во времена атаманскія, потому что онѣ не вышли изъ его памяти и ничѣмъ не были изглажены. Но надъ Чернымъ моремъ, Днѣстромъ, въ цѣлой Украинѣ, Подоли и Волыни, народъ понимаетъ только свободу и къ ней стремится. Онъ поднимется весь, если увидитъ и увѣдаетъ, что не паны и никакое магнатство,—потому что сегодня они могутъ общать, а завтра переимѣнить,—но только сама Польша (?), мать всѣхъ своихъ дѣтей, за кровь и жизнь, принесенныя на то, чтобы снять съ нея цѣпи тирановъ, будетъ награждать не только свободой, равенствомъ, но и

кускомъ земли изъ своего лона, за который онъ столько вѣковъ несетъ тяжелую *барщину*. Такой кличъ—практиченъ; народъ повѣритъ тогда что Польша его не обманываетъ; онъ тотчасъ схватится за оружіе какое подвернется подъ руку, съ одной мыслью, согласно, и будетъ истреблять наѣздниковъ“.

„Но только онъ долженъ быть вызванъ не какъ хлопъ, крѣпостной, но какъ полякъ, сынъ одной матери и одного отца (?)—такое эхо разнесется изъ конца въ конецъ долгой и широкой Польши. Подъ такіе знаки, изображенные на хоругвяхъ повстанія, направятъ всѣ силы, которыя наѣздники насиліемъ отняли у Польши, и онъ съ оружіемъ въ рукахъ умножатъ силу отцовъ и братьевъ противъ угнетателей нашего отечества. Этому надо вѣрить. А если представите народу знаки королевскіе, то будьте увѣрены, что всѣ силы отнятыя у Польши изъ земель, находящихся теперь подъ властью наѣздниковъ, вы будете имѣть противъ себя и они будутъ биться за своего царя, цесаря и за своего Кoenig’a“.

Нѣтъ надобности останавливаться на странности понятій о политическихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, когда Яворскій находитъ чистѣйшую Польшу въ юго-западномъ краѣ, гдѣ было только много польскихъ помѣщиковъ; съ другой стороны, польское государство на Украинѣ было уже слишкомъ давно. Яворскій увѣренъ, очевидно, что поляки могутъ втиснуть въ польское возстаніе малорусскій народъ, давши ему свободу и „кусомъ земли“; но, не говоря о малой вѣроятности такого дѣла, какъ было сразу истребить въ народѣ ту ненависть къ панамъ, которую самъ Яворскій указываетъ столь категорически? Очевидно, это была соломенка, за которую патріотъ хватался, чтобы спасти потерянное дѣло своей родины, но слова его любопытны какъ образчикъ возникшаго понятія о необходимости иныхъ отношеній со стороны поляковъ къ малорусскому народу.—Въ опроверженіе его мечтаній, въ томъ же 1846 году произошли извѣстныя галиційскіи убійства, гдѣ польскихъ помѣщиковъ истребляли даже не малорусскіе, а польскіе же крестьяне.

Слѣдующая глава посвящена вопросу: „чѣмъ можно убѣдить украинскій народъ?“

„Читатель,—начинаетъ онъ,—если ты живешь въ богатой Украинѣ и если тебѣ по какому-нибудь особенному случаю попадутся на глаза мои воспоминанія, не подражай мнѣ такому, какимъ я былъ до революціи 1830 года. Подумай, и самъ выйди изъ этихъ заблужденій, потому что иначе ты никогда не перестанешь походить на сильнаго звѣря, который бьетъ и угнетаетъ тѣхъ, кто его слабѣе; пусть копитъ на насъ то черное, адское пятно, которое недостойно человека нѣсколько образованнаго, и пусть оно не коснется молодого по-

колѣнія. Ты знаешь, какое его теперешнее воспитаніе? Но подражай мнѣ, каковъ я теперь, и ты вступишь на истинную дорогу чести; ты узнаешь, что ты—человѣкъ, а не сильная скотина; ты узнаешь въ бѣдномъ, отъ угнетенія униженномъ, нашемъ хлопѣ, равнаго тебѣ, будешь любить его тою же братскою любовію, какую всѣмъ предпосылъ Христосъ; ты найдешь въ немъ друга, откроешь въ своемъ закламентѣломъ сердцѣ—спокойствіе, въ твоей холодной душѣ—огонь любви къ ближнему; ты поднимешься выше звѣря. А твоё поколѣніе будетъ благословлять тебя, что ты указалъ ему простую, самимъ Богомъ завѣщанную дорогу“.

Въ прежніе годы, авторъ часто ѣздилъ въ Одессу для продажи хлѣба. Онъ ѣздилъ обыкновенно, почти каждый годъ, по тракту на Богополь, гдѣ лежалъ и обычный путь чумаковъ, возившихъ пшеницу въ ту же Одессу. Ему вспоминается теперь одна такая поѣздка южнорусской степью, встрѣча и бесѣды съ „гордыми“ чумаками. Ночь темная, погода въ іюнѣ прекраснѣйшая, и трактъ (теперь я могу сказать это, потому что въ ту пору не могъ ни съ чѣмъ этого сравнить) былъ освѣщенъ лучше и яснѣе, чѣмъ парижскіе бульвары. Каждая „валка“ (партія) чумаковъ стоитъ одна отъ другой шаговъ на двѣсти, и около каждой зажжены огромные костры изъ сухого бурьяна. При огняхъ сидятъ гордые чумаки; одни играли на своихъ сопилкахъ украинскія думы, другіе, не поражая уха, вторили имъ заунывнымъ, но далеко разносившимся голосомъ. Слышались изрѣдка ревъ быка, ржаніе коня, отдалившихся отъ своего стада, голосъ журавля, ходящаго на стражѣ, когда другіе спали, или другой дикой степной птицы. Казалось, что это было близко отъ тракта, но нѣтъ, это было далеко, очень далеко, въ степи, но эхо доходило до ушей изъ самыхъ далекихъ угловъ равнины въ тихую и спокойную ночь“. Только теперь, черезъ многіе годы испытаній и размышленій ему стала ясна увлекательная прелесть этой южной ночной картины, о которой тогда онъ только смутно догадывался. „Только великій поэтъ можетъ это описать; а мнѣ, не имѣющему для этого дара, кромѣ чувства и горести по утраченной отчизнѣ, не слѣдуетъ больше говорить объ этомъ“.

Днемъ дорога была отяготительна отъ однообразія степи и невыносимой жары; иногда приходилось встрѣчать отвратительные переходы саранчи... На пути онъ остановился на ночлегъ. „Приблизившись къ одной партіи, я увидѣлъ сидящихъ около огня пять чумаковъ съ головами, нѣсколько заросшими послѣ бритья, съ длинными оселедцами, заложёнными за ухо, въ жупанахъ и пестрыхъ широкихъ шараварахъ, во многихъ мѣстахъ запачканныхъ дегтемъ“. Путешественникъ расположился на ночлегъ, подлѣ, съ любезнаго поз-

воленія чумаковъ; но лакей, какъ послѣ оказалось, убѣждалъ въ степ потому что чумаки были на его взглядъ настоящіе гайдамаки. „Мы сосѣди сидѣли и разговаривали. Я слышалъ ихъ бесѣду и вся она теперь почти слово до слова пришла мнѣ на память, не знаю откуда потому что въ ту пору она на утро уже вылетѣла у меня изъ головы. При сильномъ огнѣ я могъ видѣть каждого изъ говорившихъ“...

Не будемъ повторять длиннаго разговора чумаковъ, приведеннаго Яворскимъ на малорусскомъ языкѣ и который носятъ печатъ правды; только въ иныхъ мѣстахъ авторъ, быть можетъ, закруглилъ его собственными, хотя бы ненамѣренными добавками. Разговоръ шелъ о панахъ, о томъ, гдѣ какъ живетъ, какія дѣлаются притѣсненія, какъ жилось въ прежнее время, и какъ въ иныхъ мѣстахъ, напр., въ Полѣсѣ, народъ забить панами до того, что изумляется и не понимаетъ, когда заговорять съ нимъ о волѣ. Мнѣніи говорились свободно (предполагалось, что панъ спитъ), рассказывались исторіи и въ заключеніе рѣшили на томъ, что пора бы міръ положить когда-нибудь этой бѣдѣ конецъ... Затѣмъ начались пѣсни. „Одинъ изъ чумаковъ взялъ длинную сопилку и началъ играть, другіи вторили ему пѣніемъ... Во время пѣнія къ нимъ подошли чумаки изъ другихъ партій и увеличили хоръ; мнѣ пріятнѣе было слушать ихъ пѣсни, чѣмъ разговоры о свободѣ“¹⁾.

¹⁾ Укажемъ, для справокъ этнографамъ, первые стихи пѣсенъ, какъ они приведены въ рассказѣ Яворскаго.

1) Jichaw Kozak za Dunaj.
Skazaw diwczyno proszaj.
Ty konju worony, nesy, nesy
Taj dumaj i t. d.

2) Oj ty Potocky, wojewodzky synu,
Zapropastywys Lityw, Polsczu i wsiu Ukrainu.
Dumka twoja buła, szczerob korolem staty.
Pojichawys do Ciercy pomocy szukaty.
Przyjde toj czas i taja hodyna
Zhycesz marne, wstacy synu, i twoja rodyna..

3) Atamanie, batku nasz,
Czem ne rado z Krymu jiesz,
Wsiech Kozakiw ne wededz,
Oj ja rado z Krymu idz.
Wsiech Kozakiw wyjdz,
Nestaje mizi odnoha
Kracz moho ryznycy, i t. d.

4) I szczyt i kade,
Przedy dworzyk idz.
A chciw mocz molojczy
Do domku zawieć

Яворскій не боится „разсмѣшить читателя“ и замѣчаетъ, что слыша пѣніе украинскихъ думъ этимъ чумацкимъ хоромъ и сравнивая его съ операми парижскихъ театровъ, онъ находитъ большую разницу: „у тѣхъ голоса выходятъ не только изъ устъ, но изъ сердца и души, а здѣсь они идутъ только изъ горла и притомъ за деньги; у тѣхъ пѣсни подѣйствуютъ на самую жесткую душу, здѣсь онѣ приводятъ только въ удивленіе“. Весь этотъ рассказъ, какъ и дальнѣйшія повѣствованія Яворскаго, сопровождаются убѣжденіями къ „испорченному шляхетству“, чтобы оно оставило свои старые пороки, выучилось признавать въ человѣкѣ человѣка и брата. „Вы заслужили проклятія,—говоритъ онъ,—подумайте о себѣ, исправьтесь, сдѣлайте, чтобы ваше слѣдующее поколѣніе не испытывало тѣхъ бѣдствій, виною которыхъ вы сами: полюбите хлопа братскимъ сердцемъ, измѣните для себя этого хлопа изъ мстителя за несправедливости, учиненныя ему вашимъ притѣсненіемъ, въ своего пріятеля, какъ равнаго въ Христѣ, своего стража, въ сосѣдствіи котораго вашъ сонъ будетъ спокоенъ“, и т. д. Онъ доходитъ до замѣчаній, весьма любопытныхъ. Онъ говорилъ выше, что было бы низостью искать освобожденія одной конгрессовой Польши безъ ея старыхъ украинскихъ земель; но въ другую минуту его одолеваетъ сомнѣніе, сѣмѣютъ ли понять поляки то отношеніе къ украинскому народу, какое онъ имъ желаетъ внушить: „съ печалью за родную землю и съ смертельною горестью я рѣшаюсь сказать: лучше будетъ *забыть о провинціяхъ*, которыя я воспѣваю, оставить въ нихъ народъ на жертву тираніи, отдать на пищу деспотизму шляхты и религію, чѣмъ поднимать этихъ людей на возстаніе за дѣло, имъ непонятное ¹⁾. Я хочу лучше, чтобы была хоть какая-нибудь Польша, чѣмъ не было бы совсѣмъ никакой; какъ полякъ, я хочу ея хоть какой-нибудь,

Odizwawsia Kozak na solodkim medu,
 Hulaj, hulaj, czorniawaia, ja do domu zawedu.
 Oу proszuż ja tebe, ne wedyż ty mene,
 Bo ja złoho muża maju, bude byty mene.
 Choc ja muża ne bojusia,
 Bo ja jomu pokorusia,
 A jak budu maty czas,
 To szcze wyjdu do was, i t. d.

- 5) Oу! Fortuno, fortune, czemuś taka nieprawdywa,
 Szczo ty o kozactwi, ta szczo ty o burliactwi ne po prawdi służyła.
 Jak wyidemo na mohyłu, a hlanemo u dolynu,
 Tam wsiuda Łaszeńky i piut i hulajut, nasz wsiuda beztalania
 Oу fortune, fortune, ta posłuży choc nemnoho.
 Zaky osidlaje Kozak molodenky konyczeńka woronoho i t. d.

¹⁾ То-есть, за возстановленіе королевства и свободу, только шляхетскую.

если уже иначе быть не можетъ; но какъ дитя богатой Украины, не перестану плакать о землѣ, которая меня выкормила. Потому что, я увѣренъ, что ежели эти провинціи будутъ забыты будущей революціей, онѣ уже никогда не будутъ въ однихъ границахъ съ Польшей. Не знаю, какъ далеко Польша проведетъ свою границу, отстранившись отъ своихъ дѣтей; отгадывать это трудно; скажу лучше, что я этого не знаю. Но могу безъ колебанія сказать, что въ этомъ случаѣ Польша никогда не будетъ укрѣплена съ востока: народъ этихъ провинцій, вѣроятно, сброситъ самъ ярмо своей неволи и станетъ отдѣльнымъ независимымъ государствомъ и, можетъ быть, расширить свои границы далеко на востокъ, съ кличемъ по-истинѣ евангельскимъ: Богу только извѣстно его будущее. Онъ не будетъ докучать Польшѣ, потому что въ немъ много чести; онъ не унижится до того ничтожества, чтобы нападать на чужія границы, потому что съ просвѣщеніемъ будетъ имѣть много благородства; но вѣрно и то, что онъ не будетъ препятствовать непріятелямъ съ сѣвера цинпать ту, которая для однихъ была матерью, а для другихъ оказалась мачихой. Насколько я, какъ полякъ, бѣдный изгнанникъ, желаю сколько можно скорого возстанія народа для общей будущей революціи, настолько я считалъ бы за преступленіе утаить или фальшиво передавать мой рассказъ“.

Приводимъ еще одну подробность. „Ахъ, — восклицаетъ онъ по поводу воспоминанія о степной встрѣчѣ, —еслибы я теперь могъ, по крайней мѣрѣ, слышать слова этого несчастнаго народа, стремящагося къ свободѣ, я поглощалъ бы ихъ въ свою грудь, какъ узникъ, посаженный глубоко въ сырой и мрачной тюрьмѣ, поглощаетъ струю чистаго воздуха, которую вѣтеръ изъ сожалѣнія заноситъ къ нему сквозь маленькое оконце; я не лежалъ бы на своей удобной, хоть и дорожной, постели, я выскочилъ бы изъ нея и, конечно, былъ бы у костра; но въ ту минуту, разговоръ чумаковъ мнѣ наскучалъ, приводилъ въ нетерпѣніе, даже раздражалъ меня и отнималъ сонъ, что они вздыхаютъ о свободѣ, а я о наживѣ изъ чужого труда и изъ вѣчной неволи хлопа“. „Во всей Польшѣ, — дѣлаетъ онъ здѣсь радомъ любопытное признаніе, —нигдѣ не было такъ хорошо для пановъ, какъ въ провинціяхъ подъ московскимъ деспотизмомъ (1). Жизнь и смерть хлопа были въ рукахъ помѣщика или поссессора; московская власть смотрѣла на это сквозь пальцы, хотѣла и знала, что чѣмъ больше панъ будетъ имѣть самовольства угнетать хлопа, тѣмъ больше будетъ увеличиваться жадность, а хлопу тѣмъ больше будетъ ненавидѣть пана; потому что на этомъ московская власть основала всю свою силу господства надъ заграбленными провинціями... Теперь она уже не боится шляхты, считаетъ ее за пухъ... найдите же способъ спа-

иться съ народомъ, говорить съ чумаками; хватайте и поглощайте къ слова, потому что это будутъ слова спасенія человѣчности“.

Далѣе, бѣдный авторъ разбираетъ еще другіе вопросы, напр.: готовъ ли до повстанія украинскій народъ? „будущность Польши послѣ революціи“. Онъ пишетъ: „Катехизисъ для дѣтей сельскаго народа“; свои воспоминанія о возстаніи 1830 года; стихотвореніе на белорусскомъ языкѣ подъ названіемъ: „Голосъ народа взываетъ о примиреніи“; составляетъ, со всѣми цифровыми подробностями, разсчетъ сельскаго хозяйства „въ двухъ эпохахъ“: первый, въ 1830 г., съ барщиной и неволей“, а другой, „когда сгинетъ совѣмъ рабское слово: крѣпостной“ и когда хозяйство пойдетъ „во имя Отца и Сына и Святаго Духа, безъ угнетенія, слезъ, пота, крови и пролитій ближняго“...

Таково содержаніе книжки. Ошибки Яворскаго понятны сами собой, но книжка любопытна, какъ оригинальный образчикъ мыслей, возникшихъ въ толпѣ эмиграціи, въ людяхъ, которые по своимъ занятіямъ стояли близко къ народу. Яворскій заблуждался, воображая, что Украина пойдетъ за польскимъ возстаніемъ, но онъ вѣрно понялъ положеніе вещей въ данную минуту, призналъ, что украинецъ ненавидитъ своего польскаго пана, что теперь между ними нѣтъ ничего общаго и единственный путь для какого-нибудь примиренія былъ бы освобожденіе крестьянъ. Это освобожденіе онъ понялъ не совѣмъ ясно, но мысль засѣла въ немъ крѣпко, и для исправленія отношеній онъ считаетъ необходимымъ для всей шляхты такое же раскаяніе въ прошедшемъ, какое испытывалъ самъ. Замѣчено было, что появленіе польско-украинской школы, о которой говорили мы прежде, было своего рода атеизмомъ, отголоскомъ въ потомствѣ давнихъ его предковъ, не заглушеннымъ еще остаткомъ старой родовой стихіи. Надъ этой стихіей налегли цѣлыя слои новыхъ историческихъ отношеній, которые ее извратили, почти уничтожили; но, быть можетъ, именно ея слѣды остались и въ сочувствіяхъ Яворскаго къ этимъ „гордымъ“ чумакамъ, въ разговорахъ и поэзіи, въ тѣхъ увѣщаніяхъ о братской любви, съ которыми онъ обращается къ своимъ землякамъ и товарищамъ по изгнанію ¹⁾.

Читателю можетъ показаться неправдой, когда Яворскій рассказываетъ, будто народъ на Украинѣ съ сожалѣніемъ говорить о „лидскихъ часахъ“, т.-е. о польскомъ времени. Это объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что съ польскими временами авторъ отождествляетъ отчасти времена „атаманскія“, т.-е. времена гетманщины, которые,

¹⁾ Параллельные Яворскому факты эмиграціонной литературы указываетъ еще Дашкевичъ (XXIX Отчетъ, стр. 181 и дал.).

ГЛАВА IX.

... были особенно легки для народа, но были ... управления, безъ виѣшательства русской бюрократической власти, въ призываніи самого поляка Яворскаго, польскій панъ, жившій очень хорошо подъ наступившимъ съ русскимъ владычествомъ, которое крѣпко охранялось зрестьянами; но передъ тѣмъ, гораздо менѣе ... власти надъ крестьянами, паны, чтобы удерживать ихъ на земляхъ, предотвратили побѣги на Запорожье и ... уманьская рѣзня, давали крестьянамъ различныя льготы и прекратили, какъ только надобность въ нихъ ... виѣшательствомъ русской власти¹⁾. Черезъ тридцать ... во второмъ и третьемъ десятилѣтіи нашего вѣка ... относятся воспоминанія Яворскаго, еще могла бытъ ... объ этихъ льготахъ „польскаго времени“. Яворскій ... замѣтитъ фактъ, но не умѣлъ правильно объяснить собственное изображеніе современныхъ ему польскихъ ... противорѣчить разсказу о благахъ стараго польскаго ... почему паны не остались бы и теперь такими же, какими ... прежде?

... его записки представляютъ весьма любопытный ... исторіи польско-малорусскихъ отношеній: очевидно, мы

... въ изслѣдованіи г. Антоновича „О крестьянахъ юго-западной ... 1700—1799 годовъ“. Въ 1792 году, — говоритъ г. Антоновичъ, — ... началъ обратились къ возвращенію Россіи и шляхетскій порядокъ долженъ былъ ... формы юридическаго и общественнаго строя. Въ первое время ... формы эти были не только не враждебны идеалу помѣщичьихъ отношеній, ... стремилась шляхта, но, напротивъ того, въ разительной степени, ... осуществленіе. Шляхтычи гоняли, правда, юридическую власть надъ ... пространству въ Рѣчи Посполитой до „права меча“, но за то экономическое господство было имѣли признано закономъ и могло опереться на ... административную администрацію и на прочную власть, которою въ Россіи об ... которой и тѣни не представлялось въ Рѣчи Посполитой. Хитрость ... отношеніи къ крестьянамъ сдѣлались лишни — явились средства удерживать ихъ, обращаясь къ администраціи, а не къ льготамъ и привилегіямъ, какъ прежде. Потому послѣ 1792 г. значительно ослабѣваетъ, а чрезъ ... 1796 г. и совсѣмъ прекращается раздача земель крестьянамъ; ... помѣщики собирать старые данные или дарственные записки и по ... крестьянъ легки. Въ староствахъ, поступившихъ въ частное ... на посылку, собственность утверждалась болѣе прочно, ... перѣзку къ переносу жителей изъбли селами и мѣстечками на ... шляхты, для того, чтобы раздѣлить ихъ селамъ и уничтожить еское ... на шляхты, сдѣлавъ на покровительство, оказанное ... шляхты, намоетъ шляхты, что сопротивлявшійся народъ и ... „Сравненіе двухъ экспедицій“, Чубинскаго, т. VII, вып. I.

иѣмъ передъ собою одно изъ первыхъ проявленій того направленія, начало котораго относятъ обыкновенно къ болѣе позднему времени и которое извѣстно подъ именемъ хлопоманіи.

Именемъ „хлопоманіи“ польскіе и русскіе публицисты начала шестидесятыхъ годовъ обозначали извѣстное демократическое стремленіе одной части польскаго (молодого) общества въ пользу сближенія съ малорусскимъ народомъ. Это былъ канунъ послѣдняго возстанія, когда въ польскомъ обществѣ шло сильное волненіе, исходившее изъ разныхъ историческихъ и политическихъ источниковъ, одушевляемое весьма различными общественными настроеніями, которыя сливались, но также сталкивались и боролись наканунѣ и во время самого возстанія. Хлопоманія была однимъ изъ такихъ настроеній, которое особенно бросалось въ глаза, какъ нѣчто раньше не бывалое. Господствующій тонъ новаго революціоннаго движенія былъ въ сущности тотъ же, какъ и прежде: мысли прежде всего были направлены на политическую задачу—на возстановленіе Польши въ ея старыхъ предѣлахъ, причемъ главной заботой было сверженіе русскаго ига, какъ-то забывалось иго прусское и австрійское, и гораздо меньше полагалось заботы о внутреннемъ социальномъ вопросѣ. „Польша, Литва (и тутъ же Бѣлоруссія) и Русь (т.-е. Малороссія)“ представлялись такъ, какъ будто съ XVII-го столѣтія не произошло никакой перемѣны во внутреннемъ положеніи земель, какъ будто (не говоря о западномъ краѣ, гдѣ мѣстное народное сознаніе было слабо) въ Малороссіи не возникло народное движеніе, которое имѣло уже свои краснорѣчивыя выраженія. Время оказывало однако свое вліяніе въ самомъ польскомъ обществѣ, при всемъ его упорномъ консерватизмѣ, и однимъ изъ такихъ новыхъ фактовъ была хлопоманія.

Она встрѣчена была довольно непріязненно съ своей польской стороны и совершенно непріязненно со стороны русской. Для польскаго большинства было слишкомъ необычно это желаніе сближаться съ народомъ, который все-таки представлялся всего чаще въ образѣ хлопа, такъ долго презираемаго или осуждаемаго на одно повиненіе. Польской „демократіи“ всегда было чрезвычайно трудно перешагнуть ту грань, на которой оканчивался шляхтичъ и начинался хлѣбъ; „народъ“, о которомъ она такъ много говорила, въ огромномъ большинствѣ случаевъ понимался именно какъ народъ шляхетскій, и если, наконецъ, было нужно представить себѣ настоящее народное единство въ смыслѣ демократіи, объединеніе двухъ общественныхъ полюсовъ предполагалось не простымъ сближеніемъ высшаго класса съ низшимъ, не реальнымъ участіемъ перваго въ интересамъ по-

слѣднаго (и ни въ какомъ случаѣ не подчиненіемъ привилегій высшаго класса, интеллигенціи, интересамъ массы, какъ въ нашемъ народничествѣ), а предполагавшимся превращеніемъ всего народа въ шляхту, что при извѣстномъ понятіи о шляхтѣ было или невозможно или оставалось игрой словъ. Съ русской стороны, польская хлопоманія была понята еще менѣе. Когда наша публицистика въ началѣ 60-хъ годовъ поставила польскій вопросъ предметомъ своихъ разсужденій, она считала излишнимъ всматриваться въ явленія польской жизни и въ польско-малорусскія отношенія, и на все давала одно готовое объясненіе: „польская интрига“. Какъ можетъ цѣлое обширное общество разныхъ мѣстныхъ условій, разной степени образованія, разныхъ сословныхъ и личныхъ стремленій, смѣшаться въ одной всеобщей интригѣ; какъ эта интрига стремилась иногда къ совсѣмъ разнымъ цѣлямъ — объ этомъ не стоило толковать: „интрига“ объясняла все, и для большой доли общества, ничего не знающей о дѣйствительныхъ отношеніяхъ и ни о чемъ не привыкшей думать, это объясненіе пришлось совершенно въ пору. Мы видѣли, что этотъ способъ объясненія привился и у писателей галицко-русскихъ, считавшихъ нужнымъ вторить тому, что они считали самымъ русскимъ... Хлопоманія была также объяснена какъ нѣтъ интриги: это былъ преднамѣренный обманъ, имѣвшій цѣлью завлечь въ польскій мятежъ, если не малорусскій народъ (это, кажется, и нашимъ политикамъ представлялось мало вѣроятнымъ), то извѣстную часть украинскаго общества или молодежи, заразившейся либерализмомъ. Интрига не удалась, но и не осталась совсѣмъ безъ результата, и по взгляду, который настойчиво проводили извѣстные дѣятели нашей „политической прессы“, этимъ результатомъ было украинофильство. Напрасно тогдашніе украинофилы (Костомаровъ и его кружокъ) категорически заявляли о полной противоположности народныхъ и общественныхъ интересовъ малорусскихъ и польскихъ; напрасно самые факты противорѣчили отождествленію украинофильства съ польской хлопоманіей, наши политики нашли благодарный сюжетъ въ украинскомъ сепаратизмѣ, толками о которомъ желали заявлять (и не безъ успѣха) свой патріотизмъ. Между тѣмъ и другимъ было лишь одно внѣшнее сходство въ интересѣ къ народу, но внутреннія основанія были непримиримы; малорусская литература положила много труда именно на то, чтобы доказать историческую несовмѣстимость двухъ племенныхъ стихій, все время политическаго сожителства которыхъ было занято упорной борьбой.

Въ дѣйствительности хлопоманія не была какимъ-нибудь внезапнымъ явленіемъ, намѣренно придуманной тенденціей на извѣстный случай — въ ту минуту на потребу польскаго возстанія. Это былъ

результатъ броженія, уже десятки лѣтъ совершавшагося въ польскомъ обществѣ и литературѣ. Нѣкогда западно-русскія и южно-русскія земли составляли огромную долю Рѣчи Посполитой; украинскіе поляки были въ огромномъ большинствѣ вчерашніе русскіе (т.-е. малоруссы), и еще въ концѣ прошлаго вѣка въ юго-западномъ краѣ было много помѣщиковъ русскихъ и православныхъ (они ополчились уже подъ русскимъ владычествомъ). При всемъ господствѣ польскаго элемента эти ополчившіеся русскіе были въ особомъ положеніи, окруженные русской народной стихіей и въ самихъ себѣ не совсѣмъ ее потерявшіе. Поэтому и были возможны тѣ возвраты къ прошлой національности, какіе выразились въ украинской школѣ польской поэзіи и въ тѣхъ промежуточныхъ ея произведеніяхъ, какими представляются пѣсни и „думки“ Тимка Падуры и его подражателей. Украинская школа была весьма многолюдна; кромѣ поэтовъ, крупныхъ и мелкихъ, она имѣла длинный рядъ повѣствователей, историковъ и этнографовъ, и наконецъ партизановъ въ эмиграціи, какъ Яворскій. Очевидно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ широкимъ общественнымъ интересомъ, быть можетъ, слабо сознаваемымъ и всѣхъ требованій котораго не въ силахъ были понять его первые представители, но корень котораго лежалъ въ реальной связи двухъ племенъ, старой политической и соціальной. Исторически, связь эта была не нормальна; съ польской стороны это инстинктивно чувствовали и стремились загладить исторіографическими и поэтическими софизмами: можно было ждать, что когда-нибудь эта ненормальность предстанетъ предъ людьми искреннихъ убѣжденій во всемъ своемъ объемѣ и потребуетъ для своего примиренія не софизмовъ и палативовъ, а ясныхъ рѣшеній. Хлопоманія была одной изъ попытокъ такого рѣшенія.

Исторія этого движенія, какъ мы замѣчали, еще не написана. Нѣкоторый опытъ ея сдѣланъ въ VII-мъ томѣ „Трудовъ Экспедиціи“ Чубинскаго, откуда мы приведемъ нѣсколько указаній.

Со времени окончательнаго присоединенія юго-западнаго края къ Россіи (этому нѣтъ еще и ста лѣтъ), польское дворянство этого края зажило спокойнѣе, чѣмъ бывало при Рѣчи Посполитой. Польская жизнь въ ея старомъ помѣщичьемъ складѣ шла безпрепятственно, обеспеченная прочною правительственной поддержкой крѣпостного права; во раздѣлы Польши оставили впечатлѣніе насилія надъ національностью; поляки издавна смотрѣли высокомерно на русское „barbarstwo“ и мечтали о восстановленіи своего государства; единственные представители общества, имѣвшіе голосъ, были паны и магнаты и понятно, что всѣ мысли о будущей освобожденной Польшѣ настроены были въ аристократическомъ духѣ.

„Праздная жизнь, хотя и исполненная ви́шняго блеска, все-таки не могла удовлетворить пановъ, — говоритъ авторъ статьи о нравахъ и обычаяхъ поляковъ въ юго-западномъ краѣ, въ „Трудахъ Экспедиціи“ Чубинскаго:—историческія традиціи, политическій мистицизмъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и вліяніе значительно польской эмиграціи, поддерживали въ панствѣ политическую мечтательность, воздыханія о прошломъ, хотя въ сущности въ томъ прошломъ они далеко не такъ благоденствовали. Въ ихъ воображеніи прошедшее Польши представлялось только съ привлекательной стороны, какъ эпоха шляхетской свободы, потому что обстоятельныя знанія исторіи не было. Это обстоятельство вело къ тому, что политическіе агитаторы находили сочувствіе и адептовъ среди пановъ“¹⁾.

До послѣдняго возстанія политическіе идеалы польскаго общества были исключительно аристократическіе. Польскія движенія съ другими мотивами, какъ, напр., въ герцогствѣ познанскомъ, не были популярны въ массѣ шляхты, особливо въ юго-западномъ краѣ; здѣсь не было популярно и движеніе эпохи Конарскаго, пропаганду котораго характеризуютъ какъ ловкую комбинацію старо-шляхетскихъ теорій съ новыми демократическими; тѣмъ не менѣе и въ этомъ повидимому, такъ строго опредѣленномъ польскомъ обществѣ юго-западнаго края являются проблески движенія въ демократическомъ направленіи. Къ тому, что совершалось въ литературѣ въ произведеніяхъ украинской школы, является параллель въ самой общественной жизни. Какъ бы мы ни смотрѣли на эту школу, — будемъ ли видѣть въ ней одну праздную забаву пановъ, заигрывавшихъ съ малорусской народностью, или увидимъ въ ней нѣчто болѣе серьезное, — въ обоихъ случаяхъ ея широкое распространеніе указывало, что шляхетское общество тѣмъ-то не удовлетворялось въ своемъ исключительномъ положеніи, какъ будто тяготилось своимъ отдѣленіемъ отъ окружающей среды и хотѣло какого-то приближенія къ народу. Въ самыхъ нравахъ является какой-то смутный протестъ противъ свѣтскаго аристократизма, выразившійся въ такъ-называемо балагульщинѣ и козакофильствѣ. Балагульство отличалось намѣреніемъ грубыми нравами, кутежами, панибратствомъ съ крестьянами (что и мѣшало имъ хуже другихъ помѣщиковъ обращаться съ своими крѣпостными), оригинальной, иногда по простонародному испачканною одеждой и т. п. Оно было порожденіемъ той же панской праздности по вмѣстѣ и какимъ-то мнимо-демократическимъ нарушеніемъ панскаго быта, нравовъ и приличій. Это явленіе было настолько распро-

¹⁾ Труды Экспедиціи, т. VII, вып. I, стр. 246.

странено, что обратило на себя вниманіе литературы. Одни, какъ Чайковскій и Генрихъ Ржевускій, безпощадно осуждали балагульство; другіе относились къ нему сочувственно, предполагая въ немъ возрожденіе козачества въ польско-католической формѣ, и въ его спартанскихъ привычкахъ—воспитаніе для возстанія. Вліяніе произведеній украинской школы придало этому движенію иной характеръ: оно сдѣлалось менѣе циническимъ, получаетъ политическій оттѣнокъ и въ этой формѣ находитъ подражателей въ кругу болѣе образованной молодежи.

Выше упомянуто, какъ выражалось козакофильство въ польской поэзіи, которая рисовала „гордаго“, но не столько настоящаго, сколько балетнаго козака, который отдѣлялся отъ холопской дворни, но былъ въ сущности ея лучшимъ украшеніемъ (въ глазахъ и самого поэта, и его читателей), козака, отличающагося необыкновеннымъ удалствомъ, „дивой свободой“ и другими поэтическими качествами, словомъ, степного героя, — только принадлежащаго неизвѣстно какому народу и какой вѣрѣ, и неизвѣстно какимъ образомъ существующаго. Поэзія, путемъ умолчаній, кое-какъ прилаживала этого козака къ польскому быту, заставляя предполагать, что чуть ли не все козачество было „надворное“, находившееся въ услугахъ пана; теперь дѣлались попытки завести на практикѣ подобное козачество. Такъ оказалъ себя упомянутый раньше Вацлавъ Ржевускій, который окружилъ себя самодѣльнымъ дворовымъ козачествомъ и у котораго глѣз свои ад-хоп сочиненныя пѣсни Тимко Падура. Въ 1830 году отрядъ волынскихъ инсургентовъ, подъ предводительствомъ Ружицкаго, имѣлъ козацкій характеръ. Извѣстный писатель Чайковскій, послѣ неудачи возстанія 1830 года, обратившись въ магометанство подъ именемъ Садыкъ-паши, устроилъ въ Турціи нѣчто въ родѣ Запорожской Сѣчи изъ разнаго сброда... Въ самомъ обществѣ пошла мода на козачество: Вацлава Ржевускаго и его рапсода Падуру съ удовольствіемъ принимало украинско-польское магнатство, Потоцкіе, Сангушки и пр. Польскія дамы любили наряжаться въ малорусскіе костюмы. Дошло до того, что польско-шляхетскіе патріоты подозрѣвали даже въ этомъ украинскій сепаратизмъ и обращались съ угрозами къ одному изъ корифеевъ козакофильства, хотя этотъ корифей самъ принималъ участіе въ возстаніи 1830—1831 года ¹⁾).

Интересъ къ козачеству изъ области фантазіи переходить, наконецъ, и въ болѣе серьезныя изслѣдованія по мѣстной исторіи и этнографіи. Начиная съ той школы, какую мы указывали въ Галиціи съ

¹⁾ Труды Экспедиціи, т. VII, стр. 256. См. также: „Мих. Чайковскій и козакофильство“, въ К. Старинѣ, 1886, кн. 4-я, и г. Дашкевича (XXIX отчетъ).

30-х годовъ, съ Бѣлевскаго, Сѣменьскаго, Туровскаго, Дзѣдушицкаго, идетъ и въ нашемъ юго-западномъ краѣ рядъ изслѣдователей по южнорусско-польской старинѣ и этнографіи, какъ Грабовскій, Марчинскій, Пржездзецкій, Стецкій, Оскаръ Кольбергъ, Новосельскій (Марцинковский), Руликовский и др. Съ конца 50-хъ годовъ, поляки начинаютъ знакомиться ближе съ новѣйшей литературой малорусской, является въ польскихъ переводахъ Шевченко (самъ поэтъ во время своей ссылки, въ концѣ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ, сближается въ дружескія отношенія съ сосланными поляками, поэтъ Желиговскимъ, Брониславомъ Залѣскимъ).

Около этого времени въ кружкахъ образованной молодежи возникаетъ, какъ протестъ противъ балагульства и козакофильства, новый кружокъ, такъ-называвшихся „пуристовъ“, который ставилъ себѣ задачей серьезное отношеніе къ наукѣ, строгую нравственность и философское направленіе и, кажется, съ сильнымъ консервативнымъ оттѣнкомъ. Этотъ кружокъ, какъ говорятъ, удержался недолго, но содѣйствовалъ тому, что народно-политическій вопросъ въ польскомъ обществѣ юго-западнаго края поставленъ былъ болѣе ясно. Его вліянію приписываютъ, съ одной стороны, то, что въ литературѣ явилось болѣе или менѣе рѣзкое отрицаніе господствующихъ нравовъ, а съ другой,—что прежнее натянутое козакофильство превращается въ гораздо болѣе опредѣленную хлопоманію, которая уже рѣзко расходилась съ старымъ шляхетскимъ преданіемъ, а потому и была осуждаема аристократическимъ кругомъ.

„Хлопоманія,—говоритъ авторъ статьи въ „Трудахъ Экспедиціи“, —отличалась демократическимъ характеромъ. Панскій аристократизмъ и историческія традиціи хлопоманы осмѣивали... Хлопоманы признавали историческія неправды Польши по отношенію къ Украинѣ; они признавали, что народъ—не „быдло“, что нужно уважать его личность, заботиться о его образованіи на его языкѣ (но алфавитъ долженъ быть принятъ польскій). Они признавали необходимость религіозной терпимости и немедленнаго освобожденія крестьянъ. Существованіе этой немногочисленной партіи было непродолжительнымъ. За выдѣленіемъ изъ нея самыхъ лучшихъ передовыхъ людей, примкнувшихъ активно или пассивно къ общерусскому движенію начала 60-хъ годовъ, остальные были поглощены приготавливавшимся политическимъ польскимъ движеніемъ“¹⁾.

Нѣкоторые, хотя немногіе изъ польскихъ хлопомановъ, допускали даже употребленіе русскаго алфавита, отступая отъ давнишней польской теоріи, что для малорусскаго языка, въ качествѣ „польскаго

¹⁾ Тамъ же, стр. 248.

нарѣчія“, должна употребляться латинская азбука. „Изъ-за этого бывали ожесточенные споры, которые въ самомъ началѣ возникновенія хлопоманства обозначали уже собою двѣ противоположныя его группы: болѣе и менѣе искреннихъ и послѣдовательныхъ хлопомановъ, что не замедлило выразиться вскорѣ въ поразившемъ польскій міръ расколѣ въ самой средѣ хлопоманства; этотъ расколъ, однако, много надѣлалъ шуму, но ни къ чему не привелъ; маленькій кружокъ выдѣлившись украинфиловъ вскорѣ сталъ рѣдѣть и, рѣшившись применить къ русскимъ, не досчитался почти всѣхъ своихъ членовъ, за исключеніемъ развѣ двухъ, трехъ православныхъ и только одного, неизмѣримо возвысившагося умственно и нравственно надъ своимъ обществомъ католика“.

Въ одно время съ польской хлопоманіей развилось и русское украинфильство. Какъ выше замѣчено, у насъ хотѣли смѣшать два эти направленія, утверждая, что украинфилы и хлопоманы одно и то же, одинакіе исполнители „польской интриги“ и враги русскаго государства. Не знаемъ, дѣлалось ли это по незнанію или съ намѣренной цѣлью,—чтобы именемъ польской интриги оклеветать тотъ мѣстный патріотизмъ, который самъ по себѣ былъ непріятенъ публицистамъ извѣстнаго закала какъ проявленіе общественной самостоятельности. Въ дѣйствительности, хлопоманія и украинфильство имѣли лишь одинъ общій объектъ—малорусскій народъ, но смотрѣли на него различно, исходили изъ разныхъ источниковъ и по различію внутренняго содержанія не могли быть тождественны. „Часто,—замѣчаетъ авторъ той же статьи въ „Трудахъ Экспедиціи“, говоря о тѣхъ временахъ,—хлопомановъ и украинфиловъ смѣшивали въ понятіяхъ, такъ какъ тѣ и другіе носили малорусскій костюмъ. Но между ними была громадная разница. Русскіе украинфилы не были сепаратистами: любя свою народность, они не думали объ отторженіи отъ Россіи; они сознавали необходимость связи; всѣ ихъ мечты ограничивались стремленіемъ къ развитію малорусской литературы и изданіемъ для народа популярныхъ книгъ на малорусскомъ языкѣ, съ цѣлью успѣшнѣйшаго распространенія знаній въ народѣ. Польскіе хлопоманы мечтали о соединеніи Украины съ Польшей, не ограничивая своихъ претензій Днѣпромъ, какъ этого хотѣла аристократія, выразившая свои желанія въ извѣстномъ адресѣ подольскихъ дворянъ. Украинфилы и польскіе хлопоманы относились другъ къ другу враждебно. Украинфилы раздѣляли чувства народа по отношенію къ Польшѣ, и ихъ не могли привлечь обѣщанія польской молодежи—обезпечить, по присоединеніи Украйны къ Польшѣ, свободу православія и малорусскаго языка. Украинфиловъ эти предложенія оскорбляли. Имъ казалось дикимъ, что горсть поляковъ, представ-

ляющая собою привилегированный классъ, позволяетъ себѣ распоряжаться судьбою края, населеннаго русскимъ народомъ. Затѣмъ украинофилы, воспитанные на русской литературѣ, обязанные ей своимъ развитіемъ, не могли раздѣлять воззрѣній польской молодежи на эту литературу. Вслѣдствіе этого, взаимное раздраженіе доходило до крайности. Въ кіевскомъ университетѣ, послѣ манифестаціи, произведенной польской молодежью въ стѣнахъ университета, малороссы и русскіе подали протестъ попечителю и составили даже корпорацію для огражденія университета отъ господства польскихъ политическихъ тенденцій. Это былъ первый протестъ въ видѣ адреса противъ польскихъ притязаній¹⁾.

Собственно говоря, русское украинофильство родилось гораздо раньше 50-хъ и 60-хъ годовъ. Оно было послѣдовательнымъ продолженіемъ давно возникшаго движенія, которое выразилось развитіемъ новѣйшей малорусской литературы и еще съ конца прошлаго вѣка усиленно направилось на обработку народнаго языка для книги, обновленіе историческихъ преданій и на защиту племенного малорусскаго интереса отъ польскихъ притязаній. Если это настроеніе особливо оживилось со второй половины 50-хъ годовъ, причиной этому было только то, что именно въ это время для цѣлаго русскаго общества наступила пора болѣе свободной дѣятельности, какъ въ это самое время были амнистированы и получили возможность снова дѣйствовать главные представители прежней литературы въ 40-хъ годахъ: Шевченко, Костомаровъ, Кулишъ, а за ними выступили дѣятели новаго поколѣнія, отчасти слѣдовавшіе за ними, отчасти образовавшіеся независимо подъ вліяніями обще-русскими и въ оппозицію польско-украинскимъ тенденціямъ. Теперь украинофильство только яснѣе выразило свое содержаніе, а основы его были не новы. Съ другой стороны, польская хлопomanія была любопытнымъ результатомъ также давно начавшагося, въ чисто польской средѣ, стремленія понять народный вопросъ юго-западнаго края и представила не малую степень этого пониманія; хлопomanія, не сочувственная для старо-шляхетской партіи, была въ дѣйствительности отказомъ отъ существенныхъ догматовъ этой партіи и именно сознаніемъ исторической несправедливости, которая совершалась Польшею относительно юго-западнаго края. Въ хлопomanіи польско-шляхетское общество, начавши съ романтическаго козакофильства, сначала, повидимому, столь бесполезно невиннаго, пришло къ такому пункту, за которымъ, идя послѣдовательно, надо было отказаться совсѣмъ отъ польскаго традиціоннаго идеала, а затѣмъ и отъ практическаго при-

---

¹⁾ Тамъ же, стр. 248—249.

тязанія на господство въ южно-русскомъ краѣ. По мнѣнію украино-филовъ, единственнымъ исходомъ изъ этого запутаннаго положенія было бы ассимилированіе польскаго шляхетства съ русскимъ населеніемъ юго-западнаго края ¹⁾.

Что вопросъ именно таковъ, можно видѣть по различнымъ фактамъ въ средѣ самого польскаго козакофильства и украино-польской литературы. Мысль такого рода бродила въ 40-хъ г. у Яворскаго въ эмиграціи; нѣкоторые изъ польскихъ хлопомановъ стали прямо украинофилами, отказавшись отъ польскаго элемента своихъ стремленій. Въ примѣръ того, какъ даже прежнее романтическое козакофильство приводило само собой къ раздвоенію польской идеи, приводимъ замѣчаніе о Чайковскомъ, который, въ прежнюю его пору, былъ всего менѣе расположенъ отрекаться отъ служенія польской традиціи. „На Чайковскомъ можно отчасти видѣть, какъ то, какія во всякомъ случаѣ добрыя зерна заключало въ себѣ даже шляхетско-польское козакофильство, такъ и то, что за сундуръ и винограетъ представляло оно, благодаря незнакомству съ реальною исторіею козачества и страха передъ тѣмъ, чтобъ узнать ее такою, какою она была,—потому что тогда пришлось бы отречься отъ польскаго патріотизма. Польско-украинскій писатель, Чайковскій, составилъ въ своемъ умѣ фантастическое понятіе о козацкой націи отъ Дуная до Урала, и задумалъ восстановленіе союза съ Польшею козаковъ не только малорусскихъ, но и уральскихъ. Расширивши такъ область своихъ симпатій, Чайковскій долженъ былъ выдти изъ области католицизма, сталъ говорить симпатично и о великоруссахъ, о православнѣ, о славянщинѣ, —и въ то же время сталъ магометаниномъ, Садыкъ-пашою. Всю жизнь свою Чайковскій хлопоталъ объ обращеніи козацкой традиціи на службу Польшѣ, о постановленіи Польши во главѣ славянщины, а между тѣмъ польскіе націоналы-централисты боялись козачества, какъ демократическаго элемента, боялись украинофильства и славянофильства, какъ федерализма. Одно изъ послѣднихъ произведеній Чайковскаго „Nemolaka“ ²⁾),—въ которомъ свойственнымъ этому писателю образомъ перемѣшаны черты дѣйствительности съ вымыслами, крайне несообразными,—полно раздраженія противъ поляковъ, которые, во время войны, сидятъ за печкою и поютъ съ іезуитами вслѣдъ: спаси насъ Господи, отъ славянщины, отъ козаччины, отъ новаго Богдана Хмельницкаго“ ³⁾)).—Чайковскій кончилъ тѣмъ, что

¹⁾ Сравни ст. „Евреи и поляки въ юго-западномъ краѣ“, Вѣсти. Евр., 1875, іюль, стр. 146—160.

²⁾ Biblioteka Pismgu polakich, t. 65, Lipsk, 1873.

³⁾ „Вѣстникъ Европы“, тамъ же, стр. 153.

писаль „Байки“, 1864, драматическія
галицко-русскихъ критиковъ, всѣ его
сочиненія „рѣдкою у галичанъ“ чи-
тательскою окраскою ¹⁾. Галицко-
язычныя называются о Свенципкомъ

...у насъ подъ руками, оста-
...ло“, который выходилъ подъ
...повѣсти все еще сохраняють
...манеру польской украинской школы,
...произведенія предшествовавшихъ писателей
...простотой украинскихъ сочувствій. Во
...кого сохранился, вѣроятно, именно образчикъ хло-
...ной изъ Кіева. Довольно ознакомиться съ ними, что-
...вищу хлопоманіи и украинофильства. Хлопоманъ отли-
...омнѣнной любовью къ той Украинѣ, которая есть его соб-
...и родина; несмотря на свое польское и (крупное или мелкое)
...етское происхожденіе, онъ привязался къ малорусскому народ-
...большинству Украины, въ чемъ участвуетъ и сознаніе социаль-
...ой несправедливости Польши относительно малорусскаго народа. Но
...дѣсь же хлопоманъ вступалъ на то перепутье, гдѣ онъ или уразу-
...иеть вполне эти отношенія и превратится въ украинофила, или,
...е желая поступиться старыми предубѣжденіями, разойдется съ
...укаинофильствомъ. Свенцицкій при всѣхъ его сочувствіяхъ къ
...укаинскому народу остался полякомъ. Приводимъ нѣсколько образ-
...чковъ изъ его журнала. Въ предисловіи мы находимъ слѣдующую
profession de foi хлопомана.

¹⁾ Чистота языка объясняется тѣмъ, что Свенцицкій узналъ русскій (малорусскій) языкъ не въ Галичинѣ, гдѣ онъ въ книжномъ употребленіи обыкновенно грубо каломанъ, а въ русской Украинѣ, гдѣ книжное употребленіе этого языка шло до наибольшаго возможнаго изящества.

²⁾ Сж. галицко-руський журнал "Правда, письмо літературно-політичне", 1876, пр. 674 — 675; "Ілюстрований календарь товариства Просвіта" на 1886 г., Львів, 1885, стр. 15—16. "Правда" говорила о немъ такъ: „Предчасна смерть идеи намъ заскоро надійного писателя, а идея широ братерської згоди між Русками и Полками и спільного, хоч через те все самостійного, ділання обохъ націй втерла світлого и широкого заступника. Вість о его сконі розбудила ширій ниль ніж нашою громадою“. Просвіта, „щобы дати виразъ великому, пошанованю зъ горни Русиниовъ для вельми заслуженого покойника и такожъ руского писателя“, впродовжъ его „Степныхъ повѣстей“ розказъ: „Гюльнара“, изъ старихъ воцацкихъ вѣсткъ.

^{*)} *Sioto. Pismo zbiorowe, poświęcone rzeczom ludowym ukraińsko-ruskim. Lwów. Nakładem Kornela Pillera, 1866. Четыре небольших книги.*

„Намъ кажется излишнимъ пускаться въ доказательства того, существуетъ ли, рядомъ съ народностью польской и московской, еще третья, украинская или русская народность ¹⁾? Потому что дѣло говорить само за себя: на пространствѣ отъ Балтики до Чернаго моря, отъ Кавказа и за Карпаты, мы видимъ 15-милліонный народъ, говорящій однимъ языкомъ, имѣющій одни нравы и обычаи, ведѣтъ вѣрный своимъ преданіямъ и живущій одною надеждою. Намъ поражаетъ поэтичность этого народа; домашнія добродѣтели, которыми онъ блистаетъ, внушаютъ къ нему уваженіе; среди этого народа мы живемъ съ давнихъ вѣковъ; ни себя отъ него, ни его отъ насъ мы не можемъ отдѣлить; мы любимъ его и для насъ дорого все то, что полюбилъ онъ самъ. Вмѣстѣ съ народомъ мы любимъ родную землю, вмѣстѣ съ нимъ печалимся надъ неодолей, вмѣстѣ съ нимъ вдыхаемъ о болѣе счастливыхъ дняхъ.

„Вотъ наша руководящая мысль! Она будетъ руководить нашимъ трудомъ.

„Будущее мы оставляемъ Провидѣнію—сами будемъ трудиться для своего настоящаго, увѣренные, что днемъ взойдетъ зерно, посѣянное утромъ, и принесетъ обильный плодъ.

„Мы любимъ нашъ народъ, и трудиться для его добра считаемъ наше святѣйшей обязанностью. Миновали времена кастъ! Теперь мы обязаны заботиться о счастьѣ милліоновъ; приближается время, когда слово Христа любви къ ближнему осуществляется и живетъ среди насъ. Та страна истинно могущественна, которой всѣ жители счастливы. Будемъ работать для народа!—Въ немъ наше будущее.

„Самое дорогое сокровище для человѣка есть его родная рѣчь; конечно мы не будемъ отнимать у нашего народа этого сокровища! Мы хотимъ охранять его отъ нападеній, имѣть попеченіе о томъ, чтобы оно не расточалось но увеличивалось, потому что это сокровище—племенное, славянское, сокровище обще-народное.

„Большое число жителей края ²⁾ не понимаетъ природы связи милліоновъ съ общественными, стоящими надъ народомъ, слоями, питаетъ къ ней отвращеніе, противится ей; просвѣтитъ этихъ людей, выведетъ на настоящій путь будетъ нашей задачей. Многіе не знаютъ о сокровищахъ, которыми собраны народомъ, не знаютъ прекрасныхъ сторонъ его души—мы хотимъ указать имъ эти сокровища; мы жаждемъ сдѣлать все для того, чтобы любовь заняла мѣсто равнодушія или отвращенія.

„Такова цѣль журнала „Sioło“; этого мы стремимся достигнуть.

„Насъ ведетъ свѣтъ правды, любовь указываетъ нашу дорогу. Мы хотимъ, чтобы миръ сталъ господствовать въ племени славянъ, и Богъ поможетъ намъ, потому что мы ищемъ осуществленія его слова.

„Украинская народная словесность—это прекрасная вязанка цвѣтовъ съ степныхъ могилъ славнаго прошедшаго, это—слезы и стоны милліоновъ, это—будущее могущество народа, такъ скромно прикрытое слезной мелодіей души плача кобзаря. Но какъ велики, хоть кажутся убогими, фигуры Тараса, Квитки! Они высказали страданія народа, раскрыли намъ красоту народной души. Въ этомъ вся ихъ заслуга! въ этомъ ихъ великость и безсмертіе!

„Геній Дантовъ, Гёте, приводитъ въ изумленіе!.. Онъ говоритъ только къ избраннымъ... Прочитай „Катерину“ Тараса, „Марусю“ Квитки—пятнадцать милліоновъ сердецъ затрепещетъ, слеза заблеститъ въ ихъ очахъ. Вотъ исти-

¹⁾ „Московская“ значитъ здѣсь русская; „русская“ значитъ малорусская.

²⁾ Т.-е. польскихъ жителей Галиціи.

ный триумфъ. Кто владѣетъ сердцами миллионѣвъ, тотъ не можетъ быть бѣденъ духомъ.

„Мы имѣемъ передъ собою новый міръ, въ которомъ равенство есть правдою, это—міръ народа. Мы хотимъ показать его жителямъ нашего края, показать его сокровища, для насъ дорогія, потому что мы не чужды народу, какъ не чужды землѣ, которая насъ питаетъ, не чужды нашему прошлому и будущему, котораго не найдемъ помимо народа.“

„Какъ у москалей, такъ и между нами есть люди, которые, отрицая права украинско-русской народности, желаютъ ополченія этихъ миллионѣвъ... Для нихъ, можетъ быть, достаточно ихъ противопоставленіе катковцамъ; но и въ нашемъ собственномъ народномъ интересѣ лежитъ необходимость содѣйствовать развитію народности, о которой идетъ рѣчь. Всѣмъ извѣстно, что російскій панславизмъ, столь грозный славянцамъ въ своихъ желаніяхъ, главнымъ образомъ опирается на томъ, что финско-монгольская Москва самозванно назвала себя, сначала, славянскою Русіей, потомъ всею Русью, а теперь Россією¹⁾. Поэтому, если путемъ изслѣдованій историческихъ и вообще литературныхъ, Русь дѣйствительная успѣетъ дойти до своихъ народныхъ правъ, гдѣ она убѣдитъ весь свѣтъ, что составляетъ особую народность, не имѣющую съ Россіей ничего общаго,—тѣмъ самымъ рушатся панславистическія стремленія москалей, не имѣя подъ собою почвы, и алчность Москвы будетъ обуздана.“

„Россія говоритъ, что Руси нѣтъ, какъ отдѣльной народности; мы докажемъ, что дѣло стоитъ наоборотъ, что Москва только присвоиваетъ себѣ права славянской Руси, и увидимъ, что она отдѣляется отъ Европы и между ней и западомъ станетъ неодолимая стѣна—славянская Украина-Русь.“

„Мы можемъ и должны трудиться даже въ нашемъ собственномъ интересѣ. Будемъ помогать народному развитію Украины-Руси—оно возвѣщаетъ лучшіе дни въ будущемъ.“

„У насъ нѣтъ недостатка въ заявленіяхъ сочувствій къ этому народу; но до сихъ поръ мы дѣлали для него очень мало или совсѣмъ ничего не дѣлали; это была ошибка. Надо ее исправить.“

„Возьмемся за работу. Слабость силъ не устрашаетъ насъ, и мы убѣждены, что эти силы будутъ выростать по мѣрѣ того, какъ будетъ увеличиваться число жителей края, знающихъ его интересы и желающихъ служить имъ, какъ подобаетъ истиннымъ патриотамъ“...

Статьи новаго журнала должны были печататься на польскомъ и на украинско-русскомъ языкѣ и для послѣдняго принято также латинское письмо, какъ „болѣе извѣстное той публикѣ, въ которой обращалось изданіе“. Содержаніе журнала было чисто литературное: стихотворенія, беллетристическія пьесы, народныя пѣсни и преданія, драматическія пьесы, статьи историческія и критическія, извѣстія о славянской литературѣ, корреспонденціи; въ концѣ прибавлялись небольшіе словари украинскихъ словъ, въ переводѣ на польскій.

Значительную долю журнала составляютъ произведенія нашей малорусской литературы, которыя Свенцицкій перепечатываетъ поль-

¹⁾ Ояль повтореніе теоріи Духинскаго.

ской азбукой для польских читателей. Такъ помѣщено здѣсь много изъ Шевченка, Квитки, Марка Вовчка. Изъ галицко-русской литературы онъ приводитъ здѣсь только стихотворенія Федьковича. Затѣмъ Свенцицкій помѣстилъ въ журналъ свои беллетристическія работы, подъ псевдонимомъ Лозовскаго, на малорусскомъ языкѣ польскими буквами, и малорусскій переводъ „Несторовой лѣтописи“ (отрывокъ съ начала). Свенцицкій обратился также къ знаменитому „степному пѣвцу“, Богдану Залѣскому, и Залѣскій отвѣчалъ теплымъ по желанію успѣха новому предпріятію, которое сходилось и съ его собственными идеями, и прислалъ свои стихотворенія. Изъ вышедшаго тогда новаго собранія стихотвореній Залѣскаго „Oratorjusz wieszcz“ приведено стихотвореніе „Mogiła Tarasa“, вызывающее къ тѣни Шевченка о племенномъ примиреніи и союзѣ.

Далѣе, Свенцицкій, не по примѣру другихъ польскихъ патріотовъ, есть усердный панславистъ: онъ убѣжденъ въ будущей великой роли славянства, и съ ней для него связывается будущее возстановленіе польскаго государства. Въ тѣсномъ союзѣ съ этимъ государствомъ совершится и возстановленіе настоящей „русской“ народности. Въ статьѣ „Sprawa rusko-ukraińska“ развивается также теорія объ отношеніяхъ Россіи московской и Руси украинской—послѣдняя есть народъ славянскій, отличный отъ Москвы, которая развилась „na podstawach tatarskiego barbarzyństwa“. Русь южная соединилась нѣкогда съ Польшей „na podstawach równości и wolności, na podstawach uznania narodowości ruskiej“. Украинская народность есть народность совершенно особенная, хотя украинскій народъ еще не дошелъ до политическаго самосознанія и, когда оно придетъ къ нему, жизнь его должна установиться на основѣ автономіи Руси и политическаго единства съ Польшей.

Общій свой выводъ онъ заключаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ.

„Правильно понимаемый интересъ повелѣваетъ Руси-Украинѣ оставаться въ единствѣ съ Польшей, именно по слѣдующимъ причинамъ: а) Русь въ политическомъ отношеніи не выработана и потому не будетъ способна остаться въ состояніи независимости относительно завоевательной (zaborczej, т. е. собственно грабительской) Москвы; б) Москва, государство завоевательное по своему духу и учрежденіямъ, мучимая жаждой приобрѣтеній, стремится ассимилировать всѣ элементы, чуждые ея природѣ; в) Русь, хотя относительно чуждости и нравственнаго содержанія стоитъ выше Москвы, но по матеріальной цивилизаціи ниже ея и рано или поздно не выдержитъ натиска московщины и потеряетъ свою народность; г) между Русью и Москвою нѣтъ никакой связи ни нравственной, ни исторической, ни политической; это—два противоположности, стремящіяся ко взаимному опроверженію, два элемента, другъ друга уничтожающіе... е) Польша, помимо всякихъ ошибокъ ея прошлаго, никогда не была завоевательной, никогда не стремилась къ уничтоженію народности соединявшихся съ нею племенъ (?). Всякія злоупотребленія въ раз-

повномъ отношеніи совершались вслѣдствіе временныхъ уклоненій и никогда не происходили изъ духа политики и государственныхъ учрежденій; f) между Русью и Польшей существуютъ самыя жизненныя связи, которыхъ нельзя порвать безъ вреда для обѣихъ; эти связи утверждаются на прошедшемъ (?), на единствѣ нравственныхъ свойствъ (?) и духа общихъ учрежденій, на сходствѣ правовъ и обычаевъ, на географическомъ положеніи и въ особенности на общемъ интересѣ своего обезпеченія отъ Москвы, грозящей равно народности польской и русско-украинской; g) Польша въ 1862 г. начертила программу, на основаніи которой долженъ установиться ея будущій политическій бытъ. Этой программой утверждается свобода народнаго развитія и внутренняго устройства Руси—именно то, что составляетъ основаніе добра, какъ послѣдней цѣли народа“.

Въ статьѣ „Исторія и Этнографія“, Свенцицкій, противопоставляя племя славянское германскому и романскому, въ будущемъ видитъ быстрое развитіе славянства и придаетъ великое значеніе распространенію этнографическаго изученія, которое должно раскрыть духъ народа и объяснить многое непонятное въ исторіи. Сила славянства въ народѣ, и чѣмъ лучше мы его узнаемъ, тѣмъ больше обезпечимъ его правильное развитіе. И въ примѣръ того, что можетъ дать этнографія, онъ опять возвращается къ вопросу о „Москвѣ“: славяне ли москаль? До сихъ поръ, говоритъ онъ, исторія утверждала, что они славяне, а теперь начинаетъ противорѣчить прежнему утвержденію. „А почему? не отыскали ли какой-нибудь документъ? Можетъ быть, мычитали что-нибудь новое у какого-нибудь изъ древнихъ писателей? Нѣтъ, а потому что обратились къ жизни. Начали изслѣдовать: кто славяне и кто москаль, какіе нравы и обычаи тѣхъ и другихъ, преданія, пѣсни, суевѣрія и пр., и по сравненію убѣдились, что между тѣми и другими находится діаметральное противорѣчіе! И мы убѣждены вполне, что дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области убѣдятъ, наконецъ, самихъ москалей (!), что ихъ обманывали, убѣждая ихъ, что они славяне, какъ теперь Европа убѣждается мало-по-малу въ ихъ не-славянствѣ“.

Очевидно, авторъ вѣрно увѣровалъ въ проповѣдь Духинскаго и не имѣетъ понятія о томъ, что по разысканіямъ этнографин именно въ средѣ „московскаго“ народа оказывалась масса такого древняго славянскаго преданія, какое давно утрачено другими племенами, особливо западными, какъ напр., лишь у немногихъ славянъ въ такой степени сбереглось богатство чисто славянской народной поэзіи, какъ у русскихъ.

Такимъ образомъ, галицкій хлопоманъ остается вѣренъ тѣмъ мнимымъ истинамъ, которыя издавна ходятъ въ польскомъ обществѣ по вопросу о малорусско-польскихъ историческихъ отношеніяхъ. Но съ другой стороны, его мнѣнія заключали въ себѣ и нѣчто новое: онъ

мало помнилъ дѣйствительную исторію, но для настоящаго времени требовалъ „автономіи“ малорусской народности, съ любовію относится къ украинской народности и вступаетъ за нее противъ самихъ польскихъ писателей ¹⁾).

Изъ приведенныхъ образчиковъ видно, что „хлопоманія“ и „украинофильство“ были вещи весьма различныя. Если бывали инѣнія, гдѣ обѣ стороны находили средній терминъ и могли сближаться на какихъ-нибудь отрицательныхъ положеніяхъ, то въ другихъ случаяхъ разладъ былъ неизбѣженъ. Эпоха Хмельницкаго, какъ была, такъ и осталась камнемъ преткновенія; у массы польскихъ историковъ и публицистовъ не доставало безпристрастія и смѣлости признать эту эпоху тѣмъ, чѣмъ она была—увидѣть по ея событіямъ не „нѣкоторыя ошибки“, а капитальные недостатки въ цѣломъ строѣ стараго польскаго государства. Для украинофиловъ, наоборотъ, нельзя было не увидѣть всего этого.

Тѣ проблески согласія и сочувствія, образчики которыхъ мы приводили, остаются слишкомъ слабыми и одиночными. Въ обыкновенномъ порядкѣ вещей нетерпимость, племенная и религіозная, все еще питается и старыми воспоминаніями, и цѣлымъ положеніемъ русско-польскаго вопроса... Въ послѣднее время чрезвычайную сенсацию произвелъ въ польской литературѣ романъ Сенкевича: „Огнемъ и мечомъ“, представляющій до послѣдней степени преувеличенную апотеозу Польши именно въ ея борьбѣ противъ украинскаго народа во времена Хмельницкаго. Вся крайняя нетерпимость, какую питалъ польскій XVII-й вѣкъ, все презрѣніе къ „хлонскому“ народу, его племени, вѣрѣ и обычаю, нашли въ талантливомъ писателѣ XIX столѣтія полное сочувствіе, которое подкрѣплено новѣйшими историко-политическими соображеніями и одѣто въ новѣйшую „художественную“ форму. Соображенія просты: Польша была носительница цивилизаціи, полная гражданскихъ доблестей; украинцы—дикое племя, неспособное къ культурѣ, искавшее „дикой свободы“ и которое нужно было держать въ уздѣ и цивилизовать крѣпкою властью—хотя бы цѣною „океана крови“. У автора нѣтъ и подозрѣнія, что эта борьба Польши и Украины XVII вѣка была вызвана политической несправедливостію и была началомъ паденія Польши. Если не понялъ этого авторъ, то не поняла и публика; романъ имѣлъ успѣхъ необыкновенный; Сенкевича ставили не только выше всѣхъ корифеевъ новѣйшей польской литературы, но выше Данта и Шекспира; лишь меньшинство нашло, что для сравненія лучше бы вспомнить объ авторѣ „Трехъ мушкетеровъ“...

¹⁾ Напр., въ статьѣ о книжкѣ: „Listy o rzeczach publicznych do ludu“, Horoszkiewicza, см. „Biolo“, I, стр. 127—134.

Романъ переведенъ былъ два раза и на русскій языкъ. Для тѣхъ, кто желалъ бы сличить его съ данными южно-русской исторіи, указать разборъ его въ „Кіевской Старинѣ“¹⁾. Общее заключеніе автора этого разбора мало утѣшительно.

„Мы должны съ прискорбіемъ констатировать, — заключаетъ критикъ, — что огромное большинство польской интеллигенціи, судя по приему, оказанному повѣсти Сенкевича, раздѣляетъ его взгляды и убѣжденія — явленіе, какъ намъ кажется, весьма печальное и не предвѣщающее скорого поворота къ лучшему, какъ нравственнаго и умственнаго развитія, такъ и тѣсно съ нимъ связанной реальной судьбы польской интеллигенціи“. Но критикъ „съ отраднымъ чувствомъ“ отмѣчаетъ, что въ этой интеллигенціи нашлось, однако, меньшинство, хотя малочисленное, которое протестовало противъ мыслей, проводимыхъ въ романѣ, и не усумнилось сдѣлать это въ самомъ разгарѣ его успѣха. „Дальнѣйшее интеллектуальное развитие польскаго общества, — думаетъ критикъ, — или прекратится совсѣмъ, или пойдетъ по пути, намѣченному этимъ меньшинствомъ, чего, конечно, мы искренно желаемъ въ интересахъ человѣческаго прогресса, который равно дорогъ всякому мыслящему человѣку, въ какой бы онъ средѣ ни проявлялся“...

Въ крайне перепутанныхъ политическихъ и социальныхъ отношеніяхъ двухъ племенъ у насъ, и въ Галиціи, гдѣ ведется между ними открытая борьба, еще слишкомъ мало мѣста для „союза“ и гораздо больше — для вражды и нетерпимости.

Лучшимъ результатомъ этихъ отношеній остаются пріобрѣтенія науки. Въ этомъ направленіи новѣйшая польская литература представила цѣлый рядъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ работъ въ области южно-русской этнографіи²⁾.

Назовемъ прежде всего труды Оскара Кольберга (1814—1890), который принадлежитъ къ числу наиболѣе заслуженныхъ дѣятелей во всей славянской этнографіи. По происхожденію онъ не былъ полякъ: отецъ его былъ нѣмецъ, поселившійся въ Польшѣ сначала въ качествѣ практическаго инженера-топографа, потомъ профессора по этой спеціальности въ Варшавскомъ университетѣ; мать — французка-эмигрантка. Поселившись въ Варшавѣ, семья повела польскую жизнь и еще до рожденія Оскара въ семьѣ разговорнымъ языкомъ

¹⁾ „Польско-русскія соотношенія XVІІ в. въ современной польской призмѣ“, В. Антоновича, „К. Старина“, 1885, май. Ср. Вѣстн. Евр. 1888, февраль.

²⁾ Ср. замѣчанія Т. Ф. въ „К. Старинѣ“ 1884, май, стр. 125—126, о польскихъ работахъ по исторіи и описанію южно-русскаго края.

былъ польскій. Кольбергъ учился въ Варшавскомъ лицѣѣ, поступив на службу въ банкирскую контору,—но вскорѣ уже открылся для него сильный интересъ въ музыкѣ. Онъ былъ страстный музыкантъ и дарованіе его было замѣчено знаменитымъ Шопеномъ и Каз. Бродзинскимъ. Въ 1834 онъ отправился для теоретическаго изученія музыки въ Берлинъ, мечталъ о композиторствѣ (которымъ послѣ такъ занимался), но вернувшись въ 1836, нашелъ новое примѣненіе своимъ стремленій—въ изученіи музыки народной. Въ то время именно сталъ появляться этнографическіе сборники (В. Залѣскаго, Паули, Липинскаго, Конопки и др.), которые заинтересовали Кольберга въ музыкальномъ отношеніи, и съ 1839 года онъ началъ свое собраніе пѣсенъ, сначала около Варшавы, потомъ и дальше, сопровождая каждыя текстъ напѣвомъ и собирая также музыку танцевъ, игръ и т. п. Первый сборникъ его вышелъ въ 1842 году. На первый разъ это былъ трудъ, такъ сказать, популярный и прикладной: Кольбергъ хотѣлъ ввести народную пѣсню въ общество, дать ей мѣсто въ музыкальной композиціи, затѣмъ его интересъ все болѣе и болѣе расширялся и онъ возымѣлъ планъ дать систематическое собраніе народной музыки такимъ образомъ, чтобы накопить возможно большее количество вариантовъ и затѣмъ сгруппировать ихъ по главнымъ темамъ. По этому плану издалъ онъ въ 1857: „Pieśni ludu Polskiego“, большой томъ, гдѣ помѣщена 41 пѣсня со множествомъ вариантовъ и кромѣ того около 500 нумеровъ народной музыки танцевъ. Но при этомъ первомъ опытѣ оказалось, что въ подобномъ видѣ работа почти невыполнима, въ особенности для единичнаго собирателя, по громадной массѣ вариантовъ, которая едва ли могла бы быть исчерпана, и Кольбергъ уже вскорѣ принялъ другую болѣе цѣлесообразную систему, а именно, изученіе монографическое по мѣстностямъ; притомъ собраніе музыки вводило изслѣдователя вообще въ народный бытъ, и Кольбергъ изъ музыкальнаго специалиста превратился въ настоящаго этнографа. Въ новомъ рядѣ его изслѣдованій, каждой изучаемой мѣстности посвящаема была специальная работа, обнимающая уже всѣ стороны народнаго быта, которыя подлежатъ этнографическому изученію. Трудъ Кольберга носилъ съ тѣхъ поръ такое заглавіе: „Lud, jego zwyczaj, sposób życia, mowa, podania, przysłów, obrzędy, gusła, zabawę, pieśni, muzyka i tańce“. Онъ изслѣдовалъ такимъ образомъ разныя области польской земли, а также отчасти и южно-русской: край сandomirскій, куявскій, краковскій, познанскій, люблинскій, кѣлецкій, радомскій, лѣнчицкій; наконецъ (подъ отдѣльными заглавіями) Мазовію и Покутѣ; въ цѣломъ до 30 томовъ. Обыкновенно каждому краю посвящено по нѣскольку томовъ, а Польши известны даже семь томовъ; число мелодій, записанныхъ Кольбергомъ,

насчитываютъ до 8.000. По его смерти остался еще огромный не-изданный матеріалъ, котораго достанетъ на многіе томы.

Изумительная энергія этого собирателя кажется тѣмъ болѣе замѣчательной, что свои труды онъ совершалъ въ самыхъ скромныхъ матеріальныхъ условіяхъ. На свои небольшія средства онъ дѣлалъ свои поѣздки и изданія; только въ послѣднее время онъ получалъ, незначительную впрочемъ, подмогу на свои труды. Кромѣ странъ собственно польскихъ онъ путешествовалъ также въ Хорватіи, Венгріи, въ восточной Галиціи, на Волыни и Подоліи, въ Карпатахъ и въ Холмской Руси. Свои этнографическія изслѣдованія онъ дѣлалъ и въ этихъ южно-русскихъ земляхъ, связанныхъ нѣкогда съ Польшей, и въ результатъ было нѣсколько трудовъ, составляющихъ важный вкладъ въ южно-русскую этнографію.

Въ 1861, Кольбергъ оставилъ официальную службу, чтобы отдать время своимъ специальнымъ занятіямъ, а также и работамъ литературнымъ; въ 1871 онъ переѣхалъ на житье за границу, гдѣ жилъ у своего пріятеля Конопки, близъ Кракова, а съ 1884 поселился въ самомъ Краковѣ, гдѣ въ 1889 праздновался 50-лѣтній юбилей его этнографической дѣятельности. Онъ умеръ въ маѣ 1890 г. ¹⁾.

Польскіе ученые критики ставятъ этнографическія работы Кольберга очень высоко, цѣня въ нихъ необыкновенную точность и полноту описаній, доставляющихъ прочный матеріалъ для научныхъ изслѣдованій ²⁾. Это достоинство признаютъ и специалисты южно-русской этнографіи. По громадности матеріала, собраннаго однимъ человекомъ, сборники Кольберга составляютъ едва ли не единственное явленіе въ цѣлой славянской литературѣ.

¹⁾ Очеркъ біографіи Кольберга, г. Янчука въ „Этнографическомъ Обзорѣнїи“, 1889, книга II, стр. 124—134, гдѣ указаны также біографическія статьи въ польскихъ журналахъ. Прибавимъ къ нимъ статью Яна Карловича въ журналѣ „Wisła“, 1889, брошюра: „Oskar Kolberg i ostatnia jego praca. Przez Rafała Lubicza. Warszawa, 1890 (оттискъ изъ Варшавскаго Атеней).

²⁾ Вотъ наприимѣръ слова Карловича: „Jest to nieoceniony materiał do ludoznawstwa polskiego, nieoceniony dlatego, że wszystko, co Kolberg zapisywał, jest czystym zbiorem etnograficznym: nie pozwalał on sobie żadnych dodatków, żadnych retuszów, żadnych ogładszań ani poprawek; pisał pieśń, podanie, przysłowie, melodyę i t. d. jak słyszał, i to nie z jednych ust, ale z kilku i kilkunastu, ażeby każdą rzecz sprawdzić i przekonać się, czy śpiewający lub mówiący sam siebie lub słuchacza nie łudził“. (Wisła, 1889, стр. 472).

„Dotychczasowe prace Oskara Kolberga, — говоритъ другой польскій этнографъ, — stanowi niezmiernie bogatą skarbnicę materiałów etnograficznych i są tak świetnym trybikiem dla etnologii ojczystej, słowiańskiej i powszechnej, jakim jeszcze w żadnym kraju i w żadnym narodzie nie obdarzyła nauki praca jednego człowieka“. (por Kopernicki, въ Encykl. wychowawcza, т. III, стр. 640—641, и брошюра его: „Oskar Kolberg“, Краковъ, 1889, стр. 25; Любичъ, стр. 9).

Главный трудъ Кольберга по южно-русской этнографіи есть „Покутье“¹⁾. Покутьемъ называется уголь (каѣ—куть, уголь) южной границѣ бывшей Рѣчи Посполитой, между Карпатскими горами и Днѣстромъ; названіе—не административное и не этнографическое, а старое географически-бытовое. Жители—русины двухъ разновидностей—въ горахъ гуцулы, а съвернѣе, въ нижнемъ Покутьѣ подгоряне. Кольбергъ изучилъ имѣющійся въ литературѣ матеріалъ по исторіи и этнографіи Покутья, и самъ дѣлалъ экскурсіи въ этотъ край въ нѣсколько приѣздовъ отъ 1870 до 1880 года.

Упоминая прежніе труды объ изучаемой имъ мѣстности и труды новѣйшіе которыми онъ пользовался, Кольбергъ перечисляетъ слѣдующую литературу Галиціи, и въ частности о Покутьѣ, которую приводимъ какъ библиографическую справку. Онъ вспоминаетъ, что къ этому народному изученію возбудили уже, въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія, Чацкій, Коллонтай и Сташницъ. Въ 1790—96 г. Гакетъ (В. Hacquet) издалъ въ Нюрнбергѣ сочиненіе въ 4 томахъ: „*Physikalisch-politische Reise durch die nördlichen Karpathen*“, гдѣ кромѣ естественно-научныхъ подробностей находимъ также и мало этнологическихъ и экономическихъ изслѣдованій о Руси. „*Nowy Pamięnik*“ варшавскій, 1806, помѣстилъ описаніе народной свадьбы въ Червонной Руси. Въ 1811, Червинскій издалъ во Львовѣ книжку о задніекарпатскомъ краѣ между Стрыемъ и Ломницею, съ описаніемъ земли и народа.

Какъ начинатели новѣйшихъ изученій южно-русской народности, Кольбергъ называетъ Ходаковского и изъ послѣдующихъ этнографовъ особенно дѣлать Вацлава Залѣскаго, умѣвшаго показать поэтическія достоинства народныхъ твореній Южной Руси, какъ и ихъ значеніе для литературы и науки. Указавъ затѣмъ отдѣльные сборники Паули, Лозинскаго, Головацкаго, Петрушевича, Владислава Завадскаго²⁾, Садока Баронча³⁾, онъ перечисляетъ мелкія журнальныя статьи и отдѣльные мѣстные очерки—въ изданіяхъ галицко-русскихъ и польскихъ (*Rozmaitości lwowskie*, Зоря Галицкая, Русалка Днѣстровая и пр.), гдѣ работали: Туровскій (пѣсни), Галеа (обычаи, пѣсни съ-надъ Збручу), Шашкевичъ (пѣсни), Илькевичъ (пѣсни, пословицы, суевѣрія изъ Покутья), Вагилевичъ (пѣсни, обычаи, предразсудки), ксендзы: Блонскій, Семеновичъ и Скоморовскій (пѣсни), Гушалевицъ и Тороньскій (пѣсни и обычаи лемковъ), Витвицкій (о гуцулахъ), Бѣлоусъ (купало), Саламонъ (коломыйки), Талапковичъ, Духновичъ, Павловичъ, Нодъ (пѣсни изъ Руси Венгерской), Карпинскій (сказки изъ Самборскаго края) и т. д., наконецъ изданія Краковской Академіи и „Памятники“ Татранскаго общества.

Для географическаго описанія онъ ссылается на Винцентія Поля (*Ramiona na północne stoki Karpat, Kraków, 1851*), К. Видмана (въ *Dziennik Warszawski*).

¹⁾ Pokucie. Obraz etnograficzny. Skreślił Oskar Kolberg. Z rycinami podług rysunków T. Rybkowskiego. Kraków, 1882—1889, четыре тома.

²⁾ „Obrazy Rusi Czerwonej“ въ Tygodn. Illustrow. 1864, и отдѣльно, Познань, 1869. Его же: Literatura w Galicyi 1772—1849, Lwów, 1878. Завадскій род. 1824.

³⁾ Изъ галицкихъ армянъ, род. 1814. Кромѣ историческихъ трудовъ ему принадлежатъ книжки: „Bajki, fraszki, podania, przysłowia i pieśni na Rusi“. 1866.

1854, № 106), Авг. Вѣдвскаго (приложеніе къ краковскому „Часу“, 1857), Л. Вайгеля (*Rys miasta Kołomyi. Koł. 1877*) и проч. ¹⁾).

Упомянутая книжка Червинскаго (Ignacy Lubicz Czerwiński), одинъ изъ первыхъ опытовъ галицкой этнографіи, носитъ слѣдующее названіе: „Okolica Za-Dniestrską między Stryjem i Lomnicą czyli opis ziemi i dawnych kłesk, lub odmian tej okolicy, tudzież jaki jest lud prosty dla religii i dla Pana swego? Zgola, jaki on jest? w całym sposobie życia swego, lub w swych zabobonach albo zwyczajach. Львовъ, 1811.

Кольбергъ начинаеть описаніемъ мѣстности, замѣтками объ историческихъ событіяхъ и затѣмъ даетъ бытовую картину населенія, описываетъ жилища, одежду, пищу, хозяйство и т. д. Малорусскіе критики указываютъ только ошибки въ опредѣленіи языка, происшедшія вслѣдствіе недостаточнаго знакомства съ малорусскою рѣчью другихъ мѣстностей, но восполняемыя точною передачею самихъ текстовъ. Затѣмъ идетъ подробное описаніе народныхъ обычаевъ, игръ и обрядовъ. Въ порядкѣ народнаго календаря, какъ обыкновенно, это описаніе обнимаетъ мѣстные варианты обычаевъ и пѣсепъ, причемъ особенно замѣчательны пѣсни обрядовыя: изъ сравненія съ другими извѣстными данными оказывается, что на Покутьѣ больше чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ сохранилось обрядовой старины. Послѣ обзорѣнія народнаго календаря съ описаніемъ обрядовъ, съ многочисленными текстами пѣсень, слѣдуетъ описаніе обрядовъ семейнаго быта, какъ родины, крестины, свадьба и похороны, опять съ многочисленными вариантами обычаевъ и пѣсень; малорусскіе этнографы цѣнятъ въ особенности музыкальную часть сборника.

Второй томъ „Покутя“ состоитъ исключительно изъ пѣсенныхъ текстовъ, со множествомъ напѣвовъ. Это — „думы“ и пѣсни, хотя „дума“ принимается здѣсь въ ея значеніи въ польской терминологіи. Собственно „думъ“ здѣсь нѣтъ: есть лишь нѣсколько вариантовъ пѣсни о Бондаривнѣ и Потоцкомъ и два варианта гайдамацкой пѣсни о Савѣ Чаломъ; остальные — изъ разряда балладъ и разбойничьихъ. Далѣе пѣсни любовныя, семейныя и бытовыя; въ нихъ вообще оказывается много сходнаго съ сосѣдними подольскими, но въ пѣсняхъ болѣе тѣсно бытовыхъ, напр., рекрутскихъ, отражаются мѣстные

¹⁾ По географіи Галиціи вообще, полезна книга Л. Татомира: *Geografia Galicyi* (Wydanie drugie. We Lwowie, 1876), гдѣ въ концѣ указана литература предмета, стр. 169—173.

Между прочимъ, Кольбергъ упоминаетъ работу о Покутьѣ А. Киркора: это — статья „Pokiście pod względem archeologicznym“ (см. „Rozprawę i Sprawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności“, Краковъ, 1876, т. V, стр. 208—315), гдѣ авторъ собралъ свѣдѣнія, особливо по собственнымъ раскопкамъ, объ остаткахъ древности въ этомъ краѣ, отъ разныхъ эпохъ, начиная съ иллирнаго вѣка: онъ коснулся также и древности миеологической, но — наименѣе удачно.

австрійскіе порядки, какъ и въ пѣсняхъ о панщинѣ, а также пѣсняхъ пастушескихъ и разбойничьихъ. Въ пѣсняхъ религіозныхъ (paboźne i dziadowskie) или псалмахъ лирическихъ, по замѣчанію малорусскихъ этнографовъ, отражаются двѣ культуры: уніатская съ церковно-славянскимъ элементомъ и католическая съ чертами чисто польскими. Вообще, „нельзя не отмѣтить одной характерной черты покутскихъ пѣсень—это замѣчательной ихъ поэтичности. При сравненіи ихъ съ пѣснями, записанными въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ васъ невольно поражаетъ въ сборникѣ покутскомъ обиліе высокохудожественныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію пѣсень“ ¹⁾.

Работу Кольберга о нашемъ южнорусскомъ Подолѣ упомянемъ далѣе въ трудахъ Краковской академіи.

Очень извѣстно, между прочимъ, и въ нашей литературѣ имя Новосельскаго, автора книги: „Украинскій народъ“. Антоній Новосельскій (псевдонимъ; собственное имя его—Антоній Якса Марциновскій), писавшій также подъ именемъ Альберта Грыфа, былъ родомъ изъ кievскаго края (род. 1823), учился въ кievской гимназій и потомъ въ университетѣ, гдѣ впрочемъ за болѣзнь не кончилъ курса. Онъ рано вступилъ на литературное поприще, гдѣ всего болѣе работалъ, какъ беллетристъ. Біографъ его говоритъ ²⁾, что сначала Марциновскій былъ горячимъ гегеліанцемъ, но жизненный опытъ, „конференціи“ Лакордера, общеніе съ вѣрующими душами обратили его на путь откровенной религіи. Главнымъ этнографическимъ трудомъ была названная книга объ украинскомъ народѣ ³⁾. Этотъ народъ былъ ему близокъ (znany mi najlępij lud Ukrainiski, w rośód którego urodziłem się i wzrosłem), и на изученіи его быта и преданій онъ хотѣлъ примѣнить свои взгляды на народное преданіе вообще. Книга Новосельскаго имѣетъ свою цѣну какъ собраніе матеріала, но въ научномъ отношеніи представляетъ немалые недостатки. Общій взглядъ его таковъ. „Занимаясь народными обрядами, — говоритъ онъ, — я усмотрѣлъ въ нихъ извѣстные мистическіе символы, извѣстный таинственный языкъ, къ пониманію котораго издавна потерявъ ключъ у всѣхъ славянскихъ народовъ; аналогическое сравненіе этихъ обрядовъ, символовъ и этихъ мистическихъ выраженій съ гіератической рѣчью другихъ народовъ, открыло мнѣ ихъ значеніе“. Первому отдѣлу своего труда онъ далъ

¹⁾ См. Замѣтки о „Покутьѣ“ Ц. Неймана, въ „К. Старинѣ“, 1884, III, 482; V, 126 и дал. Последнихъ двухъ томовъ „Покутьѣ“ мы, къ сожалѣнію, еще не имѣли возможности просматривать.

²⁾ Zdanowicz-Sowiński, III, стр. 707 и пр.

³⁾ Lud Ukrainiski, przez Antoniego Nowosielskiego. Wilno, 1857, два небольшихъ тома (стр. 380 и 282).

названіе „славянской мистериософіи“ и замѣчать, что, хотя для полнаго изслѣдованія этого важнаго предмета еще недостаетъ данныхъ, но то, что было имъ собрано, указываетъ, что „языческая цивилизація славянскихъ племенъ, какъ цивилизація другихъ древнихъ племенъ, имѣла одну простую традицію эзотерической науки, хранившуюся въ мнѣѣ религиозномъ и общественномъ. Мнѣѣ религиозный затерялся, мнѣѣ общественный хранится еще до сихъ поръ въ обрядахъ, которые народъ нашъ почитаетъ, какъ реликвію святой старины, почитаетъ, хотя мысль ихъ давно уже вывѣтрилась и никто не знаетъ теперь, что они выражаютъ. Если взглянуть съ этой точки зрѣнія на внутренній бытъ славянскаго племени, то вносится много свѣта въ этнографію вообще, въ исторію, древность и религію, и послѣднимъ результатомъ этихъ изслѣдованій является всегда тотъ, что все въ человѣческомъ обществѣ есть преданіе, что въ основѣ жизни цѣлаго человѣчества лежитъ извѣстная солидарность, за пределами которой все есть ложь и смерть. Наука нашего вѣка мыслью и опытомъ всегда приходитъ къ тому пункту, изъ котораго собственно истекаютъ лучи истины, откровенной намъ въ началѣ вѣковъ живымъ словомъ Божиимъ“. Все, окружающее насъ, отмѣчено печатью таинственности; человѣкъ, вѣнецъ творенія, окруженъ чудеснымъ мистицизмомъ; онъ ищетъ Бога и вѣчности; связь человѣка съ Богомъ началась тотчасъ при сотвореніи Адама и сдѣлала человѣка сыномъ Божиимъ, такъ что послѣ ни грѣхопаденіе, ни одичалость людей, не могли никогда уничтожить этой таинственной связи человѣка съ не-бомъ. Отсюда такъ-называемая естественная религія, первымъ источникомъ которой была религія откровенная. Такимъ образомъ въ преданіяхъ язычества, въ которое впали народы, забывшіе откровеніе, гранилось безсознательно преданіе первобытное, общее всему человечеству. „Истинное начало язычества должно быть отыскиваемо въ священномъ писаніи; только съ Библіей въ рукахъ можно узнать его настоящую сущность; Моисеевы книги—первый источникъ исторіи, первый источникъ всякой науки. Кто въ поискахъ истины отдалится отъ Библии, тотъ вѣсть отдалится и отъ своего предмета. Желая схватить истинный смыслъ иныхъ религиозныхъ памятниковъ древняго міра, надо внести въ нихъ лучъ откровенной науки, иначе изыскатель древности неизбежно заблудится въ томъ хаосѣ правды и лжи, какимъ бывають религиозныя преданія первобытныхъ народовъ“. Этнографія убѣждаетъ въ единствѣ, связующемъ человѣческія племена; мы все больше увѣряемся, что „все въ человѣчествѣ есть преданіе, что сходства въ законахъ, мѣтахъ, обрядахъ, символахъ вовсе не дѣло чистаго случая, какъ думали въ прошломъ столѣтіи. Изъ сравненія всѣхъ этихъ остатковъ древности пробивается все

болѣе яркій свѣтъ; чтобы понять древность, неизбѣжно нужно воспользоваться для этого сравнительнымъ методомъ⁴.

Отсюда болѣе или менѣе видна точка зрѣнія автора. Ему кажется, что онъ первый возымѣлъ эту идею объясненія древности и онъ призывалъ себѣ сотрудниковъ въ этомъ дѣлѣ (*w gzeszu, któga sam bez żadnej pomocy zaszcątem gograbias*); это — видимо самоучка; онъ знаетъ довольно много книгъ о миеологической древности, нѣмецкихъ, французскихъ, англійскихъ — книгъ, писанныхъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и обыкновенно чуждыхъ новѣйшему методу изслѣдованія, начатому Гриммомъ. Онъ знаетъ и Гримма, но не отдавалъ себѣ отчета въ его значенія; упоминаетъ Боппа, но рядомъ съ Рейфомъ и Экономидомъ, и т. д. Такимъ образомъ книга Новосельскаго стоитъ внѣ развитія русской и южно-русской этнографіи; тѣмъ не менѣе она имѣетъ цѣну — по тѣмъ даннымъ изъ южно-русскаго быта и преданій, которыя онъ сообщаетъ по непосредственному знанію и по которымъ книга, несмотря на ненаучность его объяснительныхъ приемовъ, до сихъ поръ цитируется. Первый томъ ея заключаетъ три статьи: славянскую мистеріософію, украинскія сказки, славянскія сказки у Геродота и Лукіана (Новосельскій видитъ славянъ въ скифахъ). Второй томъ заключаетъ много мелкихъ отдѣловъ: старыя преданія (космогоническія, — въ сравненіяхъ съ халдейскими, китайскими, скандинавскими и пр.); преданья о чертахъ, духахъ, упирахъ и пр.; о кладахъ; суевѣрія, колдовство, знахарство, чудесныя исторіи; птицы, звѣри, чудесныя зелья; бытовыя суевѣрія и обычаи; врачебныя секреты; танцы; козачество, бурлачество и чумачество; одежда; рассказы о цыганахъ, жидахъ, полѣшукахъ и литвинахъ; пословицы; загадки¹).

Не будемъ приводить длиннаго ряда польскихъ писателей, такъ или иначе касавшихся южно-русской жизни и народа, и назовемъ лишь нѣкоторые имена. Такъ, Эдварду Руликовскому принадлежит „*Opis powiatu Wasilkowskiego*“ (Warsz. 1853); Зенонъ Фишъ, извѣстный (между прочимъ и въ нашей литературѣ по полемикѣ съ Костомаровымъ) подъ псевдонимомъ Падалицы (1820—70), публицистъ и беллетристъ, издалъ „*Opowiadanja i krajobrazy*“ (Вильно, 1856, два тома), очерки изъ путешествія по Украйнѣ; онъ между прочимъ много писалъ, какъ въ упомянутой полемикѣ, объ историческихъ отношеніяхъ Польши и Малороссіи, а также и о народномъ украинскомъ бытѣ²). Назовемъ далѣе Стецкаго (*Tadeusz Jerzy*, 1838—1888), кото-

¹) Новосельскій написалъ также очеркъ „Славянской сравнительной миеологіи“ и „Исторіи народныхъ сказокъ“; отрывокъ послѣдней былъ напечатанъ въ киевскомъ сборникѣ „*Kwiaty i Owoc*“. Zdanowicz-Sowiński, III, 708.

²) Новосельскій указываетъ (II, 189) монографію о чумакахъ, Падалицы, въ *Tygodnik* Pet. 1840, № 85.

рому принадлежать цѣлый рядъ описательныхъ трудовъ, относящихся особливо къ его родинѣ, Волыни. Главное сочиненіе его вышло въ 1864—1871 годахъ: „Wołyń pod względem statystycznym, historycznym i archeologicznym“ (Lwów, 2 тома); затѣмъ слѣдовала книга о Луцкѣ: „Luck starożytny i dzisiejszy, monografia historyczna“ (1876) и рядъ небольшихъ очерковъ другихъ, нѣкогда историческихъ мѣстностей Волыни, какъ Берестечка, Овруча, Ляховець и пр.; послѣднимъ трудомъ его была книга: „Z bogu i stępu; obrazy i pamiątki“ (Kraków, 1888). Стецкій писалъ, не мудрствуя лукаво: перебирая мѣстности одну за другою, онъ собираетъ относящіяся къ нимъ извѣстія и между прочимъ, какъ мѣстный уроженецъ, имѣвшій связи съ тамошнимъ дворянствомъ, воспользовался семейными архивами; свѣдѣнія, имѣющіяся въ русской литературѣ, обыкновенно извѣстны ему мало. Не имѣя ученаго значенія, труды Стецкого заключаютъ не мало полезныхъ историко фактическихъ указаній о бытѣ стараго времени, а частію и данныхъ этнографическихъ ¹⁾.

Съ 1877 начало выходить особое изданіе Краковской академіи, посвященное вопросамъ археологіи, антропологіи и этнографіи: изданіе служить органомъ особаго отдѣла Академіи, основаннаго для этихъ специальныхъ предметовъ въ 1874 ²⁾. По давнимъ и современнымъ, историческимъ и бытовымъ, связямъ Польши съ южною Русью, большая масса трудовъ, собранныхъ въ изданіи Краковской Академіи (считаютъ до 40%), относится именно къ Южной Руси, въ Галиціи и нашемъ юго-западномъ краѣ. Въ отдѣлѣ археологіи помѣщено не мало изслѣдованій, относящихся къ южно-русской территоріи, между прочимъ по поводу раскопокъ въ волынской, подольской и кievской губерніяхъ: таковы труды Коперницкаго, Пржибыславскаго, Руликовскаго, Киркора, Оссовскаго, Брезы и др. Болѣе связи съ этнографіей представляютъ изысканія антропологическія. Таковы, напр.: обширный трудъ, въ нѣсколькихъ томахъ сборника, Майера и Ис. Коперницкаго („Charakterystyka fizyczna ludności Galicyjskiej“), гдѣ разработаны наблюденія болѣе чѣмъ подъ 8.000 лицъ и собраны по народностямъ русской, польской и еврейской; Майера, изслѣдованіе по антропологіи галицкихъ русскихъ разныхъ мѣстностей; Юл. Талько Игговскаго Гринцевича, изслѣдованія о физиологическихъ явленіяхъ въ женскомъ населеніи звенигородскаго уѣзда кievской губ., и его же статьи о продолжительности жизни въ той же мѣстности;

¹⁾ Ср. объ его трудахъ „K. Старину“, 1890, сентябрь, стр. 509—512.

²⁾ Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, wydawany staraniem komisji antropologicznej Akademii umiejętności w Krakowie. Томы I—XIII. Краковъ, 1877—1889.

Коперницкаго, „Физическая характеристика русских гораловъ“ (карпатскихъ горцевъ).

Всего богаче отдѣлъ этнографическій. Польскіе собиратели съ большою ревностью занимались между прочимъ южно-русской народностью, можетъ быть, по слѣдамъ Кольберга, неустанная дѣятельность котораго производила впечатлѣніе. Самъ Кольбергъ помѣстилъ здѣсь небольшой сборникъ пѣсенъ, записанныхъ имъ въ подольской губерніи (т. XII): гайвки, веснянки, пѣсни любовныя и бытовыя, — какъ обыкновенно у него, вмѣстѣ съ напѣвами. Далѣе, изданы имъ „*Wasni z Polesia*“, нѣсколько сказокъ и народныхъ разсказовъ, присланныхъ съ Полѣсья и отчасти пересказанныхъ въ Краковѣ лицомъ, оттуда прибывшимъ (т. XIII, стр. 200—207), и „Свадебные обычаи и обряды въ Полѣсьѣ“ (т. XIII, стр. 208—245), съ нѣсколькими пословицами и напѣвами. Профессоръ Исидоръ Коперницкій (род. 1825), медикъ, питомецъ кievскаго университета, въ теченіе восточной войны пробывшій все время при арміи, между прочимъ въ Севастополѣ, впоследствии былъ въ кievскомъ университетѣ прозекторомъ и преподавателемъ; въ 1863 вышелъ въ отставку, переселился во Львовъ, потомъ въ Краковъ, гдѣ занялъ мѣсто въ университетѣ какъ преподаватель антропологии ¹⁾. Выше упомянуто объ его антропологическихъ изслѣдованіяхъ; рядомъ съ ними онъ занялся и этнографіей, и въ изданіи Краковской Академіи ему принадлежитъ описаніе внѣшняго быта русскихъ гораловъ въ Галиціи (лемки, полонинцы, бойки, гучулы), въ т. XIII.

Затѣмъ находимъ длинный рядъ этнографическихъ описаній и сборниковъ, относящихся къ русской Галиціи и къ нашему южно-русскому краю. Тадеушу Жулинскому принадлежитъ замѣтка: *Kilka słów do etnografii Tuchalców* и пр.—карпатскихъ горцевъ Стрыйскаго края (т. I); Быковскій составилъ сборникъ „Обрядовыхъ пѣсенъ русскаго народа изъ окрестностей Пинска“ (т. II); Юзефа Мошинская—сборникъ „Обычаевъ, обрядовъ и свадебныхъ пѣсенъ украинскаго народа изъ окрестностей Бѣлой Церкви“ (т. II); „*Kupajło, tudzież zabawy doroczne i inne z dodatkiem niektórych obrzędów i pieśni weselnych ludu ukraińskiego z okolic Białej Cerkwi*“ съ большимъ числомъ относящихся къ обрядамъ пѣсенъ; и сборникъ „Сказокъ (36) и загадокъ (156) украинскаго народа“ (т. IX). Руликовскій, въ „Этнографическихъ запискахъ изъ Украины“, издалъ обширный сборникъ преданій, сказокъ, народной медицины, заговоровъ, обрядовъ, пословицъ, пѣсенъ и пр. (т. III). Подберезскій сообщилъ „Матеріалы

¹⁾ Біограф. словарь проф. Кіевскаго университета. 1884, стр. 277—279.

для украинской демонологіи" (т. IV); Болеславъ Поповскій—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго (т.-е. южно-русскаго) народа въ Залеванщинѣ", винницкаго уѣзда (т. VI) и „Пѣсни русскаго народа въ с. Залеванщинѣ": историческія думы, пѣсни любовныя, бытовныя, чумацкія и бурлацкія, пьяницкія и пр. (т. VIII). Г-жа Северина Шаблевская издала небольшой этнографическій очеркъ: „Wesele i Krzywania u ludu ruskiego w okolicy Zbarażu" (т. VII); Ванда Малиновская—„Свадебные обряды русскаго народа въ с. Кудиновцахъ, Золочевского округа" (тамъ же). Софія Рокосовская доставила нѣсколько обширныхъ работъ: „Свадьба и пѣсни русскаго народа въ с. Юрковщинѣ въ Звягельскомъ округѣ на Волыни" (т. VII, стр. 130—243) и обширный сборникъ, изданный подъ редакціей Коперницкаго и заключающій этнографическія данныя, собранныя въ окрестностяхъ Новградволинска (т. XI). Здѣсь описаны: обычаи и обряды жизни семейной; праздники по народному календарю; полевныя работы—съ сопровождающими ихъ обрядами и пѣснями; въ отдѣлѣ „демонологіи" обширное собраніе народныхъ повѣрій и суевѣрій, колдовства, народной медицины, народныхъ представленій о природѣ. Многое изъ всего этого уже извѣстно изъ прежнихъ сборниковъ: но тѣмъ не менѣе сборникъ г-жи Рокосовской высоко оцененъ малорусскими этнографами какъ богатый мѣстный сборникъ. Наконецъ, принадлежитъ ей сборникъ народныхъ преданій и повѣрій о растеніяхъ, изъ с. Юрковщины, звягельскаго уѣзда (т. XIII). Ц. Нейманъ издалъ обработанные имъ „Этнографическіе матеріалы въ окрестностяхъ Плискова, въ липовецкомъ уѣздѣ, собранные панной З. Д." (т. VIII): это пѣсни историческія, бытовныя, „бесѣды", народные рассказы и пр., съ нѣсколькими пѣсенными напѣвами. Ольга Ронкевичъ и Иванъ Франко собрали „Свадебные обряды и пѣсни русскаго народа въ с. Лолинѣ, стрыйскаго округа" (т. X); Михалина Томашевская—„Свадебные обряды въ с. Цетулѣ, ярославскаго (въ Галиціи) округа" и „Свадебные обряды русскаго народа въ с. Винникахъ, дрогобыцкаго уѣзда" (т. X, XII); г-жа Стадницкая—„Свадебныя пѣсни и обряды русскаго народа въ окрестности м. Немирова, подольской губерніи" (т. XII); Брыкчинскій—„Этнографическія записки изъ волинскаго Полѣсья"; Земба—„О похоронныхъ обрядахъ, совершаемыхъ въ подольской губерніи, въ окрестности Ушицы" (т. XII). Въ новѣйшемъ томѣ краковскаго изданія находимъ слѣдующіе труды: г-жи Анны Ванке—„Галагивки, пасхальныя забавы русскаго населенія въ с. Горчицахъ, около Сѣнявы въ перемышльскомъ уѣздѣ"; Янъ Колесса описалъ „Родины и крестины, свадьбу и похороны у русскаго народа въ с. Ходовицахъ, стрыйскаго округа", не мало пѣсенъ и нѣсколько напѣвовъ (т. XIII).

Въ нѣкоторыхъ изъ трудовъ, помѣщенныхъ въ изданіи Краковской Академіи, напр. въ статьяхъ Бронислава Густавича о нашихъ преданіяхъ, предразсудкахъ, названіяхъ въ области прир въ „Народной метеорологіи“ Д. Вержбицкаго (т. VI), между скимъ матеріаломъ приводится также южно-русскій и бѣлорусскій. Нѣкоторые изъ участниковъ краковскаго изданія извѣстны и нашей литературѣ. Дальше мы будемъ говорить о трудахъ Ц. Жана; Ю. Д. Талько-Грынцевичу принадлежитъ небольшая любопная книжка: „Народное акушерство въ Южной Руси“ (Черниговъ 1889, отдѣльный оттискъ изъ газеты „Земскій Врачъ“, 1889, № 28), гдѣ приведена литература предмета русская, польская и чадругихъ славянъ.

Перечисленные работы, изданныя въ трудахъ Краковской Академіи, представляютъ обыкновенно чисто этнографическій матер — тексты пѣсенъ и иныхъ произведеній народной словесности польской транскрипціи), обстоятельныя описанія обычаевъ и одовъ, не вдаваясь въ изслѣдованія объ этомъ матеріалѣ. Повидимтипомъ для этихъ работъ послужили труды Кольберга.

И кромѣ указаннаго, въ польскихъ журналахъ разсѣяно не описательныхъ очерковъ, гдѣ находятся и подробности этнографскія. Въ ряду новѣйшихъ изданій въ особенности заслуживаетъ манія основанный въ 1887 и специально посвященный этнографическій журналъ „Wiśła“, издаваемый по типу иностранныхъ (особливо немецкихъ) специальныхъ журналовъ (годовое изданіе, въ четырепуска, образуетъ большой томъ). Журналъ, кромѣ общихъ вопросовъ этнографіи и антропологіи, занятъ специально изученіемъ народной польской, но даетъ мѣсто и вопросамъ этнографіи южно-русской и бѣлорусской ¹⁾, и слѣдитъ также за русской этнографической литературой.

Наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, для изслѣдованія этнографическаго можетъ послужить матеріаломъ — по исторіи и современному состоянію между-племенныхъ отношеній, культуры, обычаевъ и пр обширная историческая польская литература, а также литературныя географическія описанія и путешествій.

---

¹⁾ Напр., статьи: „Rozsiedlenie się Lemków“ Северина Удзѣлн (т. III, с. 650—660); „Pisanki“ (т. IV, стр. 216—228) и др.

ГЛАВА X.

Споръ между южанами и сѣверянами.

Одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ того, что начатки общественныхъ и литературныхъ явленій лежатъ обыкновенно гораздо раньше того времени, когда онѣ становятся общимъ интересомъ, мы видимъ и въ тянущемся донинѣ вопросѣ о малорусской народности. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда новая малорусская литература едва дѣлала свои первые шаги, когда Костомаровъ и Кулишъ сидѣли еще на школьныхъ скамьяхъ, а Шевченко былъ козачкомъ у своего пана, когда въ литературѣ не сложилось еще никакихъ мыслей о томъ, можетъ ли и должна ли существовать малорусская литература, имѣетъ ли эта народность какое-нибудь этнографическое и историческое право, а вмѣстѣ и основаніе для народной гордости, эти вопросы поднималъ уже оригинальный писатель, производившій въ свое время большое впечатлѣніе неожиданными взглядами на русскую исторію, на славянство, вообще на національные вопросы, писатель, который въ иныхъ отношеніяхъ былъ предшественникомъ славнофильства и тѣхъ теорій о началѣ Руси, съ какими носятъ теперь противники норманской теоріи, якобы противной нашему національному достоинству и патріотическому чувству. Это былъ Венелинъ. Онъ давно ославленъ фантазѣромъ, мысли котораго стоятъ внѣ науки, и во многихъ отношеніяхъ это справедливо; но несправедливо было бы покончить на этомъ его характеристику, и новая критика начинаетъ оцѣнивать заслуги этого замѣчательнаго человѣка, у котораго среди всѣхъ увлеченій были зародыши вѣрнаго чувства и преданность исторической правдѣ. Карпатскій русинъ по происхожденію, и въ Россіи учившійся не исторіи и филологіи, а медицинѣ, Венелинъ собственно не имѣлъ правильной школы, которая приготовила бы изъ него историка, но, человѣкъ съ дарованіемъ и боль-

шой начитанностью, онъ обладалъ живымъ воображеніемъ, искалъ исторіи въ темныхъ преданіяхъ старой лѣтописи, въ настоящемъ народномъ бытѣ, и чувствовалъ историческую жизнь тамъ, гдѣ еще не думали ея видѣть другіе. На его сочиненія не надо смотрѣть какъ на ученое изслѣдованіе: это историкъ-поэтъ, который можетъ быть занимательнымъ и тогда, когда мы ни мало не признаемъ его теорію. Таковы, напр., его описанія царства Атиллы, котораго онъ изображаетъ славяно-русскимъ царемъ. Онъ погружается въ исторію какъ въ живое современное дѣло и, благодаря этому качеству, онъ, кабинетный книжникъ, могъ оказать такое сильное влияние на возрожденіе болгарской народности, котораго онъ считается однимъ изъ первыхъ начинателей.

Этотъ писатель, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, поставилъ вопросъ о малорусской народности въ статьѣ подъ заглавіемъ: „О спорѣ между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ россизма“¹⁾.

Судя по началу статьи, авторъ имѣлъ въ виду разобрать весь историческій вопросъ объ отношеніяхъ сѣверной и южной Руси, и хотя статья была далеко не кончена, но основная мысль автора уже просвѣчиваетъ. Любопытно прежде всего, что здѣсь ставится самый вопросъ о „спорѣ“, который въ то время, какъ мы замѣтили, еще не былъ поставленъ южанами и сѣверянами въ литературѣ, но Венелинъ чувствовалъ, что онъ молчаливо ведется съ обѣихъ сторонъ и сказывается въ обыденныхъ отношеніяхъ. Эти отношенія не были особенно дружелюбны; напротивъ, представители обѣихъ народностей не всегда разумѣли другъ друга, не всегда были взаимно справедливы; изрѣдка это проглядывало и въ литературѣ, и Венелинъ считалъ нужнымъ подвергнуть вопросъ историческому разслѣдованію и объяснить таившееся недоразумѣніе.

„Споръ“ (который хотѣлъ теперь свалить на одно новѣйшее украинно-фильство) не подлежалъ сомнѣнію. „Двѣ народности“ дѣйствительно еще не слились настолько, чтобы между ними не проявлялось разнорѣчій и столкновеній. Народныя шутки великоруссовъ надъ „хохлами“, и обратно, малоруссовъ надъ „москалями“ и „кацапами“ выдавали иногда настоящую антипатію. У людей болѣе образованныхъ такіа первобытныя соображенія племенной нетерпимости уже отпадали, но у другихъ онѣ еще береглись и проскользали въ литературу. Причина нетерпимости лежала въ обычномъ предубѣжденіи въ

¹⁾ Эта статья напечатана была уже по смерти Венелина въ „Чтеніяхъ московскаго Общества ист. и древн.“, 1847, кн. 4, стр. 1—16. Статья была найдена въ бумагахъ Венелина неконченной или, собственно, только начатой; время ея опредѣляется тѣмъ, что она была написана въ видѣ рецензіи на „Описаніе Украины“ Бо-плана, вышедшее въ русскомъ переводѣ въ 1832 году.

другому племени или отѣнку племени, а также въ историческомъ преданіи. Старыя отношенія не однажды бывали неблагопріятны. Въ эпоху присоединенія, въ Малороссіи были свои установившіяся особенности народнаго быта, нравовъ, образованія, церковности, которыя не сходились съ московскими, и это съ одной стороны возбуждало опасенія, что онѣ будутъ нарушаться московскимъ управленіемъ (что вскорѣ и стало оправдываться), а со стороны московской не довѣряли ни этимъ правамъ, которые казались самовольными, ни церковности, въ которой подозрѣвали латинскія прибавленія. Въ XVIII в. автономическая старина все болѣе устранилась; уничтожалось Запорожье; въ средѣ высшаго духовенства было тогда еще много архіереевъ изъ малороссіянъ (какъ болѣе ученыхъ людей), но русскому духовенству не нравились эти „черкасишки“; порядки старой гетманщины вообще быстро падали, но объединеніе административное не сгладило бытовыхъ отличій, а новая культура охватила только верхніе классы; и когда новый романтизмъ возвращался къ старинѣ и народности, въ образованномъ слоѣ Малороссіи нашлось не мало дарованій, которыя съ любовью отдались культу своей народности и ея поэтическихъ преданій. Въ это время (повидимому, около середины двадцатыхъ годовъ) появилась апокрифическая „Исторія Руссовъ“, приписанная Конисскому и служившая выраженіемъ романтическаго ретроспективнаго патріотизма; появляются первые пѣсенные сборники Цертелева и Максимовича; затѣмъ въ тридцатыхъ годахъ изданія Срезневскаго, повѣсти Квитки, восторженные статьи Вадима Пассека, первыя работы Бодянского, и т. д. Если во всѣхъ этихъ произведеніяхъ сказывался яркій малорусскій патріотизмъ, то, съ другой стороны, повидимому не было недостатка въ антитезахъ великорусскихъ. Статья Венелина показываетъ, что существовалъ вопросъ о „россизмѣ“ южанъ и сѣверянъ, т.-е. о томъ, кто—южане или сѣверяне—были „россы“ по преимуществу, кому изъ нихъ принадлежитъ древняя русская исторія и заслуга основанія русскаго государства и національности—вопросъ, который, наконецъ, прямо поставленъ былъ въ пятидесятыхъ годахъ въ полемикѣ Погодина и Максимовича.

Венелинъ былъ въ русскомъ обществѣ пришлый человѣкъ и могъ быть свободенъ отъ мѣстныхъ предразсудковъ; по характеру онъ, видимо, стоялъ выше племенной нетерпимости, которую долженъ былъ отвергать и какъ панславистъ въ лучшемъ тогдашнемъ смыслѣ слова. Такъ складывались и его историческія объясненія. Онъ не одобрялъ „спора“, не считалъ его разумнымъ, и думалъ, что и южане, и сѣверяне равны въ своемъ „россизмѣ“. Приводимъ нѣсколько его замѣчаній, писанныхъ то въ серьезной, то въ шутиливой формѣ:

„....Что такое Украина, что такое козаки, что Малая Россія, что М. Россы? Эти вопросы всякому покажутся извѣстными; но дѣло въ томъ, очень не всякій имѣетъ объ нихъ точное, опредѣленное понятіе. Въ этой м убѣждаютъ меня ежедневныя слышки изъ общаго мнѣнія. По большей въ Москвѣ, Мало-Россъ слыветъ тотъ, кто изъ Черниговской или Полтав губерніи; Козаками слывутъ люди военные,—конные; Украиню—хоть Хковская или Полтавская губернія“.

Свои объясненія онъ начинаетъ издалека. Весь русскій нар при всей его огромности, раздѣляется, къ удивленію (потому другіе дѣлятся гораздо больше), только на двѣ вѣтви: сѣверную южную. Была нѣкогда третья вѣтвь, восточная или волжская, которой (по мнѣнію Венелина) принадлежали болгары волжскіе отъ которой произошли нынѣшніе болгары дунайскіе. Сѣверная южная вѣтви раздѣлились только постепенными уклоненіями въ аз изъ которыхъ составились два нарѣчія—сѣверное и южное. Массность обѣихъ вѣтвей почти равна. Въ свое время Венелинъ считъ въ народѣ сѣверной вѣтви до 21 милліона, южной—до 20, изъ торыхъ въ Россіи—15; но, принявъ въ соображеніе тѣ громад потери, которыя понесены были южной вѣтвью въ теченіе ист онъ считаетъ за достовѣрное, что южное племя было слишкомъ о, третью многочисленнѣе сѣвернаго. Общее названіе сѣверянъ и ю — „Русь“ (все равно: русинъ, русакъ, русскій или россиянинъ).

Для Венелина вопросъ о руссизмѣ южанъ и сѣверянъ совершенно простъ: ни за тѣми, ни за другими нѣтъ въ этомъ отношеніи и кого преимущества; тѣ и другіе—такіе же русскіе, и спорить не о чемъ; надо только, чтобы обѣ стороны это поняли, чтобы, знакомившись съ исторіей, увидѣли, какъ народъ одного корня исторической необходимости, видоизмѣнился на свои оттѣнки, и бы они помирились, наконецъ, взаимно признавши свои отличія

„Здѣсь нельзя не упомянуть, — говоритъ Венелинъ, — о важномъ с между южанами и сѣверянами на счетъ ихъ руссизма (здѣсь подразумѣва мнѣніе черня, *простолюдія*). По мнѣнію москвитянъ, напримѣръ, тотъ то настоящій русскій, кто умѣетъ *говорить на-настоящему*, т.-е. *на-русск* это значить: по сѣверному. Но горе Южанину; вы можете звать въ с шепствѣ сѣверное русское нарѣчіе или, такъ называемый, русскій аз можете даже почти совершенно поддѣлаться подъ сѣверный выговоръ; но вамъ, если вы спотыкнулись въ малѣйшемъ оттѣненіи въ выговорѣ; вамъ жуть: „Вы *отрна* изъ *нмцовъ*?“ или „Вы *отрна* не *здѣшній*?“ и тогда, бѣзный мой Южанинъ, называйся, какъ тебѣ заблагоразсудится, Испани! Прусаконъ, Халдейцемъ, или Тарапанцемъ, все равно, все тебѣ повѣрятъ какъ ты ни вертись, ни божись, все ты не Русскій!!! Но ты скажешь, чт Мало-Россъ; все равно, все ты не Русскій, ибо московскому простолю; чуждо слово Россъ; и будетъ ли этотъ Россъ великъ или малъ, для него равно, только онъ убѣжденъ, что онъ не Русскій, а Полякъ или Хохоль, Литва, или Козакъ, или Украинецъ, или что-либо похожее, словомъ, что

не свой. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли человѣка почестъ своимъ, который не носить красной или цвѣтной рубашки, называетъ щи борщемъ, и не гаварить харашо, а добръ!!!

„Правда, это мнѣніе механическое и, посему, происходящее отъ невѣдѣнія, — есть, конечно, мнѣніе à la bogodatch, не болѣе; не смотря на это, оно вкрадывается очень, очень часто въ кругъ безбородый. Но этого мало; какъ часто и тѣ изъ числа безбородыхъ, которые даже имѣютъ претензію на ученость, на образованность или, по крайней мѣрѣ, на основательность своего сужденія, увлекаются мнѣніемъ à la bogodatch! Мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ иному украинскому Русаку прилагалось имя Хохля, въ противоположность Русскому слову; въ Украинцахъ иной, мудроно ученый Сѣверанинъ, по негѣпному мнѣнію, видитъ какую-то смѣсь бѣлыхъ Малороссовъ, Татаръ, Поляковъ, Литвы. Такъ, по крайней мѣрѣ, характеризовали происхожденіе Казаковъ иныя, которые брались о нихъ писать. Очень естественно, что, иногда, учено-историческое, негѣпное мнѣніе можетъ дать негѣпное направленіе народному ощущенію въ образованномъ сословіи. Другое дѣло съ Русаками волынскими, подольскими, гродненскими, бѣлостокскими и люблинскими въ Царствѣ Польскомъ. Эти Южане въ глазахъ Москвитянина ни за какія деньги не омоются отъ Ляхизма... Но за то и Южане, въ свою очередь, не допускаютъ Сѣверянъ участвовать въ россизмѣ; какъ ни называя себя онѣ Русскими, все-таки онѣ не Русинъ, а Москаль, Липованъ и Кацапъ. По мнѣнію Южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ южане, а все прочее Московщина. Въ томъ же самомъ мнѣніи и какой-либо Карпато-россъ, живущій на берегахъ Тисы; его часословъ, или мина кievской печати, напоминаютъ ему Русь, но не Москву, хотя и московская печать у него не рѣдкость. Онъ принялъ Русскаго гренадера, сѣвернаго проженца, за Чеха; но только Глуховскій, или Воронежскій, или Черниговскій гренадеръ покажется ему настоящимъ Русскимъ; равномѣрно землянинъ люблинскаго воеводства, въ Царствѣ Польскомъ, готовъ биться объ закладъ, что онъ чище Русакъ, нежели ярославскій и володимирскій Москаль. Нечего дѣлать, вѣдь онъ справедливъ, потому только, что онъ въ этомъ убѣжденъ. Вотъ опять новое мнѣніе à la oussatch, à la britaya golova. Изъ этого слѣдуетъ, что и бородачъ, и усачъ стоять одинъ другого“.

Венелинъ находилъ, что споръ этотъ, однако, утѣшителенъ и приносить честь обѣимъ сторонамъ (какъ привязанность къ старому родовому и славному имени), но только онѣ не равно пользуются этой честью, потому что „одна сторона другую оглушаетъ“. Въ этомъ спорѣ двухъ братьевъ объ ихъ имени и старомъ родѣ участвовала судей вся Европа и отчасти Азія, и они рѣшали дѣло въ пользу Иванъ (т.-е. имя Руси оставалось въ старину за югомъ, а сѣверъ назывался Московіей). „Русь“, по понятію народовъ, простиралась отъ Карпатовъ только по Глуховъ и Витебскъ, а дальше была Московщина. Напрасно Грозный и Алексѣй называли себя царями Великой, Малой и Вѣлой Россіи—старыя имена оставались, и исторія говеній, которая переносила южная Русь, показываетъ, какъ дорого стоило ей русское имя.

„Межъ тѣмъ,—продолжаетъ Венелинъ,—много, много пожертвованій дѣлали Сѣверяне, чтобы Европа и Азія возвратили имъ ихъ имя, и только 1812 годъ заставилъ Поляковъ, Маляровъ и Французовъ распространить предѣлы Руси по всей Московіи, но не смотря на это, сосѣдніе народы надолго не забудутъ имя Москалей. И по дѣломъ! Если отецъ твой и твоего родного брата былъ Иванъ, то по какому праву можешь думать, что ты только Ивановичъ и тебѣ только такъ называться?“

Т.-е., по дѣломъ, думаетъ Венелинъ, за самой сѣверной Русью закрѣпилось это названіе Московіи, если она стала отказывать въ „россизмѣ“ Руси южной. Въ самомъ дѣлѣ, имя Московіи держалось очень долго, и Венелинъ замѣчаетъ, что „московецъ у болгаръ, московъ у турокъ всѣхъ трехъ частей міра топоромъ не вырубишь изъ головы“. До настоящей минуты имя „москова“, по преданію, остается за русскими въ народномъ употребленіи у южныхъ славянъ.

„Впрочемъ,—продолжаетъ дальше Венелинъ,—сколько ни оригиналенъ этотъ споръ и ни маловаженъ самъ по себѣ, однако, кто бы подумалъ, что ощущенія, невольны производимыя въ спорящихъ сторонахъ, имѣли порядочное, а иногда и сильное, вліяніе на судьбу Руси вообще? Я не могу всего этого пересказать теперь въ нѣсколькихъ словахъ; замѣчу только, что умный историкъ, одаренный проницательнымъ и сообразительнымъ умомъ, легко замѣтитъ и оцѣнитъ это, перебирая весь рядъ сценнческой жизни какъ Сѣверянъ, такъ и Южанъ. Поляки и католицизмъ (іезуиты) очень искусно воспользовались этимъ внутреннимъ, такъ сказать, раздоромъ между Русаками; и за то, сколько надѣлали себѣ прозелитовъ между Южанами!“

Странныя понятія объ этихъ отношеніяхъ господствуютъ даже и до сихъ поръ.

„И нынѣ еще, въ полной силѣ, водятся въ поговоркахъ старинныя диковинки, и преимущественно между Сѣверянами; стоитъ только вслушаться въ ихъ образъ мыслей. Высшее общество (понимаю: образованное) несравненно малочисленнѣе у Южанъ, нежели у Сѣверянъ; ибо оно состоитъ большею частію изъ Поляковъ; посему Южане, если исключить Украину и Новороссію, не имѣютъ собственнаго литературнаго голоса; по всей южной и западной Руси, вся Русь разжалована въ крестьянство; вдоль и поперекъ все нѣмо и тихо между ителами; развѣ только, на вопросъ западнаго путника, скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста или Замостя, возвращающійся съ *паничниками*, что онъ *русинъ*, и что языкъ и вѣра его *русская*, не говоря уже о Волини, о Лодолюѣ. Чувствуя свое уничиженіе, для Южанина-русака нѣтъ силы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли“...

Кончилось тѣмъ, что самую землю южной Руси поляки стали называть своею, а сѣверяне не признавали ее за „Русь“.

Изъ этихъ полу-шутливыхъ замѣчаній видно, что самъ Венелинъ нисколько не сочувствовалъ спору, и особенно той сторонѣ, которая „оглушала“ другую: и сѣверяне, и южане были одинаково русскіе.

ного боровшіеся за свою землю, много перенесшіе въ ея защитѣ историческихъ бѣдствій и испытаній, и южане даже больше, нежели сѣверяне,—и имѣющіе равное право на свое имя, т.-е. на уваженіе къ своимъ племеннымъ особенностямъ и преданіямъ. Вычурныя вымеченія Венелина не уменьшаютъ справедливости его взгляда, которому глубоко антипатична была мелкая неразумная вражда двухъ Ивановичей“.

Со времени Венелина историческая наука ушла далеко впередъ; открыто множество новыхъ данныхъ для исторіи, сдѣлано множество изслѣдованій о народности и языкѣ; но споръ о „россизмѣ“ все не прекратился. Онъ продолжается въ новыхъ формахъ, гдѣ прежняя терпимость проглядываетъ даже въ „ученныхъ“ изслѣдованіяхъ или терпимо высказывается въ публицистикѣ. Съ того времени взаимное сличеніе очень подвинулось; въ литературѣ, которая была единственнымъ (хотя крайне неполнымъ) выраженіемъ общественности, явилось нѣсколько замѣчательныхъ фактовъ, которые, видимо, должны бы служить къ примиренію. Новые открытія въ малорусской поэзіи, ея замѣчательныя эпическія думы, изображенія малорусской жизни у Гоголя, Квитки, Шевченка, Марка Вовчка, Кожановской, произвели сильное впечатлѣніе и на „сѣверянъ“; относительно Гоголя признано было, что въ его творчествѣ, которое было для русской словесности знаменательнымъ событіемъ, участвовала именно его южно-русская природа, такъ что въ общемъ ходѣ русскаго развитія эта послѣдняя стихія явилась, какъ важная органическая сила; ближайшія изученія старины XVII—XVIII в. подобнымъ образомъ указали, что въ ту эпоху южно-русскіе люди внесли свой богатый вкладъ въ общее русское просвѣщеніе, служили ту службу, къ какой еще мало способны были „сѣверяне“, которые передъ тѣмъ употребляли свои силы на другую задачу — созданіе государства... Но не смотря на всѣ эти факты ближайшаго сличенія южанъ съ сѣверянами въ самыхъ основныхъ трудахъ и изданіяхъ національной жизни, первые все-таки не могли добиться, въ понятіяхъ большинства, признанія полноправности тѣхъ самыхъ особенностей, которыми они участвовали въ общемъ національномъ дѣлѣ.

Въ условіяхъ нашей общественности, новый споръ о „россизмѣ“ явилъ въ особенности на вопросахъ о языкѣ. Мы остановимся на нихъ не съ ихъ филологической стороны, которая принадлежитъ специалистамъ, а по связи ихъ съ вопросами исторіи и литературы.

Въ книжномъ составѣ русскаго языка есть двѣ основныя вѣтви: малорусская и малорусская (третья, бѣлорусская, не имѣла особаго

книжнаго развитія ни въ старину, ни въ новѣйшее время, и занимает довольно обширную область земли и народа въ западнѣйшемъ краѣ, но по своимъ чертамъ такъ сближается съ вѣтвями главной группы, что филологи считали это нарѣчіе подраздѣленіемъ, одни — великорусскаго, другіе — малорусскаго). Когда бы ни произошло раздѣленіе русскаго языка на его главныя отрасли, объ издавна замѣчено, что оно отражалось своими особенностями въ русскіхъ спискахъ славянскихъ памятниковъ или въ собственныхъ произведеніяхъ на письменности. Филологи спорятъ о томъ, когда именно при этихъ двухъ нарѣчіяхъ появляются въ рукописяхъ, въ XIV или еще въ XI; но, въ теченіе средняго періода нашей исторіи, и сѣверяне и южане были совершенно раздѣлены политической судьбой, и два нарѣчія такъ обособились, что малорусская рѣчь стала неслучайно вразумительной для сѣвернаго русскаго и обратно, откуда образовалось народное представленіе, что малоруссъ — не русскій, а „хохоль“ или что великоруссъ — не русскій, а „москаль“, а у людей ученыхъ явилась мысль, что въ основѣ двухъ народностей были два разнородныхъ племена. Для обѣихъ отраслей основною церковною книжною жила былъ языкъ церковно-славянскій, видоизмѣнявшійся издавна въ зависимости отъ нарѣчія; позднѣе на югѣ, который со времени удѣленія находился въ междоусобіи и особливо татарскаго нашествія потерпѣлъ столько страшныхъ погромовъ и утратилъ, вслѣдствіе того, многое изъ стариннаго кievскаго преданія, — въ обращеніи были церковныя книги, списанные по подмѣшанной сѣверной русской рѣчи. Первые славянскіе грамматики, написанныя въ XVI—XVII в. учеными южанами, давали правила именно такого славянскаго языка; но собственная народная рѣчь южной Руси заявляла также свои требованія, и въ XVI в. мы уже встрѣчаемъ интересную попытку перевода священнаго писанія, именно на малорусскій языкъ (Пересопницкое Евангеліе, которому слѣдовали и другія подобныя попытки. Съ основаніемъ шли въ южной Руси возникаетъ обширная литература на смѣшанномъ языкѣ, гдѣ на церковно-славянскую основу налегали отгѣнки новаго южно-русскаго и польскаго языка и риторической латинской терминологіи; съ призывомъ южно-русскихъ ученыхъ въ Москву, книги и эта манера вошли на время въ литературное обращеніе верно-русское. Но рядомъ съ этимъ, народная форма южно-русскаго языка находила мѣсто въ произведеніяхъ свѣтскаго характера: житія, въ литературѣ — повѣствовательной, легендарной, въ математическихъ пьесахъ и т. п., рядъ которыхъ доходитъ до XVIII вѣка, когда литература на чисто народномъ языкѣ была должна и развита уже людьми новаго образованія, на новыхъ идеяхъ и потребностяхъ. Но здѣсь именно расходятся двѣ литературы

временъ Петра, сѣверная русская литература, покинувъ старыя преданія, стала развиваться на почвѣ общенія съ европейскимъ знаніемъ и выѣстъ на господствующемъ языкѣ государства: при всемъ ея младенществѣ въ началѣ XVIII-го вѣка, она предполагала служить интересамъ столь обширнаго народа и столь сильнаго государства, что должна была взять рѣшительный перевѣсъ надъ старыми литературными элементами, какъ сѣверными, такъ и южными. И вліяніемъ государства, и вліяніемъ новой русской школы (академическая гимназія и университетъ въ Петербургѣ, московскій университетъ, кадетскіе корпуса, академія художествъ и пр.), и вліяніемъ новой литературы, которая еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія выставила могущественные *сѣверно-русскіе* таланты, какъ Ломоносовъ, позднѣе Державинъ, Фонъ-Визинъ, Новиковъ, Карамзинъ, — южно-русскія силы были увлечены на служеніе этому общему русскому дѣлу, и жизнь самой южной Руси стала провинціализмомъ. Таково стало съ тѣхъ поръ отношеніе *русской* литературы къ *малорусской* народности... Надо, однако, остерегаться отъ недоразумѣній. Во-первыхъ, эта новая русская литература не была только великорусской: въ ея образованіи съ XVII-го вѣка участвовали также живыя силы и произведенія малорусскія, и если, какъ литература государственнаго языка, она получила значеніе единственнаго орудія высшей образованности, она не была югу чуждымъ элементомъ. Съ другой стороны, патріоты галицкіе, говоря объ этомъ участіи южныхъ силъ въ развитіи новой русской литературы, доходятъ до утвержденія, будто бы послѣдняя только двѣсти лѣтъ „систематически эксплуатировала“ малорусскій языкъ и литературныя средства, — что есть фантастическое преувеличеніе. Далѣе, хотя малорусская литература стала у насъ провинціализмомъ, но провинціализмъ бываетъ различный по его объему и историческимъ преданіямъ: здѣсь объемъ мѣстнаго племени былъ такъ значителенъ, что казался Волевику почти равнымъ объему самой сѣверной народности; различіе преданій создана была вѣками отдѣльной исторіи и отразилась въ богатой народной поэзій, бытѣ и нравахъ. Наконецъ, значеніе нашего малорусскаго провинціализма усложняется и увеличивается тѣмъ, что та же народность продолжается въ Галиціи, которой народъ и языкъ не входили въ область вліянія русскаго государственнаго языка.

Какъ провинціализмъ, мало себя заявлявшій въ теченіе прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, малорусская народность для большинства сѣвернаго русскаго общества была *terra incognita*. Исторія Малороссіи была извѣстна мало, а когда являются, наконецъ, первые шаги знакомства съ современной народностью, русскимъ этногра-

...проходило какъ будто открывать Малороссію. Мы приводили цѣлый примѣръ въ книжкѣ кн. Цертелева, открывавшей малорусскую поэзію. За годъ передъ тѣмъ вышла первая грамматика малорусскаго языка, написанная русскимъ, который случайно познакомился съ малорусскимъ языкомъ и счелъ небезынтереснымъ познакомиться съ нимъ читателей ¹⁾.

Книжка эта составляетъ теперь библиографическую рѣдкость; изъ ея предисловія видно, въ какой формѣ представлялся тогда вопросъ о малорусской народности въ нашей литературѣ.

„Если бы я предпринялъ описать все то, что можно найти любопытнаго въ *малой Россіи* для человека, ищущаго въ малѣйшихъ вещахъ безконечно великихъ слѣдовъ премудрости Божіей; то предпріятіе мое требовало бы не одного года. Подробное описаніе древняго и нынѣшняго, физическаго и нравственнаго состоянія страны сего составило бы превеликую книгу. Всякъ знаетъ, что она имѣла прежде своихъ *собственныхъ Владытелей*, была раздѣлена такъ, какъ и другія области нынѣшней Россійской Имперіи, на *Княженія* и *Уѣзды*, послѣ того на *Воеводства* и *Повѣты*, потомъ на *Поли* и *Повѣты*, потомъ на *Намиѣстничества* и *Уѣзды*, а наконецъ, во исполненіе благословеннаго опредѣленія управляющихъ всѣми Россіями судебъ, раздѣлена на *Губерніи* и *Повѣты* же, или *Уѣзды*. Всякъ знаетъ, что Малороссіяне всѣмъ другимъ Славянамъ единоплеменны, и сохранили понынѣ нѣкоторые свои обряды и суевѣрія, свойственные каждому народу дотошъ, пока онъ образуется просвѣщеніемъ. Всякъ знаетъ и то, сколь много они даже по сіе время отличаются отъ всѣхъ другихъ народовъ, и даже отъ своихъ единоплеменцевъ, одѣяніемъ, языкомъ и многими другими свойствами, которые отчасти описаны въ разныхъ *Исторіяхъ*, *Землеописаніяхъ*, *Путешествіяхъ* и *Запискахъ*. Слѣдственно, довольно будетъ для меня положить на бумагу одну слабую тѣнь исчезающаго нарѣчія сего близкаго по сосѣдству со мною народа, сихъ любезныхъ моихъ соотчичей, сихъ отъ единыя со мною отрасли происходящихъ моихъ собратьевъ.

„Коротко скажу, что нѣсколько лѣтъ живучи въ малой Россіи, довольно могъ привыкнуть къ національному характеру ея жителей. Я нашелъ въ нихъ

¹⁾ Грамматика малороссійскаго нарѣчія или грамматическое показаніе существеннѣйшихъ отличій, отдалившихъ малороссійское нарѣчіе отъ чистаго русскаго языка, сопровождаемое разными по сему предмету замѣчаніями и сочиненіями. Сочин. Ал. Павловскій. Спб. 1818. 8°. VI и 114 стр. Книжка посвящена „Любителямъ отечественныяковъ и словесности“. Впослѣдствіи вышло „Прибавленіе къ грамматикѣ малороссійскаго нарѣчія или отвѣтъ на рецензію, сдѣланную на оную грамматику“. Соч. А. Павловскій. Спб. 1822. 84 стр. Это—отвѣтъ на разборъ книги, написаннй княземъ Цертелевымъ.

Грамматика Павловскаго составлена очень незамысловато. Собственно грамматическія правила занимаютъ стр. 1—21 (часть первая); затѣмъ, вторая часть, „О сочиненіи и о стихотворствѣ малороссійскомъ“, представляетъ краткій малорусскій словарь, стр. 24—78, нѣсколько фразъ и пословицъ малороссійскихъ, стр. 78—86, и, наконецъ, „Примѣры на малороссійское сочиненіе“; нѣсколько статейкъ на малоскомъ языкѣ и, между прочимъ, одна пѣсня: „Гоминъ, гоминъ по дубровѣ, — Ту поле покрываѣ, — Мати сына прогоняѣ“, и пр. (стр. 89—90).

что-то *пріятно-меланхолическое*, отличающее ихъ, можетъ быть, отъ всѣхъ другихъ обитателей земного шара. Они имѣютъ природную внимательность, остроту, наклонность къ музыкѣ и способность къ пѣнію. Хлѣбосоольство и простота нравовъ составляютъ ихъ существенныя свойства. Въ поступкахъ слишкомъ просты и нѣсколько будто грубы; въ дѣлахъ справедливы; въ разговорахъ откровенны, хотя часто тонки и отиѣнно хитры; въ намѣреніяхъ основательны. Любятъ опрятность и чистоту. Занимаются наиболѣе тѣмъ, что принадлежитъ до экономіи; работаютъ тихо, но прочно. Въ страстяхъ рѣдко наблюдаютъ умѣренность. Къ наукамъ расположены, кажется, съ природы. Пѣсни ихъ всегда почти томны, но скрывающіеся въ нихъ, особливо для Стихотворцовъ интересные, замыслы, не принужденное выраженіе мыслей, и блистающая всегда какая-то нѣжность и невинность — безподобны! Что можетъ быть разительнѣе, какъ слушать, когда Малороссійяне по вечерамъ пріятныхъ гнѣныхъ дней собравшись во множествѣ, и сидя на пригоркѣ въ кружокъ, поютъ свои заунывные пѣсни? — Тогда эхо, въ окружности ихъ отдающееся, приводитъ съ полей и отъ лѣсовъ къ чувствительному сердцу самыя трогательныя тоны!

Прельстившись монми чувствованіями, неоднократно я желалъ проникнуть сущность ихъ нарѣчія, и успѣлъ въ своемъ желаніи столько, сколько имъ было возможно. Видя же, что не бесполезно иногда заняться снмъ, такъ сказать, ни мертвымъ, ни живымъ языкомъ, я собралъ существеннѣйшія его правила, и расположилъ оныя по грамматическому порядку. Притомъ, зная изъ опыта, сколь смѣшно, когда кто говоритъ по Малороссійски, не зная удареній сего нарѣчія, въ словахъ я придалъ знаки, показывающіе мѣсто ихъ ударенія. Я оставилъ множество мѣлкихъ исключеній первой и второй части Грамматики, потому что либо онѣ не всякому нужны, либо требуютъ излишнего времени, либо, что входитъ въ разсматриваніе источниковъ, откуда занимаются обороты сочиненія и стихотворческіе вымыслы, такъ какъ и въ исторію словъ, фразовъ и пословицъ, есть дѣло пространное, трудное, принадлежащее Грамматикѣ-Философу. Вмѣсто того, я нужнѣйшимъ почелъ собрать и по алфавиту расположить небольшое количество словъ, фразовъ и пословицъ, безъ знанія которыхъ никакой языкъ не можетъ быть яснымъ, пріятнымъ и полезнымъ. Все сіе сдѣлалъ я какъ для удовольствія любопытныхъ и внимательныхъ въ свойство языка и народа людей; такъ и для показанія, желающимъ знать, Грамматическимъ, яко лучшимъ способомъ, той разности, которая Малороссійскую рѣчь сдѣлала столько не похожею на всеобщій нашъ языкъ.

„Ежели разбираніе *Архангельскаго, Новородскаго, Полотскаго, Стародубскаго, Муромскаго* и другихъ нарѣчій (не говорю *Финскихъ, Ордынскихъ, Юрскихъ, Сибирскихъ, Камчатскихъ* языковъ), которыя отличаются только нѣсколькими или нечистыми, или смѣшными, или весьма странными словами, имиваетъ иногда любомудріе и время многихъ знающихъ справедливую цѣну умаи людей, и даже тѣхъ самыхъ, которые поставили себѣ за предметъ обогатить и вычистить *Россійскій Лексиконъ*; то для чего жъ не заняться сколько нибудь и такимъ нарѣчіемъ, которое составляетъ почти настоящій языкъ? — И такъ неизяснимое то будетъ для меня утѣшеніе и честь, когда благомыслящіе любители своихъ Соотечественниковъ и Словесности признаютъ, что труд мой не совсѣмъ бесполезенъ, и что онъ рано, или поздно вдохнетъ усерднымъ силамъ Россіи желаніе къ сохраненію подобныхъ памятниковъ и прочтимиъ рѣшаннымъ по пространству толь обширныя Имперіи народамъ и языкамъ“.

Не умножая цитатъ замѣтимъ еще, что Павловскій находилъ мало-

русскій языкъ особливо пригоднымъ для легкой поэзіи, а кромѣ того — „почти повѣрить не можно, сколь легко на малороссійскомъ нарѣчій изъяснять, особливо простоту и невѣжество, сколь естественно изображать страсти и, сколь пріятно, шутить“. Переводя это съ языка тогдашней псевдо-классической щепетильности, увидимъ, что Павловскій какъ бы предчувствовалъ возможность развитія малорусской литературы (а также участія ея элементовъ въ литературѣ русской) именно въ томъ направленіи, какъ оно потомъ совершалось — въ направленіяхъ сентиментальной народности, бытового реализма и юмора. Указывая черты грубости, Павловскій отмѣчалъ, однако, успѣхъ просвѣщенія, которое въ Малороссіи „производитъ нынѣ удивительно успѣшныя дѣйствія. Вселенная (!) скоро увидитъ ее членомъ, получившимъ бытіе свое въ одно и тоже мгновеніе вѣковъ со всѣми другими членами великаго тѣла Всероссійской Имперіи“, — но все-таки онъ недоумѣвалъ о томъ, какъ были бы приняты въ русскомъ обществѣ „малороссійскія сочиненія“, — иначе онъ „охотно бы рѣшился собрать ихъ сколько можно“.

„Споръ“ очевидно лежалъ въ глубинѣ этихъ соображеній; но любопытно во всякомъ случаѣ, что сочувственные отзывы и ожиданія были здѣсь высказаны великоруссомъ. Кромѣ предполагаемаго Павловскимъ нерасположенія, было и другое неблагоприятное обстоятельство — малое знаніе о Малороссіи, ея народѣ и языкѣ. Понятіи о нихъ были тогда такіа смутныя, что главнѣйшій грамотѣй того времени, Гречъ, считалъ малоруссовъ почти вѣтвью польскаго племени. „Малороссійское нарѣчіе, — говорилъ онъ, — родилось и усилилось отъ долговременнаго владычества поляковъ въ юго-западной Россіи, и можетъ даже назваться областнымъ польскимъ“¹⁾.

Въ своей пространной грамматикѣ, изданной въ 1827 году съ предисловіемъ Булгарипа, Гречъ повторялъ, что малорусское нарѣчіе „можетъ даже назваться нарѣчіемъ языка польскаго“. Мы говорили въ другомъ мѣстѣ, что въ этомъ именно были увѣрены сами поляки. Объясненіе происхожденія малорусскаго языка польскимъ влияніемъ казалось тогда наиболѣе естественнымъ, такъ какъ южная Русь долго была подъ польскимъ владычествомъ, и не предвидѣлось другой причины измѣненія языка, заявшаго притомъ нѣкоторыя отдѣльныя выраженія польскія. Максимовичъ, въ первомъ сборникѣ своихъ нѣсенъ, 1827, едва ли не въ первый разъ сталъ объяснять, что на языкъ малорусскій надо смотрѣть какъ на особый языкъ, отличный отъ великорусскаго, а тѣмъ болѣе отъ польскаго. Вскорѣ подобнымъ образомъ высказались горячіе украинскіе патріоты, и вмѣстѣ это-

¹⁾ „Опытъ исторіи русской литературы“. Спб. 1822, стр. 12.

фы, какъ Срезневскій, который настаивалъ, что украинскій, или юрусскій, есть языкъ, а не нарѣчіе русскаго или польскаго, и съ увѣренъ въ его литературной будущности ¹⁾. Впослѣдствіи понятнѣе образомъ указывалъ особенность малорусскаго нарѣчія Бодяни ²⁾. Въ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ по русской филологіи, Максимовичъ нѣсколько разъ возвращался къ вопросу о положеніи южно-скаго языка въ средѣ славянскихъ нарѣчій, и съ его трудовъ оръ“ перешелъ на историко-филологическую почву.

Максимовичъ принималъ вообще дѣленіе славянскаго міра не на основныя отрасли (восточную, южную и западную), какъ тогда именовенно принимали, а на двѣ: восточно-славянскую или русскую, западную, и въ эту послѣднюю помѣщалъ въ двухъ отдѣлахъ славянство южное и западное. Въ отрасли русской онъ находилъ два основныхъ разряда: сѣверно-русскій (гдѣ два отдѣла: великорусскій его нарѣчіями, и бѣлорусскій) и разрядъ южно-русскій (съ націями), такъ что послѣдній является въ роли языка, совершенно независимаго отъ рѣчи великорусской, ей равносильнаго и, можетъ быть, даже еще болѣе первобытнаго. Въ своихъ трудахъ, относящихся къ 30-мъ и 40-мъ годамъ, Максимовичъ могъ воспользоваться мнѣніемъ и другихъ ученыхъ, которые подобнымъ образомъ составляли о южно-русскомъ языкѣ понятіе, какъ объ языкѣ независимомъ. Къ такимъ взглядамъ приходилъ, напр., Надеждинъ ³⁾, который принималъ три главные вида русскаго языка: великорусскій, южно-русскій и бѣлорусскій, за три особые языка (не нарѣчія); по мнѣнію Надеждина, южно-русскій языкъ въ древности еще не разнился отъ церковно-славянскаго, и языкъ великорусскій, прежде все сходный съ церковно-славянскимъ, отдѣлился отъ него уже позднѣе, и отъ вліянія сѣвера сдѣлался полногласнымъ ⁴⁾.

¹⁾ Ср. выше, стр. 94.

²⁾ „Ученныя записки московскаго университета“, 1835. Въ 1837, въ Журналѣ и. просв. (т. XVII) напечатана была, переведенная съ польскаго, статья канона иереминскаго Могильницкаго (изъ львовскаго журнала *Szaworism naukowu*, 30, III), доказывавшая самостоятельность малорусскаго языка. Позднѣе, Кулишъ напечаталъ ее въ „Запискахъ о Южной Руси“ (т. II: „О древности и самобытности русскаго языка“). Объ этой статьѣ см. замѣчаніе Колосова, „Обзоръ звуковыхъ формальныхъ особенностей нар. рус. языка“, Варшава, 1873, стр. 253—254, прим.

³⁾ Статья: *Mundarten der russischen Sprache*, въ вѣнскихъ *Jahrbücher der Literatur*, 1841, Bd. 95, стр. 191—240, написанная по поводу книги Коппитара: *russii Glossographi discipulus etc.*, 1840; и Энциклопедическій Лексиконъ, т. IX, 37, статьи: „Великая Россія“.

⁴⁾ Это мнѣніе объ единствѣ древняго русскаго языка съ церковно-славянскимъ, о происхожденіи русскаго полногласія отъ вліянія сѣвера было тогда довольно распространено, — первое, по незнанію настоящаго церковно-славянскаго языка, — второе, по незнанію малорусскаго, въ которомъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ сѣверу,

Максимовичъ не принималъ мнѣнія объ единствѣ русскаго языка съ церковнымъ, и послѣдній считалъ по Добровскому за особый древній языкъ и другого племени, а русскій языкъ, какъ мы замѣтили, дѣлилъ на южную и сѣверную отрасль, „столько особенныя, что ихъ по сравненію съ другими, должно было признать за два языка и народа“ и которыя произошли и опредѣлились, безъ сомнѣнія, еще въ весьма древнее время ¹⁾. Это древнее время, какъ увидимъ, должно было, по мнѣнію Максимовича, относиться къ первымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ болѣе ранней работѣ, Максимовичъ принималъ не два, а три вида русскаго языка (великорусскій, малорусскій и бѣлорусскій), какъ „три особые однородные языка, наравнѣ съ прочими западно-словенскими языками, и даже съ большимъ правомъ, чѣмъ языки польскій, сербскій, чешскій и словацкій; ибо сіи послѣдніе сходнѣе между собою (?), чѣмъ южно-русскій съ великорусскимъ и даже съ бѣлорусскимъ“. Основу различія русскихъ нарѣчій онъ видѣлъ въ дѣленіи русскаго племени еще до начала нашей писанной исторіи, и „образование южнорусскаго языка въ Украинѣ, потомъ въ Червоной Руси происходило, безъ сомнѣнія, подъ вліяніемъ кievской или поляно-русской рѣчи“ ²⁾.

Этотъ взглядъ повторяется въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ Максимовича, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда онъ, превратившись изъ ботаника въ филолога, былъ профессоромъ русской словесности въ Кіевѣ ³⁾.

Взгляды Максимовича не могли назваться научными, такъ какъ и не было еще сдѣлано никакихъ изслѣдованій о малорусскомъ языкѣ, а тѣмъ менѣе объ его проявленіяхъ въ памятникахъ древней письменности. Отчасти Максимовичъ ссылаясь на знаменитыхъ западно-славянскихъ ученыхъ (Добровскій, Копитаръ, Шафарикъ), но тотъ изъ нихъ, который касался спеціальнаго этнографическаго вопроса о малорусскомъ племени и языкѣ, Шафарикъ, судилъ собственно о

полногласіе также существуетъ въ полной формѣ. Извѣстный И. И. Давидовъ въ своей лекціи „О составныхъ началахъ и направленіи древней отечественной словесности“ именно утверждалъ: а) что языкъ церковно-словенскій есть древній русскій; б) что „Славянское нарѣчіе Сѣверныхъ Руссовъ измѣнилось отъ сліянія съ реченіями Финновъ, которыя изобилуютъ гласными; и в) что, напротивъ, нарѣчіе Южныхъ Руссовъ удержало въ словахъ своихъ преимущественное господство согласныхъ, подобно языкамъ сербскому и болгарскому“ (Ученія Записки Моск. Универс., 1834). См. Собраніе сочиненій Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, стр. 9.

¹⁾ Собраніе сочин. Максим. III, 57.

²⁾ Тамъ же, III, стр. 398—401.

³⁾ Таковы были: „Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ“, в Журн. мин. просвѣщ. 1838; „Начатки русской филологіи“, 1845; „Исторія древней русской словесности“, Кіевъ, 1889 (и въ Собраніи сочиненій, т. III).

современныхъ отличійхъ русскихъ нарѣчій и дѣлалъ только самыя общія замѣчанія объ историческихъ слѣдахъ малорусской рѣчи въ древнихъ памятникахъ ¹⁾). Въ сущности, Максимовичъ руководился только общимъ впечатлѣніемъ историческихъ обстоятельствъ, рѣшалъ вопросъ на глазомѣрь. Взгляды его опредѣлились потомъ яснѣе, когда появились новые труды о древне-русскомъ языкѣ, основанные уже на болѣе точномъ изслѣдованіи и сильно разнорѣчившіе съ его понятіями. Такими трудами были двѣ вышедшія тогда книги: „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Срезневскаго (1849—50), и изслѣдованіе „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“, П. Лавровскаго (1852). Книга Срезневскаго была для своего времени явленіемъ весьма замѣчательнымъ. вмѣстѣ съ начинавшимися тогда же трудами Вуслаева, съ книгой Каткова „Объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка“ (1845), это былъ, послѣ общихъ основаній, положенныхъ Востоковымъ, первый приступъ къ правильному изслѣдованію явленій языка, которыя представлялись уже его исторіею. Съ одной стороны, дѣлались первыя пробы примѣнить къ славяно-русскому языку приемы сравнительной филологіи, съ другой, — начиналось пристальное изученіе древняго языка по памятникамъ. Въ названной книгѣ Срезневскій обратилъ вниманіе именно на эту послѣднюю сторону предмета и, что было особенно важно, поставилъ связать собранные имъ факты въ цѣльную картину, которая произвела въ свое время большое впечатлѣніе и хотя кажется неудовлетворительною съ нынѣшней точки зрѣнія, но до сихъ поръ не замѣнена другимъ подобнымъ трудомъ. Срезневскій находилъ вообще въ исторіи языка по отдѣленіи его отъ основнаго корня, какъ и въ исторіи языка русскаго, два главные періода — періодъ развитія и богатства формъ, и періодъ „превращеній“, какъ называлъ онъ позднѣйшія измѣненія первоначальныхъ формъ. Въ противность довольно общему тогда мнѣнію о господствѣ въ нашей древней письменности церковно-славянскаго языка, онъ находилъ, что русскій языкъ давно нашелъ себѣ выраженіе въ старыхъ нашихъ памятникахъ и что этого не замѣчали потому только, что въ томъ періодѣ языкъ церковный и народный имѣли много общаго. Далѣе, выдѣляя изъ памятниковъ церковно-славянскихъ русскія формы, принадлежащія русскимъ писцамъ, и собирая черты памятниковъ чисто русскихъ (лѣтописи, грамоты и пр.), можно было заключить, по его мнѣнію, что русскій языкъ въ эпоху выдѣленія изъ общаго славянскаго языка былъ уже на исходѣ развитія формъ и началъ вступать въ періодъ превращеній; но въ первыя вѣка нашей письменности, онъ все еще

¹⁾ Slowansky Narodopis, Praha, 1849 (3-е изд.), стр. 27.

былъ однороднымъ цѣлымъ, въ которомъ лишь съ XIV столѣтія можно наблюдать обособленіе двухъ главныхъ русскихъ нарѣчій— великорусскаго и малорусскаго. Мысли Срезневскаго, въ примѣненіи къ вопросу о сѣверномъ языкѣ, были развиты въ диссертациі Лавровскаго. Коснувшись въ началѣ своей книги вопроса о времени образованія малорусскаго языка, Лавровскій указывалъ единство русскаго языка до образованія русскаго государства, затѣмъ обстоятельства, содѣйствовавшія отдѣленію сѣверной Руси отъ южной и вмѣстѣ нарѣчія великорусскаго отъ малорусскаго, и приходилъ къ убѣжденію, что раздвоеніе языка произошло именно только послѣ того, какъ мало-по-малу совершилось раздвоеніе политическое, когда южная Русь въ XIV вѣкѣ вошла въ составъ великаго княжества литовскаго, вмѣстѣ съ которымъ подпала потомъ власти польской, и когда, въ началѣ XV столѣтія, учрежденіе особенной метрополіи въ Кіевѣ порвало и церковную связь южной Руси и сѣверной ¹⁾.

А до тѣхъ поръ, авторъ не видитъ никакихъ признаковъ дѣленія. Если вообще славянскія нарѣчія въ своихъ древнѣйшихъ памятникахъ чрезвычайно близки одно къ другому, то тѣмъ болѣе надо предположить сходство въ древнемъ языкѣ русскаго народа, соединеннаго тогда и одной вѣрой, и однимъ управленіемъ, и постоянными связями. „Одинаковость славянскаго происхожденія, единообразіе родового быта, одни преданія старины, которыя были такъ живы и свѣжи у всѣхъ славянъ въ то отдаленное время, не давали и не могли подавать повода къ раздѣльности языка на югъ и сѣверъ“. Правда, лѣтописецъ говоритъ о разницѣ племенъ, указываетъ какъ будто разрушеніе единства, но это различіе касалось лишь нѣкоторыхъ обрядовъ и, безъ сомнѣнія, не касалось языка,—какъ въ лѣтописи Нестора не видно никакого признака нарѣчія малорусскаго. „Уклоненій въ языкѣ можно ожидать только съ уклоненіями

¹⁾ „Вотъ только съ котораго времени,—говорилъ Лавровскій,—со времени раздвоенія государства русскаго, начатаго Боголюбскимъ, усиленнаго татарами и окончательно утвердившагося покореніемъ юга литовцами, можно ожидать начала раздвоенія и въ языкѣ русскомъ, все болѣе и болѣе развивавшемуся въ послѣдующее время. Съ XIII—XIV столѣтія южная Русь была покинута сѣверомъ; всякое сообщеніе прекратилось для нея и не только съ отдаленнымъ сѣверо-востокомъ, но и съ самимъ Новгородомъ. Предоставленная себѣ самой, она должна была подвергнуться новой участи, испытать новую жизнь, совершенно отличную отъ прежней, общей и для сѣвера, должна была находиться подъ властью государей иноземныхъ, терпѣть гоненія и вѣру и нерѣдко спасать языкъ отъ усиленныхъ вторженій чужеземщины. При такомъ положеніи дѣлъ могли появиться и особенности въ языкѣ, характеризующія говоръ южный, какъ отдѣльное нарѣчіе. А что онѣ появились не ранѣе этого времени, хотя и не тотчасъ послѣ отдѣленія политическаго, въ этомъ убѣждаетъ насъ филологическое разсмотрѣніе памятниковъ обихихъ частей Руси, южной и сѣверной“. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей, Сиб. 1852, стр. 11.

и жизни", но до основанія государства авторъ предполагаетъ ненарушимое сохраненіе старины и, слѣдовательно, измѣнъ языкѣ были невозможны. Если и было здѣсь какое различіе въ веромъ и югомъ, это было только различіе лексическое, а не отъ различія мѣстности, климата, быта, но не различіе въ строѣ языка. Эта нераздѣльность не могла падать и съ установленіемъ государства. Княжеская власть создавала общеніе между племенами, даже удѣльные распри поддерживали связь мѣстныхъ племенъ, укрѣпляли мысль о единствѣ русской земли. Иной порядокъ начинается только съ дѣятельности Андрея Боголюбскаго, возникаетъ стремленіе къ объединенію сѣверныхъ княжествъ и отъ юга.

Такимъ образомъ, признаки возникновенія малорусскаго нарѣчія заходятъ только не ранѣе XIII—XIV столѣтія. Всмотрѣвшись въ единности современнаго малорусскаго нарѣчія, Лавровскій, по словамъ Срезневскаго, отличаетъ въ нихъ два отдѣла: одни были исконныя, принадлежавшими нѣкогда не только цѣлому югу, но и всѣмъ славянскимъ нарѣчіямъ, и забытыми или стѣсненными у великоруссовъ; другія были явленіемъ мѣстнымъ, возникшим преимущественно или исключительно въ Малороссіи и вовсе чуждымъ нарѣчію великорусскому. Для вопроса о томъ, каковы были диалектическія особенности южному говору до XIII столѣтія, важнѣе, по мнѣнію Лавровскаго, только второй отдѣлъ, т. е. черты, которыя „отличаютъ нарѣчіе малорусское не только отъ сѣверныхъ, но и отъ древняго языка русскаго“. „Что касается до особенностей перваго рода, то онѣ, составляя нѣчто общее, принадлежатъ всему языку общеславянскаго, стали различіемъ южное нарѣчіе отъ сѣвернаго не потому, чтобы происхождение ихъ обязано было югу, а потому единственно, что, будучи старинными въ равной степени принадлежностью юга и сѣвера, мало-по-малу вышли здѣсь изъ сознанія народнаго и замѣнились звуками новыми"... И въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣленіе юга на восходитъ не далѣе XIII—XIV вѣка.

Въ изслѣдованіи важны были тѣмъ, что хотѣли основать рѣшеніе вопроса на изученіи самыхъ фактовъ языка, насколько они сохранились въ древнихъ памятникахъ; по вопросу едва ли не было разногласіе, чѣмъ тогда казалось. Лавровскій предполагалъ, напр., „сильное сходство" славянскихъ нарѣчій въ древнѣйшихъ памятникахъ,—теперь это сходство кажется менѣе поразительнымъ, потому что какъ расширяется знаніе старо-славянскаго, и когда выйдутъ изъ науки, напр., мнимо-древніе чешскіе памятники, которые тогда вѣрили. Менѣе доказанными покажутся теперь и аргу-

менты, которые Лавровскій извлекалъ изъ единства происхожденія, быта и преданій русскаго племени предъ началомъ государства. Въ сущности, объ этнографіи русскаго племени до половины IX вѣка мы знаемъ очень мало и доннѣ, и болѣе вѣроятно здѣсь разнообразіе, чѣмъ однообразіе: лѣтописецъ не даромъ дѣлилъ тогдашній русскій народъ на отдѣльныя племена, и древность нѣкоторыхъ изъ нихъ (хорваты, дулѣбы, дреговичи и др.) очень вѣроятна уже потому, что племена съ тѣми же именами встрѣчаются и въ другихъ, иногда весьма далекихъ славянскихъ краяхъ ¹⁾. Всего вѣроятнѣе, что это были дѣйствительно особые племенные отѣнки, а не безразличныя прозвища, и впоследствии, во времена самого лѣтописца, эти имена стали выходить изъ употребленія только потому, что въ быту сложились новыя политическія единицы, а не потому, чтобы вдругъ исчезла этнографическая особенность: племена стали называться по землямъ и княженіямъ, въ которыя вошли, но по существу оставались пока дулѣбами, древлянами, дреговичами и т. д. Если и теперь объединеніе политическое, церковное, административное, не уничтожило племенныхъ отѣнковъ русскаго народа и, напротивъ, въ условіяхъ быта возникаютъ новыя разновидности (какъ, напр., въ Сибири), то, вѣроятно, и въ древности объединеніе власти не болѣе вліяло на бытъ—грубо первобытный, разбитый по лѣснымъ и степнымъ захолустьямъ, когда и пути были несравненно болѣе рѣдки и трудны, чѣмъ послѣ. Историческія условія, на которыя указывалъ Лавровскій: единство власти, церкви, самыя удѣльныя распри, въ которыхъ сталкивались племена и княженія, внушали племенамъ понятія политическаго единства и единовѣрности, но едва ли въ силахъ были стереть отличія этнографическія. Одной изъ причинъ, почему возникало различіе юга отъ сѣвера, Лавровскій и другіе ученые того же взгляда считали политическія событія, какъ отдѣленіе сѣверныхъ княженій отъ южныхъ, дѣятельность Боголюбскаго и пр.; но не участвовало ли здѣсь также этнографическое различіе юга и сѣвера, наряду съ другими внѣшними условіями—экономическимъ положеніемъ, сосѣдствомъ и т. д.? Отчего Боголюбскій „не любилъ Кіева“? Новѣйшіе этнографы предпочитаютъ принимать болѣе устойчивую стойкость племенныхъ типовъ, а древность, конечно, не имѣла

¹⁾ Въ нижнѣйшей Галичинѣ, упоминаются хорваты, которыхъ находимъ также не только въ нижнѣйшей Хорватіи, но въ Богеміи и на Эльбѣ; дреговичи встрѣчаются въ древней Болгаріи и въ западномъ славянствѣ; дулѣбы, кромѣ нашихъ, въ Чехіи и въ Панноніи; поляне были кіевскіе и польскіе; жители новгородской земли, одинъ изъ всѣхъ русскихъ племенъ, называются славянами въ параллель къ нижнѣйшимъ словенцамъ и словенцамъ (словакамъ)... Эти племена древней Руси извѣстны были отчасти и писателямъ иностранцамъ.

тѣхъ громаднѣхъ средствъ племенной нивелировки, какими обладаетъ современная власть, быть и цивилизація...

Возможно, что этнографическія отличія русскаго юга, сѣвера, сѣверо-запада и сѣверо-востока существовали еще въ древнемъ періодѣ, къ началу писанной исторіи; происходя отъ первоначальныхъ варіацій племенъ, жившихъ врозь и имѣвшихъ „каждо свой нравъ“, эти отличія—гдѣ сливались, гдѣ удерживались и подчинялись равнымъ условіямъ быта и сосѣдства—на сѣверѣ финскаго, на югѣ туркскaго, на западѣ польскаго и т. д. Исторія этихъ племенъ и нарѣчій еще не написана, и за скудостью *прямыхъ* свидѣтельствъ о языкѣ, при опредѣленіи его исторіи, не должно ли будетъ дать также вѣсь историко-этнографическимъ соображеніямъ?

Книжки Срезневскаго и Лавровскаго встрѣтили ревностнаго прозелита въ Погодинѣ, хотя дошли до него не очень скоро. Въ 1856 г., въ „Извѣстіяхъ“ русскаго отдѣленія Академіи явилась его „Записка о древнемъ языкѣ русскомъ“. Погодинъ не былъ нимало филологомъ, но вычитанныя имъ новыя мнѣнія ободрили его высказать мысли, къ которымъ онъ частію приходилъ уже раньше, „независимо отъ посторонняго вліянія“: теперь, получивъ сильное подкрѣпленіе, онъ уходилъ еще дальше теперешнихъ руководителей. „Записка“ адресована къ Срезневскому. Въ новыхъ книгахъ Погодинъ вычиталъ, что въ древней русской письменности языкъ народный и книжный былъ одинъ и тотъ же, что въ немъ не было ничего нынѣшняго малороссійскаго и что поэтому начало малороссійскаго нарѣчія должно быть отнесено не ранѣе какъ къ XIV вѣку. Онъ и прежде замѣчалъ, что въ старыхъ лѣтописяхъ нѣтъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія, что слова бытовыя — не малороссійскія; далѣе онъ „продолжалъ разсуждать со страхомъ, непрерывно впрочемъ ободряясь“, и утѣрился, что если дать прочесть старыя лѣтописи „любому великороссійнину“, то онъ пойметъ ихъ, кромѣ нѣсколькихъ частныхъ, а малороссійнинъ пойметъ лишь въ той степени, въ какой знаетъ нарѣчіе великороссійское; что малороссіянне народъ пѣвучій и однако не знаютъ никакихъ пѣсенъ отъ древняго времени, между тѣмъ какъ у великороссіянъ поются вездѣ пѣсни о Владимірѣ и его вѣтѣхъ; что характеръ князей, когда они утратили свое норманство, гораздо ближе къ великороссійскому, чѣмъ къ малороссійскому и т. д. Въ всего этого Погодинъ извлекъ то, что южноруссовъ совсѣмъ не было: „въ Кіевѣ жило до татаръ *великороссійское* племя“—оттого и нѣтъ въ лѣтописи отголосковъ малороссійскаго нарѣчія, оттого нѣтъ у малороссовъ пѣсенъ о князѣ Владимірѣ, оттого князья отличаются *великороссійскимъ* характеромъ.

Затѣмъ, „одна удача ободрила на другую“: „да на что же пред-

полагать чужое, мертвое, церковное нарѣчіе? сталъ разсуждать и дальше—и рѣшилъ, что лѣтописцы писали на своемъ живомъ языкѣ.

„Смѣлѣе и смѣлѣе!

„Языкѣ лѣтописей, вмѣстѣ и языкѣ церковный, былъ языкомъ живымъ, а говорили имъ великороссіане.

„Слѣдовательно, церковный языкѣ есть *нашъ* языкѣ, или, по крайней мѣрѣ, наше древнее великороссійское нарѣчіе было къ нему самое близкое, почти тождественное.

„А мы ищемъ его по всему свѣту и не находимъ!“—Какъ же могло это случиться? „А какъ могло случиться, отвѣчаю я, что племена славянскія разсыпались по всей Европѣ и представили собою, въ историческое время, растасованную колоду картъ. Племя, чтѣ мы называемъ теперь великороссійскимъ, могло жить въ окрестностяхъ Солуни, близъ береговъ Чернаго моря, на Днѣпрѣ, въ Кіевѣ и въ нынѣшней Великороссіи“. Откуда же взялись малороссіане, живущіе теперь въ сторонѣ днѣпровской и окружной? „Они пришли послѣ татаръ отъ Карпатскихъ горъ и заняли кіевскую губернію, такъ какъ потомки ихъ въ XVII столѣтіи заняли харьковскую, подвинулись къ Воронежу и къ Курску“. А куда дѣлись кіевскіе великороссіане? Они, по мнѣнію Погодина, послѣ татаръ отодвинулись на сѣверъ, куда и до татаръ они распространялись безпрестанно съ своими князьями.

„Записка“ Погодина вызвала длинныя обличенія Максимовича. Послѣдній былъ весьма умѣренный украинофилъ, но теорія Погодина показалась ему нарушеніемъ не только исторіи, но и самыхъ тѣлыхъ привязанностей его къ своей родинѣ и къ малорусскому языку¹⁾. Бесѣда²⁾ велась въ дружеско-полемиическомъ тонѣ; Максимовичъ, по домашнему, урезонивалъ, усовѣщивалъ и поучалъ Погодина, и какъ будто избѣгалъ говорить о Срезневскомъ и Лавровскомъ. Въ полемикѣ Погодина и Максимовича „споръ между южанами и сѣверянами“ совершался въ полной формѣ: для обѣихъ сторонъ и особенно для Максимовича видимо шелъ не одинъ археологическій во-

¹⁾ „Люблю языкъ моей родины и уже лѣтъ тридцать наблюдаю звуки его въ сравненіи съ Сѣверно-Русскими и съ Западно-Славянскими; примѣчаю всѣ его отклонки въ народныхъ пѣсняхъ и въ письменныхъ памятникахъ, разныхъ вѣковъ. Во всѣхъ древнихъ памятникахъ, писанныхъ нѣкогда въ нашемъ Русскомъ Югѣ, явлю ясно слѣды Южно-русскаго языка въ текстѣ Церковно-Славянскомъ; и ихъ много“. Собр. соч., III, стр. 239—240.

²⁾ Филологическія письма къ М. П. Погодину, въ Р. Бесѣдѣ, 1856, № 3, стр. 78—139; далѣе „Отвѣтныя письма“ къ М. П. Погодину на Р. Бесѣдѣ, 1857, № 2, стр. 80—104. (Отвѣтъ Погодина на первыя письма былъ помѣщенъ также въ Р. Бесѣдѣ, 1856, книга IV). Письма Максимовича повторены въ Собраніи сочиненій, т. III.

простъ, но и вопросъ о большемъ или меньшемъ значеніи самой народности. Прежде всего Максимовичъ напоминаетъ Погодину старыя понятія послѣдняго о древности малороссійскаго народа. Въ прежнее время самъ Погодинъ ¹⁾ находилъ, что „норманъ (Рюрикъ) въ пятомъ, шестомъ колѣнѣ сдѣлался *малороссійяниномъ*“; что Андрей Боголюбскій, переселившись на сѣверо-востокъ, „сохранилъ, разумѣется, свое *малороссійское* происхожденіе и только дѣти и внуки его, и его братьевъ, послѣ монголовъ, живя между великороссіянами, сдѣлались сами *великороссіянами*“; что въ Кіевѣ говорили въ старину *по-малороссійски* какъ и теперь, что „*всею немыслимою* мысль или положеніе, которое находится у насъ въ общемъ оборотѣ, будто русскій языкъ происходитъ отъ славянскаго“.—„Все это было очень близко къ правдѣ“, находилъ Максимовичъ, но теперь его другъ внезапно сбился съ настоящей дороги и очутился въ лѣсу гипотезъ, увешенный филологическими призраками. Максимовичъ вознамѣрился вывести его изъ этого лѣса и опровергаетъ, одно за другимъ, всѣ его положенія, пользуясь, между прочимъ, аргументами, которые нѣкогда были собраны самимъ Погодинымъ. Собственное его мнѣніе было то, что южно-русскій и сѣверно-русскій языки—родные братья, сыновья одной русской рѣчи, и что южно-русскій языкъ образовался еще въ древнее до-татарское время, когда кіевская Русь была представительницей русскаго міра, какъ послѣ татаръ стала Русь московская, и онъ собираетъ, въ доказательство этого, рядъ соображеній историческихъ и филологическихъ. Позднѣйшіе изслѣдователи находили филологическое знаніе Максимовича недостаточнымъ. Дѣйствительно, какъ человекъ стараго вѣка, онъ былъ въ этомъ предметѣ самоучка; но—какова была и филологія Погодина? а историческія соображенія, какія дѣлалъ Максимовичъ, не были лишены значенія.

Въ 1859 году, явился трудъ Лавровскаго: „Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями“ ²⁾. Въ началѣ Лавровскій указывалъ на необходимость ученой разработки малорусскаго нарѣчія, „развившаго въ себѣ столь же своеобразныя черты, какъ и остальные нарѣчія славянскія“, тѣмъ болѣе, что для этого нарѣчія было сдѣлано еще очень мало, а между тѣмъ нѣкоторыя черты его начинаютъ сглаживаться, вслѣдствіе проивившагося сближенія съ говоромъ великорусскимъ. „Это сближеніе вполне уже очевидно въ горо-

¹⁾ Москвитинъ, 1845, кн. III; „Изслѣдованія, замѣчанія и лекціи“, 1846, т. III, стр. 357.

²⁾ Журн. мин. просв. 1859, іюнь, стр. 225—266. Статья напечатана не совершенно аккуратно, и между прочимъ на стр. 227—228 расположеніе текста спутано.

дахъ, въ малорусскихъ селеніяхъ, смежныхъ съ великорусскими, и въ селеніяхъ съ народонаселеніемъ смѣшаннымъ; оно отчасти проникаетъ въ самую глушь Малороссіи и должно проникать и проникнуть, если мы примемъ въ соображеніе обнаруживающуюся къ этому сближенію охоту въ самихъ простолюдинахъ“. Сдѣлать остается еще многое: не опредѣлены еще мѣстные малорусскіе говоры, и самыя общія черты отдѣляющія это нарѣчіе отъ другихъ родственныхъ, особливо отъ великорусскаго, извѣстны лишь въ маломъ количествѣ и въ разбросанномъ видѣ. Между тѣмъ значительный матеріалъ для изслѣдованія могли бы доставить уже многочисленныя изданія произведеній народной поэзіи, исполненныя, большею частью, людьми весьма компетентными. Опытъ такой разработки и предпринялъ Лавровскій имѣя въ виду не исторію языка, а лишь его современное состояніе. Общее впечатлѣніе его было таково, что онъ ставилъ малорусское нарѣчіе, по обилію его особенностей, наряду съ другими славянскими нарѣчіями, т.-е. именно такъ, какъ ставилъ его Максимовичъ и потому писатели украинофильскіе, для которыхъ особенность языка представляется лишнимъ этнографическимъ правомъ южно-русской народности. Ближайшее родство малорусскій имѣетъ съ великорусскимъ, но рядомъ съ огромнымъ количествомъ чертъ общихъ имъ обоимъ Лавровскій видитъ въ малорусскомъ и такія особенности, которыя сближаютъ малорусское нарѣчіе съ южными славянскими, а именно съ сербскимъ. Для объясненія этого неожиданнаго явленія Лавровскій возвращается къ вопросу объ историческомъ происхожденіи племени и присоединяется къ предположенію Погодина о выселеніи малоруссовъ изъ-подъ Карпатъ. „Какимъ образомъ могло произойти такое сходство малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ?—спрашиваетъ Лавровскій.—Не встрѣчая ни одной черты изъ приведенныхъ выше, сродныхъ съ сербскимъ нарѣчіемъ, въ древнихъ памятникахъ русскихъ, писанныхъ на югѣ Россіи, замѣчая напротивъ, на основаніи этихъ памятниковъ, рѣзкое, въ звукахъ и въ формахъ, единство для языка обѣихъ половинъ Руси и имѣя въ лѣтописяхъ и актахъ Новгородскихъ рѣшительное доказательство невозможности не прорваться гдѣ-нибудь говору народному въ письменности, мы должны обратиться съ большимъ еще правомъ опять къ гипотезѣ, высказанной нѣкогда М. П. Погодинымъ относительно позднѣйшаго выселенія нынѣшняго малорусскаго племени, послѣ поработенія юга Россіи татарами, съ Карпатскихъ горъ,—къ гипотезѣ, объясняемой вообще родствомъ говора малорусскаго съ русинскимъ карпатскимъ и подтверждаемой общими чертами съ сербскимъ нарѣчіемъ, которыя легко могли развиваться на сосѣднихъ съ сербскими поселеніями

Карпатахъ, въ мѣстности, гдѣ по Багрянородному находилась великая Сербія“.

„Обзоръ“ Лавровскаго написанъ былъ еще въ концѣ 1855, но пролежалъ нѣсколько лѣтъ въ редакціи журнала министерства и напечатанъ былъ только въ 1859 году. Когда появились первыя „Филологическія письма“ Максимовича, Лавровскій тогда же на нихъ отзывался (въ декабрѣ 1856), но статья, посланная въ тотъ же журналъ, опять пролежала тамъ нѣсколько лѣтъ и появилась, черезъ посредство Погодина и Костомарова, уже въ „Основѣ“¹⁾.

Въ разборѣ писемъ Максимовича къ Погодину, Лавровскій, не вдаваясь во всѣ подробности ихъ, остановился только на чисто филологическомъ вопросѣ о томъ, имѣются ли въ древней русской письменности отраженія малорусскаго нарѣчія, и приходилъ къ отвѣту отрицательному. Онъ отказывался принимать въ расчетъ особенности лексическія, которыя могли принадлежать одинаково и югу, и сѣверу, или, еслибы даже и принадлежали одному югу, не составляли бы особенности его нарѣчія,—такъ какъ особыя мѣстные слова могли бы существовать, по различію бытовыхъ условій или сосѣдства (у котораго онѣ могли бы быть заимствованы), у одного и того же племени, въ одномъ и томъ же языкѣ. Что же касается различія въ звукахъ и формахъ, то Лавровскій приводилъ изъ памятниковъ сѣверныхъ примѣры звуковыхъ особенностей и формъ, которыя Максимовичъ считалъ исключительно малорусскими. Словомъ, онъ остался при своемъ прежнемъ мнѣніи, отвѣтивъ отчасти и на тѣ укоры, которые полускрыты были въ письмахъ Максимовича относительно Лавровскаго и его учителя.

Максимовичъ не оставилъ этого безъ отвѣта, но опять адресовать свой отвѣтъ къ Погодину²⁾. На замѣчанія Лавровскаго онъ собираетъ новые аргументы, иногда не лишеныя справедливости. Упоминая въ началѣ о мнѣніи Срезневскаго о несуществованіи малороссійскаго нарѣчія до XIV вѣка, онъ замѣчаетъ мимоходомъ, что не читалъ (въ 1863) ничего писаннаго и изданнаго Срезневскимъ послѣ 1843 года (!), кромѣ „Задонщины“; объ его мнѣніяхъ онъ знаетъ только изъ „Записки“ Погодина и опровергаетъ своего друга, выходявшаго взгляды Срезневскаго новымъ, указывая, что это былъ давно извѣстный взглядъ, напр., у такихъ ученыхъ, какъ Граматинъ

¹⁾ „Отвѣтъ на письма г. Максимовича г. Погодину о нарѣчій малорусскомъ“ „Основѣ“, 1861, августъ, стр. 14 — 40. Тамъ же явилась статья Лавровскаго: „По вопросу о южно-русскомъ языкѣ“, „Основѣ“, 1861, ноябрь и декабрь, стр. 72—83, начинающаяся съ самой редакціей этого журнала.

²⁾ Новыя письма къ М. П. Погодину, о старобытности малороссійскаго нарѣчія, „Лѣтъ“, 1863, № 8, 10, 15, 16, и въ Собраніи сочиненій, т. III.

или Гречъ. Перебирая мнѣнія объ этомъ предметѣ, онъ припоминаетъ и мнѣніе Надеждина, что великорусскій языкъ образовался изъ соединенія языковъ бѣлорусскаго и южно-русскаго, особенно вслѣдствіе переходовъ и переселеній. Лавровскаго онъ упрекаетъ въ противорѣчіяхъ, когда тотъ говорилъ то о безразличіи древняго русскаго языка, то о существованіи малорусскаго нарѣчія и народа—въ Карпатахъ, откуда они пришли въ Кіевъ въ XIV столѣтіи, и до спрашиваетъ его о бѣлорусскомъ нарѣчіи: когда оно обособилось въ предѣлахъ нынѣшняго русскаго государства; категорически опровергаетъ его замѣчанія о сходствѣ малорусскаго нарѣчія съ сербскимъ. Относительно старыхъ памятниковъ, Максимовичъ замѣчаетъ: „Тѣ именно древле-кіевская и древле-галицкая письменность, въ которой преимущественно могли отзываться и высказываться особенности языка своенароднаго, погибла вся, по крайней мѣрѣ донныя намъ ничего изъ нея неизвѣстно... При такомъ отсутствіи самихъ памятниковъ древней южно-русской письменности, справедливое ли дѣло заключать и возглашать уже о совершенномъ отсутствіи въ ней всякихъ слѣдовъ малорусскаго нарѣчія?“

Вторая статья Лавровскаго въ „Основѣ“ написана по поводу замѣчанія, которымъ редація этого журнала сопровождала его первую статью. Тамъ сказано было, что редація помѣщала статью Лавровскаго „не какъ выраженіе мнѣній редакціи по вопросу о южно-русскомъ языкѣ, а какъ личное мнѣніе автора, могущее вызвать возраженіе, а, можетъ быть, и разрѣшеніе вопроса, весьма любопытнаго въ настоящее время, когда—съ одной стороны—великороссы, а съ другой—поляки усматриваютъ въ древней южной-русской письменности начатки своихъ собственныхъ языковъ и не признаютъ, въ то же время, признаковъ языка мѣстнаго“. Лавровскій рѣшительно отвергалъ какую-нибудь тенденціозность своихъ мнѣній; редація, съ своей стороны, указывала образчики отношенія къ вопросу въ литературѣ, гдѣ нельзя было не видѣть племенной исключительности и недружелюбія. Каждая изъ сторонъ была въ томъ или другомъ права ¹⁾.

Съ 60-хъ годовъ можно замѣтить новый поворотъ въ изслѣдованіяхъ о малорусскомъ языкѣ. Главное мѣсто принадлежитъ здѣсь

---

¹⁾ Мнѣніе о выселеніи малоруссовъ съ Карпатъ разобрано было въ статьѣ Котляревскаго въ той же „Основѣ“. Объ этомъ предметѣ см. также ст. В. Б. Антоновича: „Кіевъ, его судьба и значеніе съ XIV по XVI столѣтіе“, въ „Монографіяхъ“ Кіева, 1885, и въ статьяхъ Ир. Житецкаго: „Смѣна народностей въ южной Русѣ“, К. Старина, 1883—84. Статья г. Антоновича вызвала возраженія Н. П. Дашкевича и г. Соболевскаго (въ Журн. мин. просв. 1885).

трудамъ г. Потебни. Вмѣстѣ съ тѣмъ начались изслѣдованія малорусскаго языка у ученыхъ западно-славянскихъ.

Въ тотъ споръ о малорусскомъ языкѣ, о которомъ мы говорили, г. Потебня не вступался и устанавлилъ только положенія, которыя казались ему вытекающими изъ историческихъ данныхъ языка, или устранялъ мнѣнія, казавшіяся ему неправильными, короткимъ опроверженіемъ. Мы не имѣемъ возможности входить въ частности и приведемъ лишь нѣсколько общихъ замѣчаній его о состояніи древняго русскаго языка и возможной эпохѣ выдѣленія нарѣчій. Русскій языкъ дѣлится, по его мнѣнію, и дѣлится изстари, на два главныхъ нарѣчія: великорусское и малорусское, и первое также очень давно дѣлится на южное и сѣверное, и къ южно-великорусскому принадлежитъ бѣлорусское, какъ особая его вѣтвь. „Русскій языкъ, въ смыслѣ совокупности русскихъ нарѣчій, есть отвлеченіе; но возводя теперешнія русскія нарѣчія къ ихъ древнѣйшимъ признакамъ, находимъ, что въ основаніи этихъ нарѣчій лежитъ одинъ, конкретный, нераздробленный языкъ, уже отличный отъ другихъ славянскихъ... Раздробленіе этого языка на нарѣчія началось многимъ раньше XII в., потому что въ началѣ XIII в. находимъ уже несомнѣнные слѣды раздѣленія самого великорусскаго нарѣчія на сѣверо-великорусское и южно-великорусское, и такое раздѣленіе необходимо предполагаетъ уже и существованіе малорусскаго, которое болѣе отличается отъ каждаго изъ великорусскихъ, чѣмъ эти послѣднія другъ отъ друга“.

Авторъ считаетъ несправедливымъ приписывать Срезневскому мнѣніе о безразличіи русскаго языка до XIV столѣтія. Онъ выписываетъ изъ предисловія Срезневскаго къ „Запискѣ“ Погодина мысль, что „XIII и XIV вѣкъ былъ временемъ образованія мѣстныхъ нарѣчій великорусскаго и малорусскаго, какъ нарѣчій отдѣльных“, и что „нѣкоторыя особенности мѣстныхъ говоровъ появились очень рано, но только говоровъ, а не нарѣчій“,—и находитъ, что эти слова не противорѣчатъ и его собственному взгляду; но, замѣчаетъ г. Потебня, „никто до сихъ поръ точно не опредѣлилъ и никогда не опредѣлитъ разницы между нарѣчіемъ и говоромъ. Каждый имѣетъ полное право думать, что рѣчь, имѣющая 5, 10 и т. д. отличій отъ другой, принятой за мѣрку, есть говоръ, но, съ появленіемъ шестого, одиннадцатаго и т. д. признака, она становится нарѣчіемъ“.

Появленіе мѣстныхъ особенностей, которыя послужили къ раздѣленію нарѣчій, г. Потебня считаетъ возможнымъ относить ко времени задолго до XIII столѣтія, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ предполагаемое обще-великорусское нарѣчіе, по его мнѣнію, уже въ X-мъ вѣкѣ или раньше выдѣлилось отъ древняго языка, и т. д. ¹⁾.

¹⁾ „Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка“, стр. 138—140; см. также 108, 109, 112, 124 и др.

Срезневскій, разбирая эти изслѣдованія, не совсѣмъ соглашался съ общей точкой зрѣнія, и съ подборомъ главныхъ вопросовъ, разрѣшенія которыхъ зависить опредѣленіе отличительныхъ признаковъ русскихъ нарѣчій; но, не вдаваясь въ объясненіе своего разногласія вообще, отдаетъ великую похвалу большой тонкости этихъ изслѣдованій г. Потебни, и по поводу „Замѣтокъ о малорусскомъ нарѣчій“ говоритъ, что „кто, прочетши эти замѣтки, захочетъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что онъ изъ нихъ узналъ, тотъ будетъ въ состояніи только опредѣлить звуковыя особенности малорусскаго нарѣчія сравнительно съ великорусскими въ ихъ повременномъ развитіи, общемъ и мѣстномъ, но и ясно отвѣчать на нѣкоторые трудные вопросы: нетники русскаго языка вообще, имѣя средства доказательно опровергать нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ рѣшеній, могшихъ казаться окончательными“.

Въ галицко-русской литературѣ потребность опредѣленія языка явилась одновременно съ первыми опытами литературнаго возрожденія въ 30-хъ годахъ. Мы находимъ здѣсь цѣлый рядъ грамматикъ малорусскаго языка, писанныхъ по-латыни, по славяно-русски по-нѣмецки и по-польски,—грамматикъ различнаго достоинства, въ большинствѣ мало удовлетворительныхъ, отчасти по неумѣю выдѣлять народную рѣчь изъ обычнаго смѣшаннаго славяно-русскаго языка, который издавна держался въ русской Галиціи подъ вліяніемъ книгъ церковныхъ, отчасти по недостаточности самыхъ филологическихъ приѣмовъ ¹⁾. Главнѣйшимъ изъ новыхъ трудовъ галиц-

¹⁾ Grammatica Slavo-ruthena, seu Vetero-slavicae, et actu in montibus Carpathicis Parvo-russicae, seu dialecti viventis linguae. Edita per Michaellem Lutskim Budae, 1830.

— Grammatik der Ruthenischen oder klein-russischen Sprache in Galicien von J. Lewicki. Przemyśl. 1834.

— Grammatyka języka Małoruskiego w Galicji ułożona przez Jana Wagilewicza. Lwów. 1845.

— J. Łozinski, Grammatyka języka ruskiego (т.-е. малорусскаго). Przemyśl. 1844.

— Я. Головацкій, Розправа о языкѣ южно-русскомъ и его нарѣчіяхъ. Львовъ. 1849; Грамматика русскаго языка. Во Львовѣ, 1849.

— Осадца, Грамматика русскаго языка. Львовъ, 1864 (по Милосиичу).

Изъ этихъ писателей Лучкай и Левицкій не достаточно отдѣляютъ южно-русскій языкъ отъ церковнаго; Вагилевичъ взялъ себѣ образцомъ Греча и Востокова: въ предисловіи сообщилъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній изъ народныхъ нарѣчій. О самомъ языкѣ онъ говоритъ, что это есть „особый срединный языкъ въ славянствѣ, вследствие чего онъ много вліялъ на книжные языки польскій и русскій; восточного можно было бы считать подрѣченіемъ обоимъ въ томъ смыслѣ, что, относительно обоимъ, онъ есть языкъ подчиненный“. Въ „Росправѣ“ Головацкаго собраны особые вѣдомости мѣстныхъ говоровъ, именно: галицкаго, горскаго (карпато-русскаго) и волынскаго львовскаго.

ученыхъ является книга Э. Огоновскаго ¹⁾, профессора львов-университета. Огоновскій весьма полно воспользовался лите-ратурнымъ предметомъ, и опять поставилъ вопросъ объ историческомъ значеніи малорусскаго языка къ великорусскому. Предметъ, ко-торый въ нашей наукѣ все еще представляетъ спорные истори-ческие и практическіе пункты, у галичанъ, вслѣдствіе особаго поло-женія литературы и политической жизни, тѣмъ болѣе служить предметомъ къ крайнему разногласію: принадлежать ли они къ *единому* русскому) племени,—или же къ особому племени южно-рус-скому, какъ Россія (языкъ которой другою стороною считается обще-русскимъ) и ея литература принадлежать собственно племени великорусскому? Бросить ли имъ свою народную рѣчь и перейти къ обще-русской, т.-е. великорусской,—или держаться своего истиннаго южно-русскаго языка, остаться въ связи съ своимъ племнемъ (не знающимъ языка великорусскаго) и съ южно-русскими имперіи и сохранить *собственное* древнее національное слово, которое было кievско-галицкое, т.-е., по ихъ убѣжденію, истинно-русское?

Если мы говорили, что съ этимъ сложнымъ и труднымъ вопро-сомъ галицко-русская литература носитъ съ первой поры своего ро-жденія и до сихъ поръ не можетъ рѣшить недоумѣнія, въ са-момъ, нелегкаго. Стремиться къ *обще-русскому* единству?—но въ галицкой жизни имѣетъ мало общаго: русскіе галичане, для нихъ и не очень трудно было бы выучиваться по-русски, въ настоящее время не знаютъ русскаго книжнаго языка, и содержание чуждой литературы, такъ пропитанной русскою жизнью, для нихъ было вразумительно, какъ и для всѣхъ вообще нашихъ „братъевъ“, тѣмъ менѣе она имъ доступна, чѣмъ она именно больше въ россійской жизни, чѣмъ болѣе „національна“ въ настоящемъ смыслѣ слова. До сихъ поръ галицкія стремленія къ „обще-русскому“ лите-ратурному единству проявлялись обыкновенно только въ уродливой формѣ; между тѣмъ это обще-русское единство, понятое серьезно, могло бы быть сильной опорой для этой мѣстной русской жизни, могло бы доставить ей поддержку той великой умственной и нрав-ственной силы, какую, при всѣхъ трудностяхъ и бѣдствіяхъ своего развитія, успѣла собрать русская литература и наука въ своемъ по-слѣднемъ періодѣ. Или, стремиться къ единству только *южно-русскому*? Этими и одушевляются лучшіе дѣятели галицкой литературы: они

¹⁾ „Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache, von Dr. Emil Ogonowski. Lemberg, 1880. Добавленіемъ къ ней служатъ статьи въ запискахъ (Rozprawy i Sprawozdania) Краковской академіи: O ważniejszych właściwościach języka rzymsko-Kraków, 1888.

сосчитываютъ статистическія цифры своего племени—въ *Россіи* и въ *Австріи* (какъ будто это все равно)—и думаютъ, что племя въ пятнадцать или даже въ двадцать милліоновъ должно имѣть свою литературу и будетъ имѣть ее; но, племя раздѣлено исторіей, и наибольшая половина живетъ давно въ тѣсныхъ связяхъ съ великорускимъ центромъ, съ которымъ едва ли можетъ раздѣлиться въ своемъ умственной жизни; здѣсь литература на народномъ языкѣ давно стала провинціализмомъ и союзъ съ нею для галичанъ прибавляетъ мало въ смыслѣ высшихъ задачъ науки и литературы, и самая народная жизнь восточной части южно-русскаго племени не совсѣмъ похожа на жизнь части западной. Но въ то же время, галицко-русская литература не можетъ обойтись безъ народнаго языка, если только хочетъ быть понятна въ настоящую минуту своей народной массѣ, а безъ этого она и не можетъ служить ей интересамъ.

Большинству галицко-русскихъ дѣятелей это противорѣчіе представляется безысходнымъ и они останавливаются обыкновенно на той или на другой части этой дилеммы, и факты новѣйшей русскаго и малорусскаго жизни (какъ, напр., крайняя нетерпимость къ украинфильству въ Россіи и запрещенія, падавшія здѣсь на малорусскую рѣчь и литературу) убѣждали ихъ, что иначе и быть не можетъ.

Въ дѣйствительности, безысходнаго противорѣчія нѣтъ. Слѣзкой понятный интересъ долженъ, напротивъ, убѣждать въ необходимости того и другого — и тѣсныхъ связей съ обще-русской литературой, и разработки своего народнаго языка. При всемъ различіи судьбы Руси галицкой съ судьбою массы русскаго народа, эта масса есть все-таки единственная сильная племенная опора, и оторванная исторіей доля племени найдетъ здѣсь еще много общаго, родственнаго и сочувственнаго, чего ей больше негдѣ искать; соседняя, и легко въ сущности понятная, богатая литература, можетъ дать готовый обширный запасъ содержанія, выработка котораго силами одной мѣстной народности была бы невыполнима; а вѣчная зависимость въ высшихъ вопросахъ, отъ литературы чужезычной (напр. нѣмецкой) не преминула бы отозваться внутреннимъ упадкомъ національности. Съ другой стороны, въ настоящемъ положеніи галицко-русской жизни развитіе литературы на народномъ языкѣ остается пока единственнымъ средствомъ просвѣщенія народа.

Своему изслѣдованію южно-русскаго языка г. Огоновскій препослалъ вводную статью, гдѣ объясняетъ „отношенія южно-русскаго языка къ русскому“ ¹⁾. Г. Огоновскій, самъ ревностный галицко-русскаго патріотъ, окруженный борьбою противоположныхъ направ-

¹⁾ Южно-русскаго обозначается у него ruthenisch.

лений, естественно долженъ былъ считаться съ тѣми взглядами, какіе господствуютъ въ его обществѣ и самъ не свободенъ отъ ихъ односторонности. Въ виду споровъ о судьбѣ народности и литературы, для галицкихъ патріотовъ однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ является стремленіе доказать отдѣльность и независимость своего языка отъ русскаго. Чувствуя эту отдѣльность языка въ настоящую минуту, желая защитить его нынѣшнюю литературу, они распространяютъ свой взглядъ на прошедшее и считаютъ свой языкъ подлиннымъ древнимъ русскимъ, а языкъ великорусскій—новой формацией; этотъ новый („московскій“) языкъ присвоилъ себѣ элементы церковнославянскаго и древне-русскаго языка, давши имъ свою новую, чуждую окраску въ ущербъ старому и подлинному основанію. Читая нѣкоторыя разсужденія объ этомъ предметѣ у галицко-русскихъ писателей, можно встрѣтить въ нихъ сходство съ извѣстными разсужденіями польскихъ писателей о „русскомъ“ и „московскомъ“ языкѣ и народности, съ подобною утратой исторической перспективы. Г. Огоновскій не доходитъ до этой крайности, но и не совершенно свободенъ отъ нея. Ему кажется страннымъ фактъ, что „языкъ, который въ теченіе столѣтій считался самостоятельнымъ, теперь, главнымъ образомъ по политическимъ причинамъ, или совершенно игнорируется, или выставляется какъ нарѣчіе русскаго языка, а иной разъ даже какъ нарѣчіе языка польскаго. Правда, нельзя отвергать, что рутенскій ¹⁾ языкъ находится въ странномъ отношеніи къ русскому, именно, что лексическій и грамматическій матеріалъ перваго былъ, въ XVIII и XIX столѣтіи, такъ поглощенъ московскимъ нарѣчіемъ (*moscowitischer Dialect*), что новый языкъ принялъ даже атрибутъ *русскаго* (!): и однако же каждому мыслящему филологу ясно какъ день, что рутенскій языкъ, несмотря на видимое (?) тождество въ названіи, никакъ не можетъ разсматриваться какъ нарѣчіе русскаго языка, но какъ равный съ нимъ языкъ. Большая часть недоразумѣній, въ этомъ отношеніи, вызвана, безъ сомнѣнія, упомянутымъ названіемъ этихъ языковъ („*ruthenisch*“ und „*russisch*“). Дѣло въ томъ, что такъ какъ оба эти слова представляютъ переводъ одного и того же прилагательнаго (роусскій), то можно было, особенно за границей, считать себя въ правѣ думать, что между названными языками нѣтъ никакого существеннаго различія. Но всякое недоразумѣніе устранилось бы только тогда, еслибы русскій языкъ не отвергалъ своего московскаго происхожденія и имени (!). Между тѣмъ, можно утѣшаться мыслью, что простое названіе, т.-е. внѣшнее обо-

¹⁾ Т.-е. настоящій старый и подлинный, нынѣ южно-русскій, языкъ. Удерживаетъ терминъ автора, для большей наглядности.

значеніе, нисколько не измѣняетъ сущности языка, что поэтому, смотря на сходство въ названіи, рутенскій и русскій должны остатъ двумя особыми языками“.

Отдѣльность языковъ авторъ принимаетъ за доказанный фактъ, подтверждая его авторитетомъ Миклошича и Шлейхера (имѣвшихъ въ виду нарѣчія нынѣшнія). Ссылаясь на Костомарова, авторъ у зываетъ „двѣ русскія народности“ и объясняетъ, что собственн и древняя „Русь“ была именно южная, а народность „московск образовалась позднѣе, съ поглощеніемъ элементовъ финскихъ, и х авторъ отвергаетъ, какъ недѣлю, мнѣніе нѣкоторыхъ ошавши (hörnverbrannt) этнографовъ, что нынѣшніе русскіе — не славяне по своему происхожденію принадлежать къ туранцамъ, и думамъ напротивъ, что московское княжество, хотя и поглотило многіе ш родческіе элементы, было, по своему населенію, столь же славяскимъ, какъ вся масса прежнихъ рутенскихъ племенъ. Тѣмъ не мен авторъ полагаетъ, что „когда московское княжество восприни политическую роль рутенской метрополіи, Кіева, разрушеннаго т тарскими нашествіями и внутренними междоусобіями, то оно долж было естественно *присвоить себѣ* и имя своего уже не опаснаго с перника, чтобы затѣмъ выступить въ качествѣ его законнаго преемника и обнять стариннымъ популярнымъ именемъ всѣ (восточно-)славянскіе племена. По совершеніи этого богатаго послѣдствіями пр соединенія, древняя Рутенія (Русь) осталась безъ имени, такъ ка двѣ національности не могли удовлетворяться однимъ и тѣмъ : названіемъ. Съ тѣхъ поръ московское великое княженіе стало в зываться „*рутенскимъ*“ (рускимъ), а потому и все централизованое царство — Россіей. Вмѣстѣ съ тѣмъ собственная Россія (южная Русь) должна была искать себѣ новаго имени, чтобы не быть вычеркнутой съ карты міра. Къ сожалѣнію, выборъ новаго названія для исторически извѣстной націи не могъ ожидать прочнаго значенія; вслѣдствіе того, новыя выраженія возникшія въ XVII столѣтіи: Малороссія, Украина, Гетманщина, не могли уже потому приобрѣсти общаго права гражданства, что они означали или одну часть націи, или просто отиѣчали одну эпоху въ ея исторіи“.

Съ точки зрѣнія горячаго южно-русскаго патріота понятно чувство скорби о судьбѣ племени, утратившаго и свою дѣльность, и свое древнее имя. Но факты не точны, и авторъ, ссылаясь на „Двѣ народности“ Костомарова, могъ бы справиться и съ другою статью, гдѣ тотъ же Костомаровъ, опровергая туранскую теорію польскихъ этнографовъ, касается и вопроса объ имени Руси ¹⁾. Имя Руси было

¹⁾ „Правда полякамъ о Руси“, въ „Основѣ“, 1861, № 10, стр. 100—112.

древнемъ періодѣ весьма неопредѣленно, и въ политическомъ отношеніи требовало ближайшихъ обозначеній по землямъ и княжествамъ¹⁾, но главный смыслъ этого имени сдѣдался уже вскорѣ этнофическимъ. Въ удѣльную эпоху новгородцы, суздальцы, кіевляне, ритяне, москвичи обозначались *политически* по своимъ мѣстнымъ именамъ, но всѣ они были *русскіе*, когда приходилось говорить не о частныхъ единицахъ (въ ихъ отношеніяхъ между собою), а объ *всѣмъ племени* въ противоположность иноземному; все это были и русскіе по племени, по языку и по вѣрѣ. Названіе московскаго жества было естественнымъ продолженіемъ стараго удѣльнаго зова политическихъ именований; отъ княжества оно перешло по гнѣдству и къ царству, но когда княжество расширилось за свои вначальные предѣлы, оно тотчасъ стало называться и „рускимъ“ царствомъ. Иноземцы дѣлали эту русскую землю „Московіей“ по имени о московскомъ княженіи; были дѣйствительно „московскіе“ князья, какъ *подданные* московскаго (сначала небольшого удѣльнаго, а потомъ великаго) князя²⁾, но „московскаго племени“ не бывало — а было русское. Когда Москва присоединяла мало-по-малу удѣлы, не покоряла *племена*, а только уничтожала старыя *политическія* князюства, и владимірцы, разанцы, тверитяне и, наконецъ, новгородцы не думали отличать себя по племени отъ москвитянъ; рѣчь шла только о паденіи ихъ автономіи политической. Такимъ образомъ, Москвитинъ не было надобности *отнимать* у южной Руси ея имя, а только сдѣлать ее русскою. Г. Огоновскій самъ приводитъ извѣстное указаніе, что имя „Малой Руси“ является уже въ первой половинѣ XIV вѣка³⁾; названо было княземъ Юріемъ галицкимъ и владимірско-волинскимъ, такъ что самъ представитель южной Руси считалъ ее „Малою“, очевидно предполагая „великую“, которая дѣйствительно нарождалась тогда сначала въ Твери, а потомъ въ Москвѣ. Очевидно, что названіе, употребленное *дома* княземъ Юріемъ, было названіе обычное, которымъ сами жители края признавали какъ свое племенное единство съ большою Русью, такъ и свою политическую второстепенность. Въ томъ же XIV вѣкѣ, московскій князь Симеонъ Ивановичъ назы-

¹⁾ Первая Русь (Варяга-Русь) отмѣчена лѣтописцемъ вовсе не на югѣ, а въ Новгородѣ, и оттуда, по мнѣнію лѣтописца, впервые явилось русское имя. Съ переходомъ князей изъ Новгорода въ Кіевъ имя Руси утвердилось здѣсь, повидимому, именно въ связи съ главнымъ княжескимъ гнѣздомъ, но въ періодъ удѣловъ пошли уже въ ходъ имена земель и княженій, какъ обозначенія политическихъ единицъ. Такою единицею былъ самъ Кіевъ съ его землей, Новгородъ, Суздаль, а наконецъ, и Москва.

²⁾ И московскій „великій“ князь былъ прежде не единственный; бывали и „великіе“ тверскіе князья.

³⁾ Есть упоминанія, относящіяся еще къ концу XIII столѣтія.

валъ себя великимъ княземъ, не только московскимъ, но и Русіи“; „Московія“ иноземцевъ на русскомъ языкѣ называлась ликая російская держава московскаго государства“. Что царь Ал Михайловичъ сталъ называть себя царемъ Великой, Малой и Россіи, это было естественнымъ продолженіемъ стараго титула, которое подтверждалось фактическимъ владѣніемъ; а что народъ русскій потерялъ свое общее древнее имя, это опять объясняется тѣмъ, что онъ утратилъ свое политическое бытіе.

Сообразно съ этимъ, объясняется и историческая роль русского языка. Различіе нарѣчій великорусскаго и малорусскаго восходитъ вѣроятно къ очень давнему времени и, быть можетъ, малорусскій сохранилъ даже нѣкоторыя древнѣйшія первоначальнаго языка, утраченныя въ великорусскомъ; но, впрочемъ, общность двухъ нарѣчій въ ихъ корнѣ едва ли подле спору, а во-вторыхъ, надо отличать судьбу языка народнаго и церковнаго. Въ древнѣйшемъ періодѣ русской письменности, наши логи, какого бы они ни держались взгляда, не могли волей или неволей не увидѣть большой общности книжно-народнаго языка: самые памятники видимо совершенно легко ходили между книжниками на сѣверѣ и на югѣ. Положительное распаденіе нарѣчій относится къ болѣе позднему времени, когда рядомъ съ политическимъ произошло и политическое распаденіе юга и сѣвера. Если мы посмотримъ, однако, гдѣ потомъ осталась наиболѣе живая традиція русской письменности, гдѣ, напримѣръ, непосредственно и обильно употребляемы были лѣтописи, гдѣ продолжалась литература церковная, вивались старыя эпическіе мотивы и т. д., мы должны будемъ сказать: на сѣверѣ,—въ Новгородѣ, потомъ въ Москвѣ. Если нарѣчій языкъ сталъ уже отличаться на сѣверѣ и на югѣ, то въ литературной церковной созданъ особый стиль, писали или старались писать церковно-славянскомъ языкѣ, невольно отбѣняя его особенно отъ народнаго языка, и этотъ же стиль, съ чертами южно-русскими, существовалъ и на югѣ. Г. Огоновскій весьма не точно понимаетъ это положеніе вещей, когда, упоминая о дѣятельности южнорусскихъ ученыхъ въ Москвѣ со второй половины XVII вѣка, говоритъ, переселившись въ Москву, эти люди (какъ Елифаній Славинскій, Симеонъ Полоцкій, Дмитрій Ростовскій и др.) „перенесли туда доточіе литературной дѣятельности Рутеніи (южной Руси)“, и эти реформаторы, предложивъ свои услуги новому отечеству и разрушая китайскую стѣну московской культуры, „разрабатывали да развивали московское нарѣчіе (das moscowitische Idiom) на основѣ своего роднаго языка“, вслѣдствіе чего, „при наступившей въ Кіевѣ а всеякой политической и литературной дѣятельности, можно

незамѣчать никакой разницы между рутенскимъ и московскимъ", т.-е. между южно-русскимъ и велико-русскимъ; съ дѣятельностью Петра сѣверно-русскій элементъ получилъ еще новую силу, а южно-русскій сталъ падать, тѣмъ болѣе, что на Украинѣ, послѣ національнаго одушевленія XVII вѣка, настало утомленіе и автономія южной Руси была подавлена. Это изложеніе ошибочно въ слѣдующемъ. Заслуги южно-русскихъ ученыхъ были несомнѣнны на поворотѣ русской жизни къ ея новому направленію, въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣка; но собственно языкъ, которымъ писали южно-русскіе ученые въ Москвѣ, былъ тотъ же церковно-славянскій, подмѣшанный русскимъ, который господствовалъ и раньше въ московской письменности, и въ этомъ отношеніи кіевскіе ученые вовсе не „разработали московскаго нарѣчія на основѣ своего языка“. Дѣло просто въ томъ, что для сѣвера и юга была здѣсь давнишняя общая почва, и эти отношенія объясняются проще на основаніи родственности племенъ и ихъ церковныхъ преданій, чѣмъ на основаніи ихъ различія. Что же касается до собственно малорусскихъ (или малорусско-польскихъ) элементовъ языка, также частію принесенныхъ кіевскими и западно-русскими учеными въ ихъ писанія, эти элементы уже скорѣ стали отпадать изъ „московскаго“ языка.

Далѣе г. Огоновскій, отвергнувъ сравненіе отношеній великорускаго къ малорусскому съ отношеніями нѣмецкаго литературнаго языка къ plattdeutsch, замѣчаетъ: „исторія не знаетъ никакой ниже-нѣмецкой націи съ однообразно сформированнымъ языкомъ, своимъ рѣзко выраженнымъ типомъ и съ своеобразнымъ характеромъ народной поэзіи, между тѣмъ какъ существованіе *малорусской націи* неопровержимо доказывается историческими фактами. И богатые запасы языка этой націи въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій были *систематически эксплуатируемы* въ пользу московскаго нарѣчія (zu Gunsten des moscowitischen Dialectes systematisch ausgebeutet), вслѣдствіе чего древняя русинская нація неизбежно должна была стать въ странное отношеніе къ новосозданному русскому языку“. Авторъ еще не разъ повторяетъ потомъ, что „нынѣшній русскій языкъ произошелъ изъ смѣси московскаго нарѣчія, русинскаго и церковно-славянскаго языка“, что великорусскій языкъ „могущественно развился на счетъ (auf Kosten) малорусскаго“, — и указываетъ, наконецъ, что „если датчане не хотятъ промѣнять своего языка на близко родственныи шведскій, и голландцы не имѣютъ никакой симпатіи къ нѣмецкому, то съ тѣмъ болѣе правомъ и русины не хотятъ предпочесть своему благозвучному языку языка русскаго“; они пользуются своимъ языкомъ „въ глубочайшемъ убѣжденіи, что интересы этого языка должны быть соблюдены во всѣхъ отрасляхъ науки“,

литературы малоруссы въ Россіи поль-
 зуются матеріаломъ на русскомъ языкѣ. Во-вторыхъ,
 главнымъ факторомъ литературнаго развитія языка
 государственное: только оно дѣлаетъ народъ
 не имѣють „рутенъ“ въ сравненіи съ Даніей
 языкъ, правда, „не есть еще всемірный“, но
 его литература есть самая обширная по объему
 славянская литература, и если ея поэти-
 ческія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое
 распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои
 важные вклады въ содержаніе науки европейской, то, ду-
 маю, они могли бы съ пользою послужить и для галичанъ: имъ
 естественно было бы применить къ этому родственному движенію,
 имъ нуждаться во „всемирной литературѣ“ чужого языка, которая
 южному большинству будетъ все-таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ
 въ на слабую народность подавляющее вліяніе ¹⁾.

Оставался невыясненнымъ вопросъ о внутренней исторіи южно-
 русскаго языка, поставленный въ спорѣ Погодина съ Максимовичемъ.
 послѣдніе годы онъ былъ поднятъ опять и, быть можетъ, подѣ-
 вѣтъ еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ. Не вдаваясь въ специаль-
 ный филологическій вопросъ, укажемъ лишь главные, сюда относя-
 ся труды.

На очереди очевидно стояло историческое изслѣдованіе языка
 въ связи съ исторіей племени, особливо по памятникамъ. Такъ кос-
 ность этого вопроса изслѣдованіе рано умершаго филолога Коло-
 ма ²⁾; специально ему посвящено изслѣдованіе г. Житецкаго ³⁾. Ста-
 лось выяснитъ исторію звуковъ малорусскаго языка и пользуясь
 и этого, между прочимъ, архаическими остатками въ нарѣчіяхъ со-
 временныхъ, г. Житецкій полагалъ, что „главныя черты малорусскаго
 гализма въ XII—XIII ст. вполне обнаружались“. „Не было еще
 ранискаго говора, который выдѣлился позже изъ волынскихъ раз-

¹⁾ Писано въ 1886 г. Выше мы приводили (стр. 233), что поздыѣ г. Огоновскій
 торилъ въ сущности тѣже мнѣнія въ своей „Исторіи русской (южно-русско-
 н) литературы“, на которую сдѣланы были мною замѣчанія въ „В. Евр.“, 1890. Въ
 ншіе печатанія настоящаго тома появился отвѣтъ г. Огоновскаго: „Моему крити-
 ку“. Львовъ, 1890.

²⁾ Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст., 1872.
 торъ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка, 1878.

³⁾ Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ, 1876. Разборъ этой
 н въ Archiv für slavische Philologie, т. I, и въ подробной рецензій г. Потемни,
 отгетъ объ Уваровскихъ наградахъ, 1878.

— Описаніе Пересопницкой рукописи XVI вѣка, съ приложеніемъ текста Еван-
 ѣ Луки. Кіевъ, 1876.

норѣчій, но самыя эти разнорѣчія, вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ видоизмѣненіемъ ихъ въ галицкомъ вокализмѣ, уже существовали. Такъ органически, изъ первобытной почвы русскаго пра-языка, выросло малорусское нарѣчіе съ древнѣйшимъ своимъ говоромъ, сѣвернымъ, отъ котораго въ концѣ кievской эпохи и въ первые годы татарщины на югѣ отдѣлились говоры галицкій и волынской. Тотъ же процессъ образованія мы должны допустить и для великорусскаго нарѣчія, въ которомъ только древнѣйшіе говоры, бѣлорусскій и сѣверно-великорусскій, непосредственно примыкаютъ къ русскому пра-языку"... Изъ нихъ сложился южно-великорусскій языкъ будущаго московскаго княжества, корень позднѣйшаго великорусскаго языка. Эти развѣтвленія языка совершались параллельно съ историческими судьбами народа. Въ концѣ XII вѣка,—говоритъ г. Житецкій,—Русь южная, кievская, Русь сѣверная, владиміро-суздальская, встрѣтились между собою въ борьбѣ за преобладаніе въ русской землѣ, и этотъ политическій моментъ, безъ сомнѣнія, былъ плодомъ бытовыхъ различій между двумя главными половинами русской земли, различій, постепенно нараставшихъ въ предшествующее время. Намъ кажется, нельзя игнорировать этого факта для исторіи русскаго языка, если только вполне убѣждены мы, что въ жизни языка отражаются бытовые настроенія народнаго духа, народныхъ понятій, вѣрованій и идеаловъ. А что идеалы южной и сѣверной Руси въ то время были не одинаковы, объ этомъ свидѣтельствуетъ не только политическая исторія, но такія крупныя литературныя произведенія, какъ слово о полку Игоревѣ и всѣ вообще южныя лѣтописи. Мы можемъ пожалѣть только о томъ, что произведенія эти дошли до насъ въ не-южныхъ, и притомъ позднихъ редакціяхъ, и оттого собственно звуковая сторона южно-русскаго нарѣчія XII—XIII вѣка намъ неизвѣстна во всѣхъ подробностяхъ"¹).

Для г. Житецкаго не подлежитъ сомнѣнію, что люди кievской Руси были именно предками нынѣшняго малорусскаго народа, что съ тѣхъ поръ и донинѣ, не прерываясь, шло въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ развитіе малорусской народности, быта и языка. Но указанное состояніе памятниковъ, вмѣстѣ съ темной исторіей южно-русской земли и населенія въ XIII—XV вѣкахъ, оставляли поле для недоумѣній и разнорѣчій, и въ послѣднее время старая мысль Погодина, отчасти поддержанная Лавровскимъ, была снова поднята, съ филологической точки зрѣнія, г. Соболевскимъ. Послѣдній²), принимая,

¹) Житецкій, стр. 269—273.

²) „Очерки изъ исторіи русскаго языка“, часть I. Кievъ, 1884. Передъ тѣмъ изданы были имъ: „Исслѣдованія въ области русскаго грамматика“. Варшава, 1881 (отдѣльно изъ Рус. Фил. Вѣстника) и „Статьи по славяно-русскому языку“, Варшава 1882

что „русскій языкъ, уже въ древнѣйшую эпоху своего существованія, дѣлился на нѣсколько нарѣчій или говоровъ, болѣе или менѣе отличныхъ другъ отъ друга“, поставилъ свое изслѣдованіе такъ: изъ древнихъ русскихъ рукописей, хранящихся въ нашихъ бібліотекахъ, онъ выдѣлялъ нѣсколько группъ съ тождественнымъ правописаніемъ,—опредѣляя тѣ изъ нихъ, которыя не имѣютъ указаній на мѣсто и время написанія, по сравненію съ тѣми, въ которыхъ имѣются эти даты,—и извлекалъ изъ нихъ особенности правописанія, могущія служить къ характеристикѣ древнихъ говоровъ, чтобы прослѣдить развитіе этихъ особенностей и сравнить ихъ съ особенностями нарѣчій современныхъ. Въ первой части этого труда находится изслѣдованіе памятниковъ группы южно-русской, съ XII до XV вѣка. Путь изслѣдованія былъ бы совершенно точный, еслибы нашлось достаточное количество памятниковъ и комментарий соответствовалъ матеріалу. Къ сожалѣнію, число памятниковъ южно-русскихъ чрезвычайно скудно (въ трудѣ г. Соболевскаго, за время съ XII по XV вѣкъ собрано только 15 рукописей, кромѣ грамотъ). Общій выводъ автора привелъ бы въ ужасъ покойнаго Максимовича. Изслѣдуя собранныя имъ южно-русскія рукописи, г. Соболевскій нашелъ, что ни одна изъ нихъ „не имѣетъ никакого отношенія ни къ Кіеву, ни къ ближайшимъ къ Кіеву мѣстамъ“, а памятники, которые могутъ быть отнесены къ Кіеву, не имѣютъ южно-русскихъ особенностей. Поэтому тотъ южно-русскій говоръ, проявленія котораго нашлись въ собранныхъ имъ рукописяхъ, онъ призналъ не кіевскимъ, а *волынско-галицкимъ*, а „древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу *великорусскихъ* говоровъ“ ¹⁾. Эти положенія встрѣтили рѣшительный отпоръ со стороны нѣкоторыхъ кіевскихъ изслѣдователей южно-русской старины,—не были также приняты тогда и г. Ягичемъ ²⁾,—а именно, положенія г. Соболевскаго послужили предметомъ повидимому весьма любопытныхъ преній въ кіевскомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца, въ 1884 году. Постановленъ былъ вопросъ—„Какъ говорили въ Кіевѣ въ XIV и XV вѣкахъ?“ гдѣ г. Соболевскій изложилъ выводы своихъ „Очерковъ“, что: „въ Кіевѣ XIV и XV в., а слѣдовательно и раньше, было великорусское нарѣчіе, и что нынѣшнее малорусское населеніе мѣстъ, ближайшихъ къ Кіеву, какъ и всей страны къ востоку отъ Днѣпра, — населеніе пришлое, пришедшее

¹⁾ Стр. 68—69, 116—117.

²⁾ „Четире критико-палеографическія статьи“, И. Ягича. Слб. 1884, стр. 88—90, 93—102. Въ разборѣ „Четирехъ статей“ г. Соболевскій остался при своемъ мнѣніи; исключительно этому онъ оспаривалъ и изслѣдованіе В. Б. Антоновича о судьбѣ Кіева въ XIV—XVI столѣтіяхъ.

приблизительно въ XV в. сюда съ запада, изъ Подоліи, Волыни Галиціи и ассимилировавшее собою остатки стараго кіевскаго неленія". Этотъ взглядъ вызвалъ возраженія гг. Голубева, Житецки Антоновича, Дашкевича и др. ¹⁾). Тотъ же взглядъ изложенъ былъ опять въ „Лекціяхъ по исторіи русскаго языка“, г. Соболевскаго (Кіевъ, 1888) и снова встрѣтилъ возраженія со стороны г. Ягича въ рецензіи „Лекцій“ ²⁾).

Тридцать пять лѣтъ назадъ, Погродинъ въ „Запискѣ“, о которыхъ мы выше упоминали, говорилъ: „Малороссійскаго нарѣчія, въ стѣ своемъ, мы основательно не знаемъ, хотя и имѣемъ профессоръ для всѣхъ славянскихъ нарѣчій“. Тогда же о необходимости изученія малорусскаго нарѣчія говорилъ Лавровскій; но съ тѣхъ поръ и донинѣ дѣло подвинулось очень мало. У насъ доселѣ нѣтъ малорусской грамматики, нѣтъ и такой цѣльной книги, какъ „Studia Ogonovskaго; малорусскій словарь остановился на опытахъ Закревскаго, Пискунова, Левченка, Афанасьева-Чужбинскаго, и опять лучшій словарь является въ маленькой галицко-русской литературѣ, въ тру покойнаго Желеховскаго. — Надо пожелать, чтобы, хотя для сохраненія научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы „споръ между южанами и сѣверянами“ кончился на спокойной и свободной научной почвѣ.

---

¹⁾ См. „Чтенія въ Историч. Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. II, Кіевъ, 1888 стр. 215—227. Пренія изложены здѣсь кратко, по сообщеніямъ тогдашнихъ газетъ, особливо „Кіевлянина“, безъ рутательства за полную точность.

²⁾ „Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка“. Сиб. 1889. Грубый отзывъ г. Соболевскаго въ „Р. Филологич. Вѣстникѣ“, 1890.

ГЛАВА XI.

Съ шестидесятихъ годовъ.

Оживленіе этнографическихъ изслѣдованій съ 1880-хъ годовъ.— Предшественники: Н. А. Маркевичъ, Н. В. Закревскій.

Экспедиція Чубинскаго. Кіевскій отдѣлъ Географическаго Общества.

Труды В. Б. Антоновича, М. П. Драгоманова, Номиса, И. Я. Рудченка, П. И. Жатецкаго, А. Лоначевскаго и др.

Изученіе малорусскаго народа въ послѣднее время доставило обширный научный матеріалъ, который несомнѣнно былъ бы еще значительнѣе, еслибы оно не встрѣчало разныхъ трудно одолимыхъ препятствій. Эти изслѣдованія шли параллельно съ успѣхами этнографіи обще-русской, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ представили, при собираніи матеріала, примѣръ замѣчательно единодушнаго интереса къ изучаемому предмету, — и это единодушіе сдѣлало возможнымъ осуществленіе такихъ широкихъ предпріятій, какъ экспедиція Чубинскаго, — самое капитальное дѣло малорусской этнографіи.

Оживленіе интереса къ малорусской народности, въ началѣ прошлаго царствованія было, какъ мы объясняли выше, результатомъ дѣлаго умственнаго и нравственнаго оживленія русскаго общества въ тѣ годы.

Прежде чѣмъ перейти къ новымъ трудамъ въ малорусской этнографіи, начавшимся тогда съ журнала „Основа“, упомянемъ еще о нѣкоторыхъ прежнихъ дѣятеляхъ въ этой области, которые стояли на границѣ между старымъ и новымъ періодомъ этихъ изученій, именно о Маркевичѣ и Закревскомъ. Оба они были своего рода типическими представителями старой этнографіи.

Какъ большинство тогдашнихъ любителей народности, Николай Андреевичъ Маркевичъ былъ этнографъ-самоучка, далекій отъ какого-нибудь научнаго пониманія предмета, но весь проникнутый тѣмъ

инстинктомъ, который безъ пособій науки угадывалъ важность народныхъ изученій, какъ научную—для болѣе правильнаго уразумѣнія народнаго характера и исторіи, такъ и нравственную—для установленія болѣе разумныхъ общественныхъ отношеній къ народу. Это былъ типъ весьма привлекательный. Любители этого рода не имѣли понятія о томъ, что дѣлается въ наукѣ для изученія народнаго языка, преданій, поэзіи, но этотъ языкъ, преданія и поэзія были исполнены для нихъ величайшей прелести, и они, часто не пытаясь вовсе раскрывать ихъ внутренній смыслъ, старались по крайней мѣрѣ собрать сколько можно больше проявленій народной личности въ пѣсняхъ, обрядѣ, быту и пр. Когда иной разъ они пробовали давать этому матеріалу свои объясненія, эти послѣдніе всего чаще оказывались совершенно неудовлетворительными; но они тѣмъ не менѣе дѣлали свое полезное дѣло, собирая матеріалъ, который и до сихъ поръ остается цѣннымъ.

Маркевичъ родился 26 января 1804 года, въ селѣ Дунайцѣ глуховскаго уѣзда, черниговской губерніи, въ довольно богатой помѣщичьей семьѣ. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Прилукахъ, въ частномъ пансіонѣ Белецкаго-Носенка, который въ свое время (съ конца прошлаго вѣка и въ первыя десятилѣтія нынѣшняго) самъ былъ дѣятельнымъ малорусскимъ писателемъ и этнографомъ ¹⁾ и по своему педагогическому характеру могъ поддержать въ Маркевичѣ впечатлѣнія малорусской жизни. Въ 1817 году, Маркевичъ поступилъ въ открывшійся тогда пансіонъ при Педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Однимъ изъ преподавателей въ этомъ пансіонѣ былъ извѣстный В. К. Кюхельбекеръ (впослѣдствіи декабристъ), наивный, но благородный энтузіастъ и страстный любитель поэзіи. Кюхельбекеръ полюбилъ даровитаго Маркевича и, какъ говорятъ, „многое способствовалъ развитію его поэтическаго таланта и литературнаго вкуса“. Вкусъ, по тому времени, былъ конечно романтической. Кюхельбекеръ ввелъ Маркевича въ литературный кружокъ, къ которому самъ принадлежалъ: черезъ него Маркевичъ познакомился съ Пушкинымъ, Жуковскимъ, Баратынскимъ, барономъ Дельвигомъ и пр. Здѣсь проводилъ онъ время въ пребываніе своемъ въ Петербургѣ до 1820 года. Онъ былъ еще очень юнъ, но повидимому привлекалъ на себя вниманіе своей талантливостью: ему было только 13 лѣтъ, когда Жуковский напечаталъ въ 1817 его первое стихотвореніе, написанное гекзаметромъ. Въ 1821, онъ поступилъ на службу въ драгунскій армейскій полкъ, но уже вскорѣ оставилъ

¹⁾ Объ его біографіи и трудахъ см. въ „Очеркахъ“ г. Петрова, Кіевъ, 1884—стр. 86—88.

службу, по желанію отца, вызвавшего его къ себѣ въ деревню. Въ 1829, мы видимъ Маркевича въ Москвѣ, гдѣ онъ жилъ въ свѣтскомъ кругу, но приобрѣлъ также много друзей въ мірѣ ученомъ и артистическомъ. Занявшись здѣсь музыкой, онъ сдѣлался, подъ руководствомъ Фильда, прекраснымъ піанистомъ. Въ это время онъ выступилъ и въ литературѣ въ томъ двоякомъ направленіи, которое было даво его литературной школой и домашними малорусскими вкусами: въ 1829 г. онъ издалъ въ Москвѣ свои русскія стихотворенія (элегіи, еврейскія мелодіи и стихотворенія эротическія), а въ 1831 „Украинскія мелодіи“. Въ 1830, онъ женился и, получивъ по смерти отца довольно значительное имѣніе, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Здѣсь любовь къ малорусской родинѣ внушила ему многолѣтній и обширный трудъ — „Исторію Малороссіи“, которая вышла въ Москвѣ, 1842—43, въ пяти томахъ. Это была новая, послѣ Бантышъ-Каменскаго, попытка цѣльнаго обзора малорусской исторіи, попытка далеко несовершенная по тогдашнему состоянію исторической критики и разработки самыхъ источниковъ, но цѣнная въ этомъ послѣднемъ отношеніи, по новымъ введеннымъ въ обращеніе матеріаламъ. Маркевичъ понималъ всю важность первыхъ источниковъ и занялся собираніемъ старыхъ рукописей, дѣлъ и документовъ, такъ что наконецъ у него образовалось обширное собраніе, до шести тысячъ нумеровъ, къ которому онъ составилъ каталогъ.

Окружающій бытъ онъ изучалъ съ разныхъ сторонъ. Въ пятидесятихъ годахъ онъ издалъ рядъ книжекъ: о климатѣ полтавской губерніи; о табакѣ въ Малороссіи; объ овцеводствѣ въ Малороссіи; о народонаселеніи полтавской губерніи и др. По его смерти вышелъ въ свѣтъ и его этнографическій трудъ, о которомъ скажемъ далѣе. — Проживъ многіе годы въ деревнѣ, Маркевичъ успѣлъ хорошо узнать народный малорусскій бытъ. Это былъ образчикъ мѣстнаго патріота и практическаго этнографа-любителя, который представляетъ переходъ отъ непосредственнаго чувства народности къ сознательному и научному. Люди, близко знавшіе Маркевича, рисуютъ въ привлекающихъ чертахъ его личный характеръ. „Въ его природѣ заключались лучшія черты нашего народнаго характера, — писалъ одинъ изъ его земляковъ: — гостепріимный хозяинъ, постоянно веселый, заботливый, радушный и остроумный, Н. А. бывалъ особенно привлекателенъ у себя въ деревнѣ. Его добродушная простота, доступность и умѣнье говорить съ народомъ на его родномъ языкѣ, не только располагали къ нему его крестьянъ и слугъ, которые обращались съ нимъ какъ съ другомъ, но внушали и окрестнымъ поселянамъ особенную любовь и довѣріе къ этому рѣдкому пану. Сосѣдніе

крестьяне приходили къ нему совѣтоваться по своимъ дѣламъ, разрѣшать споръ или, просто, потолковать съ „розумнымъ паномъ“.

Маркевичъ умеръ 9 іюня 1860 года. Въ томъ же году вышла изъ печати его упомянутая этнографическая книжка ¹⁾, которая была отдана въ печать еще при его жизни, но вышла, когда онъ умеръ ²⁾. Издатель въ предисловіи объясняетъ, что Маркевичъ еще въ 1850 г. задумалъ составить обширный сборникъ подъ заглавіемъ: „Внутренняя жизнь Малороссіи отъ 1600 года до нашего времени“ и неутомимо работалъ надъ нимъ, не смотря на тяжкую болѣзнь, которая въ томъ же году постигла его и наконецъ свела въ могилу. Но сборникъ „не былъ приведенъ въ одно цѣлое“, а потому для изданія изъ него выбранъ только часть. За книжкой объ „Обычаяхъ и повѣрьяхъ“ должны были послѣдовать: „Сравненіе мѣръ, вѣсовъ, а также денегъ и цѣнъ на разные предметы въ Малороссіи съ 1715 по 1855 годъ“ и „Исторія монастырей въ Малороссіи“, — которыя, однако, остались, кажется, неизданными.

Предметы, названные въ заглавіи книги Маркевича, излагаются въ отдѣльных рубрикахъ: праздничные обряды и повѣрья, календарномъ порядкѣ, начиная съ новаго года—гаданье, колядки, весеннія пѣсни и игры; отдѣльныя повѣрья и суевѣрья; знахарская ботаника ³⁾ и леченіе болѣзней; заговоры (любоши); подробное описаніе свадебныхъ обрядовъ; простонародная кухня и напитки. Въ описаніи рождественскихъ праздниковъ Маркевичъ далъ подробное изложеніе „Вертепа“ (стр. 27—65). Этнографическій матеріалъ, изложенный Маркевичемъ, далеко отъ полноты, но книга любопытна какъ одинъ изъ первыхъ опытовъ правильнаго собиранія матеріала. Изданный имъ „Вертепъ“ тогда въ первый разъ явился въ печати.

Въ рукописяхъ, оставшихся послѣ Маркевича, нашлось много литературныхъ работъ, какъ напримѣръ переводы изъ „Донъ-Жуана“ Байрона, переводъ чуть ли не всего Шиллера (отсюда нѣкоторыя пьесы помѣщены въ изданіи Гербеля), множество стихотвореній, начало энциклопедическаго словаря, и кромѣ упомянутыхъ трудовъ о малорусскомъ бытѣ, начало словаря малорусскаго языка, и служившій

¹⁾ Обычай, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ. Извлечено изъ нѣтънаго народнаго быта и составлено Николаемъ Маркевичемъ. Издаѣ И. Давиденко. Кіевъ, 1860. 8°. 171 стр. Съ эпиграфомъ, который, повидимому, прибавленъ издателемъ: „Отечество выше родины; она только часть его; но для чьей души нѣтъ родины, для того нѣтъ и отечества.—Изъ частной переписки автора“.

²⁾ Цензурное разрѣшеніе на книгу—отъ 7 марта; на добавочномъ листѣ, помѣщено предисловіе издателя Давиденко,—цензурная помѣта отъ 15 сентября 1860.

³⁾ Называя эту знахарскую ботанику, Маркевичъ замѣчаетъ (стр. 86): „Въ 1829 году въ „Телеграфѣ“ и въ 1832 году особенной книжкою я издаѣ описаніе почти всѣхъ этихъ травъ въ стихахъ“.

всѣмъ этимъ работамъ значительная бібліотека. Наконецъ, Маркевичъ не оставлялъ и малорусской музыки. „Замѣчая желаніе общества знакомиться съ народностью,—говорить знавшій его Л. М. Жемчужниковъ,—и самъ чувствуя прелесть народныхъ пѣсень, Н. А. приготовилъ также къ изданію сборникъ пѣсень въ нотахъ, состоящій изъ 150 пѣсень, одной думы „Савва Чалий“, „Вертепа“ съ аккомпаниментомъ изъ 8-ми нумеровъ, 5-ти свадебныхъ пѣсень и 14 коровайныхъ“. Г. Жемчужниковъ не брался оцѣнивать этотъ трудъ, ссылаясь на „давленіе современнаго требованія этнографической дагеротипной вѣрности въ передачѣ всего народнаго“ (надо думать, что этой полной вѣрности въ записяхъ Маркевича не доставало), но онъ находитъ въ этомъ трудѣ Маркевича другое достоинство, а именно, вѣрное пониманіе характера малорусской музыки. „Н. А. понималъ духъ украинской музыки, и бывши самъ музыкантомъ и поэтомъ въ жизни, т. е. увлекающимся, онъ могъ иногда, пожалуй, внести въ пѣсню складъ иноземный, одежду иноземную, но многія пѣсни сохранены имъ чрезвычайно вѣрно; это мы говоримъ ссылаясь на современное и намъ еще пѣнье, и на авторитетъ старыхъ людей“. Этотъ сборникъ остался неизданнымъ. Упомянутое богатое собраніе рукописей и документовъ, относящихся къ малорусской исторіи, Маркевичъ, въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни уже сильно больной и неспособный къ работѣ, рѣшился продать другому замѣчательному любителю и собирателю, помѣщику полтавской губерніи, Ивану Яковлевичу Лукашевичу. Къ счастью, этимъ коллекція Маркевича была сохранена. Впослѣдствіи этотъ „Маркевичевскій архивъ“, въ составѣ богатаго собранія самого Лукашевича, изъ множества цѣнныхъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, былъ приобрѣтенъ въ Московскій Румянцовскій музей въ 1870 году ¹⁾.

Другимъ подобнымъ этнографомъ стараго вѣка былъ Николай Вас. Закревскій (ум. 29 іюля 1871, въ Москвѣ). Онъ извѣстенъ двумя трудами. Одинъ изъ нихъ посвященъ былъ исторіи и описанію Кіева и вышелъ въ первый разъ въ 1858 г. ²⁾, а затѣмъ, въ весьма рас-

¹⁾ См. Воспоминанія о Н. А. Маркевичѣ, Н. Макарова, „Основа“, 1861, январь, стр. 293—287; Замѣтка къ этой статьѣ, Л. Жемчужникова, тамъ же, февр. 185—187: ср. также Ив. Павловскаго, въ „Р. Старинѣ“, 1874, май, стр. 206; о собраніи Лукашевича—въ „Отчетѣ Моск. Публичнаго и Румянцовскаго музеевъ за 1870—1872 годъ“, М. 1873, стр. 8 и слѣд. и въ частности объ архивѣ Маркевича, стр. 32—34.

Относительно литературной дѣятельности Маркевича надо еще прибавить, что свои историческіе матеріалы и изслѣдованія онъ сообщалъ частію въ „Малекѣ“ (до изданія „Исторіи Малороссіи“), 1840, кн. 5; 1841, кн. 13, 22, 24; 1842, т. I; и въ „Чтенияхъ“ Моск. Общ. Ист. и Древн. 1847—48, кн. IX; 1848, кн. I; 1858, кн. IV.

²⁾ Изъясненіе и описаніе города Кіева. Н. Закревскаго. Съ 4-мя рис. и планомъ Кіев. М. 1858.

ширенномъ изданіи, сдѣланномъ на счетъ московскаго Археологическаго Общества, въ 1868 году ¹⁾). Книга встрѣчена была вообще съ большимъ сочувствіемъ. Максимовичъ писалъ о ней какъ о дорогомъ подаркѣ для Кіева: „Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому Археологическому Обществу, не пощадившему издвигенія на изданіе этой обширной книги. Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обзорѣнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣдѣній, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ“ ²⁾). Но Максимовичъ находилъ уже крупные недосмотры въ книгѣ Закревскаго; и еще больше видѣлъ ихъ Костомаровъ ³⁾), хотя находилъ въ ней и немало соображеній справедливыхъ и проникательныхъ. Историческіе взгляды Закревскаго не шли глубже Карамзина, нерѣдко неточны или совсѣмъ ошибочны; изъ массы приводимыхъ имъ отдѣльных фактовъ и указаній онъ не создаетъ цѣльной послѣдовательной картины. Книга была вообще старомодная, въ томъ родѣ, какъ въ тѣ же годы писалъ исторію Москвы Снегиревъ; въ ней было собрано, однако, много матеріала и она все-таки была лучшей книгой по своему предмету.

Къ этнографіи относится другой трудъ Закревскаго: „Старосвѣтскій Бандуриста“, изданный въ 1860—61 годахъ ⁴⁾).

Мы не имѣемъ біографическихъ свѣдѣній о Закревскомъ. Въ предисловіи своего „Бандуриста“ онъ подписался кіевляниномъ; малорусскій языкъ называетъ своимъ природнымъ, хотя замѣчаетъ, что многіе годы провелъ внѣ своей родины; онъ ревностный малорусскій патріотъ—напр., съ жаромъ защищаетъ право малороссіянъ нѣтъ маленькую литературу на своемъ родномъ языкѣ, хотя защита не совсѣмъ удовлетворительна по своимъ аргументамъ, и самую литературу онъ понимаетъ только въ очень скромныхъ предѣлахъ. Въ этнографіи, Закревскій былъ опять любитель старомодный. Въ его

¹⁾ Описаніе Кіева. Сочиненіе Николая Закревскаго. Вновь обработанное и значительно умноженное изданіе съ приложеніемъ рисунковъ и чертежей. Напечатано издвигеніемъ Московскаго Археологическаго Общества. Два тома, съ атласомъ въ 18 листовъ. М. 1868. 955 стр.

²⁾ Въ „Письмахъ о Кіевѣ“, въ газетѣ Погодина „Русскій“, 1868, и въ отдѣльномъ изданіи (Спб 1871).

³⁾ Рецензія въ „Вѣстн. Евр.“ 1868, кн. 4, стр. 949—958.

⁴⁾ Старосвѣтскій Бандуриста. Книга первая: Избранныя малороссійскія и галицкія пѣсни и думы. Книга вторая: Малороссійскія пословицы, поговорки и загадки и галицкія приповѣдки. Книга третья: Словарь малороссійскихъ ідіомовъ. Составилъ Николай Закревскій. М. 1860—61. Всѣ три книги въ одномъ томѣ, VIII и 628 стр.

собранияхъ, — кромѣ словари, — немногое принадлежитъ ему самому, но онъ желалъ соединить разбросанный матеріалъ, пополняя его своимъ собственнымъ, съ цѣлью облегчить знакомство съ малорусской народностью для желающихъ.

Въ собраніи пѣсентъ (къ которымъ иногда прибавлялъ бытовые и историческіе комментаріи) Закревскій не гонится за непремѣнной народностью ихъ происхожденія, и рядомъ съ народными помѣщаетъ пѣсни литературныя, напр., Котляревскаго—на томъ, конечно, основаніи, что онѣ были очень распространены и любимы въ малорусской публикѣ.

Въ собраніи пословицъ, Закревскій воспользовался многими прежними изданіями: книгой „Галицкихъ приповѣдокъ и загадокъ“ Гр. Илькевича (Вѣна, 1841), „Малороссійскихъ пословицъ и поговорокъ“, собранныхъ В. Н. С. (Смирницкимъ, Харьковъ. 1834), небольшими собраніями въ „Грамматикѣ“ І. Левицкаго (по-нѣмецки, Черемышль, 1834), Павловскаго (Спб. 1818), въ „Ужинкѣ“ Н. Гатцука; пословицами, разбросанными въ сочиненіяхъ на малорусскомъ языкѣ, и наконецъ прибавилъ до 300 пословицъ, которыя ему самому „удалось удержать въ памяти отъ молодыхъ лѣтъ“¹⁾. Небольшое собраніе загадокъ также собрано изъ книгъ: изъ того же Илькевича, изъ „Ластовки“ Гребенка (сборничекъ Л. Боровиковскаго), изъ „Малорусскихъ и галицкихъ загадокъ“ Сементовскаго (Кіевъ, 1851); нѣсколько прибавлено самимъ издателемъ.

Третью книгу составляетъ словарь. Здѣсь было всего больше работы самого Закревскаго: онъ опять воспользовался прежнимъ матеріаломъ—списками словъ, прибавленными къ нѣкоторымъ сочиненіямъ на малорусскомъ языкѣ, но такъ какъ эти списки были очень незначительны по количеству словъ, то главнымъ источникомъ словаря послужили самыя сочиненія на малорусскомъ языкѣ, выходившія въ Россіи и Галиціи, не только новѣйшія, но также старыя и рукописныя, и наконецъ составитель словаря пользовался собственнымъ знаніемъ родного языка. Словарь (стр. 255—615) вышелъ довольно значителенъ и можетъ быть полезнымъ матеріаломъ для будущаго полнаго малорусскаго словаря. Здѣсь указываются иногда сходныя слова польскія, особое значеніе словъ, извѣстныхъ въ русскомъ языкѣ; указывается иногда, гдѣ слово употреблено у новѣйшихъ писателей или въ старыхъ памятникахъ, т.-е. дѣлается отчасти то, что требуется теперь въ правильныхъ историческихъ словаряхъ языка, — но словарь остается не весьма удовлетворителенъ. Въ концѣ приложенъ

¹⁾ Въ сборникѣ Илькевича было до 2700 пословицъ, у В. Н. С.—587, у Левицкаго—148, у Павловскаго—146, у Гатцука—нѣсколько сотъ.

длинный рядъ указаній на тѣ старыя памятники и новѣйшія сочиненія, изъ которыхъ Закревскій почерпалъ свой лексическій матеріалъ. Въ предисловіи онъ останавливается на вопросахъ о началѣ малорусскаго языка, различныхъ мнѣніяхъ ученыхъ по этому предмету, на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и т. д., все это опять въ старомодномъ стилѣ безъ знакомства съ научнымъ филологическимъ методомъ, но не безъ практическаго знанія и здраваго смысла. Списокъ сочиненій, служившихъ источникомъ для словаря, былъ въ свое время довольно полнымъ обзоромъ тогдашней малорусской литературы, и къ названіямъ книгъ Закревскій нерѣдко прибавлялъ краткую оцѣнку ихъ значенія. Въ послѣсловіи къ словарю онъ такъ говоритъ объ этомъ спискѣ и о самой своей работѣ: „Здѣсь показаны тѣ только источники, коими я пользовался; чего не видалъ, о томъ и не говорю. Повято, что краткія замѣтки, сопровождающія названія книгъ, предназначены не для знатоковъ; но есть люди, и ихъ не мало, коимъ и эти намеки будутъ не бесполезны. Въ заключеніе считаю нужнымъ сказать, что составленіемъ этого словаря началъ я заниматься съ 1840 г., а окончилъ этотъ трудъ вмѣстѣ съ изданіемъ онаго въ половинѣ 1861 года. Въ теченіе всего времени собрано мною 11,127 ідіомовъ. Но этимъ исчерпана только небольшая часть богатства выраженій Южно-Русскаго нарѣчія. Многаго не удалось мнѣ замѣтить, а еще большаго числа словъ я и не слыхалъ потому, что съ 1829 года я постоянно былъ удаленъ отъ моей родины и не имѣлъ средствъ побывать въ разныхъ мѣстахъ оной. Впрочемъ, для составленія полнаго словаря, съ означеніемъ всѣхъ оттѣнковъ каждаго ідіома, недостаточно одной жизни человѣческой и однихъ силъ ея, какъ бы онѣ велики ни были. Чтобы достигнуть этой цѣли, потребны и время, и совокупныя силы многихъ любителей и знатоковъ народности, что, впрочемъ, при нынѣшнемъ развитіи (прогрессѣ), не замедлитъ исполниться. Съ этимъ убѣжденіемъ и я охотно приношу свою посильную лепту въ общую сокровищницу народнаго образованія. Для будущихъ составителей, коихъ оказывается не малое число, трудъ мой будетъ служить матеріаломъ и пособіемъ. Помогай, Боже!—До готовомъ колодѣ добре огонь подкладывать“.

Какъ расходились этнографическіе понятія и приемы Закревскаго съ тѣми, какіе вырабатывались уже въ новомъ поколѣніи работниковъ въ этой области, можно было видѣть изъ разбора „Вандуриствъ“ въ статьѣ тогда очень молодого дѣятеля, П. С. Ефименка ¹⁾. Критикъ внимательно разобралъ всѣ отдѣлы книги Закревскаго и никакъ не могъ съ ней помириться,—ни въ отдѣлѣ пѣсенъ, куда За-

¹⁾ „Основа“, 1862, октябрь, стр. 27—48.

кревскій не задумываясь подбавлялъ новѣйшихъ стихотвореній; ни въ пословицахъ, гдѣ многое издано неправильно и не имѣетъ объясненій, которыя бывали бы нужны и возможны; ни наконецъ въ словарь, гдѣ много словъ объяснено совершенно неправильно и гдѣ было видно, что составитель, давно покинувъ Малороссію, поприващилъ языкъ.—Закревскій собирался продолжать свой сборникъ и погѣстить въ слѣдующихъ его частяхъ выборъ изъ современныхъ писателей, статьи историческія, статьи правоучительныя изъ старопечатныхъ малороссійскихъ книгъ, наконецъ грамматику. Критикъ не ждалъ здѣсь ничего путнаго и свой разборъ оканчивалъ тоже малорусскою поговоркой: „Впрочемъ,—дай, Боже, нашему теляті вовка піймати“.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ этнографическихъ работахъ того времени, какъ, напр., Сборникъ пословицъ В. Н. С., Загадокъ—Сементовскаго и т. п., представляющихъ тотъ же характеръ, какой мы видѣли въ трудахъ Маркевича и Закревскаго, и перейдемъ къ тѣмъ новымъ этнографическимъ собраніямъ и изслѣдованіямъ, которыя принадлежатъ уже новѣйшему періоду малорусской этнографіи и характеризуются гораздо болѣе широкимъ объемомъ изысканій, а вмѣстѣ и болѣе серьезнымъ пониманіемъ научныхъ требованій.

Съ шестидесятихъ годовъ въ малорусской этнографіи выступаютъ новыя силы, выросавшія въ условіяхъ нашей общественной жизни юнца 50-хъ и начала 60-хъ годовъ, проникнутыя если не болѣе глубокимъ чувствомъ къ малорусской родинѣ, чѣмъ ихъ предшественники, то едва ли не съ большей ревностью въ самой работѣ и съ дѣльшимъ чувствомъ солидарности въ предпріятіяхъ, которыя должны были служить и для пользы науки, и для пользы родного общества и народа. Новый рядъ дѣятелей уже выступалъ въ „Осповѣ“ и за тѣмъ, вмѣстѣ съ другими молодыми силами, заявилъ себя замѣчательными трудами какъ въ малорусской этнографіи, такъ и въ исторіи и археологіи.

Остановимся прежде всего на дѣятельности лица, труды котораго занимаютъ первостепенное мѣсто въ новѣйшей малорусской этнографіи. Безвременно кончившій свою жизнь, Чубинскій, въ немногіе годы совершившій замѣчательный трудъ по собиранію и истолкованію обширнаго этнографическаго матеріала, можетъ служить типическимъ представителемъ научно-литературнаго труда и мѣстнаго патріотизма, развитіемъ которыхъ отмиѣчены шестидесятые годы. Это былъ своеобразный талантъ, человѣкъ неутомимой энергіи и глубокой преданности своему дѣлу. Тѣ обвиненія, которыхъ такъ много бросалось въ

последнее время противъ „укаинофилства“, падали передъ трудами этого человека, который былъ именно искренній украинфилъ и мѣстный патріотъ. Счастливый случай далъ ему возможность, хотя въ одномъ отношеніи, проявить одушевлявшее его чувство и запечатлѣть его положительнымъ трудомъ.

Павелъ Платоновичъ Чубинскій происходилъ изъ небогатой дворянской семьи и родился 15 января 1839 года въ мѣстечкѣ Борятинѣ, переяславскаго уѣзда, полтавской губерніи. Онъ учился во второй кievской гимназій, потомъ въ петербургскомъ университетѣ и кончилъ здѣсь курсъ въ 1861 году, кандидатомъ по юридическому факультету. По окончаніи курса, Чубинскій вернулся на родину, но уже въ 1862 году, вслѣдствіе какихъ-то обстоятельствъ, былъ высланъ изъ Кіева въ архангельскую губернію. Въ трудномъ положеніи ссыльнаго поднадзорнаго человека, Чубинскій успѣлъ найти возможность работы, которая мало-по-малу улучшила его положеніе и вмѣстѣ положила начало его обширнаго этнографическаго опыта. Въ короткое время онъ сдѣлался виднымъ человекомъ, знанія и рабочая сила котораго очень цѣнились мѣстной администраціей. Съ начала 1863 года онъ поступилъ на службу въ архангельскомъ краѣ, которую продолжалъ до марта 1869 года, и за это время проходилъ самыя разнообразныя должности, напр., слѣдователя, секретаря архангельскаго статистическаго комитета, редактора мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостей, младшаго, а потомъ старшаго чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ, непремѣннаго члена приказа общественнаго призрѣнія; смотря по надобности въ его работѣ, онъ занималъ то одну, то другую изъ этихъ должностей, не измѣняя только своей службѣ въ статистическомъ комитетѣ. Въ эти годы Чубинскій своими трудами по изученію сѣвернаго края уже обратилъ на себя вниманіе самой петербургской администраціи и ученаго статистико-этнографическаго круга. Въ невольное пребываніе на сѣврѣ онъ успѣлъ столько работать, что уже тогда избранъ былъ членомъ-корреспондентомъ импер. московскаго Общества сельскаго хозяйства, членомъ-сотрудникомъ импер. Вольно-экономическаго Общества, членомъ-сотрудникомъ импер. Географическаго Общества, дѣйствительнымъ членомъ Общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи, состоящаго при Московскомъ университетѣ. Тогда же Географическое Общество присудило ему серебряную медаль „въ изъясненіе особенной признательности за полезныя его труды, сообщенныя Обществу“. Въ 1867 году онъ получаетъ уже, съ согласія министра внутреннихъ дѣлъ, командировку отъ общества Географическаго и Вольно-экономическаго, для изслѣдованія хлѣбной торговли и производительности въ бассейнѣ Сѣверной Двины; съ апрѣля до октября этого

года онъ объѣхалъ семь губерній сѣвернаго края и, обработавъ добытые матеріалы, представилъ ихъ упомянутымъ обществамъ, отъ имени которыхъ они изданы были вмѣстѣ съ изслѣдованіями другихъ бассейновъ. Около того же времени, Чубинскій участвовалъ въ работахъ официальной комиссіи по изслѣдованію Печорскаго края. Въ 1869 году его труды приняли другое направленіе. Еще со времени польскаго возстанія, Географическое Общество задумало специальное изслѣдованіе сѣверо-западнаго и юго-западнаго края въ этнографическомъ и статистическомъ отношеніи; предпріятіе долгое время осуществлялось за неимѣніемъ лицъ, которымъ оно могло быть поручено; теперь для края юго-западнаго Общество остановило свое вниманіе на Чубинскомъ, который приобрѣлъ уже репутацію опытнаго изслѣдователя. Заручившись предложеніемъ Общества, Чубинскій вышелъ въ отставку, получивъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшеніе жить въ столицахъ и юго-западномъ краѣ; въ мартѣ 1869, избранъ былъ дѣйствительнымъ членомъ Географическаго Общества, а въ маѣ на него возложена была, съ высочайшаго соизволенія, экспедиція въ юго-западный край для этнографическихъ и статистическихъ изслѣдованій. Въ январѣ 1870 онъ во второй разъ получилъ отъ Географическаго Общества серебряную медаль за изданный имъ „Очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій по гражданскому праву въ Малороссіи“. Любопытно, что это была еще юношеская работа, а именно кандидатская диссертация, которая была теперь имъ вновь пересмотрѣна и дополнена.

Экспедиція Чубинскаго — одно изъ замѣчательнѣйшихъ предпріятій, какія только были сдѣланы въ нашей этнографіи; на ряду съ нимъ иные ставили развѣ только знаменитый трудъ Оскара Кольерга; изъ этнографовъ русскихъ подобную энергію показавъ, можетъ быть, только Гильфердингъ—въ изслѣдованіи олонеккаго края. Экспедиція Чубинскаго весьма знаменательна и относительно малорусской народности—по богатству собраннаго здѣсь народно-поэтическаго сокровища, и относительно малорусскаго общества — по обилію готовыхъ трудовъ, которыми Чубинскій могъ воспользоваться въ своемъ предпріятіи. Краткость срока, въ теченіе котораго онъ исполнилъ возложенную на него задачу, дѣлаетъ его успѣхъ по-истинѣ изумительнымъ. По плану Географическаго Общества, изслѣдованіе должно было обнять три юго-западныхъ губерніи: кievскую, волынскую и польскую. Чубинскій распространилъ изслѣдованіе и на части губерній минской, гродненской, люблинской, сѣдлецкой и бессарабской области, населенныхъ малорусскимъ народомъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, 1869 и 1870, онъ совершилъ нѣсколько поѣздокъ по юго-западному краю, много работалъ самъ, съ содѣйствіемъ пяти молодыхъ людей,

акихъ этнографическихъ изысканій, то цѣнность собраннаго матеріала окажется еще болѣе высокой.

Результаты трудовъ Чубинскаго начали поступать въ Географическое Общество съ половины 1870 года. Особая коммиссія, составленная въ Обществѣ по экспедиціи въ западный край, разсматривала, своей средѣ и при содѣйствіи другихъ специалистовъ, поступавшій матеріалъ и отнеслась къ нему вообще съ полнымъ одобреніемъ. Въ концѣ 1871 года рѣшено было приступить къ ихъ изданію и „Труды географическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Имп. Р. Географическимъ Обществомъ (юго-западный дѣлъ: матеріалы и изслѣдованія, собранныя д. чл. П. П. Чубинскимъ)“—вышли въ свѣтъ въ теченіе 1872—78 годовъ въ семи томахъ, составившихъ въ сложности около 300 печатныхъ листовъ. Матеріалъ малорусской этнографіи разросся здѣсь до размѣровъ, да во превысившихъ все то, чѣмъ она владѣла до сихъ поръ. Такъ, дѣвнія, собранныя здѣсь относительно народныхъ вѣрованій (перый томъ „Трудовъ“), дали цѣлый обширный обзоръ народныхъ предствленій, о которыхъ прежняя литература сообщала только отрывочныя безсвязныя данныя ¹⁾. Томъ трудовъ (II-й), посвященный родному дневнику, т.-е. изложенію повѣрій и обычаевъ, относящихся къ годовому народному быту, также гораздо обширнѣе того, что являлось до тѣхъ поръ въ литературѣ, напр. у Максимовича „Дни и мѣсяцы украинскаго селянина“ или въ упомянутой книжкѣ Аркевича, или доставляло важныя дополненія и варианты къ подобнымъ дневникамъ Петрушевича, Калинскаго, Селиванова и др. Дѣлъ сказокъ (томъ третій) весь былъ собранъ вновь и также по этому превосходитъ всѣ прежнія собранія ²⁾. Томъ IV-й посвященъ ту домашнему: примѣтамъ, обрядамъ и пѣснямъ, относящимся до

¹⁾ Вотъ, напр., краткій обзоръ содержанія перваго тома, посвященнаго вѣрованіямъ и суевѣріямъ, загадкамъ и пословицамъ и колдовству. Глава I—Небо, солнце, луна, звѣзды, млечный путь, кометы, громъ и молнія, тучи, свѣтъ, морозъ, вихрь и т. д. Глава II — Земля, вырїи, море, вода, огонь, горы, пропасти и курганы. Глава III—Царство животныхъ; леченіе болѣзней домашнихъ животныхъ, птицы, гады, бѣды, вѣдьмы, заклинанія, относящіяся къ животнымъ. Царство растений: разные виды и растения. Заклинанія, относящіяся къ растениямъ. Глава IV — Человѣкъ. Жизнь человѣческаго тѣла. Разныя дѣйствія. Заклинанія. Жилище, хозяйственные постройки, орудія и утварь. Хозяйственные орудія. Одежда, пища и сосуды для нея. Леченіе болѣзней. Глава V — Миръ духовный, духовныя пѣсни. Черти. Духи-человѣки. Мнѣстческія существа. Олицетворенія. Превращенія. Загадки и пословицы. Колдовство.

²⁾ Сосчитано было, что до появленія сборника Чубинскаго, всѣхъ малорусскихъ сказокъ было напечатано только до 170; сборникъ Рудченка заключалъ 137 сказокъ; малорусскій сборникъ Аванасьева—252 и варианты, въ собраніи Чубинскаго—296 утерять.

родинъ, крестинъ и, главное, до свадьбы со всѣми подробностями сватанья, вѣнчанья и свадебныхъ обрядовъ и празднованія; кромѣ общаго изложенія обряда, сведеннаго изъ множества частныхъ наблюденій, здѣсь описано еще нѣсколько отдѣльныхъ обрядовъ и помѣщено 1,943 свадебныхъ пѣсень. Пятый томъ занятъ громаднымъ собраніемъ пѣсень бытовыхъ: пѣсень любовныхъ, изображающихъ всякія обстоятельства подобныхъ отношеній, счастливыя и несчастныя; пѣсень семейныхъ, изображающихъ всякія положенія лица въ семьѣ; пѣсень бытовыхъ — козацкихъ, гайдамацкихъ, рекрутскихъ, солдатскихъ, бурлацкихъ, чумацкихъ, пѣсень изъ временъ крѣпостной зависимости, сословныхъ, пьяницкихъ, наконецъ, пѣсень шуточныхъ. Всѣхъ пѣсень помѣщено въ этомъ томѣ 1884. Шестой томъ посвященъ народнымъ юридическимъ обычаямъ: здѣсь помѣщенъ упомянутый трудъ профессора Кистяковского: „Волостные суды, ихъ исторія, настоящая ихъ практика и настоящее ихъ положеніе“; затѣмъ, статьи самого Чубинскаго: „Краткій очеркъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній“, и при этомъ цѣлая масса рѣшеній волостныхъ судовъ, съ подробнымъ предметнымъ указателемъ. Наконецъ послѣдній, седьмой, томъ заключаетъ въ себѣ статьи этнографическія и статистическія о полякахъ, евреяхъ и другихъ племенахъ не-малорусскаго происхожденія, и во второй половинѣ этого тома даны слѣдующія статьи: Краткая характеристика малоруссовъ; Статистическія данныя о малорусскомъ населеніи; Жилище, утварь, хозяйственные постройки и орудія; Одежда, пища и увеселенія малоруссовъ; Нарѣчія, поднарѣчія и говоры южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины; Нѣсколько словъ объ экономическомъ положеніи крестьянъ-собственниковъ юго-западнаго края. Наконецъ, къ седьмому тому прибавлено три большихъ и прекрасно исполненныхъ карты, представляющихъ: 1) южно-русскіе нарѣчія и говоры, 2) еврейское населеніе юго-западнаго края и 3) карту католиковъ, а въ томъ числѣ и поляковъ юго-западнаго края.

Таково было грандіозное предпріятіе, совершенное Чубинскимъ въ очень короткій промежутокъ времени. Оно не могло не вызвать полной дани уваженія къ научно-патріотической ревности, съ какою оно было исполнено. Географическое Общество въ 1873 году присудило Чубинскому золотую медаль „за совершенную имъ статистико-этнографическую экспедицію въ юго-западный край, причемъ признало, что собранные имъ матеріалы и произведенныя изслѣдованія составляютъ весьма важное приобрѣтеніе науки народностей не только по своему объему, но и по содержанію“. А затѣмъ (что было весьма необычно), оно ходатайствовало въ 1877 г. о зачисленіи ему въ государственную

службу времени, посвященнаго имъ экспедиціи и соединеннымъ съ нею работамъ, „во вниманіе къ особенной его дѣятельности по выполненію означенной экспедиціи и неуспыннымъ трудамъ, коимъ русская наука обязана собраніемъ громаднаго матеріала для изученія быта, юридическихъ обычаевъ и народной поэзіи населенія юго-западнаго края“, и ходатайство увѣнчалось успѣхомъ. На международномъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1875 году, Чубинскій получилъ золотую медаль второго класса за труды по этнографіи и статистикѣ, а въ 1879, Академія наукъ назначила ему Уваровскую премію за „Труды экспедиціи“, по рецензіи А. Н. Веселовскаго ¹⁾.

Рецензія г. Веселовскаго даетъ понятіе о богатомъ матеріалѣ для изученія народнаго быта и поэзіи, какой заключенъ въ „Трудахъ экспедиціи“ и который представлялъ обильную почву для дальнѣйшихъ научныхъ изслѣдованій. Этотъ матеріалъ открывалъ множество новыхъ чертъ народно-поэтического содержанія, вызывалъ новыя изысканія, снова возбуждалъ вопросъ о методѣ; само собой разумѣется, что въ то же время этотъ трудъ не разъ долженъ былъ вызывать мнѣнія критики, — но отношеніе критики къ труду Чубинскаго прекрасно выражено словами г. Веселовскаго: „передъ такой громадной работой, открывшей наукѣ массу новыхъ данныхъ, руки критика должны бы опуститься стыдливо — потому именно, что его добыча легка и побѣда ничтожна, и что въ трудѣ, потребовавшемъ столько усилій и времени и столько собравшемъ матеріала, не могутъ не встрѣтиться мелкіе промахи и недомолвки и стороны, вызывающія методологическія сомнѣнія“. Въ концѣ рецензіи, г. Веселовскій говоритъ: „я долженъ признаться, что часто отвлекался отъ критики въ область соображеній и развитій „по поводу“. Таково свойство труда, обильнаго внутреннимъ содержаніемъ, что онъ вызываетъ и не разъ еще вызоветъ подобныя увлеченія. По богатству этнографическихъ данныхъ, по общему сходству плана, я знаю лишь два труда, съ которыми можно сравнить „Матеріалы и изслѣдованія“: „Людь“ Кольберга и неконченную пока Biblioteca delle tradizioni popolari siciliane, Интра, рассчитанную на 15 томовъ. Богатство собранныхъ данныхъ свидѣтельствуетъ не только о значительной затратѣ знанія и силъ, но и объ организаторской способности и „неутомимой энергіи“, которую признала и оцѣнила въ г. Чубинскомъ комиссія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества“.

Къ сожалѣнію, всѣ эти труды, такъ высоко оцѣненные строгою научною критикой, далеко не обезпечивали матеріальнаго положенія Чубинскаго и, живя на югѣ, онъ принужденъ былъ отъ работъ по

¹⁾ См. Отчетъ о присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1880.

ий,—говорилъ о немъ близкій ему и нынѣ также покойный
скій,—отличался самымъ живымъ характеромъ. Словоохотли-
въ былъ весь наружу. Характеръ прямой и открытый. Не
ороссійскаго юмора, но чуждый желчности и сарказма, иногда
кноти рѣзкій, онъ былъ большой добрякъ. Не это ли до-
ему привязанность многихъ? Въ общественныхъ дѣлахъ это
практическій, реальный, въ дѣлахъ собственныхъ частныхъ
большой удачи. По природѣ онъ былъ безкорыстенъ, и
залъ выполнениемъ экспедиціи, на которую, кромѣ средствъ,
ценныхъ, тратилъ и свои. Если бы не правительственная
оторую онъ обязанъ просвѣщенной и справедливой оцѣнкѣ
овъ, болѣзнь постигла бы его въ тяжкомъ экономическомъ
и и семья его осталась бы вполнѣ необезпеченною. Покой-
ерилъ тяжкія испытанія: но причины этихъ испытаній были
пнаго, а не личнаго свойства“. Тотъ же біографъ прибав-
обопытную, мало извѣстную, черту характера Чубинскаго:
ѣлъ прекраснымъ даромъ слова и не былъ лишенъ поэти-
дохновения; одно изъ неизданныхъ его стихотвореній такъ
но и оригинально, что галицкіе русины сочли его за про-

Шевченка и помѣстили въ своемъ полномъ собраніи сочи-
го малорусскаго поэта.

ладу понятій, Чубинскій принадлежитъ къ той начальной
ошлаго царствованія, когда, съ новымъ поворотомъ общества
правительства, въ благородѣйшихъ умахъ и сердцахъ вы-
глубокое стремленіе служить народу, посвятить ему свой
знаніе, когда съ небывавшей до тѣхъ поръ силой стало раз-
изученіе народной жизни и когда вмѣстѣ съ этимъ оживи-
но забытые мѣстные элементы. Наилучшимъ выразителемъ
ремленія въ обществѣ малорусскомъ явился Чубинскій. Въ
сколько помнимъ, не было еще рассказано, какой поводъ по-
причиною первой высылки Чубинскаго съ его родины. Къ
для него явилась возможность работы; его энергія нашла
одъ въ дѣлѣ, также народномъ, и это одушевило его въ
, нелегкомъ трудѣ, который выдвинулъ его и въ глазахъ
редубѣжденных и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, открылъ снова
любимую родину и на то же дѣло, къ какому давно лежала
. Здѣсь, вмѣстѣ съ свойствами его дарованія, заключается
іе успѣха его громадной работы, не имѣющей себѣ при-
исторіи нашей этнографіи, — и здѣсь указаніе на то, что
совершить чистое чувство къ родинѣ, когда ему открытъ
дѣятельности въ области науки и народоизученія.

роткой біографіи, написанной Кистяковскимъ, — другимъ

Г. П. Галаганъ ¹⁾, и дѣлопроизводителемъ — Чубинскій, а заступающимъ его мѣсто — А. А. Русовъ. Чубинскій произнесъ при этомъ рѣчь о задачахъ, предстоявшихъ новому Отдѣлу Географическаго Общества. По мнѣнію Чубинскаго, было не случайно то, что юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества возникъ послѣ другихъ, послѣ оренбургскаго, сибирскаго и кавказскаго. На востокъ русскіе представляли единственную интеллигенцію и, какъ единственные представители образованія, должны были поставить себѣ задачу изученія инородческаго востока; покоря восточно-азиатскія страны, русскій элементъ завоевывалъ ихъ и для науки.

„Не то было въ западныхъ окраинахъ: на западѣ Россіи, до недавняго времени, первенствовала не русская интеллигенція. Русскій человѣкъ здѣсь ступевывался; конечно, были и поборники русской идеи, но все вліяніе ихъ было незначительно. Освобожденіе крестьянъ и, затѣмъ, политическія событія 1863 года перемѣнили роли.

„Русскій элементъ ожилъ. Общественное мнѣніе всей Россіи сошло свои обязанности по отношенію къ колыбели русской земли. Упрочивается бытъ русскаго крестьянина, перенесшаго вѣковое иго.

„Притекають въ край русскія силы къ разнымъ поприщамъ дѣятельности.

„Развивается экономическая и умственная дѣятельность.

„Возникають новыя промышленныя предпріятія, новыя ученныя общества, открываются школы для народа... Однимъ словомъ, на каждомъ шагѣ проявляется самостоятельность русскаго общества; результатъ ея и — нашъ Отдѣлъ.

„Задача его — всестороннее изученіе края, а преимущественно географическо-статистическое“.

Чубинскій указалъ потомъ, что было уже сдѣлано для изученія края въ прежнее время трудами Комиссіи для описанія губернійскаго учебнаго округа, изучавшей край въ географическомъ, историческомъ и статистическомъ отношеніи; далѣе, военнымъ вѣдомствомъ, составившимъ подробныя топографическія карты; географическими комитетами; одна этнографія предоставлялась частнымъ лицамъ и только въ послѣднее время предпринята статистико-этнографическая экспедиція Географическаго Общества.

„Порученіе пало на меня, — продолжалъ Чубинскій, — и хотя годаря сотрудничеству разныхъ лицъ, собрано много этнографическихъ матеріаловъ, но я могу положительно сказать, что все, собранное, составляетъ еще небольшую долю того, чѣмъ бо-

¹⁾ Галагана (1819—1888) въ „Кіевской Старинѣ“, 1838, декабрь.

гата народная жизнь. Экспедиція, какъ учрежденіе временное, можетъ осилить только часть явленій народной жизни.

„Только постоянное учрежденіе и лишь при энергической дѣятельности можетъ мало-по-малу исчерпывать и разрабатывать массы произведеній народного быта. Отдѣлу предстоитъ широкое поприще дѣятельности. Ему предстоитъ изученіе трехъ этнографическихъ типовъ—малорусскаго, польскаго и еврейскаго, а равно экономической роли и значенія каждаго изъ этихъ элементовъ. Само собою разумѣется, что изученіе это должно стоять на *объективной почвѣ, своей собственной всякой научной дѣятельности*. Тенденціозность и публицистика не сообразны съ ролью и задачей Отдѣла. Мы не должны предполагать, не должны предлагать, наше дѣло—излагать.

„Мы будемъ давать матеріалы о явленіяхъ жизни, не руководствуясь симпатіями или антипатіями,—такъ поступаетъ и наше почтенное центральное Общество: оно съ одинаковою любовью изучаетъ и великоруссовъ, и бѣлоруссовъ, и малоруссовъ, и евреевъ, и чукчей, и тунгусовъ и др.

„Намъ нужно отрѣшиться отъ естественнаго въ нашей жизни въ этомъ краѣ раздраженія, впрочемъ, законнаго тамъ, гдѣ исторія породила ненормальность явленій жизни. Мы будемъ изучать эти ненормальности, — эти патологическія явленія общественной жизни; но изучать такъ, какъ изучаютъ патологи подобныя явленія въ человѣческомъ организмѣ“.

Въ другомъ собраніи, говорилъ о задачахъ новаго общества предсѣдатель Отдѣла, Галаганъ, указывая тѣ же трудности въ краѣ, представляющемъ столько сложныхъ и противорѣчивыхъ условій жизни, и заявляя необходимость научнаго безпристрастія, мщащаго только истины.

Въ новомъ Обществѣ открылась съ самаго начала чрезвычайно оживленная дѣятельность: составлялись программы по разнымъ отраслямъ изслѣдованія, заявлялись и представляемы были ученые работы, дѣлались пожертвованія различныхъ предметовъ, имѣющихъ географическій и этнографическій интересъ, и это послѣднее побудило правителя дѣлъ, въ одномъ изъ первыхъ же засѣданій заявить о необходимости основанія при Отдѣлѣ особаго музея предметовъ, характеризующихъ край въ этнографическомъ, промышленномъ и археологическомъ отношеніяхъ. Въ половинѣ 1873 года, Отдѣлъ предложилъ мѣстной администраціи свои услуги при производствѣ однодневной переписи города Кіева; въ Отдѣлѣ составила для работы этого вопроса особая коммиссія подъ предсѣдательствомъ Чубинскаго, который занимался уже подобнымъ предметомъ въ Архангельскѣ. Эта работа и была впослѣдствіи исполнена членами новаго

Общества. Отдѣлъ вступилъ далѣе въ сношенія съ различными учеными обществами и административными вѣдомствами и вскорѣ началъ получать довольно обильныя сообщенія ихъ трудовъ, книгъ и изданій. Число членовъ Отдѣла размножалось съ каждымъ засѣданіемъ и во второй половинѣ года количество пожертвованныхъ этнографическихъ предметовъ доходило уже до нѣсколькихъ сотъ. Лѣтомъ того же года, г. Русовъ сдѣлалъ поѣздку по западно-славянскимъ землямъ, ознакомился съ дѣятельностью славянскихъ ученыхъ обществъ; по возвращеніи, онъ докладывалъ Отдѣлу, что всѣ славянскіе дѣятели науки и образовательной литературы, которымъ ему случалось сообщать объ основаніи новаго общества (Милетичъ, Рачий, Сущкевичъ, Паулини, Юрчичъ, Новаковичъ и др.), очень сочувственно принимали извѣстіе о новомъ ученomъ обществѣ въ Кіевѣ городѣ, напоминаятъ всякому славянину древность его племени и взаимное родство отдѣльныхъ вѣтвей славянскаго міра, и высказывали желаніе вступить съ Отдѣломъ въ такія же отношенія, въ какихъ они находятся съ центральнымъ Обществомъ въ Петербургѣ. Г. Русовъ указывалъ особенно на необходимость вступить въ близкія сношенія съ литературными обществами въ Галиціи и Буковинѣ, въ изданіяхъ которыхъ заключается огромная масса этнографическихъ и статистическихъ свѣдѣній, весьма важныхъ для работъ самаго Отдѣла. Обильныя пожертвованія этнографическими предметами, поступавшія въ отдѣлъ, внушали ревностнымъ его членамъ мечту о цѣломъ учрежденіи въ родѣ народныхъ музеевъ у западныхъ славянъ. „Г. Русовъ, — читаемъ мы въ протоколѣ засѣданія Отдѣла 23 сентября 1873 года, — заявилъ, что, по его мнѣнію, въ Кіевѣ, центрѣ большого края, съ населеніемъ далеко не бѣднымъ, Отдѣлъ всегда можетъ надѣяться на сочувствіе и матеріальную поддержку со стороны общества, которое, при дѣятельной пропагандѣ идеи о музеѣ со стороны Отдѣла, легко можетъ быть заинтересовано этимъ учрежденіемъ, касающимся цѣлаго края. Въ подтвержденіе такой мысли, онъ указалъ на примѣръ подобнаго сочувствія въ средѣ общества славянскихъ народовъ, съ какимъ случилось емузнакомиться лѣтомъ нынѣшняго года. Въ особенности онъ указывалъ на примѣръ малочисленной и бѣдной словацкой народности, которая съ такою энергією отзывалась на оповѣщеніе Матицы по тому предмету лѣтъ 10—12 тому назадъ, что къ {настоящему времени администрація Матицы имѣла возможность выстроить для музея большой трехъ-этажный домъ въ С.-Мартовѣ. Городокъ этотъ имѣетъ около 2000 жителей, но въ немъ помѣщается зданіе, передъ которымъ приходится краснѣть многочисленному населенію г. Кіева и Юго-Западнаго края. Нечего и говорить уже о такихъ музеяхъ, какъ

чешскій въ Прагѣ, словинскій въ Люблянѣ (Лайбахѣ), хорватскій въ Загребѣ“.

Впрочемъ, оставимъ исторію благихъ начинаній и мечты дѣятелей Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества: этимъ начинаніямъ не суждено было исполниться и мечты остались мечтами, потому что самое учрежденіе, которое явилось результатомъ мѣстныхъ научныхъ стремленій и нашло такой оживленный отголосокъ въ средѣ образованнѣйшихъ людей края, уже вскорѣ должно было прекратить свое существованіе. Упомянемъ лишь о томъ, что успѣлъ сдѣлать юго-западный Отдѣлъ.

Въ двухъ томахъ „Записокъ“ (за 1873 и 1874 годъ), которыя успѣлъ издать Отдѣлъ въ свое кратковременное существованіе, помѣщено много любопытныхъ изслѣдованій по разнымъ предметамъ географіи, статистики и этнографіи края. Такъ, здѣсь находимъ статью г. Клоссовскаго (нынѣ извѣстнаго метеоролога) по климатологіи Кіева; Антоновича—о промышленности юго-западнаго края въ прошломъ столѣтіи; Чубинскаго—о селѣ Сокиринцахъ; Ѳ. К. Волкова—о сельскихъ ярмаркахъ и кустарной промышленности; Лисенко—„Характеристика музыкальных особенностей малорусскихъ думъ и пѣсенъ, исполняемыхъ кобзаремъ Остапомъ Вересаємъ“; М. П. Драгоманова—„Отголосокъ рыцарской поэзіи въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ“; П. С. Иващенко—„Религіозный культъ южно-русскаго народа въ его пословицахъ“; Чубинскаго—инвентарь крестьянскаго хозяйства и пр. Въ числѣ матеріаловъ помѣщено нѣсколько любопытнѣйшихъ собраній памятниковъ народнаго поэзіи, напримѣръ,—Думы и пѣсни кобзаря Остапа Вересаю; обширный сборникъ пѣсенъ буковинскаго народа, А. Лоначевскаго, съ историко-географическими данными о Буковинѣ, г. Купчанко,—матеріалъ совершенно новый въ русской этнографической литературѣ. Въ протоколахъ засѣданій разсѣяно не мало любопытныхъ замѣтокъ по изученію южно-русскаго края.

Отдѣльною книгой изданы были позднѣе: „Малорусскіе народныя преданія и разсказы“, собранные г. Драгомановымъ (Кіевъ, 1876)—также своеобразный сборникъ, каковыхъ еще мало представляла наша этнографическая литература, гдѣ собраны нѣкоторые мотивы сказочные, легендарныя повѣсти, мѣстныя историческія или баснословныя преданія, повѣрья и суевѣрья, народныя анекдоты и т. п., представляющіе любопытный матеріалъ для исторіи народныхъ вѣрованій и сказаній.

Таковы были разнообразныя задачи, которыя ставились и уже частію исполнялись въ новомъ обществѣ и, надо признать, ставились и исполнялись оригинально, расширяя обычные этнографическіе

приемы новыми точками зрѣнія и интересами. То время отличалось вообще живымъ умственнымъ движеніемъ въ южно-русскомъ обществѣ, которое выразилось большимъ участіемъ въ трудахъ Кіевского Отдѣла Географическаго Общества; съ большимъ интересомъ встрѣчены были работы Археологическаго съѣзда, собравшагося въ Кіевѣ въ 1874 году, потому что здѣсь опять выступала между прочимъ разнообразная старина южно-русскаго края... Но это общественное оживленіе въ интересѣ науки и мѣстнаго изученія было не продолжительно. Въ 1876 году, по какимъ-то причинамъ, до сихъ поръ не выясненнымъ въ нашей печати, юго-западный Отдѣлъ Географическаго Общества былъ „временно“ закрытъ; въ то же время стѣснено было печатаніе книгъ на малорусскомъ языкѣ, подвергалось запрещенію появленіе малорусскихъ пьесъ на сценѣ и малорусскихъ народныхъ пѣсенъ въ публичныхъ концертахъ; въ то время и позднѣе многіе изъ дѣятелей малорусской литературы и этнографіи, между прочимъ изъ членовъ самого юго-западнаго Отдѣла, должны были покинуть Кіевъ... Понятно, что та дѣятельность, развитіе которой имъ указывали, была окончательно подорвана. Какъ дальше упомянемъ, богатство мѣстнаго историческаго и бытового интереса продолжало вызывать научную и литературную дѣятельность, но совершившіяся событія не могли не оказать своего гнетущаго дѣйствія, подавили въ зародышѣ много полезныхъ начинаній по изученію южно-русскаго народа, отнимая и нравственную бодрость, и самую возможность матеріальную... Около того же времени стали возобновляться старыя нападенія на украинофильство, заподозриванія его въ сепаратизмѣ (хотя бы даже литературномъ), — и нападенія эти, въ которыхъ было очень мало рыцарскаго, такъ какъ самимъ нападавшимъ было извѣстно, что противникъ не имѣлъ возможности отвѣчать, достигали своего печальнаго успѣха...

Въ лучшей части русской литературы и общества закрытіе юго-западнаго Отдѣла произвело тягостное впечатлѣніе. Приводимъ для примѣра корреспонденцію, писанную нѣсколько лѣтъ спустя и помѣщенную въ газетѣ, которой никто не заподозритъ въ сочувствіи какому-нибудь сепаратизму: здѣсь найдутся и любопытные факты о дѣятельности Отдѣла.

„Печальная судьба Кіевского Географическаго Общества, — писали изъ Кіева въ январѣ 1881 г., — закрытаго въ 1876 году „по независимымъ обстоятельствамъ“, обратила въ послѣднее время вниманіе столичной печати. Всѣ съ сожалѣніемъ вспоминаютъ незаслуженную пріостановку дѣятельности этого ученаго общества. Но въ то время какъ столичная печать свободно сожалѣетъ о печальной исторіи съ Географическимъ Обществомъ, наши мѣстныя газеты, „по независимымъ обстоятельствамъ“, хранятъ объ этомъ полнѣйшее молчаніе.

„Юго-западный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества открытъ въ Кіевѣ въ 1873 году, къ концу котораго состояло дѣйстви-

тельныхъ членовъ общества 90, членовъ-соревнователей 12; всѣхъ — 102. Къ 1875 году дѣйствительныхъ членовъ было 145 и членовъ-соревнователей 13 всѣхъ—158. Мы укажемъ на дѣятельность общества только за двухлѣтній періодъ времени (1873—75). „Не смотря на эту кратковременность,—говорится въ Отчетѣ Географическаго Общества за 1874 годъ,—юго-западный „Отдѣлъ“ успѣлъ занять достойное мѣсто въ ряду ученыхъ обществъ“. И въ самомъ дѣлѣ: за два года изданы такіе капитальные труды въ области географіи и этнографіи, какъ „Записки Географическаго Общества“, „Историческія пѣсни малорусскаго народа“, „Чумацкія народныя пѣсни“ (сводъ И. Я. Рудченка), „Матеріалы для исторической топографіи Кіева“, брошюра „Остатки Вересай“ и другіе ¹⁾. Объ этихъ трудахъ весьма сочувственно отзывалась не только русская печать („Знавіе“, „Отечественныя Записки“, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и друг.), но и заграничная: „Revue des deux Mondes“, „le Temps“, „Athenaeum“, „Rivista Europea“, „Revue politique et littéraire“, Правда (львовская), и друг. „Athenaeum“, говоря объ изданіяхъ юго-западнаго Отдѣла Императорскаго русскаго Географическаго Общества, пишетъ между прочимъ: „они даютъ чрезвычайно высокое понятіе объ ученыхъ, которыхъ горячимъ трудолюбіемъ они произведены. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ на свѣтѣ не издають подобныхъ книгъ лучше, чѣмъ въ Россіи. Она чрезвычайно счастлива въ этомъ отношеніи, такъ какъ рѣдко въ другомъ мѣстѣ можно найти столь богатое поле для изслѣдованія этнологу и миѳологу“.

„Если взять во вниманіе, что иностранцы, особенно нѣмцы, не очень лестнаго о насъ, русскіхъ, мнѣнія, то увидимъ, что приведенная выше рецензія англійскаго ученаго журнала вызвана конечно самыми высокими достоинствами изданій „Отдѣла“. Благодаря кievскому Географическому Обществу, состоялся въ Кіевѣ въ 1874 году третій русскій Археологическій съѣздъ. Почтенный предсѣдатель съѣзда графъ Уваровъ, закрывая съѣздъ, высказалъ, что съѣздъ своимъ блистательнымъ успѣхомъ обязанъ главнѣйшимъ образомъ кievскимъ ученымъ (Антоновичъ, Житецкій, Лебединцевъ, Левченко и многіе др.), членамъ Географическаго Общества. Въ 1875 году парижскій географическій конгрессъ сдѣлалъ нашему кievскому „Отдѣлу“ весьма лестное предложеніе участвовать на выставкѣ конгресса. Участіе нашего „Отдѣла“ было двоякое: во-первыхъ, въ выставкѣ коллекцій по этнографіи (модели построекъ, хозяйственныхъ орудій и инструментовъ, образцы домашней утвари, народныя музыкальные инструменты, народныя игрушки, типическіе костюмы различныхъ мѣстностей юго-западнаго края, узоры, вышивки и вообще образцы малорусской орнаментики, этнографическіе альбомы и пр. и пр.), и во-вторыхъ, въ составленіи библиографическаго обзора главнѣйшихъ трудовъ, касающихся нашего края, по географіи естественно-исторической, по исторической географіи и по этнографіи.

„Сверхъ того мы укажемъ на капитальнѣйшія работы юго-западнаго „Отдѣла“ русскаго Географическаго Общества по односторонней переписи города Кіева, произведенной 2 марта 1874 года. Перепись эта совершена была по просьбѣ, обращенной къ „Отдѣлу“ (бывшаго) начальника края, князя Дондукова-Корсакова. „Отдѣлъ“ исполнилъ чрезвычайно сложный трудъ выработки плана и научныхъ основаній переписи, подготовилъ населеніе города къ тре-

¹⁾ Эти указанія не вполне точны: „Чумацкія пѣсни“ не были изданіемъ Отдѣла, какъ и „Матеріалы для исторической топографіи Кіева“; вѣрно только, что составители обѣихъ книгъ были членами Отдѣла.

бованіямъ комитета, наконецъ блистательно совершилъ самую перепись. Трудъ разработки переписи составляетъ болѣе 50 печатныхъ листовъ in quarto. „Разработка эта,—говорится въ отчетѣ „Отдѣла“ за 1874 годъ,—произведена была согласно новѣйшимъ указаніямъ науки, и этотъ трудъ нашего „Отдѣла“ займетъ не послѣднее мѣсто въ ряду статистическихъ трудовъ“. Начальникъ края, князь Дондуковъ-Корсаковъ, писалъ, между прочимъ, что, „благодаря участію и содѣйствію членовъ Общества, усердію ихъ, а главное, раціональнымъ и просвѣщеннымъ приѣмамъ, перепись окончена безъ малѣйшихъ затрудненій и какихъ-либо недоразумѣній, встрѣтивъ сочувствіе жителей къ мѣрѣ, имѣющей, кромѣ научнаго значенія, еще и хозяйственный интересъ для населенія Кіева“. Таковъ отзывъ высокопоставленнаго лица о капитальной работѣ географическаго „Отдѣла“.

„За два года „Отдѣлъ“ составилъ довольно-значительную библіотеку, содержащую болѣе 1,000 книгъ и брошюръ по этнографіи, статистикѣ, земскому дѣлу, археологіи, исторіи, географіи, естественной исторіи и проч. Кромѣ того, географическое Общество имѣло музей (по географіи и этнографіи), содержащій болѣе 3,000 предметовъ одежды, украшеній, дѣтскихъ игрушекъ, сельско-хозяйственныхъ орудій, коллекцій монетъ, птицъ, минераловъ и проч., и проч. Какъ библіотеку, такъ и музей, предполагалось открывать для публики. Сверхъ этихъ ученыхъ учрежденій, кіевскій „Отдѣлъ“ располагалъ также значительными денежными средствами: въ 1875 году наличными деньгами было около 4,000 рублей. Въ концѣ 1875 и въ началѣ 1876 года „Отдѣлъ“ имѣлъ въ своемъ распоряженіи такую массу этнографическихъ и географическихъ матеріаловъ, что предполагалось издать болѣе десяти капитальныхъ трудовъ. Такъ отъ С. Д. Носа „Отдѣлъ“ получилъ 1,173 пѣсни, 4,873 изреченія, 158 загадокъ, 881 слово для лексикона; на 15 листахъ описаніе одежды, на 9 листахъ описаніе народного помѣщенія; отъ г. Манжуры получены два громадные сборника этнографическихъ матеріаловъ; отъ г. Залюбовскаго копіи рѣшеній волостныхъ судовъ въ 7 волостяхъ Екатеринославскаго уѣзда; отъ него же метеорологическія таблицы за 6 лѣтъ; отъ уѣздныхъ земскихъ управъ Полтавской и Черниговской губ. доставлены свѣдѣнія о кустарной промышленности; такія же свѣдѣнія доставлены мировыми посредниками Кіевской, Подольской и Волынской губ. Больше я не стану перечислять поступившихъ въ распоряженіе „Отдѣла“ матеріаловъ. Не касаясь другихъ матеріаловъ, укажемъ только, что пѣсенный матеріалъ долженъ былъ выйти въ слѣдующихъ отдѣльныхъ изданіяхъ: 1) Пѣсни культа и періодическія; 2) Пѣсни жизни личной; 3) Пѣсни семейныя; 4) Пѣсни экономическія; 5) Словныя; 6) Историческія; 7) Искусство и поученіе. Пять изъ этихъ отдѣловъ еще не тронуты, а изъ двухъ (историческія и экономическія) издана только незначительная часть. Много, много обѣщала для науки и жизни нашъ кіевскій „Отдѣлъ“, но, къ сожалѣнію, онъ въ 1876 году долженъ былъ пріостановить временно свою ученую дѣятельность. Съ тѣхъ поръ прошло уже четыре слишкомъ года, и за это время наука потеряла, конечно, очень много“¹⁾.

„Временная“ пріостановка дѣятельности Отдѣла продолжается и до сихъ поръ.

¹⁾ Современныя Извѣстія, 1881, № 53.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ и дѣтеляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси, между прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (Владим. Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кievской губ., онъ учился въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ на историко-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету въ 1860. Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназіи и кадетскаго корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ многіе годы. Въ 1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и занялъ кафедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1878 онъ получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ числѣ дѣятельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и однимъ изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣтописца, гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ началѣ дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело къ глубокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе стало навсегда руководящей основой его научной и общественной дѣятельности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на исторической судьбѣ Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ, труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ. Онъ издалъ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи“, „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“ (совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава Осявцима“ („Кіевская Старина“, 1882), „Записки Карла Хоецкаго“, 1868 — 76 (тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ предпринялъ въ томъ же журналѣ систематическое изданіе, въ извлеченіяхъ, мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдованія, между прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріаловъ. Такъ въ „Архивѣ юго-зап. Россіи“ были помѣщены изслѣдованія: „о козачествѣ“ (1863); „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ въ юго-западной Россіи“ (1867); „Послѣднія времена козачества на правой сторонѣ Днѣпра“ (1868); „о городахъ въ юго-западной Руси“ (1869); „о крестьянахъ“ (1870); „объ уни и состояніи православной церкви съ половины XVII до конца XVIII стол.“ (1871); „о гайдамачествѣ“ (1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся самыхъ существенныхъ отношеній внутренней жизни южной Россіи въ старое время. Другія изслѣдованія помѣщались имъ въ „Кіевскихъ Университетѣ“

скихъ Извѣстіяхъ", какъ „Очеркъ исторіи великаго княжества Литовскаго“ (1877—78, докторская диссертация); въ „Кіевской Старинѣ“, напр. статья: „Кіевъ, его судьба и значеніе въ XIV — XVI стол.“. 1882) и др. Въ изданіяхъ Географическаго Общества, именно въ „Трудахъ“ экспедиціи Чубинскаго, помѣщено имъ изслѣдованіе о колдовствѣ съ приложеніемъ большого количества документовъ (т. I, 1877). Не перечисляемъ многихъ другихъ частныхъ изслѣдованій. Въ 1885 г. Антоновичъ началъ цѣльное изданіе своихъ трудовъ: „Монографія по исторіи западной и юго-западной Россіи“ (до сихъ поръ пока одинъ первый томъ). Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этихъ историческихъ трудовъ: ихъ высокое значеніе извѣстно всѣмъ, чьи занятія соприкасались съ древней и средней южно-русской исторіей. Укажемъ только одну господствующую черту этихъ изслѣдованій: въ давнихъ событіяхъ, въ отношеніяхъ населеній, въ бытовыхъ формахъ, учрежденіяхъ, въ народныхъ волненіяхъ, этотъ историкъ стремится всегда разыскать ихъ внутреннюю основу, объяснить ихъ историческую логику; его разсказъ не есть только сводъ фактовъ, анекдотическая картина быта; это—логическое разъясненіе явленій, въ которыхъ онъ старается найти руководящую черту и провести ея естественное развитіе среди сложныхъ условій, сплетающихся изъ международныхъ отношеній, изъ старыхъ преданій, народнаго характера, новыхъ возникающихъ обстоятельствъ и пр. Немногіе изъ нашихъ историковъ обладаютъ этимъ качествомъ въ такой степени и оно даетъ особенную цѣну трудамъ кіевского ученаго. Быть можетъ, онъ не вездѣ правъ въ частностяхъ; при недостаточной разработкѣ первоначальнаго матеріала, отъ него могли ускользнуть инныя черты историческаго явленія, но противъ его взгляда можно спорить только такимъ же оружіемъ исторической логики.

Третій отдѣлъ трудовъ его составляютъ спеціально археологическія, какъ въ древности исторической, такъ въ особенности до-исторической; не перечисляя длиннаго ряда его изысканій въ этой части, не относящихся къ нашему предмету, достаточно сказать, г. Антоновичъ пользуется здѣсь извѣстностью первостепеннаго ученаго. Наконецъ, какъ дальше скажемъ, ему принадлежатъ работы о этнографическаго характера ¹⁾).

Въ шестидесятыхъ годовъ ревностно работалъ въ области южной исторіи и этнографіи М. П. Драгомановъ. Полтавскій урокъ (род. 1841), онъ учился въ полтавской гимназій и въ Кіевскомъ университетѣ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1863. Въ слѣдующемъ

---

1) этнографическія свѣдѣнія см. въ „Біографическомъ словарѣ“ профессоровъ университета, Кіевъ, 1884.

Остановимся въ частности на другихъ предпріятіяхъ теляхъ этого движенія.

Въ ряду важнѣйшихъ трудовъ по изученію Южной Руси прочимъ этнографическому, стоятъ изслѣдованія г. Антоновича (Бониф., род. 1834). Родомъ изъ дворянъ кievской губ., онъ въ одесской гимназіи, пробылъ пять лѣтъ (1850 — 55) на медицинскомъ факультетѣ Кіевскаго университета, затѣмъ перешелъ въ рико-филологическій и кончилъ курсъ по этому факультету. Пробывъ нѣсколько лѣтъ преподавателемъ гимназій и кадетскаго корпуса, онъ въ 1863 причисленъ былъ къ Временной комитетъ разбора древнихъ актовъ, въ которой и работалъ много. Въ 1870 онъ получилъ степень магистра по русской исторіи и занялъ кафедру по этому предмету въ Кіевскомъ университетѣ; въ 1871 получилъ степень доктора и ординатуру. Онъ былъ въ числѣ тельныхъ лицъ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и изъ членовъ-основателей историческаго Общества Нестора-лѣтѣ, гдѣ съ 1881 былъ предсѣдателемъ. Извѣстно, какъ въ самомъ дѣятельности г. Антоновича историческое убѣжденіе повело бокому перевороту въ его личной жизни; тоже убѣжденіе сѣ всегда руководящей основой его научной и общественной ности.

Труды г. Антоновича всѣ сосредоточены на историческомъ Южной Руси. Они распадаются на нѣсколько отдѣловъ. Во-первыхъ труды по редакціи и изданію историческихъ памятниковъ. Далѣ нѣсколько томовъ „Архива юго-западной Россіи“, „матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“ (совмѣстно съ Ф. Х. Терновскимъ), „Записки Станислава“ („Кіевская Старина“, 1882), „Записки Карла Хоецкаго“, (тамъ же, 1883), и т. д. Въ послѣдніе годы онъ редактировалъ журналъ систематическое изданіе, въ извлеченіи ровъ, относящихся къ исторіи Южной Россіи.

Другой отдѣлъ составляютъ историческія изслѣдованія прочимъ вызванныя изученіемъ архивныхъ матеріаловъ. „Архивъ юго-зап. Россіи“ были помѣщены изслѣдованія „о происхожденіи шляхетскихъ родовъ южной Россіи“ (1867); „Послѣднія времена козачества и ронъ Днѣпра“ (1868); „о городахъ въ юго-западной Россіи“ (1870); „о крестьянахъ“ (1870); „о уніи и состояніи православно-го народа съ половины XVII до конца XVIII стол.“ (1871); „о политическомъ состояніи южной Россіи“ (1876)—какъ видимъ, изслѣдованія, касающіяся сѣ ныхъ отношеній внутренней жизни южной Россіи. Другія изслѣдованія помѣщались и въ „Бѣлѣ“.

идушему. Это было собраніе малорусскихъ пословицъ, которое можетъ стать рядомъ съ собраніемъ Даля. Номисъ есть псевдонимъ или анаграмма фамиліи Симоновъ или Симонъ. Симоновы или Симоны были стародавній малорусскій козацкій родъ; окончаніе *овъ* прибавилось къ имени еще въ прошломъ столѣтіи, когда уже начиналось официальное обрусѣніе, которое между прочимъ выражалось тогда прибавкой къ малорусскимъ именамъ русскихъ окончаній. Симоновъ (Матвій Терентьевичъ) родился въ 1823 году; въ 1848 онъ кончилъ курсъ въ Кіевскомъ университетѣ по такъ называвшемуся тогда словесному факультету, и съ тѣхъ поръ до 1877 года, съ небольшими перерывами, состоялъ на государственной службѣ, въ разнообразныхъ должностяхъ—напримѣръ учителемъ словесности въ гимназіяхъ нѣжинской и немировской, въ государственномъ контролѣ въ Петербургѣ, въ контрольныхъ палатахъ псковской, екатеринославской, волынской, наконецъ директоромъ открытой на средства земства Лубенской гимназіи; по выходѣ въ отставку былъ одно время председателемъ лубенской земской управы, а послѣднія пять лѣтъ передъ уничтоженіемъ въ полтавской губерніи мирового суда (1 сентября, 1890) былъ въ лубенскомъ уѣздѣ мировымъ судьей и председателемъ мирового съѣзда. Литературная дѣятельность г. Симонова была немногосложна. Первымъ печатнымъ трудомъ его былъ отрывокъ изъ „Автобіографіи Василя Петровича Бѣлокопытенка“ (въ Рус. Бесѣдѣ, 1858). Затѣмъ въ 1860—1864 нѣсколько работъ его было помѣщено въ сборникѣ г. Кулиша „Хата“ (1860), въ „Основѣ“ („Різдвянні свитки“, 1861, № 1, 5 — 6), въ „Черниговскомъ Листѣ“ Глѣбова (1862—63). Но главнѣйшимъ трудомъ г. Симонова было упомянутое собраніе пословицъ, которое остается до нынѣ однимъ изъ капитальнѣйшихъ произведеній малорусской этнографіи: „Українські приказки, прислів'я и таке инше. Збірники О. В. Марковича и другихъ. Спорудив М. Номис“. Спб. 1864 (VII, 304 и XV стр. въ большую восьмушку, въ два столбца мелкой печати; до 14¹/₂ тысячъ пословицъ и до 500 загадокъ).

Это былъ уже трудъ иного рода, чѣмъ у кого-либо изъ прежнихъ собирателей: г. Симоновъ-Номисъ не довольствовался копилацией печатныхъ сборниковъ, но имѣлъ въ рукахъ также массу собраній, составленныхъ вновь изъ устъ народа, со множествомъ варіантовъ и сличеній, съ указаніемъ при каждой пословицѣ той мѣстности, гдѣ она употребляется, и часто лица, которымъ была записана, а иногда и съ указаніемъ самыхъ источниковъ изученія, т.-е. тѣхъ рассказовъ, народныхъ анекдотовъ и сказокъ, которыхъ отдѣльныя выраженія стали пословицами. Пословицы расположены уже не по азбучному порядку перваго слова (которое легко мѣняется въ варіан-

тахъ), а по рубрикамъ содержанія, напр. въ началѣ: „вѣра, Богъ, грѣхъ, постъ, говѣть, молитва, церква, свято, чортъ, пекло, чернецъ“ и т. д., или дальше: „добрый, просьба, дарованный, старецъ, скупой, завидно, добрая надежда“ и т. д. Въ концѣ прибавленъ особый указатель для пріисканія пословицъ, по главному слову или понятію, по упоминаемымъ въ нихъ предметамъ, напр. баба, битъ, братство, брехня, бурлакъ, вѣтеръ, гетманъ, глухой, голодъ, господарь, дерево (и всякія растенія), дурень, жидъ, животныя (всякаго рода), здоровье, земля, коляда, монастырь, нѣмецъ—и т. д. Указатель—чрезвычайно подробный. Словомъ, собиратель съ своей стороны положилъ много труда на то, чтобы сколько возможно облегчить пользованіе своимъ собраніемъ, т.-е. раскрыть содержаніе народнаго присловія со всѣхъ его сторонъ, чего, напр., далеко не сдѣлано въ такой степени въ собраніи Даля. Составитель сборника не принадлежалъ къ тогдашнему молодому поколѣнію этнографовъ, — но онъ былъ знакомъ съ научнымъ положеніемъ вопроса.

Обширное количество пословицъ въ книгѣ Номиса собрано было, какъ мы замѣтили, изъ коллекцій многихъ лицъ, и главное мѣсто между ними занимало собраніе Аѳ. Вас. Марковича (это былъ ревностный малорусскій патріотъ, давно уже умершій, мужъ г-жи Марковичъ, Марка-Вовчка). Любопытно отмѣтить здѣсь единодушіе, съ какимъ отдѣльные собиратели предоставляли свой матеріалъ для общаго дѣла ¹⁾.

Другимъ замѣчательнымъ трудомъ новаго поколѣнія этнографовъ были сборники г. Рудченка. Новый этнографъ былъ опять связанъ съ народною жизнью родовыми воспоминаніями. Предки г. Рудченка принадлежали къ мелкому малороссійскому служилому сословію, которое несло сначала службу въ рядахъ мѣстной козацкой старшины, а потомъ въ русской службѣ; дѣдъ по отцу былъ ветеранъ 1812 года; прадѣдъ по матери, „человѣкъ греческой націи“, сражался въ семилѣтнюю войну; дѣдъ по матери былъ профессоромъ элоквенціи въ Кіево-могилянской академіи; отецъ былъ небольшимъ чиновникомъ въ Миргородѣ, гдѣ было гнѣздо этого рода. Иванъ Яковл. Рудченко родился въ Миргородѣ въ 1845 году; онъ учился въ миргородскомъ, потомъ гадячскомъ уѣздномъ училищѣ и окончивъ дважды этотъ курсъ, надѣялся поступить въ гимназію, но скудные средства семьи не дали ему этой возможности и, вмѣсто того, его, четырнадцатилѣтняго мальчика, опредѣлили на службу въ гадячское казначейство. Дѣтство, проведенное въ Миргородѣ, въ непосредственной близости

¹⁾ Однимъ изъ главныхъ недостаткомъ изданія мы считали бы чрезмѣрную краткость примѣчаній и скудность печати. Нелегко пользоваться книгой, напечатанной сплошь однимъ шрифтомъ въ родѣ петита; а указатель напечатанъ непараллельно.

съ народною жизнью, привило будущему этнографу любовь къ народной поэзіи и первую мысль о собираніи ея произведеній. Когда начато было изданіе „Основы“ (1861), г. Рудченко не замедлилъ стать не только ея корреспондентомъ, но и усерднымъ этнографическимъ вкладчикомъ и въ изобиліи посылалъ сюда записанныя имъ пѣсни, сказки, преданія; но журналъ больше былъ заинтересованъ текущею жизнью, чѣмъ этнографіей,—корреспонденціи печатались, а изъ народныхъ произведеній напечатана была одна легенда ¹⁾. Весь остальной посланный матеріалъ съ прекращеніемъ журнала затерялся.

Въ 1863, г. Рудченко перешелъ на службу въ Полтаву и получилъ повышеніе, но служба его не удовлетворяла, онъ чувствовалъ недостатки своего образованія и стремился пополнить его; въ 1864 онъ вышелъ въ отставку и на небольшія сбереженныя средства отправился въ Кіевъ, въ надеждѣ подготовиться къ университету. Надежда не осуществилась, но работалось всетаки не мало; г. Рудченко сблизился съ кіевскимъ учено-литературнымъ кругомъ и между прочимъ принималъ участіе въ „Кіевлянинѣ“, основанномъ тогда извѣстнымъ профессоромъ Виталиемъ Шульгинимъ; между прочимъ г. Рудченко помѣстилъ здѣсь и нѣсколько статей, касавшихся малорусской этнографіи ²⁾.

Затѣмъ снова возобновилась служебная дѣятельность: сначала въ Житомирѣ по контролю и при губернаторѣ, потомъ въ Кіевѣ, чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ при генералъ-губернаторѣ, наконецъ управляющимъ казенною палатою въ Витебскѣ и въ Херсонѣ.

Въ 1869 — 70 годахъ г. Рудченко издалъ въ Кіевѣ „Народныя южно-русскія сказки“, въ двухъ выпускахъ. До тѣхъ поръ малорусскія сказки были мало извѣстны: въ печати были только небольшіе сборнички подлинныхъ сказокъ; передавались онѣ также въ литературныхъ обработкахъ (напр. въ русскихъ сочиненіяхъ Гр. Данилевскаго или малорусскихъ — Бодянского, Марка-Вовчка, Стороженка) или у польскихъ этнографовъ,—но, какъ справедливо замѣчалъ новый издатель, литературная передѣлка дѣлала сказку уже негодной къ этнографическому употребленію, потому что вносился авторскій произволъ; польскіе пересказы и обработки (какъ, напр., у Новосельскаго, Рудковскаго, Осташевскаго, въ виленскомъ „Атенѣ“ сороковыхъ годовъ) также не удовлетворяли издателя, потому что почти все выдавали политическую тенденцію. „При этомъ,—говорилъ г. Руд-

¹⁾ „Про вору, посміттюхъ и гадюкъ“, „Основа“, 1862, сентябрь.

²⁾ Напримѣръ: „О чумакахъ и чумачествѣ“ (Кіевлянинъ, 1866, № 112; 1867, № 127; 1870, № 25); „Этнографическія работы въ Западномъ краѣ въ 1866 г.“ (1867, № 61, 62, 65).

ченко,— всегда имѣлось въ виду доказать, или хотя дать почувствовать читателю, что издаваемые произведенія народного творчества принадлежать народу, который составляетъ только разновидность польскаго: понятно, что искаженные такимъ образомъ народныя произведенія, и притомъ освѣщенные подобнымъ свѣтомъ, оказывались далеко непригодными для изученія южно-русскаго народа“. Такимъ образомъ нужно было начать самостоятельное собираніе изъ народныхъ устъ, причемъ издатель воспользовался также сообщеніями нѣсколькихъ другихъ любителей. Онъ намѣревался помѣщать въ своемъ изданіи исключительно сказки, записанныя изъ народныхъ устъ и еще нигдѣ не печатанныя, кромѣ только нѣсколькихъ сказокъ, помѣщенныхъ въ „Черниговскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ“, такъ какъ это изданіе составляло библиографическую рѣдкость; но во второй выпускъ г. Рудченко помѣстилъ, съ разрѣшенія собирателей, также сказки, записанныя Костомаровымъ и М. Т. Симоновымъ-Никомъ и помѣщенные въ почти столько же рѣдкихъ „Молодикъ“ и „Черниговскомъ Листѣ“. Онъ впрочемъ, указалъ, сколько могъ, явившіеся въ разныхъ изданіяхъ тексты малорусскихъ сказокъ. Издатель общалъ и третій выпускъ своей книги. Относительно редакціи изданія, г. Рудченко не хотѣлъ принимать никакого „строгаго научнаго“ дѣленія сказокъ (напр., на сказки мифическаго, героическаго періода, сказки быта пастушескаго и т. п.), полагая, что такое дѣленіе являлось бы искусственнымъ въ примѣненіи къ памятнымъ, которые въ дѣйствительности могли въ одномъ и томъ же произведеніи отражать черты весьма различнымъ періодамъ народнаго развитія. Въ этомъ дѣйствительно могло не быть надобности: указывать подобныя черты было бы дѣломъ научнаго изслѣдованія, которое въ этомъ случаѣ еще не пришло пока къ положительнымъ результатамъ. Г. Рудченко руководился простымъ народнымъ дѣленіемъ, напр., помѣщая рядомъ сказки про звѣрей, про птицъ, про волшебную силу, про богатырей и т. п. При передачѣ текстовъ онъ не хотѣлъ пропускать ничего, что могло служить также для характеристики малорусскихъ нарѣчій въ фонетическомъ и лексическомъ отношеніяхъ. Намъ случалось замѣчать, что подобное намѣреніе сообщать, вмѣстѣ съ *текстомъ* памятниковъ, и матеріалъ для изученія нарѣчій вообще трудно исполнимо, какъ потому, что относительно мѣста не совсѣмъ основательно приурочивать къ одной мѣстности сказку или пѣсню, которая можетъ быть извѣстна на всемъ пространствѣ племени, такъ и потому, что у разныхъ, и обыкновенно мало къ чему приготовленныхъ, записывателей передача мѣстнаго говора будетъ ~~какъ~~ неравномѣрна, а при нынѣшней постановкѣ этого дѣла въ наукѣ и требуетъ особой внимательности и специальной филологической

подготовки: по крайней мѣрѣ до сихъ поръ изученіе памятниковъ и изученіе частныхъ говоровъ рѣдко у насъ были рядомъ исполнены удовлетворительно. Какъ увидимъ, въ другомъ своемъ трудѣ самъ г. Рудченко призналъ неудобноисполнимость подобнаго плана. Гораздо больше основаній имѣлъ другой приемъ, а именно, что издатель далъ въ своемъ собраніи мѣсто и такимъ произведеніямъ, которыя не принадлежатъ средѣ чисто народной. Это—разказы, „созданные полуграмотной, лакейской или солдатской жизнью, вообще жизнью промежуточныхъ слоевъ общества. Но какъ эти слоги все-таки связаны сословно съ народомъ и даже, къ сожалѣнію, вліяютъ на народъ, показываясь ему въ блескѣ яко бы высшей и образованной жизни,—то я не считалъ себя въ правѣ исключить изъ своего сборника и произведеній подобной среды. Я полагаю, между прочимъ, не лишено интереса видѣть, что становится съ народнымъ языкомъ, поэтическими образами и самыми нравами, когда они отъ одного отстаютъ, а къ другому не пристають“.

Другимъ предпріятіемъ г. Рудченка были „Чумацкія народныя пѣсни“ (Кіевъ, 1874). Это — одинъ изъ наилучше обставленныхъ сборниковъ народной поэзіи въ нашей этнографіи. Чумаками называются, какъ извѣстно, малорусскіе торговцы или возчики, которые отправлялись на волахъ къ Черному и Азовскому морю за солью и рыбой и развозили ихъ по южнымъ ярмаркамъ, или также занимались доставкой другихъ товаровъ. До проведенія желѣзныхъ дорогъ это былъ цѣлый обширный промыселъ, занимавшій много людей; чумачество создало особые нравы, обычаи и наконецъ поэзію, а г. Рудченко предпринялъ собрать пѣсни, относящіяся къ чумацкому быту, и освѣтить исторически самое явленіе. Весьма естественно принять, что чумачество сложилось не со вчерашняго дня, а напротивъ, имѣло свою давнюю исторію. Г. Рудченко полагаетъ, что начало промысла можно возвести къ первымъ извѣстнымъ вѣкамъ нашей исторіи. Въ предисловіи онъ объясняетъ этнографическій интересъ предмета, составъ своего изданія, приемы редакціи, а затѣмъ помѣстилъ обширное введеніе, гдѣ даетъ обстоятельный этнографическій очеркъ чумачества по историческимъ памятникамъ и народнымъ пѣснямъ. Онъ говоритъ о происхожденіи этого промысла, томъ, чѣмъ были чумаки въ старину, объ ихъ современномъ бытѣ, какъ чумаки живутъ дома, какъ совершается выѣздъ и провозъ, какъ остаются домашніе послѣ проводовъ, затѣмъ „чумаки въ дорогѣ“, „нападенія на чумаковъ“, „чумацкіе печали и разлука“, „смерть чумака въ дорогѣ“, „ожиданіе домашнихъ и возвращеніе чумаковъ“. Пѣсни собраны г. Рудченко, во-первыхъ, изъ рукописныхъ сборниковъ, сообщенныхъ ему гг. Кулишомъ, И. П. Новици

. В. Ильницькимъ, Шевченкомъ, А. А. Русовымъ, и изъ записей, цѣланныхъ имъ самимъ; и во-вторыхъ, изъ печатныхъ собраній русскихъ, малорусскихъ, галицкихъ и польскихъ. Въ прежнихъ изданіяхъ чумацкія пѣсни помѣщались случайно среди другого матеріала потому давали меньше возможности для цѣльнаго обзора этого дѣла народной поэзіи: г. Рудченко, посвятившій свой сборникъ пѣснямъ исключительно чумацкимъ или имѣющимъ отношеніе къ чумацкому быту, считалъ нужнымъ исчерпать весь сюда принадлежащій матеріалъ и привести пѣсни въ известную систему. Въ этихъ пѣсняхъ издатель справедливо видѣлъ такой памятникъ народнаго творчества, который можетъ освѣтить черты быта, не записанныя исторіей. „Въ чумацкихъ пѣсняхъ,—говорилъ г. Рудченко,—до такой степени ярко и полно отпечатлѣлся не только духъ чумачества, но и строй его жизни, съ картиною быта, нравовъ, обычаевъ и обрядовъ, что пѣсни эти должны лечь въ основаніе при изученіи оригинальнаго типа малорусскаго торговца. Ему предстоитъ на нашихъ, быть можетъ, глазахъ вымираніе. По всей вѣроятности, и произведеніямъ его духа придется пережить творцовъ своихъ недолго. Вотъ почему настало время заняться систематическимъ собраніемъ и изученіемъ чумацкихъ пѣсней, чтобы сохранить эти драгоцѣнные памятники народнаго творчества для науки“.

Въ редакціи изданія здѣсь введенъ новый приѣмъ печатанія вариантовъ, принятый тогда же гг. Чубинскимъ, Антоновичемъ и Драгомановымъ, а потомъ и другими собирателями. Этотъ приѣмъ заключается въ томъ, что издатель, чтобы избѣжать печатанія многихъ сходственныхъ стиховъ въ вариантахъ одной пѣсни, выбиралъ болѣе полный и отчетливый текстъ пѣсни и, ставя его въ основаніе, выписывалъ изъ дальнѣйшихъ вариантовъ лишь тѣ стихи, которые не были сходны съ этимъ прототипомъ, и отмѣчалъ ихъ цифрами и буквами для сравненія съ текстомъ основнымъ. Такимъ образомъ прибрѣтался способъ сокращеннаго изданія вариантовъ, который, не уменьшая сборника повтореніями ¹⁾, отмѣчаетъ существенныя различія, и даетъ вѣсть возможность, если понадобится, возстановить полный вариантъ въ цѣлости; но должно сказать, что для обыкновеннаго читателя, который не можетъ скоро привыкнуть къ дешифрованнымъ сокращеніямъ, этотъ приѣмъ не совершенно удобенъ и вѣроятно заставляетъ просто пропускать эти сокращенные варианты. Намъ кажется, что всего лучше было бы принять въ подобныхъ случаяхъ общій терминъ, а именно, сокращая варианты немногосложные, печатать, вмѣсто длиннаго ряда цифръ и сносокъ, цѣликомъ тѣ ва-

¹⁾ Какъ это напр. до утомительной степени дѣлалось въ изданіяхъ г. Безсонова.

ріанты, въ которыхъ число отличій довольно значительно... Эта работа надъ вариантами дала, между прочимъ, и свои любопытные выводы. „Посводивши такимъ образомъ всѣ находившіеся у меня варианты,—говоритъ издатель „Чумацкихъ пѣсенъ“,—я достигъ результатовъ, какихъ самъ не ожидалъ: оказалось, что всѣ варианты эти уложились въ 65—70 пѣсенъ! Но за то пѣсни эти явились въ такомъ видѣ, въ какомъ только и возможно ихъ изученіе, а именно: все однородное сведено вмѣстѣ, все разнородное—выдѣлено“.

Изучивъ такимъ образомъ подробно чумацкія пѣсни по ихъ содержанию, г. Рудченко имѣлъ возможность расположить ихъ въ систематическомъ порядкѣ по главнымъ сторонамъ самаго чумацкаго быта, какъ онъ изложилъ ихъ во введеніи. Въ ряду пѣсенъ чисто народныхъ ему встрѣтилось и нѣсколько пѣсенъ происхожденія не народнаго, вышедшихъ изъ панскаго увлеченія народностію, но черезъ дворню и официалистовъ дошедшихъ и до народа.

Что касается до языка, то послѣ новаго опыта издатель утѣрился, что при томъ способѣ собиранія, какимъ онъ долженъ былъ пользоваться, соблюденіе мѣстныхъ нарѣчій было невозможно. Онъ долженъ былъ признать, что большинство собирателей, въ томъ числѣ и тѣ, у кого онъ заимствовалъ пѣсни чумацкія, руководились вовсе не филологическими, а только тѣсно-этнографическими цѣлями, и тамъ, гдѣ отмѣчался мѣстный говоръ, невозможно было проверить точность записи. Въ концѣ книжки приложены ноты напѣвовъ, указатель пѣсенъ по мѣсту записи, и наконецъ небольшой словарь нѣкоторыхъ употребительныхъ словъ ¹⁾.

Какъ мы сказали, издатель предполагалъ дать еще третій выпускъ сказокъ. Продолженіе пока не состоялось, между прочимъ, потому, что усложнялась самая работа: по выходѣ первыхъ выпусковъ (какіе сообщаетъ намъ г. Рудченко) продолжалъ прибывать матеріалъ не только со всѣхъ концовъ южной Россіи, но также изъ Галиціи (сказки записанныя львовскими и вѣнскими студентами); издавать ихъ такимъ, какъ изданы были, вслѣдствіе скудости матеріала, первые выпуски, издатель нашелъ невозможнымъ, — это была бы большая масса совсѣмъ не систематизированнаго матеріала. Теперь, ознакомившись съ дѣломъ ближе, г. Рудченко находитъ возможнымъ вмѣсто третьяго выпуска, повторить изданіе въ гораздо болѣе обширномъ

¹⁾ Въ примѣчаніяхъ ко 2-му выпуску „Запорожской Старини“ (стр. 109—110) какъ сообщаетъ намъ В. П. Горленко, помѣщены двѣ очень интересныя, несомнѣнно древнія и подлинныя чумацкія пѣсни; въ сборникъ г. Рудченка онѣ не вошли, если это не простой пропускъ, то надо думать, что онѣ не были включены въ этотъ сборникъ вслѣдствіе того, что репутация „Запор. Старини“ была слишкомъ испорчена обнаружившимися поддѣлками.

мъ объемѣ, въ извѣстномъ систематическомъ порядкѣ и съ нѣко-
рыми объясненіями.

Исслѣдованіямъ по исторіи малорусскаго языка посвящены труды Житецкаго. Сынъ священника въ Кременчугѣ, г. Житецкій (Пав. гн., род. 1836) учился въ переяславской семинаріи, въ 1857 по-
палъ въ Кіевскую духовную академію, отсюда въ 1860 г. по-
ушилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1864. Съ
тѣхъ поръ его дѣятельность была исключительно преподавательская,
русскому языку и словесности, и научная особливо по исторіи
малорусскаго языка и литературы. Преподаваніе онъ началъ въ
иженецъ-подольской гимназій, потомъ въ кіевскихъ учебныхъ за-
веденіяхъ; 1880—1882 г. пробылъ въ Петербургѣ и затѣмъ снова
вернулся въ Кіевъ. Первый печатный трудъ его относится ко времени
Основы"; въ началѣ 1870-хъ г. онъ принималъ участіе въ трудахъ
Кіевского отдѣла Географическаго Общества, гдѣ между прочимъ
этнографической программѣ составленъ былъ имъ отдѣлъ о языкѣ;
тѣмъ же, принималъ участіе въ трудахъ Кіевского археологическаго
общества и здѣсь были имъ изданы отрывки извѣстнаго Пересопниц-
каго Евангелія со вводною статьею. Въ 1876 изданъ былъ имъ упо-
мянутый раньше „Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія“,
оставившій магистерскую диссертацию и вознагражденный Уваровскою
ремією по обстоятельной рецензій А. А. Потебни. Затѣмъ напеча-
но было имъ двѣ статьи въ „Архивѣ“ Ягича: одна заключала
соборъ книги Огоновскаго о Словѣ о полку Игоревѣ; въ другой
онъ имъ установленъ текстъ думы о поражении Богдана Хмельниц-
каго подъ Берестечкомъ, открытой г. Петровымъ на пустыхъ стра-
ницахъ старинной книги, напечатанной въ Брюсселѣ въ 1627—1630
годахъ. Съ 1879 года онъ принималъ участіе въ трудахъ кіевского
историческаго Общества лѣтописца Нестора: выше мы упоминали ¹⁾
сборъ, какой велся въ этомъ Обществѣ по вопросу о томъ, какъ
періодизировали кіевляне въ XIV и XV столѣтіяхъ; г. Житецкій читалъ о
немъ особый докладъ ²⁾. Съ 1882 года, съ основаніемъ „Кіевской
старинны“, онъ принималъ участіе въ этомъ изданіи, гдѣ ему принад-
лежитъ, напримѣръ, предисловіе къ статьѣ Галагана о малорусской
чтецкой драмѣ (1882), „Старинныя воззрѣнія русскихъ людей на
русскій языкъ“ (1883); рядъ статей подъ заглавіемъ: „Очеркъ лите-
ратурной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVII и XVIII вѣкахъ“
(1888), изъ которыхъ составила отдѣльная книга съ тѣмъ же
заглавіемъ (Кіевъ, 1889).

¹⁾ Глава X.

²⁾ Вспомогательный материалъ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣ-
тописца“. Кн. II, Кіевъ, 1888, стр. 218—223.

Эта книга представляется только первой частью предположенного исторического труда и представляет историю малорусского нарѣчія въ XVII вѣкѣ. Книга распадается на три главы: во-первыхъ, рассматривается литературная рѣчь въ принадлежащихъ малорусскихъ писателей XVII вѣка; затѣмъ книжная малорусская рѣчь въ XVII вѣкѣ, наконецъ литературная рѣчь на южно-русскомъ почвѣ во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ приложеніи выдѣлены сборы книжной малорусской рѣчи въ разныя XVII вѣка нѣтъ исключеній: „Синодальна словосочиненія“, гравальерскій альбомъ Кіево-Печерской лавры.

Въ 1866 году г. Житомирскій напечаталъ въ Журналѣ министерства просвѣщенія статью о разговорѣ Пяткова „Краткій“.

Къ тому же выдѣленъ гравальерскій рядъ другихъ дѣтелей, нѣкоторые дѣлѣтнѣе, нѣкоторые работавшіе въ столь же преданный глѣ въ охотнѣе дѣлѣтнѣе, выдѣленныя на нихъ доля. Названъ нѣкому книгѣ г. Лоначевскаго (Александръ Нв. род. 1841). Уроженецъ Волыни, онъ учился въ вострѣ-волинскій приходскомъ училищѣ, потомъ въ Ніжинѣ, затѣмъ въ 1861 году поступилъ въ Кіевскій университетъ, гдѣ кончилъ курсъ въ 1865 году. Онъ былъ потомъ учителемъ гимназій въ Житомирѣ, но въ 1874 году, оставивъ эту службу, сдѣлалъ былъ начальникомъ ремесленного училища въ Кіевѣ, а въ же и устроенаго по порученію кіевскаго городского управленія, потомъ такого же училища въ волтавской губерніи, устроенаго нѣ по порученію волтавскаго губернскаго земства; въ настоящее время заведѣваетъ желѣзно-дорожнымъ училищемъ въ Гомелѣ. Любовь къ этнографическому собранію возникла у него, какъ и у другихъ дѣтелей этого поколѣнія, еще со школьной скамьи; гимназистомъ и студентомъ онъ былъ уже ревностный собиратель.

Приводимъ нѣсколько подробностей, сообщенныхъ намъ г. Лоначевскимъ и рисующихъ эту пору особеннаго развитія украинскаго народополія. „Родившись въ Волынѣ, считалась тогда совершенно польскій край. Хотя всѣ учились и говорили по-малорусски, но въ то время нѣужки не принимался въ расчетъ. Не только нами и поддѣлки, даже горничныя и лакеи говорили родную рѣчь на польскій языкъ; всѣ священники владѣли свободно польской рѣчью, а у нѣкоторыхъ изъ нихъ польскій языкъ составлялъ преобладающій языкъ семьи. Рѣдко приходилось слышать русскую рѣчь (великорусскую). Отецъ мой служилъ управляющимъ имѣніемъ генерала Уварова, семья котораго принадлежала къ чрезвычайно рѣдкимъ—съ русскихъ языкомъ. Изъ нашей семьи говорили по-малорусски, но если являлся хоть одинъ полякъ или поляка—по-польски. Жили мы въ городѣ Новгородъ-Волынскій (нѣжное названіе—Залгелъ). Въ городѣ было единственное учебное заведеніе—„приходское училище“, какъ оно было названо; но въ разговорной рѣчи оно называлось „профоримомъ“. Училище было полякъ. Разговорный языкъ профорим—польскій. Русская рѣчь слышалась только при отвѣтѣ уроковъ, которые вызубривались по книгѣ. Большихъ учениковъ—поляки. Все русское и православное было въ пренебреженіи. Въ

он православные земляки, обучавшиеся около этого времени въ волынскихъ учебныхъ заведеніяхъ, навсегда сохранили воспоминаніе объ оскорбленномъ чувствѣ національности вмѣстѣ съ любовью ко всему мѣстному національному, отсюда какъ бы врожденная склонность къ собиранію мѣстныхъ этнографическихъ матеріаловъ“.

Когда по семейнымъ обстоятельствамъ г. Лоначевскій попалъ съ Волыни въ Нѣжинскую гимназію, условія перемѣнились: поляковъ здѣсь было очень мало, не болѣе 8%, остальные были почти исключительно малоруссы, и предѣломъ издѣвательства были теперь поляки. Въ 1861 году, какъ мы сказали, Лоначевскій поступилъ въ университетъ. „Это было время національнаго и робужденія и возбужденія. У рѣдкаго изъ студентовъ малороссовъ не было отрадки съ разнымъ этнографическимъ матеріаломъ, преимущественно пѣснями. Каждый записывалъ изъ устъ народа. Выше меня курсомъ шли двумя былъ А. И. Стояновъ. По его предложенію составленъ былъ проектъ грандіознаго сборника пѣсенъ, составленіе котораго взяли на себя студенты, а именно: А. И. Стояновъ — историческія пѣсни, И. П. Новицкій — бытовыя, Н. А. Вербицкій — семейныя, а я — любовныя; кромѣ того я собиралъ отъ товарищей и сказки“.

Уже вскорѣ матеріалъ, собранный г. Лоначевскимъ, сталъ появляться въ печати; такъ, по словамъ его онъ передалъ часть своихъ пѣсенъ студенту Б. Лавренку, который сгруппировалъ ихъ и издалъ подъ заглавіемъ: „Пісні про кохання“ (Кіевъ, 1864). Это былъ сборникъ замѣчательный по своему времени, когда по прекращеніи „Основы“ наступило для малорусской литературы глухое время и стали усиливаться враждебныя толки объ украинофильствѣ, сопоставляемомъ съ польскою интригой. Сборникъ расположенъ въ особой системѣ, такъ сказать по періодамъ развитія любовной исторіи. Нѣсколько позднее г. Лоначевскій сообщилъ свое собраніе сказокъ г. Рудченку, въ сборникѣ котораго онѣ и появились. Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ принялъ участіе въ работахъ Кіевского отдѣла Географическаго Общества. Здѣсь принадлежатъ ему двѣ работы: небольшая замѣтка — „Криница“, бытовая картинка изъ малорусской народной жизни, и редакція пѣсенъ, собранныхъ въ Буковинѣ Г. И. Купчанкомъ, который сообщилъ при этомъ „Нѣкоторые историко-географическія свѣдѣнія о Буковинѣ“ ¹⁾.

Собраніе Купчанки, доставленное въ Кіевскій отдѣлъ Общества, включало пѣсни, сказки, пословицы и проч.; изданіе пѣсенъ составляло только начало цѣлаго собранія. Редакція г. Лоначевскаго состояла въ слѣдующемъ: — „Пѣсни, — говоритъ онъ, — раздѣлены мною

¹⁾ „Записки юго-западнаго отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества“, т. II, Кіевъ, 1874, стр. 289 — 369; самыя пѣсни тамъ же, стр. 371 — 600, всего до 400 пѣсенъ.

Описание ярмарки въ Криницѣ повторено г. Мордовцовымъ въ статьѣ: „О внутреннихъ признакахъ русскаго народа“ (въ „Отечеств. Запискахъ“, 1876, № 1, изданы Д. С. — М.) и въ его книжкѣ „Афоризмы“, Спб. 1886.

на шесть отдѣловъ, которые приняты въ засѣданіи для будущаго общаго сборника пѣсенъ; вотъ эти отдѣлы: пѣсни культа, пѣсни жизни личной, пѣсни семейныя, политическія, искусство и поученіе въ пѣсняхъ. Внутреннее расположеніе пѣсенъ каждаго отдѣла я старался сдѣлать строго послѣдовательнымъ а для большаго удобства при пользованіи сборникомъ, къ каждой пѣсни написано мною заглавіе, въ которомъ я старался передать сущность содержанія. Всѣ пѣсни объ одномъ и томъ же предметѣ, или о предметахъ близкихъ, поставлены рядомъ". Относительно перваго отдѣла онъ дѣлаетъ еще слѣдующую оговорку: „Кромѣ собственныхъ пѣсенъ, я внесъ сюда народныя суевѣрія, заговоры и молитвы, желая такимъ образомъ соединить все, что касается народныхъ вѣрованій,—такъ какъ онѣ составляютъ для этнографа наиболѣе интересную сторону народной жизни“.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное распредѣленіе пѣсеннаго и легендарнаго матеріала весьма облегчаетъ обзоръ его содержанія: этотъ матеріалъ несомнѣнно распадается на извѣстныя группы,—но нельзя не замѣтить, что это распредѣленіе и обозначеніе содержанія пѣсни, легенды, преданія и т. д. не можетъ считаться вполне точнымъ и исчерпывающимъ предметъ. Кромѣ той черты содержанія, которая поставлена редакторомъ какъ его характеристическій признакъ, это содержаніе очень часто, если не всегда, представитъ и другія черты, по которымъ данная пѣска могла бы быть приведена и въ другую классификацію: пѣсни культа по извѣстнымъ подробностямъ могутъ быть поставляемы въ параллель съ пѣснями жизни личной, семейной, съ поученіемъ и т. д.; во всякомъ случаѣ вполне исчерпать содержаніе пѣсенъ могло бы только всестороннее изслѣдованіе, которое непременно выходило бы изъ предѣловъ классификаціи, поставленной въ этой редакціи; послѣдняя однако представляетъ не безъинтересную попытку ближе войти въ содержаніе пѣсеннаго матеріала. Такая же система классификаціи была принята потомъ г. Драгомановымъ въ его изданіи „Малорусскихъ народныхъ преданій и разсказовъ“¹⁾.

Отмѣтимъ наконецъ послѣднія работы г. Лоначевскаго, имѣющія отношеніе къ этнографіи: „Представленіе украинцевъ о царѣ“ (въ „Историч. Вѣстникѣ“, 1887, № 3)—пересказъ наблюденій автора въ народной жизни; и статью въ журналѣ „Природа и Охота“ (1887, февраль), гдѣ кромѣ описанія мѣстныхъ бобровъ, приводится народный взглядъ на бобра и нѣкоторыя объ немъ суевѣрія.

Къ тому же поколѣнію ревностныхъ мѣстныхъ патриотовъ, этно-

¹⁾ Та же система примѣняется, со ссылкой на Кіевскій Отдѣлъ и на работу г. Лоначевскаго, въ новѣйшемъ изданіи болгарскихъ пѣсенъ въ упомянутомъ нами „Сборникѣ за народни умотворенія, наука и книжнина“, т. I, стр. IX.

графовъ и историковъ принадлежалъ несравненно больше работавшій въ литературѣ Ив. Петр. Новицкій (род. 1844, ум. въ іюль 1890). Это былъ опять человѣкъ изъ стараго мѣстнаго рода, изъ русскаго православнаго дворянства кievской губерніи. Онъ учился въ кievской гимназіи, но по несчастно сложившимся обстоятельствамъ, не могъ кончить курса. Очень одаренный отъ природы, онъ продолжалъ учиться самъ и вмѣстѣ съ прежними товарищами, которые перешли въ университетъ, онъ получилъ возможность, по тогдашнему времени, слушать университетскія лекціи. Общественное оживленіе той эпохи и политическія событія 1863 года, окончательно опредѣлили и направление его учено-литературной дѣятельности. „Событія эти,—говоритъ г. Каманинъ въ некрологѣ Новицкаго ¹⁾,—отразились на университетѣ, раздѣливъ учащихся (студентовъ и постороннихъ слушателей) на два лагеря по національности. Въ то время, многіе слушатели изъ поляковъ оставили университетъ, оставшіеся русскіе сблизились тѣснѣе, составили изъ себя кружокъ, несочувственный польскому движению, и толковали о возможности существованія чисто русскаго университета въ Кіевѣ. Выдающіеся представители этого кружка положили начало изученію прошлой жизни южно-русскаго края съ цѣлью не толькѣ науки доказать господство въ немъ началъ русской жизни, языка и вѣрованій; къ нимъ примкнулъ и Ив. П. и съ тѣхъ поръ до послѣдней минуты своей жизни онъ не выпускалъ изъ рукъ пера, защищая интересы южно-русской народности. Мѣстная исторія, этнографія, географія и вообще всѣ стороны и вопросы жизни юго-западнаго края были изучены покойнымъ глубоко и всесторонне. Не было ни одного сколько-нибудь важнаго общественнаго, мѣстнаго вопроса, по которому покойный не выступилъ бы печатно со своимъ мнѣніемъ, всегда раціональнымъ и основательнымъ“.

По его внѣшнимъ обстоятельствамъ и по обнаружившейся тогда психо-физической болѣзни, Новицкій не могъ получить никакого officialнаго служебнаго положенія и существовалъ литературнымъ трудомъ въ кievскихъ изданіяхъ, отъ „Кіевлянина“ до „Кіевской Старини“; но онъ уже вскорѣ пріобрѣлъ большія свѣдѣнія въ различныхъ вопросахъ мѣстной исторіи, этнографіи, статистики, управленія, такъ что его не однажды призывали и въ officialныя вѣдомства и въ specialныя коммиссіи. Такъ работалъ онъ въ Центральномъ Архивѣ при университетѣ, въ Археографической коммиссіи и въ Киевскомъ Статистическомъ комитетѣ. Въ коммиссіи онъ собралъ между прочимъ два тома матеріаловъ по исторіи крестьянъ въ XV—XVIII вѣкѣ и этому изданію предпослалъ весьма обстоятельный

¹⁾ Киевская Старина, 1890, сент., стр. 486—491.

„Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи XV — XVIII вѣѣѣ“ (1877). Въ то же время онъ составлялъ въ Центральномъ Архивѣ описи актовыхъ книгъ, чрезвычайно важнаго пособіе для изученія матеріала; и по порученію Археографическомъ комиссіи составилъ обширные объяснительные указатели именъ ныхъ и географическихъ ко всѣмъ ея изданіямъ съ 1844 годъ указатель географическій, составляя сводъ множества мелкихъ товъ и изслѣдованій, имѣеть въ особенности значеніе какъ по опыту исторической географіи края за средній періодъ его исторіи мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ онъ печаталъ матеріалы о низации юго-западнаго края въ эпоху войнъ Хмельницкаго; накомъ для объясненія юридическихъ терминовъ стараго актаго я онъ составилъ небольшой словарь („Университетскія Извѣстія“, 1 Затѣмъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ Кіевскомъ от Географическаго Общества и въ самой экспедиціи Чубинскаго: пятаго тома ея „Трудовъ“ Новицкій доставилъ до 5000 пѣсе приготовилъ къ печати пѣсни бытовья. Съ основанія „Кіевской рины“ Новицкій сталъ ея дѣятельнымъ сотрудникомъ; изъ 6 крупныхъ его работъ отмѣтимъ здѣсь статьи: „Князя Ружинс „Историческая пѣсня о взятіи козаками Азова въ 1637 году“; „А Кисель воевода кіевскій“ (послѣдняя вышла также отдѣльно, 1 Въ его историческихъ трудахъ, исполненныхъ обыкновенно съ шимъ знаніемъ, разбѣяно не мало данныхъ для исторіи быта: работъ чисто этнографическихъ, кромѣ упомянутаго собранія пѣ Новицкимъ составленъ былъ любопытный этнографическій 8ч „Женщина и ея положеніе въ малорусскихъ народныхъ пѣсняхъ въ альманахѣ „Кіевлянка“, 1884.

О трудахъ другихъ дѣятелей того же и болѣе молодого поколѣнія скажемъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА XII.

Новѣйшіе труды по южнорусской старинѣ и народности.

Общая замѣчанія: связь историческихъ изысканій и народолюбивыхъ стремленій съ этнографіей.

Временная Комиссія для разбора древнихъ актовъ.—Н. Д. Иванишевъ.— Работы ученыхъ учреждений и обществъ.—Описанія архивовъ, изданія актовъ, русскія и галицко-польскія.

„Кіевская Старина“.—Ө. Г. Лебединцевъ.

Труды по археологій и старой исторіи Южной Руси.—Исторія земель и князей, городовъ, колонизаціи.—Труды гг. Антоновича, Дашкевича, Голубовскаго, Вагальа и др.

Исторія Запорожья и козачества: Скальковский, Эварницкій, Попко, Короленко и др.—Исторія малорусскихъ фамилій: А. Лазаревскій.—Исторія правыхъ: О. И. Левицкій.—Изданія старыхъ и новѣйшихъ мемуаровъ: Освѣцимъ, Баллика, Евлашевскій, Селецкій, Чалый и пр.

Изслѣдованія экономическаго быта и общины, исторія крестьянства, обычное право: Ив. Новицкій, Щербина, Русовъ, Лучицкій, Кистяковский и др.

Изслѣдованія бытового обычая и народно-поэтическаго творчества: труды Суцова, Науменка, Кузьмичевского, В. Горленка, Неймана, Комарова, П. Ефименка и др.

Краткія свѣдѣнія объ этнографическихъ трудахъ по Галицкой и Угорской Руси.

Съ этнографіей всегда тѣсно соединены изслѣдованія историческія. Внутренняя исторія народной жизни есть этнографія прошедшаго, и исторія мѣстная бываетъ нерѣдко въ особенности связана съ этнографическою характеристикой народа, разъясняя свойства мѣстной племенн, областныя черты быта и народно-поэтическаго содержанія. Исторія малорусская представляетъ богатый матеріалъ мѣстныхъ отличій этого рода, съ которыми еще не могли сосчитаться ни общерусскіе, ни южно-русскіе историки, и которыя до сихъ поръ не даютъ повода къ столкновеніямъ, исполненнымъ нетерпимости. Въ этихъ столкновеніяхъ все бывало вопросомъ: и племя, и языкъ и

историческая принадлежность событий и, безъ сомнѣнія, для признанія спора, кромѣ нравственнаго воздѣйствія иныхъ болѣе благоприятныхъ общественныхъ условий, нужны еще и новые успѣхи историко-этнографическаго знанія. Въ дѣйствительности, исторія юга и сѣвера Россіи, двухъ странъ и двухъ народовъ,—при всѣхъ племенныхъ и бытовыхъ отличіяхъ, частью издавнихъ, частью образовавшихся исторически,—соединена тѣснѣйшими, неразрывными связями, которыя сказывались съ древнѣйшихъ временъ и понынѣ. Древняя исторія Кіева есть самая колыбель всей исторіи русской народности; ея церковная древность есть драгоценная святыня для всего православнаго русскаго люда безъ различія; древняя кіевская письменность—лѣтопись, поученіе, церковная легенда, поэтическая повѣсть—составляютъ исходный пунктъ всей русской литературы, и т. д. Безъ этого начала русская исторія немислима, и южная, какъ сѣверная. Являлись въ жизни новые элементы, совершались глубокіе перевороты и во внѣшней, и во внутренней судьбѣ русскаго народа; сѣверъ и югъ были отрѣзаны одинъ отъ другого до того, что, наконецъ, этнографія заговорила о „двухъ русскихъ народностяхъ“,—но передъ каждой изъ двухъ народностей носилось въ глубинѣ вѣковъ воспоминаніе объ одномъ общемъ корнѣ ихъ племени, вѣри и исторіи. Южная Русь нѣсколько вѣковъ прожила въ союзѣ съ инымъ государствомъ, тоже славянскимъ, но историческія начала котораго были иного склада,—и при всѣхъ усиліяхъ со стороны польской и при усиліяхъ очень многихъ людей, такъ или иначе заинтересованныхъ, со стороны южно-русской, два элемента не могли ужиться между собою, и борьба съ Польшей, то скрытая, то явная съ оружіемъ въ рукахъ, наполняетъ вѣка этой общей жизни до тѣхъ поръ, пока освобожденіе не было достигнуто соединеніемъ двухъ вѣтвей русскаго племени. Соединеніе совершилось въ условіяхъ не равныхъ. Обѣ стороны успѣли въ своей отдѣльной жизни сложиться въ двѣ, весьма несходные, народные типа: одна, подъ чужимъ гнетомъ, среди внѣшнихъ опасностей, потерявъ большую долю своего высшаго сословія, принявшаго чужую вѣру и народность, успѣла, однако, въ борьбѣ за вѣру и свободу выработать извѣстное чувство независимости и извѣстную степень школьнаго образованія; другая въ обстоятельствахъ, быть можетъ, еще болѣе тяжелыхъ, сложилась въ государство, гдѣ, цѣною утраченной гражданской свободы, приобрѣла была внѣшняя сила, съ грубыми формами административнаго быта, потерявшая средства образованія и въ большинствѣ самую охоту къ нему,—въ борьбѣ съ азіатскимъ востокомъ, въ концѣ концовъ неодолимой, исполнившаяся національнаго высокомерія, которое слѣдомъ легко впадало въ чрезмѣрность и могло найти себѣ оправданіе

только въ будущемъ поворотѣ на дорогу просвѣщенія и усилѣхъ общежитія. Встрѣча двухъ народностей, настроенныхъ подобнымъ образомъ, не могла обойтись безъ многихъ столкновений и шероховатостей. Избавившись отъ національной опасности, южная Русь въ новомъ строѣ государственной жизни, въ который она теперь вступила, должна была пожертвовать многими изъ своихъ особенностей, которыя стали ея природой. Объединительная система большого русскаго государства, сопровождаемая неограниченностью царской власти, какъ естественно было ожидать по природѣ вещей, не могла охотно дѣлать уступокъ изъ обычнаго порядка вещей иначе, какъ въ исключительныхъ условіяхъ, и когда первое присоединеніе миновало и установилось, мѣстные особенности должны были все больше уступать передъ московскими идеями и порядкомъ вещей, и стираться между прочимъ также сами собой, подъ вліяніемъ государственнаго, бытового и образовательнаго общенія. Въ сущности, Малороссіи пришлось пережить, въ концѣ московскаго царства и при петербургской имперіи, тотъ же процессъ объединенія, какой нѣкогда постигъ старыя удѣльныя княжества и Новгородъ. Процессъ нивелировки мало-по-малу охватилъ всѣ особенности южно-русской жизни: въ XVII столѣтіи московскіе бояре вѣдывали въ дѣйствовавшую еще власть гетмановъ; въ XVIII столѣтіи эта власть была уже номинальная, но и въ этомъ видѣ была отмѣнена; Запорожская Сѣчь была уничтожена и выселившееся козачество стало просто нерегулярнымъ войскомъ; „малороссійскія права“ все больше падаютъ, администрація и судъ подводятся подъ общіе порядки; въ XIX столѣтіи подвергается сомнѣнію, и наконецъ, внѣшнему стѣсненію самый малорусскій языкъ. Съ другой стороны, Малороссія вовсе не была только пассивнымъ придаткомъ, прибавившимся къ русской имперіи. Всякій безпристрастный историкъ долженъ признать, что ея вступленіе въ общую русскую жизнь сопровождалось многими благотворными и, кажется, еще не вполне оцѣненными послѣдствіями. Съ присоединеніемъ Малороссіи русское государство расширилось вдругъ на новыя громадныя пространства; съ тѣмъ вмѣстѣ умножились вообще государственныя силы и въ частности облегчена давнишняя задача усмиренія, а потому покоренія юго-восточнаго азіатскаго сосѣдства. Въ XVII вѣкѣ, еще до присоединенія Малороссіи, Москва, почувствовавши необходимость въ ученыхъ силахъ для церковнаго исправленія, для заведенія школъ, для декораума царскаго двора и, наконецъ, для воспитанія царскихъ дѣтей, нашла ученыхъ людей въ Малороссіи, гдѣ была знаменитая Петра Могила имѣла уже замѣчательныхъ богослововъ и классическихъ филологовъ, хотя еще въ старомъ схоластическомъ стилѣ. Эта впервые прочно основавшаяся русская наука

была вполне деломъ южно-русскимъ; она поставлена была на томъ же старомъ православіи, церковный матеріалъ котораго приходилъ сюда и изъ сѣверной Россіи, какъ изъ Москвы доставлены были рукописи для изданія знаменитой Острожской Библии. Въ Петровское время и послѣ, южно-русская школа доставила много ученыхъ людей, которые работали въ русской церковной жизни, въ школахъ и управленіи; малорусскія силы входятъ въ русскую литературу, какъ перешелъ въ нее извѣстный запасъ понятій, выработанныхъ южно-рускимъ образованіемъ, и въ литературный языкъ вошли изъ того же источника многіе книжные элементы. Въ нашемъ вѣкѣ, независимо отъ того расширенія народной идеи, которое внесено было возрожденіемъ малорусской литературы съ конца прошлаго столѣтія, одна изъ величайшихъ силъ новѣйшей русской литературы, конечно, не случайно была дана именно малорусской народностью: мы говоримъ о Гоголѣ, въ лицѣ котораго Малороссія снова внесла свой плодотворный вкладъ въ общее дѣло русской поэзіи и просвѣщенія...

Въ этомъ мірѣ сложныхъ историческихъ явленій,—дававшихъ матеріалъ для всякихъ направленій и критической мысли, и племенного чувства, должно было вращаться научное изслѣдованіе, присутствовавшее въ южно-русской исторіи, а также и этнографіи. Новѣйшія условія нашей общественной жизни, какъ указано выше, не благоприятствовали свободному выраженію не только общественныхъ, но и научныхъ взглядовъ, такъ что не могъ имѣть мѣста открытый, правдивый обменъ мнѣній за, и противъ, и въ концѣ концовъ изъ различія воззрѣній и племенного инстинкта рождалось взаимное недовѣріе и несправедливость, причемъ въ наименѣе выгодномъ положеніи были тѣ, кому приходилось говорить противъ рутины. Было совершенно естественно, что у малорусскихъ историковъ и этнографовъ, издавна и до сихъ поръ, складывалась особая любовь къ своей старинѣ и народности,—мы приводили примѣры, что это былъ врожденный инстинктъ, которому научное знаніе давало только нѣтъ и опредѣленность. Было время, когда мѣстный малорусскій патриотизмъ увлекался временами гетманщины и мечталъ о томъ, чѣмъ могла бы быть Украина при иномъ оборотѣ историческихъ событій; ближайшее историческое знакомство съ эпохой разубѣждало патриотовъ въ особой привлекательности тогдашняго порядка вещей, но, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпило въ нихъ привязанность къ лучшимъ явленіямъ своего прошедшаго и своей народности. Но это прошедшее давно и невосвратно миновало, говорили ихъ противники; то же, также, однако, миновало то московское царство, изъ котораго слагалась свой идеалъ славнофильская школа, еще недавно призывавшая русскій народъ и государство вернуться туда, „домой“, бросивъ

шія приобрѣтенія ихъ исторіи. До такого попятнаго идеализма, ерцавшаго самую цивилизацію, достигнутою человѣчествомъ, ношее украинофильство не доходило. Обращенія малорусскихъ патентовъ къ прошедшему вызываются прежде всего стремленіемъ изъ, сколько возможно ближе, въ прошедшемъ истинный характеръ его народа. Если бывали преувеличенія въ этомъ направленіи, въ томъ на нихъ, съ нашей стороны, должна быть спокойная критика, разъясненіе дѣла, а не тѣ юридическія инсинуаціи, къ которымъ такъ часто прибѣгали и прибѣгаютъ противники украинольства.

По этимъ сложнымъ и спорнымъ вопросамъ южно-русской исторіи, кинимъ и въ этнографическомъ смыслѣ, собралась въ послѣдніа дѣлѣтїя обширная литература матеріаловъ и изслѣдованій, перелать которые сподна было бы здѣсь не мѣсто и которые мы имѣемъ въ главнѣйшихъ направленіяхъ и фактахъ. Замѣтимъ обще, что наибольшая часть этихъ трудовъ совершена мѣстными силами, людьми иногда разныхъ взглядовъ, но въ большинствѣ именно увѣренныхъ любовію къ родной мѣстной старинѣ и современной родности.

Уже тѣмъ самымъ, что дѣло шло о разновидности русскаго племи, малорусская исторія доставляетъ множество указаній чисто географическаго характера; но затѣмъ съ большою ревностью разботывалась и этнографія собственно. Послѣ экспедиціи Чубинскаго, которая между прочимъ изчерпала нѣсколько частныхъ собраній, главныхъ ранѣе, мы уже не встрѣчаемъ предпріятія такого объема такой цѣнности; по всей вѣроятности не мало участвовало въ нестаткѣ крупныхъ работъ то неблагоприятное положеніе, въ какомъ заходитъ малорусская литература съ 1876 года. Взамѣнъ того нѣдавнее время представляетъ массу небольшихъ отдѣльныхъ трудовъ разныхъ отраслей этнографіи, въ которыхъ заключается множество новаго и нерѣдко любопытнѣйшаго матеріала. За неимѣніемъ того объединяющаго учрежденія, какимъ былъ одно время Кіевскій отдѣлъ Географическаго Общества, эти труды по неволѣ разманы по изданіямъ другихъ ученыхъ обществъ, по журналамъ, выходямъ, провинціальнымъ газетамъ и т. д. Понятно, что обобраніе такого разбросаннаго матеріала представляетъ довольно значительную трудность и въ настоящемъ случаѣ полное его указаніе можетъ быть нашею цѣлью. Мы отмѣтимъ лишь главнѣйшія направленія и органы этихъ изысканій, и перечислимъ труды болѣе интересныя въ томъ или другомъ отношеніи.

Главное учреждение, работавшее по изысканію и изданію источниковъ малорусской исторіи, по преимуществу средняго періода, была давнишняя „Временная коммиссія для разбора древнихъ актовъ“, издавшая въ „Архивѣ юго-западной Россіи“ множество существеннаго историческаго матеріала, важность котораго увеличивается замѣчательными вводными статьями, сопровождающими тексты актовъ. Здѣсь съ самаго основанія Коммиссіи (1843) дѣятельнѣйшимъ лицомъ былъ извѣстный профессоръ Кіевскаго университета Николай Дмитр. Иванишевъ (1811—1874), благодаря трудамъ котораго Коммиссія собрала громадное количество актовъ, сосредоточенныхъ потомъ въ „Центральномъ Архивѣ“ при университетѣ и служившихъ основой для „Архива“ и другихъ изданій. „Иванишевъ, — по словамъ его біографа, — былъ душою Коммиссіи и главнымъ ея работникомъ: сначала въ должности главнаго редактора, а потомъ вице-предсѣдателя. По указаніямъ этой Коммиссіи, онъ производилъ раскопки могилъ и кургановъ, предпринималъ поѣздки въ разные города юго-западнаго края, отыскивая вещественные и письменные историческіе памятники, принимая то непосредственное, то посредственное участіе во всѣхъ изданіяхъ этой Коммиссіи. Наконецъ, онъ завершилъ служеніе этому дѣлу организаціей кіевскаго Центрального Архива, въ которомъ собралось болѣе трехъ милліоновъ историческихъ памятниковъ, столь важныхъ для изученія нашей юго-западной исторіи; онъ обработалъ программу изданій архива, которой неуклонно слѣдовалъ его достойный преемникъ, В. Б. Антоновичъ. Какъ колоніи устроивались по образцу своей метрополіи, такъ по образцу кіевскаго Центрального Архива организовались центральные архивы въ Витебскѣ и Вильно, въ которыхъ собралась масса историческихъ памятниковъ сѣверо-западнаго края. Начало всему этому, великому для русской исторической науки, дѣлу положилъ незабвенный Иванишевъ. Благодаря его трудамъ, университетъ св. Владиміра въ стѣнахъ своихъ скрываетъ такіа сокровища для уразумѣнія прошлыхъ судебъ родной земли, какихъ, конечно, не имѣетъ ни одинъ русскій университетъ“¹⁾).

Въ біографіи, составленной г. Романовичемъ-Славатинскимъ, читатель найдетъ достаточно подробностей о научномъ и общественномъ положеніи

¹⁾ Біографія Иванишева рассказана въ книгѣ А. В. Романовича-Славатинскаго „Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иванишева, ректора университета св. Владиміра, вице-предсѣдателя кіевской Археографической Коммиссіи“. Спб. 1876 (отдѣльный оттискъ изъ „Древн. и Новой Россіи“, 1876); другая подробная біографія и оцѣнка сочиненій въ „Біографическомъ Словарѣ“ профессоровъ Кіевскаго университета, 1884. „Собраніе сочиненій Н. Д. Иванишева“ издаваемо было университетомъ въ 1876.

Иванишева. Приводимъ нѣкоторыя указанія. Иванишевъ, какъ большинство читателей малорусской исторіографіи и этнографіи, былъ человекъ мѣстный, по плу поповичъ, по роду дворянинъ, шляхтичъ; послѣднему онъ продавалъ важность. Значительная часть его дѣятельности, именно въ началѣ, проходила въ вѣстное генералъ-губернаторство Бибикова, время борьбы противъ полонизма путемъ инвентарей и путемъ историческаго разъясненія малорусско-польскихъ плушеній; но въ Бибиковѣ кромѣ человека съ „національными порывами“ былъ еще и правитель въ родѣ римскаго проконсула и какъ попечитель учебнаго округа (званіе котораго соединялось съ генералъ-губернаторствомъ) онъ ставилъ память порядочнаго обскуранта.

Сравни отзывъ о Бибиковѣ въ запискахъ Никитенка, который зналъ его же въ Петербургѣ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ. Далѣе у Славатинскаго (стр. 118, 187, 194) читаемъ:

„Ошибка генерала Бибикова состояла въ томъ, что онъ не умѣлъ пододвигать персоналъ подчиненной ему администраціи въ уровень съ своей патріотической программой. Для этого персонала, патріотическая политика генерала Бибикова сдѣлалась только новымъ источникомъ лихонимства: польское панство католическое духовенство цѣною денегъ сумѣло удержать свое прежнее господство въ краѣ, а инвентарныя положенія, сдѣлавшись оброчной статьёй для исправниковъ и становыхъ, только номинально улучшали бытъ помѣщичьихъ крестьянъ.

„Другая ошибка генерала Бибикова состояла въ томъ, что, угнетая польское господство въ краѣ, онъ угнеталъ и всякую свободную мысль, и всякое мнѣніе“.

Г. Славатинскій замѣчаетъ, что въ то время люди „съ космополитическими идеями“ (!) не умѣли оцѣнить „національных порывовъ“ Бибикова; вѣрнѣе, вѣрнѣе, было бы сказать, что эти люди находили, что приемы, описанные въ приведенной сейчасъ цитатѣ, сами способны были подорвать значеніе національных стремленій Бибикова, когда прежде всего бросались въ глаза некая-нибудь историческая правда, а произволъ и насилие.

„Съ генераломъ Бибиковымъ“, — рассказываетъ г. Славатинскій, — Иванишевъ былъ душа въ душу, не потому, конечно, чтобы заискивалъ въ немъ. Не въ его натурѣ — свобода и независимаго малорусскаго хуторянина — было какое-то ни было заискиванье: какъ мы знаемъ, онъ скорѣе готовъ былъ острить на своемъ начальствѣ, чѣмъ искать въ немъ. Но въ генералѣ Бибиковѣ онъ истинно-честно читалъ истинно-русскаго человека и сочувствовалъ его политикѣ, направленной на приниженіе польско-католическаго шляхетства и поднятіе русско-православнаго крестьянства. Генералъ же Бибиковъ былъ человекомъ умнымъ, чтобы не понять, какого союзника его русская политика находила въ такомъ ученомъ, какимъ былъ Иванишевъ. Ради этой русской политики, Ник. Дмитр. многое прощалъ Бибикову.

„На охраняемый послѣднимъ обскурантскій порядокъ вещей онъ смотрѣлъ спокойно, глазами терпѣливаго мудреца: „перемелется — мука будетъ!“

Мука вышла, впрочемъ, не важная.

Любопытной и характерной чертой не для одного Иванишева является отношеніе къ тогдашнему литературному движенію. Биографъ, какъ слушатель Иванишева, рассказываетъ, что послѣдній, занятый славянскими законодательствами и старинными актами, не былъ преподавателемъ популярнымъ, потому что слушатели больше увлекались тогда профессорами, „слѣдовавшими историческимъ (?) и гуманнымъ идеямъ сороковыхъ годовъ, идеямъ про-

теста противъ тогдашняго порядка вещей“. „Глубоко національный (?), Иванішевъ всегда оставался чуждымъ этимъ идеямъ. Наши кумиры были въ его глазахъ „не святыми, лѣнящими горшки“.... Къ „властителю думъ“ нашего поколѣнія, Грановскому, Иванішевъ относился не сочувственно. Онъ не сочувствовалъ страстнымъ статьямъ Бѣлинскаго, не давалъ себѣ труда проникнуть въ смыслъ пропаганды автора „Записокъ доктора Крупова“, едва-ли ясно понималъ глубокое значеніе сатиры Гоголя, который только потѣшалъ его, какъ забавный рассказчикъ, еще меньше вдумывался въ повѣсти Тургенева и во всю мыслящую беллетристику того времени“.

Его собственныя идеи складывались такъ: „Еще въ молодые годы, когда онъ изучалъ исторію славянства, въ немъ развилось и укрѣпилось вѣрованіе въ великую историческую миссію Россіи, среди сродныхъ ей разрозненныхъ и безгосударственныхъ, славянскихъ племенъ. Это вѣрованіе усиливалось въ немъ съ лѣтами, по мѣрѣ наученія западно-русскихъ актовъ, заключающихъ въ себѣ неопровержимыя доказательства неспособности польскаго племени стоять во главѣ славянства и руководить его судьбами“.

Главнѣйшимъ преемникомъ Иванішева по Коммиссіи остался В. Б. Антоновичъ, о многочисленныхъ трудахъ котораго по южно-русской исторіи и изданію памятниковъ мы говорили выше, и скажемъ еще далѣе.

Большую массу историческихъ документовъ сообщали также изданія Археографической Коммиссіи въ Петербургѣ, которая, кромѣ „Актовъ, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи“, издала важные матеріалы въ „Русской Исторической Библіотекѣ“, гдѣ напечатаны были любопытнѣйшіе памятники старой церковно-полемической литературы. Далѣе, рядъ болѣе или менѣе важныхъ трудовъ по исторіи и также этнографіи южной Россіи, доставили изданія ученыхъ обществъ и учрежденій, какъ изданія Кіевского Университета („Извѣстія“), Кіевской Духовной Академіи („Труды“), Одесскаго Общества исторіи и древностей, Историческаго Общества Нестора-лѣтописца въ Кіевѣ („Чтенія“), наконецъ, „Чтенія“ Московскаго Общества исторіи и древностей, гдѣ также находилъ мѣсто важный историческій и этнографическій матеріалъ и пр. Болѣе или менѣе тѣсное отношеніе къ исторіи южной Россіи имѣютъ изданія памятниковъ и изслѣдованія объ исторіи Россіи западной, о которыхъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Не мало важныхъ указаній доставляютъ описанія рукописей, какъ, напримѣръ, описаніе рукописей Церковно-археологическаго Музея, въ Кіевѣ, г. Петрова; описаніе рукописей Виленской бібліотеки, г. Добрянскаго; укажемъ еще „Историческія разысканія въ южно-русскихъ архивахъ“, Амфіана Лебедева (М. 1885); далѣе приведемъ архивныя изслѣдованія Ал. Лазаревскаго, и проч. По изслѣдованію архивовъ болѣе мѣстнаго значенія укажемъ „Историческіе матеріалы изъ архива Кіевскаго губернскаго правленія“, собранныя редакторомъ неофициальной части „Кіевскихъ Губ.

Вѣдомостей“ А. Андріевскимъ (Кіевъ 1882—86, 10 вып.), и его же Матеріалы для исторіи южно-русскаго края XVIII столѣтія (1715—794), извлеченные изъ старыхъ дѣлъ кіевскаго губ. архива“, изданные Одесскимъ Обществомъ исторіи и древностей; „Акты воронежскіе“, изданные мѣстнымъ статист. комитетомъ (1887), и проч.

Къ прежнимъ органамъ ученой дѣятельности въ южной Россіи прибавилось въ послѣдніе годы Историко-Филологическое Общество при харьковскомъ университетѣ, издавшее до нынѣ три тома своихъ трудовъ („Сборникъ“).

По древнимъ и средневѣковымъ тѣснымъ связямъ южной Россіи и Галицкой Руси важны археографическіе труды польскихъ ученыхъ въ Галиціи. Таковы изданія заслуженнаго галицко-польскаго ученаго старшаго поколѣнія Авг. Бѣлѣвскаго (1806—1876), гр. Алекс. Стадницкаго ум. 1861: *Akta grodzkie, Lwów, 1868—87, 12 томовъ*, изданные на авѣщанныя имъ средства), Войтѣха Кентржинскаго (*Katalog rękopisów zakładu nar. im. Ossolińskich, Lwów, 1880 и дал.*) и др. Галицкіе архивы, прежде мало или совсѣмъ недоступные, были наконецъ изучаемы и нашими учеными; назовемъ особенно работу И. А. Линниченка: „Архивы въ Галиціи“ („Кіевская Старина“, 1888, августъ, октябрь), гдѣ указаны также мѣстные польскіе труды по работѣ этихъ архивовъ.

Единственнымъ литературнымъ органомъ, въ которомъ сосредоточиваются разнообразныя изысканія по южно-русской исторіи и этнографіи была, въ послѣдніе годы, основанная въ 1882 г. „Кіевская Старина“. Съ тѣхъ поръ и донныѣ это изданіе успѣло дать столько любопытнаго матеріала, что стало необходимымъ для всякаго, кого занимаютъ вопросы южно-русской археологіи, исторіи и различныхъ отраслей этнографіи. Содержаніе журнала касается самыхъ разнообразныхъ сторонъ этихъ предметовъ, начиная отъ древности до современнаго народнаго быта. Здѣсь, между прочимъ, появлялись труды наиболее авторитетныхъ писателей по изученію южной Руси, какъ напр. Костомарова, Антоновича, П. Житецкаго, И. Малышевскаго, М. Владимірскаго-Буданова, И. Линниченка, О. Сумцова, А. Потебни, О. Рыльского, А. Лазаревскаго, В. Науменка, В. Горленка, Ц. Нейнава, П. Ефименка, и т. д. Множество изслѣдованій, отдѣльных свѣдѣній и замѣтокъ—о старыхъ временахъ края, о козачествѣ, Запорожѣ и гайдамачествѣ, о народной поэзіи, кобзаряхъ и лирникахъ; множество народныхъ пѣсень, народныхъ преданій, наговоровъ и чародѣйствъ; старые дневники и воспоминанія (какъ напр. Ханенка, Осядѣна и др.); старый малорусскій театръ (статьи П. Житецкаго, Бульмичевскаго); бытовые рассказы современные, изъ давняго и недавняго прошлаго (напр. И. Левицкаго, Б. Познанскаго и др.); опи-

савія отдѣльныхъ земель южнаго края и, наконецъ, весьма отчетливая библіографія и критическая оцѣнка новыхъ книгъ и изданій, касающихся южно-русской исторіи и народовѣдѣнія,—все это дѣлаетъ „Кіевскую Старину“ богатымъ запасомъ историческихъ объясненій и матеріаловъ и ставитъ это изданіе въ число первостепенныхъ пособій по малорусской этнографіи. Здѣсь являются, наконецъ, свѣденія о галицкой литературѣ, у насъ вообще мало извѣстной, и т. д. „Кіевская Старина“ стоитъ вдалекѣ отъ полемическихъ вопросовъ, которые поднимаются у насъ отъ времени до времени по поводу малорусской литературы и народности, и довольствуется изученіемъ фактовъ: содержаніе описываемой ею старины нерѣдко бываетъ интересно, и остается жалѣть, что къ сохраненію и болѣе пристальному изученію этой старины недостаетъ тѣхъ средствъ, пособій и возбужденій, какія даются болѣе свободнымъ развитіемъ мѣстной образовательной жизни: такъ, напримѣръ, въ Кіевѣ до сихъ поръ нѣтъ мѣстнаго историческаго и этнографическаго музея, объ основаніи котораго помышляли уже (и положили начало самымъ коллекціямъ) дѣтъ двадцать тому назадъ, со времени основанія Кіевского отдѣла Географическаго Общества.

Основателемъ „Кіевской Старины“ былъ Теофанъ Гавр. Лебединцевъ. Мѣстный уроженецъ, питомецъ кіевской духовной академіи, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ 1851 со степенью магистра, онъ былъ преподавателемъ въ воронежской и кіевской семинаріяхъ, а потомъ профессоромъ въ той самой академіи. Въ 1864 году онъ занялъ должность начальника холмской учебной дирекціи, въ 1872 перемѣщенъ на такую же должность въ Радомъ и, по выходѣ въ отставку въ 1882, предпринялъ изданіе „Кіевской Старины“, которое велъ до 1888, когда по болѣзни передалъ изданіе въ другія руки. Въ холмскомъ краѣ ему пришлось дѣйствовать въ то самое время, когда совершалось тамъ воздѣйствіе на греко-уніатское населеніе въ духѣ присоединенія его къ православію и тѣснѣйшаго сближенія съ русской народностью. Лебединцеву,—говоритъ его біографъ,—„пришлось работать въ этомъ краѣ въ самую трудную пору переходнаго его состоянія отъ укоренившихся въ странѣ польско-католическихъ культурныхъ вліяній къ южно-русскому строю жизни, сохранившемуся въ языкѣ и бытѣ простого народа“; какъ говоритъ, онъ дѣйствовалъ при этомъ „съ соблюденіемъ уваженія къ языку и мѣстнымъ обычаямъ населенія“. Литературная дѣятельность Лебединцева началась въ 1860 году въ періодическомъ изданіи „Руководство для сельскихъ пастырей“, которое было имъ задумано и въ первые годы выходило подъ его редакціей: здѣсь помѣщено было имъ нѣсколько статей церковно-поучительнаго содержанія; затѣмъ

подобныя статьи его печатались въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“, въ „Трудахъ кіевской Духовной Академіи“, въ „Вѣстникъ юго-западной Россіи“; одна бесѣда съ поселянами, на народномъ языкѣ, напечатана была въ „Основѣ“. Въ 1864 былъ имъ изданъ второй томъ „Архива“ юго-западной Россіи съ документами о борьбѣ православія съ уніей въ кіевскомъ краѣ, въ половинѣ XVIII вѣка, во введеніи—изслѣдованіе объ извѣстномъ архимандритѣ Мельхиседекѣ Значко-Яворскомъ. Въ 1882—1887 годахъ Лебединцевъ потратилъ много труда, знанія и искусства на изданіе „Кіевской Старины“, гдѣ помѣщено между прочимъ много его статей, почти всегда однако имъ не подписанныхъ.

Одно изъ лицъ, близко знавшихъ Лебединцева, говоритъ о трудѣ, положенномъ имъ на изданіе „Кіевской Старины“: „Этотъ трудъ на поприщѣ новомъ, оставленномъ многими тяжелыми данными, съ слабой и вялой общественной поддержкой, требуетъ всего человѣка. Какъ въ театрѣ публика не думаетъ о режиссерѣ, такъ, читая журналъ, она забываетъ о редакторѣ. Публика знаетъ только то, что появляется изъ журнальнаго матеріала въ книгѣ... Кто знаетъ размѣры этого труда, тотъ забудетъ и проститъ ошибки покойнаго, если онѣ были, и вспомнитъ только то высокое и доброе, что было плодами его работы... Знающимъ его изслѣдованія о южно-русскихъ церковно-общественныхъ братствахъ или о Мелхиседекѣ Яворскомъ кажется непонятнымъ, почему писатель, заявившій себя, хоть бы въ этихъ двухъ работахъ, крупнымъ историческимъ изслѣдователемъ, какъ бы воздерживался отъ участія въ своемъ собственномъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что О. Г. обладалъ большою авторскою скромностью и писалъ постоянно подъ псевдонимами. На большое изслѣдованіе, на затяжную работу обязанности редактора не оставляли ему рѣшительно времени. Не успѣлъ онъ приступить и къ воспоминаніямъ своимъ, которыя для всѣхъ знавшихъ его талантъ рассказчика и неисчерпаемый юморъ обѣщали любопытнѣйшее явленіе. Имъ написано за шесть лѣтъ множество рецензій, замѣтокъ и маленькихъ очерковъ, никогда не превышавшихъ размѣра печатнаго листа и всегда писавшихся къ выходу книжекъ. Чаше всего писалъ онъ подъ псевдонимомъ: К. Цыбульскій, имѣвшимъ анекдотическое происхожденіе. Другими псевдонимами его были: Лобода, Кулюмбашъ, Б. Д-ръ, Холмскій старожилъ, Холмскій Братчикъ, Фратеркулусъ и въ послѣднихъ книжкахъ прошлаго года—Т. Шнейдеръ, рассчитанный на полное недоумѣніе лицъ, близко знавшихъ весь кругъ сотрудниковъ. Всѣ редакціонныя статьи и замѣтки принадлежатъ ему, также какъ и многія изъ появившихся безъ подписи. Изъ статей, имъ совершенно переработанныхъ, укажемъ для примѣра на любопытныя „Воспоминанія отшельника“, помѣщенные въ послѣдней книгѣ прошлаго года“¹⁾.

Переходимъ къ обзору того, что сдѣлано было въ послѣднее время по изученію южно-русской народности, касаясь лишь мимо-

¹⁾ Слѣдствія о біографіи и литературныхъ трудахъ Лебединцева см. въ „Кіевской Старинѣ“, 1888, апрѣль (документы, извѣстія и пр., стр. 28—81); май (тамъ же, стр. 65—66); 1889, мартъ: „Памяти О. Г. Лебединцева“, г. Сумцова, и его же статьи въ „Русской Старинѣ“, 1889, іюнь, стр. 725—732, и др.

ходомъ тѣхъ изученій, которые имѣютъ только косвенное отношеніе къ собственной этнографіи. Во-первыхъ, предприняты были въ послѣднее время довольно обширныя изслѣдованія по археологіи края, цѣлью которыхъ должно быть нѣкогда опредѣленіе тѣхъ періодовъ культуры и тѣхъ этнологическихъ элементовъ, которые прошли въ въ странѣ, ставшей потомъ наслѣдіемъ южно-русскаго племени. Таковы археологическія изысканія, раскопка кургановъ, изслѣдованіе Днѣпровскихъ пещеръ, собираніе остатковъ каменнаго и металлическаго вѣковъ и т. п., произведенныя трудами В. Б. Антоновича, Д. И. Эварницкаго, Д. Я. Самоковасова, гр. А. А. Бобринскаго, г. Мазараки, Е. Дверницкаго, г-жи Мельникъ и др. По географіи старой Малороссіи упомянуть выше трудъ И. П. Новицкаго; кромѣ того, работали здѣсь П. Голубовскій, Эварницкій, Сумцовъ и др. По археологіи стараго Кіева, кромѣ упомянутой раньше книги Закревскаго и стараго сочиненія Крыжановскаго („Обозрѣніе Кіева“, изд. Фундуклеемъ, 1847), многое сдѣлано въ послѣднее время г. Антоновичемъ (подъ редакціей котораго изданъ былъ „Сборникъ матеріаловъ для исторической топографіи Кіева и его окрестностей“, Кіевъ, 1874), прот. П. Г. Лебединцевымъ, г. Праховымъ (реставрація древнихъ фресковъ въ Софійскомъ соборѣ и въ особенности въ Кирилловскомъ монастырѣ, близъ Кіева) и другими. Изданіе фресковъ Кіево-Софійскаго собора въ особенности выдвинуло вопросъ о древнемъ художествѣ и здѣсь замѣчательныя объясненія даны были извѣстнымъ знатокомъ древняго византійскаго искусства Н. П. Кондаковымъ ¹⁾).

Обширную литературу представляютъ изслѣдованія историческія, съ той поры, когда исторіографія слѣдуетъ непосредственно за археологіей и до разсказовъ о самомъ недавнемъ прошломъ. Къ археологіи памятниковъ непосредственно примыкаютъ изслѣдованія о древнѣйшихъ историческихъ свидѣтельствахъ относительно странъ нынѣшней южной Россіи. По археологіи памятниковъ извѣстна книга: „Русскія древности въ памятникахъ искусства“, издаваемая гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ (Спб. 1889—1891, три выпуска). Здѣсь, кромѣ обзора памятниковъ, приводятся и тѣ письменныя свидѣтельства классической древности, которые являются первыми указаніями о гиперборейскихъ и скиѣскихъ странахъ, гдѣ для древнихъ было столько загадочнаго. Первый болѣе отчетливый повѣствователь объ этихъ странахъ, „отецъ исторіи“, Геродотъ явился въ послѣднее

¹⁾ Для путешественниковъ и почитателей кіевской святѣи составилъ книгу Н. Семеновскій (въ началѣ шестидесятихъ годовъ; 6-е изданіе, 1881); укажемъ еще: „Путеводитель по Кіеву и его окрестностямъ“, В. Бублика (2-е изд., 1890, съ многочисленными фототипіями), и книгу: „Кіевъ теперь и прежде“, М. Захарченка, съ фототипіями Кульженко, предназначенную къ 900-лѣтнему юбилею крещенія Руск.

время въ новомъ переводѣ Ѳ. Мищенка и снова подвергся разнообразнымъ толкованіямъ, которыя между прочимъ съ большою смѣлостью придвигали его извѣстія прямо къ даннымъ нашей начальной лѣтописи (какъ у г. Забѣлина). Новѣйшія изысканія о началѣ Руси постоянно соприкасались съ вопросомъ о судьбѣ южнаго русскаго края; рядомъ съ тѣмъ появлялись и ближайшія изслѣдованія о русской колонизаціи этихъ земель. Для древняго періода подобная работа предпринята была И. А. Житецкимъ въ рядѣ статей: „Смѣна народностей въ южной Россіи“¹⁾.

Въ изслѣдованіяхъ по древней исторіи южной Руси память крещенія Руси привлекала особое вниманіе ученыхъ къ первому славянскому и русскому христіанству: таковы были важныя изысканія Е. Голубинскаго, И. Малышевскаго, А. Соболевскаго, Бережкова, Фортисскаго. Далѣе, кромѣ общихъ сочиненій о древней Руси, упомянутыхъ нами въ другомъ мѣстѣ, рядъ сочиненій посвященъ былъ изслѣдованію о южно-русскихъ земляхъ и княженіяхъ, каковы наур. труды В. Б. Антоновича, Н. П. Дашкевича (княженіе Данила Галицкаго; Волоховская земля; Литовско-русское государство), Н. Молчановскаго (Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ до 1434 года); П. Голубовскаго (Исторія Сѣверской земли до половины XIV вѣка); А. В. Лонгинова (Червенскіе города, историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси, 1885); „Холмская Русь“ и „Волинь“, въ изданіяхъ П. Батюшкова; изслѣдованія по исторіи городовъ (Кіевъ, Черниговъ, Холмъ, Замостье, Вѣлгородъ, Полтава и др.).

Примыкая къ изслѣдованіямъ г. Житецкаго о смѣнѣ народностей и къ исторіи земель, поднимаетъ вопросъ объ этнологическихъ отношеніяхъ старой Руси замѣчательная книга П. Голубовскаго: „Печенѣги, Торки и Половцы до нашествія татаръ. Исторія южно-рус-

¹⁾ „Кіевская Старина“, 1868, май, іюль; 1884, августъ, сентябрь и ноябрь. Предстоитъ еще продолженіе этихъ статей.

Труды этого изслѣдователя сложились особеннымъ образомъ, вслѣдствіе біографическихъ обстоятельствъ. Г. Житецкій (Иродіонъ Алексѣевичъ, род. 1851), полтавскій провонецъ, питомецъ полтавской семинаріи и кіевского университета (по филологическому факультету), въ 1875—1877 былъ преподавателемъ учительскаго института въ Глуховѣ, въ 1877 поступилъ вновь въ кіевскій университетъ по медицинскому факультету, но вслѣдствіе студенческихъ безпорядковъ прожилъ 1880—1881 въ вятской губерніи, затѣмъ въ 1882—1885 годахъ въ астраханской. Здѣсь онъ описывалъ историческій отдѣлъ архива главнаго камицкаго управленія и камицкія дѣла центральнаго архива при губернскомъ правленіи въ г. Астрахани, и потомъ въ 1885 и лѣтѣ 1886 г., по порученію камицкаго управленія, занимался собраніемъ этнографическаго матеріала среди астраханскихъ камицковъ. Съ конца 1885 состоятъ на службѣ во Владимірѣ; труды его по этнографіи камицковъ будутъ упомянуты въ своемъ мѣстѣ.

скихъ степей IX—XIII вв.“ (Кіевъ, 1884), гдѣ авторъ, на основаніи первыхъ источниковъ русскихъ, византійскихъ и арабскихъ, старается выяснитъ вопросъ о тюркскихъ племенахъ, жившихъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ южною Русью и о томъ, какія были отношенія между этими тюрками и славянами и какое вліяніе оказало сосѣдство кочевниковъ на политическую жизнь древней Руси. Книга распадается на слѣдующіе отдѣлы: степи до появленія печенѣговъ: племенное родство и происхожденіе кочевниковъ; Русь и кочевники; судьбы окраиннаго славянскаго населенія; кочевники у себя; нашествіе татаръ и выселеніе половецкаго народа ¹⁾. На томъ же интересномъ вопросѣ остановился г. Безсоновъ въ статьѣ: „Мнимый туранизмъ русскихъ. Къ вопросу объ инородцахъ и переселеніяхъ въ Россіи“ (въ московскихъ „Чтеніяхъ“, 1885, кн. II). По поводу извѣстной теоріи о туранствѣ русскихъ, выдѣляющей изъ него малоруссовъ г. Безсоновъ, собирая данныя о соприкосновеніяхъ туранства съ міромъ русскимъ съ древнѣйшихъ временъ, находитъ его скорѣе именно въ Руси южной. Къ сожалѣнію, какъ почти всегда у этого писателя, факты и соображенія, не лишеныя важности, перемѣшаны съ фантазіей ²⁾. По исторіи разселенія малорусскаго племени въ болѣе позднюю эпоху, обширныя работы исполнены были Д. И. Багалѣмъ въ книгѣ: „Очерки изъ исторіи колонизаціи степной окраины Московскаго государства“ (М. 1887, изъ „Чтеній“ 1886 г.), гдѣ рѣчь идетъ о земляхъ нынѣшней харьковской, и частію курской и воронежской губерній. За этимъ трудомъ слѣдовали два тома „Матеріаловъ для исторіи колонизаціи и быта харьковской и отчасти курской и воронежской губ.“. Книга представляетъ обширный трудъ, построенный на архивныхъ документахъ.

Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: историко-топографическій очеркъ степной окраины моск. государства; московская государственная колонизація до Алексѣя Михайловича; переселеніе въ московское государство малороссіянъ до Алексѣя Мих.; русская государственная колонизація со временъ Алексѣя Мих.; малорусская колонизація съ того же времени. „Матеріалы“ заняты насосою архивныхъ документовъ изъ разныхъ собраній, съ 1599 г. до конца XVIII вѣка, причемъ обзоръ содержанія облегченъ указателями географическимъ, личнымъ и предметнымъ (послѣдній къ обоимъ томамъ выѣстъ).

Дм. Ив. Багалѣй (род. въ 1857, въ Кіевѣ, въ мѣщанской малорусской семьѣ), прошедши гимназію и университетъ въ Кіевѣ, въ качествѣ стипендіата занимался русской исторіей подъ руководствомъ проф. Антоновича

¹⁾ Рецензія этой книги, А. А. Куника и В. Радлова, въ Отчетѣ о XXIX присужденіи Уваровскихъ наградъ. Рядъ менѣе крупныхъ работъ г. Голубовскаго въ „Кіевской Старинѣ“ съ самаго ея основанія

²⁾ Объ этой статьѣ суровый отзывъ въ „Кіев. Старинѣ“, 1886, кн. 2-я: „Бессоновское туранство малороссіянъ“.

Иконникова, въ 1883 былъ избранъ доцентомъ въ харьковскій университетъ, и съ 1889 занимаетъ здѣсь ординатуру. Многочисленные труды его относятся частію вообще къ русской исторіи, частію къ южнорусской исторіи, географіи и этнографіи. Отмѣтимъ нѣкоторые:

- Исторія Сѣверской земли до половины XIV стол. Кіевъ, 1882.
- Удѣльный періодъ и его изученіе. К. 1883.
- Генеральная опись Малороссіи. К. 1883.
- Займанщина въ Лѣвобережной Украинѣ XVII и XVIII ст. (въ „К. Старинѣ“ и отдѣльно), 1883.
- Что желательно для русской исторической географіи? (въ трудахъ Ярославскаго археологич. съѣзда).
- Основаніе г. Харькова (въ Харьковскомъ Календарѣ, 1886).
- О необходимости изученія Курской губ. въ историко-географическомъ отношеніи (Памятная книжка Курск. губ. стат. комит. 1888).
- Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь, Харьк. 1889).
- Колонизація Новороссійскаго края и первые шаги его по пути культуры (въ „К. Старинѣ“ и отдѣльно, 1889).
- Три Черкасскія слободы XVIII вѣка по современному ихъ описанію („К. Стар.“ 1887, июнь — июль).
- Топографическое описаніе Харьковскаго намѣстничества (Харьковскій Сборникъ, 1888).
- Описаніе Слободско-украинской губ. 1802 г. (Харьковскій Сборникъ, 1889).

О малорусской колонизаціи въ новѣйшее время можно указать статьи и замѣтки г. Щербинны — о колонизаціи Кубанской области („К. Старина“, 1883, декабрь), Евг. Максимова — о колонизаціонномъ значеніи монастырей въ слободской Украинѣ (тамъ же, 1887, сентябрь), Лебединца — Слѣды поселенія запорожцевъ въ Сванетіи (тамъ же, 1885, февраль) и пр.

Средній періодъ исторіи южной Руси вызвалъ многочисленныя изысканія, обнимавшія какъ внѣшнюю политическую судьбу страны въ союзѣ и въ борьбѣ съ Польшей, такъ и ея внутренній бытъ: просвѣщеніе, нравы и пр. Къ изслѣдованіямъ Костомарова и Кулиша примыкаютъ труды новаго поколѣнія ученыхъ; мы называли изслѣдованія о внутреннемъ бытѣ Малороссіи подъ польскимъ владычествомъ и въ XVIII вѣкѣ гг. Антоновича, И. П. Новицкаго, О. Лебединцева; сюда принадлежатъ еще труды И. Левицкаго, Ф. Терновскаго, Ал. Лазаревскаго, г. Владимірскаго-Буданова, Иконникова, Теличенка и мн. др. Въ числѣ новѣйшихъ трудовъ г. Антоновича отмѣтимъ, въ ряду изданій Временной комиссіи для разбора древнихъ актовъ, новое собраніе южно-русскихъ лѣтописей: „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ исторіи южной и западной Россіи“ (Кіевъ, 1888). Время Богдана Хмельницкаго было предметомъ изслѣ-

дованія П. Буди́нского¹⁾. По історіі Запорозька, давня книга А. Скальковскаго („Исторія Новой Сѣчи или послѣдняго Коча запорожскаго“, второе изд., Одесса, 1846) вышла въ новомъ изданіи, дополненномъ многими документами по історіі Запорозька (Одесса, 1885—1886, три части). Цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по історіі Запорозька принадлежитъ Д. Эварницкому; назовемъ изъ нихъ въ особенности: „Запорозье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа“ (Спб. 1888), со многими рисунками и планами, съ замѣчательными данными для бытовой археологіи, и „Вольности запорожскихъ козаковъ“, историко-топографическій очеркъ (Спб. 1890), съ подробной географіей старыхъ запорожскихъ земель и картанъ; далѣе: „Очерки по історіі запорожскихъ козаковъ“, „Сборникъ матеріаловъ для історіі запорожскихъ козаковъ“, „Число и порядокъ Сѣчей“ и пр.,—все это на основаніи обширнаго изученія архивныхъ матеріаловъ, частью здѣсь же изданныхъ, и изслѣдованій на мѣстахъ. По історіі гайдамачины, кромѣ упомянутаго выше изслѣдованія Ѳ. Лебединцева, труды В. Б. Антоновича, Скальковскаго („Нѣсколько документовъ къ історіі гайдамачины“, „К. Старина“, 1885, октябрь; „Наѣзды гайдамакъ“), книга Мордовцева (Гайдамачина, 2-е изд. Спб. 1884), изданіе современныхъ записокъ Вероники Кребсъ („Уманьская рѣзня“, переводъ съ польскаго г. Ревы, Кіевъ, 1879), матеріалы для історіі Колиивщины или рѣзни 1768 года, Костомарова („К. Старина“, 1882, августъ), „Разсказъ современника о приключеніяхъ его во время Колиивщины“, съ предисловіемъ Ѳ. Рыльского („К. Старина“, 1887, январь) и пр., и особенно книга Я. Шульгина, представляющая также отдѣльное изданіе изъ „Кіевской Старины“: „Очеркъ Колиивщины по неизданнымъ и изданнымъ документамъ 1768 и ближайшихъ годовъ“ (Кіевъ, 1890).

Затѣмъ въ „К. Старинѣ“ разсѣяно множество отдѣльныхъ изслѣдованій, замѣтокъ и матеріаловъ о позднѣйшей історіи козачества, его остаткахъ и развѣтвленіяхъ. Напримѣръ—свѣдѣнія о бугскихъ козакахъ А. Рудковскаго („К. Старина“, 1882, ноябрь) и Скальковскаго (тамъ же, декабрь; 1883, май), А. Пищевича (тамъ же, 1886, февраль), Лобачевскаго (1887, декабрь); „Задунайская Сѣчь“, по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, Ѳ. Кондратовича (тамъ же, 1883, январь) и „Русскія въ колоніи Добруджѣ“, Лунулеску (1889, январь—мартъ); „Поселенія запорожцевъ въ Банатѣ“ (тамъ же, 1882, іюнь) и пр.

Новѣйшая історія козачества, превратившагося въ отдѣльную

¹⁾ Разборъ его книги о Богданѣ Хмельницкомъ (Харьковъ, 1882), В. Антоновича, въ „Кіевской Старинѣ“, 1883, февраль.

власти и вѣдомства козацкихъ войскъ, вызывала гораздо болѣе оуды специально военные и административные, чѣмъ бытовые и этнографическіе. Таковы были напримѣръ труды г. Ивана Попко, по исторіи йска черноморскаго, которое было прямымъ преемникомъ стараго порожья: „Черноморскіе козаки въ ихъ гражданскомъ и военномъ ту“ (Спб. 1858); его же „Терскіе козаки съ стародавнихъ временъ. Историческій очеркъ (вып. первый). Гребенское войско“ (Спб. 1880). Въ книгѣ заняты больше описаніемъ внѣшняго устройства и истоей военной службы, чѣмъ этнографическими особенностями козацкаго населенія, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи исторія черноморцевъ представляла бы особенный интересъ ¹⁾. Черноморскому йску посвящены также труды г. Короленка, въ особенности его книга: „Черноморцы“ (Спб. 1874), хотя также занятая всего болѣе оенной исторіей. Отмѣтимъ еще труды Кубанскаго областного статистическаго комитета („Кубанскій Сборникъ“ и „Кубанская справочная книжка“. Екатеринодаръ, 1883), изданные подъ редакціей секретаря этого комитета Е. Д. Фелицына.

Какъ болѣею частью писавшіе объ этихъ предметахъ были мѣстные уроженцы, такъ и Проконій Петр. Короленко (род. 1834). Сынъ миргородскаго дворянина, прибывшаго въ Черноморье въ числѣ переселенцевъ, вызванныхъ правительствомъ на пополненіе черноморскаго козацкаго войска, онъ, безъ школьной подготовки, поступилъ 17-ти лѣтъ на службу, отчасти въ рядахъ козацкаго войска, отчасти въ войсковыхъ вѣдомствахъ Черноморья и Кубанской области. Въ 1852 году, за отличіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ горцевъ произведенъ въ урядники, потомъ въ хорунжіе, сотники, и въ 1866 оставилъ службу, переименованный уже въ гражданскій чинъ. Его первые литературные труды появляются съ 1863 года въ мѣстныхъ изданіяхъ („Кубанскія Вѣдомости“, податиѣ „Казачій Вѣстникъ“, 1880-хъ годовъ) и состояли отчасти въ стихотвореніяхъ, отчасти въ разсказахъ (также на малорусскомъ языкѣ) съ этнографическими чертами мѣстнаго быта; между прочимъ находимъ у него описаніе черноморской свадьбы, съ пѣснями и прибаутками („Куб. Вѣдом.“ 1866, № 1 — 4), и весеннихъ хороводовъ (на русскомъ яз.) съ пѣснями (тамъ же). Главнымъ трудомъ П. П. Короленка была названная книга „Черноморцы“ (въ двухъ отдѣлахъ: Черноморцы за Бугомъ и Черноморцы на Кубани, изъ которыхъ первый изданъ былъ сначала въ „Военномъ Сборникѣ“), гдѣ исторія Черноморскаго войска изложена со времени упраздненія Запорожской Сѣчи, въ 1775, до 1842 г., когда войско было сформировано по новому положенію.

Загѣмъ нѣсколько статей г. Короленка посвящено практическимъ бытовымъ вопросамъ мѣстной жизни — поземельному дѣлу, рыболовству; отмѣтимъ еще „Путевыя замѣтки о поѣздкѣ по Закубанскому краю, въ 1866 году“ (Куб. Вѣдом. 1869, № 23—29).

Войско Донское, въ которомъ значительный процентъ занятъ пле-

¹⁾ Первая изъ этихъ книгъ была вознаграждена Демидовской преміей. См. 30-е приложеніе Демидовскихъ наградъ, Спб. 1861, рецензія Костомарова.

менем малорусскимъ, имѣло цѣлый рядъ историковъ и описателей, изъ которыхъ назовемъ Н. Краснова: „Земля Войска Донского“ (Спб. 1863); „Историческое описаніе земли Войска Донского“ (Новочеркасскъ, 1867—72), изданное донскимъ статистическимъ комитетомъ, которому принадлежитъ также нѣсколько другихъ изданій, съ статистико-этнографическимъ матеріаломъ; „Трехсотлѣтіе войска Донского“, А. Савельева (Спб. 1870) и др. О слободскихъ козачьихъ полкахъ изслѣдованіе П. Головинскаго (Спб. 1864).

Много общихъ и детальныхъ изслѣдованій относится къ исторіи быта и нравовъ. Мы указывали уже многія работы, имѣющія отношеніе къ этой сторонѣ старой жизни. Таковы были напр. многія изслѣдованія В. Б. Антоновича („Ходыки, воротилы кievскаго самоуправленія въ XVI—XVII в.“ и др.), И. П. Новицкаго и др. По исторіи внутренней жизни и нравовъ общества укажемъ еще въ особенности труды О. И. Левицкаго: „Социніанство въ Польшѣ и юго-западной Руси“ (въ „К. Старинѣ“ и отдѣльно, 1882); Анна-Элоиза, княжна острожская („К. Стар.“ 1883, ноябрь); „Основные черты внутренняго строя западно-русской церкви въ XVI и XVII в.“ (тамъ же, 1884, авг.); „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVI столѣтія и Уніа“, во введеніи къ „Архиву“ (т. VI, ч. 1-я, 1884) „Отголоски польско-русской борьбы XVII ст. въ мелочахъ будничной жизни“ (тамъ же, 1887, мартъ); „Ганна Монтовтъ; изъ жизни волынскаго дворянства XVI в.“ (тамъ же, 1888, январь—мартъ); „Очерки стариннаго быта Волыни и Украины“ (тамъ же, 1889, апрѣль, ноябрь; 1891, январь) и друг. ¹⁾ А. М. Лазаревскій, давно уже, съ шестидесятихъ годовъ, работающій много по малорусской исторіи, съ самаго основанія „Кievской Старины“ участвовалъ въ этомъ жур-

¹⁾ Орестъ Ив. Левицкій, полтавскій уроженецъ (род. 1849), учился въ полт. духовной семинаріи, потомъ въ Кievскомъ университетѣ, и съ 1874 состоитъ учителемъ гимназій и секретаремъ Кievской археографической комиссіи. Кромѣ работъ, названныхъ въ текстѣ, укажемъ еще:

— Очеркъ внутренней исторіи Малороссіи во 2-й половинѣ XVII ст., въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1874—75.

— Шалопутство на границахъ полт. и екатеринославской губ., — рефератъ въ К. отдѣлѣ Геогр. Общ., напечатанъ въ „К. Телеграфѣ“, 1875.

— Аванасій Филиповичъ, игуменъ брестъ-литовскій, и его дѣятельность въ защиту православія противъ уніи, — въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1878.

— Опытъ изслѣдованія о лѣтописи Самовидца, при новомъ изданіи этой лѣтописи Кievской Комиссіей, 1878.

— О семейныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси въ XVI—XVII ст., въ „Русской Старинѣ“, 1880.

— Біографіи Кирилла Терлецкаго и Ипатія Потѣя, въ „Памятникахъ русск. старины въ зап. губ.“, Батышкова, т. VIII, 1885, — и друг.

мѣ многочисленными работами по малорусской исторіи послѣднихъ вѣковъ, преимущественно по исторіи малорусскихъ наиболѣе извѣстныхъ фамилій и по исторіи быта. Таковъ длинный рядъ его статей съ названіемъ: „Люди старой Малороссіи“, гдѣ проходятъ передъ нами Лизогубы, Милорадовичи, Мислашевскіе, Свѣчки, Марковичи, олубы, Кулябки, Ломиковскіе, Афендики, Бороздны, Жураковскіе и т. д. Затѣмъ отдѣльная работа была имъ посвящена семейному архиву Сулимъ ¹⁾, и въ той же „Кіевской Старинѣ“ много отдѣльныхъ статей и замѣтокъ къ исторіи гетманщины, Запорожья и вообще старыхъ нравовъ. Наконецъ, обильныя данныя для исторіи шлевладѣнія и сословныхъ отношеній представляетъ новый трудъ

Лазаревскаго: „Описаніе старой Малороссіи (Кіевъ, 1888—89; разръзъ Лучицкаго, въ „Универс. Извѣстіяхъ“, 1889, кн. 12). Назовемъ также „Обозрѣніе Руманцовской описи Малороссіи“, Н. Константиновича. Чрезвычайно любопытный историческій матеріалъ доставляютъ аданныя въ „К. Старинѣ“ записки, дневники, исторіи отдѣльныхъ родовъ, какъ напр. дневникъ Николая Ханенка („К. Стар.“ 1884—86), дневникъ новгородскаго подсудка Евлашевскаго, дневникъ Освѣдима 1882, въ извлеченіи и въ переводѣ), записки кіевского мѣщанина Юшка Балыки о московской осадѣ 1612 г. (1882), записки Карла Коецкаго, 1768—76 г. (1883), записки барона Тотта о татарскомъ набѣгѣ 1769 г. на Новосербію (1883), путевныя записки отъ Смоленска до Кіева конца XVIII в. (1887); изъ новѣйшаго времени — записки новооскольскаго дворянина Островскаго-Лохвицкаго, 1771—1846 г. (1886), П. Д. Селецкаго, 1821—46 (1884); М. К. Чалаго; „Воспоминанія о польскомъ возстаніи въ Украинѣ 1863 г.“, Б. Познанскаго (1885) и его же другіе рассказы: „Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго“ (о школѣ и грамотности въ Кіевской губ.), „Воронежскіе хохлы“ (1885), „Что слышалось и что видѣлось“ (1886), „Воспоминаніе о рекрутчинѣ по прежнему порядку“ (1889) и др. Къ работамъ А. Лазаревскаго примыкаютъ далѣе изслѣдованія о старыхъ фамиліяхъ — Вишневскихъ, Полуботкахъ, Горленкахъ, Стороженкахъ и пр. Множество отдѣльныхъ статей и замѣтокъ доставляютъ матеріалъ для исторіи церкви, школы, управленія, суда и т. д. Наконецъ, отиѣтимъ изображенія старыхъ нравовъ въ беллетристичѣ, какъ напр. „Старосѣвскіе батюшки и матушки“ (повѣсть изъ быта украинскаго духовенства двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія), И. Левицкаго („К. Стар.“, 1884—85).

Мы указывали раньше, что малорусскіе этнографы-собираатели и

¹⁾ Сулимовскій архивъ. Семейныя бумаги Сулимъ, Скорунъ и Войцеховичей XIX — XVIII в. Съ пятью портретами. Кіевъ, 1884.

самые изслѣдователи всего чаще развивались подъ прямыми возбужденіями народной жизни, нерѣдко жили въ самой ея средѣ. Въ малорусскомъ обществѣ совершалось и совершается въ послѣдніа десятилѣтія явленіе, весьма параллельное, иногда совсѣмъ однородное съ тѣмъ, что у насъ называется народничествомъ. Это послѣднее, при различныхъ увлеченіяхъ и крайностяхъ, въ существѣ своемъ и главныхъ проявленіяхъ исходитъ изъ благороднѣйшихъ побужденій сблизиться съ народомъ, отъ котораго общество такъ долго было удалено рабствомъ этого народа и собственнымъ стѣсненнымъ положеніемъ,—и послужить народу полезнымъ знаніемъ и практическимъ содѣйствіемъ. Также потребность нравственнаго единенія господствуетъ и здѣсь; постоянно чувствуешь, что въ подкладкѣ разнообразныхъ поисковъ въ народной старинѣ, преданіи, обычаяхъ, поэзіи, лежитъ безавѣтная преданность своему народу, желаніе сберечь характерныя выраженія его исторической и современной личности,—въ которыхъ нерѣдко видится столько своеобразнаго и симпатичнаго,—послужить ему тѣмъ, что дастъ знаніе, указать и облегчить самому обществу путь сближенія съ народною жизнью,—и все это нерѣдко съ рискомъ остаться непонятымъ, навлечь подозрѣнія, испытать весьма серьезныя практическія неудобства. Одни со страстью предаются разысканіямъ археологическимъ, собирая остатки давнопрошедшихъ временъ; другіе роются въ книжной старинѣ, которая вознаграждаетъ ихъ любопытными находками, собираютъ памятники народной поэзіи и факты обычая; безвѣстные труженики ставятъ себѣ задачей изученіе живой народной рѣчи въ разныхъ краяхъ ея территоріи, предоставляя специалистамъ свои собранія; неутомимые, можно сказать — самоотверженные труды посвящены были здѣсь, какъ и въ области великорусской, изученію экономическаго быта, земской статистикѣ.

Вопросы этого послѣдняго рода привлекали уже вниманіе экспедиціи Чубинскаго и въ послѣднее время вызвали нѣсколько любопытныхъ трудовъ по исторіи южно-русскаго крестьянства, его быта въ экономической жизни и наконецъ современнаго хозяйственнаго положенія. Еще въ шестидесятихъ годахъ вышло замѣчательное изслѣдованіе А. Лазаревскаго: „Малороссійскіе посполитые крестьяне, 1648—1783“ (въ запискахъ Черниговскаго губ. статистическаго комитета, кн. I. Черниговъ, 1866). Далѣе, Козловскаго: „Судьба малороссійскаго крестьянства XVII—XVIII вѣка“ (Кіевъ, 1871); упомянутое прежде изслѣдованіе Ив. Новицкаго о крестьянскомъ сословіи юго-западной Россіи въ XV—XVIII в. (1876); статьи Котелинскаго: „Очерки подворной Россіи“ (Отеч. Зап., 1878, № 2, 8, 9); изслѣдованіе Е. Филимонова: „О формахъ землевладѣнія въ Суражскомъ

здѣ Черниговской губерніи“ (въ „Матеріалахъ для оцѣнки земельныхъ угодій, собр. статистическимъ отдѣленіемъ Черниговскаго земства“, т. IX), и вообще богатый матеріалъ, собранный въ послѣднее время трудами земскихъ статистиковъ, трудами, которые представляютъ небывалый прежде фактъ внимательнаго изученія народнаго вѣта.

Вопросъ о внутреннемъ распорядкѣ народной хозяйственной жизни былъ поднятъ уже въ извѣстномъ изслѣдованіи Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Руси“ (изд. 1857 и 1863). Передъ тѣмъ обратило на себя вниманіе изслѣдованіе Л. Тарновскаго: „О дѣлимости семей въ Малороссіи“ (1854). Теперь, община въ разныхъ ея проявленіяхъ стала особеннымъ интересомъ южно-русскихъ изслѣдователей. Назовемъ, напр. книгу г. Щербины: „Очерки южно-русскихъ артелей и общинно-артельныхъ формъ“ (Одесса, 1881) и другія его изслѣдованія.

Федоръ Андр. Щербина принадлежитъ къ ряду наиболее заслуженныхъ дѣателей народовѣдѣнія и земской статистики. По происхожденію онъ — козакъ Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго войска (род. 1849); отецъ его, простой козакъ-самоучка, за знаніе грамоты и „добру гортань“ возведенъ былъ войскомъ, по старому козачьему обычаю, въ „духовника“, а потомъ архіерей, согласно общественному приговору, произвели въ дьячки, діаконы и священники. Послѣ войскового уѣднаго училища въ Екатеринодарѣ и семинаріи въ Ставрополѣ, съ 1872 по 1874 г. Щербина былъ студентомъ Петровской земледѣльческой академіи, а потомъ одесскаго университета, гдѣ числился естественникомъ, но увлекался юридическими и общественными науками. Какъ войсковою стипендіатою, строевой службы не несъ, и съ 1880-хъ годовъ спеціально занялся земскою статистикою, между прочимъ и на своей родинѣ. Первые работы его явились въ „Кубанскихъ Вѣдомостяхъ“ (съ 1869 г.), а главнымъ образомъ съ 1876 г. въ газетахъ и журналахъ („Р. Мысль“, „Сѣв. Вѣстникъ“, „Отеч. Записки“, „Дѣло“, „К. Старина“, „Устон“, „Юридическій Вѣстникъ“). Работы его были посвящены исключительно народовѣдѣнію въ обширномъ смыслѣ слова. Въ „Недѣлѣ“, 1876, неподписанная статья его „Малорусская штунда“ доставила первымъ по времени подробныя свѣдѣнія объ этой сектѣ; позднѣе: „Двойственность русскаго сектантства“ („Недѣля“, 1881) и „Кубанскіе шалапуты“ (рядъ очерковъ въ „Р. Курьерѣ“).

Общему складу умственной жизни народа посвящены его статьи: „Задачи русской общественной мысли“, какъ вступленіе („Р. Мысль“, 1881, мартъ); „Передача и обращеніе народныхъ знаній“ („Устон“, 1882, № 5); „Народное мнѣніе“, въ „Сѣв. Вѣстникѣ“, 1890, и тамъ же „Областные замѣтки (подъ редакціею Ф. Андреева).

Изъ бытовыхъ описаній отмѣтимъ статьи: „Русскіе черкесы“, „Народный сансудъ и расправа“ („Недѣля“, 1877); „На путяхъ“, изъ жизни вологодскихъ крестьянъ-охотниковъ („Р. Вѣдом.“ 1879); „Шабан и шабайство“ „Еврейскій корпоратизмъ“ („Дѣло“, 1884) и др.

По изученію общины, кромѣ упомянутой книги, рядъ статей: „Община въ Дмитровскомъ уѣздѣ таврической губерніи“ („Р. Мысль“, 1880), гдѣ сообщены

первыя по времени свѣдѣнія о современной малорусской земельной общинѣ; нѣсколько статей о землевладѣніи и земельной общинѣ у Кубанскихъ козаковъ въ „Кубанскомъ Сборникѣ“, 1881, и въ „Р. Курьерѣ“, 1882, и особая книга: „Земельная община Кубанскихъ козаковъ“, 1889. Упомянемъ еще „Историческій очеркъ Кубанскаго козацкаго войска“, въ сборникѣ „Кубанское войско“, 1888. Наконецъ спеціальныя работы по земской статистикѣ Воронежской губерніи.—Одно время живалъ и въ Вологодской губерніи.

Не менѣе разнообразны труды другого неутомимаго дѣятеля земской статистики и этнографіи, А. А. Русова. Кіевскій уроженецъ (род. 1847), онъ учился въ одной изъ кіевскихъ гимназій во времена Пирогова-попечителя, потомъ въ кіевскомъ университетѣ, былъ учителемъ въ Златополѣ и Кіевѣ; въ 1871 былъ посланъ министерствомъ за границу для осмотра гимназій; въ 1873 и въ 1875 — 76 ѣздилъ въ славянскія земли австрійскія и турецкія, занимаясь одно время славистикою. Въ началѣ семидесятыхъ годовъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ Кіевскаго Отдѣла Географическаго Общества и тогда, въ „Запискахъ“ этого Отдѣла, была имъ издана чрезвычайно любопытная работа о кобзарѣ Остапѣ Вересаѣ и исполняемыхъ имъ народныхъ пѣсняхъ, при чемъ были сообщены и ихъ напѣвы (1874); далѣе: „Русскіе тракты въ концѣ XVII и началѣ XVIII вѣковъ“ (1876); „Нѣкоторые данныя о Днѣпрѣ изъ атласа конца прошлаго столѣтія“ (1876). Оставивъ въ 1874 учительство, онъ сталъ изучать экономическую статистику—сначала въ Черниговской губерніи (1876—80); по командировкѣ отъ московскаго Археологическаго Общества ѣздилъ въ Дагестанъ и раскапывалъ курганы; въ 1881—82 много работалъ въ газетахъ „Трудъ“ и „Заря“; потомъ въ 1882—89 былъ опять статистикомъ въ Херсонской губерніи, въ послѣдніе годы—въ Харьковѣ и Полтавѣ. Въ „Земскомъ Сборникѣ“ Черниговской губерніи, издав. съ 1877, была напечатана имъ „объяснительная записка къ программамъ для статистико-экономическаго описанія Черниговской губерніи“ и нѣсколько подобныхъ описаній разныхъ мѣстностей этой губерніи, и отдѣльною книгой: „Нѣжинскій уѣздъ, статистико-экономическое описаніе“ (Кіевъ, 1880). Въ „Сборникѣ Херсонскаго земства“, съ 1883, ему принадлежитъ, кромѣ самыхъ статистическихъ работъ съ другими сотрудниками: „Программа для описанія Херсонской губерніи“, „Нѣсколько выводовъ изъ статистическихъ трудовъ по Черниговской и Херсонской губерніямъ“ (1888) и нѣсколько описаній отдѣльныхъ мѣстностей Херсонской губерніи. Далѣе, „Итоги земской статистики въ Харьковской губерніи“ въ Харьковскомъ Сборникѣ“, 1890, и „Областное начало въ земской статистикѣ“ въ сборникѣ „Степь“ (Херсонъ, 1886).

Въ ряду мѣстныхъ дѣятелей, работающихъ въ томъ же направленіи, назовемъ далѣе г. Шиманова (Андр. Льв., род. 1836). Харь-

ковскій уроженецъ, изъ стараго мѣстнаго рода, и питомецъ Харьковскаго университета, г. Шимановъ, какъ очень многіе въ тогдѣшнемъ молодомъ поколѣніи, увлекался ожиданіями всеобщаго русскаго „возрожденія“ и довѣрялся его нѣкоторымъ симптомамъ; но дѣйствительность скоро напомнила о себѣ. Предположивъ сдѣлать путешествіе по Украинѣ, чтобы ознакомиться шире съ своей родиной ¹⁾, онъ долженъ былъ однако въ 1862 противъ собственнаго желанія побывать въ Петербургѣ и затѣмъ водвориться въ Курскѣ, гдѣ послѣ былъ редакторомъ мѣстныхъ губ. вѣдомостей (1864 — 65), работалъ въ статистическомъ комитетѣ и пр., наконецъ здѣсь, потомъ въ Харьковѣ, занялся частной адвокатурой, особливо по крестьянскимъ дѣламъ. Послѣ упомянутаго начала, г. Шимановъ, помѣстилъ нѣсколько статей о вопросахъ провинціального и народнаго быта въ „Современникъ“ ²⁾ и „Отеч. Запискахъ“ начала 70-хъ годовъ, затѣмъ въ „Трудахъ“ Курскаго губ. статистическаго комитета: „Матеріалы для статистики Кур. губ. за трехлѣтіе 1864 — 66 г.“, гдѣ между прочимъ разработана статистика пожаровъ, любопытная по сравненію съ тогдашними утвержденіями Каткова о присутствіи „политическихъ“ причинъ пожаровъ. Далѣе, „Главнѣйшіе моменты въ исторіи землевладѣнія харьковской губ.“ (въ нѣсколькихъ книгахъ „К. Старина“, 1882—83), статья любопытная по отношенію къ вопросу о старозаймочныхъ земляхъ, по которымъ велись дѣла у крестьянъ съ казною. Отмѣтимъ еще статью: „Предсмертная поземельная борьба Запорожья“ („К. Старина“, 1883, декабрь).

Не мало любопытныхъ работъ по изученію народной жизни представляютъ труды Викт. Ив. Василенка (род. 1839). Полтавскій уроженецъ, изъ стараго козацкаго рода, почти съ дѣтскихъ лѣтъ выведенный нуждою на „службу“ и потомъ занимавшій мѣста, сближавшія съ непосредственною народною жизнью—по земству и по крестьянскимъ дѣламъ, г. Василенко пріобрѣлъ большой опытъ въ этой области, который примѣнялъ и въ практическихъ дѣлахъ народной жизни, и въ литературѣ. Одной своей работой онъ участвовалъ въ „Трудахъ“ Комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ; затѣмъ ему принадлежатъ статьи: „Юридическіе обычаи въ земледѣліи въ Малоросіи“ (Юридич. Вѣстникъ, 1881, № 9); „Очерки хозяйства сельскихъ сословій“, въ Полтавскомъ статистическомъ сборникѣ, т. II — III, и отдѣльная работа о „Кустарныхъ промыслахъ сельскихъ сословій Полтавской губерніи“; „Остатки братствъ и цеховъ въ Полтавщинѣ“ („К. Старина“, 1885); „Пам'ятковий прочуханъ“ (тамъ же); „Очерки

¹⁾ Небольшой литературный результатъ этого, замѣтка „О путешествіи по Украинѣ“, въ „Основѣ“, 1862, январь.

²⁾ „Изъ провинціи“, „Совр.“ 1865, ноябрь и декабрь, и др.

Полтавщины" („Сѣверный Вѣстникъ", 1885 — 87), наконецъ, много мелкихъ статей по народному хозяйству, статистикѣ, школѣ и пр. въ мѣстныхъ южно-русскихъ изданіяхъ.

Извѣстно, наконецъ, имя заслуженнаго дѣятеля по земской статистикѣ и народовѣдѣнію, П. П. Червинскаго, члена Черниговской губернской управы, завѣдующаго статистическими работами. Замѣчательно изданіе: „Матеріалы для оцѣнки земельныхъ угодій, собр. Черниговскимъ статист. отдѣленіемъ при губ. земской управѣ" (15 томовъ, 1877—1887), гдѣ кромѣ обычныхъ статистическихъ данныхъ приведены также данныя изъ открытой недавно Румянцевской описи Малороссіи и по сличенію этихъ историческихъ цифръ съ нынѣшними сдѣланы любопытные выводы¹⁾.

Укажемъ, далѣе, статистико-этнографическія изслѣдованія профессора Кіевскаго университета И. В. Луцицкаго: „Общинное землевладѣніе въ Малороссіи" („Устои", 1882, № 7), „Слѣды общиннаго землевладѣнія въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ" („Отеч. Зап." 1882, № 11), „Малороссійская сельская община и сельское духовенство въ XVIII вѣкѣ" (въ „Земскомъ Обзорѣ", 1883, № 6), книгу его: „Сборникъ матеріаловъ для исторіи общины и общественныхъ земель въ лѣвобережной Украинѣ въ XVIII вѣкѣ" (Кіевъ, 1884); „Сябры и сябринное землевладѣніе въ Малороссіи" (Спб. 1889; разборъ, Ив. Новицкаго въ „К. Стар." 1889, іюль)²⁾. Изслѣдованіе по этому предмету сдѣлано было также М. М. Ковалевскимъ („Общинное землевладѣніе въ Малороссіи въ XVIII вѣкѣ", въ „Юридическомъ Вѣстникѣ", 1885, январь). Вышелъ первый выпускъ любопытнаго изслѣдованія Мих. Харузина: „Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону—матеріалы для обычнаго права" (Москва, 1885).

Обычное право возбудило у насъ особенное вниманіе этнографовъ и юристовъ съ тѣхъ поръ, какъ сама жизнь поставила вопросъ объ установленіи новыхъ началъ народнаго быта—съ прошлаго царствованія, именно съ крестьянской и судебной реформы. Какъ замѣчено выше, диссертация объ обычномъ правѣ была первой научной работой Чубинскаго. Пока еще собирается отдѣльными частностями матеріалъ для полнаго изложенія обычнаго малорусскаго права; не перечисляя работъ подобнаго рода, разсѣянныхъ въ разныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ

¹⁾ Ср. объ этомъ любопытную рецензію А. Русова, „К. Старина", 1888, кн. 1—3, стр. 28 — 39, критика.

²⁾ Прибавимъ еще: „Матеріалы для исторіи землевладѣнія въ Полтавской губ., въ XVIII вѣкѣ. Отдѣлъ первый. Казацкія владѣнія Золотоношскаго уѣзда; вып. I, статистическія таблицы землевладѣнія въ Полтавской губ., составленныя по „Описи малороссійскихъ полковъ" 1767 г. губернскимъ гласнымъ полтавскаго земства, И. В. Луцицкимъ". Кіевъ, 1883, 4^о.

только труды А. О. Кистяковского. Историко-юридическіе вопросы были съ самаго начала его особымъ ученымъ интересомъ. Въ 1861 году, имъ былъ уже написанъ краткій, но весьма цѣнный очеркъ исторіи крѣпостного права въ Малороссіи, и впослѣдствіи онъ много работалъ для собиранія и объясненія обычнаго права; въ „Трудахъ экспедиціи“ Чубинскаго, какъ упомянуто выше, было имъ сообщено изслѣдованіе объ исторіи и настоящемъ положеніи волостного суда; затѣмъ, имъ составлена была „Программа для собиранія юридическихъ обычаевъ и народныхъ воззрѣній по уголовному праву“ (въ кіевскихъ „Универс. Извѣстіяхъ“ 1874, и 2-е дополненное изданіе, 1878), далѣе статьи: „Собраніе и разработка матеріаловъ по обычному праву“ (тамъ же, 1876, № 6), „Обозрѣніе работъ по обычному праву“ за 1873—78 г. (тамъ же, 1878, № 4), „Къ вопросу о цензурѣ правовъ у народа“ (Зап. Географ. Общества по отдѣл. этнографіи, т. VIII), наконецъ обширное изданіе „Правъ, по которымъ судится малороссійскій народъ“ и пр., съ историческимъ объясненіемъ (въ „Университ. Извѣстіяхъ“ 1875 — 1878 г., и отдѣльною книгой, Кіевъ, 1879). Работая много самъ по этому предмету, онъ старался создать школу работниковъ для изученія этой важной области, и при кіевскомъ Юридическомъ обществѣ устроилъ специальное отдѣленіе обычнаго права ¹⁾...

Обильная масса данныхъ объ экономическомъ бытѣ южно-русскаго населенія, а иногда и подробностей этнографическихъ, разсѣяна въ мѣстныхъ изданіяхъ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, въ трудахъ статистическихъ комитетовъ.

Мы указывали то отношеніе къ этнографіи, которое имѣетъ изученіе старой южнорусской письменности и новѣйшей литературы. Къ тому, что упомянуто выше объ изслѣдованіяхъ по древнѣйшей кіевской письменности, присоединяются изысканія о среднемъ періодѣ малорусской литературы, гдѣ важные и полезные труды принадлежатъ П. Житецкому, И. Малышевскому, С. Голубеву, Н. П. Петрову, О. Левицкому, В. Науменку, В. Горленку, П. Владимірову, Засадкевичу, Н. О. Сумцову, И. Шляпкину (Димитрій Ростовскій), Селецкому и др. Относительно литературы XVIII и XIX вѣка замѣчательныя работы сдѣланы были особливо въ цитированныхъ выше книгахъ П. Н. Петрова, профессора Кіевской духовной академіи, вообще много трудившагося по изученію малорусской старины и заботамъ котораго обязано учрежденіе Церковно-археологическаго Музея при Кіевской дух. академіи. Въ изученіи малорусской литературы въ связи съ новѣйшею судьбою народности и разработкою этнографіи замѣчательная

¹⁾ О Кистяковскомъ см. автобіографическую записку въ „Біограф. Словарѣ“ проф. кіевского ун-ва. стр. 252—260, и некрологъ его, проф. Лучицкаго, въ „К. Старина“ 1835, февр., стр. 406—415; въ „Нови“, 1885, и др.

работа, не однажды нами цитированная, исполнена была Н. П. Дашкевичемъ, труды котораго по русскому эпосу были упомянуты нами раньше ¹⁾. Эта работа, представляя разборъ сочиненія г. Петрова объ украинской литературѣ XIX столѣтія ²⁾, выясняетъ вопросъ о ней въ связи съ различными отношеніями предъидущаго ея развитія и вліяніемъ новѣйшихъ условій. Трудъ г. Дашкевича распадается на нѣсколько главъ: общій взглядъ г. Петрова на ходъ развитія украинской литературы; анализъ произведеній И. П. Котляревскаго и выясненіе первоначаль украинской литературы; отношеніе украинской литературы къ обще-русской; любовь къ народности и пробужденіе самосознанія, какъ первоисточники украинской литературы; идея народности, романтическое увлеченіе народностью и идеализація старины въ украинской литературѣ; польско-украинскіе поэты и ихъ вліяніе на украинскую поэзію; украинофильскій панславизмъ въ соединеніи съ народничествомъ; украинская литература съ начала прошлаго царствованія и общее заключеніе объ украинской литературѣ; наконецъ, разборъ группировки украинскихъ писателей, дѣленія украинской литературы на періоды, и отдѣльныхъ очерковъ жизни и дѣятельности ея писателей въ книгѣ г. Петрова, и общій выводъ. Такъ какъ книга г. Петрова была первымъ подробнымъ изложеніемъ предмета, то и разборъ г. Дашкевича получаетъ особый интересъ, тѣмъ болѣе, что рецензія во многихъ случаяхъ послужила только поводомъ къ самостоятельнымъ поискамъ и особливо къ опредѣленію общихъ принципиальныхъ условій вопроса. Укажемъ нашему читателю на этотъ трудъ г. Дашкевича, какъ на весьма полезное собраніе фактовъ и историческихъ соображеній, важное и для исторіи собственной этнографіи,—хотя нѣкоторые изъ принципиальныхъ вопросовъ остаются не отвѣченными.

Переходя къ описаніямъ непосредственнаго народнаго быта, собиранію памятниковъ, обычаевъ и поэзій, укажемъ во-первыхъ труды уже названнаго нами ³⁾ П. С. Ефименка, работавшаго вообще по разнымъ отраслямъ народовѣдѣнія, и въ послѣдніе годы особливо по южной Руси. Въ „К. Старинѣ“ было помѣщено много его статей по старой исторіи, обычаю, народнымъ преданіямъ и поэзій.

Въ 1882: „Архивъ малороссійской коллегіи при Харьковскомъ университетѣ“ (январь); „Образцы обличительной литературы въ Малороссіи“ (мартъ) „Экстренные расходы изъ суммъ малоросс. коллегіи“ (май); „Послѣдній писарь войска Запорожскаго Глоба“ (августъ); „Ссылные малороссіяне въ архан-

¹⁾ Т. II, глава IX.

²⁾ Отчетъ о двадцать-девяти присужденіи наградъ Графа Уварова. Приложение къ XIX-му тому записокъ импер. академіи наукъ, № 1. Спб. 1888, стр. 37—301.

³⁾ Т. II, глава X.

гальской губерніи 1708—1802 г.“ (сентябрь); „Откуда взялись запорожцы“, народное преданіе (декабрь).

Въ 1883: „Шпитали въ Малороссіи“ (апрѣль); „Школа для обученія пѣвчихъ, назначавшихся ко двору“ (май); „Упыри“, изъ исторіи народныхъ вѣрованій (іюнь); „Административное распоряженіе по поводу слуховъ о кончинѣ міра“ (іюль); „Братства и союзы нищихъ“ (сентябрь); „Судъ надъ вѣдьмами“ (ноябрь).

Въ 1884: „Попытка околдовать волостной судъ“ (мартъ); „Могила гетманцевъ въ г. Лебединѣ“ (апрѣль); „Присяга духовенства“ (май).

Въ 1886: „Къ исторіи семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ“ (мартъ); „Затерявшаяся пѣсня о событіяхъ 1696 г.“ (май); „Околдованіе начальства“ (май); „Переобмундированіе воронежскихъ чиновниковъ конца XVIII столѣтія“ (іюль).

Въ 1887: „Псалма XVIII столѣтія“ (августъ).

Въ 1888: „Экономическія замѣтки и матеріалы“ (апрѣль).

Г-жѣ А. Е. Ефименко принадлежатъ статьи: „Конные суды въ лѣвобережной Украинѣ“ (К. Стар. 1885, октябрь); „Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова“ (1888, октябрь); „Бѣдствія евреевъ въ южной Руси XVII в.“ (1890, іюнь).

Выше было говорено о трудахъ г. Сумцова, посвященныхъ разнымъ вопросамъ общей русской этнографіи ¹⁾. Въ частности много другихъ трудовъ его посвящено южнорусской литературной старинѣ и этнографіи. Таковы его изслѣдованія по малорусской литературѣ XVI вѣка („Іоаннъ Вышенскій“, К. Стар. 1885, апрѣль), „Характеристика южнорусской литературы XVII вѣка“ (1885, январь) и нѣсколько монографій о писателяхъ этого вѣка, наконецъ рядъ статей по малорусской народной словесности, обычаямъ и преданіямъ, печатанныхъ главнымъ образомъ въ „Кіевской Старинѣ“.

Укажемъ нѣкоторые изъ этихъ работъ:

Въ 1885: Малорусскія фамильныя прозванія; Губернскія вѣдомости, какъ пособія при изученіи русской исторіи и этнографіи (февраль); Религіозно-мистическое значеніе малорусской свободы (мартъ); Опытъ объясненія малорусской пѣсни о Журилѣ (іюль).

Въ 1886: Къ вопросу о вліяніи греческаго и римскаго свадебнаго ритуала на малорусскую свадьбу (январь); Научное изученіе колядокъ и шедривокъ (февраль); Досвѣтки и посидѣлки (мартъ); Коломыйки (апрѣль); Малорусскія пьяницкія пѣсни (іюнь); малорусская географическая номенклатура (іюль); мѣстныя названія въ украинской народной словесности (октябрь).

Въ 1887: Туръ въ народной словесности (январь); очерки исторіи южнорусскихъ апокрифическихъ сказаній и пѣсенъ (іюнь—іюль, сентябрь, ноябрь).

Съ 1888, г. Сумцовъ началъ печатаніе въ „Кіевской Старинѣ“ статей подъ названіемъ: „Культурныя переживанія“, которыя вышли затѣмъ отдѣльною книгой (Кіевъ, 1890).

Въ сборникѣ Харьковскаго историко-филологическаго Общества (Харьковъ, 1891, т. III) г. Сумцовъ напечаталъ статью: „Колдуны, вѣдьмы и упыри“ (библіографическій указатель).

¹⁾ Т. II, глава IX.

Нѣсколько работъ по старой южно-русской письменности, народной поэзіи и языку принадлежитъ г. Науменку. Изъ стараго козацкаго рода полтавской губерніи, г. Науменко (Владим. Павл., род. 1852) изъ семьи вынесъ любовь къ народной рѣчи, опредѣлившую и дальнѣйшія его занятія; съ 1869 по 1873 онъ былъ въ кievскомъ университетѣ по филологическому факультету и съ окончанія курса состоитъ преподавателемъ одной изъ кievскихъ гимназій.

Ему принадлежатъ слѣдующія работы, имѣющія отношеніе къ исторіи малорусской литературы и къ этнографіи:

- Происхожденіе малорусской думы о Самуилѣ Кошеѣ („Кiev. Стар.“, 1883, іюнь).
- Хронографы южно-русской редакціи („Журн. мин. просв.“ 1885, май).
- Н. И. Костомаровъ, какъ этнографъ („Кiev. Стар.“ 1885, май).
- Новелла Боккаччо въ стихотворномъ южно-русскомъ пересказѣ конца XVII-го или начала XVIII-го вѣка (тамъ же, 1885, іюнь).
- Къ литературной исторіи рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ (тамъ же, 1888, № 1—3).
- Къ 50-лѣтію со дня смерти И. П. Котляревскаго (тамъ же, 1888, ноябрь).
- Рукописный альбомъ Андрея Ищенка 1880—82 гг. (тамъ же, 1889, февраль).
- Обзоръ фонетическихъ особенностей малорусской рѣчи. Кievъ, 1889.

То направленіе изученій народной поэзіи, которое выразилось изданіемъ „Историческихъ пѣсенъ“ и сравнительными изслѣдованіями народныхъ поэтическихъ мѣтовъ и преданій, г. Драгоманова, продолжается потомъ другими трудами въ этой области. Таковы изслѣдованія М. Т—ва, въ статьѣ по поводу экспедиціи Чубинскаго („Вѣстн. Евр.“, 1877, мартъ); въ „Матеріалахъ и замѣткахъ объ украинской народной словесности“ („К. Старина“, 1882, ноябрь; 1883, декабрь), гдѣ авторъ останавливается на пѣснѣ о взятіи Азова, на сближеніи: „Степанъ Разинъ — козакъ Гарасимъ“, на вопросѣ о малорусской вертепной комедіи, на преданіи о песиголовцахъ. Такого далѣе изслѣдованіе К. В.: „Корделія-Замарашка“ („Вѣстн. Евр.“ 1884, ноябрь), гдѣ между прочимъ указаны и малорусскія повторенія того сказочнаго мотива, который послужилъ темой шекспировскаго „Короля Лира“; другая статья, К. Г., даетъ подобныя сравненія сюжетовъ: „Два малороссійскихъ *фабло* и ихъ источники“ („Вѣстн. Евр.“ 1887, іюль). Нѣсколько изслѣдованій въ томъ же сравнительно-историческомъ направленіи помѣстилъ П. Кузьмичевскій въ „К. Старинѣ“: „Старѣйшія русскія драматическія сцены“ (1885, ноябрь); „Турецкіе анекдоты въ украинской народной словесности“ (1886, февраль, мартъ; и замѣтка по ихъ поводу, октябрь); „Малороссійскія пѣсни объ освобожденіи крестьянъ“ (1887, мартъ, апрѣль); „Шолудивый

Буняка въ украинскихъ народныхъ сказаніяхъ“ (1887, августъ, октябрь). Всѣ названныя изслѣдованія чрезвычайно интересны какъ первые опыты сравнительнаго изученія малорусскихъ легендарныхъ темъ и представляютъ для этого сравненія матеріалъ, собранный изъ большой начитанности.

Упомянемъ далѣе многочисленныя статьи и замѣтки В. П. Горленка, разбѣянные также въ „Кіевской Старинѣ“. Не упоминая тѣхъ, которыя заключаютъ въ себѣ рецензіи и замѣтки по современной южно-русской литературѣ, по исторіи и экономіи, замѣтимъ статьи, имѣющія ближайшее отношеніе къ этнографіи и обыкновенно богаты любопытными указаніями.

— Бандуристъ Иванъ Брюковскій. Текстъ девяти думъ, съ біографической замѣткой („К. Стар.“ 1882, декабрь), и позднѣе, его некрологъ (1885 августъ).

— Старинные малороссійскіе портреты (1882, декабрь).

— Три псалмы (1883, февраль).

— Изъ бумагъ И. П. Котляревскаго (1883, май), — любопытныя черты къ біографіи начинателя новой малорусской литературы.

— Варіантъ пѣсни о правдѣ (тамъ же, августъ).

— Кобзари и лирники (1884, январь, декабрь).

— Труды этнографическо-статистической экспедиціи Чубинскаго въ сравненіи съ другими подобными (1884, февраль).

— Кіевъ въ 1799 году (1885, мартъ).

— Французскій путешественникъ на Украинѣ (1885, декабрь) — о книгѣ графа де-Лагарда: *Voyage de Moscou à Vienne*, 1824.

— Картинки старины (1887, апрѣль), кіевскій спектакль начала XVIII вѣка.

— Малорусскія народныя игры окрестностей Переяслава (1887, іюнь — іюль), сборникъ С. Н. Исаевича съ предисловіемъ г. Горленка, гдѣ указано, что было писано раньше о малорусскихъ играхъ.

— Украинскія легенды во французскомъ журналѣ (1888, май: рѣчь идетъ о *Revue des traditions populaires*).

Нѣсколько весьма цѣнныхъ работъ по старинѣ и объясненію малорусской народной поэзіи далъ г. Нейманъ (Цеславъ Гермог.), одинъ трудъ котораго мы упомянули выше, говоря объ этнографическихъ изданіяхъ Краковской Академіи. Кромѣ многихъ рецензій въ „К. Старинѣ“, онъ помѣстилъ тамъ же статьи: „Куплетныя формы народной южнорусской пѣсни“ (1883, августъ); „Малорусскій пѣсенникъ XVIII вѣка“ (1884, май); „Судъ божій надъ душой грѣшника“ (1884, іюнь) — южнорусская драма конца XVII вѣка, съ предисловіемъ; „Любопытная книжка конца XVIII столѣтія“ (1884, іюль) — „Книжица для gospodarstva“, безъ заглавнаго листа, потому неизвѣстно, гдѣ и когда печатанная, на малорусскомъ языкѣ; „Старая Брацлавщина и ея люди“ (1889, октябрь; 1890, августъ). Отмѣтимъ еще рецензіи вѣпиги А. А. Потебни: „Объясненія малорусскихъ и срод-

ныхъ нар. пѣсень" (1884, апрѣль) и „Покутья", Оскара Кольберга (1884, май), и замѣтку объ „украинской злополучницѣ" (1883, май).

Назовемъ дальше трудъ Х. Ящуржинскаго: „Лирическія малорусскія пѣсни, преимущественно свадебныя", въ сравненіи съ великорусскими (Варш. 1880,—изъ „Р. Филол. Вѣстника"); — изслѣдованіе Н. А. Янчука, секретаря Этнографическаго Отдѣла въ Московскомъ Обществѣ Ест., Антр. и Этн. и редактора „Этнографическаго Обозрѣнія": „Малорусская свадьба въ Корницкомъ приходѣ Сѣдлецкой губерніи", по собраннымъ лично матеріаламъ (М. 1886, 4°); С. Брайловскаго: „Похоронныя причитанія южнаго края" (Р. Филол. Вѣстникъ, 1884, т. XII, стр. 181 и др.) и „Малорусская похоронная причеть и миѣическое ея значеніе" (К. Стар. 1885, сентябрь); — В. Каллаша, „Палій и Мазепа въ народной поэзіи" (Этногр. Обозрѣніе, 1889, кн. II); Валеріана Боржковскаго, „Лирники" (К. Старина, 1889, сентябрь) — по наблюденіямъ въ разныхъ мѣстахъ Подоліи; М. К. Васильева, „Рекрутчина въ малорусской пѣснѣ" (тамъ же. 1889, августъ, сентябрь).

Значительную массу важнаго матеріала представили, кромѣ упомянутыхъ ранѣ, частныя сборники произведеній народной поэзіи, преданій, суевѣрій, легендъ и т. д. Таквы напр.: А. А. Потєбни, „Малорусскіе домашніе лѣчебники XVIII вѣка" (К. Старина, и отдѣльно, 1890), тексты съ предисловіемъ;—Заговоры на просо и пшеницу, Н. И. („К. Стар. 1884, дек.);—Знахарство, шептанье и заговоры (1885, дек.);—Къ исторіи вѣрованія о продажѣ души чорту, А. Θ. Кистяковскаго (1882, іюль);—Всенародное купанье вѣдмъ, Цыбульскаго (Θ. Лебединцева; 1885, ноябрь);—„Письмо къ 3 дьяволамъ" (1884, іюнь);—В. Б. Антоновича, „Заклинанія противу чаръ" (Этнограф. Обозрѣніе, 1890, кн. V), два текста XVII-го столѣтія;—П. И., „Изъ области малорусскихъ народныхъ легендъ" (тамъ же, кн. V—VI) и др.

Рядъ небольшихъ сообщеній историческо-бытового содержанія далъ г. Манджура въ „К. Старинѣ": „Запорожское расхищеніе" (1882, февраль), двѣ пѣсни о томъ, кому достались запорожскія земли; „Легенда и три пѣсни о Семенѣ Паліѣ" (тамъ же, мартъ); „Панщина въ пѣсняхъ и молитвахъ" (тамъ же, май); „Украинская гетера" (1883, январь), типъ, изображенный въ пѣснѣ; „Талавира" (тамъ же, апрѣль), пастушеская пѣсня; „О богатыряхъ" (1888, августъ); „Легенда о нюхаряхъ" (1888, май); „Рождественская вечера" (1889, январь) „Легенда о Петровомъ батогѣ" (тамъ же, сентябрь). Не перечисляемъ подобныхъ сообщеній Левченка, Мацѣевича и иныхъ съ изложеніемъ народныхъ преданій и рассказовъ, вѣрованій и примѣтъ, текстами народныхъ пѣсень, особливо въ „К. Старинѣ", и упомянемъ еще о

трудахъ М. Комарова, который въ альманахѣ М. Старицкаго „Рада“ (Кіевъ, 1883) помѣстилъ весьма полезный „Поважчикъ“, т.-е. указатель новой украинской литературы, участвовалъ своими трудами въ „Кіевской Старинѣ“ и издалъ новое собраніе малорусскихъ пословицъ, загадокъ и заговоровъ: „Нова збирка народнихъ малоруськихъ приказокъ, прислів'ївъ, помовокъ, загадокъ и замовлянь“ (Одесса, 1890), гдѣ въ послѣсловіи читатель найдетъ подробный указатель литературы этого предмета, начиная съ 1829 года.

Были сдѣланы попытки изложенія общаго характера и содержанія малорусскаго народнаго міросозерцанія, напр. работы П. И.: „Народныя представленія и вѣрованія, относящіяся къ ви́шньому міру“ (матеріалы для характеристики міросозерцанія крестьянскаго населенія Купянскаго уѣзда Харьк. губ.,—въ „Харьковскомъ Сборникѣ“, вып. 2-й, 1888) и „Народные обычаи, повѣрья, примѣры, пословицы и загадки, относящіяся къ малорусской хатѣ“ (тамъ же, вып. 3-й, 1889); М. К. Васильева, „Антропоморфическія представленія въ вѣрованіяхъ украинскаго народа“ (Этнограф. Обзорѣніе, 1890, кн. IV); статьи Ѳаддея Рыльского: „Къ изученію украинскаго народнаго міровоззрѣнія“ („К. Стар.“ 1888, ноябрь; 1890, сентябрь—ноябрь).

Наконецъ, изслѣдованія по языку. Онѣ не были многочисленны. Кромѣ упомянутыхъ работъ по старой исторіи малорусскаго языка А. Соболевскаго, П. Житецкаго, книжки В. Науменка, назовемъ второе изданіе „Словаря живаго народнаго языка русскихъ южанъ“ Ф. Пискунова (Кіевъ, 1882; разборъ А. Соболевскаго въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, 1883, т. IX); отрывки словаря К. Шейковского¹⁾; опыты изученія мѣстныхъ нарѣчій, какъ напр. замѣтки о русскихъ говорахъ Сѣдлецкой губерніи, свящ. С. Желеховскаго (Р. Филол. Вѣстн. 1884, т. XI); образцы народнаго говора южной части Курской и сѣверной части Харьковской губ., М. Халапскаго (тамъ же, 1882, т. VII). Въ упомянутой статьѣ В. Боржковскаго о лирникахъ сообщены были замѣчанія объ особомъ языкѣ лирниковъ; на томъ же вопросѣ остановился Ѳ. Д. Николайчикъ, въ статьѣ: „Отголосокъ лирническаго языка“ (К. Стар., 1890, апрѣль), гдѣ онъ между прочимъ указывалъ большое совпаденіе лирническаго языка съ языкомъ шаповаловъ Черниговской губерніи. Отметимъ еще В. Долопчева, „Опытъ словаря неправильностей русской разговорной рѣчи, преимущественно въ южной Россіи“ (Р. Филол. Вѣстн. 1886, т. XV).

Въ „К. Старинѣ“ 1864 (мартъ) г. Горленко вспомнилъ „107 лѣтъ южнорусской этнографіи“ по тому случаю, что столько лѣтъ прошло съ изданія

¹⁾ См. также его замѣтки о галицкомъ словарѣ Верхратскаго (Львовъ, 1877) въ „Р. Филол. Вѣстникѣ“, 1880, т. III, также т. IV; 1885, т. XIII.

книжки Григорія Калиновскаго: „Описаніе свадебныхъ украинскихъ просто-народныхъ обрядовъ“, весьма любопытной для того времени. Книжка давно составляеть библиографическую рѣдкость, была поэтому перепечатана въ „Архивъ“ Калачова и недавно снова повторена въ „Харьковскомъ Сборникѣ“ (вып. 3, 1839), гдѣ она умѣстилась на двѣнадцать страницъ ¹⁾.

Собственно, южнорусской этнографіи можно считать больше времени. Не говоря о множествѣ фактовъ этнографическаго интереса, разсыянныхъ безна-мѣренно въ собственной южнорусской литературѣ, въ русскихъ лѣтописяхъ и актахъ, у польскихъ историковъ казацкихъ войнъ, еще съ XVII-го вѣка по-являются, у писателей иностранныхъ, опыты описанія самой страны съ за-мѣтками этнографическаго содержанія. Такова была извѣстная книга Боплана (первое изданіе, Руанъ, 1651); затѣмъ можно назвать рядъ иностранныхъ книгъ и брошюръ, вызванныхъ въ свое время особливо отношеніями южной Россіи и козачества къ Польшѣ, Турціи и татарамъ. Напримѣръ:

— Pierre Chevalier, Histoire de la guerre des Cosaques contre la Pologne. Paris, 1663.

— A Discourse of the original, countrey, manners, government and reli-
gion of the Cossacks, with another of the Precopian Tartars, and the History
of the wars of the Cossacks against Poland. (Изъ Шевалье перевелъ Edw.
Brown). Лонд. 1672.

— Summarisch, doch gründliche Beschreibung des Königreichs Polen. Inson-
derheit Podolien (oder der sogenannten Ukraine) und angränzender Lands-
chaften etc. durch J. H. S. Nürnberg, 1672.

— Joach. Pastorius, Bellum Scythico-Cosacicum и пр. Dantisci, 1652, и еро
же Historiae polonae plenioris partes duae (или Historiae polonae pars prior.
Interserta Cosacorum et Tartaricae simul gentis descriptio, ac multa alia. Ge-
dani, или Dantisci, 1680—85).

— Hauteville, Polnischer Staat... insonderheit aber von dem Zustande des
Landes Ukraine und der Vestung Caminieck Podolsky deutlich gehandelt wird.
Cölln, 1697.

— Lo stato presente di tutti i paesi e popoli del mondo. Vol. VII. Della
Turchia... e de' Cosacchi Zaporowski. Venezia, 1739.

Прибавимъ еще нѣсколько болѣе позднихъ изданій.

— Ausführliche und wahrhafte Schilderung der Saporogen Kosacken vom
Fähnrich von Händlowick, der sich geraume Zeit um die Gegend der Wo-
hnungen dieser Leute aufgehalten hat. Mit dem genauen Portraite eines Befehls-
habers dieser Kosacken. Pappenheim in Franken, 1799.

— J. P. Pöhlmann, Die Kosaken oder historische Darstellung ihrer Sitten,
Gebräuche, Kleidung, Waffen und Art Krieg zu führen. Mit einem illuminirten
Kupfer. Petersb. 1799. Тоже, Wien und Prag, 1812.

— Die Kosaken, wie solche im Jahre 1799 waren, und durch Deutschland
zogen. S. l. et a.

— (Reuschel), Statistisch-psychologischer Schattenriss der ehemaligen Pro-
vinzen Volhynien und der Ukraine. Petersb. 1804.

— The history of the manners and customs of the Cossacks и пр., 3-е изда-
ніе, „with considerable additions“. Лонд. 1813. Всего 20 страницъ; между

---

¹⁾ Отмѣтимъ неаккуратность. Въ предисловіи Н. С. говорится постоянно о вы-
ходѣ книжки въ 1777 г., а въ заглавіи поставленъ 1776.

прочитъ: specimens of their love songs, и пр. Приведено два образчика любовныхъ пѣсень, въ англійскомъ переводѣ.

Упомянемъ еще вкратцѣ объ этнографической литературѣ южно-руссковъ внѣ предѣловъ Россіи ¹⁾. Въ разработкѣ исторіи этого отдѣла южно-русскаго племени, кромѣ названныхъ выше русскихъ ученыхъ, много работали ученые галицкіе, изъ которыхъ давнеею и заслуженною извѣстностью пользуются имена Исидора Шараневича (писавшаго по галицко-русски и по польски), Ант. Петрушевича ²⁾; трудъ Качалы, писанный по-польски, переведенъ былъ на русскій языкъ въ „Кіевской Старинѣ“ ³⁾. По исторіи южно-русской литературы мы указывали выше трудъ Е. Огоновскаго. Въ частности, для обозрѣнія новѣйшей галицко-русской литературы можетъ съ пользою служить весьма обстоятельно составленная „Библіографія“ Левицкаго ⁴⁾; въ законченномъ первомъ томѣ заключаются данныя до 1860 г., за періодъ „до-конституціонный“. Каталогъ расположенъ погодно; для изданій рѣдкихъ и важныхъ приведены подробныя оглавленія; за каталогомъ слѣдуетъ азбучный указатель—по именамъ писателей, по заглавіямъ сочиненій безыменныхъ, наконецъ, по рубрикамъ самыхъ произведеній (напр., грамматика, драмы, „музыкалія“, переводы, пѣсни, повѣсти и т. д.); въ предисловіи сдѣланы подробныя статистическія вычисленія—выведены цифры о числѣ книгъ по юдамъ, по языку, по мѣстамъ печати (въ Галиціи или внѣ ея), по шрифтамъ (кирилловскій, гражданскій, латинскій), по отраслямъ наукъ, по объему книгъ ⁵⁾.

Въ собственно этнографическихъ изученіяхъ самымъ капитальнымъ трудомъ является сборникъ Я. О. Головацкаго: „Народныя

1) См. о литературѣ галицкой и угорской (венгерской) Руси въ „Ист. слав. литер.“, т. I.

2) Изъ сочиненій Петрушевича отмѣтимъ книгу, имѣющую отношеніе къ этнографіи: „Общерусскій дневникъ церковныхъ, народныхъ, семейныхъ праздниковъ и хозяйственныхъ занятій, примѣты, гаданія“. Львовъ, 1865 (104 стр.; изъ „Временника“ Ставропигійскаго института за 1866 г.).

3) О новѣйшей разработкѣ галицкой исторіи см. статьи И. А. Линниченка: „Критическій обзоръ новѣйшей литературы по исторіи Галицкой Руси“, въ Журн. мин. просв., 1891, май и дал.

4) Галицко-русская бібліографія XIX столѣтія съ узглядненіемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886). Составилъ Иванъ-Ем. Левицкій. Львовъ, 1887—1888, 7 вып., составившихъ 1-й томъ, 4°. (См. объ этой книгѣ „В. Евр.“, 1889, октябрь; отзывъ въ „К. Старинѣ“).

5) Тѣмъ же И. Е. Левицкимъ составлена „Галицко-русская бібліографія“ за 1887 и за 1888 годы, — то и другое какъ отдѣльный оттискъ изъ „Литературнаго Сборника“ за 1887—1888 г.

пѣсни Галицкой и Угорской Руси“, печатаніе которыхъ начато было въ „Чтеніяхъ“ Московскаго Общества исторіи и древностей въ 1863 и закончено въ 1878, составивъ три части, въ четырехъ большихъ томахъ, съ этнографической картой и многими объясненіями къ пѣснямъ. Не повторяя того, что было говорено нами въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, упомянемъ только, что въ послѣдніе годы явились новые матеріалы для исторіи старой дѣятельности Головацкаго на родинѣ,—главнымъ образомъ изъ его собственныхъ сообщеній. Его послѣдняя жизнь прошла въ Россіи: онъ состоялъ предсѣдателемъ виленской археографической комиссіи ²⁾.

Для этнографическаго изученія Галицкой и Угорской (Венгерской) Руси, послѣ сборника Головацкаго не было сдѣлано сколько-нибудь значительнаго собранія подобнаго рода; появлялись только небольшіе отдѣльные сборники пѣсенъ и другихъ произведеній народной поэзіи, описанія обычаевъ и т. п., разсѣянные по сборникамъ, журналамъ и газетамъ,—какъ напр., „Временникъ Ставропігійскаго Института“, „Литературный Сборникъ“, издаваемый галицко-русской Матицей подъ ред. Дѣдицкаго, „Правда“, „Зоря“, „Бесѣда“ (приложеніе къ „Страхопуду“), „Миръ“, „Дѣло“, „Слово“, „Школьная Часопись“ и др., гдѣ помѣщались подобныя матеріалы и замѣтки Генрика Полянскаго, Данила Лепкаго, Ореста Авдыковского, Евгенія Фендика, Романа Заклинскаго, Ольги Франко и др.

Замѣчательная, въ галицко-русскихъ условіяхъ, работа сдѣлана была Е. Желеховскимъ по малорусскому словарю. Евгений Желеховскій род. въ 1844, учился въ гимназіи и въ университетѣ въ Березанѣхъ и во Львовѣ, былъ потомъ учителемъ въ Перемишлѣ и, наконецъ, преподавателемъ классической филологіи и русской словесности въ Станиславовѣ. Еще на школьной скамьѣ онъ былъ въ числѣ основателей товарищества „Просвѣта“, въ которомъ послѣ былъ ревност-

¹⁾ Исторія слав. литературы, 2-е изд., т. I; ср. выше, глава IV и VIII.

²⁾ Біографическія свѣдѣнія о Головацкомъ (1814—1888) см. въ некрологѣ, Журн. мин. просв. 1888, № 6; біографія и портретъ въ „Нивѣ“ 1888, № 39; біографическій очеркъ, О. Истомина, въ „Извѣстіяхъ Сиб. слав. благотворит. Общества“, 1888, № 4—5; см. также „Историч. Вѣстникъ“, 1888, № 7; „Правосл. Обзорѣніе“, 1888, № 5—6.

Сочиненія его молодыхъ лѣтъ были переизданы, вмѣстѣ съ сочиненіями его современниковъ и друзей Маркіана Шашкевича и Вагилевича, въ „Русской Библіотекѣ“, И. Онышкевича (Львовъ, 1884), гдѣ сообщено много важныхъ бібліографическихъ указаній, между прочимъ объ его анонимныхъ нѣмецкихъ брошюрахъ въ защиту галицко-русской народности. Затѣмъ, выше упомянуты отрывки изъ его воспоминаній въ „Литературномъ Сборникѣ“ Богдана Дѣдицкаго, 1885; въ томъ же сборникѣ, за 1886—продолженіе воспоминаній, о путешествіяхъ Головацкаго въ Прикарпатской Руси и въ Венгріи, стр. 88—100.

нымъ дѣятелемъ въ Станиславовѣ. Это былъ горячій патріотъ, неустанно работавшій на пользу народнаго образованія.

„Не було руско-народного товариства, — говорить одинъ изъ его біографовъ, — которогобъ не бувъ основателемъ, дѣйственнымъ або хочъ спомагающимъ членомъ, не було часописи и якого нибудь видавництва въ щиро рускою тенденцію, которѣбъ не числили его мѣжъ своими постѣйными вѣдбирателями и предплатниками. Горячій патріотизмъ, правѣсть характеру, тверда вѣра въ красшу будучиѣсть народу руско-украиньского, незвычайно вытревала праця въ посвяченемъ личныхъ взглядовъ и выгѣдъ знаменували кождый его подвигъ. Справою руско-украиньскою вѣнъ живѣ и дыхавъ... Нѣ одно літературне або и політичне издавництво, почавши вѣдъ „Правды“ въ 70-тыхъ рокахъ, не лишило безъ его помочи и цѣнной рады...

„Въ цѣлой Станиславовщинѣ мавъ покойникъ велике поважане у всѣхъ, котріи его знали; народъ любивъ его мовъ рѣдного батька. Не було днини, въ котрій бы селяне не вѣдвѣдували свого найщиршого друга, що приймавъ ихъ въ отвертими раменами, запомагаючи ихъ цѣнными радами, книжками, та захоочуючи ихъ до закладаня читалень, брацтвѣ тверезости, шпихлѣровъ, крамницъ и т. п. Но не тільки селяне его вѣдвѣдували: вѣнъ такожъ вразѣ въ иншими выбиравъ ся въ гостѣ до нихъ, уряджуючи по селамъ або такожъ и въ Станиславовѣ дуже займаючи выклады, въ котрыхъ дотычні науки яко прибраніи въ незвычайно примануючу и легку форму лишались на довго въ памяти цѣкавыхъ слухачѣвъ; згаданіи выклады стягали сотки охочихъ науки — а покойникъ несучи свѣтло науки мѣжъ меншихъ неврячихъ братѣвъ чувъ ся найпачасливѣйшій и справдѣ раювавъ. Та не лише мѣжъ селянами мавъ вѣнъ такъ велике значѣне и повагу: вся интелігентна верства рускои суспѣльности въ Станиславовщинѣ вважала его своимъ проводникомъ, на котре то почестне мѣсце завели его незвычайна приступивѣсть для кождого, невымушена щирѣсть и сердечность, ангельска доброта сердца, правый характеръ и взорцевый та мовъ кришталъ чистый патріотизмъ“.

Это былъ такимъ образомъ „народникъ“ въ полномъ смыслѣ слова, человекъ просвѣщенный, ревностно работавшій для народа и непосредственно ему извѣстный и близкій. Еще въ молодые годы желаніе познакомиться съ народною словесностью побудило его записывать народныя пѣсни и рассказы, и отсюда же возникла мысль предпринять его важнѣйшій трудъ, Словарь. Желеховскій умеръ въ 1885 году, и его похороны собрали массы людей изъ всѣхъ слоевъ народа.

Главнымъ трудомъ его былъ малорусско-нѣмецкій словарь ¹⁾. Онъ началъ выходить выпусками съ 1882 года и остался неконченнымъ; по смерти Желеховскаго довершеніе словаря взялъ на себя, по высказанному имъ желанію, одинъ изъ его друзей, Софронъ Недѣльскій (Недильскій): матеріалъ, далеко не вполнѣ подготовленный, былъ дополненъ Недѣльскимъ по книжнымъ источникамъ, а именно по тру-

¹⁾ Малорусско-нѣмецкій Словарь, уложивъ Евгеній Желеховскій. Два тома. Львовъ, 1886; VIII и 1117 стр.

дамъ Закревскаго, Пискунова, Верхратскаго, Магуры ¹⁾ и (буква *т*) Шейковского ²⁾.

Главнѣйшій авторитетъ по малорусскому языку и словесности есть въ Галиціи Ем. Огоновскій, многократно нами упомянутый какъ авторъ „Studien“ и исторіи русской (южно-русской) словесности.

Докторъ Емельянъ (Омелянъ, Emil) Огоновскій есть одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ дѣятелей галицко-русской литературы. Онъ происходитъ, какъ многіе изъ этихъ дѣятелей, изъ семьи сельскаго священника (род. 1833), прошелъ низшую школу и гимназію въ Бережанахъ и во Львовѣ и окончивъ, въ 1857, теологическій курсъ, въ 1858 посвятился въ духовное званіе, былъ помощникомъ катехизатора во львовской гимназіи и преподавателемъ классической филологіи, и получивъ въ 1865 степень доктора по классической филологіи, русскому и польскому языку, вступилъ во львовскій университетъ, по нашему, адъюнктомъ, а съ 1870 профессоромъ. Свое литературное поприще онъ началъ, съ 1860 года, стихотвореніями, повѣстями, драмами (еще въ 1885 онъ написалъ для народнаго русскаго театра трагедію „Гальшка Острожска“, которая и дава была съ большимъ успѣхомъ), но затѣмъ отдался почти исключительно трудамъ по языку и исторіи литературы, въ ученomъ и учебномъ направленіи. Главные труды его были нами цитированы выше. По исторіи новѣйшей литературы укажемъ еще его книжки: „Маркіянъ Шашкевичъ. Про его жите и письма... читанка для селянъ и мѣщанъ“ (Львовъ, 1886); „Критично-эстетичный поглядъ“—на разныя произведенія Шевченка, и др. Его точка зрѣнія на исторію и современное положеніе южной Руси была нами отмѣчена по поводу его исторіи литературы и книги о языкѣ: это—крайне исключительный взглядъ галицкаго патріотизма, противопоставляющій „Русь“ и „москалей“ и къ послѣднимъ весьма неблагоприятный. Такой взглядъ онъ внушаетъ читателямъ даже въ популярныхъ книжкахъ, какъ напр. въ названной біографіи Шашкевича. Объ этой крайности мы пожалѣли бы тѣмъ болѣе, что русская жизнь бытовая и литературная въ Галиціи очень мало извѣстны ³⁾. Само собою разумѣется, что это—не личная точка зрѣнія, а взглядъ цѣлой доли галицкаго общества, созданный многоразличными условіями мѣстныхъ отношеній.—Упомянемъ еще, что Огоновскому принадлежитъ статья: Kleinrussen (ethnographisch, ge-

¹⁾ Въ „Галичанинѣ“, I.

²⁾ О Желеховскомъ см. некролога въ галицкихъ изданіяхъ, и „Кіев. Старину“ 1885, мартъ, стр. 594; также „Иллюстрированный Календаръ“ товарищества „Просвѣта“ на 1886 г.

³⁾ Біографическія свѣдѣнія въ „Иллюстрированомъ Календарѣ“ товарищества „Просвѣта“ за 1886 г. (Львовъ, 1885, стр. 47—51).

schichtlich und literarhistorisch), въ извѣстной энциклопедіи Эрша и Грубера.

По описанію старыхъ памятниковъ галицко-русской письменности, въ связи съ вопросами о языкѣ и народной жизни, упомянемъ труды Я. Головацкаго, А. Петрушевича, Ис. Шараневича, и въ новѣйшее время профессора славянской филологіи въ Черновцахъ, Е. І. Калужняцкаго ¹⁾; далѣе, трудъ В. В. Макушева: „Южно-русскія сказанія по рукописи бібліотеки Оссолинскихъ въ Львовѣ“ (Журн. мин. просв. 1881, № 9), и тѣ же сказанія изданы были потомъ въ Галиціи д-ромъ Ом. Калитовскимъ, въ книжкѣ: „Матеріалы до рускои литературы апокрифичной“ (Львовъ, 1884; „библіотека Зорѣ“).

Нѣсколько работъ по малорусскому языку появилось въ послѣдніе годы въ „Архивѣ“ Ягича. Таковы изслѣдованія Клем. Ганкевича ²⁾, Ст. Смаля-Стоцкаго ³⁾ и рано умершаго талантливаго польскаго филолога Яна Гануша ⁴⁾.

Для Руси Угорской лучшій этнографическій трудъ представляетъ книга Гр. А. Де-Воллана: „Угро-русскія народныя пѣсни“ (Спб. 1885, изъ XIII-го тома Записокъ Геогр. Общества по отдѣленію этнографіи). Составитель книги былъ самъ на мѣстахъ и получилъ отъ нѣсколькихъ мѣстныхъ собирателей довольно обширный матеріалъ, который изданъ имъ съ объяснительными свѣдѣніями; Ѳ. М. Истомина, подъ редакціею котораго печатался сборникъ г. Де-Воллана, присоединилъ также указаніе того, что имѣется въ нашей литературѣ о русскихъ въ Венгріи ⁵⁾.

Къ тому, что было приведено мною въ другомъ мѣстѣ ⁶⁾, можно указать еще лишь немногое въ нашей литературѣ,—напр., изслѣдованіе А. Г. Семеновича: „объ особенностяхъ угро-русскаго говора“ ⁷⁾;

¹⁾ Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ бібліотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ, 1877. (Краткій разборъ въ „Архивѣ“ Ягича, III, стр. 180—181).

— Его же: „О распространеніи и современномъ значеніи славянскаго крачунъ-корчунъ“; „Къ исторіи странствованій Сна Богородицы“, въ томъ же „Архивѣ“, т. XI.

²⁾ Разборъ грамматики Осадцы, переизданной Онуфріемъ Ленкинымъ и И. Онышкеничемъ, въ „Архивѣ“ Ягича, т. III; „Къ ученію о малор. удареніи“, тамъ же, т. II, и Ein Beitrag zur Volksetymologie im Kleinaruss., тамъ же, т. XI.

³⁾ Ueber die Wirkung der Analogie in der Declination des Kleinarussischen, въ „Архивѣ“, т. VIII—IX.

⁴⁾ Объ удареніи существительныхъ въ малорусскомъ языкѣ, въ „Архивѣ“, т. VII.

⁵⁾ О книгѣ Де-Воллана см. замѣчанія В. Горленка въ „К. Старинѣ“, 1886, январь.

⁶⁾ Исторія слав. литературы, т. I.

⁷⁾ Въ „Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію“, Спб. 1883.

ографическихъ сочиненій о
му, Кайндлю, Монастыр-
ской семинаріи во Львовѣ,
уездъ галицка, буковинска
ического и административ-
ическія и этнографическія,
освященіи, причѣмъ пере-
ующія для этой послѣдней
съ Буковиною, считаютъ
16). Въ концѣ приведена ли-
ать, подѣ заглавіемъ: „Der
или: zur Kunde) der Bukowina“,
орыхъ одно, составленное вмѣстѣ
ѣть ближайшее отношеніе къ
исаніе быта и народныхъ вѣро-

eschichte der Stadt Czernowitz und ihrer
торія доведена до конца XVIII столѣтія).
гг. 1888 (до основанія княжества Мол-
ва).

ина. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и
женіе этихъ сочиненій.

ихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской
ица Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ
Völkerguppen der Bukowina“, 1884, и „Volksagen
орыхъ мы не имѣли подѣ руками.

ихъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго
Старинѣ“ 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также
вины во львовской газетѣ „Народъ“, 1890, издавае-
Франкомъ, и пр.

В. Терлецкаго, „Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи“ (Кіевъ); „Угорская Русь“, Ир. Пол—на, въ „Извѣстіяхъ Спб. славянскаго благотвор. общества“ (1888, № 10) и др. Въ „К. Старинѣ“ (1887, ноябрь) напечатана была, какъ неизданная, статья Дешка объ Угорской Руси; но на дѣлѣ она явилась еще въ 1850 г., въ „Кіевлянинѣ“, затѣмъ въ 1855 перепечатана во „Львовской Семейной Библіотекѣ“ Северина-Шеховича, гдѣ прибавлены къ ней примѣчанія Дениса Зубрицкаго.

Изъ трудовъ галицко-русскихъ укажемъ статью: „Угорщина“ въ газетѣ „Батьківщина“ (1886); книжку: „Угорська Русь, ея розвій и теперѣшній станъ“, Василя Лукича (Львовъ, 1887; 30 стр.). Нѣсколько пѣсенъ и этнографическихъ замѣтокъ разбѣяно въ галицко-русскихъ (названныхъ выше) и венгерско-русскихъ изданіяхъ; изъ послѣднихъ отиѣтимъ духовно-литературный „Листокъ“, издаваемый въ Унгварѣ, Евгеніемъ Фенцикомъ, гдѣ между прочимъ М. А. Вр—ль сообщилъ, въ 1888, нѣсколько народныхъ пѣсенъ; сообщенія того же Фенцика (въ „Словѣ“), Данила Лепкаго и др. ¹⁾.

Немногочисленны также свѣдѣнія о русскихъ въ Буковинѣ. Народнический центръ составляютъ здѣсь Черновцы, съ университетомъ, основаннымъ въ 1875, къ которому примкнулъ немногочисленный кружокъ патріотической молодежи (студенческое общество „Союзъ“), ставящій себѣ цѣлью поддержаніе любви къ своей народности и служеніе своему народу: задача тѣмъ болѣе трудная, что въ Буковинѣ русскіе не имѣютъ своей средней школы, а есть только румынская и нѣмецкая, и русской народности приходится бороться за свое существованіе на двѣ стороны. Буковинскія силы присоединяются конечно къ галицко-русскимъ, и отсюда вышли два извѣстные писатели—Федьковичъ и Данило Млака (Исидоръ Воробкевичъ). Въ Буковинѣ издаются двѣ русскія газеты: „Буковина“ и „Русская Правда“, но патріоты скорбятъ, что и эти два изданія не могутъ жить въ мирѣ и согласно работать для народнаго дѣла, интересъ къ которому только-что зарождается. Собственно для Буковины главный этнографическій трудъ представляетъ упомянутый выше пѣсенный сборникъ Купчанки. Изъ цитатъ узнаемъ о сочиненіи его же: *Die Haidamachen* ²⁾.

¹⁾ Нѣкоторыя свѣдѣнія о русскихъ въ Венгріи, напр., о внѣшнихъ отношеніяхъ племени, его численности и т. п., находятся въ нѣмецко-венгерскихъ сочиненіяхъ о Венгріи, и въ путешествіяхъ. Въ „*Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn* (Budapest, 1888) мы встрѣтили пѣсни, сообщенныя Алекс. Павловичемъ, съ нѣмецкимъ переводомъ.

²⁾ Czernowitz, 1886. Намъ встрѣтилось также упоминаніе о конфискованной брошюрѣ: *Die Schicksale der Ruthenen* (von Gregor Kurczanko. Leipz. 1887).

Нѣсколько описательныхъ, историко-географическихъ сочиненій о Буковинѣ принадлежитъ Роману Заклинскому, Кайндлю, Монастырскому и др. Первый, преподаватель въ учительской семинаріи во Львовѣ, издалъ „Географію Руси“ (Часть перша: Русь галицка, буковиньска и угорска. Львовъ, 1887), гдѣ кромѣ физическаго и административнаго описанія приведены данныя историческія и этнографическія, свѣдѣнія объ экономической жизни и просвѣщеніи, причѣмъ перечислены учрежденія и общества, существующія для этой послѣдней цѣли (между прочимъ, въ Галиціи, вмѣстѣ съ Буковиною, считаютъ болѣе 600 народныхъ читаленъ; стр. 116). Въ концѣ приведена литература предмета. Кайндль предпринялъ, подъ заглавіемъ: „Der Buchenwald, Beiträge zur Geschichte (или: zur Kunde) der Bukowina“, рядъ небольшихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, составленное вмѣстѣ съ Александромъ Монастырскимъ, имѣетъ ближайшее отношеніе къ этнографіи, а именно заключаетъ описаніе быта и народныхъ вѣрованій на сѣверѣ Буковины.

Raimond Friedrich Kaindl, Zur Geschichte der Stadt Czernowitz und ihrer Umgegend. Czern. 1888 (брошюра; исторія доведена до конца XVIII столѣтія).

— Geschichte der Bukowina. Czern. 1888 (до основанія княжества Молдавіи въ половинѣ XIV в., брошюра).

— Die Rutenen in der Bukowina. Czern. 1889 — 1890, два выпуска (88 и 98 стр.). Должно быть еще продолженіе этихъ сочиненій.

Назовемъ еще рядъ небольшихъ сочиненій по исторіи Буковины, русской и румынской, Іог. Полека, Франца Адольфа Викенгаузера; Лудвигъ Адольфъ Симигиновичъ издалъ: „Die Völkergruppen der Bukowina“, 1884, и „Volkssagen aus der Bukowina“, 1885, которыхъ мы не имѣли подъ руками.

О литературныхъ опытахъ въ Буковинѣ см., по поводу „Буковинскаго альманаха“, 1885, въ „К. Старинѣ“ 1886, августъ, стр. 735 — 738. См. также корреспонденціи изъ Буковины во львовской газетѣ „Народъ“, 1890, издаваемой М. Павликомъ и Ив. Франкомъ, и пр.

ДОПОЛНЕНІЯ.

Томъ II, глава V (стр. 142). Въ 1891 г. Тихонравовъ издалъ въ „Этнографическомъ Обзорѣніи“ (кн. VIII и отдѣльно): „Пять былинъ по рукописямъ XVIII вѣка“, съ историко-литературными объясненіями.

(Стр. 147). Мы говорили выше (т. II, стр. 422) о томъ интересѣ, какой представляетъ въ развитіи науки ходъ личнаго развитія ея дѣятелей, особливо тѣхъ, чьи труды были наиболѣе вліятельны. Подобныя свѣдѣнія (за которыми мы обращались къ самымъ лицамъ) могутъ быть особенно поучительны въ исторіи науки, какъ наша этнографія, которая еще не можетъ считаться установившейся и продолжаетъ складываться, искать своихъ путей и въ собираніи матеріала, и въ его истолкованіи. Намъ пріятно было получить свѣдѣнія этого рода отъ А. А. Потебни, которыми не могли воспользоваться равнѣ, при печатаніи II-го тома. Приводимъ здѣсь данныя изъ его письма, принося ему искренною признательность за его сообщеніе. Читатель, безъ сомнѣнія, оцѣнитъ интересъ приводимыхъ данныхъ, указывающихъ пути, какими двигалась наша наука въ этой новой области.

„Родился я въ Ромеискомъ у. Полтавской губерніи, дворянинъ. Учился сначала въ Радомской гимназіи (въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ), гдѣ мой дядя по матери былъ учителемъ. Въ 1871 г., несполна 16-ти лѣтъ, поступилъ въ Харьковскій университетъ (потому что въ немъ въ 20-хъ, 30-хъ годахъ кончило курсъ трое моихъ дядей по матери), на юридическій факультетъ.

„Однокашники познакомили меня съ Мих. Вас. Нѣговскимъ, тогда медикомъ 5-го курса, любителемъ и умѣлымъ собирателемъ малорусскихъ народныхъ пѣсень. Нѣкоторые думы, записанныя имъ, напечатаны у Антоновича и Драгоманова; но, кажется, большая часть его

собранія, сколько помню, по виду очень объемистаго, затеряна. Въ завѣдованіи Нѣговскаго была небольшая бібліотека, состоявшая изъ сочиненій на малорусскомъ языкѣ и относящихся до Малороссіи. Этою бібліотечкою я пользовался, что не осталось безъ вліянія на позднѣйшія мои занятія.

„Въ слѣдующемъ году, отчасти по совѣту Нѣговскаго, я перешелъ на историко-филологическій факультетъ и тогда же поступилъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ. Окончилъ въ 1856 кандидатомъ и утвержденъ въ этой степени по представленіи диссертациі: „*Первыя юды войны Хмельницкаго*“ (по Пасторію „*Bellum scythico-cosacicum*“, по Величку и народнымъ пѣснямъ). Сочиненіе это не напечатано. Какъ казеннокоштный и за неимѣніемъ незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, былъ назначенъ комнатнымъ надзирателемъ въ 1-ую харьковскую гимназію. Черезъ полгода я получилъ возможность замѣстить себя на службѣ другимъ, отказавшись отъ жалованья (по нынѣшнему ничтожнаго: 223 р. съ коп.) и, по совѣту П. А. Лавровскаго, сталъ готовиться къ магистерскому экзамену по славянской филологіи. До этого я не думалъ ни о систематическихъ занятіяхъ, ни о профессурѣ. Выдержавъ этотъ экзаменъ благодаря снисходительности П. А. и Н. А. Лавровскихъ, я оставленъ при университетѣ. Первые мои печатныя сочиненія: „О нѣкоторыхъ символахъ въ славянской народной поэзіи“ и „Мысль и языкъ“. Это было, какъ извѣстно, время, когда, послѣ долгаго перерыва, стали заботиться о пополненіи университетовъ новыми преподавательскими силами. Я былъ въ числѣ первыхъ, отправленныхъ изъ Харьковского университета за границу въ 1862 г. Воротился черезъ годъ, затѣмъ до защиты докторской диссертациі: „Изъ записокъ по русской грамматикѣ, I и II“, въ 1874 г., былъ доцентомъ, потомъ э.-орд. и орд. профессоромъ по кафедрѣ русскаго языка и словесности.

„Мнѣ кажется, я вижу помочи, на которыхъ вела меня судьба. Нѣкоторая наклонность къ вопросамъ, не имѣющимъ непосредственнаго такъ-наз. житейскаго значенія (каковъ исчерпывающій все языковѣдѣніе вопросъ объ отношеніи мысли къ слову), не объясняется школою. Эту школу проходили со мною многіе, иные гораздо лучше меня подготовленные къ занятіямъ филологіей. Таковы были (въ университетѣ) ученики Полтавской гимназіи, гдѣ въ то время и позже былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ Полевичъ (полякъ; его ученикъ между прочимъ—А. Котляревскій). Таковы же были и мои однокурсники, ученики Курской гимназіи. Я нахожу сходство между собою и нѣкоторыми давноумершими родственниками по отцу, получившими (по старинному) буквально-грошовое образованіе (за выучку у дѣдка — коня грошей и горшковъ каши). Тетка моя по

Четымъ-Минеймъ рѣшала философскіе вопросы, а дядя, рано убитый на Кавказѣ, какъ мнѣ говорили, занимался арабскимъ, персидскимъ и зналъ нѣсколько горскихъ нарѣчій.

„Въ Радомской гимназій, сколько помню, учили сносно только латинскому языку; остальное было ниже посредственности. Если въ послѣдствіи меня не пугала грамматика, то это, я думаю, потому, что смолоду не зналъ *никакихъ* грамматическихъ учебниковъ. Тамъ я выучился польскому (на этомъ языкѣ преподавалось большинство предметовъ; русскихъ въ гимназій было всего нѣсколько) и въ семьѣ дяди — нѣмецкому. Тамъ же приобрѣлъ охоту къ легкому чтенію. Объ университетѣ могу сказать, что въ общемъ онъ давалъ болѣе, чѣмъ можно бы ожидать, разсматривая порознь преподавательскія силы. Бываетъ и иначе, когда много дается и мало получается. Тогда многое бралось съ вѣтру. Напр. въ преподаваніи—полное отсутствіе философіи. Логiku и психологію читалъ профессоръ богословія, св. П. И. Лебедевъ. Записокъ всего нѣсколько листовъ. Однако первыя, буквально повторявшіяся изъ году въ годъ строки вступительной лекціи всеобщей исторіи Рославскаго-Петровскаго („М. Г. Истина состоитъ въ согласіи нашихъ представленій съ дѣйствительнымъ бытіемъ вещей; но, обуреваемый страстями, ограниченный вліяніемъ матеріи, человѣкъ“ и пр.) возбуждали движеніе мысли, какъ теперь вижу, довольно самостоятельное, потому что о Кантѣ и т. п. тогда ни я, ни мои товарищи не слыхали. Два изъ трехъ преподавателей классической филологіи были люди со свѣдѣніями; А. О. Валицкій считался даже очень хорошимъ преподавателемъ; однако вѣрно, что въ мое время по-латыни, по-гречески въ университетѣ словесники забывали, чтó знали, а знали, какъ я сказалъ, полтавскіе и курскіе гимназисты достаточно (семинаристовъ въ числѣ моихъ 9-ти товарищей не было). Древности и исторія литературы греческой и римской состояли изъ негодной библіографіи и номенклатуры. Русскую грамматику читалъ по грамматикѣ Давыдова А. Л. Метлинскій, украинофилъ (тогда еще этого термина не было) и добрый человѣкъ, но слабый профессоръ. Его сборникъ „Южнор. нар. пѣсень“ былъ первою книгой, по которой я учился присматриваться къ явленіямъ языка Позднѣ Н. А. Лавровскій, перешедшій съ кафедръ педагогики на кафедру русской словесности, указалъ на „Мысли объ исторіи русскаго языка“, Срезневскаго. П. А. Лавровскій на первыхъ порахъ читалъ по запискамъ, составленнымъ по лекціямъ и указаніямъ Срезневскаго. Фонетика славянскихъ нарѣчій была тогда у насъ новостью, для большинства страшною. Студенты другихъ факультетовъ совсѣмъ понапрасну прозывали словесниковъ юсами и буквѣдами: юсовъ словесники обыкновенно не одолѣвали и сами чувствовали къ нимъ не

меньше отвращенія, чѣмъ нынѣшняя молодежь къ греческой и латинской грамматикѣ. Русская исторія читалась хорошо. А. П. Зернинъ говорилъ растянута, некрасиво, но дѣльно и свободно не по тетрадѣ и не выучивая дома наизусть, какъ дѣлали нѣкоторые другіе. Составленіе за нимъ записокъ было мнѣ полезно во многихъ отношеніяхъ. Я черезъ П. Лавровскаго познакомился съ грамматикой Миклошича, трудами Караджича. Изъ другихъ книгъ, имѣвшихъ на меня вліяніе, укажу Костомарова: „Объ историческомъ значеніи русской народной поэзіи“, сочиненіе, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мнѣ не нравилось, и статью Буслаева: „Объ эпической поэзіи“. Затѣмъ, къ сожалѣнію, ничѣмъ совѣтами я не пользовался и работалъ, какъ и теперь, вполнѣ уединенно. Благодаря П. Лавровскому, я сталъ заниматься славянскимъ языкознаніемъ и оставленъ при университетѣ; но послѣдователемъ его я себя не считаю. Большіе пробѣлы школьнаго образованія я замѣтилъ въ себѣ слишкомъ поздно, когда садиться за указку было уже неудобно. Въ Берлинѣ я лекцій не слушалъ (находилъ, что не стоитъ), а школьнымъ образомъ учился сапскриту у Вебера: дома тщательно готовился, а въ аудиторіи, съ глазу на глазъ, сдавалъ урокъ; характерно, что, сидя одинъ-на-одинъ семестръ по 4 или 5 часовъ въ недѣлю, мы не сказали другъ другу ни одного слова, не относящагося къ уроку (А. Губернатистъ тогда слушалъ у Вебера болѣе элементарный курсъ, гдѣ слушателей бывало 5—10). Это могло бы имѣть рѣшительное вліяніе на мои позднѣйшія занятія, если бы продолжалось не семестръ, а 2—3 года; но время тогда было мало располагавшее къ такимъ занятіямъ; стала одолевать тоска и я черезъ годъ самовольно вернулся въ Россію.

„О настоящихъ и будущихъ своихъ работахъ могу сказать только, что работать становится труднѣе, и я не знаю, удастся ли выпустить въ свѣтъ то, что накопилось за 20 и болѣе лѣтъ. Наиболѣе интересуютъ меня вопросы языкознанія, понимаемаго въ Гумбольдтовскомъ смыслѣ: „поэзія и проза“ (поэтическое и научное мышленіе) „суть явленія языка“. Въ послѣдніе годы я читалъ нѣсколько разъ курсъ теоріи словесности, построенный на этомъ положеніи. На очереди у меня грамматическая работа, связанная съ этимъ курсомъ, носящая два заглавія—для публики: „объ измѣненіи значенія и замѣнахъ существительныхъ“, для меня: „объ устраненіи въ мышленіи субстанцій, ставшихъ мнимыми“ или „о борьбѣ мионического мышленія съ относительно-научнымъ въ области грамматическихъ категорій“ (по даннымъ преимущественно русскаго языка). Въ основаніи лежитъ мысль, впрочемъ не новая, что философскія обобщенія такихъ-то по имени ученыхъ основаны на философской работѣ безыменныхъ мыслителей, совершающейся въ языкѣ, что напр. матема-

тика, оперирующая съ отвлеченнымъ числомъ, отвлеченной величиною, возможна лишь тогда, когда языкъ перестаетъ ежеминутно навязывать мысль о субстанціальности, вещественности числа, а въ противномъ случаѣ величайшій математикъ и философъ, какъ Пифагоръ, долженъ будетъ остаться на этой субстанціальности.

„Изъ того, что мнѣ приходилось говорить о народности, заимствованіи и т. п., въ печать попадали только строки, напр. въ разборѣ „Пѣсенъ Головацкаго“.

(Стр. 153). О трудахъ А. А. Потебни, по случаю 30-лѣтія его ученой дѣятельности, см. въ „Кіевской Старинѣ“, 1887, кн. 6—7, стр. 567.

Глава VIII (стр. 227). Біографіи и обзору ученыхъ трудовъ Порфирьева (1823—1890) посвящена книжка П. Знаменскаго: „Иванъ Яковлевичъ Порфирьевъ. Біографическій очеркъ и рѣчи при погребеніи“, Казань, 1891 (изъ „Православнаго Собесѣдника“ за 1890).

Глава IX (стр. 295). Изслѣдованію Мочульскаго о Голубиной книгѣ посвященъ подробный разборъ, составленный Порфирьевымъ—въ Отчетѣ объ уваровскихъ наградахъ, 1890.

Изъ новыхъ сочиненій въ этой области упомянемъ книгу А. Карнѣева: „Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога“ (Спб. 1890, въ изданіяхъ Имп. Общества любителей древней письменности), обширное и внимательное изученіе происхожденія и дальнейшей судьбы средневѣковаго „Физіолога“, по отношенію къ славянскому тексту, который изданъ здѣсь въ подробномъ сличеніи съ его греческимъ подлинникомъ и другими текстами.

Өед. Дм. Батюшковъ издаетъ, въ Журн. мин. нар. просв. 1890—1891, свое обширное изслѣдованіе: „Сказаніе о спорѣ души съ тѣломъ въ средневѣковой литературѣ“—въ связи съ славянскими и русскими преданіями.

Л. Шепелевичъ издалъ начало своего изслѣдованія: Этюды о Дантѣ. I. Апокрифическое „Видѣніе св. Павла“ (Часть I. Харьковъ, 1891), также въ связи съ памятниками славяно-русской письменности и отголосками ихъ въ народно-поэтическомъ преданіи.

Укажемъ еще труды Андрея Ив. Пономарева, профессора Спб. духовной академіи, которые касаются также народной стороны старой письменности:

— Собесѣдованія св. Григорія Великаго о загробной жизни въ ихъ церковномъ и историко-литературномъ значеніи. Опытъ изслѣдованія памятниковъ христіанской агіологіи и эсхатологіи. Спб. 1886.

— Славяно русскій Прологъ въ его церковно-просвѣтительномъ и народно-литературномъ значеніи. Рѣчь на актѣ Спб. духовной академіи 19-го февраля 1890. Спб. 1890, и др.

Въ Нео-филологическомъ Обществѣ при Спб. университетѣ были имѣ читаны рефераты по сравнительному изученію народно-поэтическихъ преданій.

Глава XI. Относительно изображеній народа въ литературѣ см., кромѣ „Сочиненій“ (Спб. 1890, два тома), вышедшую недавно новую книгу г. Скабичевского: „Исторія новѣйшей русской литературы (1848—1890)“. Спб. 1891, гдѣ разсѣяно объ этомъ много любопытныхъ и полезныхъ замѣчаній.

Томъ III, глава IV (стр. 138). Въ польскомъ журналѣ „Wista“, посвященномъ этнографіи, 1888, іюль—сентябрь (стр. 653—662), помѣщена краткая біографія Жеготы Паули (съ портретомъ), г. Карловича, гдѣ, между прочимъ, опровергается обвиненіе въ плагиатѣ, выставленное Головацкимъ.

Глава XI (стр. 344). О Н. В. Закревскомъ намъ доставлены были слѣдующія свѣдѣнія изъ дѣлъ Ревельской нѣмецкой (alias губернской) гимназіи.

Закревскій родился въ 1805 г. въ Кіевѣ, посѣщалъ тамошній (?) лицей, потомъ учился въ Харьковскомъ университетѣ и кончилъ въ немъ курсъ со степенью дѣйствительнаго студента. Затѣмъ, въ 1829—31, онъ изучалъ въ Дерптѣ юриспруденцію, 1 янв. 1834 г. опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Ревельскую гимназію; въ сентябрѣ 1847, уволенъ отъ службы съ чиномъ надворнаго совѣтника и проживалъ послѣ то въ Ревелѣ, гдѣ женился на нѣмкѣ, то въ „Россіи“.

(Стр. 366). Во львовской газетѣ „Народъ“ (1890, № 2—3, стр. 30—32) читаемъ о новомъ сочиненіи г. Драгоманова: „Австро-руські спомини (1867—1877)“, части 1—2. Львовъ, 1889, представляющемъ много автобіографическаго.

Глава XII (стр. 393). Относительно вопроса о смѣнѣ народностей въ южной Россіи укажемъ еще брошюру Влаха: *Die ethnographischen Verhältnisse Südrusslands in ihren Hauptepochen von den ältesten Zeiten bis auf das erste Erscheinen der Slaven. Eine historisch-ethnographische Studie von Dr. Jar. Vlach. Вѣна, s. a.*